

ПАМЯТНИКИ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ
СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ЭВЕНЫ

А.А. БУРЫКИН · С.И. ШАРИНА

ЭВЕНСКИЙ ЯЗЫК

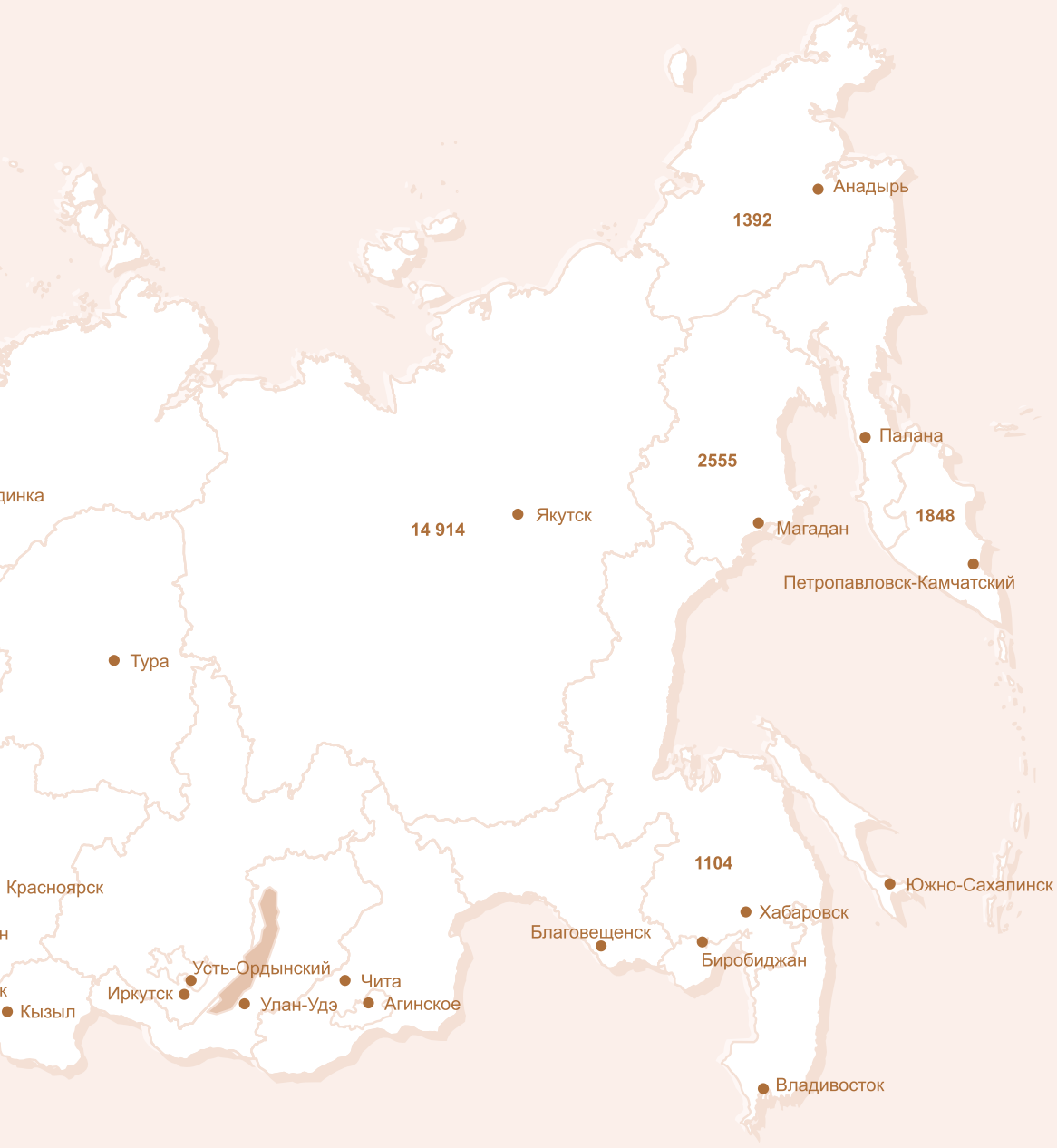
ФОНЕТИКА
ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ
МОРФОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАУКА
1727

Численность эвенов на территории РФ

по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.

Анадырь
1392
Палана
2555
динка
Якутск
14 914
Магадан
1848
Петропавловск-Камчатский
Тура
1104
Красноярск
Южно-Сахалинск
Хабаровск
Благовещенск
Биробиджан
Усть-Ордынский
Чита
Иркутск
Улан-Удэ
Агинское
Кызыл
Владивосток

ПАМЯТНИКИ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Серия основана в 2004 г.

Автор проекта серии В.А. Роббек

Т. 43

ГЛАВНАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

А.К. Акимов (главный редактор), *А.В. Мигалкин* (зам. главного редактора), *А.А. Петров* (зам. главного редактора), *А.В. Кривошапкин*, *Л.И. Винокурова* (ответственный секретарь)

АССОЦИАЦИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА
РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. А.И. ГЕРЦЕНА
ИНСТИТУТ НАРОДОВ СЕВЕРА

ЭВЕНЫ

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
2021

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

А.А. БУРЫКИН • С.И. ШАРИНА

ЭВЕНСКИЙ ЯЗЫК

ФОНЕТИКА
ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ
МОРФОЛОГИЯ

Ответственный редактор
кандидат филологических наук *В.Г. Белолюбская*

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
2021

УДК 81
ББК 81.2
Б90

Рецензенты
доктор филологических наук *С.А. Мызников*
доктор филологических наук *Н.И. Данилова*
кандидат филологических наук *Р.П. Кузьмина*

Утверждено к печати Ученым советом
Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства по развитию Арктики и делам народов Севера Республики Саха (Якутия),
АК «АЛРОСА» (ПАО) и Фонда экологической безопасности Дальнего Востока

Бурыкин А.А., Шарина С.И. Эвенский язык: Фонетика. Графика и
Б90 орфография. Морфология / А.А. Бурыкин, С.И. Шарина. — Новосибирск: Наука, 2021. — 402 с. — (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 43).

ISBN 978–5–02–041468–6.

Монография представляет собой грамматический очерк, посвященный фонетике и морфологии эвенского языка. В издании приводится новая версия классификации эвенских диалектов и говоров, дается полное описание звукового строя языка, частей речи и их грамматических категорий. Отличительная особенность данной грамматики – подробное описание графики и орфографии эвенского языка. При работе над книгой использованы образцы эвенского фольклора, художественные произведения на эвенском языке и полевые материалы авторов.

Для специалистов по эвенскому и другим тунгусо-маньчжурским языкам.

УДК 81
ББК 81.2

ISBN 978–5–02–041468–6

© А.А. Бурыкин, С.И. Шарина, 2021
© Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, 2021
© Редакционно-издательское оформление. Новосибирский филиал ФГУП «Издательство «Наука», 2021

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

На рубеже двух тысячелетий в человеческом сообществе изменился взгляд на место и роль Арктики и Севера в мировых процессах. Сегодня рождается новая концепция развития арктических и субарктических территорий, диктуемая их уникальным природно-экологическим и стратегическим положением. Она предусматривает совершенно иное отношение к глубоко самобытной культуре северных народов.

Прежний идеологизированный формационный взгляд на арктические народы определял их как носителей архаической отживающей культуры. В результате этого коренные народы Севера и Арктики превратились в районах своего расселения в национальное меньшинство, а их самобытное развитие оказалось под серьезной угрозой исчезновения. Осознание создавшегося положения и озабоченность этим вопросом нарастают во всем мире, особенно в России. Для сохранения северных народов Правительство Российской Федерации проводит целенаправленную государственную политику.

Под эгидой ЮНЕСКО реализуются программы в поддержку нематериального наследия различных народов, а именно проекты «Живые сокровища человечества» и «Шедевры устного и нематериального культурного наследия человечества».

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН и Институт народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена продолжают реализацию инициативного проекта **«Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока»**, целью которого является издание памятников культурного наследия проживающих на данной территории народов. Проект открыт для всех заинтересованных государственных, научных и общественных структур.

Серия состоит из следующих блоков:

1. Языки и фольклор народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.
2. Декоративно-прикладное искусство народов региона.
3. Традиционная культура северных этносов: материальный и духовный мир.

Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока создали в самой холодной части планеты среду обитания человека с уникальной духовной и материальной культурой, отличительной особенностью которой является экологический и гуманистический характер взаимодействия людей с окружающей природой.

Культурное наследие народов Севера, Сибири и Дальнего Востока — подлинная сокровищница, к сожалению, до сих пор малоизвестная миро-

вому сообществу. Она представлена грандиозными эпическими полотнами, философски глубокой мифологией, редкими и исчезающими языками с изысканной поэтической образностью, колоритными обрядами и экзотическими церемониями, красивейшими образцами декоративно-прикладного искусства и народного творчества. Часть этого богатства сосредоточена в российских и зарубежных архивах и музеях, в государственных и частных коллекциях.

Серийное издание этих памятников сделает достоянием нашей страны и всего человечества образцы уникального наследия, станет вневременным вкладом народов Севера в культуру и историю великой России.

Проект Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН и Института народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена предусматривает заинтересованное участие всех регионов проживания народов Севера, Сибири и Дальнего Востока — носителей уникальной этнической культуры — в подготовке и выпуске томов серии.

* * *

В рамках серии «Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» вышли следующие книги:

1. **Варламова Г.И. (Кэптукэ).** Мировоззрение эвенков: отражение в фольклоре, т. 1.
2. **Данилова А.А.** Бытовая лексика юкагирского языка, т. 2.
3. **Мыреева А.Н.** Эвенкийско-русский словарь, т. 3.
4. **Краски** северного сияния в узорах мастериц / Авт.-сост. М.Е. Роббек, т. 4.
5. **Иохельсон В.И.** Юкагиры и юкагиризированные тунгусы, т. 5.
6. **Роббек В.А., Роббек М.Е.** Эвенско-русский словарь, т. 6.
7. **Фольклор** эвенов Березовки: образцы шедевров, т. 7.
8. **Мыреева А.Н.** Лексика эвенкийского языка, т. 8.
9. **Саввинов А.И.** Проблема этнокультурной идентификации долган: на материалах традиционного искусства, т. 9.
10. **Николаева Н.Н.** Песенное творчество М.П. Кульбертиновой, т. 10.
11. **Роббек В.А.** Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте, т. 11.
12. **Чикачев А.Г.** Русские в Арктике: полярный вариант культуры, т. 12.
13. **Роббек М.Е.** Традиционная пища эвенов, т. 13.
14. **Филиппова В.В.** Коренные малочисленные народы Севера Якутии в меняющемся пространстве жизнедеятельности, т. 14.
15. **Болдырев Б.В.** Морфология эвенкийского языка, т. 15.
16. **Таксами Ч.М.** Этническая культура нивхов — аборигенов Тихоокеанского Севера и Дальнего Востока, т. 16.
17. **Пикунова З.Н., Пикунова И.Р.** Энциклопедия природы = Буга дярин энциклопедия: фауна, т. 17.

18. **Андреева Т.Е.** Принципы организации звуковой системы эвенкийского языка, т. 18.

19. **Варламова Г.И.** Женская исполнительская традиция эвенков (по фольклорным и другим материалам), т. 19.

20. **Типы** героических сказаний эвенков, т. 20.

21. **Прокопьева П.Е.** Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре, т. 21.

22. **Стручков К.Н.** Функционирование эвенкийского языка в сфере образования Республики Саха (Якутия): состояние и перспективы, т. 22.

23. **Жукова Л.Н.** Очерки по юкагирской культуре: в 3 ч. Ч. 1: Одежда юкагиров: генезис и семантика, т. 23.

24. **Нестерова Е.В.** Образные слова эвенского языка, т. 24.

25. **Кузьмина Р.П.** Язык ламунхинских эвенов, т. 25.

26. **Роббек Г.В.** Игры и состязания эвенов: лингвистический аспект, т. 26.

27. **Прокопьева А.Е.** Деепричастие в юкагирском языке: в сопоставительном аспекте, т. 27.

28. **Курилова С.Н.** Междометия и междометные слова юкагирского языка, т. 28.

29. **Прокопенко В.И., Головина С.Ю.** Устная традиция коренных малочисленных народов Тюменского Севера в контексте этнической педагогики, т. 29.

30. **Петров А.А.** Лексика духовной культуры тунгусоязычных народов, т. 30.

31. **Дулин** Буга Торгандунин = Торгандун Среднего мира, т. 31.

32. **Прокопенко В.И., Шаймарданов Р.Х.** Этнопедагогика народа ханты, т. 32.

33. **Лукина М.П.** Наречие в юкагирском языке, т. 33.

34. **Курилова С.Н.** Местоимения юкагирского языка, т. 34.

35. **Прокопенко В.И., Шаймарданов Р.Х.** Этнопедагогика народа манси (середина XIX — начало XXI в.), т. 35.

36. **Шарина С.И., Кузьмина Р.П.** Нижнеколымский говор эвенского языка, т. 36.

37. **Варламова Г.И., Варламов А.Н., Захарова Н.Е., Яковлева М.П.** Имена собственные персонажей эвенкийского эпоса: словарь-указатель, т. 37.

38. **Варламова Г.И., Саввинова С.Н., Нестерова Е.В.** Имена собственные персонажей эвенского эпоса: словарь-указатель, т. 38.

39. **Кузьмина Р.П., Шарина С.И.** Особенности языка верхнеколымских эвенов, т. 39.

40. **Габышева Т.П., Варламов А.Н.** Локальные традиции преданий олекминских эвенков, т. 40.

41. **Прокопьева П.Е., Прокопьева А.Е.** Юкагирско-русский словарь (язык лесных юкагиров), т. 41.

42. **Стручков К.Н.** Русские лексические заимствования в эвенкийском языке, т. 42.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа представляет собой новое издание научной грамматики эвенского языка. В соответствии с логикой описания ее первая глава посвящается фонетике, вторая — графике и орфографии, третья — морфологии.

Необходимость в актуальном, выполненном на современном уровне описании звукового строя, фонологической системы и морфологии эвенского языка осознается довольно давно и достаточно отчетливо. Первая, самая полная, грамматика эвенского языка, опубликованная более 70 лет назад [Цинциус, 1947], остается единственной и в наши дни. Описание фонетики ольского говора восточного наречия эвенского языка, лежащего в основе письменного эвенского языка, подготовленное К.А. Новиковой [1960], выполненное в конце 1940-х — начале 1950-х годов, увидело свет более 60 лет назад, следовательно, не во всем может удовлетворить запросы современных ученых-эвеноведов. Брошюра, написанная тем же автором и содержащая правила ныне действующей эвенской графики и орфографии [Новикова, 1958а], не переиздавалась и давно стала библиографической редкостью, не доступной в районах расселения эвенов. Кроме того, представленное в ней описание системы эвенской графики является весьма узким в теоретическом аспекте и не охватывает всего фактического материала. В нем, по существу, не различаются графика как совокупность способов обозначения фонем на письме и орфография как система правил нормативного написания слов и грамматических форм, многие формулировки, касающиеся принципов письма, представления о характере графики и орфографии эвенского языка оказались весьма запутанными. Не зря уже после выхода в свет данной брошюры и аналогичных изданий по ряду других языков народов Севера известный советский и российский лингвист Л.Р. Зиндер писал: «Пока не будет настоящей теории письма, общей теории графики, никакое практическое решение не будет окончательным и действительно правильным. Этим вопросом… совсем никто не занимается, а заниматься им нужно» [1961а, с. 123].

Сложившееся неблагополучное положение дел не замедлило сказаться на практической работе по обучению эвенскому языку студентов — будущих педагогов и их учеников в школах Севера. Так, в учебнике эвенского языка для педагогических училищ [Новикова и др., 1991] смешиваются написание, принятое в письменном «литературном» эвенском языке, например *акан* ‘старший брат’, *амӈа* ‘рот’, *габар* ‘колючий’, и звучание слов, воспринимаемое на слух теми, кто плохо знает эвенский или русский

языки, и воспроизводимое как *акын*, *амӈы*, *габыр* [Новикова и др., 1991, с. 7]. Понятия графики и орфографии в учебнике отсутствуют — они сведены лишь к указаниям на обозначения фонем эвенского языка на письме. Такая ситуация — прямое следствие недостаточного уровня научной разработки фонетики и, в первую очередь, графики и орфографии эвенского языка, поэтому вполне понятно, что она крайне неблагоприятно сказывается на подготовке кадров и учебных пособий, самом учебном процессе в школах, педучилищах, колледжах и вузах. При отсутствии новых научных разработок в этой области невозможно создание эффективных методик обучения как письменному, так и разговорному эвенскому языку на всех уровнях его преподавания от детского сада до вуза. Отсутствие нормативных описаний эвенской графики и орфографии, а также словарей эвенского языка, представляющих ныне действующие нормы графики и орфографии, служит большим препятствием в переводческой и издательской деятельности, работе региональных средств массовой информации. Актуальность описания звукового строя, графики и орфографии эвенского языка обусловлена необходимостью обеспечения полноценного функционирования его устной и письменной форм [Роббек, Насилов, 1992, с. 76].

Звуковой строй эвенского языка, состоящего из более чем 20 заметно различающихся между собой говоров и диалектов, требует тщательного экспериментально-фонетического изучения с применением современных методов исследования и аппаратуры. При этом значимость данной задачи с каждым годом возрастает ввиду ухудшения языковой ситуации, осложняющей поиск информантов-эвенов с таким произношением, которое могло бы служить эталоном для воспроизведения и достаточно достоверным объектом для описания. К сожалению, при написании настоящего научного труда эта задача не могла быть решена, поэтому авторы ограничиваются описанием фонетики эвенского языка, основанным на данных слухового анализа, и подробной характеристикой его фонологической системы. Тем не менее сделанные в ходе работы над книгой наблюдения во всем соответствуют результатам полевых исследований звукового строя эвенского языка и данным экспериментальных исследований, полученным ранее. Из трудов лингвистов-эвеноведов предшествующих поколений стоит выделить имеющие особую ценность описания звукового строя эвенского языка, предпринятые в 1930-е годы В.И. Левиным [1935, 1936], наблюдения которого в свое время не были учтены при разработке эвенской графики по причине частичной ориентации первого эвенского букваря на диалект камчатских эвенов. Для истории науки очень важно отметить, что выводы относительно фонетики одного из западных диалектов эвенского языка, сделанные в начале 1950-х годов профессором ЛГУ М.И. Матусевич [1979] и опубликованные по прошествии многих лет, полностью соответствуют актуальным представлениям о фонологии эвенского языка и фонетических особенностях диалектов его западного наречия.

Графика и орфография эвенского языка вплоть до настоящего времени не становились предметом описания, которое было бы выполнено на уров-

не современной теории письма. Хотя вполне понятно, что отсутствие элементарного свода правил графики и орфографии весьма затрудняет развитие письменной формы языка, тем не менее в предшествующий период ученые и педагоги даже не предпринимали попыток систематического описания эвенской графики и орфографии и установления их основных принципов. Соотношение между системой фонем и графикой эвенского языка оценивалось все эти годы на уровне интуиции или не всегда благополучного педагогического опыта, в то же время требования реформировать эвенскую письменность [Новикова, Лебедев, 1980] были недостаточно обоснованы и, главное, полностью лишены какой-либо серьезной теоретической базы.

В отношении графики и орфографии эвенского языка данная работа является большей частью аналитической, отражающей соотношение между фонемами эвенского языка и буквами эвенского алфавита. Отечественное североведение еще не располагает достаточным опытом научного описания графики и орфографии языков народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, поэтому главная задача, которую ставят перед собой авторы, — привести описание и характеристику алфавита, графики и орфографии эвенского языка к тому уровню, который отвечал бы современной теории письма, создаваемой на материале русского и европейских языков. Именно поэтому во второй главе работы, посвященной графике и орфографии, так много места отводится основным понятиям теории письма и нерешенным теоретическим вопросам, возникающим по отношению к письменности языков народов Севера. По существу, только в ходе подготовки данной книги стало ясно, каким должен быть свод графико-орфографических и грамматико-орфографических правил для языка, графика и орфография которого основываются на фонематическом, или, что то же самое, фонемном, принципе. К числу таких языков как раз принадлежат эвенский язык и многие другие языки северных народов.

Поскольку фонемный принцип графики и орфографии, являющийся ведущим в эвенском языке и других языках народов Севера, исключает наличие одинаковых звуковых значений у разных букв, в орфографии эвенского языка полностью отсутствуют орфограммы — ситуации выбора какой-либо одной буквы из нескольких букв, употребление которых допускается правилами графики. Источниками ненормативных написаний в эвенской орфографии оказываются, в отличие от русского языка, следующие причины: 1) следование устаревшим нормам эвенской графики (за период с 1931 по 1958 г. эвенская графика изменялась не менее 5 раз); 2) отражение на письме разных произносительных вариантов и диалектных форм; 3) эвенско-русская и эвенско-якутская интерференция, побуждающая двуязычных или многоязычных эвенов неосознанно отдавать предпочтение в пользовании графическим средствам русского или якутского языков. Все эти факторы необходимо учитывать при определении источников ошибок при письме на эвенском языке, а также при оценке степени совершенства эвенской графики в плане не только передачи звукового состава языка на письме, но и удобства применения данной графики в условиях двуязычия и частичного многоязычия.

Представленная работа не является учебником и только за отсутствием нормативных правил графики и орфографии эвенского языка может заменить собой общедоступный свод действующих правил эвенской графики и орфографии, принятых официально в 1958 г. Авторами предпринято научное описание фонетики, графики и орфографии эвенского языка, которое предназначено служить основой для соответствующих учебных пособий или их разделов в отношении фактического языкового материала, принципов и правил обозначения фонем на письме и чтения эвенских букв, а также норм эвенской орфографии — правил правописания слов и грамматических форм. Данная оговорка, разумеется, не отменяет того, что изложенные в настоящей книге правила графики и нормы орфографии являются единственно корректными на сегодняшний день и жестко рекомендуемыми к соблюдению всеми пишущими на эвенском языке, она означает, что помимо самих правил и норм эвенской графики и орфографии предлагаемая читателям книга содержит научное обоснование этих правил и норм, отмечает сложные и нерешенные вопросы орфографии, основания для выбора наиболее приемлемых написаний.

Существует несколько подходов к классификации эвенских диалектов и говоров. Учитывая при их систематизации расхождения на уровне фонетических, лексических и грамматических признаков, исследователи эвенского языка в разное время выделяли различное количество наречий, а в их составе — говоров и диалектов [Цинциус, 1947; Новикова, 1960; ССТМЯ, 1975, 1977; Бурыкин, 1997]. Придерживаясь классификации эвенских диалектов и говоров, во многом совпадающей с классификацией, представленной в трудах предшественников, но при этом учитывая материалы по не известным ранее диалектам и говорам, авторами данной книги предложена новая версия систематизации эвенских диалектов и говоров.

В работе дается описание частей речи ольского и других говоров восточного наречия эвенского языка, для сравнения приводятся материалы среднего и западного наречий. Кроме того, впервые фиксируется употребление не выявленных прежде глагольных, причастных и деепричастных форм. В грамматическом очерке рассматривается и распределение отдельных грамматических форм по различным функциональным формам эвенского языка — разговорной речи, фольклору и письменному языку.

Источниками для написания настоящего научного труда послужили изданные и неизданные образцы эвенского фольклора (в основном образцы малых жанров), художественные произведения и полевые материалы авторов.

Глава 1

ФОНЕТИКА

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ФОНЕТИКИ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА

Описание звукового состава эвенского языка начинается в середине XIX в., когда академик А. Шифнер проводит сравнительный анализ различных диалектов эвенкийского (тунгусского) и эвенского (ламутского) языков [Schifner, 1859]. В трудах А. Шифнера, основанных на грамматике эвенкийского языка М.А. Кастрена, в отношении фактического материала эвенского и эвенкийского языков доминирует представление об эвенкийском языке в том его виде, который характерен для эвенкийских диалектов Забайкалья, послуживших объектом исследования Кастрена и на долгое время — до середины 30-х годов XX в. — ставших эталоном для «тунгусского» языка. Более ранние лингвистические материалы, представляющие отдельные диалекты эвенского языка (словарные записи и тексты Я.И. Линденау [1983], материалы для словаря П.С. Палласа [1787–1789], опубликованный в 1880 г. перевод Евангелия от Матфея на эвенский язык, дают нам лишь графическую форму записи эвенских слов и связных текстов. В отношении графической формы корпуса этих источников мы можем отметить лишь тот факт, что наличие в эвенском языке заднеязычного носового согласного [нг] было зафиксировано еще в 40-е годы XIX в. при переводе Евангелия от Матфея, тогда же была осознана необходимость обозначения его на письме особым графическим знаком (для чего использовалось якутское *ҥ*). Данный знак применялся во всех изданиях на эвенском языке, напечатанных кириллицей, за исключением самого перевода Евангелия.

Как отмечено в предисловии к изданию Евангелия от Матфея на эвенском языке, в рукописи его перевода был еще один знак, важный для характеристики звукового строя эвенского языка — «буква Г подчеркнутая», которая должна была произноситься, соответственно указаниям, «как латинское G» [Евангелие, 1984, с. 247], однако издатели перевода исключили этот знак из использованного ими алфавита. Возможно, таким образом была сделана попытка разграничить на письме смычные и фрикативные аллофоны шумного заднеязычного звонкого согласного *г*.

Первое научное описание звукового строя эвенского языка в полевых условиях, впоследствии составившее самостоятельный раздел лингвистического описания эвенского языка, было сделано В.Г. Богоразом в конце XIX в. [1931]. Ученый при характеристике звуковой системы эвенского языка выделил 21 согласный звук и 10 гласных, отметив при этом, что данные гласные могут противопоставляться по долготе — краткости [Бого-

раз, 1931, с. 3]. Описание системы согласных у В.Г. Богораза оказалось достаточно точным в фонологическом отношении. Из числа выделенных им звукотипов лишь звуки [d'] и [ʒ], [ч] и [ч'], [Y] и [j] попарно служат аллофонами одних и тех же фонем, а выделение звукотипа [ш] в качестве основного оттенка согласного [с], вероятно, отражает индивидуальные особенности произношения его информантов, поскольку «шеканье» как устойчивая диалектная черта в диалектологических исследованиях по эвенскому языку не фиксируется, так как встречается во множестве эвенских говоров, но ни в одном из них не является устойчивым.

Описание вокализма эвенского языка, осуществленное В.Г. Богоразом, нашло гораздо более полное отражение в составленном им же словаре. В транскрипционной записи эвенских слов были отражены такие черты эвенского вокализма, как полудолгота долгих гласных в непервых слогах (обозначена знаком ударения), различение передне- и заднерядных узких гласных <и> и <у> [Богораз, 1931, с. 3]. Заднерядный узкий <и> обозначается знаками [е], [а (*а* с умлаутом)]: *елан* 'три', *ергат* 'овод', ср., однако, *иннгамта* 'слеза', *инга* 'дресва', при *енга* 'камень' (две последние формы представляют одно и то же слово). Заднерядный узкий <у> у В.Г. Богораза спорадически обозначается знаком [$о_о$]: *$о_о$нан* 'наст', *$о_о$рта* 'кора', однако чаще — знаком [у]: *умта* 'яйцо', *уман* 'мозг трубчатых костей'. Довольно значимо то, что уже В.Г. Богораз отметил в эвенском языке существование переднерядного гласного среднего подъема <ө>, который у него обозначен тем же [$о_о$] в словах *$о_о$ша* 'не мочь', *$о_о$й* 'верх', *$о_о$ла* 'варить' и т.п. Достаточно интересны замечания ученого об эвенском вокализме: «Гласные звуки *а*, *е*, *i*, *о*, *и* не произносятся с такой определенностью, как соответствующие русские звуки… Определенно произносятся только долгие звуки. В конце слов неударяемые гласные звуки вообще произносятся смешанно…» [Там же]. Что касается ударения, то о нем Богораз ничего не говорит, и в большинстве случаев в его записях знак ударения соответствует долготе гласного — собственно знак долготы используется им весьма и весьма редко. Любопытно, что у части слов в записи В.Г. Богораза ударение не проставлялось, не исключено, что таким образом исследователем воспринимался на слух определенный акцентный тип эвенских слов, в которых не наблюдается заметного движения тона. Изучение истории описания звукового строя эвенского языка и, очевидно, других языков народов Севера требует особого подхода к интерпретации материала. Анализируя записи слов в определенных источниках, можно проследить, было ли отмечено то или иное фонемное противопоставление, какими именно знаками обозначались фонемы, оттенки которых различались на слух. Стоит отметить, что при этом обнаруженное фонемное противопоставление отражалось в записи далеко не во всех словах, в каких оно на самом деле имеет место. Однако поскольку вопрос адекватной передачи фонемного состава конкретных слов — это скорее проблема «транскрипционной орфографии», нас в дальнейшем в историческом обзоре интересуют лишь наиболее ранние отражения фонемных противопоставлений и фонологической значимости эвенских гласных или согласных: перечисление неточных

записей эвенских слов в источниках XVIII–XIX вв. или не вполне грамотных современных записях представляется лишенным смысла.

В 1928 г. финский исследователь Арво Сотавалта описал звуковой строй саккырырского (булунского) говора эвенского языка по материалам, записанным им от одного из носителей говора, некоторое время находившегося в Финляндии [Sotavalta, 1978]. Использованная автором фонетическая транскрипция детализирована настолько, что судить о составе фонем описанного говора эвенского языка по ней не представляется возможным: в ней отмечено около 40 звукотипов для гласных, чего нет более ни в одном источнике по эвенскому языку.

Дальнейшее изучение фонетики эвенского языка было связано с решением практической задачи — создание письменности на эвенском языке. В конце 1920-х — самом начале 1930-х годов известная исследовательница эвенского языка В.И. Цинциус анализирует звуковой состав эвенского языка при работе со студентами Института народов Севера — эвенами Камчатки. Материалы именно этого описания нашли отражение в эвенском букваре «Анӈамта төрэн» («Новое слово») [1932] и легли в основу эвенской графики с использованием латинской системы письма, точнее — Единого северного алфавита в том варианте, который был приспособлен для эвенского языка.

Одновременно с этим в начале 1930-х годов исследованием другого диалекта эвенского языка (диалекта эвенов северо-западной части Охотского побережья) занимается В.И. Левин. Итоги его изучения звукового строя эвенского языка, точнее — диалекта (говора) магаданских (ольских) эвенов, положенного в основу эвенского литературного (письменного) языка, отражены в нескольких составленных им учебниках для начальной школы, учебнике для школ взрослых, а также в «Самоучителе эвенского языка» [Левин, 1935] и «Кратком эвенско-русском словаре» [Левин, 1936]. Учебные пособия для школ, подготовленные В.И. Левиным, в отношении передачи звучания эвенских слов строго следуют принятым ранее нормам эвенской графики и действовавшим тогда орфографическим правилам. Но собственно лингвистические работы ученого [Левин, 1935, 1936] содержат такие результаты наблюдений над звуковым строем эвенского языка, которые надо признать новыми для своего времени и которые почти полностью отвечают современным представлениям о системе фонем эвенского языка.

Хотя описание звукового строя эвенского языка у В.И. Левина как бы привязано к эвенской графике, тем не менее в нем можно найти довольно точную характеристику звукотипов, представляющих отдельные фонемы. Это касается в первую очередь дифтонгоидного гласного <иа>, обозначаемого латинским [e], хотя одновременно он же использовался для обозначения на письме заднерядного [ӣ] [Левин, 1935, с. 8], а также наличия в эвенском языке переднерядного лабиализованного гласного среднего подъема [ɵ], обозначавшегося как [u] и как [o] в зависимости от гласного следующего слога [Там же, с. 9]. Более подробно различение заднерядных гласных, а именно узкого заднерядного [u] и гласного сред-

него подъема [о], с одной стороны, и переднерядных гласных (в частности, отличия двух последних от переднерядного гласного [ө]) — с другой, описаны в практической части «Самоучителя эвенского языка» [Левин, 1935, с. 45–46]. В описании гармонии гласных для обозначения заднерядных, или, по терминологии автора, «твердорядных», гласных [у] и [о] В.И. Левиным используются транскрипционные знаки [о^{о}] и [у^{у}], а для различения между собой переднерядных («мягкорядных») [у] и [о] и отличия их от заднерядных гласных со сходными артикуляторными характеристиками — знаки [у^{о}] и [о^{у}] [Там же, с. 55–56]. В дальнейшем автор еще раз говорит о наличии в эвенском языке «*о*-образного *и*» и «*и*-образного *о*», которые в то время не имели специальных самостоятельных обозначений на письме [Там же, с. 78]. При этом (очевидно, не без влияния работ В.И. Цинциус) он отмечает, что выбор написания отдельных слов с переднерядным лабиализованным гласным среднего подъема [ө] зависит от чередования гласных корня: например, в корне *gun*= ‘говорить, сказать’ пишется [у], потому как в разных грамматических формах этого глагола слышатся гласные [о] и [у], в то время как в корне *ole*= ‘варить’ пишется [о], так как начальный гласный не чередуется с [у] [Там же]; ср. современные написания *гөндэй* ‘говорить’, *өлэдэй* ‘варить’. Следует обратить внимание, что при характеристике чередований оттенков гласных в работах В.И. Левина и работах В.И. Цинциус использованы несколько различные приемы и примеры: если В.И. Левин для реализации более закрытого оттенка гласного [ө] приводит примеры форм с гласным [и] следующего слога (*guli* ‘скажи’, *gunʒim* ‘я скажу’) [Там же], то В.И. Цинциус отмечает, что более открытый оттенок этого же гласного, который она считает позиционным вариантом гласного [у], реализуется только перед слогом с долгим [ō] [1947, с. 18] и по говорам имеет различное звучание: от очень закрытого «*у*-образного» [о] до очень открытого [о]. Эти обстоятельства, очевидно, и обусловили введение в эвенский алфавит на латинской графической основе особого знака <Ə ə> для обозначения долгого [ə̄] — единственного из долгих гласных эвенского языка получившего особое графическое обозначение в эвенской графике на основе Единого северного алфавита.

В принципе орфографическое правило для подобных случаев могло иметь более простой вид: в словах и словоформах с гласным [ө] следующего слога вне зависимости от наличия или отсутствия чередований оттенков гласных либо гласных фонем (независимо в двусложных корнях типа *өнир* ‘нетающий снег в горах’ или *өлики* ‘белка’ либо в именных и глагольных формах с суффиксами, содержащими узкие гласные) всегда пишется [у], иначе, как мы видим, приходится оговаривать, что в формах типа *burэт* ‘я дам’ произносится гласный [у], т.е. более узкий оттенок гласного [ө], и придавать процедуре фонетической идентификации столь сложный характер (ср. [Левин, 1935, с. 45]). Тем более что в грамматическом очерке эвенского языка говорится: «В практическом правописании эти обратные влияния на предыдущих гласных не сказываются» [Левин, 1936, с. 108]. В графике на латинской основе знак [ө] использовался для

гласного *о* только в тех редких случаях, когда гласный *ө* находился перед слогом с *ӯ* в двусложных корнях типа *олӯ*= ‘варить’.

В.И. Левин в своих трудах также обращает внимание на близость эвенских кратких широких гласных непервых слогов [а] и [э] к русскому [ы], в особенности в восприятии этих гласных на русский слух [1935, с. 77], однако процедура проверки написания кратких гласных непервых слогов с использованием примеров *тиси*= ‘возвратиться’ и *ви*= ‘дать’ [Там же, с. 77–78] чрезмерно громоздка и имеет двухступенчатый характер: сначала определяется сингармонический ряд гласного (задний или передний) по поведению гласного корня перед слогом с долгим [а] или [э], потом устанавливается ряд краткого гласного, содержащегося в грамматическом показателе. Пример с глаголом *бөдэй* ‘дать’ тут явно неудачен, так как в этом корне представлен гласный [ө], а не [у], в то время как в глаголе *мучудай* ‘возвратиться’ — заднерядные фарингализованные [ў].

Для освещения фонетических характеристик эвенских гласных исключительно важно то обстоятельство, что В.И. Левин относит гласный [а] к гласным заднего ряда [1935, с. 239; 1936, с. 106]. В последующих работах гласный [а] в эвенском языке рассматривался как имеющий переднерядную артикуляцию [Новикова, 1960, с. 34; 1997, с. 286], что совершенно не имеет оснований. Гласный [а] в эвенском языке имеет более заднюю артикуляцию, нежели русский [а]. В русской фонетической традиции гласный [а] впервые рассмотрен как гласный заднего ряда уже в трудах Ф.Ф. Фортунатова [1956, с. 87].

В.И. Левин, однако, не отметил в эвенском языке наличие переднерядного дифтонгоидного гласного [ие], в подавляющем большинстве диалектов (в особенности в тех из них, которые были объектом его внимания) являющегося особой фонемой: слово *екэ* ‘котел’ и *екэтэн* ‘поперечная перекладина над очагом, служащая для подвешивания котла’ в его словаре записаны как *екə* и *екətən* соответственно [Левин, 1935, с. 243]. Вероятнее всего, исследователь, как и многие другие его современники, изучавшие эвенский язык, ориентировался на ранее изданные письменные тексты, а они, как нам известно, отражали фонетические нормы эвенских диалектов Западного Приохотья — тех диалектов, в которых дифтонгоидные гласные [ие] и [иа] не различались и реализации обеих гласных были близки к закрытому напряженному [э], сходному с аллофонами заднерядного [и]. В.И. Цинциус, основывавшаяся в своих работах по эвенскому языку на системе гласных языка эвенов Камчатки (быстринского диалекта), считала дифтонгоидный гласный [ие] позиционным вариантом или оттенком долгого гласного [ӣ], который появляется перед долгим [ӯ] следующего слога в словах типа *екэ* ‘котел’, *кекэн* ‘свистит’ [1947, с. 16]. Однако такой взгляд на предмет не верен в принципе: ср. эвен. *кӣвӯ* ‘береста’, где этимологически долгий [ӣ] перед долгим [ӯ] не дифтонгизуется даже в говоре быстринских эвенов. Одной из причин неполноты и несовершенства описания звукового строя эвенского языка в таких случаях оказывается неполнота имеющихся словарей, не позволяющая дать характеристику дистрибуции фонем и описать их встречаемость в отдельных

словах. По этой же причине собственно орфографические нормы младописьменных языков как эталонные написания отдельных слов начинают осмысливаться в североведной лингвистике сравнительно поздно — по существу, только в наши дни.

В кратком грамматическом очерке эвенского языка, составленном В.И. Левиным и вышедшем годом позже его «Самоучителя…», содержится описание отдельных оттенков гласных, несколько дополняющее изложенный выше материал, в частности указывается на наличие отодвинутого назад оттенка гласного [и] после переднеязычных согласных [д] и [т] и наличие дифтонгоидного оттенка переднерядного [ө] перед слогом с долгим [ө̄] [Левин, 1936, с. 106–107], хотя многое из отмеченного там присутствует уже в «Самоучителе эвенского языка».

Очень большой вклад в изучение фонетики эвенского языка внесла лаборатория экспериментальной фонетики Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета, где звуковой строй эвенского языка и других языков народов Севера исследовался с начала 1930-х годов с участием дикторов — носителей языков и специалистов-североведов. Там, в частности, Л.Р. Зиндер и М.И. Матусевич проводили экспериментальное исследование звукового строя эвенского языка [Цинциус, 1947, с. 15; Матусевич, 1979, с. 202] Так, было установлено, что согласные [с] и [х] в эвенском языке — это фактически аллофоны одной фонемы; звукотипы [к] и [ӄ], [г] и [ɣ] в эвенском языке, в отличие от других языков народов Севера, не являются разными фонемами [Зиндер, 1995]. Последнее было весьма существенным обстоятельством, так как для этих звукотипов предусматривались разные знаки в Едином северном алфавите, и таким образом решался вопрос о составе эвенского алфавита и основном принципе эвенской графики (окажется ли он фонетическим, допускающим обозначение на письме разных аллофонов одних и тех же фонем, или же строго фонематическим). Выбор между фонетическим и фонематическим принципами графики (обозначением/необозначением звукотипов, являющихся аллофонами одной фонемы) для эвенского языка был сделан в пользу последнего, хотя и с известными ограничениями и отступлениями. Описание звукового состава языков народов Севера, проводившееся в лаборатории экспериментальной фонетики при Ленинградском университете, оказало значительное влияние на развитие экспериментальной фонетики и фонологической теории. Так, Л.Р. Зиндер и М.И. Матусевич, принявшие самое деятельное участие в указанной работе, ссылаются на факты фонетики эвенского языка и других языков народов Севера во многих своих трудах, в том числе в учебных пособиях для вузов.

В 1940-е годы к экспериментальному изучению фонетики эвенского языка подключился В.М. Наделяев, также использовавший свои наблюдения в области эвенской фонетики, прежде всего в области вокализма, в ряде опубликованных работ. В частности, именно при участии В.М. Наделяева в 1947 г. было установлено противопоставление эвенских узких гласных [и] и [й], [у] и [ў] и их долгих коррелятов по признаку фарингализованности/нефарингализованности, что отмечалось в дальнейшем и

специалистами-эвеноведами, и самим В.М. Наделяевым [1980, с. 37–38]. В 1950-е годы в лаборатории экспериментальной фонетики ЛГУ было произведено рентгенографирование артикуляций эвенских гласных, позднее рентгенограммы гласных были опубликованы [Новикова, 1960]. Некоторые результаты экспериментальных исследований звукового строя отдельных эвенских диалектов в последующие годы частично использовались в специальных диалектологических исследованиях [Лебедев, 1978, с. 11–29].

Обобщающим итогом изучения звукового строя эвенского языка стал научный труд К.А. Новиковой «Ольский говор эвенского языка» [1948], изданный затем в виде двухтомной монографии [1960, 1980]. Это описание системы гласных и согласных фонем эвенского языка, дающее также подробную характеристику условий реализации их отдельных аллофонов, на сегодняшний день является наиболее полным и точным из имеющихся в монографических работах и кратких описаниях эвенского языка. В «Кратком очерке грамматики эвенского (ламутского) языка» В.И. Цинциус и Л.Д. Ришес, опубликованном в 1952 г. в качестве приложения к «Русско-эвенскому словарю», система фонем эвенского языка представлена в том самом виде, в каком она описана К.А. Новиковой, и со ссылкой на ее описание ольского говора эвенского языка [Цинциус, Ришес, 1952, с. 696–705].

Надо отметить и такое обстоятельство, что введение в научный оборот материалов по ольскому говору эвенского языка, собранных К.А. Новиковой, серьезнейшим образом отразилось на представлениях об истории вокализма всех тунгусо-маньчжурских языков. В.И. Цинциус в своей «Сравнительной фонетике тунгусо-маньчжурских языков» [1949б] в отношении исходной системы гласных тунгусо-маньчжурских языков северной подгруппы (эвенкийского, эвенского, солонского, негидальского) ориентируется в основном на материалы эвенкийского языка. Та же картина представлена в сравнительной грамматике И. Бенцинга [Benzing, 1955] и ряде последующих работ, использующих эти труды [Старостин, 1991]. Описание ольского говора эвенского языка, выполненное К.А. Новиковой, в особенности ее лексические материалы, документирующие примеры с переднерядным лабиализованным гласным среднего подъема [ө], однозначно решило вопрос о том, что 16-членная система гласных монофтонгов эвенского языка должна быть признана той системой гласных, которая отражает исходное общетунгусо-маньчжурское состояние, при этом в эвенкийском и других тунгусо-маньчжурских языках имели место ее упрощение (в частности, конвергенция кратких и долгих переднерядных гласных [о] и [у]; аналогичное явление происходило в бурятском языке, что ныне отличает его от других монгольских языков), а также утрата фонологического противопоставления передне- и заднерядных узких гласных. Для эвенкийского языка вопрос о фонологической противопоставленности по ряду узких гласных [и] и [у] не решен до сих пор. Остается проблематичным определение общетунгусо-маньчжурского характера оппозиции по долготе — краткости у заднерядных узких гласных [и̇] и [у̇]: в отличие от широких гласных и переднерядных узких гласных в общетунгусо-маньчжурских словах долгие узкие заднерядные [ӣ] и [ӯ] представлены единич-

ными примерами. Хотя дифтогоидные гласные [ие] и [иа] в системе общетунгусо-маньчжурских гласных, видимо, являются вторичными, так как их соответствия в других языках алтайской языковой семьи чаще всего оказываются дифтонгическими сочетаниями гласных с согласным [j], все же различение переднерядного долгого [ӣ] и дифтонгоидного гласного [ие], которое наблюдается в большинстве диалектов эвенского языка, также соотносится с общетунгусо-маньчжурским состоянием и не выглядит результатом вторичного развития. В эвенкийском и других тунгусо-маньчжурских языках дифтонгоид [ие] совпал с долгим [ӣ], а дифтонгоид [иа] противопоставляется другим долгим гласным и имеет параллели в виде эвенкийского долгого закрытого [е:], нанайского [иа] и т.п. Показательно, что в говорах охотских эвенов (аркинском, усть-майском, языке фольклорных записей Н.П. Ткачика) дифтонгоидные гласные [ᵘе] и [ᵘа] совпали в одном долгом гласном [ē]. Однако то, что гласный [ē] этих говоров в некоторых словах соответствует восточно-эвенскому [ᵘе] и эвенкийскому [ӣ], свидетельствует о происхождении данной вокалической системы от восточно-эвенской системы гласных с ее изначальным различением двух дифтонгоидов, а не от системы гласных эвенкийского типа с одним дифтонгоидным или долгим гласным, не имеющим краткого коррелята.

Одно из кратких описаний фонетики эвенского языка было выполнено специально для обоснования норм эвенской графики и орфографии, принятых в 1958 г. и действующих до настоящего времени [Новикова, 1958а].

Исследование звукового строя эвенского языка в 1960–1990-е годы большей частью связано с описанием отдельных эвенских диалектов. В этот период публикуются монографии В.Д. Лебедева [1978, 1982], В.А. Роббека [1989], статьи и монография Х.И. Дуткина [1989а, б, 1995], а также статьи, посвященные звуковому строю отдельных эвенских диалектов [Матусевич, 1979]. По существу, лишь один из эвенских диалектов — так называемый момский говор, точнее говор эвенов догдо-чебогалахского наслега Момского района Республики Саха (Якутия) — оказался частично охвачен экспериментально-фонетическим исследованием [Лебедев, 1978, с. 11–37]. Однако качество этой работы, проделанной с непосредственным участием автора опубликованного описания, не смогло удовлетворить специалистов по фонетике сибирских языков. Как отмечал известный якутский ученый-фонетист И.Е. Алексеев, в данном труде В.Д. Лебедева «экспериментально-фонетический материал слабо отражает системность звукового строя языка эвенов Якутии. И в связи с этим в настоящее время встают неотложные задачи обследования всей системы: фонемного состава, акцентуации, интонации эвенского языка» [1989, с. 89].

Вопросы фонологического статуса некоторых гласных звуков эвенского языка, в частности статус недолгих широких гласных непервых слогов, и причины различий в описании вокалического строя эвенского языка освещены в статье одного из авторов настоящей работы [Бурыкин, 1986].

Краткое изложение фонетики эвенского языка в описании одного из вариантов эвенской графики [Новикова, Лебедев, 1980] не содержит принципиальных отличий от других описаний звукового строя эвенского язы-

ка, за исключением попытки приписать двум оттенкам широких кратких гласных непервых слогов статус единой фонемы, обозначаемой как [ы]. Надо признать, что данная попытка не имеет под собой серьезных оснований. Похоже, что единственной причиной такого мнения явилось наблюдающееся иногда графическое обозначение редуцированных гласных непервых слогов (а часто только гласного [э] в первом слоге) русской буквой *ы*, которое встречается в самых разных письменных источниках — от словарных материалов XVIII в. до современных образцов ненормированного письма на эвенском языке. Ссылки на данные рентгенографического анализа эвенских гласных, якобы подтвердившие тождество артикуляции гласных [а] и [э] непервых слогов, оказались некорректными [Бурыкин, 1986]. Мало того, что при характеристике момского говора эвенского языка, представляющего среднее наречие, оказались использованы экспериментальные данные по саккырырскому говору, относящемуся к западному наречию эвенского языка [Лебедев, 1978, с. 11], и у части лексических примеров имеется путаница в переводах [Там же, с. 35], но самое главное заключается в том, что рентгенограммы кратких гласных [а] и [э] в словах *олда* ‘рыба’ и *улдэ* ‘мясо’ [Там же, с. 37, рис. 11, 12] сделаны от разных дикторов и при них отсутствуют результаты измерений, которые здесь лишены смысла: тождество артикуляций в этом случае будет свидетельствовать о заведомо различном акустическом эффекте — разном звучании этих гласных. Не случайно И.Е. Алексеев в своей характеристике данной работы В.Д. Лебедева вовсе не упоминает «гласный *ы*» [Алексеев, 1989, с. 89]. Наконец, стоит обратить внимание на то, что у В.Д. Лебедева длительность гласных в непервых слогах эвенских слов вообще не была измерена, а в работе представлены только измерения длительности гласных первого слога [1978, с. 20–28, табл. 1–14], что не позволяет дать объективированную характеристику количественной редукции эвенских гласных в непервых слогах. Не совсем ясно также, где именно делались «кимографические записи длительности гласных», осуществлявшиеся, по словам автора, под руководством У.Ш. Байчуры [Там же, с. 11]. После выхода в свет работы Л.В. Бондарко «Осциллографический анализ речи» [1965] делать кимографические записи в лаборатории экспериментальной фонетики ЛГУ не было смысла; согласно устному сообщению Л.В. Бондарко, такие записи для эвенского языка в лаборатории экспериментальной фонетики ЛГУ не производились.

Вопросы фонетики эвенского языка, в частности наличие в нем фарингализованных гласных, в 1980-е годы затрагивались также в ряде публикаций В.М. Наделяева [1980; 1981, с. 15; 1986а, с. 14; 1986б, с. 4], однако высказанные в них этнолингвистические соображения по поводу возможной миграции эвенов из Прибайкалья на северо-восток надо признать более чем спорными, хотя они явно подстраиваются под устаревшие представления об этногенезе тунгусских народов в Прибайкалье. Впрочем, и само установление «этноантропологического» характера понятия артикуляционной базы вызывает справедливые нарекания фонетистов [Зиндер, 1984, с. 8–12].

Ударение и интонация в эвенском языке до настоящего времени остаются неизученными.

Одно из последних по времени описаний звукового строя эвенского языка представлено в учебном пособии «Эвенский язык» [Новикова и др., 1991]. Это описание, ставшее компиляцией вышеуказанных исследований по эвенскому языку, во-первых, не является оригинальным, во-вторых, содержит множество ошибок. Например, исходя из представленных в нем таблиц, которые характеризуют проявление редуцированных широких гласных в непервых слогах, можно сделать вывод, будто в ольском говоре эвенского языка (лежащем в основе эвенского письменного языка) качественная и количественная редукция гласных [а] и [э] в непервых слогах имеет место, а в эвенском «литературном языке» качественная редукция этих гласных якобы отсутствует. В действительности же в данном описании налицо смешение таких понятий, как характеристика звукового строя языка и отражение (причем не всегда адекватное) отдельных звуков языка на письме.

Специальные экспериментальные исследования звукового строя эвенского языка с использованием спектрографических и осциллографических методов до настоящего времени не проводились, что весьма досадно для специалистов по эвенскому языку и является в наши дни весьма актуальной научной задачей. Звуковой строй эвенского языка при эвенско-русском двуязычии или разнообразных видах трехъязычия, встречающихся у эвенов (эвенско-якутско-русском, эвенско-чукотско-русском, эвенско-юкагирско-русском и т.д.), оказывается проницаемым для интерференционного воздействия, в первую очередь со стороны русского и якутского языков, поэтому уже сейчас представляется особо актуальным магнитофонная запись эвенских слов, грамматических форм и текстов на эвенском языке по специальным программам для дальнейшего экспериментального исследования звукового строя. Как писал И.Е. Алексеев: «Предстоит решить емкие, первостепнные задачи по систематизации интонационных структур устной и письменной форм литературной речи, по исследованию разговорной речи, функционирования видов фоностилистики и др. в языках народов Якутии» [1989, с. 94]. И с этим нельзя не согласиться.

ЗВУКОВОЙ СТРОЙ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА

Общие замечания

Эвенский язык, как и другие тунгусо-маньчжурские языки, имеет вокалический строй. В говорах восточного наречия, на базе которого образован письменный эвенский язык и который представляет собой основу для норм эвенского языка в других функциональных сферах, насчитывается 18 гласных и 18 согласных фонем, при этом согласные [с] и [х] считаются разными фонемами в целях удобства описания. В большинстве эвенских говоров Республики Саха (Якутия), относящихся к западному наречию, имеется 18 гласных и 17 согласных фонем, так как звукотип [с]

в этих говорах либо отсутствует вообще, либо представлен в немногочисленных заимствованиях из юкагирского, якутского или русского языков. В аркинском и усть-майском говорах эвенского языка, распространенных в пос. Арка Охотского района Хабаровского края, выделяется 17 гласных и 18 согласных фонем, так как дифтонгоидные гласные [ие] и [иа] в этих говорах совпали в одном долгом гласном [ē] [Лебедев, 1982, с. 21].

В работе В.Д. Лебедева одним и тем же знаком [ее] обозначены и заднерядный долгий [ӣ], например в слове *ӣркан* ‘крик’ [1982, с. 22], и отнесенный к дифтонгоидам несоотностельный с краткими гласными долгий закрытый [ē], например в слове *гē* ‘друг’ [Там же, с. 24]. На основании этого нужно сделать однозначный вывод: интерпретация данных «охотского диалекта» эвенского языка в книге В.Д. Лебедева базируется на наблюдениях над фольклорными текстами в записи Н.П. Ткачика. Эти тексты в рукописных материалах Н.П. Ткачика представлены в действовавшей тогда эвенской графике на кириллической основе, где заднерядное [и] и дифтонгоид [иа] обозначались одной и той же буквой *е*. При перетранскрибировании текстов Н.П. Ткачика для их издания [Эпос…, 1986] после проставления долготы во многих словах с гласным [и] появилось написание [иа]: например, *гиаркан* вместо *гиркан* (в графике 1936–1937 гг. — *геркан*).

Согласно описанию Х.И. Дуткина, в аллаиховском говоре эвенского языка, представленном в низовьях Индигирки на территории Аллаиховского района (улуса) РС (Я), можно насчитать 14 гласных [1989а, с. 106; 1995, с. 8–13], так как узкие гласные, по мнению ученого, в данном говоре не являются фонематически противопоставленными. По нашим наблюдениям, различение задне- и переднерядных узких гласных прослеживается в разных формах во всех известных говорах, хотя этого часто не осознают сами современные носители эвенского языка.

Фонетическая система усть-янского говора, по описанию Х.И. Дуткина [1989б, с. 82–84], не имеет отличий в составе фонем от других эвенских говоров, хотя в более ранних работах Л.Д. Ришес в этом говоре не было отмечено противопоставление переднерядных [у] и [ө] [Там же, с. 82].

В ламунхинском говоре эвенского языка, согласно данным слухового анализа М.И. Матусевич, можно выявить 16 гласных: по представленным в ее работе лексическим материалам, узкие нелабиализованные переднерядные [и], [ӣ] и заднерядные [ы̄], [ы̄̃] совпали в кратком [и] и долгом [ӣ] соответственно, в то время как узкие лабиализованные переднерядные [у], [ӯ] и заднерядные [ы̄́], [ы̄́̃] различаются [Матусевич, 1979, с. 209–211]. Сверх этого количества в данном говоре представлен гласный смешанного ряда самого верхнего подъема [ы], который изредка встречается лишь в заимствованиях из якутского языка: *ырāһ ~ ырāс* ‘чистый’, *былаһа* ‘саженъ’ [Там же, с. 211; см. также: Дуткин, 1989а, с. 111]. По наблюдениям М.И. Матусевич, гласные в словах *унтун* ‘бубен’, *улрэ* ‘мясо’, *куӈа* ‘ребенок’, *хунат* ‘дочь’ (соответственно в первых двух словах — [у], во вторых — [ы̄́]) отличаются по признаку ряда: первые гласные сильно продвинуты вперед

[Матусевич, 1979, с. 210]. Слово *уси* ‘ремень’, имеющее переднерядную огласовку [Там же], в транскрипции *uhi* попало в список слов с заднерядным [ў], видимо, вследствие соседства гласного [у] первого слога с фарингальным согласным, что свидетельствует не столько о фонологической неточности, сколько о фонетической тонкости характеристики оттенков гласных в указанной работе. Надо отметить, что даже если в отдельных эвенских говорах не выявлена фарингализованная окраска заднерядных узких гласных (что вовсе не означает ее отсутствия), они все же отличаются от переднерядных гласных более низкой степенью подъема, в результате чего гласный [й] на слух оказывается сходным с закрытым напряженным [е], а гласный [ў] иногда напоминает сильно закрытое [о].

Эвенский язык представлен множеством диалектов и говоров, однозначная классификация которых ранее не была сформирована. Мы придерживаемся классификации, изложенной в одной из наших работ [Бурыкин, 1997, с. 74], которая во многом совпадает с классификацией диалектов эвенского языка, представленной в трудах В.И. Цинциус, и учитывает материалы по не известным ранее диалектам и говорам.

Диалекты и говоры эвенского языка объединяются в три наречия — восточное, среднее и западное, при этом особое положение занимает так называемый арманский диалект эвенского языка, или язык арманских эвенов, живших на территории Ольского района Магаданской области (табл. 1). Нам представляется нецелесообразным отделять саккырырский диалект от других эвенских диалектов РС (Я) и относить его к отдельному «крайне-западному» наречию. Единственный признак, который отличает саккырырский диалект от говоров эвенов бассейна Индигирки — это нерегулярность *о*-образной артикуляции кратких гласных [а] и [э] в непервых слогах, что, скорее всего, является следствием воздействия якутского языка.

Таблица 1

Классификация диалектов и говоров эвенского языка

Наречие		
западное	среднее	восточное
Индигирский диалект (абыйский, оймяконский, томпонский, момский говоры)	Охотский диалект (аркинский, ульинский говоры)	Камчатский диалект (быстринский, олюторский говоры)
Усть-янский говор	Улахан-чистайский говор	Окланский диалект
Саккырырский диалект (тюгесирский, ламунхинский говоры)	Усть-майский говор	Ольский диалект (пенжинский, гижигинский, таватумский, ольский, тауйский, прианадырский, березовский, рассохинский говоры)
Северный диалект (аллаиховский, нижнеколымский говоры)	Верхнеколымский говор	Тенькинский диалект
Арманский диалект (ныне вышедший из употребления)		

Диалекты и говоры восточного наречия эвенского языка, представленные на территории Камчатки, Чукотки, Магаданской области, Хабаровского края (пос. Новая Иня Охотского района) и РС (Я) (Среднеколымский улус, Улахан-Чистайский наслег Момского улуса), достаточно близки друг к другу и взаимопонятны. Диалекты и говоры западного наречия, функционирующие в РС (Я) и частично в Охотском районе Хабаровского края, также обнаруживают значительную схожесть друг с другом и также являются взаимопонятными для большинства носителей этих диалектов. Взаимопонимание представителей разных наречий эвенского языка крайне затруднено.

Основные фонетические признаки диалектов и говоров восточного наречия следующие:

1) наличие согласного *с*: *аси* ‘женщина’, *уси* ‘ремень’, *бөкэс* ‘лед’;

2) наличие дрожащего сонанта *р* или бокового *л* после плавных и носового *н* после носовых: Ол. *олра* ‘рыба’, *нанра* ‘шкура’; Быстр. *олла*, *нанна*.

Основные фонетические признаки диалектов и говоров западного наречия:

1) отсутствие звукотипа [с] и наличие фарингального согласного [h] во всех позициях в слове: *ahu* ‘женщина’, *yhu* ‘ремень’;

2) метатеза конечного *-с* и гласного последнего слога: *буһкэ* ‘лед’, *эһкэ* ‘рыбья чешуя’ (ср. вост. *бөкэс*, *экэс*);

3) преимущественное наличие переднеязычного *д* после сонорных согласных: *олда* ‘рыба’, *нанда* ‘шкура’.

Более подробная характеристика фонетических, морфологических и частично лексических особенностей наречий, отдельных диалектов и говоров эвенского языка с учетом полевых исследований последних лет дана в специальной работе А.А. Бурыкина [1997, с. 57–75]. Однако общая характеристика диалектного состава и диалектного членения эвенского языка, прежде всего на территории Республики Саха (Якутии), требует продолжения полевых исследований и сбора дополнительных материалов.

ГЛАСНЫЕ ФОНЕМЫ

Состав гласных

Вокалическая система эвенского языка включает 18 гласных фонем, из которых 16 представляют собой монофтонги (гласные однородной артикуляции), 2 — дифтонгоиды (гласные неоднородной артикуляции, отдельные артикуляционно-акустические составляющие которых не имеют аналогов среди монофтонгов).

Гласные фонемы эвенского языка различаются следующими дифференциальными признаками: подъем, ряд, лабиализация, долгота — краткость, фарингализованность — нефарингализованность. Система гласных фонем эвенского языка представлена в табл. 2.

Таблица 2

Система гласных фонем эвенского языка

Подъем		**Лабиализация**			
		нелабиализованные	лабиализованные		нелабиализованные
верхний	нефарингализованные	и, ӣ		у, ӯ	
	фарингализованные	и̇, ӣ̇		у̇, ӯ̇	
средневерхний		ие			
средний		э, э̄	ө, ө̄	о, о̄	
нижний		иа			а, а̄
Ряд		передний		задний	

Различительные признаки эвенских гласных

Как указывалось ранее, эвенские гласные противопоставлены друг другу по признакам ряда, подъема, лабиализации, долготы — краткости и фарингализованности — нефарингализованности.

Признак ряда у гласных эвенского языка выражен значительно менее ярко, чем в русском языке. Гласные эвенского языка, которым приписывается фонологическое значение переднего ряда, по сравнению с соответствующими русскими гласными значительно отодвинуты назад. Гласные заднего ряда, например [о] и [а], также заметно отодвинуты назад по сравнению с соответствующими русскими гласными.

Признак подъема у гласных в эвенском языке имеет меньшую фонологическую значимость, чем, например, в русском, несмотря на то, что в эвенском языке могут выделяться четыре или даже пять степеней подъема, если приписать фарингализованным гласным значение более низкого подъема, нежели нефарингализованным узким гласным. В сущности, самые значимые оппозиции гласных по подъему — это оппозиции пар узких гласных [у], [у̇] и широких гласных [о], [ө], а также пары гласных [э], [а]. В остальных случаях гласные противопоставляются друг другу по более чем одному различительному признаку.

Признак лабиализации в эвенском языке несет значительную функциональную нагрузку, так как в нем насчитывается восемь лабиализованных и десять нелабиализованных гласных. Однако дистинктивная значимость признака лабиализации для эвенского вокализма снижается тем обстоятельством, что противопоставление некоторых нелабиализованных и лабиализованных гласных реализуется только в первом слоге слова. В непервых слогах встречаются лишь долгие лабиализованные гласные или гласные, сохраняющие историческую долготу (типа *кӯчу* ‘спальный мешок’, *ӯчу* ‘пух’).

Согласно описанию М.И. Матусевич, в «окающем» ламунхинском говоре эвенского языка в непервых слогах слов представлены лабиализованные гласные [ое] и открытое [о] на месте кратких [э] и [а] [1979, с. 209, 211]. Однако первый гласный является аллофоном краткого [э] и в первом

слоге слов, который имеет в диалектах специфическую лабиализованную окраску. Общая картина, таким образом, не меняется: в непервых слогах слов в этом говоре оппозиция по лабиализованности — нелабиализованности у кратких гласных снимается, изменяется лишь значение различительного признака гласных в непервых слогах.

Признак долготы — краткости, характерный для всех тунгусо-маньчжурских языков, играет важную роль в фонологической системе эвенского языка, как и признак лабиализации. В эвенском вокализме насчитывается восемь пар гласных, различающихся по долготе — краткости, причем различие долгих и кратких гласных прослеживается во всех позициях — в любом слоге слова. Существенно, что долгие и краткие гласные в первом слоге слова различают лексические омонимы, а противопоставление долгих и кратких гласных в непервых слогах оказывается важным для различения разных грамматических форм одного и того же слова либо для различения однокоренных слов (например, *тэгэттэн* ‘он сидит’ (форма 3-го л. ед. ч. изъявительного наклонения) — *тэгэттэ̄н* ‘пусть он сидит’ (форма 3-го л. ед. ч. повелительного наклонения), *икэ̄лэн* ‘певец’ — *икэ̄лэ̄н* ‘в его песне’), а также для различения грамматических форм разнокоренных слов (например, *инмэй* ‘свою иглу’ — *ӣнмэй* ‘вход’).

В некоторых работах применительно к эвенскому языку различаются «недолгие» и «долгие» гласные [Цинциус, 1947, с. 13], или «гласные нормальной долготы» и «долгие гласные» [Новикова, 1960, с. 34–37; Лебедев, 1982, с. 18–20]. Как и В.А. Роббек [1989, с. 10–14], мы предпочитаем пользоваться общепринятыми наименованиями «краткие» и «долгие» гласные, чего достаточно для констатации фонологической значимости признака количества гласных в эвенском языке. Фонетическая абсолютная количественная характеристика гласных конкретного языка принципиально не может быть выражена в каких-либо фонетических терминах.

Характеристики гласных фонем эвенского языка

Гласные верхнего подъема

Краткие гласные

[и] — гласный переднего ряда, верхнего подъема, нелабиализованный, краткий, нефарингализованный. Весьма сходен с русским гласным [и]. Встречается во всех возможных для гласных фонем фонетических позициях: *инмэ* ‘игла’, *эни* ‘сильный’, *бини* ‘жизнь’, *икири* ‘кость’, *киримки* ‘бровь, брови’, *типкир* ‘гвоздь’, *зилики* ‘горностай’.

[й] — гласный переднего ряда, верхнего подъема, нелабиализованный, краткий, фарингализованный. Артикуляционно характеризуется более низкой степенью подъема, нежели гласный [и]. Сходен с русским [и] в слове «их» или в русских фамилиях типа Глухих, Сухих. В речи эвенский фарингализованный [й] иногда напоминает закрытое [е], вследствие этого он и обозначался буквой *е* в графике на латинской основе, а в графике на кириллической основе — буквами *э* (в начале слов) и *е* (после согласных и иногда в начале слов). Об артикуляции эвенского гласного [й]

В.М. Наделяев писал следующее: «Термины *фарингализация*, *фарингализованный*, *фарингализованность* были предложены в 1947 г. в Ленинграде при следующих обстоятельствах: К.А. Новикова, известный специалист по тунгусо-маньчжурским языкам, приведя с собой студента-эвена Г. Семенова, обратилась ко мне с просьбой определить, в чем различие между двумя эвенскими гласными типа *и*, двумя эвенскими гласными типа *і* и др., на котором настаивал ее студент Г. Семенов, так как до этого никто из эвеноведов, в том числе сама К.А. Новикова, не замечал различий между гласными эвенского языка, казалось бы, одинаковой настройки и звучания. В результате прослушивания звучаний гласных в произнесении Г. Семенова, осмотра у него участка шеи над гортанным выступом и прощупывания у него всего этого участка вплоть до подъязычной кости спереди и до нижнечелюстных углов с боков во время фонации гласных мне удалось установить различие в их настройках именно в области глотки — большее мускульное напряжение при фонации части гласных. Этот вывод и послужил основанием для предложения данных терминов» [1980, с. 37–38, прим. 31].

Гласный [й] встречается во всех возможных для гласных фонем фонетических позициях: *йӈат* ‘шерсть, волосы’, *бйлга* ‘горло; устье реки’, *икрй* ‘червь, личинка’, *нйна* ‘деревянное блюдо для мяса’, *ан’ймди* ‘подарок’, *итй* ‘лицо’, *тймйна* ‘завтра’.

В ольском говоре эвенского языка, точнее в говорах эвенов Охотского побережья на всем его протяжении от северо-запада Камчатки до пос. Иня Охотского района Хабаровского края, а также в континентальных районах Чукотки, Магаданской области и Якутии гласные [и] и [й] отличаются друг от друга только признаком фарингализации. В других говорах (на Камчатке и в Охотском районе) фарингализованный гласный [й] имеет несколько более низкую степень подъема.

[у] — гласный заднего ряда, верхнего подъема, лабиализованный, краткий, нефарингализованный. Весьма сходен с русским [у]. Встречается во всех возможных для гласных фонем фонетических позициях: *улрэ* ‘мясо’, *булрэ* ‘сухожилие’, *урумкун* ‘короткий’, *умру* ‘шнур у сумок, унтов, штанов, рукавиц’, *эрун* ‘лопата’, *нэ̄ку* ‘лабаз, амбар, кладовая в доме’, *хᵘеӈкурун* ‘вьюк из покрышек юрты и посуды’.

[ў] — гласный заднего ряда, верхнего подъема, лабиализованный, краткий, фарингализованный. Сходен с русским гласным [у] в слове «ухо»; его нефарингализованный коррелят похож на русское [у] в слове «уши». В речи довольно часто напоминает сильно закрытое [о], вследствие чего не всегда отличался от гласного [о] при записи эвенских слов. Встречается во всех возможных для гласных фонем фонетических позициях: *ўнта* ‘обувь’, *ўлтāвки* ‘эхо’, *ўливун* ‘весло’, *тўрки* ‘нарта’, *ўнун* ‘догадался, понял’, *бакўн* ‘нашелся; родился’, *ўчун* ‘мотовильце для жильных ниток; катушка’, *кўвун* ‘нож для строгания, скобель’, *абдў* ‘имущество, вещи’, *илўм* ‘чум’, *арбикўн* ‘мелководье, мель’.

Смыслоразличительная роль нефарингализованных и фарингализованных, долгих и кратких узких гласных в эвенском языке проявляется в следующих примерах — словах, различающихся только качеством этих

гласных: *хиррин* ‘он разрезал вдоль’ — *хӣррин* ‘настоялся, заварился (о чае)’, *хи̇ррин* ‘он доил (корову, важенку)’ — *хӣррин* ‘он сердился, злился’.

Формы повелительного наклонения данных глаголов с суффиксом *ли/-ли̇*, формы причастия настоящего времени с суффиксом *-ри/-ри̇* и омонимичные им формы прошедшего времени будут различаться только долготой — краткостью и фарингализованностью — нефарингализованностью гласных первого слога и окраской гласного второго слога, при этом написание их будет одинаковым: *хирли*, *хирри*, *хиррив*, *хиррис* и т.д. Другие примеры противопоставления фарингализованных и нефарингализованных, долгих и кратких гласных верхнего подъема: *ис-чи-н* ‘он будет щипать’ — *ӣс-ч-и-н* ‘его шкурой’; *ӣ-счи-н* ‘он пытается войти’ — *и̇̄с-чи-н* ‘дойдет’; *ис-ли* ‘щипли’ — *ӣс-ли* ‘по шкуре’ — *и̇̄с-ли* ‘дойди’; *ин* ‘вьюк’ — *ӣ-н* ‘выделка шкуры’ — *ӣн* ‘толстая кишка’; *ин-ди-н* ‘его вьюком’ — *ӣн-дин* ‘он будет жить’ — *ӣн-ди-н* ‘его толстой кишкой’; *ус-ч-и-н* ‘его оружием’ — *у̇̄с-ч-и̇̄-н* ‘его виной’; *ӯ-счи-н* ‘потихоньку тает’ — *ӯ-счи̇̄-н* ‘он пытается сесть верхом’; *ул-ри-н* ‘он копал’ — *ӯл-ри-н* ‘протухло, испортилось’; *у̇̄л-ри̇̄-н* ‘он намочил’ — *у̇̄̄л-ри̇̄-н* ‘он махал (чем-л.)’.

Формы повелительного наклонения *улли*, формы причастия настоящего времени *улри*, формы прошедшего времени *улрив*, *улрис*, *улрин*, образованные от вышеприведенных глаголов, будут различаться только долготой — краткостью и фарингализованностью — нефарингализованностью гласного первого слога, а также фарингализованностью — нефарингализованностью гласного второго слога.

Узкие гласные в суффиксальных морфемах

В связи с тем, что в эвенском языке существует гармония гласных, узкие гласные [и], [й] и [у], [у̇] в составе суффиксов не противопоставлены друг другу по признаку фарингализованности — нефарингализованности, а в силу определенных исторических качественных изменений гласных — и по признаку долготы — краткости. Присутствие того или иного — нефарингализованного или фарингализованного — гласного в составе суффикса зависит от характера гласного первого слога словоформы, а именно — от гласного корневой морфемы.

Узкие гласные [и], [й] в суффиксах

В эвенском языке узкие гласные [и], [й] встречаются в составе следующих словоизменительных суффиксов:

1) суффиксов форм множественного числа терминов родства *-тил*, *-нил*, например: *аман* ‘отец’ — *ам-ти̇̄л* ‘отцы’, *энин* ‘мать’ — *эньтил* ‘матери’, *акан* ‘старший брат’ — *ак-ни̇̄л* ‘старшие братья’, *экэн* ‘старшая сестра’ — *эк-нил* ‘старшие сестры’, *нӧ̄* ‘младший брат/сестра’ — *нӧ̄нил* ‘младшие братья/сестры’;

2) суффиксов направительного падежа *-тки/-тки̇̄*, *-таки̇̄/-тэки̇̄*, например: *хякита-тки̇̄* ‘к лиственнице’, *кэӈгулэ-тки* ‘к впадине’, *окат-таки̇̄* ‘к реке’, *тӧӈэр-тэки* ‘к озеру’;

3) суффикса продольного падежа *-ли/-лӣ*, например: *хөт-ли* ‘по следу’, *окат-лӣ* ‘по реке’;

4) суффиксов исходного падежа *-гич/-гӣч//-кич/-кӣч*, например: *нам-гӣч* ‘со стороны моря’, *ирэкэг-гич* ‘со стороны зарослей молодой лиственницы’, *окат-кӣч* ‘со стороны реки’, *дэт-кӣч* ‘со стороны болотистой тундры’;

5) суффиксов безличной принадлежности ед. ч. *-и/-ӣ*, *-ми/-мӣ* после основ на согласный и неусеченных основ на *-н*, например: *боят-ӣ* ‘свой пояс’, *нэл-и* ‘свой передник (деталь национального костюма)’, *ам-мӣ* ‘своего (его, ее) отца’, *эньми* ‘свою (его, ее) мать’;

6) суффикса 2-го л. настоящего времени глагола *-нри/-нрӣ*, например: *ха-нрӣ* ‘ты знаешь’, *минэ-нри* ‘ты режешь’;

7) суффикса будущего времени *-ди-/-дӣ-*, например: *бокан-дӣ-нрӣ* ‘ты догонишь’, *эм-ди-нри* ‘ты придешь’;

8) суффикса прошедшего времени *-ри-/-рӣ-*, например: *хулā-рӣ-вун* ‘мы оставили’, *хөр-ри-вун* ‘мы (но не вы) ушли’;

9) суффикса 2-го л. ед. ч. повелительного I наклонения *-ли/-лӣ*, например: *хӯлда-лӣ* ‘иди на лыжах’, *тэг-ли* ‘садись’;

10) суффикса предостерегательного наклонения *-дик-/-дӣк-*, например: *хор-дӣк-а-ри-в* ‘как бы я не попал в ловушку’, *бэри-дик-э-ри-в* ‘как бы я не потерял’;

11) суффикса причастия настоящего времени *-ри/-рӣ*, например: *таӈ-рӣ* ‘читающий’, *хөр-ри* ‘уходящий’.

Гласные [и], [ӣ] встречаются также в составе некоторых других словообразовательных и формообразующих суффиксов.

Узкие гласные [у], [ӯ] в суффиксах

В эвенском языке узкие гласные [у], [ӯ] встречаются в составе следующих словоизменительных суффиксов:

1) суффиксов отложительного падежа *-дук/-дӯк//-тук/-тӯк*, например: *окат-тӯк* ‘из реки’, *төӈӯр-дук* ‘из озера’;

2) суффикса совместного 1-го падежа *-н’ун/-н’ӯн*, например: *ам-н’ӯн* ‘с отцом’, *эн’-н’ун* ‘с матерью’;

3) суффиксов принадлежности 1-го л. мн. ч. эксклюзива *-вун/-ун/-мун//-вӯн/-ӯн/-мӯн*, например: вост. *атā-вӯн* ‘наша бабушка’, *матак-ӯн* ‘наш зять’, *ам-мӯн* ‘наш отец’, вост. *этӯ-вун* ‘наш дедушка’, *бэнӯр-ун* ‘наш шурин’, *эньмун* ‘наша мать’;

4) суффикса 1-го л. мн. ч. эксклюзива настоящего времени глагола *-ру/-рӯ*, например: *бак-рӯ* ‘мы нашли’, *эм-ру* ‘мы пришли’;

5) суффикса 1-го л. мн. ч. эксклюзива прошедшего времени глагола *-вун/-вӯн*, например: *мял-рӣ-вӯн* ‘мы проснулись’, *тэг-ри-вун* ‘мы сели’;

6) суффиксов безличной принадлежности мн. ч. *-вур/-ур/-мур//-вӯр/-ӯр/-мӯр*, например: *атā-вӯр* ‘свою (их) бабушку’, *матак-ӯр* ‘своего (их) зятя’, *ам-мӯр* ‘своего (его, ее) отца’, *этӯ-вур* ‘своего (их) дедушку’, *бэнэр-ур* ‘своего (их) шурина’, *эньмур* ‘свою (его, ее) мать;

7) суффикса 1-го л. ед. ч. повелительного II наклонения *-ку/-кӯ*, например: *гā-дā-кӯ* ‘возьму-ка я’, *нӯ-дэ-ку* ‘положу-ка я’;

8) суффиксов формы цели 1-го л. ед. ч., омонимичных вышеназванным формам повелительного наклонения, например: *гā-дā-кӯ* ‘чтобы я взял’, *нэ̄-дэ-ку* ‘чтобы я положил’;

9) алломорфов суффикса сослагательного наклонения с чередованием *у/ū*, *-мчу/-мчӯ*, *-мчис/-мчӣс*, *-мчи/-мчӣ*, например: *мā-мч-ӯ* ‘если бы я убил’, *нэ̄-мч-у* ‘если бы я положил’, *мā-мчӣ-с* ‘если бы ты убил’, *нэ̄-мчи-с* ‘если бы ты положил’, *мā-мчӣ* ‘если бы он убил’, *нэ̄-мчӣ* ‘если бы он положил’;

Гласные [у], [ӯ] встречаются также в составе некоторых других словообразовательных и формообразующих суффиксов.

Долгие узкие гласные

[ӣ] — гласный переднего ряда, верхнего подъема, нелабиализованный, долгий, нефарингализованный. Обладает несколько более высокой степенью подъема, нежели краткий [*и*]. Встречается только в первом слоге слов: *ӣн* ‘он вошел’, *ӣс* ‘шкура’, *ӣт* ‘зуб’, *ӣг* ‘звук’, *гӣт* ‘голубика’, *кӣвэ̄* ‘береста’, *мӣр* ‘плечо’, *мӣнэ* ‘вино’, *мӣнэ̄н* ‘он режет’, *тӣд* ‘ненастье’, *тӣтэл* ‘раньше’, *чӣрит* ‘медь’.

[ӣ] — гласный переднего ряда, верхнего подъема, нелабиализованный, долгий, фарингализованный. На слух напоминает очень закрытый гласный [е]. Несколько сходен с русским [и] в слове «их». Встречается только в первом слоге: *ӣмкāнни* ‘прицелился’, *ӣн* ‘толстая кишка’, *ӣркан* ‘крик’, *нӣнā* ‘деревянное блюдо для мяса’, *чӣдыгā* ‘евражка’.

[ӯ] — гласный заднего ряда, верхнего подъема, лабиализованный, долгий, нефарингализованный. Как и соответствующий краткий гласный, весьма сходен с русским [у]. Встречается только в первом слоге слов: *ӯг* ‘рама очага’, *ӯчу* ‘пух птиц’, *хӯнӈэ* ‘сильный ветер, пурга’, *чӯс* ‘сок растений, плодов’, *н’ӯрит* ‘волосы’, *ӯнни* ‘растаял’.

[ӯ] — гласный заднего ряда, верхнего подъема, лабиализованный, долгий, фарингализованный. На слух воспринимается как более закрытый, нежели нефарингализованный гласный [ӯ]. Встречается только в первом слоге слов: *ӯчак* ‘ездовой олень, верховой олень’, *ӯн* ‘он сел верхом’, *ӯнāн* ‘наст’, *ӯтӣ* ‘серый (масть животных)’, *гӯд* ‘высокий’, *хӯнāвӯн* ‘пила’, *хӯсӣ* ‘лебедь’, *мӯпкӣйа* ‘тупой’, *хӯлдāн* ‘идет на лыжах’, *чӯлбāн’ā* ‘зеленый; синий’.

Гласные среднего подъема

Гласные среднего и нижнего подъема в эвенском языке не представляют собой столь симметричной системы, как узкие гласные. Они довольно существенно различаются между собой и в отношении дистрибуции, прежде всего по способности встречаться в непервых слогах эвенских слов и в составе суффиксов. Только гласные наиболее низкого подъема, а именно краткие и долгие [а] и [э], могут встречаться в любом слоге слова без ограничений. Поэтому систематизация полуширокихи широких гласных эвенского языка имеет несколько иной характер, нежели систематизация узких гласных — гласных верхнего подъема.

Лабиализованные гласные

Краткие гласные

[ө] — гласный среднего подъема, переднего ряда, лабиализованный, краткий, нефарингализованный. На слух сходен с русским [о] в словах «тетка, ткет, щетка», иногда, при реализации более закрытых оттенков, приближается к русскому [у]. Во втором и последующих слогах корневых морфем гласный [ө] переднего ряда не встречается: *өкрэ* ‘поляна’, *өлики* ‘белка’, *бөкэс* ‘лед’, *төллэ* ‘снаружи’, *дөр* ‘берестяной вкладыш в детской колыбели’, *көӈкэ̄вки* ‘жук’, *нөки* ‘стрела’, *н’өкчэ* ‘бахрома, кисточка из замши’, *гөпкэ̄нни* ‘выглянул’, *көсчин* ‘пасет оленей днем’.

[о] — гласный среднего подъема, заднего ряда, лабиализованный, краткий, фарингализованный. На слух воспринимается как более задний и более закрытый, чем русский [о]. Встречается только в первом слоге слов: *отā* ‘волна’, *онин* ‘песок, галька’, *боста* ‘почка’, *боӈгā* ‘снежный баран, овца’, *боритта* ‘они делят’, *корит* ‘ухо’.

Долгие гласные

[ө̄] — гласный среднего подъема, переднего ряда, лабиализованный, долгий, нефарингализованный. Встречается почти исключительно в первом слоге корневых морфем (см. следующий раздел): *ө̄* ‘скребок для выделки кожи’, *ө̄м* ‘кадык’, *ө̄н* ‘морской прилив’, *бө̄н* ‘он дал’, *н’ө̄* ‘младший брат/сестра’, *н’ө̄н* ‘он вышел’, *н’ө̄чэ* ‘трава’, *ө̄кэ̄ӈэ̄* ‘гагара’, *ө̄мӈэ̄ти* ‘чайка’.

[о̄] — гласный среднего подъема, заднего ряда, лабиализованный, долгий, фарингализованный. Как и гласный [ө̄], встречается почти исключительно в первом слоге корневых морфем: *о̄н* ‘он сделал’, *о̄сикā̄т* ‘звезда’, *о̄рбā̄т* ‘черная смородина’, *о̄дни* ‘он стал (кем/чем-л.)’, фолькл. *бо̄л* ‘раб’, *ко̄ла* ‘ковш’, *до̄ла* ‘внутри чего-л.’, *н’о̄нни* ‘он убежал’, *н’о̄н* ‘они убежали’.

Долгие лабиализованные гласные среднего подъема в суффиксах

Лабиализованные гласные среднего подъема в эвенском языке встречаются в составе суффиксов в очень ограниченном числе случаев, образуя соотносительную пару [о̄]/[ө̄]. При этом соответствующие краткие гласные в суффиксах не встречаются: в рассматриваемых элементах долгота гласных слышна достаточно отчетливо. Лабиализованные полуширокие гласные встречаются в эвенском языке в составе следующих суффиксов:

1) производных форм указательных местоимений *эррө̄чин* ‘вот эдакий’, *таррө̄чин* ‘вот такой’, соотносительной с ними формы вопросительного местоимения *иррө̄чин* ‘какой, какой именно?’;

2) суффикса ослабленной степени действия *-со̄-/-сө̄-*, например: *гā-со̄-ли* ‘бери’, *хуклэ-сө̄-ли* ‘спи’;

3) суффикса со значением имитации действия в составе аналитических конструкций *-со̄н/-сө̄н* (иногда в сочетании с уменьшительным суффиксом *-ткан/-ткэн*) + глагол *бидэй* ‘быть’ или *одай* ‘стать’, например: *гā-со̄-н бивэттэн* ‘притворяется, что берет’, *хуклэ-сө̄-ткэн оваттан* ‘делает вид, что спит’;

4) суффиксов вида обычного действия *-ват/ч-//-вэт/ч-* у глаголов с основой на согласный, например: *гог-гōт-тай* ‘лаять’, *бак-кōт-тай* ‘находить’, *мял-лōт-тай* ‘просыпаться, пробуждаться’, *дэг-гōт-тэй* ‘летать’, *деб-бōт-тэй* ‘есть’, *тик-кōт-тэй* ‘падать’, *ӈэл-лōт-тэй* ‘бояться, пугаться’ и т.п.;

5) того же суффикса в составе суффиксальных последовательностей после суффикса с конечным согласным, например: *бак-аб-бōт-тай* ‘находиться, попадаться’, *эмэ-б-бōт-тэй* ‘оставаться’, *кол-а-мал-лōт-тай* ‘начинать хотеть пить (курить)’, *хуклэ̄-мэл-лōт-тэй* ‘начинать хотеть спать’, *деб-э-д-ил-лōт-т*эй ‘обычно начинать есть’ и т.п.;

6) суффиксов винительного падежа в притяжательной форме 3-го л. ед. ч. у существительных с основой на согласный, например: *ӈал-лō-н* ‘его руку’, *гид-дō-н* ‘его копье’, *мавут-тō-н* ‘его аркан’, *ой-йо-н* ‘его одежду’, *бōдэл-лō-н* ‘его ногу’, *мӣр-рō-н* ‘его плечо’, *ӯр-рō-н* ‘его живот’, *н’ӯрит-тōн* ‘его волосы’ и т.п.

В притяжательных формах 3-го л. ед. ч., образованных от приведенных выше указательных местоимений *эррōчин* ‘вот эдакий’, *таррōчин* ‘вот такой’, возможно появление долгих гласных [ō] и [ē] даже в двух смежных слогах подряд: *эррōччēн* ‘вот эдакое его свойство, вот этот его признак’, *таррōччōн* ‘вот такое его свойство, вот тот его признак’;

7) того же суффикса у любых существительных в относительно-притяжательной форме, например: *олра-ӈ-ӈō-н* ‘его рыбу (рыбу, которую кто-то поймал)’, *улрэ-ӈ-ӈō-н* ‘его мясо (мясо, принадлежащее кому-л. другому)’.

Долгота лабиализованных гласных среднего подъема в непервых слогах производных словоформ подвергается некоторому сокращению, приближаясь на слух к длительности краткого гласного, однако сохранение огубленности гласного в данной позиции отчасти способствует сохранению его количественной характеристики, отчасти является важным для позиции непервого слога различительным признаком.

Нелабиализованные широкие гласные

Краткие гласные

[э] — гласный среднего подъема, переднего ряда, краткий, нелабиализованный, нефарингализованный. На слух сходен с русским [э] в словах «эта, эра», но обычно несколько отодвинут назад, вследствие чего воспринимается многими русскоговорящими и даже некоторыми современными носителями эвенского языка как гласный, близкий к русскому [ы]. Встречается в любом слоге слова: *эрэ*к ‘этот’, *эвтэ* ‘легкое, легкие’, *элгэ* ‘острога для ловли рыбы’, *эрэгэр* ‘всегда, все время’, *эртэ* ‘кожа’, *эрун* ‘лопата’, *бэй* ‘человек; мужчина’, *дэвэнӈит* ‘гриб’, *нэлкэ* ‘первая половина весны’, *тэпкэ* ‘чехол, футляр’, *хэӈкэс* ‘багульник’, *хэркэ* ‘штаны’, *этэргэн* ‘муравей’.

В непервых слогах слов гласный [э] подвергается некоторому количественному сокращению и воспринимается многими слушающими как еще более близкий к русскому [ы], чем краткий гласный [э] в первом слоге, в особенности в позиции конца слова после двух согласных: *өкрэ* ‘поляна’,

улрэ ‘мясо’, *илрэ* ‘тело, кожа человека’. В разговорной речи этот гласный в позиции непервого слога звучит примерно так же, как русский гласный [э] в конечном слоге слова «сердце». Характеристики краткого гласного [э] отчетливо проявляются при неторопливой речи, например при исполнении сказок, а также при пении, где краткий гласный [э] утрачивает все признаки хотя бы отдаленного сходства с русским [ы].

[а] — гласный нижнего подъема, заднего ряда, нелабиализованный, краткий. По описаниям, имеет слабую фарингализованную окраску [Новикова, 1960, с. 45]. Встречается в любом слоге слова: *арран* ‘ожил’, *анманра* ‘наледь’, *каңтарāвун* ‘ловушка-черкан’, *арамра* ‘женские чулки-ноговицы из ровдуги’, *авдāттан* ‘заботится’, *амкачāн* ‘горка, бугор, холм’, *амңа* ‘рот’.

В непервых слогах слов краткий гласный [а], как и краткий гласный [э], подвергается количественному сокращению и аналогичным образом воспринимается некоторыми из слушающих как гласный, близкий к русскому [ы], в особенности в абсолютном конце слова после двух согласных: *олра* ‘рыба’, *хулра* ‘одеяло’. В разговорной речи этот гласный в позиции непервого слога звучит примерно так же, как русский гласный [а] в заударном слоге, например, в слове «наволочка», или как гласный [а] в конечном слоге слова «яйца», но совсем не так, как русский гласный [ы] в слове «зайцы». Характеристики краткого гласного [а] и его акустическая близость к краткому гласному [а] в первом слоге проявляются при медленном темпе речи и пении, где краткий гласный [а] также утрачивает признаки сходства с русским [ы].

Долгие гласные

[ē] — гласный среднего подъема, переднего ряда, долгий, нелабиализованный, нефарингализованный. На слух имеет более высокую степень подъема, нежели краткий [э]: *ēнкэн* ‘теленок оленя’, *ēрбēч* ‘гусь’, *ēрипчи* ‘дорогой’, *тēдēн* ‘место для сидения в юрте’, *н’ēнрэн* ‘что-то растопилось, расплавилось’, *ңēлрэн* ‘испугался он’, *тēринтэкин* ‘в разные стороны’, *хēрук* ‘вещевая сума’, *кēйē* ‘рог снежного барана’, *эмēнни* ‘он оставил’.

В непервом слоге слов [ē] заметно теряет долготу, приближаясь по длительности звучания к краткому гласному [э] первого слога, однако при этом в непервых слогах слов противопоставление по признаку долготы — краткости сохраняется: *хуклēн* ‘он спит’, *мīнēн* ‘он режет’, *хēтē* ‘сало морского зверя’, *чēлēн* ‘весь’, *элē* ‘здесь, тут’, *эмēнни* ‘оставил’, *эңēйē* ‘богатый’, *эңēнни* ‘подсмотрел украдкой’, *ēсēнни* ‘оглянулся назад’, *этэргēн* ‘муравей’, *ēнтукукēн* ‘потихоньку, медленно’, *ēтēвкиттэн* ‘видит сон’, вост. *этē* ‘дедушка’, *ēскēн* ‘хвалит, славит’, *булē* ‘тина, *диал.* песок’, *бэркēн* ‘самострел’, *бэлтēн’ē* ‘с выпученными глазами’, *гөбēн* ‘погрузился, скрылся’, *гэлēн* ‘грустит, тоскует’, *икē* ‘песня’, *иргē* ‘напильник’ (ср. *иргэ* ‘мозг’, вост. *иргэ* ‘хвост’), *ītēнē* ‘горный баран трех лет’, *кīвē* ‘береста’, *көплēчин* ‘пляска, танец’, *көкēтлэ* ‘дохлый, давно умерший’, *кэвē* ‘нижняя челюсть, подбородок’, *кэрдē* ‘кожемялка’, *кēвңē* ‘дупло’, *кēңгулэ* ‘впадина, выемка’, *милтэрē* ‘полый’, *мөнкē* ‘голец (рыба)’, *муңгэрē* ‘сума парная переметная’,

мэнкэн ‘сам’, *мэҥэл* ‘вешала для сушки рыбы’, *нэрҥэ* ‘дождь (проливной, сильный), ливень’, *нимэк* ‘сосед (по дому)’, *н’эркэ* ‘место вокруг очага’, *ҥөйэкэ* ‘шарф, платок, боа’, *ҥэргэн* ‘трус’, *өлэн* ‘сварил’, *өмуэти* ‘чайка’, *өкэҥэ* ‘гагара’, *өтэл* ‘раньше, когда-то давно’, *тэд’эн* ‘поверил’, *утэн* ‘дом русского типа, землянка’, *урэкчэн* ‘гора, сопка’, *хуклэн* ‘спит’, *хөлнэн* ‘пошел в гости’, *хӯрэн* ‘конец, вершина’, *хэрдэ* ‘низ, нижнее пространство’, *хэбден* ‘веселье’, *чөкчэҥэ* ‘кулик’.

[ā] — гласный нижнего подъема, заднего ряда, нелабиализованный, долгий, фарингализованный. Например: *āган* ‘точильный брусок’, *āвус* ‘зять — муж старшей сестры’, *āнгидā* ‘правая сторона’, *āсāн* ‘сердитый, злой’, *ҥāл* ‘рука’, *бāн* ‘лентяй’, *тāдни* ‘узнал’.

При реализации в непервом слоге корневой морфемы долгий гласный [ā] подвергается сокращению, приближаясь по длительности к краткому [а] в первом слоге, однако ввиду того, что процесс сокращения (количественной редукции) гласных в непервых слогах в эвенском языке охватывает в равной мере как краткие, так и долгие гласные, оппозиция долготы — краткости гласных в непервых слогах сохраняется: *чāчас* ‘песец’, *хотāн* ‘он ошибся’, *иҥā* ‘галька, крупный песок’, *нинā* ‘деревянное блюдо для мяса’, вост. *атā* ‘бабушка’, *атāки* ‘паук’, *алмā* ‘песня-подражание’, *айāвран* ‘любит’, *гарпāнҥа* ‘солнечный луч’, *дюкчā* ‘старый остов юрты’, *ӣмкāн* ‘прицел’, *илчāр* ‘коса, заплетенные волосы’, *кявāҥи* ‘кривой, изогнутый’, *кᵘатā* ‘кета’, *колāли* ‘рыбья икра’, *кумā* ‘нерпа, тюлень’, *марāнҥа* ‘радуга’, *манā* ‘лапа животного (медведя, птиц)’, *маҥгāй* ‘яловая важенка’, *моҥāли* ‘плавник’, *ноҥдāн* ‘мыс, выступ’, *нимкāми* ‘посох для ходьбы’, *нōдāн* ‘он бросил’, *нуҥā* ‘лук (оружие)’, *нямā* ‘сто’, *н’окā* ‘якут’, *н’оҥчāк* ‘волк’, *обāкā* ‘горная мышь, пищуха’, *олдāн* ‘бок, сторона’, *ōд’ан* ‘бухта, залив’, *ōрбāт* ‘черная смородина’, *ōтлāт* ‘карликовая ольха’, *тибāн* ‘бежит (о животном)’, *тōсāҥā* ‘белолобый (о животном)’, *ӯлтāвки* ‘эхо’, *хаҥāр* ‘дыра, отверстие’, *харāн* ‘место в юрте’, *хāрāк* ‘друг, знакомый’, *хᵘалтā* ‘мороз’, *холāки* ‘вверх по реке’, *хӣмкāн* ‘кольцо на аркане’, *хомакā* ‘черпак из рога для льда’, *чобāкā* ‘одежда мехом наружу’.

Краткие нелабиализованные широкие гласные в суффиксах

Количество формообразующих и словоизменительных суффиксов с краткими нелабиализованными гласными [а]/[э] в эвенском языке очень велико, поэтому здесь мы назовем лишь некоторые из них:

1) притяжательные суффиксы 2-го и 3-го л. мн. ч. *-сан/-сэн* и *-тан/-тэн*, например: *мōми-тан* ‘их лодка’, *зӯ-тан* ‘их дом’, *нө-сэн* ‘ваш младший брат/сестра’, *экэн-сэн* ‘ваша старшая сестра’;

2) суффикс настоящего времени изъявительного наклонения глагола *-ра/-рэ*, например: *дагам-ран* ‘приблизился’, *эр-рэн* ‘отгребает снег’;

3) суффикс направительного падежа после основ на согласный, например: *окāт-таки* ‘к реке’, *урэкчэн-тэки* ‘к горе’.

Краткие гласные [а] и [э] в эвенском языке часто встречаются в положении между основой слова — корнем и суффиксом, если основа кон-

чается на согласный, а также между суффиксами (так называемые соединительные гласные), например: *мял-дай* ‘проснуться’ — *мял-а-л-дай* ‘начинать просыпаться’, *ӈэ̄лдэй* ‘бояться’ — *ӈэл-э-л-дэй* ‘испугаться’, *йл-дай* ‘встать’ — *йл-а-т-тай* ‘стоять’, *тэг-дэй* ‘сесть’ — *тэг-э-т-тэй* ‘сидеть’.

Долгие нелабиализованные широкие гласные в суффиксах

Долгие нелабиализованные широкие гласные в составе суффиксов в эвенском языке встречаются в довольно значительном числе случаев как среди имен, так и среди глаголов:

1) суффикс местного падежа имен существительных *-ла/-лэ*, например: *иӈа̄-ла̄* ‘в гальке’, *мэ̄-лэ̄* ‘в воде’, *авла̄ндула̄* ‘на поляне’, *урэ̄кчэ̄ндулэ̄* ‘на сопке, в сопках’;

2) суффикс отправления для совершения действия, например: *ма̄-на̄-дай* ‘пойти, чтобы убить’, *кэ̄счи-нэ-дэй* ‘пойти пасти днем’;

3) суффикс вида обычного действия после основ на гласный и усеченных основ на *н-*, например: *ма̄-ва̄т-тай* ‘убивать, добывать’, *хуклэ̄-вэ̄т-тэй* ‘спать’, *н’о-ва̄т-тай* ‘бегать’, *гэ-вэ̄т-тэй* ‘говорить’;

4) суффикс вида смягченного или замедленного действия *-за̄н-/-зэ̄н-* (в графике *-дян-/-ден-*), например: *ав-а-за̄н-ра-н* ‘умывается медленно, не спеша’, *ӈэн-э-зэ̄н-рэн* ‘идет не торопясь, с некоторым затруднением’;

5) суффиксы неоднократного действия *-гра̄-/-грэ̄-//-гара̄-/-гэрэ̄-*, например: *эмэкэ̄н ма̄-гра̄-р* ‘больше не убивай’, *эмэкэ̄н нэ̄-грэ̄-р* ‘больше не клади’, *эмэкэ̄н бод-гара̄-р* ‘больше не ходи сзади’, *эмэкэ̄н эм-гэрэ̄-р* ‘больше не приходи’;

6) суффикс повелительного II наклонения глаголов (а также суффикс формы цели, рассматриваемой как инфинитив), например: *га̄-да̄-й* ‘бери, чтобы взять’, *тэг-дэ̄-й* ‘садись, чтобы сесть’, *га̄-да̄-вур* ‘берите (пожалуйста)’, *тэг-дэ̄-вур* ‘садитесь (пожалуйста)’;

7) суффикс причастия будущего времени после основ на согласный (а также суффикс будущего 2-го времени глагола) *-зиӈа̄-/-зиӈэ̄-*, например: *ил-зиӈа̄-в* ‘я встану’, *тэг-зиӈэ̄-в* ‘я сяду’;

8) суффикс причастия прошедшего времени *-ча̄/-чэ̄*, например: *ма̄ча̄* ‘убитый, добытый’, *бэ̄чэ̄* ‘отданный’;

9) суффикс предположительного наклонения глагола *-мна̄-/-мнэ̄-* (например: *га̄-мна̄-в* ‘может быть, возьму’, *хэ̄р-э-мнэ̄-в* ‘может быть, отправлюсь’), а также некоторые другие реже встречающиеся суффиксы.

Дифтонгоидные гласные [ᵘе] и [ᵘа]

[ᵘе] — дифтонгоидный долгий гласный переднего ряда, средневерхнего подъема. По отдельным диалектам и говорам имеет широкий диапазон оттенков реализации от слегка дифтонгизованного [ᵘе] с восходящей интонацией, часто звучит как восходящий дифтонгоид [ᵘе], иногда приближается к сильно закрытому долгому [ē], но более открытому, чем фарин-

гализованное [й]. От эвенского долгого [ӯ] гласный [ᵘе] отличается прежде всего по признаку ряда: [ӯ] значительно более отодвинут назад и имеет существенно большую степень открытости, нежели гласный [ᵘе]. Встречается, как правило, в первом слоге слов: *ᵘекӯ* ‘котел, кастрюля’, *ᵘечӯн* ‘локоть’, *ᵘенӈэ* ‘язык (часть тела, блюдо)’, *ᵘесчин* ‘обогнал’, *ᵘелтӯнни* ‘миновал, прошел, проехал мимо чего-л.’, *тᵘен* ‘отнял’, *хᵘен* ‘поднялся, появился (из-за горизонтального укрытия)’, *кᵘекэн* ‘свистит’, *мᵘен* ‘заблудился’, *мᵘелӯн* ‘отомстил’. В некоторых диалектах, в частности в эвенских диалектах Камчатки, гласный [ᵘе] совпал с долгим [ӣ] в позиции перед гласным [и] следующего слога: в ряде мест проживания эвенов слово *нᵘекичӯн* ‘утка’ звучит как *нӣкичӯн*.

В непервом слоге слов гласный [ᵘе] встречается в единичных случаях: *чиввᵘек* ‘журавль’.

[ᵘа] — дифтонгоидный долгий гласный переднего ряда, нижнего подъема. Имеет весьма широкий спектр реализации в отношении характера перехода от одного из составляющих его элементов к другому — от довольно значительного движения по подъему гласного [ᵘа] до слегка дифтонгизованного [эа] или почти ровного открытого переднего [ā]. Встречается, как правило, в первом слоге слов: *ᵘас* ‘каменистая осыпь’, *ᵘасал* ‘глаз’, *ᵘак* ‘что’, *бᵘаг* ‘луна, месяц’, *мᵘан* ‘десять’, *кᵘами* ‘мамонт; мамонтовая кость’, *кᵘаливун* ‘брусок’, *хᵘаунӯн* ‘налим’, *хᵘалта* ‘мороз’, *мᵘалран* ‘проснулся’, *хᵘакаучин* ‘прислушивается’. В непервых слогах слов встречается в единичных случаях: *кабᵘав* ‘куропатка’ (данное слово считается звукоподражательным).

В состав словообразовательных и словоизменительных суффиксов эвенского языка дифтонгоидные гласные [ᵘа] и [ᵘе] не входят.

Ввиду того что в составе производных числительных — названий десятков — в эвенском языке представлен корень числительного *мᵘан* (в графике — *мян*) ‘десять’, дифтонгоидные гласные [ᵘа] и [ᵘе] встречаются в этих словах и образуют сингармоническую пару: *зӯрмᵘер* ‘двадцать’, *дыгэнмᵘер* ‘сорок’, *нʼунэнмᵘер* ‘шестьдесят’, но *иланмᵘар* ‘тридцать’, *тунӈанмᵘар* ‘пятьдесят’, *наданмᵘар* ‘семьдесят’.

Сингармонизм, или гармония гласных, в эвенском языке

Характерной особенностью эвенского языка, как и других тунгусо-маньчжурских языков, является гармония гласных, или сингармонизм. Сингармонизм (гармония гласных) — это уподобление гласных непервых слогов корневой морфемы и гласных суффиксов гласному первого слога корневой морфемы по какому-либо из различительных признаков. В эвенском языке сингармонизм гласных имеет палатальный характер: из всех различительных признаков гласных сингармонизм связан с признаком ряда. Сопутствующим этому признаком гармонии гласных в эвенском языке является фарингализованность — нефарингализованность.

Согласно действующим в эвенском языке правилам гармонии гласных, 18 эвенских гласных в отношении сочетаемости друг с другом в пределах корневой морфемы, двусложной суффиксальной морфемы и целой слово-

Таблица 3

Сочетаемость гласных в соответствии с сингармонизмом

Гласные заднего ряда	а	ā	о	ō	ы	ӣ	ӯ	ӯ	иа
Гласные переднего ряда	э	ē	ө	ө̄	и	ӣ	у	ӯ	ие

формы (последовательности нескольких морфем) подразделяются на два симметричных ряда (табл. 3).

Правила сингармонизма устанавливают ограничения на дистрибуцию (встречаемость, употребление) гласных внутри одной корневой морфемы и выбор огласовки тех морфем, которые располагаются правее корня слова или производящей основы — словообразовательных суффиксов, формообразующих элементов и словоизменительных суффиксов. Огласовка всей словоформы определяется гласным первого слога.

Следствием реализации закона гармонии гласных в морфологии является то, что все суффиксы эвенского языка, содержащие широкие гласные (гласные среднего и нижнего подъема), независимо от долготы — краткости имеют парные варианты с гласными заднего и переднего сингармонического ряда. Например: притяжательные суффиксы имен существительных 2-го и 3-го л. мн. ч. *-сан/-сэн* и *-тан/-тэн*; суффикс местного падежа существительных *-лā-/-лē-*; суффикс кратных числительных *-ракāн//-рэкēн*; суффикс распределительных числительных *-тал/-тэл*; суффикс глаголов настоящего времени изъявительного наклонения *-ра-/-рэ-*; суффикс 1-го л. мн. ч. повелительного наклонения глагола *-гар/-гэр*; суффикс причастий прошедшего времени *-чā/-чē*; суффикс вида ослабленного действия *-сō-/-сө̄-* и др. Суффиксы, содержащие узкие гласные (гласные верхнего подъема), также имеют парные варианты с гласными заднего и переднего сингармонических рядов: в первом случае в них представлены фарингализованные гласные, во втором — нефарингализованные. Например: суффикс дательного падежа существительных *-дӯ-/-ду-*; суффиксы продольного падежа существительных *-лӣ-/-ли-//-дӯлӣ-/-дули-*; суффикс отложительного падежа существительных *-дӯк-/-дук-*; суффикс 2-го л. ед. ч. повелительного I наклонения глагола *-лӣ/-ли*; суффикс причастия настоящего времени и омонимичный ему суффикс прошедшего времени глаголов *-рӣ-/-ри-*; суффикс будущего времени глаголов *-зӣ-/-зи-* и др. В некоторых суффиксах встречаются одновременно широкие и узкие гласные — в таких случаях также выдерживается гармония гласных: в вариантах с заднерядной *а*-огласовкой присутствуют узкие фарингализованные гласные, в вариантах с переднерядной *э*-огласовкой — нефарингализованные гласные. Например: варианты суффикса направительного падежа существительных *-ткӣ/-тки//-такӣ/-тэки*; варианты суффикса причастия будущего времени *-зӈа-/-зӈэ-//-зӣӈа-/-зиӈэ-*; суффикс деепричастия настоящего времени *-нӣкāн/-никēн* и т.п. Гармония гласных распространяется также на некоторые частицы, например на ограничительную частицу *-ткāн/-ткēн//-такāн/-тэкēн*: *олра-ткāн* ‘только рыба’, *улрэ-ткēн* ‘только мясо’, *оран-такан* ‘только олень’, *ēнкēн-тэкэн* ‘только теленок оленя’.

Примеры действия закона гармонии гласных:

1) гласные заднего ряда:

а) внутри морфемы: *асāткāн* ‘девушка’, *атикāн*, ‘старуха; жена’, *амкачāн* ‘горка, бугорок’, *окāт* ‘река’, *обāкā* ‘горная мышь-пищуха’, *чāчāс* ‘песец’, *йнӈат* ‘шерсть’, *ӯрта* ‘кора’, *ачча* ‘нет, не имеется’;

б) в последовательности морфем: *окат-а-ӈ-какā-р-дула-тан* ‘на их маленьких реках’, *амкачā-макāн-таки* ‘прямо на бугорок’, *арка-н* ‘он воткнул, вколол’, *арка-лга-н* ‘он отколол’, *аркадян-ран* ‘он потихоньку вкалывает’, *арка-малчи-н* ‘он быстро вколол’, *атикā-лба-мна-н* ‘он, может быть, женится’ и т.п.;

2) гласные переднего ряда:

а) внутри морфемы: *эрэгэр* ‘всегда’, *этэргэн* ‘муравей’, *өкрэ* ‘поляна’, *өкэбэ̄* ‘горбуша’, *улрэ* ‘мясо’, *урэ̄кчэ̄н* ‘гора, сопка’, *ӣтэ̄н* ‘трехлетний домашний олень’;

б) в последовательности морфем: *урэ̄кчэ̄-ӈ-э-л-тэки-тэн* ‘к их горам’, *эв-рэ-н*’ он спустился’, *эв-вө̄ч-чөт-тэ* ‘они обычно спускаются’, *нулгэ-мнэ-тэн* ‘они, возможно, будут кочевать’ и т.п.

Ограничение на употребление лабиализованных гласных [о] и [ө] в непервых слогах слов, выражающееся в том, что в непервых слогах эвенских слов краткие гласные [о] и [ө] не встречаются вовсе, а соответствующие долгие гласные [ō] и [ө̄] встречаются в ограниченном числе формообразующих и словоизменительных суффиксов, причем в относительно редких морфемных сочетаниях, а также в том, что в непервых слогах слов не употребляются дифтонгоидные гласные [ᵘe] и [ᵘa], нельзя назвать собственно проявлением гармонии гласных. Данные ограничения имеют объяснение в исторической фонетике эвенского языка и отчасти в исторической фонетике тунгусо-маньчжурских языков в их древнем состоянии — в других тунгусо-маньчжурских языках гласный [ō] в непервом слоге слов прослеживается в единичных примерах, а гласный [ө̄] в непервом слоге не встречается вовсе. Тем не менее наблюдаемые ограничения значимым образом регулируют распределение эвенских гласных внутри словоформы.

СОГЛАСНЫЕ ФОНЕМЫ

Общие замечания

В эвенском языке имеется 18 согласных фонем, которые противопоставляются друг другу по следующим признакам: шумность — сонорность, место образования, способ образования и глухость — звонкость, или напряженность — ненапряженность. В говорах западного наречия насчитывается 17 согласных фонем — отсутствует фонемное противопоставление согласных [с] и [х] в силу того, что звукотип [с] в системе согласных этих говоров не представлен. Система согласных фонем эвенского языка отражена в табл. 4.

Согласные [ж], [ш], [з], [ц], [ф], а также мягкие согласные, соотносительные с теми из согласных, что помещены в вышеприведенной таблице

Таблица 4

Система согласных фонем эвенского языка

Способ образования		Место образования			
		губные	переднеязычные	среднеязычные	заднеязычные
Шумные	Смычные звонкие	б	д	ʒ	г
	Смычные глухие	п	т	ч	к
	Щелевые		с		х [h]
Сонорные	Носовые	м	н	н’	ŋ
	Неносовые	в [w]	л	й	
	Дрожащие		р		

([б’], [п’], [м’], [л’], [р’] и т.п.), употребляются только в заимствованиях из русского языка. В соответствии с существующей традицией такие согласные в системе фонем эвенского языка не рассматриваются.

Классифицирующими дифференциальными признаками эвенских согласных фонем являются признаки места образования (губные, передне-, средне-, заднеязычные, увулярные (язычковые)); способа образования (смычные взрывные, щелевые, аффрикаты, дрожащие); участия голосовых связок — разделение по глухости — звонкости (участию голоса), или напряженности — ненапряженности, шумности — сонорности; для сонорных согласных значимым является признак носовой — неносовой артикуляции.

Функциональная нагрузка отдельных дифференциальных признаков согласных имеет ограниченные пределы варьирования. Наибольшей значимостью в системе фонем эвенского языка обладает признак места образования, являющийся единственным различительным признаком в пяти рядах, насчитывающих от двух до четырех согласных: [б] — [д] — [ʒ] — [г], [п] — [т] — [ч] — [к], [с] — [х], [м] — [н] — [н’] — [ŋ], [в] — [л] — [й]. Следующим по значимости в системе эвенских согласных можно назвать признак глухости — звонкости (напряженности — ненапряженности), по которому противопоставлены друг другу четыре пары согласных, обладающие одинаковым набором других дифференциальных признаков: [б] — [п], [д] — [т], [ʒ] — [ч] и [г] — [к]. Признак способа образования различает две пары согласных: [т] — [с] и [к] — [х].

Описание согласных фонем

Шумные смычные согласные

[б] — губно-губной смычный звонкий (ненапряженный) согласный. В словах встречается во всех позициях: *бокат* ‘кедровая шишка’, *бэргэ* ‘жирный’, *абал* ‘мало’, *обака* ‘пищуха, горная мышь’, *бакабботтан* ‘находится, отыскивается, попадается (о дичи)’, *эбдэнрэ* ‘лист, листья’, *абгар*

‘здоровый’, *бибгэн* ‘удобный для житья’, *г^{ч}елбэ̄ти* ‘чистый’, *гэрбэ* ‘имя’, *эб* ‘влага’. В конечной позиции встречается в единичных примерах.

[п] — губно-губной смычный глухой (напряженный) согласный. Встречается во всех позициях: *пэктэрэвун* ‘ружье’, вост., диал. *кӧп’э* ‘большая ложка, поварешка’, зап., диал. *упэ* ‘бабушка’, *апкит* ‘ущелье’, *куптудай* ‘покрыть’, *аӈаптан* ‘открылся’, *нипкэн* ‘закрыл’, камч., диал. *дарпир* ‘запор для ловли рыбы’, *хэгэп* ‘соболь’, *тӣтэ̄рэп* ‘давнишний’, *таурап* ‘мы с вами прочитали’.

В начальной позиции и в позиции после согласного согласный [п] в эвенском языке встречается редко — некоторые считают, что в начальной позиции он характерен только для изобразительных слов; в преконсонантной позиции он обычно употребляется перед шумными глухими (напряженными) согласными, однако в глаголах, где согласный [п] манифестирует самостоятельную морфему — показатель средневозвратного залога *-б-//-п-*, в следующем за ним грамматическом показателе наблюдается чередование сонанта [р] с шумным глухим [т]. В фонологической системе эвенского языка [п] оказывается единственным согласным, который не подвержен удвоению (геминации). Возможные исключения будут составлять только подражательные изобразительные слова, например *хяппари-пяппари* (слово, передающее речь духа-персонажа волшебной сказки), или в достаточной мере искусственные грамматические формы имен существительных наподобие формы *хэгэппӧн* ‘его соболя’.

[д] — переднеязычный смычный звонкий (ненапряженный) согласный. Встречается во всех позициях: *дӧнрэ* ‘земля, суша, материк’, *дырам* ‘толстый’, *адал* ‘сеть’, *идун* ‘гребень, расческа’, *модги* ‘огниво’, *одгаран* ‘заканчивает’, *гиркаддан* ‘идет’, *эбдэнрэ* ‘лист’, *кэрдэ* ‘кожемялка’, *гид* ‘копье’, *нӣд* ‘красивый’, *гуд* ‘высокий’, *горад* ‘город’.

В преконсонантной позиции согласный [д] встречается чаще всего в гомогенных сочетаниях *-дд-* внутри глагольных форм настоящего и прошедшего времени с суффиксом продолженного вида *-д-//-ʒ-*. В конце слова обнаруживается в ограниченном числе слов (*гид* ‘копье’, *гуд* ‘высокий’), а также в формах 3-го л. мн. ч. настоящего времени глаголов неправильного спряжения (например, *гӣд* ‘они взяли’, *нэ̄д* ‘они положили’, *тӣд* ‘они узнали’) и в знаменательной части отрицательных оборотов с такими же глаголами (например, *би эсэм нэ̄д* ‘я не кладу’, *ноӈартан этэр гӣд* ‘они не возьмут’).

Как писала М.И. Матусевич, эвенский согласный [д] «в конце <слов> (видимо, факультативно) чередуется с глухим [т]. Вследствие большой слабости смычки звонкость трудноуловима на слух, так что это следовало бы проверить экспериментально» [1979, с. 203–204]. По нашим наблюдениям, звонкость (ненапряженность) согласного [д] в конце слов в эвенском языке сохраняется.

[т] — переднеязычный смычный глухой (напряженный) согласный. Встречается во всех позициях: *так* ‘соль’, *тӣд* ‘ненастье’, *атӣки* ‘паук’, *ӣтӣ* ‘лицо’, *иттэн* ‘видит’, *алӣттан* ‘ждет’, *этки* ‘тесть; свекор’, *хуткӣн* ‘мешочек’, *урта* ‘кора’, *х^{ч}алта* ‘мороз’, *ӣт* ‘зуб’, *гӧт* ‘горький’.

В преконсонантной позиции перед сонантами согласный [т] встречается чаще всего на стыке морфем (например, *хат-лā-н* ‘у чего-либо’, *инӈат-ли* ‘по шерсти’) или в составе суффикса давнопрошедшего причастия *-тла/-тлэ*, присутствующего в составе некоторых существительных (например, *арбутла* ‘обмелевшее место’, *чэчэ̄тлэ* ‘обрезки шкуры, ровдуги’).

[з] — среднеязычный смычный звонкий (ненапряженный) согласный. Имеет довольно широкий спектр реализации: на слух производит впечатление от согласного, похожего на русское [д’] в слове «дядя» до звонкой аффрикаты [дж]. В слове встречается во всех позициях: *зол* ‘камень’, *зилики* ‘горностай’, *эзик* ‘амулет-охранитель, священный предмет’, *хэ̄зэ* ‘эвенский хороводный танец’, *азганни* ‘увернулся’, *гирказзинри* ‘ты пойдешь’, *хөрзим* ‘я уйду’, *эгзэ̄н* ‘большой’, *магзили* ‘насекомое, червяк’, *зӯнза* ‘огромный, большой дом’, *ӯз* ‘след’, *хотуз* ‘проводник’, *хӯнāз* ‘дочь’.

В преконсонантной позиции согласный [з] очень редок (ср. *азганни*, *адганни* ‘отскочил (например, уклоняясь от стрелы)’); чаще всего встречается в гомогенных сочетаниях (сочетаниях одинаковых согласных) на стыке морфем в системе глагольного формообразования и словоизменения — в формах настоящего и будущего времени глаголов несовершенного вида, в составе причастных форм будущего времени и т.д. (например, *гирказзим* ‘я буду ходить’, *гөндиззинри* ‘ты будешь говорить’, *дагамаззиӈан* ‘он будет приближаться’ и т.п.).

По мнению М.И. Матусевич, согласные [з] и [ч] в эвенском языке, по крайней мере в исследованном ею ламунхинском говоре, являются переднеязычными дорсальными аффрикатами [1979, с. 204]. Примеры употребления этих согласных в конечной позиции в статье М.И. Матусевич отсутствуют, так что вопрос о различении звонкого [з] и глухого [ч] в абсолютном конце слова в указанной работе не обсуждается. Ср., однако, приведенные М.И. Матусевич транскрипции *hunouad — hunat* ‘дочь’ [Там же, с. 210], отражающие диалектное явление перехода [з] > [д/т].

[ч] — среднеязычный смычный глухой (напряженный) согласный. Как и согласный [з], имеет достаточно широкий спектр реализации и манифестируется в значительном числе аллофонов — от палатализованного [т’], сходного с русским мягким [т’], до среднеязычной аффрикаты [ч]. Встречается во всех позициях в слове: *чог* ‘колокольчик’, *чāчāс* ‘песец’, *учун* ‘вернулся, смотался; мотовило для жильных ниток’, *гэлэ̄ччим* (в графике — *гэлэтчим*) ‘я буду искать’, *хэ̄ччэ* (в графике — *хэтчэ*) ‘уставший’, *гиркаваччоттан* ‘обычно ходит’, *ачкан* ‘не имеющий ничего’, *анчиндулан* ‘возле чего-либо’, *эвэч* ‘веселый’, *мэргэч* ‘умный’, *хō̄ч* ‘очень (как наречие — в сочетании с глаголами)’.

[г] — заднеязычный шумный звонкий (ненапряженный) согласный. Отличительной особенностью этого согласного в эвенском языке является то, что он имеет два позиционных оттенка, значительно различающихся на слух и разных по способу образования — смычный взрывной [г] и щелевой [ɣ], иногда обозначающийся как [ɞ].

Смычный согласный [г], сходный с русским [г], встречается в начальной и постконсонантной позициях: *гар* ‘сук’, *гилси* ‘холодный’, *гор* ‘далекий’, *хэбгэнни* ‘дымится’, *ургэ* ‘тяжелый’, *халган* ‘нога (ступня)’.

Щелевой согласный [ғ] обнаруживается в интервокальной, преконсонантной и финальной позициях: *аган* ‘точильный брусок’, *хи̇гӣ̇* ‘лесная чаща’, *оган* ‘мелодия, мотив’, *хагды* ‘старый’, *агды* ‘гром’, *хигри* ‘тальниковые стружки’, *ӣг* ‘звук’, *уг* ‘рама очага’, *чог* ‘колокольчик’. Единственное исключение из этой закономерности приходится на случаи удвоения согласного [г], в которых реализуется долгий (геминированный) щелевой [гг]: *дэггөттэн* ‘летает’, *тоггӣн* ‘его огонь’, *чоггӣн* ‘колокольчик для него’ и т.п.

[к] — заднеязычный смычный глухой (напряженный) согласный. Этот согласный имеет в эвенском языке два оттенка: в большинстве диалектов перед гласными переднего ряда встречается заднеязычный согласный, сходный с русским заднеязычным [к], перед гласными заднего ряда, в особенности перед широкими, встречается увулярный оттенок, на слух сходный с чукотским увулярным [қ]. Например: *кадӣр* ‘скала’, *кэрэмри* ‘чернобурая лиса’, *акан* ‘старший брат’, *экэн* ‘старшая сестра’, *икӣ* ‘песня-импровизация’, *баккӣттан* ‘обычно находит’, *акри* ‘задняя часть туши, хвостовая часть рыбы’, *и̇кри̇̄* ‘червь, фолькл. *гӣклӣдай* ‘разведывать’, *аркан* ‘воткнулся’, *хэркэ* ‘штаны’, *халка* ‘молот, молоток’, *тогкакан* ‘огонек’, *нимэк* ‘сосед (живущий в том же поселке)’, *дэрпэк* ‘сосед (житель соседнего поселка, соседнего района)’, *ӡӣлӣк* ‘любимый, возлюбленный’.

Шумные щелевые согласные

[с] — переднеязычный щелевой глухой (напряженный) согласный. Этот согласный в эвенском языке не имеет определенных аллофонов с жестко заданными артикуляторно-акустическими параметрами, спектр реализации его варьирует у разных носителей от звука, близкого к русскому плоскощелевому [с], до круглощелевого велярного или слегка смягченного [ш], при этом носители языка, произносящие *аси ~ аши* ‘женщина’, *бөкэс ~ бөкэш* ‘лед’, не ощущают разницы в индивидуальном произношении одних и тех же слов друг у друга. Отметим, что в отдельных идиолектах не отмечалось свободного или позиционного варьирования разных аллофонов этого согласного.

В восточных диалектах эвенского языка согласный [с] встречается во всех позициях, кроме начальной: *ас̄и̇* ‘женщина’, *хӯс̄и̇* ‘лебедь’, *уси* ‘ремень; веревка’, *ӣсикӣт* ‘звезда’, *эмэссин* ‘приходил’, *хуссӣттан* ‘обычно стрижет’, *боста* ‘почка’, *ӣскун* ‘дешевый’, *амаски* ‘назад’, *хөкси* ‘горячий’, *гилси* ‘холодный (о воде)’, *бөкэс* ‘лед’, *экэс* ‘рыбья чешуя’, *ӣс* ‘шкура’.

Уже давно замечено, что в восточных диалектах эвенского языка согласные [с] и [х] являются оттенками одной фонемы, так как находятся в отношении дополнительной дистрибуции, и этот пример из эвенского языка часто приводится в трудах по общей фонетике как иллюстрация неодинаковых и несходных звукотипов-оттенков одной фонемы [Зиндер,

1948а, б, 1979, 1995]. В западных диалектах эвенского языка звукотип [с] — переднеязычный щелевой свистящий согласный звук — отсутствует в системе согласных вообще: в этих диалектах согласный [с] имеют лишь спорадически встречающиеся заимствования из других языков вроде юкагирского *сакла* ‘сова’.

В материалах по фонетике ламунхинского говора, записанных М.И. Матусевич, звукотип [с] присутствует [1979, с. 205]. Но показательно и то, что М.И. Матусевич зафиксировала у носительницы ламунхинского говора А.А. Кейметиновой фарингальный согласный [h] во всех без исключения позициях [Там же, с. 208].

[h] — фарингальный (верхнефарингальный или нижнефарингальный) щелевой глухой (напряженный) согласный. Встречается в восточных диалектах исключительно в позиции начала слова: *hамāн* ‘шаман’, *hэркэ* ‘штаны’, *hөррэн* ‘ушел’, *hиврэн* ‘погас’.

В ольском говоре эвенского языка фарингальный согласный [h] изредка замещает звук [с] в интервокальном положении, спорадически встречается как окказиональный вариант произношения типа *ᵘahал* ‘глаз’ вместо *ᵘасал*. В других говорах восточного наречия такое явление не прослеживается.

Сонанты, или сонорные согласные

[в] — губно-губной сонорный согласный типа английского [w]. В эвенском языке встречается во всех позициях, кроме начальной и постконсонантной: *āвун* ‘шапка’, *кīвэ̄* ‘береста’, *эвсу* ‘совсем’ (как прилагательное), *авса* ‘сумка’, *эвтэ* ‘легкое, легкие’, *тīнив* ‘вчера’.

В финальной позиции согласный [в] фигурирует чаще всего как самостоятельная морфема — суффикс винительного падежа имен или посессивный показатель 1-го л. ед. ч. (а также личный показатель 1-го л. ед. ч. некоторых глагольных парадигм): *диликив* ‘горностая’ (винительный падеж ед. ч.), *аткив* ‘моя теща’, *хөррив* ‘я ушел’, *хөрэмнэ̄в* ‘я, может быть, уйду’.

[р] — переднеязычный дрожащий сонант. Отличается от русского [р] меньшей напряженностью, часто реализуется как одноударный дрожащий согласный. В ряде диалектов восточного наречия эвенского языка, например в говорах эвенов Чукотки, звучание данного согласного в постконсонантной позиции приближается к двухфокусному звуку [ᵈр] (*олᵈра* ‘рыба’), тем не менее такая реализация не является диалектным признаком, так как спорадически (нерегулярно даже в речи одного и того же говорящего) наблюдается в восточных говорах эвенского языка повсеместно.

Согласный [р] встречается во всех позициях, кроме начальной: *аран* ‘едва’, *харāн* ‘спальное место в юрте’, *бāрэм* ‘глупый’, *хэгдэррэн* ‘порвался’, *хорроттан* ‘попадается (в ловушки)’, *хэркэ* ‘штаны, брюки’, *ургэ* ‘тяжелый’, *хэрдэ* ‘нижняя часть чего-л.’, *йкрй* ‘червь’, *олра* ‘рыба’, *эмэр* ‘острый’, *хāтар* ‘темнота, темное время суток’. В конечной позиции [р] выступает как самостоятельная морфема в личных формах изъявительного наклоне-

ния глаголов и соотносительных с ними отрицательных формах: *мā-р* ‘они убили’, *эсэм хā-р* ‘я не знаю’.

[л] — переднеязычный латеральный (боковой) сонант. На слух сходен с русским велярным [л], но в ряде говоров, прежде всего в западной области распространения говоров восточного наречия — в говорах эвенов бассейна Колымы, звучит близко к среднеевропейскому смягченному согласному [L]. В некоторых говорах восточного наречия эвенского языка согласный [л] существует в виде двух аллофонов: велярного [л] в словах с заднерядной огласовкой и сильно палатализованного [л’], похожего на русское палатализованное [л’] или среднеевропейское [L], в словах с переднерядной огласовкой: вост. диал. *олра* ‘рыба’, но *ул’рэ* ‘мясо’.

Согласный [л] в эвенском языке практически не встречается в начальной позиции, но употребляется во всех других позициях: *элэ̄* ‘декоративная отделка бортов женской весенне-осенней одежды’, *дӯлам* ‘спокойный, тихий’, *у̇лӣву̇н* ‘весло’, *и̇ллӣ* ‘вставай’, *ӈэллө̄ттэн* ‘боится’, *ху̇лра* ‘одеяло’, *гӣклӣн* ‘разведывает’, *хӯнā̄тла* ‘опилки’, *ӧ̄сал* ‘камус’, *ᵘасал* ‘глаз’, *хуӈэ̄л* ‘кровь’. В финальной позиции согласный [л] чаще всего встречается как самостоятельная морфема — показатель множественного число имен: *кӯмā̄* ‘нерпа’ — *кӯмā̄-л* ‘нерпы’, *кэрэмри* ‘чернобурая лиса’ — *кэрэмри-л* ‘чернобурые лисы’. В начале слова согласный [л] встречается в заимствованных словах (например, *лимон*, *лагерь*), а также при замещении других согласных (*лӧ̄рка* ‘норка (животное)’). В старых заимствованиях из русского языка начальный согласный [л] заменялся на [н]: например, *нампа* ‘лампа’.

[й] — среднеязычный сонант. Похож на русский согласный [й], но несколько слабее его. В эвенском языке согласный [й] в начальной позиции не встречается, но обнаруживается во всех других фонетических положениях в слове: *айā̄вран* ‘любит’, *эйиргэ̄* ‘кузнечные щипцы’, *хэ̄йэ̄* ‘макушка’, *эйэ̄ки* ‘вниз по течению’, *омӈаййоттан* ‘обычно забывает’, *хэйкэчэ̄н* ‘мелкая рыбешка, малек’, *хуйкун* ‘вилка’, *айсā̄ттан* ‘бережет’, *найса* ‘ровдуга из лосиной шкуры’, *хагйиӈчин* ‘беспокоится’, *чэ̄вйэ̄* ‘много (сверх меры)’, *ай* ‘хороший’, *бā̄й* ‘хорошая погода’, *хā̄вай* ‘знающий’, *ʒэй* ‘лезвие (например, ножа)’.

В позиции после согласного [й] встречается чаще всего на стыке морфем — обычно в сочетании с выделительным суффиксом имен *-якан/-екэн* или одним из суффиксов кратности глаголов, например *-ят-/-ет-*: *оръякан* ‘оленишка’, *бэйекэн* ‘человечишко’, *дэгйэттэн* (в графике — *дэгъеттэн*) ‘летает’.

[м] — губно-губной носовой сонант. Сходен с русским [м]. Встречается во всех позициях в слове: *марāнӈа* ‘радуга’, *мӣр* ‘плечо’, *амар* ‘зад’, *ө̄мэн* ‘один’, *эммө̄ттэн* ‘обычно приходит’, *амӈа* ‘рот’, *умкат* ‘снег на деревьях’, *нӣмкā̄н* ‘сказка’, *н’эчэ̄лми* ‘вид женской шапки’, *анманра* ‘наледь’, *алмā̄* ‘песня-подражание’, *ӈӧ̄нам* ‘длинный’, *ӈэ̄лэм* ‘страшный’, *хум* ‘сухожилие, из которого делают нитки’.

[н] — переднеязычный носовой сонант. Сходен с русским [н]. В слове встречается во всех позициях: *нам* ‘море’, *нэлкэ* ‘весна (первая половина)’,

нэӈун ‘икона’, *ӣнэк* ‘боль, больное место’, *ӯнāн* ‘наст’, *хаӈанноттан* ‘обычно шьет’, *нанра* ‘шкура’, *унтун* ‘шаманский бубен’, *кадарамнāн* ‘скалистый’, *йдӯн* ‘гребень’.

В эвенском языке в позиции после согласного [н] встречается обычно в составе суффиксов — суффикса обладания *-мнан/-мнэн* (ср. *тукāрамнāн* ‘с мусором’), а также суффикса предположительного наклонения *-мна-// -мнэ-* (*эмнэв хөррэ* ‘возможно, не уеду’, *дебэмнэв* ‘я, может быть, съем’). В этой же позиции после носовых согласных согласный [н] в некоторых суффиксах заменяет согласный [л] (например, *нам-на* ‘в море’, *наӈ-на* ‘в ловушке’, *аннӈан-на* ‘в (таком-то) году’, ср. *кадāр-ла* ‘на скале’).

В абсолютном конце слова в именах согласный [н] часто манифестирует суффикс отглагольных имен (ср. *төрэн* ‘слово, речь’) или притяжательный суффикс 3-го л. ед. ч. (например, *икирин* ‘его кость’).

[н’] — среднеязычный носовой сонант. Сходен с русским палатализованным [н’] в слове «няня», в меньшей мере похож на французский звук, обозначаемый на письме знаками [gn]. Встречается во всех позициях в слове, кроме постконсонантной: *н’амалра* ‘мох’, *н’ам* ‘теплый’, *н’āмā* ‘сто’, *н’āн* ‘опять’, *ӣн’и* ‘двухгодовалая важенка’, *хан’ин* ‘дым’, *хин’āн* ‘тень’, *ӈэнэ-ден’н’өттэн* ‘обычно потихоньку ходит’, *эн’ки* ‘ножны’, *өкэн’* ‘молоко’, *хэӈун’* ‘страшный’.

[ӈ] — заднеязычный носовой сонант типа английского [ng] в слове *song* ‘песня’ или немецкого согласного [ng] в фамилии *Engels*. В слове встречается практически во всех позициях: *ӈāл* ‘рука’, *ӈӣ* ‘кто’, *ӈӧвка* ‘щетка под копытом оленя’, *аӈāн* ‘он открыл’, *аӈāр* ‘оленье коповище (место, где олени добывают ягель из-под снега)’, *иӈэмрэн* ‘мерзнет’, *нэӈӈӧттэ* ‘они обычно поклоняются, молятся’, *каӈтарāвун* ‘черкан (ловушка)’, *кӧӈкӣвки* ‘жук’, *амӈа* ‘рот’, *хӯнӈэ* ‘ветер (сильный), пурга’, *дӧмӈэ* ‘суша, материк (в противоположность водному пространству)’, *наӈ* ‘пасть (ловушка)’, *маӈ* ‘твердый, крепкий’.

Сочетаемость согласных фонем

В предыдущем разделе охарактеризованы некоторые ограничения на употребление (встречаемость) фонем в отдельных фонетических позициях в слове. Описание распределения согласных фонем эвенского языка по позициям было бы неполным без подробного перечисления конкретных сочетаний согласных, которые возможны в собственно эвенских словах (понятно, что слова, заимствованные из русского языка, дали бы существенно иную картину распределения фонем по позициям в слове).

Разграничение по крайней мере двух положений, где встречаются сочетания согласных, — положений внутри морфемы и на стыке морфем — позволяет выявить три типа сочетаний согласных: 1) возможные как внутри морфемы, так и на стыке морфем; 2) встречающиеся только на стыке морфем; такие сочетания могут быть обусловлены закономерностями фонетической структуры корней и суффиксов в эвенском языке или специфическими правилами чередований фонем, действующими только на сты-

ках морфем (например, возникновение сочетаний одинаковых согласных); 3) встречающиеся только внутри морфемы; обычно это какие-то редкие сочетания фонем, образовавшиеся в процессе исторических изменений звукового строя эвенского языка и преобразования звуковых оболочек тех или иных корневых морфем.

Сочетания согласных фонем, обнаруживаемые в эвенских словах в позиции внутри морфем и на стыке морфем, приведены в табл. 5. Для удобства описания материала и чтения иллюстративных примеров нами принят порядок представления согласных, соответствующий расположению букв в алфавите. В дальнейшем изложении позиция первого (предшествующего) компонента сочетаний согласных называется *преконсонантной*, позиция второго компонента (следующего за другим согласным) — *постконсонантной*.

Все возможные, во всяком случае обнаруженные нами в эвенских словах, сочетания согласных представлены в матрице сочетаемости согласных фонем эвенского языка, приведенной ниже. Горизонтальные строки матрицы содержат первые элементы сочетаний согласных, вертикальные строки — вторые элементы. Знаком «+» отмечены возможные сочетания согласных, невозможные или незасвидетельствованные сочетания не показаны.

Характеристика возможных сочетаний согласных фонем эвенского языка не исчерпывается иллюстрацией всех возможных и не представленных или невозможных сочетаний. Для эвенского консонантизма оказывается весьма значимым различие тех сочетаний согласных, которые встречаются равным образом внутри морфемы и на морфемных стыках, и тех, которые встречаются только на морфемных стыках или только внутри морфемы.

Таблица 5

Матрица сочетаемости согласных фонем эвенского языка

Фонемы	б	в	г	д	з	й	к	л	м	н	н’	ӈ	п	р	с	т	ч
б	+		+	+	+	+		+	+	+	+	+					
в		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+
г			+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+
д			+	+	+	+		+	+	+	+	+					
з			+		+	+						+					
й			+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+
к						+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+
л	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
м	+		+	+	+	+	+		+	+	+	+		+	+	+	+
н			+	+	+	+	+		+	+	+	+		+	+	+	+
н’					+		+			+	+	+			+	+	+
ӈ			+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+
п						+	+	+						+	+	+	+
р	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
с						+	+	+	+	+	+	+			+	+	+
т		+				+	+	+	+	+	+	+			+	+	+
ч							+	+									+

Любопытно, что некоторые сочетания согласных (такие как *зӈ*, *дл*, *тл*) не встречаются внутри корневых морфем, но обнаруживаются внутри суффиксов, например суффикса причастия будущего времени *-зӈа-/-зӈэ-*, причастия давнопрошедшего времени на *-тла/тлэ-*, показателя аналитической конструкции со значением «пока не» *э-длэн од* ‘пока так не стало’, *эдлэн мялра* ‘пока он не проснулся’ и т.п.

Подробное описание сочетаний согласных фонем эвенского языка в разных морфологических условиях дается в табл. 6.

Таблица 6

Сочетания согласных фонем в эвенском языке

Сочетание фонем	Позиция	
	внутри морфемы	на стыке морфем
б + б	—	*деб-бӗ̄т-тэн* ‘ест’
б + г	*абгар* ‘здоровый’	*деб-гэр* ‘съедим-ка!’
б + д	*хабда* ‘капля’	*деб-дӗ̄-ку* ‘съем-ка!’
б + з	*хэбдень* ‘весело’	*деб-ди-н* ‘он съест’
б + й	—	*хулаб-ъят-тан* ‘остается’
б + л	—	*эмэб-ли* ‘останься’
б + м	—	*деб-ми* ‘если съесть’
б + н	—	*деб-нӗ̄-н* ‘пошел есть’
б + н’	—	*эмэб-никӗ̄н* ‘оставаясь’
б + ӈ	—	*деб-ӈэ бӑ̄н* ‘лень есть’
в + в	—	*эв-вөт-тэн* ‘спускается’
в + г	—	*ав-гич* ‘откуда?’
в + д	*эвдӗ̄ч* ‘голубой бисер’	*ав-дӑ̄-н* ‘пусть спустится’
в + з	—	*ав-ди-м* ‘я вымою’
в + й	*чэвъе* ‘очень много’	*эв-ъет-тэн* ‘спускается’
в + к	*хӑ̄вка* ‘хитрый’	*ав-кат-тан* ‘моет’
в + л	*авлӑ̄н* ‘поляна’	*ав-ли* ‘вымой!’
в + м	—	*ав-ми* ‘если вымыть’
в + н	—	*ав-на-н* ‘пошел мыть’
в + н’	—	*хӑ̄в-никӑ̄н* ‘прибавляя’
в + ӈ	—	*ав-ӈа бӑ̄н* ‘лень мыть’
в + р	—	*ав-ра-н* ‘вымыл’
в + с	*авса* ‘женская сумка’	*ав-со-н* ‘вроде моет’
в + т	*эвтэ* ‘легкое’	*эв-ти-д-дэ-н* ‘ест легкие’
в + ч	*ӑ̄вчун* ‘стремится куда-то’	*ав-чӑ̄* ‘вымытый’
г + г	—	*дэг-гӗ̄т-тэн* ‘летает’
г + д	*агды* ‘гром’	*дэг-дӗ̄-н* ‘пусть летит’
г + з	*эгден* ‘большой’	*гог-ди-н* ‘будет лаять’
г + й	*хагъиучин* ‘беспокоится’	*дэг-ъет-тэн* ‘летает’
г + к	—	*тог-какӑ̄н* ‘огонек’
г + л	*хиглӑ̄н* ‘полынья’	*хиг-ли* ‘свежуй!’
г + м	—	*дэг-ми* ‘если лететь’
г + н	—	*хиг-нӗ̄-н* ‘пошел свежевать’
г + н’	—	*хиг-никӗ̄н* ‘свежуя’
г + ӈ	—	*хиг-ӈэ бӑ̄н* ‘лень свежевать’
г + р	*хигри* ‘тальниковые стружки’	*хиг-рэ-н* ‘свежует’
г + с	—	*дэг-сэ-н* ‘летит’
г + т	*хэгтэ* ‘ветка хвойного дерева’	*исаг-таки* ‘к лесу’
г + ч	*касагчин* ‘настаивает’	*хиг-чӗ̄* ‘освежеванный’
д + г	*адганни* ‘отскочил’	*гид-гӑ̄-н* ‘копье ему’
д + д	—	*ид-да-н* ‘причесывает’

Продолжение табл. 6

Сочетание фонем	Позиция	
	внутри морфемы	на стыке морфем
д + з	—	*ид-ди-н* ‘причешет’
д + й	—	*ид-ъят-тан* ‘причесывает’
д + л	*эдлэн* ‘пока не...’	*ид-ли* ‘причеши!’
д + м	—	*ид-ми* ‘если причесать’
д + н	—	*ид-нā-н* ‘пошел причесывать’
д + н’	*адӈия* ‘изношенный’	*ид-никāн* ‘причесывая’
д + ӈ	—	*ид-ӈа бāн* ‘лень причесывать’
з + г	—	*удь-гā-н* ‘след ему’
з + з	—	*ӈэнэ-дь-дөт-тэн* ‘ходит’
з + й	—	*хөтудь-екэ̄н* ‘этот проводник’
з + ӈ	*мāдӈав* ‘я добуду’	*ӈэнэ-д-ӈэ бāн* ‘лень ходить’
й + г	—	*ой-гā-н* ‘одежду ему’
й + д	*дейдэлэ* ‘выше по склону’	*дяй-дā-н* ‘пусть прячет’
й + з	—	*дяй-ди-н* ‘спрячет’
й + й	—	*ой-йо-н* ‘одежду его’
й + к	*хэйкэ* ‘рыбешка’	*ой-какāн* ‘одежонка’
й + л	—	*дяй-ли* ‘спрячь!’
й + м	*наймикā* ‘летняя одежда из ровдуги’	*дяй-ми* ‘если спрятать’
й + н	—	*дяй-нā-н* ‘пошел прятать’
й + н’	—	*дяй-никāн* ‘пряча’
й + ӈ	—	*дяй-ӈа бāн* ‘лень прятать’
й + р	—	*дяй-ра-н* ‘прячет’
й + с	*найса* ‘ровдуга из лосиной шкуры’	*хуй-сэ-н* ‘кипит’
й + т	*хайта* ‘сухая трава для обуви’	*дей-тэ̄н* ‘каждое из лезвий’
й + ч	—	*дяй-чā* ‘спрятанный’
к + й	—	*тик-ъет-тэн* ‘падает’
к + к	—	*бак-кот-тан* ‘находит’
к + л	*гикладдан* ‘разведывает’	*бак-ли* ‘найди!’
к + м	—	*бак-ми* ‘если найти’
к + н	*хокнан* ‘обрадовался’	*бак-никāн* ‘находя’
к + н’	—	*тик-никэ̄н* ‘падая’
к + ӈ	—	*бак-ӈа бāн* ‘лень найти’
к + р	*икри* ‘червь’	*тик-рэ-н* ‘упал’
к + с	*таксакаг* ‘валежник’	*тик-сөн* ‘как будто падает’
к + т	*хукта* ‘бахрома’	*бак-тāн* ‘пусть найдет’
к + ч	*урэкчэн* ‘гора’	*бак-чи-м* ‘я найду’
л + б	*калба* ‘пояс’	*дю-л-бу* ‘дома’ (вин. п.)
л + г	*дылган* ‘голос’	*хөкэл-ги-н* ‘он греет’
л + д	*элдуки* ‘ласточка’	*мял-дā-н* ‘пусть проснется’
л + з	*алди* ‘могила’	*мял-ди-н* ‘проснется’
л + й	—	*дыл-ъякāн* ‘головенка’
л + к	*халка* ‘молоток’	*дыл-какāн* ‘головка’
л + л	—	*ил-ли* ‘встань!’
л + м	*нэчэлми* ‘женская шапка’	*ил-ми* ‘если встать’
л + н	—	*хөл-нэ̄н* ‘пошел в гости’
л + н’	*кулни* ‘ягоды с жиром (блюдо)’	*ил-никāн* ‘стоя’
л + ӈ	—	*ил-ӈа бāн* ‘лень стоять’
л + п	*пөлпэс* ‘насквозь’	—
л + р	*олра* ‘рыба’	*ил-ра-н* ‘встал’
л + с	*улсā* ‘снежный обвал’	*ӈāл-са-н* ‘несет на руках’
л + т	*хялта* ‘мороз’	*ул-ти-н* ‘ест мясо’
л + ч	*илчāн* ‘плетет’	*ил-чā* ‘вставший’
м + б	*тэмбэкэг* ‘трясина’	—

Продолжение табл. 6

Сочетание фонем	Позиция	
	внутри морфемы	на стыке морфем
м + г	*эмгун* ‘седло’	*хум-гӣ-н* ‘сухожилие ему’
м + д	*илрэмдэ* ‘нижнее белье’	*эм-дӣ-н* ‘пусть придет’
м + з	—	*эм-ди-н* ‘придет’
м + й	—	*эм-ъет-тэн* ‘приходит’
м + к	*хемкэн* ‘кашель’	*өм-кэкӣн* ‘всего один’
м + м	—	*эм-мӣт-тэн* ‘обычно приходит’
м + н	*кумнан* ‘покрышка вьючной сумы’	*эм-ни* ‘приди!’
м + н’	*тумнисн-э-н* ‘плюнул’	*эм-никӣн* ‘приходя’
м + ӈ	*ӣмӈэ* ‘широкий’	*эм-ӈэ бӣн* ‘лень прийти’
м + р	*арамра* ‘ноговицы’	*эм-рэ-н* ‘пришел’
м + с	*имсэ* ‘жир’	*улрэ-м-сэ-н* ‘пахнет мясом’
м + т	*харамта* ‘ресницы’	*ум-ти-н* ‘ест костный мозг’
м + ч	*эмэмчи* ‘если бы пришел’	*эм-чӣ* ‘пришедший’
н + г	—	*ӈин-гӣ-н* ‘собаку для него’
н + д	*хӣндан* ‘толкнул’	*ӈэн-дӣ-н* ‘пусть идет’
н + з	—	*ӈэн-ди-н* ‘будет идти’
н + й	—	*ӈэн-ъет-тэн* ‘ходит’
н + к	—	*ӈин-какӣн* ‘собачка’
н + н	—	*хаӈӣн-ни* ‘сшей!’
н + н’	—	*ӈэн-никӣн* ‘ходя’
н + ӈ	*енӈэ* ‘язык’	*ӈэн-ӈэ бӣн* ‘лень идти’
н + р	*иманра* ‘снег’	*хаӈӣн-ра-н* ‘шьет’
н + с	*инсатиӈ* ‘вышивка подшейным волосом оленя’	*ӣн-сэ-н* ‘болит’
н + т	*унта* ‘обувь’	*оран-тан* ‘их олень’
н + ч	*анчиндула* ‘около’	*хаӈӣн-ча* ‘сшитый’
н’ + з	*орандя* ‘большой олень’	*нулгэ-ден-ди-н* ‘будет кочевать’
н’ + к	*эньки* ‘ножны’	*өкэнь-кэкӣн* ‘молочко’
н’ + н	—	*өкэнь-нӣ* ‘в молоке’
н’ + н’	—	*нулгэ-ден-нөт-тэн* ‘кочует’
н’ + ӈ	*хэнӈэн* ‘колено’	*нулгэ-ден-ӈэ бан* ‘лень тихонько кочевать’
н’ + с	—	*иӈэнь-си* ‘холодный’
н’ + т	—	*өкэнь-тӣ-н* ‘имеет молоко’
н’ + ч	—	*нулгэден-чӣ* ‘кочевавший’
ӈ + г	—	*улрэ-ӈ-гӣ-н* ‘мяса ему’
ӈ + д	—	*хоӈ-дӣ-н* ‘пусть плачет’
ӈ + з	—	*хоӈ-ди-н* ‘будет плакать’
ӈ + й	—	*аиӈ-ъякӣн* ‘вот такой быстрый’
ӈ + к	*тэӈкэ* ‘лес’	—
ӈ + н	*иманӣӈна* ‘снегопад’	*наӈ-на* ‘в ловушке’
ӈ + н’	—	*хоӈ-никӣн* ‘плача’
ӈ + ӈ	—	*хоӈ-ӈот-тан* ‘обычно плачет’
ӈ + р	*хаӈра* ‘черный’	*хоӈ-ра-н* ‘плачет’
ӈ + с	*няӈса* ‘грязь’	*хоӈ-сӣ-н* ‘вроде плачет’
ӈ + т	*эӈтири* ‘глухарь’	*наӈ-тӣ-н* ‘имеет ловушку’
ӈ + ч	—	*хоӈ-чӣ* ‘плакавший’
п + й	—	*хэгэп-ъекӣн* ‘соболишко’
п + к	*типкир* ‘гвоздь’	*хэгэп-кэкӣн* ‘соболек’
п + л	*көплэчин* ‘пляска’	*хэгэп-ли* ‘за соболя’
п + р	*кисапрун* ‘трещит’	—
п + с	—	*деб-сө-н* ‘вроде бы ест’
п + т	*каптас* ‘сплющив’	*эмӣ-п-тэ-н* ‘остался’

Окончание табл. 6

Сочетание фонем	Позиция	
	внутри морфемы	на стыке морфем
п + ч	*няпча* ‘рыбий хвост’	*эмэ̄-п-чэ̄* ‘оставшийся’
р + б	*арбати* ‘отлив’	*ора-р-бу* ‘мои олени’
р + г	*иргэ* ‘хвост’	*орар-га̄-н* ‘оленей ему’
р + д	*кэрдэ̄* ‘кожемялка’	*эр-дэ̄-н* ‘пусть копает’
р + з	—	*эр-ди-н* ‘будет копать’
р + й	—	*тӣ-р-ъе* ‘тот раз’
р + к	*хэркэ* ‘штаны’	*типкир-кэкэ̄н* ‘гвоздик’
р + л	анат. *өрлэ* ‘нёбо’	*хөр-ли* ‘уходи’
р + м	*дёрмин* ‘вор’	*хөр-ми* ‘если уйти’
р + н’	—	*хөр-никэ̄н* ‘уходя’
р + ӈ	*нэрӈэ* ‘ливень’	*хөр-ӈэ ба̄н* ‘лень уходить’
р + п	*гарпанӈа* ‘луч солнца’	—
р + р	—	*хөр-рөт-тэн* ‘уходит’
р + с	—	*хөр-сө-ли* ‘иди себе!’
р + т	*эртэ* ‘кожа человека’	*гар-та̄н-на* ‘на каждом суку’
р + ч	*карчи* ‘деньги’	*хөр-чэ̄* ‘ушедший’
с + й	—	*ӣс-ъекэ̄н* ‘шкуренка’
с + к	*эскэн* ‘хвалит’	*ис-кэт-тэн* ‘щиплет’
с + л	—	*ӣс-лэ̄* ‘на шкуре’
с + м	—	*тэргэс-ми* ‘ровдужный’
с + н	*хуклэ̄снэн* ‘уснул’	*тэс-нэ̄-н* ‘пошел чистить’
с + н’	—	*эс-ни* ‘не…’
с + ӈ	—	*ис-ӈа ба̄н* ‘лень дойти’
с + с	*хэссэ* ‘подошва’	*ис-са-н* ‘дошел’
с + т	*оста* ‘когти, ногти’	*о̄с-та̄-н* ‘пусть он отступит’
с + ч	*га̄счин* ‘он просит’	*о̄с-чи-н* ‘он отступит’
т + в	*атват* ‘лодка, бат’	—
т + й	—	*ӣт-ъекэ̄н* ‘зубишко’
т + к	*атки* ‘теща; свекровь’	*хут-кэ̄-н* ‘ребенка для него’
т + л	*арбутла* ‘обмелевший’	*оӈат-ла̄* ‘в носу’
т + м	*итмэ̄нни* ‘он укусил’	*ит-ми* ‘если увидеть’
т + н	*тик-э-тнэ̄-н* ‘падает’	*ит-нэ̄-н* ‘пошел смотреть’
т + н’	—	*ит-никэн* ‘смотря’
т + ӈ	—	*ит-ӈэ туркун* ‘не мог увидеть’
т + с	—	*ит-сө-н* ‘как будто видит’
т + т	—	*ит-тэ-н* ‘он видит’
т + ч	—	*оӈат-чи* ‘своим носом’
ч + к	—	*ач-ка̄н* ‘неимущий’
ч + л	—	*кирич-лэ̄* ‘у дятла’
ч + ч	—	*тэг-э-ч-чө̄т-тэн* ‘обычно сидит’

Некоторые закономерности сочетаемости согласных фонем в эвенском языке

Сочетаемость согласных эвенского языка внутри морфемы и на стыке морфем демонстрирует ряд закономерностей. Часть из них определяется дифференциальными признаками согласных, накладывающими ограничения на их позиционное распределение и появление в определенных фонетических условиях (например, как правило, звонкие согласные не сочетаются с глухими). Некоторые правила сочетаемости согласных объясняются отдельными явлениями исторической фонетики эвенского

языка. Но некоторые закономерности или тенденции, обнаруживаемые только при сплошном описании известных сочетаний согласных, не находят объяснения ни в дифференциальных признаках согласных, ни в истории звукового строя эвенского языка. Они объясняются только за счет особенностей фонетической структуры морфем, унаследованной эвенским языком из более архаического состояния.

Общие закономерности сочетаемости согласных эвенского языка укладываются в следующие правила:

1) удвоенные согласные встречаются только на стыке морфем; исключение одно — согласный [с] в слове *хэссэ* ‘подошва’;

2) удвоению поддаются все согласные, кроме [п] и [h];

3) звонкие согласные в преконсонантной позиции сочетаются только со звонкими согласными. Согласный [в] в эвенском языке не образует исключения из данного правила, так как относится не к шумным, а к сонорным;

4) глухие (напряженные, сильные) согласные в преконсонантной позиции сочетаются только с глухими же шумными согласными. Исключение составляет согласный [г], фрикативный (шелевой) оттенок которого обладает способностью сочетаться с некоторыми глухими согласными;

5) согласный [п] в постконсонантной позиции встречается довольно редко, причем только внутри морфем. В преконсонантной позиции он также достаточно редок, и часть случаев его употребления в этой позиции приходится на те формы, где фонема [п] представляет собой самостоятельный суффикс средневозвратного залога *-б-//-п-*, например: *хуладай* ‘оставить’ — *хулаптай* ‘остаться’;

6) сочетания согласных с согласным [й] в постконсонантной позиции встречаются исключительно на стыке морфем, причем в весьма немногочисленных примерах, так как [й] очень редко обнаруживается в начале морфем и довольно редко — в виде отдельной самостоятельной морфемы, располагающейся внутри слова, например: *гāдай* ‘взять’ — *га-й-мāт-тай* ‘меняться’;

7) переднеязычные согласные [д], [т] и среднеязычные согласные [ʒ], [ч], [н’] почти не встречаются в преконсонантной позиции, в особенности если вторым компонентом сочетаний оказываются сонанты или звонкие согласные;

8) согласный [ч] практически не встречается в преконсонантной позиции. Отмечаемые случаи произношения слов *асāткāн* ‘девушка’ и *аткāн* ‘неимущий’ со смягченным [т’] являются, по существу, факультативными. Переход [т//ч] перед [л] наблюдается в глагольных парадигмах: ср. *тэгэ-ч-и-нри* ‘ты сидишь’, но *тэгэ-т-ли* ‘сиди’. Однако в именном склонении, по нашим наблюдениям, палатальный характер согласного перед согласным [л] сохраняется несмотря на то, что примеры имен с конечным [ч] очень немногочисленны;

9) согласный [н’] в постконсонантной позиции встречается только на морфемных стыках в тех случаях, когда он находится в начале суффиксальной морфемы;

10) согласный [ŋ] в постконсонантной позиции обнаруживается в основном в сочетаниях на стыке морфем. Сочетания согласных с [ŋ] во второй (постконсонантной) позиции внутри морфемы приходятся на носовые согласные.

Как нетрудно заметить, сформулированные правила касаются либо целых классов фонем, объединенных общим признаком, либо свойств отдельной фонемы, проявляющихся по отношению к целому классу фонем. Отсутствие или немногочисленность (редкость) каких-либо сочетаний отдельных согласных в эвенском языке, очевидно, представляет собой проявление случайности или отражает общие тенденции сочетаний определенных звукотипов [Шеворошкин, 1969].

ЧЕРЕДОВАНИЕ ФОНЕМ

Общие замечания

По определению Ю.С. Маслова, чередование фонем «в широком… смысле может быть определено как мена фонем или вариантов одной фонемы (или также фонемы с нулем звука, группы фонем с другой группой фонем и т.д.), наблюдаемая в пределах одной морфемы одного языка при варьировании этой морфемы в плане выражения…» [1979, с. 195]. Применительно к таким понятиям, как сочетаемость фонем и фонологическая структура морфем, чередование фонем — это проявление ограничений на сочетаемость фонем, возникающих вследствие фонетического или фонологического ограничения на сочетаемость отдельных звуков либо специфики фонетического оформления сочетаний отдельных морфем в каких-либо конкретных грамматических формах или разрядах грамматических форм.

Все чередования фонем делятся на два класса: 1) *позиционные*, наблюдающиеся повсеместно, где они возможны в силу определенных фонологических условий; 2) *непозиционные*, или *исторические*, не имеющие мотивировки в правилах сочетаемости фонем и так или иначе связанные с грамматическими либо словообразовательными характеристиками тех форм, в которых они наблюдаются.

Позиционные чередования

Позиционные чередования — такие чередования фонем, которые обусловлены закономерностями распределения фонем в пределах слова или словоформы и не связаны с отдельными грамматическими формами. Данные чередования наблюдаются в сочетаниях морфем.

Позиционные чередования встречаются во всех без исключения морфемах или морфемных стыках. По поводу позиционных чередований нельзя говорить о том, что они наблюдаются в одних морфемах или грамматических разрядах словоформ и не наблюдаются в других морфемах при том же самом фонемном составе сочетания морфем — позици-

онные чередования наблюдаются всегда и всегда имеют одни и те же результаты во всех случаях: из пары чередующихся фонем в независимой позиции будут встречаться обе фонемы, в зависимой позиции, в которой действуют какие-то ограничения на употребление каких-либо согласных фонем или их классов, — только какая-то одна из пары чередующихся фонем.

Позиционные чередования гласных

Позиционные чередования гласных в эвенском языке наблюдаются исключительно в суффиксальных морфемах. Внутри корневой морфемы, сколько бы гласных она ни насчитывала, чередования гласных невозможны (ср. *киримки* ‘ресницы’, *өлики* ‘белка’, *уливун* ‘весло’).

Специфической особенностью чередований гласных в суффиксальных морфемах в эвенском языке является то, что хотя они полностью определяются закономерностями сочетаний гласных в слове, обусловлены признаком сингармонического ряда гласного первого слога (или последнего слога корневой морфемы), в них нет формы, которая находилась бы в сильной (независимой) позиции.

Сингармонические чередования гласных в теории фонемных чередований почему-то не учитывались. Между тем в языках, для которых характерен тот или иной тип сингармонизма, налицо различия в характере чередований гласных в суффиксах: так как в турецком языке, в котором довольно много слов арабского и персидского происхождения, нет гармонии гласных внутри морфемы, чередования гласных в суффиксах по правилам сингармонизма должны считаться историческими чередованиями; напротив, в якутском языке, в котором даже довольно поздние заимствования из русского языка подстраиваются под закономерности якутской гармонии гласных, сингармонические чередования гласных должны считаться позиционными, хотя и не имеющими сильной позиции.

Ряды позиционных чередований гласных в эвенском языке

В эвенском языке имеются шесть пар чередующихся между собой гласных: *а//э*, *ā//ē*, *и̇//и*, *ӯ//у*, *ō//ē*, *ᵘа//ᵘе*.

Число рядов позиционных чередований в эвенском языке оказывается несколько меньше, чем число сингармонических пар гласных — как говорилось выше, все 18 эвенских гласных фонем образуют девять сингармонических пар. В чередования не входят долгие узкие гласные и краткие полуширокие лабиализованные гласные, так как они встречаются только в первом слоге. Пара гласных *ᵘа//ᵘе* (в графике — *я//е*) включена в число рядов позиционных чередований гласных условно, так как это чередование может быть усмотрено только в строго ограниченном количестве примеров, а именно — в числительных — названиях десятков типа *надаңмяр* ‘семьдесят’, *нюңэнмер* ‘шестьдесят’. Если характеризовать это чередование как позиционное и рассматривать слово *мян* ‘десять’ как незави-

симую, сильную позицию для гласного в морфологическом элементе {*мян//мен*}, то получится, что чередование *ᵘа//ᵘе* — единственное из позиционных чередований гласных, для которого можно установить определенную направленность.

Примеры чередования гласных в эвенском языке:

а) *а//э*: *бак-ра-н* ‘нашел’ — *тик-рэ-н* ‘упал’, *мōми-сан* ‘ваша лодка’ — *кэрдэ-сэн* ‘ваша кожемялка’ и т.п.;

б) *ā//ē*: *гāдāй* ‘взять’ — *нēдēй* ‘положить’;

в) *ō//ē*: *гāсōдāй* ‘брать (неуверенно, осторожно)’, *нēсēдēй* ‘класть (неуверенно, осторожно)’;

г) *ӯ//и*: *окат-лӯ* ‘по реке, по воде’ — *тӧŋэр-ли* ‘по озеру’, *гāлӯ* ‘возьми’ — *нē-ли* ‘положи’ и др.;

д) *ӯ//у*: *мōми-вӯн* ‘наша лодка’ — *кэрдэ-вун* ‘наша кожемялка’, *кяливӯн* ‘точильный брусок’ — *пэктэрэвун* ‘ружье’.

Другие примеры чередований гласных см. в разделах, посвященных описанию гласных в суффиксах.

Позиционные чередования согласных

В эвенском языке позиционные чередования согласных представлены достаточно широко и наблюдаются на стыке корневых и суффиксальных морфем, а также в различных сочетаниях словообразовательных, формообразующих и словоизменительных суффиксов.

Позиционные чередования согласных в эвенском языке могут быть разделены на два типа в зависимости от направления ассимиляции, определяющей направление чередований:

I. Чередования предшествующего согласного в зависимости от характера последующего согласного.

Эти чередования являются следствием регрессивной ассимиляции согласных — воздействия последующего согласного на предшествующий. К ним относятся следующие чередования:

1. Чередование звонкого [б] с глухим [п] перед следующим глухим согласным: *эмēб-энри* ‘ты остался’, *эмēб-гэрē-н* ‘остается’, *эмēп-чē* ‘оставшийся, оставленный’.

Позиция между гласными для согласного [б] считается сильной (независимой) до известной степени условно, поскольку губные смычные в интервокальном положении достаточно редки и противопоставление согласных [б] и [п] в эвенском языке в этой позиции недостаточно отчетливо.

2. Чередование среднеязычных согласных [ʒ], [ч], [н’] с переднеязычными [д], [т], [н], [р] и [л] перед переднеязычными согласными: *ӈэнэ-ʒ-инри* ‘ты идешь’ — *ӈэнэ-д-дэ-н* ‘он идет’ — *ӈэнэд-дē-н* ‘пусть он идет’; *хӧч-ис* ‘вы набросились на кого-то’ — *хӧт-тэ-н* ‘он набросился на кого-то’; *уʒ* ‘след’ — *удли* ‘по следу’; *нулгэн’-и-нри* ‘ты все время кочуешь’ — *нулгэн-рэ-н* ‘он все время кочует’ — *нулгэн-дē-н* ‘пусть он все время кочует’; *гаван’-и-нри* ‘ты изредка берешь’ — *гāван-ра-н* ‘он изредка берет’;

ŋэнэ-ден'-и-нри ‘ты потихоньку идешь’ — *ŋэнэден-рэ-н* ‘он потихоньку идет’ и т.п.

II. Чередования последующих согласных в зависимости от характера предшествующих согласных.

Эти чередования также обусловлены закономерностями ассимиляции согласных, но в отличие от рассмотренных выше чередований, здесь ассимиляция согласных имеет другое направление — от предшествующего согласного к последующему.

1. Чередования звонких согласных с глухими после глухих согласных:

а) *д//т*: *мӯ-ду* ‘в воде’, *тог-ду* ‘в огне’, *дэт-ту* ‘на болотистой тундре’, *мӯ-дук* ‘из воды’, *тог-дук* ‘от огня, из огня’, *орāт-тук* ‘из сухой травы’, *гā-дā-н* ‘пусть он возьмет’, *хаŋāн-дāн* ‘пусть сошьет’, *бак-тā-н* ‘пусть найдет’, *эвэ-ды* ‘эвенский’, *нанай-ды* ‘нанайский’ — *орат-ти* ‘орочский’, т.е. принадлежащий эвенам-орочам, жителям Магаданской области (в данном суффиксе прилагательных после согласного [д] в эвенской графике пишется буква *ы*, после [т] — буква *и*);

б) *г//к*: *атā-гā-й* ‘как бабушку’, *бэнэр-гӯ-й* ‘как шурина’, *мāтāк-кā-й* ‘в зятья, как зятя’, *көсчи-зиŋэ* ‘тот, кто будет пасти’, *эм-зиŋэ* ‘тот, кто придет’, *ис-чиŋа* ‘тот, кто дойдет’, *хуклӯ-зи-м* ‘буду спать’, *хөрзим* ‘уйду’, *бак-чи-м* ‘найду’, *ŋэн-гэрӯ-н* ‘ходит’, *деб-гэрӯ-н* ‘ест’, *ис-кэрӯ-н* ‘щиплет’;

в) *з//ч*: *у-зи-м* ‘сяду верхом’, *ав-зи-м* ‘умою’, *тик-чи-м* ‘упаду’.

2. Чередования согласного [р] с переднеязычными согласными после шумных губных [п] и переднеязычных [д], [т] и [с]: *хуклэ-рэ-м* ‘сплю’, *мял-ра-м* ‘я проснулся’, *эм-рэ-м* ‘я пришел’, *од-да-м* ‘я закончил’, *эмӯптэ-м* ‘я остался’, *гэлӯт-тэ-м* ‘ищу’, *хус-са-м* ‘стригу’, *хуклӯ-рэк-у* ‘когда/если я буду спать’, *эм-рэк-у* ‘когда/если я приеду’, *од-дак-у* ‘когда/если я закончу’, *гэлӯт-тэк-у* ‘когда/если я буду искать’, *хус-сак-у* ‘когда/если я остригу’ и т.п.

Данное чередование в эвенском языке занимает промежуточное положение между собственно позиционными чередованиями и так называемыми историческими чередованиями, связанными с какими-то конкретными грамматическими формами. С одной стороны, запрет на сочетаемость согласных с [р], если он находится в положении после согласных, распространяется почти на все согласные (см. табл. 5); исключение составляют слова *дӣпрэ* ‘крепкий (о сне)’, *кисапрӯдай* ‘трещать (о льде)’, *тӧпрӯдэй* ‘перекочевать из тундры в горы’. С другой стороны, в эвенском языке почти нет суффиксов, начинающихся с согласного [р]: ср. суффикс терминов родства *-рани/-рэни* в словах *амрани* ‘отчим’, *эньрэни* ‘мачеха’, но *хурсэни* ‘пасынок, приемный сын//падчерица, приемная дочь’. Наконец, надо иметь в виду, что в некоторых грамматических формах, а именно в так называемых глаголах неправильного спряжения, в литературном (письменном) эвенском языке те же самые морфемы (суффикс изъявительного наклонения *-ра-/-рэ-*, суффикс условно-временного разносубъектного деепричастия *-рак-/-рэк-*, показатель причастия настоящего времени *-ри* и показатель прошедшего времени *-ри*) в тех же самых фонологических условиях

(в позиции после гласных) имеют другой вид: *гā-да-м* ‘я беру/взял’, *би-сэм* ‘я есть’, *гā-дак-у* ‘если я возьму’, *би-сэк-у* ‘если/когда я буду’ и т.п.

3. Чередование *л//н* в положении после согласных [м], [н], [н’], [ŋ]:

а) после согласного [м]: *элбэ̄м* ‘ровдужная покрышка чума’ — *элбэ̄м-нэт-тэй* ‘иметь ровдужную покрышку чума’ — *элбэ̄м-нэ* ‘в покрышке (под покрышкой) чума’ — *элбэ̄м-ни* ‘по покрышке чума’;

б) после согласного [н]: *ŋин* ‘собака’ — *ŋин-нāт-тай* ‘иметь собаку’ — *ŋин-нā* ‘у собаки’ — *ŋин-ни* ‘по собаке; из-за собаки’;

в) после согласного [н’]: *ӣŋэ̄нь* ‘короткий пояс (деталь эвенской женской одежды)’ — *ӣŋэ̄нь-нэ̄т-тэй* ‘иметь короткий пояс’ — *ӣŋэ̄нь-нэ̄* ‘на коротком поясе’ — *ӣŋэ̄нь-ни* ‘по короткому поясу; из-за короткого пояса’;

г) после согласного [ŋ]: *наŋ* ‘пасть, ловушка’ — *наŋ-нāт-тай* ‘иметь ловушку, иметь что-то в качестве (вместо) ловушки’ — *наŋ-нā* ‘в ловушке’ — *наŋ-ни* ‘по ловушке; из-за ловушки’.

Эти же чередования наблюдаются и в других грамматических формах, например:

а) формах относительной принадлежности с суффиксом *-ŋ-*: ср. *тӧр-лэ̄* ‘на земле’ — *тӧр-э-ŋ-нэ̄т* ‘на нашей земле, в нашей стране, в нашем краю’;

б) формах повелительного наклонения глагола с суффиксами *-ли*, *-лилра*: *ӣ-ли* ‘входи’, *ил-ли* ‘встань’ — *ŋэн-ни* ‘иди’, вост. *ŋэн-нилрэ* ‘идите’;

в) наречиях цели и внутренних обстоятельств с показателем *-ладин/-лэдин*: *хэŋунь-нэ̄дин* ‘на страх’, ср. *гудей-лэ̄дин* ‘на радость; к радости’, *кир-лэ̄дин* ‘к неприятности, к неприятностям’. В грамматических трудах по эвенскому языку этот тип наречий не описан.

Это же чередование *л//н* в глаголах со значением обладания чем-либо имеет непозиционный характер: *инмэ-лэ̄т-тэй* ‘иметь иглу, иметь что-л. в качестве иглы’, *ор-нāт-тай* ‘иметь оленя, иметь в качестве оленя’, *ŋин-нāт-тай* ‘иметь собаку’, ср. также образование прилагательных со значением отсутствия предмета: *ач дэ̄тлэ-лэ̄* ‘бескрылый’, *ач орнā* ‘безоленный’ и т.п. Сочетание согласных [р]+[л] в эвенском языке запрещенным не является (см. табл. 5): причиной этого чередования в рассматриваемых формах служит конечный согласный основы *-н*, в ряде случаев подвергающийся выпадению.

Непозиционные, или исторические, чередования

Анализируя разные ряды чередований согласных в эвенском языке, можно заметить, что одни и те же согласные в одних и тех же фонологических условиях (при образовании одинаковых по своему составу фонемных сочетаний на стыках морфем) ведут себя по-разному. Для обозначения таких фонемных чередований в русской лингвистической традиции принят термин «исторические чередования». Однако он, на наш взгляд,

не всегда приемлем для описания таких явлений, какие мы здесь рассматриваем. Термин «исторические чередования» более подходит для описания чередований, характерных лишь для отдельных морфем, но отнюдь не для целых классов морфем при немногочисленных исключениях. Представляется более оправданным называть такие чередования просто непозиционными, или морфонологическими. Такое название также не очень удачно: к компетенции морфонологии относятся как позиционные, так и непозиционные чередования, хотя появление данной научной дисциплины в пограничной области между фонологией и морфологией вызвано именно необходимостью классификации и описания разных типов непозиционных чередований.

Непозиционные, или, как их еще называют, исторические, чередования наблюдаются в определенных сочетаниях морфем в какой-то конкретной словоформе с определенным набором словообразовательных или грамматических значений и не вызваны закономерностями сочетаемости фонем, действующими в языке в настоящее время. Распространенное название этого типа чередований — «исторические» — говорит о том, что фонологические закономерности, определяющие такие чередования, действовали в языке в предшествующие периоды его истории.

В эвенском языке к непозиционным относятся следующие чередования:

1. Чередование согласного [в] с согласным [б] в положении после согласных [л] и [р] в формах винительного падежа и в притяжательных формах 1-го л. ед. ч. и 1-го л. мн. ч. (исключающая форма), например: *дю-в* ‘мой дом’, *дю-в* ‘дом’ (вин. п.), *дю-л-бу* ‘мои дома’, *дю-л-бун* ‘наши (но не ваши) дома’, *дю-л-бу* ‘дома’ (вин. п.); *ора-р-бу* ‘мои олени’, *ора-р-бун* ‘наши (но не ваши) олени’, *ора-р-бу* ‘оленей’ (вин. п.), *ора-р-бан* ‘его оленей’.

Указанное чередование, хотя сочетания [л]+[в] и [р]+[в] в эвенском языке невозможны, не вполне правомерно обозначать как позиционное. Позиция после гласного для согласного [в] в таких случаях не может рассматриваться как позиция максимального различения (как сильная позиция), так как в положении после согласных, в особенности после плавных [л] и [р] (такое положение является сильной позицией для всех согласных, вступающих в позиционные чередования), данные суффиксы ведут себя совсем иначе, нежели при позиционных чередованиях. Если именная основа оканчивается на согласный, то падежный или притяжательный суффикс содержит гласный [у].

2. Чередование [в] с согласным предшествующего слога. Это чередование, при котором [в] полностью ассимилируется с предшествующим согласным вне зависимости от его качества, наблюдается только в двух случаях — в притяжательных формах 3-го л. ед. ч. винительного падежа имени и формах вида обычно совершаемого действия глагола.

Примеры чередований согласного [в] с другими согласными в указанных грамматических формах даны в табл. 7.

Таблица 7

Чередование согласного [в] в формах винительного падежа 3-го л. ед. ч. имен и формах вида обычного действия глаголов

Конечный звук основы	Формы винительного падежа 3-го л. ед. ч. имен	Формы вида обычного действия глаголов
Гласный	*нимками-вāн* ‘его посох’, *инмэ-вэ̄н* ‘ее иглу’	*алма-вāттай* ‘подражать (петь песню-подражание)’, *мӣнэ̄-вэ̄ттэй* ‘резать’
б	*эб-бө̄-н* ‘его влагу’	*бак-а-б-бō̄ттай* ‘находиться’
в	*карāв-вō̄н* ‘его серого оленя’	*ӣв-вө̄ттэй* ‘вносить’
г	*тог-гō̄-н* ‘его огонь’	*дэг-гө̄ттэй* ‘летать’
д	*гид-дō̄н* ‘его копье’	*ид-дō̄ттай* ‘причесывать’
з	*уз-зō̄н* ‘его след’	*хуклэ̄д’-д’ө̄ттэй* ‘спать’
й	*зэ̄й-йө̄н* ‘его лезвие’	*дэ̄й-йō̄ттай* ‘прятать’
к	*элбэк-кө̄н* ‘его полог’	*тик-кө̄ттэй* ‘падать’
л	*хуӈэ̄л-лө̄н* ‘его кровь’	*мял-лō̄ттай* ‘просыпаться’
м	*хум-мө̄н* ‘его сухожилие’	*эм-мө̄ттэй* ‘приходить’
н	*ӈин-нō̄н* ‘его собаку’	*ӈэн-нө̄ттэй* ‘ходить’
н’	*өкэн’-н’ө̄н* ‘ее молоко’	*гаван’-н’ө̄ттай* ‘изредка брать’
ӈ	*наӈ-ӈō̄н* ‘его ловушку’	*хоӈ-ӈō̄ттай* ‘плакать’
п	зап. *хᵘеп-пө̄н* ‘его карман’	—
р	*тобар-рō̄н* ‘его топор’	*ир-рō̄ттай* ‘таскать за собой’
с	*ӣс-сө̄н* ‘его шкуру’	*ис-сō̄ттай* ‘достигать’
т	*инӈат-тō̄н* ‘его шерсть’	*гэлэ̄т-тө̄ттэй* ‘обычно искать’
ч	*эрбэч-чө̄н* ‘его гуся’	*хуч-чō̄ттай* ‘колоть’

Чередование согласных *в//м*

Чередование *в//м* в эвенском языке наблюдается только в суффиксах, начинающихся с [в], при присоединении их к основам с конечным [н] и ассимиляции конечного согласного основы. Данное чередование не может считаться фонетически обусловленным, так как наряду с ним перед суффиксами, начинающимися с [в], наблюдается и иное явление — усечение конечного согласного основы [н], не сопровождающееся изменением внешнего облика суффикса, присоединяющегося к основе. Чередование согласных *в//м* обнаруживается в следующих грамматических формах:

1) винительный падеж имени: *олра-в* ‘рыбу’, *инмэ-в* ‘иглу’, но *ора-м* ‘оленя’, *эмгу-м* ‘седло’;

2) притяжательные формы имен 1-го л. ед. ч. и 1-го л. мн. ч. (искл.): *инмэ-в* ‘моя игла’, *мō̄ми-вун* ‘наша лодка’, но *ор-му* ‘мой олень’, *ор-мун* ‘наш олень’, *хирка-му* ‘мой нож’;

3) безлично-притяжательные формы имени: *мō̄ми-й* ‘свою (его) лодку’, *мō̄мивур* ‘свою (их) лодку’, но *ор-ми* ‘своего оленя’, *ор-мур* ‘своих оленей’;

4) побудительная, или каузативная, форма глагола (форма побудительного залога): *ӣ-вкэ̄н-дэй* ‘позволить/заставить войти’, но *гө̄-мкэ̄н-дэй* ‘заставить сказать’, *мᵘерэ-мкэ̄н-дэй* ‘выдать замуж, женить’;

5) форма страдательного залога глагола: *хон-а-сан-дай* ‘ударить’ — *хон-а-са-м-дай* ‘быть ударенным чем-л.’; *пэктэрэ̄н-дэй* ‘выстрелить, застрелить кого-л./какое-л. животное’ — *пэктэрэ-м-дэй* ‘быть застреленным’, *хэпкэ̄н-дэй* ‘поймать’ — *хэпкэ̄-м-дэй* ‘быть пойманным’.

Наряду с суффиксами, которые имеют начальный согласный [в], чередующийся с [м], обнаруживается и усечение основ. Например, оно наблюдается перед суффиксом вида обычного действия: *гӯн-дэй* ‘сказать’ — *гӯ-вэ̄т-тэй* ‘говорить’. Данное явление, существующее в эвенском языке одновременно с рассматриваемым типом чередований, как раз и заставляет считать указанное чередование историческим, причем связано оно только с определенными грамматическими показателями.

Чередование согласных *г//ӈ*

Чередование *г//ӈ* ограничивается немногими случаями сочетания конечного согласного [н] именной или глагольной основы и начального согласного [г] суффикса. Данное чередование наблюдается в следующих грамматических формах:

1) исходный падеж имени: *дӯ-гич* ‘со стороны распадка’, *кадӣр-гич* ‘со стороны скалы’ — *урэ̄кчэ̄-ӈич* ‘со стороны сопки’;

2) назначительный падеж имени: *мӯми-гӣн* ‘лодку для него, лодку ему’ — *ор-ӈӣ-н* ‘оленя для него, оленя ему’, *хиркӣ-ӈӣ-н* ‘нож для него’;

3) сравнительная форма имени (или сравнительный падеж): *нюлка-гчин* ‘как каменная глыба’, *нам-ӈачин* ‘как море’, *ор-ӈачин* ‘как олень’, *урэ̄кчэ̄-ӈчин* ‘как гора, как сопка’;

4) повелительное наклонение 1-го л. мн. ч.: *мӣнэ̄-гэр* ‘разрежем’ — *гӯ-ӈэр* ‘скажем’;

5) вид неоднократного действия глагола: *ӣ-грэ̄-дэй* ‘входить (неоднократно, несколько раз)’, *хӧр-гэрэ-дэй* ‘уходить’ — *гӯ-ӈрэ̄-дэй* ‘говорить’, *ᵘелтэ̄-ӈрэ̄-дэй* ‘проходить мимо, миновать’.

Исключение: чередование *н//ӈ* перед суффиксом продолженного вида глагола *-чи-*: *нӭн-ни* ‘побежал’ — *нӭӈ-чи-н* ‘бегает, бежит’.

Чередование согласных *г//ӈ* в эвенском языке позиционным не является, так как не характерно для тех имен и глаголов с основой на *-н*, которые изменяются по типу слов с основой на любой согласный; ср. *ӈин-гӣ-н* ‘собаку ему’, *хаӈӣн-гарӣ-н* ‘шьет неоднократно, часто’ и т.п.

Чередования согласных с гласными

Чередования согласных с гласными в эвенском языке немногочисленны. Их всего два — это чередования согласного [в] с гласными [ў//у] и чередование согласного [й] с гласными [й//и].

Чередование согласного [в] с гласными [ў//у] наблюдается в трех случаях:

1) в суффиксе винительного падежа: *авса-в* ‘женскую сумку для предметов рукоделия’ — *авак-ў* ‘сумку для полотенца’, *хэ̄рук-у* ‘хозяйственную сумку из камуса’;

2) в суффиксе 1-го л. ед. ч. принадлежности: *авса-в* ‘моя сумка для рукоделия’ — *авак-ў* ‘моя сумка для полотенца’, *хэ̄рук-у* ‘моя хозяйственная сумка’.

Суффикс винительного падежа в эвенском языке имеет много вариантов и в тех случаях, когда он занимает в словоформе неконечную позицию, а именно в притяжательном склонении, и приобретает вид *-ву*; ср. *авса-вӯ-с* ‘твою сумку для рукоделия’, *инмэ-ву-с* ‘твою иглу’. Притяжательный суффикс 1-го л. ед. ч. занимает постоянно конечную позицию в словоформе;

3) в суффиксе побудительного залога: *гā-вкāн-дай* ‘заставить взять’ — *ир-ӯкāн-дай* ‘заставить тянуть, тащить’.

Существенно, что в первых двух случаях чередование *в//ӯ/у* полностью изменяет внешний облик грамматического показателя, в то время как в третьем — факт чередования *в//ӯ/у* оставляет грамматический показатель в узнаваемом виде.

Как нетрудно заметить, чередования *в//ӯ/у* и *в//м* образуют один ряд *в//ӯ/у//м*, поскольку наблюдаются в одних и тех же морфемах — суффиксе винительного падежа, притяжательном суффиксе 1-го л. ед. ч. и показателе побудительного залога в зависимости от характера основы (от ее конечного звука). Однако не все морфемы, в которых обнаруживается чередование *в//м*, входят в этот ряд, поэтому при описании чередований по характеру альтернантов (чередующихся фонем) нам приходится разграничивать эти две пары фонем, чередующихся друг с другом, и включать их в разные подклассы чередований.

Чередование *в//ӯ/у//м* представлено всего в одной морфеме. Причина ограниченной встречаемости данного чередования чисто фонетическая — наличие в структуре каузативного суффикса сочетания согласных с начальным согласным [в].

Чередование *й//и̇/и* наблюдается в безлично-притяжательном суффиксе ед. ч.: *ᵘенунэ-й* ‘свой язык’, *ханӈа-й* ‘свою ладонь’, *ӈӣнтэ-й* ‘свою пятку’ — *оӈат-и̇* ‘свой нос’, *бӗ̄дэл-и* ‘свою ногу’.

Чередования *в//ӯ/у* и *й//и̇/и* нельзя назвать позиционными по двум причинам. Во-первых, позиция после гласного не может считаться сильной для противопоставления гласных и согласных, так как сочетания гласных в эвенском языке отсутствуют не только в конце, но и внутри слова, а также в любом другом фонетическом положении. Во-вторых, в неконечной позиции в сходных фонологических условиях согласные могут чередоваться и с нулем звука.

Чередования согласных с нулем звука

Чередования согласных с нулем звука в эвенском языке наблюдаются в основном при образовании производных слов и грамматических форм от имен и глаголов с основой на *-н*.

Эти чередования, как и другие чередования согласного *н*, нельзя относить к позиционным, так как в эвенском языке имеются имена и глаголы с конечным [н], ведущим себя так же, как и все другие согласные (ср. такие слова, как *ӈин* ‘собака’, *бāн* ‘ленивый’, *ӈэндэй* ‘идти’, *ханāндай* ‘шить’ и т.п.).

Чередование [н] с нулем звука

Чередование [н] с нулем звука, чаще называемое в грамматических описаниях эвенского языка усечением согласного [н], наблюдается в следующих морфологических позициях:

1) при присоединении увеличительного суффикса имен существительных: *оран* ‘олень’, *атикāн* ‘старуха’, *этикэ̄н* ‘старик’ — *ора-ндя* ‘оленище’, *ор-кайā* ‘тот оленище (о котором уже говорилось)’, *ор-йакан* (= *оръякан*) ‘оленишка’, *атикā-кайā* (= *атикакая*) ‘та старуха (о которой все знают, о которой уже рассказывали)’, *атикā-йакāн* ‘старушонка’, *этикэ̄-йэкэ̄н* ‘старичишка’. Ср. *зӯ* ‘дом’ — *зӯ-нза* ‘домище’, *зӯ-кайā* ‘домина’, *зӯ-йакāн* ‘домишко’ (русские переводы не передают оттенков форм эвенских слов);

2) присоединении уменьшительных и уменьшительно-ласкательных суффиксов: *оран* ‘олень’ — *ор-кāн* ‘игрушечный олень’, *ор-чāн* ‘оленчик, маленький олень’. Ср. *зӯ* ‘дом’ — *зӯ-чāн* ‘маленький домик’, *зӯ-кāн* ‘игрушечный дом, небольшой чум для хозяйственных работ’;

3) присоединении некоторых словообразовательных суффиксов: *нимкāн-дай* ‘рассказать сказку’ — *нимкā-лāн* ‘сказитель’; *хэпкэ̄н-дэй* ‘поймать’ — *хэпкэ̄-лдывун* ‘то, чем ловят’; *хуричэн* ‘сиг’ — *хуричэ-мдэ* ‘сеть на сигов’; *ӯтэ̄н* ‘дом (русского или якутского типа)’ — *ӯтэ̄-мийэ̄* ‘остатки деревянного дома’; *муран* ‘лошадь’ — *мура-мдас* ‘что-то вроде лошади’, *мура-мкар* ‘лошадища’; *гӧн-дэй* ‘говорить, сказать’ — *гӧ-нмэ̄й* ‘пословица, поговорка’ (но ср. *ӣ-дэй* ‘войти — *и-нмэ̄й* ‘вход’); *мунрукāн* ‘заяц’ — *мунрука-с* ‘шкурка зайца’; *хамāн* ‘шаман’ — *хамасак* ‘шаманская одежда’; *удан* ‘дождь’ — *уда-сак* ‘дождевик’; *бэркэ̄н* ‘самострел’ — *бэркэ-мкин* ‘место охоты с самострелом’; *нимэн* ‘кровяная каша, суп из крови’ — *ним-ти-дэй* ‘есть кровяную кашу’, *нимэ-мэгэ̄н* ‘любитель кровяной каши’; *ᵘекэтэн* ‘жердь для подвешивания котла’ — *екэтэ-рук* ‘олень, везущий жердь для подвешивания котла’; *хузэн* ‘губа животного’ — *хузэпу* ‘олень с белыми губами’; *ӧлкэ̄н* ‘передняя часть груди’ — *ӧлкэ̄-м* ‘упряжной ремень, находящийся на передней части груди’, *ӧлкэ-пэ*, *ӧлкэ-пу* ‘белогрудый’; *унькāн* ‘указательный палец’ — *унькā-пан* ‘перстень, наперсток’; *тиӈэ̄н* ‘грудь’ — *тиӈэ̄-тэн* ‘подпруга’; *бӣлэ̄н* ‘запястье’ — *бӣлэ̄-пэн* ‘браслет’; *аман* ‘отец’ — *ам-рани* ‘отчим’; *оран* ‘олень’ — *ора-пчи* ‘многооленный’, *ора-лкан* ‘оленный’; *хакарин* ‘черный’ — *хакари-мрин* ‘черноватый’; *пэктэрэ̄н-дэй* ‘выстрелить’ — *пэктэрэ-вун* ‘ружье’, *пэктэрэмӈэ* ‘стрелок’; *Дулгāн*, *Кӯкуйун* — названия эвенских родов, *Дулга-мӈа*, *Кукуйу-мӈэ* — названия женщин-представительниц соответствующих родов;

4) образовании некоторых собирательных форм: *чāлбан* ‘береза’ — *чāлбукаг* ‘березняк’; *бирāкчāн* ‘ручей’ — *бирāкчā-саг* ‘ручьи’; *оран* ‘олень’ — *ор-саг* ‘оленье стадо’;

5) образовании относительно-притяжательных форм имен существительных: *муран* ‘лошадь’ — *мура-ӈ-а-н* ‘его лошадь’; *хиркāн* ‘нож’ — *хиркā-ӈ-а-н* ‘его нож (который взят во временное пользование)’;

6) образовании направительно-местного, направительно-продольного и совместного падежей существительных: *оран* ‘олень’, *ора-кла* ‘до оленя’, *ора-кли* ‘мимо оленя’, *ор-нюн* ‘с оленем’;

7) образовании некоторых отыменных глаголов: *атикāн* ‘жена’ — *атика-лба-дай* ‘приобретать жену, жениться’; *уман* ‘костный мозг’ — *ум-тидай* ‘есть костный мозг’;

8) образовании 2-го л. ед. и мн. ч. повелительного I наклонения и повелительного III наклонения: *гōн-дэй* ‘скажи’ (повелит. II накл.) — *гō-ли* ‘скажи’, *гō-лрэ*, *гō-лилрэ* ‘скажите’, *гō-ӈэнри* ‘скажи, пожалуйста’, *гō-ӈэсэн* ‘скажите, пожалуйста’;

9) образовании косвенных наклонений глаголов: *гōннэв* ‘я должен сказать’, *гō-мнэв* ‘я, вероятно, скажу’, *гō-мчу* ‘я сказал бы (если бы что-то не помешало)’;

10) образовании запретительной (прохибитивной) формы глаголов: *эди гō-кил* ‘не говори’, *эдилрэ гō-килрэ* ‘не говорите’;

11) образовании некоторых видовых форм глаголов: *хэпкэ-кэт-тэй* ‘зря ловить’ (ср. *хэпкэн-дэй* ‘поймать’), *гō-кэттэй* ‘зря говорить’ (*гōн-дэй* ‘сказать’), *гōсō-дэй* ‘говорить (ослабл.)’, *гō-сō-н бидэй* ‘сделать вид, что сказал’, *бодаса-малчи-дай* ‘быстро последовать за кем-л.’, *хэпкэ-нэ-дэй* ‘пойти поймать’, *хэпкэ-м-дэй* ‘хотеть, иметь желание поймать’, *хэпкэ-мэл-дэй* ‘захотеть поймать’, *хэпкэ-счи-дэй* ‘пытаться поймать’, *гө-счи-дэй* ‘говорить (нехотя, лениво, с трудом)’;

12) образовании форм совместности и взаимности (форм совместного и взаимного залогов): *гō-лдэ-дэй* ‘договориться’, *хэпкэ-лдэ-дэй* ‘схватиться вместе за что-л.’, *хэпкэ-мэт-тэй* ‘поймать друг друга’;

13) образовании причастных и деепричастных форм: причастие недавнопрошедшего времени — *гō-мэт* ‘сказанное недавно’, *эмэ-тлэ* ‘остатки’ (ср. *эмэн-дэй* ‘оставить’), долженствовательное причастие — *гō-ннэ* ‘тот, кто должен сказать’, причастие обычного действия — *гō-вки* ‘говорливый’, условно-временное деепричастие — *гō-ми* ‘если сказать’, одновременное деепричастие — *гō-никэн* ‘говоря’, одновременное односубъектное деепричастие — *гō-ӈси-н* ‘когда он говорил’, отрицательное деепричастие — *гō-ӈэ бāрам* ‘мне лень сказать’, деепричастие одновременно протекающего действия — *гō-мнин* ‘как только сказал, когда говорил’.

Чередование* [*р*] *с нулем звука

Чередование согласного [р] с нулем звука наблюдается в некоторых формах глагольного словоизменения и образования причастных форм от глаголов с конечным [н]: ср. *хā-ра-м* ‘я знаю’, *хā-рап* ‘мы с вами знаем’, *хā-р* ‘они знают’, *хā-рив* ‘я знал’, *хā-раку* ‘если я знаю’, *хā-ри* ‘знающий’ — *гōн-э-м* ‘говорю’, *гōн-эп* ‘мы говорим’, *гōн* ‘они говорят’, *гōн-и-в* ‘я сказал’, *гōн-эку* ‘если я скажу’, *гōн-и* ‘говорящий’.

Так же ведет себя конечный согласный [н] в суффиксе однократного (интенсивного) вида *-сан-/-сэн-*; ср.: *хона-сн-ан* ‘ударил’, *бод-а-сн-ан* ‘пошел следом’, *бод-а-сн-ин* ‘(тогда) пошел следом’, *бод-а-сн-акан* ‘когда пошел следом’. Необходимо обратить внимание на первый пример, который показывает, что чередование согласного [р] с нулем звука отнюдь не всегда связано с иным типом глагольного спряжения — такое явление может наблюдаться и в глаголах с основой на согласный, хотя и в ограниченном числе производных видовых форм.

Те же явления встречаются при формообразовании и спряжении глаголов типа *бокан-дай* ‘догнать’: ср. *бокн-ан* ‘он догнал’ и др.

Собственно говоря, подобные случаи в эвенском языке могут описываться и иначе — как чередование *р//н* при усечении конечного согласного основы [н] . Однако как одно, так и другое чередование будет наблюдаться в строго определенных группах грамматических форм, а именно в тех, которые приведены выше.

Чередование* [*в*] *с нулем звука

Чередование согласного *в* с нулем звука ограничено и встречается в некоторых суффиксальных морфемах:

1) в суффиксе имен орудия *-вун/-ун*: *ули-дай* ‘грести’ — *ули-вун* ‘весло’, *эр-дэй* ‘копать, отгребать снег’ — *эр-ун* ‘лопата’;

2) притяжательном суффиксе 1-го л. мн. ч. *-вун/-ун*: *нӣ-вун* ‘наш младший брат/сестра’ — *мӣтӣк-ун* ‘наш зять’;

3) безлично-притяжательном суффиксе мн. ч. *-вур/-ур*: *мӣми-вур* ‘свою (их) лодку’ — *тӣм-ур* ‘свой (их) плот’.

Однако многие сходные процессы, наблюдающиеся при образовании различных разрядов числительных, нельзя считать фонемными чередованиями, так как они сопровождаются заменой морфем с разными значениями; ср. *ила-н* ‘три’, *ил-и-тан* ‘третий’, *ила-рман* ‘тройной’, *ил-ракӣн* ‘три раза’, *ил-н-идюр* ‘втроем’, *илниван* ‘всех троих’, *иларда* ‘тройка’. Соотношение этих форм с аналогичными формами числительного *д’ӣр* ‘два’ не очень показательно, так как элемент *-р* в этом числительном сохраняет свою морфологическую природу, что проявляется в особенностях склонения данного числительного по одной модели с формами множественного числа. В представленных примерах налицо различие образования разрядных форм от исходной основы *ил-/ила-*, от которой образуется большинство разрядных форм, или от собственно количественной формы *илан*, от которой образуется форма собирательных числительных.

Непозиционные грамматикализованные чередования гласных

Непозиционные чередования гласных в эвенском языке наблюдаются в очень ограниченном числе слов. Обычно они описываются в морфологических разделах грамматических очерков по эвенскому языку при характеристике способов выражения соответствующих грамматических значений. Такой подход к рассматриваемым явлениям надо признать полностью оправданным.

Чередование ӯ//у//ӣ//ӭ

Это чередование наблюдается в суффиксе винительного падежа при присоединении к нему показателя принадлежности 3-го л. ед. ч. Наиболее наглядно оно прослеживается при сравнении притяжательных форм винительного падежа друг с другом, например: *мӣми-в* ‘лодку’, *мӣми-ву-с* ‘твою лодку’, *мӣми-ву-т* ‘нашу с вами лодку’, *мӣми-ву-сан* ‘вашу лодку’, *мӣми-ву-тан* ‘их лодку’, но *мӣми-вӣн* ‘его/ее лодку’, ср. также: *инмэ-вӭн* ‘его/ее иглу’.

Притяжательные формы 1-го л. ед. ч. типа *мōми-в* ‘мою лодку’ не отличаются от непритяжательных форм, а притяжательные формы 1-го л. мн. ч. (эксклюзив) типа *мōми-вун* ‘нашу лодку’ не отличаются от соответствующих притяжательных форм именительного падежа.

То же чередование будет наблюдаться в формах множественного числа с суффиксом *-л*, образованных от имен с основами всех типов: *корбака-л* ‘шапки’ — *корбака-л-бу* ‘шапки’ (вин. п.) — *корбака-л-бāн* ‘его шапки’; *тōбар* ‘топор’ — *тобар-а-л* ‘топоры’— *тобар-а-л-бу* ‘топоры’ (вин. п.) — *тобар-а-л-бā-н* ‘его топоры’; *оран* ‘олень’ — *ора-р* ‘олени’ — *ора-р-бу* ‘оленей’ — *ора-р-бā-н* ‘его оленей’; *эмгун* ‘седло’ — *эмгу-р* ‘седла’ — *эмгу-р-бу* ‘седла’ (вин. п.) — *эмгу-р-бэ̄-н* ‘его седла’ (вин. п.).

В формах единственного числа, образованных от имен с основой на *-н*, не представлены формы падежного показателя с *у*-огласовкой, и те же ряды форм выглядят следующим образом: *оран* ‘олень’ — *ора-м* ‘оленя’, *ор-мāн* ‘его оленя’; *эмгун* ‘седло’ — *эмгу-м* ‘седло’ (вин. п.), *эмгу-мэ̄-н* ‘его седло’.

Рассматриваемые грамматические формы единственного числа от имен с основой на гласный стоят вне данных рядов чередований: *корбака* ‘шапка’ — *корбака-в* ‘шапку’, *корбака-вā-н* ‘его/ее шапку’; *инмэ* ‘игла’ — *инмэ-в* ‘иглу’, *инмэ-вэ̄-н* ‘его/ее иглу’. Те же формы от имен с основой на согласный содержат гласные *ō//ē* (см. описание чередования согласного [в] с согласным предшествующего слога и примеры в табл. 7). Указанный ряд чередований гласных в суффиксе винительного падежа хорошо прослеживается только в формах притяжательного склонения. Лишь небольшая часть вариантов показателя винительного падежа, а именно форма *-бу*, характерная для имен во множественном числе, входит по внешним признакам в этот ряд чередований гласных.

Чередования гласных в корневых и суффиксальных морфемах, имеющие грамматические функции

В эвенском языке имеются отдельные примеры исторических чередований гласных, связанные с выражением различных грамматических значений.

Это чередование *а//и* (например, *олгадай* ‘высохнуть’ — *олгидай* ‘высушить’; *набгандай* ‘прилипнуть, приклеиться’ — *набгидай* ‘прилепить, приклеить’ [Цинциус, 1947, с. 174]), а также *э//у* (например, *пэктэрэндэй* ‘выстрелить’ — *пэктэрудэй* ‘стрелять неоднократно’; *гуптурэндэй* ‘увязнуть’ — *гуптурудэй* ‘вязнуть’ [Там же, с. 183]).

Глаголы с чередованиями гласных в эвенском языке приводятся в соответствующих исследованиях [Роббек, 1982, 1992]. Лексические примеры, количество которых ограничено, не всегда дают возможность представить ряды чередований полными сингармоническими парами гласных.

К этой группе примеров примыкают случаи чередований гласных *а//э///и̇//и*, когда гласные выступают в роли средства грамматического противопоставления парных глаголообразующих суффиксов, различающихся по своей видовой характеристике значением однократности — неоднократ-

ности: *деб-нэ̄-дэй* ‘пойти есть’ — *деб-ни-дэй* ‘ходить есть’ [Цинциус, 1947, с. 187]; *мӯ-лā-дай* ‘пойти за дровами’ — *мӯ-ли-дай* ‘ходить за дровами’; *мӯ-лэ-дэй* ‘пойти за водой’ — *мӯ-ли-дэй* ‘ходить за водой’ [Там же, с. 170]; *тэв-лэ̄-дэй* ‘пойти за ягодами’ — *тэв-ли-дэй* ‘ходить за ягодами’; *хули-мā-дай* ‘пойти охотиться на лисицу’ — *хули-ми-дай* ‘ходить охотиться на лисиц’; *өл-мэ̄-дэй* ‘пойти охотиться на белку’ — *өл-ми-дэй* ‘ходить охотиться на белку’ [Там же, с. 169–170].

Описание исторических чередований фонем, т.е. таких, которые не обусловлены сочетаемостью фонем и ограничениями на правила сочетаемости фонем, если оно строится по описанию чередующихся фонем, неизбежно будет неудобным для характеристики правил образования производных слов и грамматических форм, для которых намного предпочтительнее строить описание по словообразовательному и грамматическому значению описываемых форм. Однако морфонологическое описание эвенского языка — описание закономерностей образования конкретных грамматических форм в пределах всех словообразовательных рядов и в пределах полных именных и глагольных парадигм — не входит в нашу задачу.

По этой причине за пределами данного раздела остались такие явления, как образование местного и продольного падежей при помощи отдельного морфологического элемента (*оран-дула* ‘на олене, у оленя’, *оран-дули* ‘по оленю, из-за оленя’), закономерное образование личных форм глагола (*гӣн-э-нри* ‘ты говоришь’, *гӣн-э-с* ‘вы говорите’), присутствие дополнительного морфологического элемента в формах предостерегательного наклонения 1-го л. ед. и мн. ч. (*мā-дик-а-ри-в* ‘как бы я не убил’, *мā-дик-а-л-ти* ‘как бы мы не убили’), отсутствие личного показателя в формах 3-го л. сослагательного и предостерегательного наклонений глагола (*мā-дик* ‘как бы он не убил’, *мā-мчи* ‘если бы он убил’) и т.д. Все эти факты относятся к компетенции описательной или исторической морфологии эвенского языка.

Описание правил образования форм множественного числа имени с различиями типа *олра-л* ‘рыбы’, *ора-р* ‘олени’ в эвенском языке на сегодняшний день является неоднозначным: можно думать, что формы *ора-р*, *мура-р* имеют чередование *н//р* в основе, но можно считать, что здесь имеет место чередование *л//р* в показателе множественного числа с одновременным усечением конечного согласного основы. Последняя трактовка нам представляется более предпочтительной, так как позволяет сохранять материальную оболочку показателя грамматического числа. Причины рассматриваемых явлений в эвенском языке пока не ясны. Вероятно, такие правила образования морфологических форм числа сформировались вследствие ограничений на сочетание согласных *н* + *л* и его преобразования в *-р*. Однако в других случаях, где на стыке морфем образовывалось сочетание *н* + *л*, такой процесс не отмечается, и правила образования форм множественного числа от основ на *-н* в восточных говорах эвенского языка, которые невозможно включить ни в один из известных рядов позиционных или исторических чередований, составляют особый пункт грамматического описания эвенского письменного языка. В западных говорах

эвенского языка образование форм множественного числа от форм типа *оран*, *муран* сопровождается усечением конечного *-н* основы и чередованием его с нулем звука: *ора-л* ‘олени’, *мура-л* ‘лошади’.

Сходным образом трудно описать в терминах чередований фонем образование форм творительного падежа типа *оран*’ ‘оленем’ — наблюдается ли здесь чередование *н//н*’ или же тут имеет место чередование *з//ч* с носовым согласным [н’] при одновременном усечении (чередовании с нулем) конечного элемента основы? Однако, как и образование множественного числа, эти явления составляют отдельные частные случаи в морфонологии эвенского языка, стоящие вне известных рядов фонемных чередований, но получающие исчерпывающее освещение при последовательном описании морфонологической системы в словоизменительных парадигмах.

Формы творительного падежа типа *оран-ач* ‘оленем’, *муран-ач* ‘лошадью’, встречающиеся в западных говорах и иногда в письменном эвенском языке, появились, вероятно, сравнительно недавно по аналогии с формами творительного падежа отрицательных форм типа *ач хиркā-на-ч* ‘без ножа’ и т.п., склоняющихся по типу слов с основой на конечный гласный.

ФОНЕТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОГА И СЛОВА

Слог — это фонетическая единица, содержащая в своем составе один гласный и один или несколько согласных, которые могут предшествовать гласному или следовать за ним [Бондарко и др., 1983, с. 73].

В современной фонетике общепринятым является положение, согласно которому речевой поток представляет собой последовательность открытых (оканчивающихся на гласный) слогов; слог типа «гласный + согласный» является минимальной произносительной единицей [Бондарко, 1977; Зиндер, 1979, с. 255–256; Бондарко и др., 1983, с. 77]; артикуляторно поток речи не может члениться на единицы меньшие, чем слоги [Зиндер, 1979, с. 251–252]. В эвенском языке закрытые слоги (слоги с конечными согласными) встречаются только в положении конца слова или синтагмы. Однако при этом, как отмечали многие исследователи, на конце слов появляется гласный призвук [ă] или [ŏ], не имеющий фонологического статуса, но превращающий фонологически закрытый слог в фонетически открытый; особенно это заметно в односложных словах с краткими гласными: *ŋālă* ‘рука’, *хулă* ‘тополь’, *мятă* ‘шкура с головы оленя’, *ātŏ* ‘зуб’, *бэйŏ* ‘человек’. Это же явление широко распространено и по отдельным эвенским диалектам, в частности в аллаиховском говоре эвенов Якутии [Дуткин, 1995, с. 13–14].

Вопросы о членении речевого потока на слоги и, в особенности, о межслоговой границе внутри сочетаний согласных в слове считаются одними из наиболее сложных в фонетике, так как здесь отсутствуют четкие правила и процедуры. Обычно правила слогоделения имеют основания в морфологическом строе языка и имплицитно подразумевают соотносительность слоговых границ с морфемными границами.

При описании линейной фонологической структуры слова различаются фонетические и фонологические слоги. При этом фонетические слоги являются реальными произносительными единицами, а фонологические — сочетаниями фонем, образующими фонетические слоги. Поэтому описание структуры слогов, представленных в каком-либо конкретном языке, оказывается описанием структуры фонологических слогов, т.е. оно так или иначе соотносится с характеристикой типов возможных и невозможных сочетаний фонем.

Слог не является самостоятельной единицей речи, связанной с ее смысловой стороной. Поэтому он не обязательно должен соответствовать какой-либо двусторонней единице языка (морфеме или слову); слог может соответствовать морфеме, а может быть и отдельным сегментом значимой единицы языка.

В эвенском языке возможны следующие типы слогов (далее: Г — гласный, С — согласный):

а) состоящие из одного гласного (слоги типа Г): *ӧ* ‘скребок’, *ӣ* ‘кишка’, *и-чи-ки* ‘крапива’, *у-ман* ‘костный мозг’;

б) состоящие из согласного и гласного (слоги типа СГ): *ма!* ‘на!’, *хи* ‘ты’, *ху* ‘вы’, *ху-си* ‘лебедь’, *ни-са* ‘бисер’;

в) состоящие из гласного и согласного (слоги типа ГС): *ӣг* ‘звук’, *ал* ‘ремень упряжи’, *ин* ‘вьюк’, *ӧн* ‘морской прилив’, *зӯ* ‘дом’, *ӧк* ‘когда’;

г) состоящие из согласного, гласного и согласного (слоги типа СГС): *нам* ‘море’, *бӧт* ‘град’, *хум* ‘сухожилие’, *и-рэт* ‘молодая лиственница’, *ӧ-рэп* ‘тот (другой, о котором говорилось раньше)’, *э-мэр* ‘острый’, *а-дал* ‘сеть’;

д) состоящие из двух согласных и гласного (слоги типа ССГ): *и-ргэ* ‘хвост’, *у-ркэ* ‘дверь, дверной проем’, *ха-лка* ‘молот, молоток’;

е) состоящие из двух согласных, гласного и согласного (слоги типа ССГС): *и-ргат* ‘овод’, *и-нӈат* ‘шерсть’.

Долгота и краткость гласных для слогообразования никакой роли не играет: во всех типах слогов встречаются как долгие, так и краткие гласные. Известна закономерность, согласно которой односложные корневые морфемы эвенского языка и других тунгусо-маньчжурских языков чаще всего имеют долгие гласные, но она не является обязательным правилом, из которого не было бы исключений.

Для эвенского языка характерны следующие ограничения на сочетания фонем в пределах слога:

1. Сочетания согласных в начале слова невозможны. Слоги типов ССГ и ССГС встречаются только в середине или конце слов.

2. Сочетания согласных в конце слова невозможны. В эвенском языке нет морфем, которые занимали бы конечную позицию в словоформе и состояли бы при этом из одного согласного, за исключением суффикса множественного числа *-л*, предполагающего особые правила образования производных грамматических форм, и суффикса предостерегательного наклонения настоящего времени глагола *-к*. При присоединении морфем подобного типа к основам, оканчивающимся на согласный, наблюдается

чередование согласных с гласными: ср. *енӈэ-в* ‘язык (орган)’ — *енӈэ-й* ‘свой язык’, но *бӣдэл-у* ‘ногу’ — *бӣдэл-и* ‘свою ногу’. В данном случае не учитываются омертвевшие именные суффиксы.

3. Сочетания гласных в начале, середине или конце слова в эвенском языке невозможны. Здесь нет ни корневых, ни суффиксальных морфем, которые содержали бы сочетания гласных. Суффиксальные морфемы, о которых можно было бы сказать, что они начинаются с гласных, в эвенском языке также отсутствуют. Из всего изложенного выше явствует, что в эвенском языке с гласных могут начинаться только отдельные алломорфы, встречающиеся в строго определенных фонологических позициях.

4. Внутри слова допустимыми являются сочетания не более чем двух согласных. Сочетания согласных, включающих три и более фонем, в эвенском языке недопустимы. При присоединении к основе, оканчивающейся на согласный, суффикса с сочетанием согласных, происходят следующие процессы:

а) вставка гласного внутри суффикса: *хякита-тки* ‘к дереву’, *окāт-т*[*а*]*ки* ‘к реке’, *төӈэр-т*[*э*]*ки* ‘к озеру’;

б) вставка гласного между основой и суффиксом: *иӈат*-[*а*]-*лкан* ‘шерстистый’, *эм*-[*э*]-*мчу* ‘если бы я пришел’, *дав*-[*а*]-*счин* ‘он пытается переправиться через реку’;

в) чередование согласных с гласными: *хӯлда-вкāн-дай* ‘заставить идти на лыжах’, *хөр-укэ̄н-дэй* ‘заставить уйти’;

г) усечение основы: *оран* ‘олень’ — *ора-ндя* ‘оленище’; *этикэ̄н* ‘старик’ — *этикэ̄-мкэр* ‘старичище’;

д) чередование согласных в суффиксе с усечением основы: *елтэ̄н-дэй* ‘миновать, пройти мимо’ — *елтэ̄-мкэ̄н-дэй* ‘заставить пройти мимо’.

Рассмотренные явления, обусловленные видоизменением линейной фонетической структуры морфем и осложнением линейной структуры слова или словоформы, не связаны ни с типами сочетаний согласных, ни с определенными рядами чередований фонем. Тот или иной тип модификации морфемы с сочетанием согласных в комбинации с другими морфемами в эвенском языке представляет собой индивидуальное неотъемлемое свойство данной морфемы. Эти явления описываются при характеристике морфологического строя языка, так как имеют лишь опосредованную связь с его звуковым строем.

СООТНОШЕНИЕ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ И МОРФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУР СЛОВ И СЛОВОФОРМ

В фонетической литературе уже неоднократно отмечалось, что одним из критериев членения слова на слоги, в частности на фонологические слоги, служит соотношение слоговой и морфологической структур слова [Бондарко и др., 1983, с. 81].

Вопрос о соотношении слоговой и морфологической структур слова в эвенском языке имеет два аспекта. Первый аспект — это вопрос о слоговой границе внутри дву- и многосложных слов типа *уркэ* ‘дверь’, *урта* ‘кора’, *хулра* ‘одеяло’, где слоговая граница, как бы мы ее ни проводили, остается внутри слова. Второй аспект соотношения слоговой и морфологической структур слов для эвенского языка фактически представляет собой вопрос фонетической структуры морфем — корней и суффиксов — и фонетических закономерностей оформления сочетаний корней с суффиксами и суффиксов друг с другом в рамках словоформы.

По своей фонетической структуре морфемы эвенского языка в интересующем нас отношении можно разделить на два класса:

I. Морфемы с конечным гласным:

1) корневые морфемы: *и=* ‘войти’, *мӣнэ̄=* ‘резать’, *алмӣ* ‘песня-подражание’, *урта* ‘кора’, *хулра* ‘одеяло’, *ѳлики* ‘белка’;

2) суффиксальные морфемы, не занимающие в словоформе конечной позиции:

а) именные словоизменительные суффиксы: суффикс направительного падежа *-тки-/-таки-/-тэки-*, суффикс местного падежа *-лӣ-/-лэ̄-*, суффикс продольного падежа *-ли-* и др.;

б) глаголообразующие суффиксы: суффикс отыменных глаголов *-лӣ-/-лэ̄-*, суффикс побудительных или каузативных глаголов *-и-/-ги-*, суффикс форм совместности *-лда-//-лдэ-* и др.;

в) глагольные словоизменительные суффиксы: суффикс индикатива *-ра-/-рэ-*, суффикс прошедшего времени *-ри-*, суффикс будущего времени *-ди-/-чи-*, суффикс 2-го лица повелительного I наклонения *-ли*, суффикс повелительного II наклонения *-да-/-дэ-*, суффикс повелительного III наклонения *-ӈа-/-ӈэ-*, суффиксы причастий *-ри-* и *-чӣ-/-чэ̄-*, суффикс условно-временного деепричастия *-ми*.

II. Морфемы с конечным согласным:

1) корневые морфемы: *адал* ‘сеть’, *хят* ‘тальник’, *бак=* ‘найти’, *хѳр=* ‘уходить’ и др.;

2) суффиксальные морфемы, не занимающие в словоформе конечной позиции:

а) именные словоизменительные суффиксы: отложительный падеж — *-дук*[*у*]-, исходный падеж *-гич/-гиз*[*и*]-; суффиксы множественного числа: *ам-тил* ‘отцы’, *ак-нил* ‘старшие братья’ (суффиксы, состоящие из одного согласного и иллюстрирующие чередования согласных с гласными, здесь не рассматриваются);

б) глагольные формообразующие и словоизменительные суффиксы: суффиксы видовых форм *-вӣт/ч-//-вэ̄т/ч-*, *-кат/ч-//-кэт/ч-*, *-зӣн-/-зӣн’-//-зэ̄н-/-зэ̄н’-*; суффикс взаимности *-мӣт/ч-//-мэ̄т/ч-*; суффиксы причастий *-мат/-мэт* и *-даӈ-/-дэӈ-*; суффикс предостерегательного наклонеия *-зик-*; суффикс условно-временного деепричастия *-рак-/-рэк-*.

Все возможные случаи фонологического оформления сочетаний морфем в эвенском языке сводятся к следующим:

1. Морфема с конечным гласным + морфема с одним начальным согласным — сочетание на стыке Г + СГ: *мā-нā=* ‘идти убивать’, *зӯ-ла* ‘дома, в доме’ и т.п.

2. Морфема с конечным гласным + морфема с двумя начальными согласными — сочетание на стыке Г + ССГ: *гирка-счин* ‘потихоньку идет’, *хā-мчу* ‘если бы я знал’. В этих случаях морфемная граница совпадает со слоговой.

3. Морфема с конечным гласным + суффикс, состоящий из одного согласного. В данном случае открытый слог превращается в закрытый: *инмэ* ‘игла’ — *инмэ-с* ‘твоя игла’; *хөр-рэ* ‘они ушли’ (показатель 3-го л. мн. ч. формально отсутствует) — *хөр-рэн* ‘он ушел’.

4. Морфема с конечным согласным + суффикс, состоящий из одного согласного. Здесь имеется несколько различающихся случаев:

а) суффиксы, получающие дополнительную огласовку за счет гласного, появляющегося между основой и суффиксом: *куси-дэй* ‘воевать’ — *куси-н* ‘война’; *көсчи-дэй* ‘пасти днем’ — *көсчи-н* ‘пастьба’, но *там-дай* ‘платить’ — *там-ан* ‘плата’; *таӈ-дай* ‘считать’ — *таӈ-ан* ‘счет’; *хоӈ-дай* ‘плакать’ — *хоӈ-ан* ‘плач’ и т.п. Здесь при равном числе слогов в корневых морфемах те словоформы, которые имеют корень с основой на согласный, будут иметь на один слог больше, чем словоформы, содержащие корень с конечным гласным;

б) суффиксы с чередованием согласный//гласный — суффиксы винительного падежа *-в/-у//-бу*, безлично-притяжательный суффикс *-й/-и//-би*: *мӯ-в* ‘воду’, но *зӯл-у* ‘камень’, *зӯ-в* ‘дом’, но *зӯ-л-бу* ‘дома’, *зӯ-й* ‘свой дом’, *ӯчак-и* ‘своего верхового оленя’, *ӯчик-а-л-би* ‘своих верховых оленей’;

в) суффиксы, меняющие слоговую структуру за счет появления гласного перед суффиксом или восстанавливающие гласный после суффикса — притяжательные суффиксы 2-го и 3-го л. ед. ч. *-с//-ас/-эс//-си*, *-н//-ан//-эн//-ни*, суффикс принадлежности 1-го л. мн. ч. инклюзива *-т/-ат//-эт/-ти*: *зӯ-с* ‘твой дом’, *ӯчик*-[*а*]*с* ‘твой верховой олень’, вост. *кэӈкэр*-[э]*с* ‘твой шест для понукания оленей’, *тӯдӯн-си* ‘твое место в юрте’ и т.п.

5. Морфема с конечным согласным + морфема с одним начальным согласным. В некоторых случаях на морфемном стыке не наблюдается никаких модификаций морфем (*төӈӯр-лӯ* ‘в озере’, *тобар-лāттай* ‘иметь топор’, *хөр-дин* ‘он уйдет’, *дэг-ми* ‘если лететь’ и т.п.) или наблюдаются чередования согласных, не приводящие к осложнению ритмической структуры словоформы (*нам-нā* ‘в море’, *дэг-гӯт-тэн* ‘летает’ и т.п.).

Однако в отдельных случаях сочетание двух согласных, допустимое с точки зрения их количества в сочетаниях согласных фонем и даже с точки зрения правил сочетаемости, все же разбивается вставным гласным. Это происходит в притяжательных суффиксах 2-го и 3-го л. мн. ч. *-сан//-сэн* и *-тан//-тэн*. Например: *ал*-[*а*]*сан* ‘ваш ремень упряжи’, *ал*-[*а*]*тан* ‘их ремень упряжи’, *уир*-[э]*сэн* ‘ваше накосное серебряное украшение’, *уир*-[э]*тэн* ‘их накосное серебряное украшение’, *ӈин*-[*а*]*сан* ‘ваша собака’, *ӈин*-[*а*]*тан* ‘их собака’. Ср. отсутствие вставного гласного перед притяжатель-

ным суффиксом в таких формах, как *оран-сан* ‘ваш олень’, *оран-тан* ‘их олень’, *корит-*[*а*]*л-сан* ‘ваши уши’, *корит-*[*а*]*л-тан* ‘их уши’, *мура-р-сан* ‘ваши лошади’, *мурар-тан* ‘их лошади’ и т.п., при наличии таких гласных перед суффиксом множественного числа *-л* в словах с основой на согласный.

6. Морфема с конечным согласным + морфема с начальным согласным — сочетание на стыке ГС + СГ. Возможные сочетания зависят от характера морфонологического поведения морфемы.

Чаще всего подобные сочетания не разбиваются дополнительной огласовкой: *адал-ла* ‘в сети’, *тик-рэн* ‘упал’, *ӈэн-ди-м* ‘я буду идти’ и т.п. В ряде случаев на таких стыках наблюдаются чередования согласных без осложнения слоговой структуры словоформы (см. выше).

7. Морфема с конечным согласным + морфема с начальным согласным — сочетание на стыке ГС + ССГ. Такие сочетания проявляются поразному в зависимости от морфонологического поведения конкретной морфемы: либо имеет место появление гласного на морфемном стыке, либо появление гласного внутри морфемы:

а) появление гласного между морфемами: *зэб-*[*э*]*счи-дэй* ‘пытаться съесть, потихоньку есть’, *эм-*[*э*]*ннэ* ‘тот, кто должен прийти’, *бак-*[*а*]*лда-р* ‘они встретились’, *эм-*[*э*]*нри* ‘ты пришел’, *гир-*[*а*]*тла* ‘то, что осталось от кройки, обрезки’ и т.п.;

б) вставка гласного внутрь морфемы: *эм-з*[*и*]*ӈэ* ‘тот, кто придет’, *нам-т*[*а*]*ки* ‘к морю’ (см. выше).

Принадлежность морфемы с сочетанием согласных в начальной позиции к той или иной из двух вышеприведенных групп объясняется индивидуальными особенностями морфонологического поведения отдельных суффиксов, которые описываются при характеристике словообразования или грамматики эвенского языка.

СООТНОШЕНИЕ СЛОГОВОЙ И МОРФЕМНОЙ СТРУКТУР СЛОВОФОРМЫ

В рассмотренных в предыдущем разделе примерах, иллюстрирующих образование грамматических форм с учетом сочетания согласных на стыках морфем и изменения слоговой структуры словоформы, представлены практически все возможные случаи соотношения слоговой и морфемной структур словоформы в эвенском языке. В плане соотношения слоговой структуры словоформ и их морфемной структуры приведенные примеры демонстрируют следующие типы расположения слоговых и морфемных границ внутри словоформы:

1. В первой и второй группах примеров слоговая структура словоформ совпадает с морфемной структурой.

2. В третьей группе конечный согласный суффикса входит в тот фонетический слог, который образуется гласным последнего слога основы.

3. В четвертой, пятой и шестой группах примеров конечный согласный основы входит в состав фонетического слога, образованного либо гласным, вставляемым внутрь суффикса или между суффиксами, либо тем

гласным, который чередуется с согласным; при этом конечный согласный основы попадает внутрь слога, образуемого вставочным гласным элементом суффикса.

Нетрудно заметить, что описание фонологических процессов на стыках морфем применительно к таким языкам, каким предстает перед нами эвенский язык, оказывается малопродуктивным. Многие суффиксы и целые парадигмы характеризуются индивидуальными специфическими особенностями, которые не являются мотивированными законами эвенской фонотактики (сочетаемости фонем). Поэтому обычно в грамматических описаниях характеристике такого рода явлений отводится место в соответствующих разделах морфологии, излагающих классификацию основ по морфонологическим типам, особенности оформления словоизменительных парадигм, отдельных форм (каузатив, реципрок, социатив) и словообразовательных гнезд. Такое описание морфологии эвенского языка, в котором каждая морфема описывалась бы с полным набором алломорфов, по существу, никогда и никем не применялось. Тем не менее мы считаем необходимым обратить внимание на эту проблематику в фонологическом разделе грамматики, так как именно здесь становится наглядно видно, что варьирование морфем и мена алломорфов связаны не с фонотактикой или ограничениями на дистрибуцию согласных и ассимилятивными процессами, а с собственными морфонологическими свойствами отдельных грамматических показателей и, отчасти, корневых морфем.

В.И. Цинциус в своем «Очерке грамматики эвенского (ламутского) языка» писала: «При изменении слов (склонении, спряжении, словообразовании) с наращением тех или иных формальных элементов, после согласных основы или суффиксов в ряде случаев наблюдается недолгий гласный, который в других формах слова отсутствует. Этот гласный не имеет никакого самостоятельного грамматического значения и является соединительным гласным. Соединительный гласный наблюдается в тех случаях, когда необходимо избежать стечения согласных в середине слова. Сопоставление различных форм слова в самом эвенском языке, а также сравнение эвенских данных с данными других тунгусо-маньчжурских языков показывают, что во многих случаях этот то исчезающий, то выполняющий роль как бы звуковой прокладки гласный раньше входил в состав постоянных звуков основы или суффикса и даже корня эвенских слов» [1947, с. 26].

Статус этих «соединительных гласных» до сих пор не подвергался должному осмыслению. Как сказано и показано выше, правила сочетания одного согласного с группой согласных на стыках морфем допускают появление «соединительных гласных» лишь как одного из возможных способов недопущения сочетаний трех согласных.

В принципе возможными являются три решения проблемы «соединительных гласных» в эвенском языке:

1. Отнесение «соединительных гласных» к предшествующей морфеме — корню или суффиксу; иными словами, членение словоформ типа

ӯчак[*а*]-*с* ‘твой ездовой олень’, *ӯтэ̄ндук*[*у*]-*тэн* ‘из их дома’, *эм*[*э*]-*нри* ‘ты пришел’, *эм-рэк*[*э*]-*с* ‘когда/если ты придешь’, *хуптудик*[*а*]-*л-сан* ‘как бы вы не опоздали’.

2. Рассмотрение «соединительных гласных» как отдельных структурных элементов словоформы, лишенных грамматического значения, т.е. следующий вариант членения тех же словоформ: *ӯчак-а-с* ‘твой ездовой олень’, *ӯтэ̄ндук-у-тэн* ‘из их дома’, *эм-э-нри* ‘ты пришел’, *эм-рэк-э-с* ‘когда/если ты придешь’, *хуптудик-а-л-сан* ‘как бы вы не опоздали’.

3. Отнесение «соединительных гласных» к последующей морфеме — словообразовательному или словоизменительному суффиксу: *ӯчак-ас* ‘твой ездовой олень’, *ӯтэндук-утэн* ‘из их дома’, *эм-энри* ‘ты пришел’, *эм-рэк-эс* ‘когда/если ты придешь’, *хуптудик-ал-сан* ‘как бы вы не опоздали’.

Существующие на сегодняшний день грамматические описания эвенского языка и специальные грамматические исследования [Цинциус, 1947; Новикова, 1960, 1980; Роббек, 1989, 1992] по умолчанию рассматривают «соединительные гласные» как особые структурные элементы словоформы, лишенные словообразовательной или грамматической нагрузки (это важно, так как данный факт отличает их от «соединительных гласных» в русском языке, считающихся элементами сложных слов), т.е. придерживаются второго из названных выше способов описания этих явлений. Очевидно, первый способ — включение «соединительных гласных» в состав предшествующей морфемы — будет неэкономным (придется описывать разные варианты у всех корней с конечным согласным); трудно также сказать, насколько он оправдан с исторической точки зрения, хотя принято думать, что варианты корней и суффиксов с конечным гласным являются более архаичными. Третий способ описания, т.е. включение «соединительных гласных» в состав того суффикса, который находится ближе к концу словоформы, что принято, к примеру, в тюркологии, более удобен, однако морфологическая специфика эвенского языка ограничивает его применение. Например, кроме *-а*-огласовки и *-э*-огласовки личнопритяжательных суффиксов нам пришлось бы учитывать *-и*-огласовку этих же суффиксов после среднеязычных согласных (ср. *ӯз-ӣс* ‘твой след’, *ӯз-гӣз-ӣс* ‘со стороны твоего следа’), и *-у*-огласовку, которая встречается только после суффикса отложительного падежа (*ӯд-дӯк-ӯс* ‘от твоего следа’). Такое описание придало бы характеристике грамматических показателей эвенского языка чересчур громоздкий вид.

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА МОРФЕМ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ИХ СОЧЕТАНИЯ В ПРЕДЕЛАХ СЛОВОФОРМЫ

В принципе описание фонологической структуры, или, что то же самое, фонемного состава морфем, в эвенском языке по логике могло бы предшествовать описанию типов слогов и проблем слогоделения. Однако, принимая во внимание то, что в эвенском языке представлены двусложные

корни и суффиксы и многосложные корневые морфемы, представляется более целесообразным поместить два нижеследующих раздела после характеристики типов слогов и соотношения слоговых и морфемных границ.

Фонологическая структура корневых морфем

Фонетические типы корневых морфем в эвенском языке достаточно разнообразны. Среди возможных типов одно- и двусложных корней представлены все возможные варианты, предусмотренные закономерностями фонетической структуры эвенского слова для одно- и двусложных слов:

1) корни, состоящие из одного гласного (со структурой Г): *ӣ*= ‘входить’, *ō*= ‘сделать, стать’, *ӯ*= ‘сесть верхом’, *ᵘе*= ‘обогнать’, *ᵘа*= ‘что делать?’, *ө̄* ‘скребок для выделки шкур’;

2) корни, состоящие из согласного и гласного (СГ): *бā* ‘уровень, горизонт’, *мө̄* ‘вода’, *мō* ‘дерево, древесина, дрова’, *хā*= ‘знать’, *нэ̄*= ‘положить’, *хᵘе*= ‘подняться, появиться’, *бө̄*= ‘дать’;

3) корни со структурой СГС: *чог* ‘колокольчик’, *ӡол* (в графике — *дёл*) ‘камень’, *хак* ‘закрытый’, *тик*= ‘упасть’;

4) корни со структурой ГС: *āг* ‘стебель’, *ин* ‘вьюк’, *од*= ‘кончить’, *ис*= ‘дойти’;

5) корни со структурой СГСГ: *кумā* ‘нерпа’, *мӣнэ̄*= ‘резать’;

6) корни со структурой СГСГС: *тэ̄дэ̄н* ‘место в юрте’, *багак*= ‘бить’;

7) корни со структурой ГСГС: *экэс* ‘рыбья чешуя’, *өлэ̄к* ‘ложь, лгун’, *инин*= ‘смеяться над кем-л.’;

8) корни со структурой ГССГ: *олра* ‘рыба’, *инмэ* ‘игла’, *амта*= ‘пробовать на вкус’;

9) корни со структурой ГССГС: *ӭрбэ̄ч* ‘гусь’, *ōтлāт* ‘карликовая ольха’, *ᵘелтэ̄н*= ‘миновать’;

10) корни со структурой СГССГ: *билга* ‘горло’, *хулра* ‘одеяло’, *хӯлда*= ‘идти на лыжах’;

11) корни со структурой СГССГС: *хиглāн* ‘прорубь’, *булгис* ‘скелет’, *дөнӈэр*= ‘испытывать головокружение’.

В эвенском языке встречаются и более сложные типы корней, состоящие из трех слогов: *ӡилики* ‘горностай’, *киримки* ‘ресницы’, *этэргэн* ‘муравей’, *дэрэмкэ*= ‘отдохнуть, (вост.) умереть’ и т.п. Однако все варианты многосложных корневых морфем или основ слов, состоящих из корня и омертвевших суффиксов, отвечают общим закономерностям фонетической структуры слова: в начале и конце такого корня не может быть более одного согласного, а между гласными — более двух согласных.

Фонологическая структура суффиксальных морфем

Фонологическая структура суффиксов в эвенском языке представляет собой сложное явление, поскольку каждый суффикс существует в виде целой серии алломорфов, существенно различающихся по своему внешнему виду, причем число этих алломорфов может доходить до нескольких

десятков (ср. перечисление алломорфов суффикса вида обычного действия в табл. 7). Модификации суффиксов, приводящие к образованию алломорфов, различающихся по фонемному составу вследствие чередований согласных, описаны в разделе «Чередование фонем». Здесь мы будем рассматривать модификации суффиксов, связанные со слоговой структурой словоформы.

Основные закономерности фонетической структуры слова в эвенском языке перечислены выше. Все возможные и невозможные сочетания согласных также описаны в специальном разделе. Здесь мы рассматриваем фонологическую структуру суффиксальных морфем и их поведение в сочетании с другими морфемами в пределах словоформы.

Суффиксы, которые начинаются с гласных фонем в независимых позициях, в эвенском языке отсутствуют.

В остальных случаях суффиксы можно отнести к одной из представленных ниже категорий:

I. Суффиксы, начинающиеся с одного согласного:

1. Суффиксы, состоящие из одного согласного:

• занимающие неконечную позицию в словоформе и присоединяющиеся к основе посредством соединительных гласных, располагающихся между основой и суффиксом. К данной категории относится, например, суффикс начинательности: *бā-дай* ‘лениться’ — *бā-л-дай* ‘начать лениться’, *мᵘал-дай* ‘проснуться’ — *мᵘал-а-л-дай* ‘начать просыпаться’;

• занимающие конечную позицию в словоформе и присоединяющиеся к основе как посредством соединительных гласных, так и с помощью гласных, появляющихся в конце слова. К таким суффиксам относятся лично-притяжательные суффиксы 2-го и 3-го л. ед. ч. *-с//-си* и *-н//-ни* и суффикс 1-го л. мн. ч. инклюзива *-т//-ти*: *мāтāк-а-с* ‘твой зять’, *мāтāк-а-н* ‘его зять’, *мāтāк-а-т* ‘наш зять’, *хут-э-с* ‘твой ребенок (сын, дочь)’, *хут-э-н* ‘его/ее ребенок’, *хут-э-т* ‘наш ребенок’, но *оран-си* ‘твой олень’, *оран-ни* ‘его олень’, *оран-ти* ‘наш олень’.

Сходным образом ведут себя в эвенском языке суффиксы, способные занимать как конечную, так и неконечную позиции в словоформе:

• суффикс творительного падежа *-ч/-з//-зй/-зи*: *мōми-ч* ‘лодкой’, *мōми-з-й-н* ‘его лодкой’, *мōми-л-зи* ‘лодками’;

• суффикс изъявительного наклонения настоящего времени глаголов *-р//-ра-/-рэ-*: *мā-ра-п* ‘мы с вами убили, добыли что-л.’, *ма-р* ‘они добыли что-л.’, но *бак-ра* ‘они нашли’.

Суффикс множественного числа *-л//-р* никогда не имеет справа от себя соединительных гласных (см. примеры выше), а его вариант *-р* присоединяется во всех случаях непосредственно к основе слов с усечением конечного согласного *-н*; ср. *муран* ‘лошадь’ — *мура-р* ‘лошади’, *хиркāн* ‘нож’ — *хиркā-р* ‘ножи’.

2. Суффиксы, начинающиеся с согласного и имеющие в своем составе гласный, составляют в эвенском языке большинство. К ним относятся именные суффиксы местного падежа *-лā/лэ̄*, продольного падежа *-лй-/-ли-*, отложительного падежа *-дӯк-/-дук-*, прошедшего времени глаголов *-рй-//*

-ри-, будущего 1-го времени глаголов *-зй-//-зи-* (в графике — *-ди-*), ослабленного действия *-сō-//-сē-*, моносубъектного условно-временного деепричастия *-мй//-ми*, разносубъектного условно-временного деепричастия *-рак-//-рэк-*, формы цели *-дā-/-дэ̄-* и др.

В эвенском языке по способу присоединения к основе — корню или предшествующим суффиксам — морфемы, начинающиеся с одного согласного, подразделяются на две группы:

• суффиксы, не требующие «соединительных гласных» при присоединении к основам на согласный. Такие суффиксы составляют подавляющее большинство морфем, начинающихся на согласный;

• суффиксы, обязательно требующие «соединительного гласного» для присоединения к основе, даже если возникающее на стыке морфем сочетание согласных является допустимым по законам фонотактики. Это лично-притяжательные суффиксы 2-го и 3-го л. мн. ч. *-сан//-сэн* и *-тан/-тэн*, суффикс вида быстро совершаемого действия *-малчи-//-мэлчи-*, суффикс вида готовности к действию *-мал-/-мэл-*: *мāтāк-а-сан* ‘ваш зять’, *мāтāк-а-тан* ‘их зять’, *хөр-э-мэлчи-дэй* ‘быстро уйти’, *хөр-э-мэл-дэй* ‘захотеть уйти, быть готовым уйти’; ср. *хөр-дэй* ‘уйти’; *хөр-рэ-н* ‘он ушел’, *хөр-ли* ‘уходи’ и т.п.

По характеру присоединения последующих морфем эти суффиксы подразделяются на две группы, соответствующие их фонологической структуре:

• суффиксы со структурой СГ, т.е. суффиксы с конечным гласным, не требуют «соединительных гласных»;

• суффиксы со структурой СГС не требуют «соединительных гласных» слева от себя (при присоединении к основе), но обычно требуют «соединительных гласных» при присоединении к ним других суффиксов.

II. Суффиксы, начинающиеся с двух согласных. По своему поведению в составе словоформы при образовании грамматических форм такие суффиксы делятся на две категории:

1. Допускающие вставку гласного внутрь морфемы:

• суффикс направительного падежа *-тки/-таки/-тэки*;

• суффикс причастия будущего времени *-зӈа-/-зиӈа-//-зӈэ-/-зиӈэ-* (и омонимичный ему суффикс будущего 2-го времени);

• суффикс однократности/интенсивности *-сн-/-сан-/-сэн-* не имеет собственной огласовки, наличие гласного в его составе зависит от характера словоформы и ее огласовки; ср. *бод-а-сн-а-н* ‘он пошел следом’, *бод-а-сан-ди-н* ‘он пойдет следом’, *хуклэ-сн-э-н* ‘он уснул’, *хуклē-сэн-ди-н* ‘он уснет’.

2. Образующие производные слова и грамматические формы посредством дополнительной огласовки словоформы и появления гласного между предшествующей и последующей морфемой (эти суффиксы не допускают вставки гласного между согласными внутри морфемы). К морфемам данного типа относятся следующие суффиксальные морфемы:

• суффиксы прилагательных *-пчи*, *-мнāн/-мнэ̄н*, *-рки*;

• суффикс 2-го л. ед. ч. глаголов в формах настоящего и будущего времени и в форме повелительного II наклонения *-нри*;

• глагольные формообразующие суффиксы — суффикс ослабленной степени действия *-счи-*, суффиксы обратного действия *-лга-/-лгэ-* и вида противоположного действия *-рга-/-ргэ-*, суффикс совместности *-лда-/-лдэ-* и некоторые другие суффиксы;

• глагольные суффиксы повелительного наклонения 2-го л. мн. ч. *-лра//-лрэ*, суффикс долженствовательного наклонения *-нна/-ннэ*, суффикс вероятностного наклонения *-мнā-/-мнэ̄-*;

• суффиксы неличных форм глагола — суффикс моносубъектного одновременного деепричастия *-мнин*, суффикс причастия давнопрошедшего времени *-тла/-тлэ*, суффикс разносубъектного одновременного деепричастия *-ŋси*;

• суффиксы, в которых наблюдается чередование согласных с гласными, представлены одним примером — это побудительный суффикс *-вкāн-/-вкэ̄н-//-укāн-/-укэ̄н-*;

III. Суффиксы, состоящие из двух слогов. Таких суффиксов в эвенском языке немного — это суффикс вида быстроты действия *-малчи-/-мэлчи-*, суффикс одновременного деепричастия *-никāн//-никэ̄н*, суффикс имен деятеля — любителя совершать данное действие *-магāн/-мэгэ̄н*, суффикс кратных числительных *-ракāн/-рэкэ̄н* и др. По способу сочетаний с другими суффиксами они распределяются по отмеченным выше группам в соответствии с характером начала и конца морфемы.

Правила варьирования суффиксов, как нам кажется, определяются двумя факторами — закономерностями сочетаемости фонем в суффиксе и его историей в эвенском и других тунгусо-маньчжурских языках. Например, одинаковым образом проявляют себя сочетания фонем в суффиксе направительного падежа *-тки/-таки/-тэки* и в частице *-ткāн* (после гласных), *-такāн/-тэкэ̄н* (после согласных). Показательно, что и основы на *-н* при присоединении двух указанных морфологических элементов ведут себя одинаково; ср. *оран-таки* ‘к оленю’, *оран-такāн* ‘только олень’.

ПРОСОДИКА СЛОВА. УДАРЕНИЕ

Интонация

Интонация в эвенском языке специально не изучалась. Отдельные замечания, посвященные реализации важнейших интонационных контуров эвенского языка, выделенных на понятийной основе классификации предложений (деление на повествовательные, вопросительные и восклицательные), содержатся в монографии К.А. Новиковой [1960, с. 89–92].

Специфической особенностью повествовательной интонации в эвенском языке К.А. Новикова считает ровный низкий тон, характерный для всего предложения, без выделения каких-либо отдельных слогов. Отмечаются лишь небольшое повышение напряжения и незначительное повышение тона в последнем слоге синтагмы.

Для вопросительной интонации, по мнению исследовательницы, характерно выделение слога корневой морфемы, предшествующего суффиксально-флективной части словоформы. При этом в словах с конечными согласными в абсолютном конце слова появляется гласный *и* или *й* в зависимости от огласовки.

При восклицательной интонации имеет место повышение тона на конечном слоге слова, сопровождающееся удлинением краткого гласного. При словах, оканчивающихся на согласный, в абсолютном конце синтагмы появляется гласный [а] или [э] в зависимости от огласовки. При этом интонационная долгота выделяется на слух ярче, чем фонематическая долгота гласных.

Основные интонационные контуры эвенского языка

1. **Повествовательные предложения.** Понижение тона на последнем слове синтагмы начиная с первого слога: *Өмэн этикэн биддэн. Өмэккэн* ‘Один старик живет. Совсем один’.

2. **Вопросительная интонация.** Начало синтагмы более высокое, нежели в повествовательных конструкциях; повышение тона на последнем слове синтагмы, начиная с его первого слога: *Тимина Эвенскэтки дэгэлдинри?* ‘Завтра [ты] в Эвенск полетишь?’; *Атикаңалкан бисэнри?* ‘Ты женат?’; *Ням-а?* ‘Ну что, тепло?’; *Ай-а?* ‘Ну как, хорошо?’; *Эмэнри?* ‘Ну как, ты пришел?’ (приветственная этикетная форма, аналогичная слову «Здравствуй!»).

3. **Интонация императива.** Некоторое снижение тона к концу синтагмы: *Эмни!* ‘Приди! (Подойди!)’; *Хөрдэкун* ‘Пойдем-ка’; *Хөрдэкун-эллэ!* ‘Ну пойдем же!’; *Йли-лу!* ‘Входи же!’; *Хиркам боли!* ‘Подай нож!’; *Тэбэкив колгар-а!* ‘Давай закурим!’ (*досл.* Табак давай закурим!).

4. **Интонация контраста.** Падение тона до уровня выше повествовательного, но ниже уровня начала синтагмы: *Хи-ккэ эмдинри?* ‘А ты придешь?’.

5. К этому интонационному контуру близка **интонация деепричастных конструкций**: *Дюла эмриди...* ‘Домой придя...’; *Бэил хуклэрэкэтэн* ‘Когда люди уснули’; *Ун бидимнин, буюм буюснэн* ‘Так живя, раз пошел на охоту на оленя’; *Москватки дэгэлми, тала хину бакалдадим* ‘Если я полечу в Москву, то там тебя встречу’; *Хурэлби дюла эмэнив, көчукэр куңал бисэкэтэн* ‘Детей своих я дома оставила, они же еще маленькие ребята’.

Как представляется, деепричастные конструкции характеризуются началом интернационного контура на том же мелодическом уровне, что и вопросительные конструкции (выше, чем повествовательные).

6. **Интонация незаконченной синтагмы.** Постепенное повышение тона с падением на конечном эмфатическом гласном: *Эрэй, хунүэлривэн-е...* ‘Ну и вот, ветер поднялся...’.

7. **Восклицательная интонация.** Понижение тона до уровня ниже вопросительного, но выше повествовательного: *Ай-а!* ‘Хорошо!’; *Ча-ас хөрли!* ‘Уходи прочь!’.

Для эвенского языка могут быть выделены по крайней мере три уровня интонационных контуров: верхний, средний (характерный для начала синтагм) и нижний (характерный для конца синтагм). Интонационные контуры эвенского языка нуждаются в специальном экспериментальном исследовании.

ОРФОЭПИЯ

Орфоэпия — это лингвистическая дисциплина, характеризующая правильное, или нормативное, произношение звуков, слов и фраз того или иного языка.

Без преувеличения можно сказать, что вопрос об орфоэпии, о нормах произношения применительно к языкам малочисленных народов Севера ранее вообще не ставился. Тем не менее формирование орфоэпических норм — норм правильного, рекомендуемого произношения — для эвенского языка, как и для любого другого языка (например, русского или якутского), не только имеет право на существование, но и может быть признано необходимым в случаях использования эвенского языка в официальной обстановке (на собраниях, торжественных мероприятиях, национальных праздниках), а также в средствах массовой информации (на радио и телевидении). Особое значение в преподавании эвенского языка имеет постановка нормативного произношения у учащихся при обучении языку в детских садах, школах, высших и средних специальных учебных заведениях, а также у педагогов.

В современной фонетике различаются два аспекта нормативной оценки и кодификации норм звучащей речи — орфоэпия и орфофония. Как отмечает Л.А. Вербицкая, «можно сказать, что орфоэпия — это правила, определяющие нормативный фонемный состав слов, а орфофония — это правила произношения вариантов фонем <…> Орфофонические различия носителями языка часто не осознаются. Вместе с тем диалектные и просторечные явления чаще всего проявляются не в нарушении фонемного состава слова, а в изменении фонетических характеристик фонем, в искажении звуковой реализации фонем…» [1996, с. 6].

Эвенский язык, как и все другие языки, в устной речи носителей имеет различные функциональные разновидности. До настоящего времени сам вопрос о функциональных разновидностях языков малочисленных народов, по существу, не ставился. Тем не менее в отечественной социолингвистической литературе указывалось, что любой, даже бесписьменный, язык имеет по крайней мере четыре функциональных формы, или функционально-стилистических варианта: 1) обиходно-разговорный язык; 2) язык фольклора; 3) язык религиозных обрядов; 4) язык народных обрядов [Дешериев, 1966, 1977]. Данная классификация функциональных форм является приемлемой и для младописьменных языков малочисленных народов Севера с незначительными оговорками: понятие «язык религиозных обрядов» будет соответствовать языку шаманских песен-заклинаний, понятие «язык народных обрядов» — языку текстов, представляющих домашнюю (семей-

ную) обрядность. К этому можно добавить, что язык фольклора будет демонстрировать различия на уровне отдельных жанров (сказки, предания, загадки, пословицы, запреты-обереги и др.). При этом песенные жанры (фрагменты героических сказок, песни-импровизации, песни-подражания) в отношении воспроизведения в устной форме будут иметь заметные отличия от обиходно-разговорной речи и прозаического фольклора.

Данные функционально-стилистические варианты имеют отличия главным образом на уровне лексики и синтаксиса, но в значительной степени отличаются друг от друга и в фонетическом отношении. Между языком прозаических жанров фольклора и разговорной речью также имеется как минимум одно значимое противопоставление: устная форма фольклора представляет собой связную монологическую речь, выдержанную в оптимальном для восприятия темпе, в то время как обиходно-разговорная речь, диалогическая по своей природе, является более свободной в отношении темпа, произнесения отдельных звуков в потоке речи и интонации.

Официальная или полуофициальная форма устной речи применительно к языкам малочисленных народов, очевидно, не связана исключительно с появлением письменности. Одним из образцов такой формы речи на эвенском языке может считаться устная речь говорящего-переводчика при переводе с русского языка на эвенский в официальной обстановке или в бытовом общении.

Таким образом, в системе функционально-стилистических разновидностей эвенского языка может быть выделено несколько вариантов с разной степенью устойчивости и, соответственно, вариативности звуковой стороны языка. Наибольшей вариативностью и наименьшей устойчивостью обладает обиходно-разговорная диалогическая речь, которая является наименее нормированной. В меньшей степени подвержены вариативности полуофициальная и официальная речь, а также язык повествовательного и обрядового фольклора, следовательно, в этих функциональных формах языка отчетливо проявляется наличие языковых норм, хотя бы они и не были зафиксированы в виде какого-то набора правил. Иногда утверждается, что некоторые разновидности языка фольклора представляют собой наддиалектные формы устной речи, доступные для понимания носителям разных говоров или диалектов.

Особую проблему, которая принципиально важна для языковой ситуации у малочисленных народов Севера, представляет нормативное произношение на родном языке в условиях двуязычия. При массовом характере двуязычия в рамках одного этноса степень владения обоими языками (например, эвенским и русским, эвенским и якутским) у представителей разных поколений, территорий и социальных групп неодинакова. При этом степень интерференции, т.е. воздействия другого языка на рассматриваемый язык, у каждого конкретного носителя будет различной, и проявление интерференции будет по-разному оцениваться представителями разных социальных групп. Например, языковые навыки студента, изучающего эвенский язык, могут быть оценены как достойные похвал педагогами, но те же навыки и знания будут иметь нейтральную оценку у ровесников говорящего, они же могут рассматриваться как несовершенные представителями старше-

го поколения или постоянными жителями сельской местности, занятыми в традиционных производственных коллективах (оленеводами, охотниками). Вполне понятно, что при этом основой оценки языковых навыков служит устная речь говорящего в сравнении с устной речью однородного коллектива слушающих, а критериями оценки станут степень освоенности устной речи на эвенском языке в отношении к проявлениям интерференции — наличие того или иного «акцента», а также словарный запас и набор грамматических форм, используемый в речи. При этом присутствие акцента в устной речи любого пользователя языка, как и недостаточная степень владения им, не является постоянной особенностью речи и не составляет неодолимого препятствия для общения на данном языке, может устраняться с течением времени в процессе активного овладения языком.

Перечислим еще раз те факторы, которые определяют вариативность устной речи и критерии ее нормативной оценки. Это, во-первых, функционально-стилистические разновидности устной речи; во-вторых, объем межъязыковой интерференции у двуязычных пользователей языка; в-третьих, степень владения данным языком у его пользователей.

Нормативное произношение и повседневная речь

Обиходная эвенская речь, наблюдаемая в диалогах в повседневном семейном общении, общении в профессиональных коллективах, в полуофициальной обстановке (общественных местах: магазине, больнице, аэропорту), чрезвычайно вариативна. Даже жители одного поселка, члены одной семьи, оленеводы одной бригады могут произносить одни и те же слова по-разному: *аси ~ аши* ‘женщина’, *бөкэс ~ бөкэш* ‘лед’, *тог ~ тов* ‘огонь’, *хагды ~ хавды ~ хайды* ‘старый’, *эвэски ~ эвуски* ‘сюда’, *хөрли ~ хурли* ‘уходи’ и т.п. Существование таких вариантов произношения не мешает общению и не препятствует пониманию сказанного.

Нормативное произношение — это такой тип произношения, при котором устраняются разнообразные варианты произнесения одного и того же звука, сочетаний звуков или целого слова, если они не имеют специальной значимости для говорящего. Цель нормативного произношения — устранить разнообразные помехи, препятствующие восприятию смысла сказанного с собственно лингвистической или эстетической точки зрения. Нормативное произношение, во-первых, позволяет устранить те особенности, которые характерны для несколько небрежной или излишне эмоционально окрашенной речи; во-вторых, само по себе создает особый тип произношения, который должен восприниматься положительно с эмоциональной точки зрения.

Нормативное произношение и язык фольклора

Для таких языков, как эвенский, близким к нормативному можно признать произношение хороших знатоков устного народного творчества при исполнении ими образцов прозаического повествовательного фольклора — сказок или преданий. Неторопливая монологическая речь челове-

ка, который имеет авторитет среди представителей своей народности как знаток и исполнитель фольклора и который всегда в этом случае является признанным знатоком эвенского языка в объеме всех его функциональных разновидностей, может и должна служить образцом для говорящих на эвенском языке. Однако в современных условиях, когда официальный устный язык соседствует в употреблении с письменным языком, а повествовательный фольклор выходит из активного бытования, ориентация на устную форму фольклора как некий эталон устной речи не всегда возможна. Произносительные нормы исполнения фольклора в настоящее время почти не передаются последующим поколениям, а образцы фольклора эвенов, записанные на магнитофонную ленту, не вписываются в ситуацию изучения эвенского языка в его функциональных разновидностях, и сами функциональные разновидности — в какой-либо искусственно организованный учебный процесс на любом уровне.

Нормативное произношение и диалекты

В принципе для каждого диалекта эвенского языка, относимого к среднему и западному наречиям, а также для обособившихся и даже приобретающих письменную форму диалектов восточного наречия (диалекты эвенов Камчатки) могут быть установлены некие инвариантные особенности произношения, которые можно рекомендовать как нормы официальной речи. Главное отличие таких норм от норм эвенского литературного языка будет заключаться в том, что устная форма языка не будет соотноситься с письменной формой. Однако для диалектов восточного наречия, лежащего в основе письменного языка эвенов, вполне возможно установление и функционирование единых произносительных норм, которые станут обслуживать средства массовой информации и обучение эвенскому языку детей младшего возраста, школьников и студентов. В настоящее время мы не видим необходимости в специальном описании таких норм устной речи по той причине, что они так или иначе присутствуют в любом эвенском тексте, записанном в соответствии с нормами действующей эвенской графики и озвучиваемом (читаемом) согласно правилам чтения и произношения оттенков фонем.

Нормативное произношение и индивидуальная речь

Исходя из сказанного выше, очевидно, что произношение какого-либо отдельно взятого носителя эвенского языка, даже в совершенстве владеющего родным языком, не может быть однозначно охарактеризовано как нормативное. Произносительная норма будет реализовываться только в сколько-нибудь значительной по объему группе говорящих, которые при этом пользуются не одной, а несколькими функциональными разновидностями языка. Так, произношение преподавателя на занятиях по родному языку в школе или детском саду представляет собой ту разновидность языка, которая ориентирована на произносительные нормы (по крайней

мере, так должно быть при обучении языку), в то время как разговорная речь педагога при общении с родственниками и односельчанами носит более непринужденный характер и может демонстрировать большую вариативность. То же самое можно сказать о речи работников местного радио и телевидения. Индивидуальное произношение эвенских писателей и общественных деятелей в их неофициальной речи (например, при общении с родственниками, земляками, соотечественниками) не обязательно будет характеризоваться как нормативное: для последнего важен определенный функциональный языковой стиль и официальная обстановка, а не отдельно взятая языковая личность и даже не ее авторитет среди пользователей языка; тем более если в неофициальной речи используется диалект, а не устная форма литературного языка.

Нормативное произношение и чтение

Специфические условия функционирования эвенского языка в ситуации русско-эвенского двуязычия, якутско-эвенско-русского трехъязычия или многоязычия, характерного для отдельных районов Якутии, почти исключают массированное проявление спонтанной официальной монологической речи на эвенском языке. Основная масса проявлений монологической речи на эвенском языке приходится на чтение письменных или — даже чаще — печатных текстов. При чтении вслух текстов на эвенском языке почти неизбежно наблюдается воздействие русской графики и, соответственно, русского произношения на устную форму озвучиваемого эвенского текста. Человек, читающий вслух эвенский текст, в такой ситуации неизбежно реализует навыки чтения на русском языке, что отражается на звуковой стороне эвенского текста.

Воздействие русской графики в устной речи при чтении на эвенском языке проявляется в следующих особенностях:

1) произношение сочетаний [йа], [йэ] в словах *ᵘасал* (в графике — *ясал*) ‘глаз’, *ᵘечэ̄н* (в графике — *ечэн*) ‘локоть’ вместо соответствующих эвенских дифтонгоидных гласных *ᵘа* и *ᵘе*;

2) произношение гласных [а] и [о] в соответствии с нормами русского произношения вместо тех оттенков, которые соответствуют эвенскому языку;

3) произношение смягченных согласных и кратких гласных вместо несмягченных согласных и дифтонгоидных гласных в словах типа *мялран* ‘он проснулся’, *мян* ‘десять’, *хен* ‘он появился, поднялся’, *мен* ‘он заблудился’, *тен* ‘он отнял’;

4) отступление от правил чисто количественной редукции кратких гласных [ă] и [ŭ] непервых слогов, подмена оттенков одного из этих гласных (чаще гласного переднего ряда [ŭ]) либо обоих гласных звуком смешанного ряда верхнего подъема, напоминающим русский краткий [ы] в слове «ты»;

5) неразличение нефарингализованных и фарингализованных гласных [и] и [ӣ], [у] и [ӯ]: обычно наблюдается при редком использовании родного языка или недостаточном уровне владения им;

6) неразличение при чтении букв *ё* и *ө*: *н'ө̄н* ‘он вышел’ и *н'о̄нни* (в графике — *нённи*) ‘он побежал’;

7) произношение губно-зубного согласного [в] вместо губно-губного [w];

8) произношение среднеязычного согласного [з] близко к русскому смягченному [д’];

9) произношение среднеязычного согласного [ч] как сильно аффрицированного [ч], хотя эвенское [ч] может звучать как сильно палатализованное [т’];

10) оглушение согласных в абсолютном конце слова;

11) неразличение оттенков взрывного и щелевого [г] в тех фонетических позициях, где реализуются разные оттенки этого согласного, и произнесение на месте буквы {г} взрывного [г], близкого к русскому [г] во всех положениях в слове;

12) неразличение заднеязычных и увулярных оттенков согласного [к], произнесение заднеязычного [к] перед гласными заднего сингармонического ряда в словах типа *калим* ‘кит’, *халка* ‘молоток’, *ча̄мак* ‘тарбаган’.

13) произношение согласного [л] как твердого велярного [л], аналогичного русскому согласному [л];

14) разрушение ритмомелодической структуры слова.

Произносительные нормы эвенского языка

При описании произносительной нормы эвенского языка довольно трудно отделить описание произношения и звучания отдельных единиц звукового строя эвенского языка — фонем и их основных оттенков. В сущности, описание звукового строя эвенского языка, приведенное выше, представляет собой описание эталонного, нормативного произношения звуковых единиц во всех возможных условиях: в разных фонетических положениях в слове и во фразе, в разных типах речи и разных видах текстов. Описание отдельных звуков эвенского языка, данное в настоящей работе, может служить средством преподнесения орфоэпических норм эвенского языка.

Другим важным средством кодификации произносительных норм рассматриваемого нами языка является фонематический принцип эвенской графики, позволяющий единообразно фиксировать в общеупотребительном письме звуковую оболочку эвенских слов. Это обстоятельство дает возможность избежать в нормативном произношении таких отступлений от норм произношения, как вариативность и отдельные фонетические диалектизмы (лабиализация гласных после губных согласных, чаще всего после [в] и [б], варианты произношения щелевого [ɤ] и т.д.). Однако надо иметь в виду, что письменная форма эвенского языка может выступать в качестве средства отражения произносительных норм только при наличии устойчивых навыков правильного чтения вслух на эвенском языке, в противном случае вследствие интенсивного влияния привычки к чтению на

русском языке у пользователей эвенским языком при чтении, а иногда и в устной речи, будет наблюдаться специфическая форма воздействия русского произношения.

Орфофонические нормы эвенского произношения

Говоря об описании основных оттенков фонем эвенского языка в плане характеристики произносительной нормы, нам пришлось бы во многом повторить описание оттенков гласных и согласных фонем эвенского языка, данное в разделах, посвященных гласным и согласным. В этих разделах достаточно подробно указаны особенности реализации основных оттенков эвенских гласных и согласных и их отличия от реализации фонем русского языка, сходных по звучанию. Поэтому здесь мы перечислим только наиболее существенные особенности реализации оттенков эвенских согласных, которые имеют чисто орфофоническое значение и не связаны с соблюдением фонемных противопоставлений в эвенской речи. Эти особенности таковы:

1) произношение фарингального согласного [h] в начале слова. Не соответствует норме произношение русского заднеязычного [х];

2) различение двух оттенков согласного [г], представляющих разные звукотипы — произношение взрывного [г] в начале слова и в позиции после согласного перед гласным; произношение щелевого [ғ] между гласными, после гласного перед согласным и в конце слова. Не соответствует норме произношение взрывного [г] во всех позициях, вызвано письменной формой эвенского языка или устной формой русского языка в литературном произношении;

3) произношение билабиального [w] как основного оттенка согласного [в]. Не соответствует норме губно-зубное произношение этого согласного, чаще всего являющееся следствием воздействия русского языка;

4) произношение согласного [р] в положении после согласных как одно- или многоударного дрожащего согласного (вибранта). Не соответствуют произносительной норме эвенского языка ассимиляция согласного [р] с предшествующим согласным (например, *хулла* ‘одеяло’, *анманна* ‘наледь’) или произношение вместо него шумного смычного [д] (например, *галда* ‘возьмите’, *эмдэн* ‘пришел’, ср. вост. *галра*, *эмрэн*);

5) произношение увулярного [ķ] в положении перед гласными заднего сингармонического ряда и в конце слова в словах с заднерядной огласовкой;

6) произношение звонкого среднеязычного согласного [ʒ] как [д’], хотя значительная разница в реализации оттенков этого согласного не оказывает существенного влияния на восприятие речи;

7) произношение более задних по артикуляции оттенков гласных [и], [ӣ], [ӥ], [ӣ] после переднеязычных согласных [д], [т], [н]: *хагды* ‘старый’, *оратти* ‘орочский’ (принадлежащий эвенам-орочам).

Некоторые особенности реализации гласных фонем в эвенской речи, в особенности это относится к эвенским говорам РС (Я), не связаны с

нарушением фонемных противопоставлений эвенского языка, но относятся к довольно ярким проявлениям якутско-эвенской фонетической интерференции. Это, во-первых, реализация переднерядного долгого и краткого закрытого [у] и [ӯ] в виде более продвинутых вперед и имеющих более верхнюю ступень подъема оттенков, сходных с якутскими гласными [Ү] и [ҮҮ]; во-вторых, реализация гласных [ө] и [ө̄] в виде более продвинутых вперед оттенков, не отличимых от соответствующих якутских гласных; в-третьих, *о*-образное произношение оттенков кратких гласных [ă] и [ŏ] в непервых слогах слов и отчасти *о*-образное произношение краткого *э* в первом слоге слов (явление, которое было описано М.И. Матусевич как характерное для ламунхинского говора эвенского языка), очевидно, вызванное воздействием «окающих» диалектов якутского языка.

Орфоэпические нормы эвенского произношения

Орфоэпические произносительные нормы связаны с реализацией фонем в отношении соблюдения фонологических противопоставлений. Для эвенского языка имеют значимость следующие орфоэпические нормы:

1) различение заднерядных [й], [й̆], [ӯ], [ӯ̆] и переднерядных [и], [ӣ], [у], [ӯ] как фарингализованных и нефарингализованных гласных, различающихся также по степени подъема (фарингализованные гласные являются более открытыми, нежели нефарингализованные);

2) различение кратких гласных [ă] и [ŏ] в непервых слогах слов с соблюдением их противопоставления гласным [и], [й], в особенности после переднеязычных согласных (*адал* ‘сеть’, *эдэн* ‘ветер’), с противопоставлением разных грамматических форм (*дагамаддан* ‘приближается’, *елтӭндиддэн* ‘проезжает мимо’ — *дагамаддын* ‘приближался’, *елтӭндиддын* ‘проезжал мимо’);

3) различение переднерядных узких краткого [у] и долгого [ӯ] и переднерядных полуширокихи [ө] и [ө̄], а также отличие переднерядных полуширокихи от соответствующих заднерядных: ср. *мо* ‘дерево’ — *мө* ‘вода’, *улӭн* ‘бросил’ — *өлӭн* ‘сварил’, *ӯн* ‘сделал что-то’ — *ө̄н* ‘скоблит шкуру скребком’;

4) различение кратких и долгих гласных.

Все перечисленные противопоставления, имеющие фонологическую значимость, в ненормированных проявлениях устной формы эвенского языка имеют тенденцию к собственной утрате под интенсивным воздействием русского языка, в котором соответствующие фонемные противопоставления отсутствуют. В речи представителей младшего поколения, изучающих родной эвенский язык в письменной форме по школьным учебникам, часть названных противопоставлений фонем не выдерживается вследствие того, что в письменной форме языка разнорядные узкие гласные, а также краткие и долгие гласные не имеют специального обозначения. Однако здесь нужно оговорить, что подобные проявления интерференции имеют своей причиной неразработанность и несоблюдение методики обучения фонетике эвенского языка прежде всего в устной фор-

ме, а также недостаточную интенсивность обучения родному языку, что является крупным недостатком существующих учебных программ для дошкольного, школьного и вузовского обучения.

Вопросы обучения эвенской орфоэпии

Проблемы обучения нормативному эвенскому произношению охватывают круг вопросов, связанных с обучением эвенскому языку на разных этапах его освоения и преподаванием эвенского языка в разной аудитории — от детского сада до курсов повышения квалификации учителей родного языка или работников средств массовой информации. При этом различным может быть и контингент учащихся: от учеников кочевых школ, где учащиеся-эвены, владеющие родным языком, изучают эвенский язык как предмет и пользуются им в общении до студентов педучилищ и вузов, где эвенский язык изучается только как один из учебных предметов и где русскоязычные учащиеся, незнакомые или почти незнакомые с эвенским языком, могут составлять большинство по отношению к учащимся — представителям эвенского этноса.

Одно из основных направлений работы по обучению эвенскому произношению — это дифференциация обучения устному (разговорному) языку и обучения эвенской грамоте или изучения эвенского языка по письменным текстам.

Обучение устному разговорному языку может вестись в детском саду (без обучения грамоте), а также в начальной школе в добукварный период. Обучение разговорному эвенскому языку, включающее постановку правильного произношения, может составлять часть учебного процесса при изучении эвенского языка в начальной и средней школе, педучилищах, колледжах, вузах, а также на курсах эвенского языка для взрослых. Соответствующие пособия, предназначенные в первую очередь для овладения разговорным эвенским языком, содержат необходимый языковой материал, а также описание особенностей эвенского произношения [Бурыкин, 1991].

Преподавание эвенского языка, осуществляющееся одновременно с обучением грамоте, и изучение эвенского языка с использованием письменных текстов должны иметь одним из своих аспектов овладение звуковой стороной языка, направленное прежде всего на усвоение звучания эвенских слов и правильного построения предложений в устной форме. Практическое усвоение звукового строя эвенского языка, предшествующее изучению алфавита и графики, во-первых, создаст основу для избежания фонетико-графической интерференции и проявления навыков чтения вслух по-русски при чтении на эвенском языке; во-вторых, будет способствовать увеличению общего количества изученного языкового материала.

Программы обучения эвенскому языку во 2–4-м классах начальной школы, в средней школе, средних специальных и высших учебных заведениях должны предусматривать постоянную работу по контролю за нормативным произношением. Помимо занятий по разговорному языку, для

этого могут использоваться специальные методики — например, прослушивание чтения учебного текста, записанного на магнитофон, с обязательной имитацией дикторского чтения, изучение разговорного эвенского языка, предусматривающее использование технических средств обучения, аудио и видеоматериалов.

Для студентов педучилищ и вузов, изучающих эвенский язык как специальность, целесообразно в рамках методики обучения родному языку предусмотреть специальные занятия по методике обучения правильному произношению и чтению. Особенно необходимым представляется демонстрация методики обучения нормативному эвенскому произношению и методики обучения чтению на эвенском языке на курсах повышения квалификации преподавателей эвенского языка, работающих в школах, высших и средних специальных учебных заведениях.

В сложившихся условиях обучения эвенскому языку в школах, педучилищах и вузах, по существу, единственная и наиболее эффективная возможность обучения нормативному эвенскому произношению — это обучение чтению в соответствии с закономерностями звукового строя эвенского языка и принимаемыми нормами эвенского произношения, которое позволяло бы избежать значительной речевой вариативности, проявления диалектных особенностей и «русского акцента», прививающегося при чтении на эвенском языке либо при ошибках в методике обучения эвенскому языку. На занятиях по эвенскому разговорному языку педагог должен уделять особое внимание правильному, нормативному произношению отдельных звуков и целых слов, а также предложений. Только таким образом возможно обучение ритмической структуре слова и эвенской интонации.

ТРАНСКРИПЦИЯ

Транскрипция — это способ записи звучащей речи в письменной форме, предназначенный для передачи особенностей звуковой стороны языка. По сравнению с письмом, направленным на передачу и сохранение содержания текста (информации), транскрипция используется для отражения необходимых характеристик звукового строя и звучащей речи вне звуковой материи — в графической, зрительно воспринимаемой форме.

Отличие транскрипции от практического письма состоит в том, что письмо и транскрибирование устной речи — это принципиально разные навыки, ориентированные на разные виды языковой деятельности. Транскрипция предназначена для аудирования звучащей речи, в то время как письмо существует для спонтанной письменной речи, не обязательно предполагающей озвучивание текста, и для чтения, которое также не предполагает озвучивания читаемого текста в виде произнесения вслух.

В условиях двуязычия, причем такого, при котором доминирующий язык является полноценно письменным при нефонетической графике и орфографии (а именно таковым оказывается русский язык с его слоговым принципом графики и морфологическим принципом орфографии), фор-

мирование навыка фонематического письма не столько вредно как продуцирующее ошибки, сколько попросту избыточно и не находит места в видах языковой деятельности индивида-билингва (прежде всего в чтении). Чтение письменного текста — это не чтение вслух, не чтение языком как органом речи, это чтение глазами, чтение про себя, при котором не возникает ассоциаций со звучанием слов. Равным образом письмо при пользовании языком — это не записывание слов и фраз на слух под диктовку наподобие школьного диктанта, а спонтанная речь в зрительно воспринимаемой форме, реже — переписывание письменного или печатного текста.

Известный русский лингвист-фонетист А.И. Томсон писал о транскрипции: «В таком письме, конечно, требуется, чтобы *каждый звук обозначался отдельной буквой*, притом повсюду только *одной и той же буквой*, чтобы по этим буквам и описаниям их можно было в точности восстановлять устную речь» [1910, с. 421]. В этом высказывании содержатся указания не только на то, какой должна быть фонетическая или фонематическая транскрипция, но и на то, что между транскрипцией и графикой, находящейся в повседневном употреблении, могут иметься отличия.

Традиционно в лингвистических описаниях применяются два типа транскрипции — фонетическая и фонематическая. Как известно, отличаются они по характеру представления языкового материала. Фонетическая транскрипция характеризует звуки речи в многообразии комбинаторных и позиционных оттенков фонем, при записи диалектной речи она также передает разнообразие диалектных вариантов основных оттенков фонем, если имеется необходимость передавать характер этих оттенков в лингвистическом описании. Фонематическая, или фонемная, транскрипция фиксирует фонемный состав текста, фраз, словоформ и отражает только те единицы звуковой стороны языка, противопоставления которых являются фонологически значимыми. Фонетическая транскрипция может быть сколь угодно детализированной — тут все зависит от задач исследования, фонетического слуха и аппаратуры исследователя [Бондарко и др., 1993, с. 8]. Пределом детализированности фонемной транскрипции является состав фонем языка. Иногда используется и еще один вид транскрипции — морфонологическая, или морфонематическая, передающая единый внешний облик морфем в словоформе или тексте [Золхоев, 1980]; однако в исследованиях по тунгусо-маньчжурским языкам она не находит применения.

Разговор о транскрипции применительно к описанию звукового строя эвенского языка важен для изучения его фонетического строя прежде всего потому, что почти все транскрипции, применявшиеся в эвеноведении для описания звуковой системы языка и фиксации языкового материала, до недавнего времени были непоследовательными и не являлись ни фонетическими, ни фонологическими в строгом смысле.

В трудах по эвенскому языку, издававшихся в 1930–1940-е годы, использовалась действующая в тот период графика эвенского языка — сна-

чала на латинской, а затем на русской основе, поэтому вопрос о транскрипции не был особо актуальным. В работах К.А. Новиковой, публиковавшихся с середины 1950-х годов, и в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» [1975–1977] для эвенского языка используется вариант фонетической транскрипции, в котором различаются взрывной и щелевой оттенки согласного [г], заднеязычный и увулярный оттенки согласного [к], разные оттенки долгих и кратких широких гласных в первом слоге и непервых слогах: краткие [ă] и [ŭ] обозначаются как {а} и {э} в первом слоге, как {ъ} с точкой наверху и {ъ} — в непервых слогах, одновременно долгие [ā] и [ē] обозначаются как надчеркнутые в первом слоге и ненадчеркнутые [а] и [э] в непервых слогах [Новикова, 1961а; Сравнительный словарь, 1975, XVII]. Многозначность графических знаков {а} и {э}, являющаяся свойством данной транскрипции, в целом позволяет отражать фонетические характеристики обозначаемых звуков — эти знаки обозначают краткие гласные в первом слоге слов и соответствующие долгие гласные в непервом слоге. Однако надо признать, что такой способ передачи кратких и долгих гласных в разных позициях можно считать существенным недостатком фонологической транскрипции.

В 1961 г. К.А. Новикова опубликовала проект единой фонетической и фонематической транскрипции для тунгусо-маньчжурских языков на основе русского и латинского алфавитов [1961б]. Эта разработка в полном объеме не нашла применения в тунгусо-маньчжуроведении в силу чрезвычайной осложненности обеих транскрипционных систем. Вариант фонетической транскрипции, содержащийся в названном научном труде, мог бы считаться приемлемым для эвенского и других тунгусо-маньчжурских языков. Что же касается фонематической транскрипции [Там же, с. 73–77], то ее проект оказался крайне неудачен из-за сохранения в нем знаков фонетической транскрипции (использование литеры с подстрочными диакритическими знаками для гласных, знака {о} для заднерядного [о] и переднерядного [ө], обозначение краткости гласных двумя точками над знаком) и значительного разрыва, создавшегося между фонематической транскрипцией и действующей эвенской графикой. И в проекте 1961 г., и в той транскрипции, которая использовалась К.А. Новиковой, налицо неоправданное смешение элементов фонетической и фонологической транскрипции — как раз то, что, по словам Л.Р. Зиндера, являлось причиной многих недоразумений [1961б, с. 91]. Кроме того, применение фонетической транскрипции в трудах К.А. Новиковой нельзя признать полностью оправданным — для публикации объемных текстов она избыточна, а при ее использовании в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» значительно осложняется восприятие материала, так как для других языков в нем использована фонологическая транскрипция.

Фонетическая транскрипция, применявшаяся для записи эвенских слов и текстов в труде финского ученого Арво Сотавалта [Sotavalta, 1978, p. 1–6], весьма точно отражает звуковой строй того говора эвенского языка, который описывается в указанной работе. В частности, она содержит

более 40 знаков, обозначающих различные оттенки эвенских гласных, воспринимаемые на слух. Однако эта транскрипция оказывается детализированной настолько, что значительно затрудняет чтение эвенских слов и особенно чтение и перевод связных текстов на эвенском языке, содержащихся в указанной книге. Вот почему максимально подробное отражение особенностей звучания в лингвистических работах является полезным лишь тогда, когда оно сопровождается какой-либо другой формой графического представления языкового материала — фонологической транскрипцией, отражающей только фонологически значимые противопоставления, или записью в действующей графике, облегчающей восприятие содержательной стороны языкового материала.

Транскрипция, использованная в диалектологических работах В.Д. Лебедева [1978, 1982; Эпос..., 1986], не может быть однозначно охарактеризована как фонетическая или фонологическая (фонемная). С одной стороны, в ней различаются два оттенка согласного [г] (смычный [г] и щелевой [ɣ]), с другой — она не приспособлена для различения фарингализованных и нефарингализованных узких гласных [и], [ӣ], [у], [ӯ] и их долгих коррелятов, хотя долгота узких гласных изображается, как и долгота гласных вообще, удвоенными знаками; несмотря на то, что В.Д. Лебедев признавал различение узких гласных по ряду во всех изученных им диалектах эвенского языка [1978, с. 12–13; 1982, с. 19].

Кроме этих очевидных недостатков, транскрипция, применявшаяся В.Д. Лебедевым, имеет еще один минус — использование повтора знаков для обозначения долготы гласных. Любая транскрипция как способ лингвистической записи принципиально отличается от собственно письма тем, что для транскрипции необходимо однозначное количественное соотношение единиц «один звук — один знак». Использование двойных знаков (диграмм) для обозначения долгих гласных и дифтонгоидов, содержащееся в вышеназванной транскрипции и повторяющем ее проекте эвенской графики, предложенном В.Д. Лебедевым в 1980–1982 гг., также ставит данный графический способ представления материала вне статуса научной транскрипции. Дополнительные объективные неудобства такой транскрипционной системы выявились при работе с языком охотских эвенов. В охотских говорах эвенского языка (языке эвенов пос. Новая Иня, говорах аркинских и усть-майских эвенов) различаются фарингализованные и нефарингализованные гласные, но для отражения этого явления в фонематической транскрипции не предусмотрены никакие средства; гласный монофтонг [е:] — диалектная реализация гласного [иа] — обозначается в данной транскрипции как [ее] [Лебедев, 1982, с. 24]; долгие гласные непервых слогов, которые в этом говоре по количественным характеристикам мало отличаются на слух от гласных первого слога, также не получают специального обозначения. Здесь неоднократно нарушается один из важных принципов транскрипции: «Важнейший принцип любой транскрипции — однозначное соответствие между звуковой единицей и ее обозначением» [Бондарко и др., 1993, с. 8]. Знаки-диграммы, используемые в упомянутой графической системе, оказались по разным причинам непри-

емлемы для практического письма, но, таким образом, для научной транскрипции они оказываются абсолютно неприемлемыми в силу исходных теоретических установок организации транскрипционной системы. Как говорил Л.Р. Зиндер, транскрипционная система должна быть проста и удобна для запоминания и скорописи [1961б, с. 90]. Графическая система, предлагавшаяся В.Д. Лебедевым, как нетрудно убедиться, не удовлетворяла ни одному из указанных условий.

По существу, первый приемлемый вариант фонематической транскрипции для эвенского языка начал систематически использоваться в работах В.А. Роббека [1982, 1984, 1989, 1992]. Эта транскрипция основывается на действующей эвенской графике. В ней долгота гласных обозначается горизонтальной чертой над знаком, редукция кратких гласных [а] и [э] в непервых слогах показывается знаком краткости — [ă] и [ŭ], что является лишь незначительной модификацией обозначения этих фонем в действующей эвенской графике. Очень важное достоинство упомянутой транскрипции — специальное обозначение долготы гласных в непервых слогах слов посредством черты над соответствующим знаком, что сделало материал эвенского языка сопоставимым с материалами других тунгусо-маньчжурских языков, в частности эвенкийского. Обратим внимание, что в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» специфицированная фонетическая транскрипция, примененная для эвенского языка К.А. Новиковой, крайне затрудняет чтение слов даже для специалистов (в особенности для специалистов по другим тунгусо-маньчжурским языкам) и препятствует сравнительному анализу материалов эвенского и других тунгусо-маньчжурских языков. Среднеязычная артикуляция согласных [ʒ], [н’] и [л’] в транскрипции В.А. Роббека обозначается апострофом, соответствующим знаком обозначается увулярный оттенок согласного [ķ]. Последние два знака обозначают оттенки фонем, специфические для языка эвенов Березовки и Приколымья.

Вот как выглядит фонологическая транскрипция, предложенная для эвенского языка В.А. Роббеком: ă, а, ā, б, в, г, ƀ, д, д’, иэ, эа, и, й, ы, й, к, ķ, х, л, л’, м, н, н’, ŋ, о, ō, ө, ө̄, п, р, с, т, у, ȳ, ф, h, ц, ч, ш, ŭ, э, ē [Роббек 1992, с. 5].

К некоторым техническим недостаткам данной транскрипции можно отнести обозначение дифтонгоидных гласных диграммами {иэ} и {эа} [Роббек, 1989, с. 5], что расходится и с принятой фонематической транскрипцией, и с действующими правилами эвенской графики. Для этих гласных нам представляется более удобным использовать знаки ^{и}е и ^{и}а или ӕ.

При издании учебного словаря эвенского языка, предназначенного для начальной школы, но использующегося при обучении эвенскому языку в средней школе и вузах [Роббек и др., 1988], осуществлен синтез действующей графики с фонематической транскрипцией — в словаре обозначена долгота гласных, причем не только в первом слоге, но и в последующих. Это позволяет достаточно точно передавать на письме звучание почти всех эвенских слов, пользуясь средствами практического письма и не прибегая

к специальным транскрипционным знакам; не удается только передать дифтонгоидные гласные [ᵘе] и [ᵘа] после среднеязычных согласных, однако они в таком фонетическом положении встречаются довольно редко.

Соотношение транскрипции и письма

Проблема соотношения транскрипции, отражающей в зрительно воспринимаемой форме звучание слов языка, и письма, которым пользуются говорящие на данном языке, представляется более сложной, нежели исходные установки, определяющие основные принципы построения алфавита и графики конкретного языка. Обычно это соотношение понимается как своеобразная мера отражения звукового состава морфем и слов на письме и часто служит степенью оценки совершенства графики: считается, что если графика более полно отражает фонемный состав языка, она является более доступной для освоения и более удобной для чтения. Однако уже с начала нашего века в теории письма высказываются прямо противоположные мнения. А.И. Томсон писал так: «Но фонетическое письмо для общенародного правописания не нужно и неудобно тем, что оно сложно, притом, изображая только один диалект, затрудняет тех, которые говорят на других говорах. …Для практического пользования при грамотном чтении и писании — а для этого собственно и существует письмо — фонетическое письмо мало пригодно, так как затрудняет приобретение полной грамотности, т.е. возможно большей непосредственной ассоциации семантических единиц звуковой речи и их значений с соответствующими единицами письма» [1910, с. 421, 423]. К процитированному можно добавить, что такое «фонетическое письмо» создает видимые удобства для чтения, но при обучении грамоте письмо, отражающее звуковой строй языка, требует от учащихся усвоения научных представлений о системе гласных и согласных и даже специальных лингвистических знаний, которые для практического пользования языком совершенно не нужны.

Характеризуя действия, совершаемые пользователем языка при чтении, А.И. Томсон отмечал: «Психологический анализ процесса чтения показывает, что совершенно ошибочно думают, будто грамотный человек читает звуковое письмо так, что каждую букву перелагает сначала на соответствующие звуки и движения органов речи и таким образом составляет слова. Так читают только азбучники и малограмотные. Что грамотный читает не по буквам, видно уже из того, как трудно находить опечатки в корректуре. По мере приобретения грамотности представление писанного или печатного образа целого слова (оптической фигуры слова) вступает все более в непосредственную ассоциацию по смежности со звуковым (и с мускулодвигательным) представлением слова… Так же ошибочно думают обыкновенно, будто грамотный при писании анализирует слово на составные звуки и поочередно изображает их буквами. Так пишут только малограмотные, не приобревшие достаточного навыка в писании. По мере приобретения грамотности воспоминания движения кисти,

руки и пальцев при писании ассоциируются так со звуковыми представлениями, что как только в сознании промелькнет слово, то при желании рука производит автоматически весь ряд движений, дающих начертание данного слова на бумаге как фигуру... [Томсон, 1910, с. 419]. Следовательно, и письмо, и чтение представляют собой такие навыки пользования языком, которые не соотносительны с транскрибированием звучащей речи и озвучиванием письменного текста. Чтение глазами в повседневной деятельности играет гораздо более значительную роль, нежели чтение вслух.

В отношении передачи некоторых особенностей звучащей речи письмо и транскрипция имеют принципиально разное предназначение. Смысл транскрипции заключается в наиболее адекватной передаче характерных черт звуковой стороны языка, и в этом отношении в транскрипции всегда находят отражение диалектные особенности, так как именно транскрипция используется для фиксации диалектного материала. Смысл письма — в наиболее удобной передаче содержания записанного, дабы именно содержание текста было доступно максимально большему числу пользователей языка, в том числе для говорящих на разных диалектах. Из практики применения разных графических систем одних и тех же языков, в частности и эвенского, установлено, что чем более ориентирована графика на отражение звучания слов, тем меньшее количество читателей имеет в своем распоряжении текст, записанный такой графикой, и с тем большими трудностями читается такой текст. В случае с эвенским языком это стало наглядно видно при использовании эвенской графики в проекте 1980 г. и транскрипционной системы, основанной на ней: книги на эвенском языке, в издании которых принимало участие ограниченное число представителей интеллигенции, знающих якутский язык, оказались совершенно непонятными за пределами РС (Я).

Опыт языкового строительства среди малочисленных народов Севера показал, что даже самые совершенные с точки зрения отражения звукового строя языка алфавиты не способствуют развитию письменности, если имеют место неблагоприятные внешние факторы: небольшая численность говорящих на языке, недостаточно интенсивное обучение грамоте, незначительное количество письменных текстов и отсутствие потребности в письменной коммуникации. Именно эти обстоятельства послужили причиной быстрого угасания письменности на таких языках, как удэгейский и ительменский, и длительного перерыва в функционировании письменности на нивхском языке — при том, что нивхский и удэгейский алфавиты на латинской графической основе были идеально приспособлены для передачи звукового строя языка, а звуковой строй этих языков имел полное и точное описание еще в 1930-е годы.

При оценке соотношения транскрипции и письма применительно к языкам малочисленных народов Российской Федерации важно учитывать еще и то, для какой именно читательской аудитории предназначен языковой материал, представленный в форме транскрипции. В условиях относительно ограниченного количества текстовых и словарных материалов

по языкам малочисленных народов в наши дни представители этих этносов проявляют пристальное внимание ко всем без исключения образцам их языка, в том числе к тем, которые были зафиксированы в разное время с использованием различных транскрипционных систем и первоначально предназначались только для узкого круга специалистов. В ситуации, когда издаваемые тексты и словари наряду со специалистами-лингвистами будут читать также представители этносов, владеющие навыками письма и чтения на родном языке, целесообразно использование фонологической (фонемной) транскрипции, нежели осложненной фонетической, малодоступной для читателей. Более того, желательно, чтобы фонематическая транскрипция не имела значительных отличий от действующей графики — таким образом, подобная транскрипция была бы доступна для чтения всем грамотным пользователям языка. В этом отношении вариант фонематической транскрипции для эвенского языка, который был разработан В.А. Роббеком и применяется специалистами-эвеноведами РС (Я) при издании фольклорных текстов и научной литературы по эвенскому языку, представляет собой заметное достижение науки о языках малочисленных народов Севера.

Глава 2
ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ

ПИСЬМЕННАЯ ФОРМА ЯЗЫКА И ЕЕ СПЕЦИФИКА

Устная форма языка универсальна. Нет такого естественного человеческого языка, который не имел бы устной формы в виде звучащей речи. Все виды кодов, использующих естественный язык вне его звуковой формы (азбука Морзе в ее графическом изображении, морская флажная сигнализация и семафорная азбука, шрифт Брайля для слепых, жестовая азбука для глухонемых), не только являются вторичными кодами по отношению к устной форме языка, но и большей частью представляют собой результат преобразования исходной письменной формы языка. В отличие от устной формы, письменная форма любого конкретного языка отнюдь не универсальна. Она возникает относительно поздно, и исторический возраст письма не сравним с возрастом устной формы языка — история письма насчитывает самое большее 5–6 тыс. лет. Известно, что письменность для многих языков, в частности для языков малочисленных народов Севера, была создана сравнительно недавно, а некоторые языки, численность говорящих на которых составляет по несколько сотен человек, фактически не имеют ее и до сих пор. Р.О. Якобсон писал: «Письменный язык является очевидным преобразованием устной речи. Все нормальные люди разговаривают, но почти половина мира безграмотна, и в наше время пользование письмом и чтением является преимуществом немногих... Наряду с инвариантами, общими для устного и письменного языка, каждая из двух систем по своему складу и употреблению обнаруживает ряд специфических особенностей... Сравнительное изучение обеих языковых моделей и их роли в социальном общении является срочным делом, которым нельзя пренебрегать» [1976, с. 119]. Специалисты по социолингвистике отмечали, что письменная речь хотя и является позднейшей по происхождению, но представляет собой наиболее развитую форму существования языка [Дешериев, 1977, с. 196].

Будучи вторичной формой языка, которая осознанно выработана человеком для усовершенствования способов хранения и передачи информации, письменность обладает своей спецификой по отношению к звучащей речи. Как писал Л.Р. Зиндер, «спонтанная устная речь характеризуется такими специфическими чертами, которые принципиально отличаются от того, что может встретиться в письменной форме» [1987, с. 32]. Это означает, что специфика письменной речи по сравнению с устной также несомненна. Специфика письменной формы языка и письменной речи выражается на разных уровнях и в разных сферах применения языка.

Во-первых, письменная форма языка обладает своими собственными средствами выражения, ориентированными на зрительное восприятие, — знаками алфавита, знаками пунктуации, особыми символами, средствами графического оформления письменного текста. Во-вторых, в ней используются определенные единицы — знаки алфавита и слова, графически выделяемые на письме, в то время как в потоке речи в устной форме не выделяются ни фонемы, ни отдельные словоформы. В-третьих, письменный язык отличается от устного своим строем, лексическим составом, обладает собственной системой норм, которая в большинстве языков, имеющих письменность, отличается от норм устного языка [Николаева, 1961, с. 78–79].

Помимо названных признаков, письменная форма языка имеет и другие характерные черты. Неоднократно отмечалось, что в отличие от устной речи, основной формой существования которой служит диалог, письменная речь является по преимуществу монологической. В этой связи доктор филологических наук, профессор А.Е. Супрун замечает: «Письмо монологично по природе» [1996, с. 49]. Письменная речь обладает своим собственным репертуаром функциональных разновидностей (виды деловых и официальных документов, жанры литературных произведений), которые не имеют соответствий в устной форме языка. В системе средств массовой информации устный язык электронных средств массовой информации (радио, телевидение) заметно отличается от письменного языка газет и журналов. Своеобразием обладают и такие современные формы использования языка, как звуковая и графическая реклама. Отмечается также, что характер пользования письменной формой языка во многом различен у разных социальных групп лиц, говорящих и пишущих на одном и том же языке: «…в противоположность универсальности, обязательности и однотипности устной формы для всех людей — письменная очень разнится у разных индивидов в зависимости от их опыта, профессии и других социальных условий их жизни» [Зиндер, 1987, с. 40–41].

Отличия письменного и устного языка

Советский и российский лингвист В.М. Солнцев пишет о том, что письменная форма языка в сравнении с устной обладает долговечностью и имеет большую степень нормированности, а также выполняет стилеобразующую функцию [1985, с. 10–11]. По его мнению, письменный язык — это относительно самостоятельная система коммуникации [Там же, с. 5].

Существуют и другие виды различий между устной и письменной формами языка. Устная речь в ее коммуникативных актах обычно направлена на одного конкретного адресата или группу адресатов и одновременно доступна для восприятия всем слушающим, для которых восприятие устной речи может не иметь целенаправленного характера. Письменная форма речи может быть предназначена для самого пишущего (что невозможно, в устной речи!), восприятие письменной речи — чтение — имеет характер целенаправленной деятельности. Речевые акты в устной форме в

подавляющем большинстве функциональных разновидностей не обладают повторной воспроизводимостью, в то время как письменная форма не только дает возможность повторного воспроизведения высказывания, но и располагает средствами для его неограниченного повторения — тиражирования. Устное высказывание в монологической форме доступно для восприятия в рамках единого временного предела, при этом акт восприятия является однократным. Говорящий, как правило, не может повторить текст слово в слово, а слушающий не располагает возможностями второй раз услышать сказанное в неизменном виде. В противоположность этому письменный текст доступен для восприятия в фрагментированной форме в неограниченном числе актов чтения, при этом восприятие смысловых сегментов текста необязательно имеет последовательный характер. Научную монографию можно читать по главам, причем не только в порядке их следования, а газетную статью — отдельными абзацами. Сложные письменные тексты — художественные произведения (романы, повести) — имеют жесткую линейную организацию, сложные фольклорные тексты — эпические произведения — циклическую организацию с нежесткой последовательностью воспроизведения отдельных текстов. Даже такие устойчивые устные текстовые формы, как фольклорные произведения, не поддаются намеренному изменению, во всяком случае без фиксации невозможно повторное воспроизведение измененного фольклорного текста. Таким образом, письменная форма языка не только имеет возможности для «консервации» самого высказывания, но и позволяет сохранять вносимые в него изменения. Как отмечает А.Е. Супрун, отличительными признаками письменной формы языка являются дальность сообщения, безграничность во времени, «четкое и непререкаемое» воспроизведение, гораздо большее число принимающих сообщение [1996, с. 38–39]. Важными отличительными свойствами письменной формы языка, по мнению этого автора, служат выключение звукового канала — бесшумность коммуникации, разорванность в пространстве и во времени, фиксация высказывания, отчуждение сообщения от говорящего, взаимообратимость устной и письменной речи [Там же, с. 41–42]. Недостатком же оптического канала связи, который составляет письменная форма языка, оказывается возможное незнание письма, или неграмотность [Там же, с. 43].

Высказывания, ориентированные на массовое восприятие, возможны как в устной, так и в письменной формах языка. Тем не менее и здесь прослеживаются значимые различия. Коллективное восприятие устной формы безразлично к соприсутствию слушающих в одной пространственной сфере (оно возможно на собрании или лекции, но не имеет места при слушании радио), однако сосредоточено в одном временном периоде. Восприятие письменного текста обычно дифференцировано и в пространстве, и во времени, исключения типа массового чтения текстов на рекламных экранах крайне немногочисленны и искусственны.

Устная речь имеет минимум возможностей для превращения отдельных высказываний в стереотипные формулы, которые могут определять содержание и языковой материал текстов — тут можно отметить лишь

коммуникативные акты и речевые сигналы в профессиональных сферах (например, язык воинских команд) и формулы речевого этикета. Письменная речь в большей мере зависит от стереотипов, причем множество стереотипов письменной формы языка не имеет устных эквивалентов (литературные жанры, типы официальных документов и т.п.).

В социолингвистическом плане между устной и письменной формами языка надо отметить то различие, что письменная речь управляема со стороны сообщества, пользующегося языком, в гораздо большей степени, чем устная: нормы письма устанавливаются вполне сознательно и столь же сознательно вводятся в речевой обиход [Волков, 1982, с. 3].

Интересно, что письмо в своем появлении намного опередило технические возможности фиксации и повторного воспроизведения звучащей речи. Только письменная форма языка дает возможность существования особых приемов обработки высказывания помимо его спонтанного порождения и порождения вторичных текстов на основе исходного. В этом плане между устной и письменной формами языка тоже отмечаются различия: например, цитирование является обычным приемом в письменной форме языка, но оно нехарактерно для устной формы, а без посредства письменной формы или без использования технических средств и невозможно.

Соотношение между устной и письменной формами языка не сводится к соотношению системы фонем и системы письменных знаков (букв) для их обозначения. Как отмечал Л.Р. Зиндер, письмо создавалось как фонемное, а не просто звуковое: «Прежде чем создавать алфавит для того или иного языка, надо выявить его систему фонем, а для создания орфографии, т.е. правил написания слов соответствующего языка, надо определить, какие фонемы образуют звуковой облик данного слова» [1996, с. 17]. Таким образом, письменная форма языка — это прежде всего отражение на письме максимально объемного корпуса звучащих слов — значимых единиц языка, а отражение в письменной форме единиц звуковой стороны языка является лишь средством фиксации двусторонних языковых единиц, но отнюдь не целью создания и использования графики.

Письменная форма языка имеет несколько самостоятельных объектов изучения: 1) формы письменного языка — набор графических знаков (алфавит), правила обозначения звуковых единиц языка на письме (графика), правила написания отдельных слов (орфография); 2) письменная речь как особая форма языковой деятельности; 3) совокупность образцов письменных текстов конкретного языка, созданная за период существования его письменной формы [Зиндер, 1987, с. 42].

Теория письма и в целом теория письменного языка — сравнительно молодые области языкознания. По словам Л.Р. Зиндера, «все внимание языковедения было направлено в этой области на историю возникновения и эволюцию письма. Попытки создания общей теории появились только в последние десятилетия» [1996, с. 15]. Становление и развитие теории письма связаны с историей отечественного, прежде всего петербургского, языкознания. Основоположниками отечественной теории письма были

И.А. Бодуэн де Куртенэ, его непосредственный ученик — академик Л.В. Щерба, а также ученые его школы — Л.Р. Зиндер, Ю.С. Маслов, В.Ф. Иванова, А.И. Моисеев.

В теории письменного языка играет заметную роль такое противопоставление, как различение собственно письменной и печатной форм языка. Эти формы различаются по своему распространению (письменным языком активно пользуются все грамотные люди, создание печатных текстов представляет собой профессиональное занятие относительно узкого круга лиц — писателей, журналистов, педагогов), характеру адресата (написанный от руки текст может быть адресован одному человеку или предназначаться пишущим для себя самого, в то время как печатный текст ориентирован на массу читающих). Письменная и печатная формы языка различаются в деталях и своими функциональными стилями, а также тем, что письменная речь, как и устная, может быть относительно спонтанной, в то время как печатный язык обычно представляет собой еще одну стадию обработки письменного текста, подвергающегося редактированию и иному графическому оформлению. Можно отметить, что письменный и печатный языки характеризуются своими наборами вариантов буквенных знаков — рукописные шрифты и индивидуальные почерки существенно отличаются от машинописных и типографских шрифтов, хотя и те, и другие обозначают одни и те же знаки алфавита. Ю.В. Рождественский выделяет четыре типа родов словесности, соответствующих разным формам существования языка: устная, письменная и печатная формы, а также средства массовой информации, пользующиеся различными формами языка [1979, с. 8]. Существенным признаком, отличающим письменную речь от устной, является разделение создателя речи и индивида, участвующего в процессе коммуникации, имеющее несколько форм: 1) в коллегиальной форме вырабатываются официальные документы, создаваемые несколькими авторами с равной степенью участия; 2) в кооперативной форме осуществляется книгоиздание, где, кроме автора, участвуют другие лица, производящие процесс тиражирования, но не вторгающиеся в работу над текстом; 3) в коллегиально-кооперативной форме реализуется деятельность средств массовой информации, когда коллектив выступает и как автор, и как издатель [Там же, с. 12]. Данные формы противопоставляются индивидуальной форме языковой деятельности, характерной, во-первых, для устной речи, во-вторых, для спонтанного порождения письменного текста или собственно письма в узком понимании этого слова.

АКТИВНОЕ И ПАССИВНОЕ ПОЛЬЗОВАНИЕ ПИСЬМЕННОЙ ФОРМОЙ ЯЗЫКА

Пользование устной формой языка — устной речью — при общении предполагает два вида деятельности: активное пользование устной речью — порождение речи, или говорение, и пассивное пользование дан-

ной формой языка — восприятие звучащей речи. Пользование письменной формой языка также предполагает наличие двух различающихся видов языковой деятельности — активной и пассивной. Активное пользование письменной формой языка — это письмо, сравнимое с порождением устных высказываний, пассивное пользование — чтение, сравнимое с восприятием устной речи. Однако как письмо, так и чтение не являются видами деятельности, однозначно соотносимыми с деятельностью говорящего и слушающего.

Существуют как минимум две разновидности письма как вида деятельности. Первая разновидность — спонтанная письменная речь, когда пишущий изображает в графической форме языковых средств то, что он мог бы сказать устно. Вторая — это запись звучащей устной речи, отделенная от процесса порождения высказываний: запись чьей-то спонтанной устной речи, запись под диктовку, когда говорящий знает, что его речь записывается, или расшифровка устной речи с магнитофона. Таким же образом выделяются и две разновидности чтения как пассивного пользования письменной формой языка: зрительное восприятие письменного текста читающим и озвучивание письменного текста, т.е. чтение вслух.

Спонтанная письменная речь (написание писем, сочинение рассказов, подготовка материалов для средств массовой информации) и чтение текстов, направленное на восприятие, усвоение или запоминание их содержания, принципиально отличаются от записи текстов под диктовку и чтения вслух, так как запись звучащей речи и озвучивание письменного текста представляют собой всего лишь перевод высказываний из звуковой формы в графическую и наоборот. В повседневной деятельности людей основными полезными навыками являются именно владение спонтанной письменной речью и чтение письменного текста без его озвучивания. Чтение вслух и письмо под диктовку, знакомые всем по школьному обучению, служат лишь приемами обучения пользованию письменной формой языка. Такие виды языковой деятельности, как запись звучащей речи и чтение письменного текста вслух, составляют узкопрофессиональную сферу ограниченного числа пользователей языка — секретарей официальных учреждений, работников средств массовой информации, радиожурналистов, дикторов на телевидении и радио. В тех сферах использования языка, в которых функционирует эвенский язык и языки других малочисленных народов Российской Федерации, запись речи под диктовку имеет место лишь при собирании образцов фольклора, а чтение письменного текста вслух — только на местном радио или телевидении.

Тем не менее в описании языков малочисленных народов Севера и методике обучения этим языкам общие представления о функционировании письменного языка и основные методические приемы обучения письменному языку по каким-то странным причинам всегда были ориентированы прежде всего на писание под диктовку и чтение вслух. Эти представления, в особенности в методике обучения языкам, не преодолены до сих пор, хотя совершенно очевидно, что существующие методики

не обеспечивают формирование устойчивых навыков спонтанной письменной речи на родном языке, а некоторые особенности издаваемой литературы (предназначенность преимущественно для младших школьников, специфическое содержание, недостаточный объем корпуса письменных текстов (изданных книг и выпускаемых газет), постепенное сокращение количества новых текстов, преобладание переизданий книг и перепечаток ранее опубликованных текстов) составляют те факторы, которые препятствуют проявлению и сохранению интереса к литературе на родных языках среди народов Крайнего Севера.

Теория письма, кажется, единственная, во всяком случае одна из немногих, лингвистическая дисциплина, объект которой — письменная форма языка — был намеренно, целенаправленно создан говорящими на данном языке людьми и развивается под активным контролем социума, пользующегося этим языком. Под понятие активного контроля со стороны социума попадает и появление графико-орфографических новаций (для многих языков это именно так: например, число вариантов эвенской графики, использовавшихся в разное время, почти втрое превышает количество тех словарей, которые могли бы быть названы орфографическими словарями эвенского языка), и сохранение неизменного вида написаний слов, т.е. наличие орфографии и следование ее нормам. Вместе с тем теория письма, хоть она и имеет дело с искусственно созданным и управляемым объектом, каким являются графические системы и письменные документы, как нам кажется, не должна быть оценивающей качество своего объекта в мере его совершенства или несовершенства. В ее задачу должно входить описание всех наличествующих у данного языка форм письма, равно как и предлагавшихся, но нереализованных по тем или иным причинам проектов алфавитов и правил графики для письменных языков.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ТЕОРИИ ПИСЬМА

Формальный аппарат теории письма, применяемый для характеристики соотношения единиц звукового строя языка (фонем, слогов, звуковых оболочек слов) и единиц письменного языка (графических знаков, алфавитных знаков, т.е. особого упорядоченного набора графических знаков, и других единиц письменного языка), довольно сложен и отнюдь не сводится к понятию алфавита и составляющих его букв. Упрощение понятийного аппарата описания единиц письменного языка по сравнению с современным уровнем теории письма, наблюдаемое на нынешней стадии изучения языков малочисленных народов Севера и методики обучения им, возникает, на наш взгляд, одновременно по двум причинам. Во-первых, описание графики какого-либо языка из числа языков народов Севера часто представляет собой материалы школьного учебника, разрастающиеся до раздела научного описания строя языка. Во-вторых, при характеристике алфавита, графики и орфографии языков малочисленных народов стало неписанной традицией основываться на некоей элементар-

ной минимальной системе лингвистических понятий, доступной для носителей языка с неполным средним образованием. Между тем понятно, что недостатки теоретического аппарата характеристики письменного языка влекут за собой неполноту, двусмысленность или противоречивость его описания, что в свою очередь препятствует пониманию языковых процессов и восприятию материала при изучении языка.

На уровне обыденных представлений пользователей языка, почерпнутых из школьной программы, элементарными единицами описания письменного языка являются *буквы алфавита*, а *алфавит* представляет собой упорядоченную совокупность букв. Но даже многие пользователи языка, помимо умения писать на своем родном языке, располагают информацией о письменной форме каких-либо других языков — от знания алфавита до свободного владения письменной речью. Теория письма, имеющая дело с письменными системами разных языков с разными принципами устройства, располагает более сложным набором понятий, позволяющим в одинаковой форме охарактеризовать письменные системы множества языков во всем их многообразии.

Тип письма — это характеристика письма с точки зрения языковых единиц, которые обозначает один знак системы письма. В рисуночном (пиктографическом) письме один сложный знак обозначает целое высказывание, состоящее из одного или нескольких предложений. В логографическом, или иероглифическом, письме один знак отображает слово или морфему. В слоговом письме один графический знак обозначает слог как сложную фонетическую единицу: частным случаем является такая ситуация, когда слог состоит из одной фонемы. В фонемном (фонематическом, фонетическом), или алфавитном, письме один графический знак обозначает одну фонему.

Названные типы письма в чистом виде встречаются довольно редко, чаще всего тип письма лишь налагает определенные ограничения на соотношение единиц устной и письменной форм языка. Это надо понимать следующим образом. В иероглифическом письме элементарными минимальными единицами письма являются языковые единицы, которые имеют план выражения и план содержания — слова или морфемы, чаще всего соотносительные в плане выражения с фонетическим словом или слогом, но не с отдельной фонемой. В слоговом письме элементарные минимальные единицы письма отображают слоги вне зависимости от того, соотносится ли данный слог с какой-либо двусторонней единицей языка или представляет собой лишь последовательность фонем, но отдельные единицы слогового письма не обладают способностью выражать двусложные или многосложные последовательности. В алфавитном письме минимальные графические единицы обозначают отдельные фонемы, однако иногда один графический знак отображает не одну, а две фонемы (в частных случаях типа русского *я* эта последовательность равняется слогу), или не имеет собственно фонемного значения (например, русские ъ и ь). Тем не менее алфавитное письмо не располагает специальными единицами, предназначением которых было бы обозначение слогов, морфем или

слов. Можно согласиться с замечанием И. Гельба, согласно которому в алфавитном письме знак письма обозначает одну или более фонем [1982, с. 235].

Система письма — это совокупность графических знаков, использующаяся для обозначения в письменной форме тех единиц языка или нескольких языков, которые определяют тип письма. Как правило, система письма является общей для нескольких языков, в очень редких случаях особая система письма обслуживает только один язык (например, армянский, грузинский, греческий, корейский). Исторически система письма восходит к элементарному набору графических знаков, принятому первоначально для какого-либо одного языка: например, алфавит латинского языка превратился в систему письма, разными вариантами которой пользуются народы Европы, Азии, Африки и Америки, алфавит языка древних славян — кириллица — стал системой письма, применяемой народами России и стран СНГ, болгарами, сербами, македонцами, а также монголами в МНР. Таким образом система письма — это инвентарь графических знаков, исторически принадлежащий первоначально одному конкретному языку и употребляемый в алфавитах одного или (много чаще) нескольких языков. Используемая для разных языков система письма с течением времени пополняется новыми знаками, которые находят применение в каком-либо одном или нескольких языках. В процессе появления письменности у ранее бесписьменных языков система письма предоставляет в распоряжение создателей письменности весь набор имеющихся знаков и те возможности для конструирования новых знаков, которые могут реализоваться в данной системе письма (наиболее общие приемы осложнения графических знаков, стандартные наборы диакритических знаков).

Л.Р. Зиндер писал: «Что касается вновь создаваемых систем письма, то опыт показывает, что почти всегда алфавит заимствуется из какого-нибудь старописьменного языка» [1996, с. 18]. Исключением является целенаправленное создание искусственных систем письма, изначально не принадлежавших какому-либо конкретному языку и призванных служить основой алфавитов для нескольких десятков младописьменных языков: это создание так называемого Нового тюркского алфавита (НТА), разработанного во второй половине 1920-х годов, и Единого северного алфавита (ЕСА), созданного в начале 1930-х годов. Можно признать, что хотя создание названных систем письма было важным актом языковой политики СССР, опыт разработки алфавитов и графики на базе искусственных систем письма оказался неудачным, так как впоследствии письменность всех языков на основе НТА и ЕСА была переведена на кириллицу.

Степень общности разных систем письма весьма различна. Исторически связанные по своему происхождению русский (кириллица) и латинский (латиница) алфавиты располагают общим набором цифр и пунктуационных знаков, и даже часть знаков в этих системах письма имеет одинаковую форму, в то время как латинские (римские) цифры составляют особую цифровую систему, а пунктуационные правила являются ин-

дивидуальными для каждого из языков в отдельности. Армянское и грузинское письмо обладает собственными пунктуационными системами, отличными от латино-кириллической системы пунктуационных знаков. Часть знаков в латинице и кириллице имеет одинаковые значения (например, гласные *а*, *е*, *о*), однако одни и те же знаки в латинице и кириллице могут иметь разные звуковые значения (ср. латинское *M*, сходное с кириллическим *М*, но латинское *m*, похожее на кириллическое курсивное {т}, латинское *B*, читаемое как русское *Б*, латинское *H*[h], пишущееся как русское *Н*, латинское *X*, пишущееся как русское *Х*, но читающееся как *кс*, латинское *Pp*, равное в кириллице букве *Пп*, а не {р}). Это свойство всех систем письма — относительная произвольность связи графического знака и звуковой единицы, определяемая лишь историей письменности конкретных языков, как раз и позволяет адаптировать данную систему письма к любому из языков вне зависимости от специфики его звукового строя.

Алфавит — это система графических знаков (букв), используемых для изображения системы звуковых единиц (фонем, групп фонем, иногда — отдельных звукотипов-аллофонов) какого-либо одного конкретного языка. Алфавит каждого языка обладает своими индивидуальными особенностями, выраженными в составе букв и их порядковом расположении (например, алфавиты русского, якутского и эвенского языков сходны в своей основе, так как представляют одну и ту же систему письма, но различаются по составу букв). Совпадение алфавитов нескольких языков представляет большую редкость и объясняется либо консерватизмом письменных языков и лингвистических традиций (например, английский и французский алфавиты), либо историческими условиями появления письменности (якутский и юкагирский алфавиты), довольно редко — сходством звукового строя (например, эвенкийский и нанайский алфавиты). В литературе по теории письма существуют разные определения алфавита:

1. «Алфавит можно определить как инвентарь букв, используемых в письменном коде данного языка» [Зиндер, 1987, с. 61].

2. «Алфавит — это набор букв, используемых в письме на данном языке, и их связь с фонемами этого языка» [Зиндер, 1979, с. 282].

3. «Алфавит — это перечень букв и их звуковые значения» [Зиндер, 1996, с. 18].

4. «Алфавит — это совокупность расположенных в определенном порядке графических знаков — букв, которыми пользуются при письме на том или ином языке» [Иванова, 1991, с. 11].

Недостатком всех этих определений является то, что в них присутствует понятие буквы, не имеющее экспликации, а также термин «фонема» как номинация обозначаемых на письме звуковых единиц. Из практики известно, что единицы письменного кода (графические знаки) не всегда, во-первых, имеют буквенный статус, во-вторых, обозначают именно фонемы — на письме могут обозначаться и разные аллофоны одной фонемы, и последовательности фонем.

В работах Т.А. Амировой представлено следующее определение алфавита: «Алфавит — это перечень фигур, или графических знаков, служащих для построения и различения функциональных единиц письменного языка» [1977, с. 40, прим.; 1985, с. 49, прим. 3]. Довольно сходно определяет алфавит и Вяч.Вс. Иванов: «Алфавит — система письменных знаков, передающих звуковой облик слов языка посредством символов, изображающих отдельные звуковые элементы» [1990, с. 29]. В этих формулировках понятие единицы алфавита отождествляется не с понятием буквы, а с понятием графического знака, между которыми прослеживается значительная разница: отнюдь не любой графический знак имеет статус буквы, кроме того, буква может состоять более чем из одного графического знака.

Приведем одно из определений национальных алфавитов: «Русский алфавит — совокупность графических знаков — букв в установленной последовательности, которыми создается письменная и печатная форма национального русского языка» [Князевская, 1990, с. 428].

Отличие понятий системы письма и алфавита заключается в следующем:

1. Система письма, помимо алфавитных знаков, включает также набор пунктуационных знаков.

2. Система письма — это либо инвентарь относительно простых графических знаков, либо каталог всех без исключения алфавитных и неалфавитных графических знаков (графических фигур), в то время как в отдельных алфавитах статус самостоятельных единиц — букв — могут иметь сочетания графических знаков (испанские *ch*, *ll*, венгерские *sz*, *zs*, *gy*, якутские *аа*, *ээ*, *дь*, *нь* и др.). Однако такая трактовка букв иногда встречает осуждение теоретиков: «Неправильное понимание сущности алфавита ведет к тому, что иногда в него включают и сочетания букв, служащие для обозначения одной фонемы. …Во всех подобных случаях сочетания букв остаются сочетаниями и не становятся единицами алфавита, своего рода буквами. В теории письма они и имеют особое наименование — диграфы, триграфы и т.д.» [Зиндер, 1996, с. 19].

3. Одни и те же графические знаки (графические фигуры) системы письма в отдельных алфавитах конкретных языков могут иметь статус самостоятельных букв, а могут их и не иметь (например, немецкие гласные с умлаутом в сравнении с финскими гласными, французские буквы с диакритическими знаками в сравнении с чешскими и венгерскими буквами). В научной литературе уже указывалось на некоторую произвольность алфавита по отношению к значениям букв и инвентарю графических средств, например к диграммам [Зиндер, 1987, с. 62]. Исторические условия создания письменности здесь обусловливают разные решения, принимаемые при создании тех или иных алфавитов и пользовании ими. Среди использующих кириллицу языков нет таких, где знаки с умлаутом не были бы самостоятельными буквами. С другой стороны, при принятии алфавита для долганского языка из якутского алфавита были устранены все диграммы (долгие гласные, дифтонги, консонантные диграммы), имеющие статус отдельных букв в якутском алфавите [Наделяев, 1982, с. 44], несмотря на

то что удвоенные знаки совершенно правомерно включены в таблицы графем для долганских гласных и согласных [Наделяев, 1982, с. 20, 41].

Почти всегда как в латинице, так и в кириллице получают статус отдельных букв знаки с измененным начертанием (польское *l*, румынское *t* и др). В целом для кириллической системы письма характерно то, что в алфавитах на ее основе практически нет случаев, когда графические знаки с диакритикой не имели бы буквенного статуса. Общей тенденцией для обеих систем письма является то, что графические знаки новописьменных языков, созданных на их основе, как правило, приобретают буквенный статус и включаются в алфавит, хотя Л.Р. Зиндер справедливо отмечал, что «предложить однозначное решение проблемы диакритических знаков пока трудно» [1987, с. 63].

Применительно к конкретным алфавитам является существенным порядок расположения букв. Это важно для описания графической системы языка, кодификации самого алфавита, но самое главное — порядок букв алфавита имеет исключительное значение для стандартизации и нормализации графического облика словарного состава языка, поскольку в большинстве толковых и двуязычных словарей последовательность расположения слов соотносится с алфавитным порядком букв.

Если в оценке алфавитного порядка букв нескольких языков исходить из состава первоначального алфавита или оценивать алфавитный порядок букв по степени осложненности отдельных знаков либо появления «новых» знаков, то можно выделить две закономерности распределения букв в алфавите. Такой алфавитный порядок, при котором «новые» осложненные графические фигуры располагаются в конце алфавита, можно назвать комплетивным (например, так построены финский или татарский алфавиты). Алфавитный порядок, при котором осложненные графические фигуры находятся после исходных знаков (например, расположение буквы {ң} после {н}, буквы {ө} после {о} и т.д.), является аддитивным. Именно этот порядок букв характерен для большинства алфавитов на латинской и кириллической основах.

Буква — это элементарная единица алфавита какого-либо конкретного языка, служащая для графического изображения на письме одной фонемы (при наличии у буквы одного звукового значения) или нескольких фонем (при наличии у нее нескольких звуковых значений), а также последовательности фонем — сочетания фонем или слога. При всей кажущейся простоте дать научное толкование буквы не так просто, не всегда осознается и необходимость этого. Поэтому довольно часто понятие буквы остается без определения даже в весьма авторитетных трудах по теории письма. Так, в книге И. Гельба понятие буквы в списке терминов теории письма отсутствует: вместо него используется понятие «знак» [1982, с. 236], трактуемое автором как любая отдельная единица письменного текста (т.е. то, что мы называем графическим знаком или графической фигурой).

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой понятие буквы звучит так: буква — это «графический знак, который сам по себе или в

сочетании с другими знаками (как линейными, так и диакритическими) традиционно используется для обозначения на письме фонем, их основных вариантов или их типичных последовательностей» [Ахманова, 1969, с. 69].

В процитированном определении не подчеркнут статус буквы как условной (конвенциональной) единицы среди графических единиц (графических фигур) и произвольной по отношению к обозначаемому звуку. Остаются без комментариев вопросы о том, является ли буква одиночным графическим знаком, модификацией какого-либо знака или сочетанием нескольких знаков; значение буквы в данном алфавите «традиционное» (как латинское *c*, обозначающее фонемы [k] или [s]) либо нетрадиционное.

Буква алфавита может состоять из одного или нескольких графических знаков (графических фигур) той системы письма, на которой основывается данный алфавит. Набор букв алфавита произволен по отношению к исходной системе письма, зависит от исторических условий развития письменности на конкретном языке и ее филологической кодификации. Общими тенденциями развития письменности на языках, которые характеризуются как младописьменные или новописьменные, являются наличие буквенного статуса у всех графических обозначений звуковых единиц и отсутствие в инвентаре графем единиц с небуквенным статусом в виде графических знаков с диакритикой либо сочетаний знаков, передающих отдельные фонемы.

Между тем пренебрежение строгим определением понятия буквы снимает разницу между единицами алфавита как особой системы графических знаков и графическими знаками иного порядка, такими как графемы (оптические аналоги фонем) и транскрипционные знаки, использующиеся для записи звучащей речи при отсутствии письменности или несовпадении транскрипционной системы с принятым для данного языка алфавитом. При разработке графики языков малочисленных народов Севера неразличение транскрипционных знаков исходных систем, графем как графических эквивалентов фонем и собственно букв как особых единиц вновь создаваемых национальных алфавитов привело к перегрузке алфавитов дополнительными единицами, которые упрощают соотношение звуковых и графических единиц, но значительно осложняют самую систему графических единиц. Другой крайностью здесь оказываются произвольные манипуляции с алфавитами, в результате чего, например, близкородственные якутский и долганский языки имеют разные алфавиты и разные системы графических средств для изображения одной и той же фонологической системы. Строгое определение понятия буквы в теории письма необходимо для того, чтобы иметь возможность четко систематизировать репертуар графем языка и разграничить графемы с буквенным статусом и без него — в частности графемы, состоящие из нескольких алфавитных знаков (диграммы, триграммы и т.д.), и буквенные знаки с диакритикой, не входящие в алфавиты. Это, в свою очередь, открывает возможность для изучения вопроса о функционировании неалфавитных

графических средств, используемых для дифференциации отображения разных фонем при помощи сходных знаков (например, о применении диакритических знаков для обозначения долготы гласных).

Сказанное нами имеет интересный аспект в общей теории письма. Включение диграмм и триграмм в алфавиты языков народов СССР на правах особых букв вызвало такую оценку Л.Р. Зиндера: «Все это, конечно, плод недоразумения» [1987, с. 62]. Вместе с тем в указанной книге он отмечал, что решение проблемы диакритических знаков и букв с диакритическими знаками представляется трудным [Там же, с. 62–63]. Видимо, помимо принимаемых волевых решений «языковых строителей», создающих и изменяющих алфавиты новописьменных языков по своему разумению и вкусу, существуют какие-то объективные закономерности или тенденции в отношении набора графических фигур, набора графем и алфавита. В кириллице, например, это тяготение к включению в алфавит знаков с диакритикой, в новописьменных языках с латинской системой письма — еще и включение диграмм.

Любопытные казусы для теории графики представляют алфавит и графика чукотского языка. В 1950-е годы увулярный *ӄ* и заднеязычный *ӈ* обозначались литерами *к*’ и *н*’, входившими в алфавит на правах букв. Одновременно с этим, как явствует из описания, знаком «’» обозначался гортанный смычный. Но сам по себе в этом варианте графики знак «’» не имел буквенного статуса, следовательно, гортанный смычный обозначался посредством данного знака, размещаемого после гласного, и знаки с «диакритикой» *а*’, *э*’, *и*’, *о*’, *у*’, *ы*’ обозначали типы слогов «гортанный смычный + гласный», подобно русским «йотированным» гласным (к слову, после чукотских *я*, *е*, *ю*, *ё* этот знак не употреблялся и не употребляется). Примерно в конце 1950-х годов графические фигуры {к’} и {н’} были заменены увулярным {ӄ} и {ӈ} соответственно. Что представляет собой такая замена? Ее нельзя назвать реформой алфавита или графики. Это замена графических фигур, не меняющая числа или порядка букв алфавита и их значений. Но знак «’» (апостроф) так и остался в чукотской графике, хотя уже только для обозначения гортанного смычного. Если он имеет статус буквы, написания *а*’, *э*’, *и*’, *о*’, *у*’, *ы*’ надо характеризовать как гетеролокальные или инверсионные (такие, при которых порядок следования знаков обратен по отношению к порядку обозначаемых звуков), что не предусмотрено исчислением Л.Р. Зиндера и является едва ли не уникальной особенностью чукотской графики. Если у него нет буквенного статуса, мы имеем дело с неалфавитным (небуквенным) обозначением гортанного смычного в составе графических слогов — вдвойне экзотический объект, так как для кириллической системы письма характерны наделение буквенным статусом любых знаков с диакритикой и неиспользование каких-либо знаков со слоговым значением, кроме йотированных гласных. Другим казусом чукотского письма можно назвать то, что после букв {л} и {ч} по правилам орфографии пишется буква {е}; такие написания следует характеризовать не иначе как применение слогового принци-

па в орфографии, нормирующего написание определенных типов слогов вне зависимости от их морфологического положения.

Распространенным заблуждением в описательных, фонетических и методических работах по теории письма и методике обучения письму является представление, согласно которому буква или графическая фигура имеет постоянное звуковое значение, представленное в одинаковом виде в тех языках, где она используется. В действительности это не так. Ни графическая фигура, ни буква алфавита не имеет раз и навсегда заданного звукового значения. Такое значение приписывается графической фигуре в данном конкретном языке и в минимальной степени определяется характером системы фонем. Если гласные, обозначаемые одинаковыми по форме буквами алфавитов разных языков, могут заметно расходиться в реализации основных оттенков, то же будет справедливо и по отношению к согласным, хотя бы они и использовались в несвойственных им первоначально значениях. Известный ученый-фонетист В.М. Наделяев писал: «…фонемный инвентарь в звуковой системе того или иного языка может быть выявлен методами морфологического и дистрибутивного анализа, а также методом минимальных пар. Но качественные и количественные характеристики выявленных фонем могут быть установлены только в результате эксперимента. Без учета качественных и количественных характеристик фонем может оказаться неудачным подбор буквенных знаков для выявленных фонем, как случилось, например, в тувинском языке» [1981, с. 13]. В этом утверждении содержится имплицитное признание того, что графические знаки имеют собственное значение, причем не только на фонемном, но и на аллофонном уровне, с чем, разумеется, нельзя согласиться. Система графических знаков, в которой у каждого знака есть определенное и единственное звуковое значение — это Международный фонетический алфавит, но и для этой системы графических знаков «единственность» и постоянство их звукового значения столь же условны, как и для любой системы письма.

Понятие буквы в теории письма существенно отличается от близкого к нему и неотличимого от него на уровне обыденного сознания понятия графического знака (графической фигуры), а на уровне терминологии — от понятия графемы.

Понятие **графемы** до сих пор не имеет однозначной интерпретации. Под этим термином понимается сразу несколько разных обобщенных единиц формального описания письменного языка или единиц описания письменного языка по отношению к звуковому языку.

Первоначально понятие «графема» в теории письма появилось как обобщенное представление графического знака по отношению к его формальным графическим реализациям ({А} — *а*, *А* и т.д.) и служило своего рода аналогом понятия фонемы по отношению к ее речевым реализациям — аллофонам. Позже данное понятие, будучи «эмическим» по статусу, было соотнесено с понятием графического аналога фонемы, и графема стала пониматься как класс графических знаков, используемых для обозначения той или иной фонемы.

В современной литературе имеются следующие определения графемы:

1. «Графема — минимальная единица графической системы языка (системы письма), обладающая тем или иным лингвистическим содержанием» [Журавлев, 1990, с. 117].

2. «Графема — это минимальная единица письменного языка, служащая для обозначения фонемы» [Зиндер, 1987, с. 80].

3. «Графема — это класс букв и их сочетаний, служащих для передачи на письме соответствующей фонемы» [Зиндер, 1996, с. 20].

Для языков, в которых фонемы обозначаются только одним графическим знаком (одной буквой), при данном понимании графемы понятия графемы и буквы становятся тождественными. Для языков, в которых одна фонема обозначается на письме разными способами (наличие у одного графического знака разных значений, использование различных знаков для обозначения одной и той же фонемы, употребление сложных графем, состоящих из нескольких графических знаков или букв [Там же, с. 20–21]), обобщение всех способов изображения каждой фонемы имеет лишь описательное, но не теоретическое значение.

Одновременно с этим существует еще одно понимание графемы, при котором последняя рассматривается как элементарная единица графики того или иного языка. Таким образом, набор графем языка при разных пониманиях графемы — это 1) совокупность инвариантных начертаний одной и той же единицы; 2) система из совокупностей всех обозначений всех фонем того или иного языка, обусловленных историей письменности данного языка; 3) система элементарных графических знаков, образующих алфавит либо служащих для обозначения фонем. В первом случае единицы объединяются в класс по своей функции в диапазоне варьирования зрительно воспринимаемой формы языка, во втором — по фонематическому значению, в третьем — по формальным признакам. При последнем понимании рассматриваемого термина в перечень графем попадут все знаки с диакритикой, не имеющие буквенного статуса, но могут не попасть сложные графемы, состоящие из нескольких графических знаков.

Рациональные основания использования набора графем языка в лингвистическом описании будут различаться в зависимости от того или иного понимания графемы. Первое толкование сделало это понятие избыточным по отношению к понятию букв, что, по мнению Л.Р. Зиндера, характерно для трудов Л.В. Щербы и А.Н. Гвоздева [Зиндер, 1987, с. 78–79]. Второе понимание графемы позволяет представлять инвентарь графем языка в виде полного набора способов и правил обозначения фонем на письме. Третье — дает возможность реализовать инвентарь графем языка в виде набора правил чтения сегментов письменного текста: букв, сочетаний букв и небуквенных элементов (знаков с диакритикой, не входящих в алфавит). Однако теория письма, в частности аспекты, которые разрабатывались петербургской школой лингвистов, объединяет два разных способа представления графики — и «от фонемы к букве», и «от буквы к фонеме», т.е. обобщает два возможных понимания графемы. Видимо, поэтому поня-

тие графемы и не находит активного использования в тех трудах по теории письма, которые выходят за рамки обсуждения общего понятийного аппарата, или в конкретных описаниях графики отдельных языков.

В науке о языках народов Севера понятие графемы появилось достаточно давно [Алькор, 1932]. Однако при тенденции к введению в графику младописьменных языков фонемного принципа, для которого характерно соотношение «одна графема — одна буква», это понятие не использовалось и, по существу, было подменено понятием буквы. Именно вследствие такого представления о графических единицах языка все без исключения дополнительные буквенные знаки, предлагавшиеся для различных языков народов России и бывшего СССР, получили статус букв и были включены в алфавиты соответствующих языков.

Существующие различия между понятием графемы, точнее аллографов графемы как единиц обозначения фонем, и понятием букв как конвенциональных элементарных единиц алфавита, неоднозначное соотношение графем и букв даже за вычетом составных букв, проще — то, что не все графемы и графические знаки входят в алфавит, побуждает ввести в оборот теории письма еще одно понятие, не тождественное ни понятию графемы, ни понятию буквы, — понятие графического знака, или графической фигуры.

Графический знак, или графическая фигура — это элемент системы письма, обладающий потенциальной способностью к обозначению единицы звукового строя языка (фонемы). Графический знак — элементарная составляющая системы письма, так же как буква — элементарная составляющая алфавита. Любая буква, если она не является сочетанием нескольких графических фигур (т.е. полиграфом), представляет собой графическую фигуру, но не всякая графическая фигура имеет буквенный статус — во многих письменностях знаки с диакритикой не считаются особыми буквами.

Выделение графических фигур как особых единиц находит основания в описании отдельных явлений при изменении некоторых письменностей. Так, в 1950-е годы в ряде языков народов Севера написание {к'} было заменено увулярным {ķ}, вместо знака <н> с хвостом использовался знак <ң>. Такая замена знаков — не реформа графики (эти знаки изображают те же фонемы, которые обозначались прежними знаками) и не реформа алфавита (количество знаков алфавита, их порядок и система значений остались без изменений). Что же это? Такое явление можно охарактеризовать только как замену графических фигур, использующихся для выражения отдельных букв.

Очевидно, среди графических фигур, букв и небуквенных графических средств могут быть выделены обязательные и факультативные единицы. К факультативным единицам графической системы можно отнести некоторые буквы алфавита (например, русское *ё*), знак ударения в русском письме (этот знак употребляется даже в орфографических словарях, хотя он и не используется в письме), а также, например, огласовочные знаки в еврейском квадратном письме.

Признание группы факультативных графических средств как особого разряда единиц системы письма или графики конкретных языков, имеющего ограниченное применение, позволило бы решить вопрос об обозначении долготы гласных в ряде тунгусо-маньчжурских языков и других языков народов России. Знаки для долготы гласных, как и знаки ударения в русском языке, могли бы использоваться в учебной литературе и лексикографии и не применяться в изданиях других типов. Однако отсутствие теоретических оснований для подобного практического решения оставляет перед пользователями и специалистами-лингвистами такую альтернативу: либо необозначение долгот, либо обозначение посредством особых алфавитных единиц-букв для долгих гласных.

Можно проследить, что письменная форма разных языков по-разному реагирует на существование факультативных графических средств: так, если можно легко себе представить русский текст с проставленным ударением, то представить себе предназначенный для массового чтения английский или немецкий текст с проставленным ударением невозможно.

Графическая система языка, как и графика в одном из ее пониманий, — это обобщенное наименование алфавита (и набора неалфавитных знаков) и собственно графики, т.е. правил обозначения фонем на письме и правил чтения знаков для какого-либо конкретного языка. Данный термин представляется довольно удобным для определения графики языка в неустойчивых ситуациях, при сравнении нескольких вариантов графики одного и того же языка. Нововведения, вносимые в графическую систему, могут касаться преобразования алфавита, что при введении в него новых букв становится причиной частичного перераспределения значений графических знаков, или же ограничиваться изменениями отдельных правил графики, что способствует более или менее существенной трансформации системы значений букв. Например, реформа русской графики (или орфографии) 1918 г. привела к сокращению количества аллографов некоторых графем (устранение избыточных букв), но не затронула системы значений букв. По нашему мнению, термин «графическая система» может включать вопросы алфавита (состав и порядок букв), соотношения буквенных и небуквенных знаков, набора аллографов графем и системы значений букв.

Наиболее удачные определения **графики** принадлежат Л.Р. Зиндеру и В.Ф. Ивановой: «Графика — 1) совокупность начертательных средств того или иного письма, включающая графемы, знаки препинания, знак ударения и др.; система соотношения между графемами и фонемами в фонематическом письме. …Понятие Г[рафики] применяют обычно к фонематическому (звуко-буквенному) письму, в котором различают три стороны: алфавит, графику и орфографию» [Иванова, 1990, с. 118]; «Графика — это совокупность оптических средств и правил их применения и передачи сообщения в целом или же отдельных его единиц и их сочетаний» [Зиндер, 1987, с. 57–58].

Есть и другие определения графики, принадлежащие тем же авторам: «В языкознании графика — это: а) совокупность начертаний, через которые устная речь передается на письме: буквы алфавита (в их различных

видоизменениях в зависимости от шрифта), знаки ударения, апостроф. Часть графической системы представляют собой и знаки препинания (но не правила их употребления); б) способы обозначения фонем и их сочетаний при помощи букв (или сочетаний букв) алфавита. Графика связана с фонемами как таковыми и не учитывает смысловых единиц языка (в то время как орфография определяет правила обозначения фонем в составе определенных морфем и слов; следовательно, орфография связана со смысловой стороной языка); в) в более широком понимании — система соотношений между буквами и фонемами в тексте (графика в широком охвате). Графикой называется и сама наука, исследующая и описывающая соотношения между буквами и фонемами» [Иванова, 1991, с. 10]; «Графика — это совокупность правил передачи средствами данного алфавита плана выражения языковых единиц безотносительно к плану их содержания, т.е. без учета конкретных слов или морфем» [Зиндер, 1987, с. 58]; «Графика — это совокупность правил отображения средствами алфавита данного языка и их сочетаний в зависимости от фонетической позиции, но без учета того, в каких смысловых единицах (фонемах, морфемах) они встречаются» [Зиндер, 1979, с. 282]. Отметим, что при представленном в этих формулировках понимании графики выглядит естественной трактовка графемы как класса обозначений одной фонемы, при котором одна и та же буква может представлять разные графемы [Зиндер, 1987, с. 83].

Принципы графики — это разные типы соотношения в рамках конкретного языка звуковых и графических единиц. Алфавитное письмо имплицитно предполагает использование в качестве доминирующего фонематического принципа, при котором одна единица звукового строя языка соответствует одной единице письменной формы языка. Однако в свою очередь сам инвентарь знаков алфавитного письма допускает довольно разнообразные способы реализации этого принципа, а также отдельные исключения из него.

Под принципами графики, очевидно в силу осмысления внутренней формы самого термина «графика», понимаются прежде всего принципы *написания* фонем, т.е. изображения фонем на письме. Оборотной стороной принципов графики как способов обозначения фонем являются правила чтения, имеющие строгую соотнесенность с разными способами обозначения фонем — если в языке есть несколько разных способов чтения букв, их всегда столько же, сколько разных способов обозначения фонем.

ОСНОВАНИЯ ПРИНЦИПОВ ГРАФИКИ КАК ВОЗМОЖНЫХ ТИПОВ СООТНОШЕНИЯ ЗВУКОВЫХ ЕДИНИЦ И ЗНАКОВ АЛФАВИТА

Однозначная универсальная классификация принципов графики едва ли возможна. Звуковые единицы, находящие обозначение на письме в алфавитных системах письма, могут быть различны: это фонемы, аллофоны, сочетания фонем, слоги — все те единицы, обозначение которых на

письме допускается алфавитным типом письма (иные языковые единицы в алфавитном письме использоваться не могут). Единицы письменной формы языка также могут различаться: это могут быть отдельные графические фигуры, графические фигуры с диакритикой, сочетания графических фигур, причем как явствует из сказанного выше, их алфавитный (буквенный) статус является условным. При этом трудно ответить на такие вопросы, как, например, почему одни и те же графические фигуры или сочетания фигур имеют разный статус в разных алфавитах; почему один и тот же графический знак имеет в разных алфавитах разное звуковое значение (например, буква {c} в турецком языке для обозначения звонкого среднеязычного [dʒ]). То, что звуковое значение графического знака в принципе может быть любым, понятно — графический знак так же произволен по отношению к обозначаемой им единице звукового строя языка, как и любой другой языковой знак по отношению к своему означаемому.

Кроме того, построение алфавитов и систем графики для ранее бесписьменных языков отнюдь не всегда ориентируется на решения, оптимальные с точки зрения теории письма, и объектом последней могут стать алфавиты и графические системы, существующие лишь в стадии проектов или же введенные в действие, но не получившие распространения. В таких случаях имеется возможность суммировать сделанные наблюдения и анализировать закономерности, продиктовавшие то или иное решение в теории (при конструировании алфавита и графических правил) либо на практике (при анализе написаний слов). Изучение материалов графических систем языков народов Севера показывает, что в некоторых случаях мы наблюдаем такое использование отдельных понятий или терминов и такие графические решения, которые не предусмотрены теорией письма на сегодняшний день. В этой ситуации мы стоим перед необходимостью совершенствования понятийного аппарата теории письма с включением в него новых терминов для описания наблюдаемых явлений.

Различные типы соотношений сегментов фонологических и графических последовательностей (звуковой и письменной форм языка) охарактеризованы Л.Р. Зиндером, который, кажется, впервые попытался установить некоторые обобщения в данной области. Он рассмотрел четыре случая соотношения линейных цепочек фонетических и графических единиц: 1) одна буква имеет два и более значений (омография для пишущего и полифония для читающего; например, русское {д} в словах «дом» и «род»); 2) две буквы имеют одинаковые значения (гетерография для пишущего и омофония для читающего; например, русские буквы {д} и {т} в словах «род» и «рот»); 3) сочетание букв обозначает одну фонему (полиграфия для пишущего и монофония для читающего; например, сочетание букв {ль} в слове «соль»); 4) одна буква обозначает сочетание двух фонем (продолжая предложенный Л.Р. Зиндером терминологический ряд, эти случаи по аналогии с предыдущими могут быть охарактеризованы как унография для пишущего и мультифония или дифония (трифония, тетрафо-

ния и т.д.) для читающего; например, русское {щ} в слове «щит») [Зиндер, 1987, с. 77–78].

Характеристика графики языка — это система аллографов всех графем языка, т.е. все способы обозначения фонем, и соотносительная с ней система значений букв и графических знаков, не входящих в алфавит. Единичные, «точечные» и сегментные линейные соотношения фонологических и графических единиц, которые были описаны Л.Р. Зиндером, перечислены выше. Типы соотношения звуковых и графических единиц при рассмотрении системы в целом выглядят следующих образом:

1. Одна графическая единица обозначает две или более фонемы, при этом подобный набор значений не характерен для других графических единиц. Применительно к звуковой стороне языка это означает, что по крайней мере две фонемы имеют одинаковые обозначения на письме. Например: якутская буква {й}, обозначающая неносовой и носовой среднеязычный сонант; хантыйское {л}, обозначающее сразу три латеральных согласных [Верте, 1979]. Подобные наборы значений в названных алфавитах более не повторяются. Данная ситуация в графике четко определяет написание слова по его звучанию, но допускает появление вариантов при чтении. В этом случае возможные варианты написания и чтения слов рассматриваются только с позиций графической системы какого-то одного языка, графика которого и служит объектом описания. Возможность чтения каких-либо написаний слов эвенского языка по правилам графики другого языка, например русского, вообще выходит за рамки теории письма как научной дисциплины. Вне данных рассуждений находится также ситуация, когда пишущий приспосабливает известные ему правила алфавита и графики для записи слов незнакомого ему языка — эти факты должны описываться как проявления языковой интерференции.

2. Несколько графических единиц обозначают по две или более фонемы, при этом набор значений графических единиц является общим для их класса, обозначающего фонемы со сходными дифференциальными признаками, а системы аллографов и значений букв не пересекаются (т.е. две разные фонемы могут обозначаться одной и той же буквой, но в то же время те же фонемы не могут обозначаться двумя одинаковыми буквами, допустим, в разных позициях). Например: русские йотированные гласные *я*, *е*, *ё*, *ю*, а также гласные буквы эвенского и других тунгусо-маньчжурских языков, обозначающие долгие и краткие гласные.

Здесь имеется два случая: а) разные значения букв, или разные аллографы графемы, хотя бы частично являются позиционно или комбинаторно обусловленными (ср. русские буквы *о* и *а* в безударном положении в словах «вода» и «трава», буква *я* в словах «дядя» и «яд»), и среди них существует хотя бы один независимый вариант для фонологической «сильной» позиции (ср. мн. ч. «воды», «травы»), или графической независимой позиции (ср. «ель», «яд», «юг», «ёж»); б) разные значения буквы не являются ни позиционно, ни комбинаторно обусловленными, как например, долгие и краткие гласные в тунгусо-маньчжурских языках или три хантыйских латеральных согласных, обозначаемые одной буквой *л*. Вопрос об

алфавитном/неалфавитном значении буквы в первом случае сообразуется с сильной позицией, в последнем — решается конвенционально; то или иное значение буквы называется алфавитным чисто условно. Первая разновидность частично допускает выбор вариантов при написании, но однозначно определяет чтение всех возможных написаний, вторая — наоборот, характеризуется однозначностью написаний при наличии альтернативы в их чтении.

3. Несколько графических единиц обозначают по две или более фонемы, при этом значения букв пересекаются, т.е. каждая из двух фонем может обозначаться двумя буквами в разных фонологических условиях или графических позициях. Например: русские фонемы <д> и <т>, обозначаемые буквами *д* и *т* в словах «дом» и «отбросить», «том» и «предпраздничный», «род» и «кот». Для этой ситуации также характерны наличие выбора из по крайней мере двух вариантов при написании слова и четкая определенность чтения — разумеется, с той оговоркой, что чтение соответствует нормам произношения и при этом исключаются факты интерференции.

Рассмотрение разных случаев многозначности отдельных букв позволяет установить некоторые возможные типы соотношения значений многозначных букв в пределах фонематического принципа графики и типов написаний — способов обозначения двух или нескольких фонем посредством одного знака (буквы), и тем самым дать более детальную классификацию неоднозначности графических знаков (их способности обозначать более одной фонемы) и множественности способов обозначения одних и тех же фонем на письме:

1) групповой тип написания — обозначение двух фонем одним и тем же знаком;

2) серийно-коррелятивный тип — обозначение двух классов фонем при помощи одного класса графических знаков с одинаковой системой значений;

3) парно-коррелятивный тип — обозначение двух пар фонем одной парой графических знаков. С точки зрения системности этот тип написаний занимает промежуточное положение между двумя названными выше типами. С одной стороны, значения двух букв симметричны, с другой — число пар фонем, обозначаемых одними и теми же буквами, ограниченно двумя — тем минимальным числом, которое придает противопоставлению системный характер.

ИЕРАРХИЯ ЗНАЧЕНИЙ БУКВ. АЛФАВИТНЫЕ И НЕАЛФАВИТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ БУКВ

Как уже говорилось, в алфавитном письме буквы могут иметь не по одному, а по два или более значений. Иными словами, одна буква может в разных позициях или в разных употреблениях обозначать две или более фонем. При этом обычно одно из значений многозначной буквы не является обусловленным какими-либо фонологическими или орфографиче-

скими условиями, а остальные значения реализуются либо в сочетании обозначаемой фонемы с другими фонемами, либо в определенной позиции в слове, либо в сочетании данной буквы с другими буквами [Иванова, 1991, с. 65–76]. Как правило, независимое, позиционно и комбинаторно не обусловленное значение буквы совпадает с ее названием в алфавите (например, для русских гласных букв) или близко к нему (для русских согласных). А.И. Моисеев предложил называть такое значение букв алфавитным [1969, с. 78]. Те значения многозначных букв, которые продиктованы особенностями графики или орфографии, А.И. Моисеев называет графическими (например, значение буквы {я} в слове «мягкий»); значения букв, обусловленные особенностями орфографии (например, значение буквы {о} в слове «вода» или буквы {б} в слове «дуб») этот автор называет орфографическими [Там же]. Однако для классификации значений букв достаточным является разграничение двух статусов их значений — алфавитного и неалфавитного.

Алфавитное значение буквы может определяться следующим образом: 1) это звуковое значение, совпадающее с названием буквы в алфавите или являющееся близким к нему; 2) это значение, разъясняющееся названием буквы в алфавите (ср. русский мягкий знак, алфавитным значением которого является смягчение согласных); 3) это значение, которое может быть связано с одним из компонентов названия буквы (ср. эвен. {ӧ}: звуковым значением этой буквы служит именно пара фонем <ɵ> // <ɵ̄>, а не какие-то другие гласные; точно так же соотносятся со звуковым значением некоторые составные наименования-названия букв с диакритикой в чешском алфавите).

Некоторые авторы предлагают более детальную классификацию значений букв, в которой неалфавитное значение трактуется как являющееся алфавитным для иной буквы (к примеру, значение <а> для русской буквы {о}) и выделяются еще две разновидности значений: а) соотносительное с алфавитным (например, обозначение мягких согласных в русском языке); б) близкое к алфавитному (например, совпадающее с алфавитным, но обусловленное позицией: русское безударное {а} в слове «сарай» или *с* в слове «морс») [Иванова, 1991, с. 74–75]*. Недостатком предложенной классификации является то, что в ней внимание сосредоточено на характере значений какой-либо одной буквы, которые не всегда поддаются обобщению, так как те же типы значений могут и не повторяться у других букв того же алфавита. В формальном аппарате, излагаемом в нашей работе, мы делаем акцент на регулярности, упорядоченности, повторяемости систем значений букв алфавита, поэтому вышеизложенная систематика значений букв является избыточной. В свою очередь, весьма важно подразделение неалфавитных (второстепенных) значений букв на системные, обусловленные регулярными позиционными чередованиями фонем, и несистемные, определяемые нерегулярными фонемными чередованиями или другими причинами [Там же, с. 75].

* Там же см. критические замечания в адрес этой систематики.

Выделенные выше типы написаний — серийно-коррелятивные, парно-коррелятивные, групповые — могут распространяться не на какой-то один класс фонем с общими дифференциальными признаками (как русские твердые и мягкие согласные) или какую-то одну группу фонем с относительно произвольным составом (как якутские среднеязычные сонанты или хантыйские латеральные), но могут охватывать и сразу несколько классов фонем. В русском письме звонкие и глухие, твердые и мягкие смычные согласные обозначаются одной серией букв {б}, {д}, {г} (ср. *дуб*, *голубь*, *дубы*, *голуби*, *год*, *стерлядь*, *годы*, *стерляди*, *рог*, *двурогий*, *рога*). При этом в позиции перед гласным согласные буквы выступают в своих алфавитных значениях. Одновременно с этим гласные фонемы <а>, <о>, <у>, <э> в русском языке обозначаются буквами {а}, {о}, {у}, {э} в позиции начала слова и перед твердыми согласными — в этой позиции данные буквы также употребляются в своих алфавитных значениях. Те же гласные <а>, <о>, <у>, <э> обозначаются буквами {я}, {ё}, {ю}, {е} перед мягкими согласными, причем в слогах типа *мя*, *те*, *се*, *лю* значения как согласных, так и гласных букв являются одинаково неалфавитными. Указанная особенность русской графики, связанная с двумя системами значений согласных и гласных букв, обусловила определение ее основного принципа как слогового [Иванова, 1976, с. 76; 1991, с. 40]. Было бы, на наш взгляд, точнее называть его «синфонематическим», так как связанность значений букв в буквосочетаниях выходит за пределы графического слога типа СГ и охватывает согласные в консонантных сочетаниях типа *мо<u>ст</u>* и *съе<u>зд</u>*, *го<u>сть</u>* и *гво<u>здь</u>*, *<u>скрипеть</u>* и *ра<u>зг</u>ромить*. В таких сочетаниях так же, как и в словах типа «<u>па</u>па» и «<u>дя</u>дя», оба компонента сочетаний букв имеют одновременно либо алфавитные, либо неалфавитные значения. Не случайно А.И. Моисеев называет ведущий принцип русской графики буквосочетательным или позиционным [1969, с. 53; 1987, с. 105].

Все сказанное выше позволяет сформулировать следующую классификацию значений многозначных букв:

1) по соотнесенности названия буквы и обозначаемой фонемы значения букв делятся на **алфавитные** и **неалфавитные**;

2) по условиям реализации того или иного буквенного значения все значения букв могут быть подразделены на **независимые** и **зависимые**. Обычно алфавитным значением буквы является независимое значение, неалфавитными — зависимые. В случае если все значения буквы оказываются независимыми, алфавитное значение выбирается более или менее условно;

3) по характеру распространения того или иного типа многозначности букв в данном алфавите значения подразделяются на **системные** и **несистемные**. Системность значений букв, как нам кажется, служит тем самым признаком, который определяет тот или иной принцип графики, который в этом случае оказывается неким инвариантом системы значений букв алфавита того или иного языка.

Степень последовательности применения фонематического принципа графики определяется следующими параметрами графики языка: 1) соотношение алфавитных единиц (букв) и неалфавитных единиц (знаков с

диакритикой, не входящих в алфавит диграмм и т.п.), используемых для обозначения фонем; 2) количество фонем, имеющих разные графические обозначения; 3) число букв алфавита, имеющих разные звуковые значения; 4) объем пересечений разных способов обозначения фонем и разных значений букв. Именно последняя группа определяет количество тех ситуаций, где возможности графики предоставляют выбор для орфографической нормы, определяющей единственно правильное написание. Как мы видим, из всех сфер графики языка, связанных со способами обозначения фонем на письме и правилами чтения, к орфографии относятся только те случаи, когда само существование вариантов написания слов диктуется особенностями графики, а именно особым типом многозначности букв, при котором их значения могут пересекаться.

Что касается соотношения адекватности передачи звукового облика слов посредством знаков алфавита, здесь возможны три типа ситуаций (оговорим, что описываемые случаи обычно не охватывают графическую систему языка в целом и чаще всего характеризуют ее отдельные фрагменты):

1) фонемы имеют однозначное обозначение на письме, графемы не имеют аллографов, каждая буква имеет только одно значение;

2) некоторые фонемы имеют одинаковое, но однозначное (не имеющее других вариантов) обозначение на письме, наборы аллографов графем, соответствующих данным фонемам, полностью совпадают, буквы алфавита, обозначающие эти фонемы, имеют по два или несколько значений, однако основное (алфавитное) значение букв не связано с фонологической или графической позицией и определяется чисто условно;

3) некоторые фонемы имеют одинаковое обозначение на письме посредством нескольких буквенных знаков, наборы аллографов графем, соответствующих таким фонемам, пересекаются, буквы алфавита, обозначающие такие фонемы, имеют по два или несколько значений. Основное значение букв в данном случае определяется по независимой, «сильной» позиции, обусловленной фонологическими или графическими условиями.

Если говорить об адекватности передачи звукового облика слов средствами графики, то в ситуации первого типа мы имеем систематические однозначные соответствия между фонемами и буквами. В ситуации второго типа адекватность передачи звукового облика слов обусловливается количеством значений букв, обозначающих несколько фонем (чаще всего число значений равняется двум, как в случае с долгими и краткими гласными тунгусо-маньчжурских языков, редко — трем, как с хантыйскими латеральными). В ситуации третьего типа, как это ни парадоксально, соответствие звучания и написания опять приближается к абсолютной точности передачи звукового состава слова на письме.

Если выбор того или иного написания морфемы либо слова при разных способах обозначения фонемы и пересекающихся значениях букв определяется нефонематическими принципами орфографии, то типы написания, заключающиеся в характере значения букв (алфавитное/неалфа-

витное), будут подразделяться на две группы — адекватнофонемные и неадекватнофонемные [Иванова, 1976, с. 191–202; 1977, с. 105–116]. Адекватнофонемное написание — это употребление букв в их основном, алфавитном значении (рус. *трава*, *сарай*, *хвост*), неадекватнофонемное — использование букв в их неалфавитном значении (*вода*, *собака*, *мозг*). Поскольку правила чтения графического облика значимых единиц языка соотносительны с закономерностями сочетаемости фонем, то написание слов «свист» и «визг» в одинаковой мере отражает их звучание (произнесение сочетания звонких согласных в конце русского слова разрушает его звуковую оболочку).

Из сказанного есть важное следствие: графический облик слова может адекватно отражать звуковую оболочку слова даже при неоднозначности обозначения отдельных фонем на письме, при многозначности букв и наличии неадекватнофонемных написаний, так как все неадекватнофонемные написания обусловлены системой значений букв. Сложность пользования алфавитным письмом, имеющим такие особенности, как русское письмо, заключается в том, что звучание слова не определяет его написание, поскольку правописание (нормативное написание) ориентировано на иные языковые единицы — морфемы и слова.

Соотношение понятий графики и орфографии. Основные принципы орфографии

В трудах ученых петербургской школы, занимающихся теорией письма, даются такие определения орфографии:

1. «Орфография — это правила отображения на письме фонемного состава морфем или слов в зависимости от их этимологических или морфологических связей, иными словами — правила написания морфем и слов» [Зиндер, 1979, с. 282].

2. «Орфография — исторически сложившаяся система единообразных написаний, которая используется в письменной речи» [Иванова, 1990, с. 350].

3. «Орфография — слово греческое по происхождению (orthos — прямой, правильный, grapho — пишу) и означает “правописание”, иначе говоря, правильное, соответствующее нормам письмо» [Иванова, 1991, с. 77].

Существенное уточнение понятия «орфография» содержится в книге Л.В. Бондарко с соавт. [1983]. Эти авторы подчеркивают, что «орфография в отличие от графики имеет дело с правилами написания смысловых единиц. Правила орфографии определяют, какие графические возможности должны реализоваться при написании морфем и слов» [Там же, с. 113–114]. То же отмечает Л.Р. Зиндер: «Орфография — это правила оптической передачи средствами графики данного языка его значимых единиц (слов, морфем) с учетом не только плана выражения, но и плана содержания» [1987, с. 58, 75].

В учебниках по теории графики и орфографии обычно называются три основных принципа орфографии, наиболее широко распространенных в разных языках: фонетический, морфологический и традиционный [Иванова, 1976, с. 136].

Л.В. Бондарко с соавт. перечисляют пять принципов орфографии: 1) фонетический, или фонематический, отражающий фонемный состав слов; 2) морфологический, демонстрирующий графическое единство морфем; 3) грамматический, маркирующий морфологические категориальные признаки словоформы, не отражающиеся в ее звучании; 4) традиционный, сводящийся к сохранению написания без учета изменения произношения (и, очевидно, без учета вторичных территориальных и национальных вариантов); 5) дифференцирующий или иероглифический принцип, разграничивающий лексические омонимы [Бондарко и др., 1983, с. 114–115; см. также: Иванова, 1991, с. 112–116; Зиндер, 1996, с. 22–23]. Л.Р. Зиндер излагает примерно ту же классификацию принципов орфографии, однако называет морфологический принцип морфемным, а грамматический — морфологическим [1979, с. 288–289]. В другой своей работе он предпочитает пользоваться определением «морфематический принцип» [Зиндер, 1987, с. 91].

Позже Л.Р. Зиндер предложил несколько иную классификацию принципов орфографии. Она выглядит следующим образом: 1) ***мотивированные*** принципы орфографии, включающие фонематический, морфематический и грамматический принципы; 2) ***немотивированные*** принципы, объединяющие традиционный, дифференцирующий, транслитерационный, транскрипционный и цитатный принципы написания морфем и слов. Данная классификация с учетом факторов, обусловливающих ориентацию того или иного принципа, представлена в табл. 8.

Фонетисты и специалисты по теории письма отмечают, что орфография конкретного языка «строится, как правило, на основе совокупности разных принципов» [Бондарко и др., 1983, с. 115]. Л.Р. Зиндер даже более категоричен в этом отношении: «Орфографии не только старописьменных, но и новописьменных языков должны следовать… не одному принципу, а нескольким. Теоретически это вполне понятно и допустимо, так как возможно разумное сочетание разных принципов, при котором орфография будет рациональной и легкой для изучения» [1979, с. 289–290]. Если же

Классификация

Мотивированные		
фонематический (фонемный)	морфематический (морфемный, морфологический)	грамматический
Звучание слова	Единство графического облика морфемы	Выражение грамматических характеристик слова или словоформы

говорить о том принципе, который определяет орфографическую систему языка, то ее характер обусловлен не исключительностью одного принципа, а соотношением разных принципов орфографии с преимущественным применением одного из них [Иванова, 1976, с. 140].

Как отмечает Л.Р. Зиндер, «рациональная орфография должна быть основана на мотивированных принципах, и прежде всего — на фонематическом и морфематическом …сказать, какой принцип — морфематический или фонематический — более соответствует рациональной орфографии, априори невозможно. …применение дифференцирующего принципа может оказаться целесообразным лишь в редких случаях» [1987, с. 110]. По его же мнению, «слабой стороной транслитерационного, транскрипционного и цитатного принципов орфографии является их немотивированность. Вместе с тем нельзя не признать неизбежности их применения при контактировании языков. В номенклатуре, употребляемой в различных отраслях науки, техники и производства, и особенно в картографии, без транслитерирования или транскрибирования обойтись невозможно» [Там же]. Следует обратить внимание, что транскрипционный, транслитерационный и цитатный принципы орфографии обычно иллюстрируются примерами лексических заимствований или иноязычных имен собственных, иначе говоря, эти орфографические принципы не могут выступать в качестве ведущих принципов орфографии и не распространяются на значительные объемы лексики.

Практически во всех трудах по теории письма подразумевается (но очень редко оговаривается специально), что орфография как система норм и правил написания значимых единиц языка в ее противопоставлении нормативного и ненормативного в написании имеет дело только с теми вариантами написания слов и морфем, которые предусмотрены закономерностями графики данного языка [Зиндер, 1987, 1989; Бондарко и др., 1983, с. 113–114]. Вне компетенции орфографии остаются те модификации графического облика слов и морфем, которые не имеют обусловленности графикой — описки, окказиональные изменения написания слов, спорадическое применение графических средств, принадлежащих иным системам письма (ср. написание названия телекомпании ВИD).

В трудах, посвященных созданию и развитию письменности на языках народов Севера, понимание орфографии, по существу, соответствова-

Таблица 8

принципов орфографии

Немотивированные				
традиционный	дифференцирующий	транслитерационный	транскрипционный	цитатный
Сохранение графического облика слова	Различение слов и форм с одинаковым звучанием (омофонов и омоформ)	Воспроизведение написания иноязычного слова в графике другого языка вне зависимости от его звучания	Воспроизведение звучания иноязычного слова вне зависимости от его написания	Воспроизведение написания иноязычного слова без учета его звучания в заимствовавшем это слово языке

ло понятию графики — под орфографией понималось соотношение фонем и букв алфавита [Алькор, 1931, 1932]. Однако это не мешало установлению довольно жестких орфографических норм правописания. В особенности это касается эвенского языка, где многие из слов получили жестко единообразное написание, даже в том случае, если оно расходилось со звучанием или не соответствовало существующим значениям отдельных букв. Это, например, косвенные формы слова *му* ‘вода’, по нормам правописания требовавшие чередования *у/о*, которое на письме не отражалось; глагол *йнтӯ=* ‘пригонять оленей к юрте’ никогда не писавшийся в виде *энту=* или *енту=* и т.п. Напомним, что блестящий образец собственно орфографической работы на уровне текста — приведение всех форм к единообразному написанию — был дан уже в переводе Евангелия от Матфея и изданиях, подготовленных на его основе. Специфической особенностью орфографических представлений для эвенского и других языков народов Севера в 1930–1950-е годы была их реализация на основе ограниченного количества лексического и грамматического материала, так как объемные словари, включающие по 15–20 тыс. слов, имелись далеко не по всем языкам.

Приведем еще раз определение понятий алфавита, графики и орфографии: «Алфавит — это совокупность расположенных в определенном порядке букв в их связи с фонемами того или иного языка (они предназначены для обозначения фонем данного языка); графика — это правила отображения фонем и их сочетаний буквами данного алфавита без учета смысловых единиц языка (морфем и слов), в которых они встречаются в потоке речи; орфография — это правила отображения фонем и их сочетаний на основе данного алфавита и правил графики, но уже с учетом морфемного состава слова, морфологических связей и отношений, а также (часто) и этимологии слова. Орфография представляет собой исторически сложившуюся систему единообразных написаний» [Иванова, 1996, с. 25–26].

Различение графики и орфографии охватывает разный объем понятий в разных графических системах. Фонематический принцип графики часто предполагает фонематический принцип орфографии (так устроено, к примеру, финское или грузинское письмо). Однако не всегда между принципами графики и орфографии существует жесткая взаимосвязь или взаимообусловленность. Орфография чешского языка, графика которого считается почти идеально отражающей его фонологическую систему, основывается на морфологическом принципе, в результате чего одни и те же фонемы в разных морфемах могут иметь разные графические изображения. Элементы морфологического принципа орфографии присутствуют и в корейском письме, которое также рассматривается как одно из наиболее совершенных в плане соотношения звучания и написания.

Можно сказать, что основное «поле деятельности» орфографии заключено в особых свойствах графики языка: это разные способы обозначения фонем на письме, многозначные буквы, пересекающиеся значения букв и, главное, несоотносительность главных принципов графики и орфографии языка при их ориентации на разные языковые единицы.

ГРАФИКА

ИЗ ИСТОРИИ ЭВЕНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

История письменности для любого языка включает целый комплекс явлений, составляющих предмет различных лингвистических дисциплин, в частности фонетики и фонологии, теории письма в ее разных аспектах, теории литературного языка, диалектологии, отдельных частных разделов социолингвистики. Письменность в своем развитии и функционировании тесно связана с множеством культурных процессов, такими как распространение религиозных вероучений, становление письменных форм словесного искусства, в лингвистическом отношении важным фактором, определяющим направление эволюции письменности на любом языке, является общая языковая ситуация — двуязычие и многоязычие, сосуществование двух или нескольких письменных систем в одном языковом континууме.

Не будет преувеличением сказать, что история письменности на каждом из конкретных языков малочисленных народов Севера еще не написана. Историографические работы на эту тему 1950-х — начала 1980-х годов обычно более подробно рассматривали социальный и культурный аспекты процесса языкового строительства, в них мало внимания уделялось собственно письменной форме языков, а функциональный аспект письменности на языках малочисленных народов — порождение и восприятие письменных текстов, характер письменных текстов, активное и пассивное пользование письменностью в среде носителей языка — чаще не изучался вовсе, хотя отсутствие внимания к этой стороне языковой политики и к языковой деятельности или языковому поведению носителей и пользователей языка предопределило многие сложности современной языковой ситуации у малочисленных народов Российского Севера.

История письменности у эвенов сложна и интересна не только тем, что она уходит своими корнями в XIX в. и начальные ее этапы связаны с миссионерской деятельностью Русской православной церкви среди коренного населения Сибири. В ней отразились и научная деятельность ученых-языковедов конца 1920–1930-х годов, и труд первых учителей родного языка в районах проживания эвенов, и тот вклад в науку о языке, который внесли в нее ученые — эвены по национальности: В.А. Роббек, В.Д. Лебедев, Х.И. Дуткин, а также поэты, писатели и переводчики. История эвенской письменности, динамика изменений графики эвенского языка и ее связь с исследованиями звукового строя языка и описаниями эвенских диалектов, региональные особенности языковой ситуации в отдельных административно-территориальных образованиях, где проживают эвены, использование письменной формы родного языка представителями интеллигенции, практика преподавания родного языка на разных уровнях — все это представляет значительный интерес для таких общелингвистических дисциплин, как теория письма и те разделы социолингвистики, предметом изучения которых является письменный язык.

История письменности у эвенов в XIX — первой четверти XX в.

История появления письменности у эвенов связана с деятельностью русской православной миссии в Сибири, в частности с работой по переводу Священного Писания на различные языки народов Сибири. Любопытно, что с инициативой перевода Евангелия от Матфея на «тунгусский» язык выступил известный деятель Русской православной церкви и ученый-этнограф, языковед И.Е. Вениаминов (Иннокентий), который в то время был архиепископом Камчатским и в ведении которого находилась почти вся территория проживания эвенов (ламутов). Охотский протоиерей Стефан Попов, получивший поручение перевести Евангелие от Матфея на тунгусский язык, для этой работы, как он писал позже, «пригласил из Тауйского форпоста известного, испытанного толмача, отставного станичного старшину Шелудякова, ранее трудившегося со мною еще на поприще служения моего, в течение семи лет, при церкви Тауйской» [Евангелие…, 1984, с. 245]. Перевод Евангелия был выполнен «на чистом наречии тунгусов, кочующих около Тауйских и Ямских берегов» [Там же], т.е. на языке эвенов северо-западной части Охотского побережья. Работа над переводом длилась 3 года и была закончена в 1854 г. [Там же, с. 253], свидетельством чего явилось знакомство с данным текстом И.А. Гончарова, путешествовавшего в то время по Якутии и Дальнему Востоку. Результатами работы по переводу Евангелия от Матфея на эвенский язык стало издание нескольких книг на эвенском языке: «Тунгусский букварь с молитвами» (1858), «Краткий тунгусский словарь» (1859, 1900), Краткий Катехизис и, наконец, собственно Евангелие от Матфея, изданное несколько позднее — в 1880 г. в Казани.

Имеются прямые указания на то, что переписывание оригиналов трех названных книг было делом одной руки — руки священнослужителя Михаила Земякина, служившего причетником Инской церкви с 1853 по 1859 г. и позже до 1879 г. — священником Ямской церкви Благовещения. Известно, что текст Евангелия от Матфея был переписан им же в шести экземплярах и передан в церкви Охотска, Ини, Тауйска, Ямска и Гижиги [Там же, с. 254–255]. Таким образом, распространение письменного текста Евангелия от Матфея на эвенском языке, озвучиваемого во время церковной службы, охватывало почти все эвенское население Хабаровского края и Магаданской области.

Любопытной особенностью графической системы эвенского языка, примененной для издания вышеперечисленных книг, было применение особого графического знака *ҥ* (якутское *ҥ*) для заднеязычного носового сонанта, который, однако, был элиминирован из использования при печатании текста Евангелия от Матфея. При издании Евангелия было устранено также первоначально имевшее место графическое различение взрывного и фрикативного *г*, которое оговаривалось в предисловии [Там же, с. 247, прим.].

В начале XX в. в использовании эвенской письменности, во всяком случае в издании литературы и документов, наступил длительный пере-

рыв, хотя в это самое время в районах проживания эвенов начинают действовать первые школы. Одна из таких школ была основана в конце 1900-х годов в пос. Ола на Охотском побережье (ныне — административный центр Ольского района Магаданской области). Какие-либо сведения об использовании миссионерских изданий в церковных службах за этот период отсутствуют.

После 1917 г. в связи с началом культурного строительства на Севере и созданием сети школ письменная форма эвенского языка начинает функционировать в сфере школьного образования и отчасти при обучении эвенскому языку приезжего населения и специалистов. Учебные пособия по эвенскому языку для начальной школы создаются еще до официального принятия Единого северного алфавита и алфавитов языков народов Севера, разработанных на его основе, — во второй половине 1920-х годов, причем на данном этапе для эвенского языка используется алфавит на кириллической основе. Хотя рукописные материалы, относящиеся к письменной форме эвенского языка этого периода, не сохранились, образцы эвенской письменности представляют два небольших словаря, использовавшиеся большей частью для внешкольного обучения эвенскому языку [Словарь русско-ламутский…, 1926; Орочельский словарь, 1933]. Сравнение написаний эвенских слов в этих словарях с написанием в изданиях Казанской духовной миссии убеждает в том, что между данными графическими формами существует прямая преемственность, хотя один из названных словарей фиксирует камчатский диалект эвенского языка, который в дальнейшем окажет заметное влияние на отдельные явления эвенской графики. Известно, что таким же или похожим алфавитом пользовался Н.П. Ткачик, преподававший эвенский язык в школе пос. Арка Хабаровского края в 1927–1928 гг. Однако по прошествии нескольких лет вся практическая деятельность по развитию письменности на языках народов Севера, осуществлявшаяся до принятия Единого северного алфавита, незаслуженно получила резко отрицательную оценку [Орлова, 1932, с. 103–104].

Единый северный алфавит и письменность эвенов в 1931–1939 гг.

В 1931–1932 гг. для эвенского языка, как и для ряда других языков народов Севера, была официально утверждена письменность на латинской графической основе — адаптированный к конкретному языку вариант Единого северного алфавита (ЕСА), разработанного в свою очередь на базе Нового тюркского алфавита. С 1932 по 1936 г. включительно эта графическая система являлась принятой официально, использовалась при издании школьных учебников, литературы, пособий и лингвистических трудов по эвенскому языку. Насколько мы можем сейчас судить, начертания отдельных знаков в разработанных для конкретных языков письменностях менялись в различных вариантах ЕСА (например, в эвенском языке знак для глухого среднеязычного [ч] выглядел как *C*, хотя для такого согласного предусматривался знак *C* «с хвостом», а знак для звонкого среднеязычного [ʒ], как и для глухого, также не имел «хвоста») [Алькор, 1932].

В основу письменного языка эвенов с самого начала эпохи языкового строительства был положен так называемый ольский говор — говор (диалект) эвенов северной части Охотского побережья. Однако границы распространения этого говора не были в то время окончательно определены: в частности, отсутствовали сведения о его распространении на Чукотке, в континентальных районах современной Магаданской области и на территории, ныне составляющей восточную часть РС (Я). По нашему мнению, такой выбор оказался верным. Данная территориальная формация эвенского языка распространена не только на Охотском побережье, но и в континентальных районах проживания эвенов — на Чукотке, северо-западе Камчатки, в ряде населенных пунктов Охотского района Хабаровского края (пос. Новая Иня), Приколымье и междуречье Индигирки и Колымы (язык эвенов Улахан-Чистайского наслега Момского района (улуса) Якутии). Существенно, что это тот самый диалект, на который был сделан перевод Евангелия от Матфея. Отмеченный факт в плане выбора основы письменного языка выглядит случайностью, но похоже, что это обстоятельство — наличие основы письменной традиции в виде записанного текста — определило некоторые черты графики эвенского языка на латинице, а впоследствии и на кириллице.

Хотя официально принятой для эвенского языка в рассматриваемый период считалась графика на основе Единого северного алфавита на латинице, в средствах массовой информации, издаваемых на местах, использовались два алфавита — латинский и кириллический. Так обстояло дело в выпускаемых на эвенском языке газетах «Айдит орочел» и «Оротты правда», в особенности в последней (до начала 1941 г. было издано более 200 номеров, данные за 1941 г. отсутствуют). Одно время в этой газете левые колонки набирались латинским шрифтом, а правые — русским, затем — наоборот. Насколько можно судить по сохранившимся документам, алфавит на латинской основе сохранялся в употреблении в местной печати вплоть до 1939 г. [Бурыкин, 1991, с. 138]. Совершенно ясно, что использование для эвенского языка двух алфавитов в имевшей место ситуации с освоением русского языка создавало более комфортные условия для пользователей, часть которых успела к тому времени освоить кириллическое письмо, часть — обучиться грамоте на латинском алфавите: позднее, после официальной отмены последнего, такая практика в какой-то мере способствовала сохранению навыков чтения и письма на родном языке вообще.

Анализ письменных источников убеждает в том, что письменность на латинской основе для эвенского языка создавалась в специфических условиях действия разных устных форм эвенского языка, соотносительных с разными диалектами восточного наречия. В результате эвенская графика на базе ЕСА приобрела ряд особых черт, которые в конечном счете должны были сильно осложнить ее использование. Долгота и краткость гласных не получили обозначения на письме, хотя Единый северный алфавит располагал средствами для этого (для обозначения долготы гласных предусматривалось применение дополнительной черты над буквой). Единственным долгим гласным, получившим в эвенской графике отдельный

знак, стал {ӯ}, видимо, вследствие своего особого морфонологического поведения — в ряде грамматических форм слов прослеживалось и специально оговаривалось чередование гласных *и//о*, имевшее место перед слогом с долгим [ӯ] (см. разд. «Из истории изучения фонетики эвенского языка»). Данный гласный обозначался знаком {ӯ} с горизонтальной чертой над буквой (над другими знаками для гласных горизонтальная черта не ставилась, так что в представленном примере она является не диакритическим знаком, а частью начертания буквы). Более того, эта особенность эвенской графики и алфавита была перенесена и на эвенкийский язык [Василевич, 1934, с. 12], где отдельное обозначение долгого [ӯ] при необозначении долготы всех остальных гласных уже ничем не мотивировано. Таким образом, совершенно случайно — по той причине, что над первым эвенским букварем работали студенты-эвены из Быстринского района Камчатки — при создании эвенской графики с использованием ЕСА на письме получила фиксацию одна из черт быстринского (камчатского) диалекта: в других эвенских говорах *у*-образный характер гласного [ө] и чередование *у//ө* либо не столь ярко выражено и не имеет фонологической значимости, либо вовсе не прослеживается. Такая норма графики для эвенского языка была кодифицирована в эвенском букваре, изданном в 1932 г. [Анӈамта төрэн, 1932].

В последующих работах по эвенскому языку, где использовалась эвенская графика на базе ЕСА, несмотря на то что они были ориентированы на иной диалект эвенского языка, более того — на диалект ольских эвенов, составляющий основу литературного языка [Левин, 1935, 1936], применялась та же графическая система с теми же орфографическими нормами, что и представленная в букваре «Анӈамта төрэн». И графика, и орфография эвенского языка этого периода представляли собой по большей части транслитерацию старой миссионерской кириллической письменности, за вычетом долгого [ӯ], для которого был принят особый знак. В орфографии эвенского языка, поскольку принятая графика не имела однозначной соотнесенности с системой фонем, преобладали написания слов, которые можно охарактеризовать как традиционные.

Кириллическая графика эвенского языка, использовавшаяся параллельно с графикой на основе ЕСА, за период до 1937 г. претерпела малозаметные изменения, важнейшим из которых было обозначение звонкого среднеязычного согласного [ʒ] знаком *д* + йотированные гласные — в первой половине 1930-х годов и начале 1936 г. для него использовалось буквосочетание *дж*. Эти изменения графики, наблюдающиеся при анализе сохранившейся печатной продукции на эвенском языке, не имели официальной кодификации.

Эвенская графика на кириллической основе в 1937–1958 гг.

Графическая система эвенского языка, разработанная на кириллической основе, была официально принята 5 июля 1936 г. и введена в практику обучения в начале 1937 г. Основой этой графической системы явился

русский алфавит без дополнительных знаков. Соответственно, возникала необходимость обозначать особым образом среднеязычный звонкий согласный [ʒ], среднеязычный носовой [н’] и заднеязычный носовой [ŋ]. Для обозначения на письме первых двух согласных был задействован слоговой принцип графики по образцу русского письма, последний согласный обозначался диграммой {нг}, имевшей статус буквы примерно до 1947–1948 гг. Дополнительные знаки для гласных [ө] и [ө̄], а также заднерядного [й] и его долгого коррелята, т.е. даже для тех гласных, фонематический характер которых был установлен еще в 1935–1936 гг. В.И. Левиным, не предусматривались.

Вновь принятая система эвенской графики долгое время не имела документальной кодификации, она была зафиксирована только в «Очерке грамматики эвенского (ламутского) языка», написанном В.И. Цинциус [1947].

Однако в действительности история эвенской графики на кириллической основе намного сложнее, чем это представлялось ранее. По причине отсутствия нормирующих ее документов — грамматических очерков, словарей или отдельных разработок правил графики и орфографии — история и эволюция графики эвенского языка может быть прослежена только по имеющимся печатным изданиям. Надо иметь в виду, что изменения графики эвенского языка в этот период касались не алфавита, а только графики (соотношения фонем и букв) и отчасти орфографии (написания отдельных слов). Все изменения эвенского алфавита сводились к тому, что буква-диграмма {нг}, представленная в эвенской графике 1940–1953 гг., после 1945 г. была изъята из алфавита, но затем была опять введена как диграмма в 1954 г. В новых правилах графики эвенского языка, принятых в 1958 г., для фонемы [ŋ] стала использоваться специальная буква {ŋ}.

В 1937 г. вышла в свет новая книга для чтения на эвенском языке — первое учебное пособие на основе кириллической графики [Левин, 1937]. Специфическими особенностями варианта эвенской графики, принятого в названной книге, является то, что заднерядные узкие гласные [й], [й̄] обозначались буквой {и}, дифтонгоид [ᵘа] — буквой {я}. Дифтонгоид [ᵘе] в большинстве слов обозначен буквой {и}, а после переднеязычных — буквой {ы}, гласные [ө] и [ө̄] отображались на письме буквой {у}, а после слогов с долгим [ɔ̄] — буквой {о}.

В 1938–1939 гг. в ряде книг на эвенском языке, изданных в Ленинграде, применялся несколько иной вариант графики. Заднерядные гласные [й], [й̄] обозначались внутри слова буквой {е}, а в начале — буквой {э}, при этом гласный [ᵘа] также обозначался буквой {е}. Данный вариант графики не получил широкого распространения и после 1940 г. в печати не использовался. Гласные [ө] и [ө̄] в этой графической системе эвенского языка обозначались буквой {у} или {ю}, а после слогов с долгим [ɔ̄] — буквой {о} или {ё}.

С 1940 по 1953 г. в учебной и художественной литературе на эвенском языке применялся вариант эвенской графики, представлявший собой, по существу, транслитерацию отмененной графики на латинской основе сред-

ствами русского алфавита. Здесь заднерядные узкие гласные [ӣ], [ӣ̄] и дифтонгоидный гласный [ᵘа] отображались на письме буквой {е}. Обозначение переднерядных гласных [ө] и [ө̄] оставалось таким же, каким оно было принято в графике на латинице: эти гласные изображались буквами {у}, {ю}, в позиции перед слогом со следующим долгим [ӯ] — буквами {о}, {ё}. Данная система эвенской графики была узаконена изданием школьного «Русско-эвенского словаря» Л.Д. Ришес [1950] и «Русско-эвенского словаря», составленного В.И. Цинциус и Л.Д. Ришес [1952], в приложении к которому излагались краткие сведения о способах обозначения фонем на письме с учетом новых данных о составе фонем эвенского языка [Там же, с. 705–707].

В 1952 г. на совещании по проблемам языков народов Севера был поставлен вопрос об усовершенствовании эвенской графики. Было предложено обозначать долготу гласных посредством удвоения соответствующих знаков для гласных, ввести специальные буквенные знаки для обозначения переднерядных гласных [ө], [ө̄] и дифтонгоида [ᵘа] [Новикова, 1952, с. 37–38]. Однако было принято лишь второе из трех высказанных предложений. Тогда же решили ввести знак {ӈ} («н с хвостом») для заднеязычного носового согласного [ŋ].

Некоторые из изменений, предложенных для эвенского алфавита и графики в 1952 г., в частности введение знаков {ө} и {ӈ}, были включены в свод правил правописания и реализованы на практике лишь по прошествии некоторого времени — в 1958–1959 гг.

В 1954 г. был введен в практику обучения и книгоиздания модифицированный вариант эвенской графики, многие особенности которого сохраняются и ныне. Именно данный вариант эвенского алфавита включен в справочник алфавитов языков народов СССР [Мусаев, 1965, с. 49–50], хотя на момент выхода в свет названной книги действовал уже иной эвенский алфавит. В этом варианте графики заднерядные гласные [ӣ], [ӣ̄] изображаются буквой {и}, переднерядные [ө] и [ө̄] — буквами {о} и {ё}, дифтонгоидные гласные [ᵘе] и [ᵘа] — соответственно буквами {е} и {я}, за которыми сохраняется и их употребление в качестве «йотированных», т.е. в сочетаниях согласного [й] с краткими и долгими гласными [а] и [э]. Указанная графическая система, зафиксированная в «Эвенско-русском словаре» В.И. Циницус и Л.Д. Ришес [1957], просуществовала в учебной литературе до 1959 г., но использовалась в издании художественной и общественно-политической литературы в регионах еще в 1960-е годы — с малозначительными местными изменениями типа применения для фонемы [ŋ] знаков {нг} (якутского *нг*) в Якутии или {н’} (*н* с апострофом) в Магадане и отчасти на Чукотке. Локальные варианты этой графической системы не только соотносятся с техническими возможностями местных типографий, но и отражают ситуацию многоязычия эвенов и, частично, пользования письменными языками соседних народов. В газетных материалах, изданных на Чукотке, такая графическая система, соизмеримая с применявшимся вариантом чукотской графики, использовалась вплоть до начала 1993 г. — до внедрения компьютерного набора, где наличествовали

уже все специфические знаки, необходимые для эвенского, чукотского и эскимосского языков.

Соотношение способов обозначения отдельных фонем на письме знаками эвенского алфавита в перечисленных выше вариантах эвенской графики показано в табл. 9.

Таблица 9

Способы обозначения на письме фонем эвенского языка, применявшиеся в 1937–1958 гг.

Буквы	Фонемы			
	1937 г.	1938–1939 гг.	1940–1953 гг.	1954–1958 гг.
Аа	а, ā	а, ā	а, ā	а, ā
Бб	б	б	б	б
Вв	в	в	в	в
Гг	г	г	г	г
Дд	д, ʒ	д, ʒ	д, ʒ	д, ʒ
Ее	э, ē, йэ, йē	и̇, ӣ, э, ē, йэ, йē, иа	и̇, ӣ, э, ē, йэ, йē, иа	э, ē, йэ, йē, ие
Ёё	о, ō, йо, йō	о, ō, йо, йō	о, ō, йо, йō	о, ō, йо, йō
Жж	ж	ж	ж	ж
Зз	з	з	з	з
Ии	и, ӣ, и̇, ӣ, ие	и, ӣ, ие	и, ӣ, ие	и, ӣ, и̇, ӣ
й	й	й	й	й
Кк	к	к	к	к
Лл	л	л	л	л
Мм	м	м	м	м
Нн	н, н’	н, н’	н, н’	н, н’
нг*	ŋ, нг	ŋ, нг	ŋ, нг	ŋ, нг
Оо	о, ō, ө, ө̄, а	о, ō, ө, ө̄, а	о, ō, ө, ө̄, а	о, ō, ө, ө̄
Пп	п	п	п	п
Рр	р	р	р	р
Сс	с	с	с	с
Тт	т	т	т	т
Уу	у, ӯ, у̇, ӯ̇, о, ō	у, ӯ, у̇, ӯ̇, о, ō	у, ӯ, у̇, ӯ̇, о, ō	у, ӯ, у̇, ӯ̇
Фф	ф	ф	ф	ф
Хх	х	х	х	х
Цц	ц	ц	ц	ц
Чч	ч	ч	ч	ч
Шш	ш	ш	ш	ш
Щщ	шч	шч	шч	шч
ъ	ъ	ъ	ъ	ъ
ы	и, й, ие	и, й, и̇, ӣ, ие	и, ӣ, и̇, ӣ, ие	и, ӣ, и̇, ӣ
ь	ь	ь	ь	ь
Ээ	э, ē	э, ē, и̇, ӣ	э, ē и̇, ӣ	э, ē
Юю	у, ӯ, у̇, ӯ̇ о, ō, йу, йӯ	у, ӯ, у̇, ӯ̇, о, ō, йу, йӯ	у, ӯ, у̇, ӯ̇, о, ө̄, йу, йӯ	у, ӯ, у̇, ӯ̇, йу, йӯ
Яя	а, ā, йа, йā, иа	а, ā, йа, йā	а, ā, йа, йā	а, ā, йа, йā, иа

* Буква-диграмма {нг} существовала в эвенском алфавите с 1940 г. Две более ранних версии эвенской графики не имели кодифицированного алфавита, и судить о буквенном статусе диграммы применительно к ним невозможно. После 1945 г. данная диграмма была изъята из эвенского алфавита, хотя буквосочетание *нг* продолжало использоваться в тех же значениях. В 1954 г. диграмма была восстановлена в алфавите в статусе особой буквы. Во всех вариантах эвенской графики вне зависимости от статуса сочетание знаков *н* + *г* имело два значения: обозначало фонему [ŋ] и сочетание фонем *н* и *г* на стыке морфем в сочетаниях типа *ŋин-гаку* ‘собаку для меня’, *ŋэн-гэрэр* ‘они часто ходят’.

Эвенская графика после 1958 г.

Как уже отмечалось, необходимость частичной реформы графики эвенского языка и некоторых других языков народов Севера осознавалась с конца 1940-х — начала 1950-х годов, поэтому соответствующие решения были приняты Совещанием по языкам народов Севера, состоявшемся в Ленинграде в 1952 г. Однако нормативный документ — изложение фонетики, графики и орфографии эвенского языка — был издан только в 1958 г. [Новикова, 1958а], а использование измененной графической системы в обучении эвенскому языку, издании школьных учебников и учебной литературы началось только с 1959 г.

Эвенский алфавит, принятый в 1958 г. и применяющийся до настоящего времени, включает 36 букв: 33 буквы, соответствующие буквам русского алфавита, и 3 дополнительные буквы ({ӈ}, {ө} и {ӧ}), располагающиеся после букв {н} и {о} соответственно. Последний знак представляет собой своего рода графическую пару знака {ё}, и его введение в алфавит и графику эвенского языка обусловлено последовательной реализацией слогового принципа графики при обозначении на письме среднеязычных согласных [ʒ] и [н’] — они изображаются знаками {д} и {н}, обозначающими также соответствующие переднеязычные согласные в сочетании с «йотированными» гласными {я}, {е}, {ю}, {ё}, {и}.

С точки зрения полноты отражения на письме фонематического состава слов, за исключением фиксации долгих гласных, новая графическая система эвенского языка стала существенным продвижением вперед, и заложенное в ней сочетание фонематического и слогового принципов графики реализовано на практике достаточно последовательно. Число случаев, когда чтение отдельных слов отличается от доминирующего значения графических знаков (типа форм *дески* (*диески*, но не *д’эски*) ‘вверх в гору’, *няри* (*н’ᵘари*, но не *н’ари*) ‘молодой человек’), весьма ограниченно: в словарном составе эвенского языка их в общей сложности насчитывается не более десятка. Однако появление знака {ӧ} в эвенской графике можно признать своего рода курьезом. Этот знак, как и «йотированные» гласные, используется только после среднеязычных согласных [ʒ] и [н’]. После согласного [ʒ] переднерядный гласный [ө] встречается лишь в девяти корневых морфемах, после согласного [н’] — также в девяти морфемах, которые приведены далее в табл. 17. При этом надо отметить, что: а) часть таких слов приходится на специфические диалектизмы восточного наречия; б) среди слов, содержащих данную букву, слова с долгим [ө̄] заметно преобладают над словами с кратким гласным [ө]. В непервых слогах эвенских слов сингармоническая пара гласных [о] (заднерядное) // [ө] (переднерядное) встречается только в четырех морфемах: это притяжательные формы 3-го л. ед. ч. винительного падежа, формы с суффиксом вида ослабленного действия *-сӧ-/-сө̄-*, формы с суффиксом имитации действия *-сӧн/-сө̄н* и алломорфы суффикса вида обычного действия после глагольных основ на согласный с переднерядной огласовкой типа *хөррө̄ттэй* ‘обычно уходить’, *тэссө̄ттэй* ‘обычно чистить’ и т.п. Таким образом, на-

писание буквы {ӧ} в суффиксах ограничивается их вариантами с переднерядной огласовкой и конечными [ʒ] и [н’] в основе — примерами типа *хуклэдьдөттэй* ‘обычно спать’, *өкэньнөн* ‘ее молоко’. В принципе буква {ӧ} в эвенской графике может быть признана избыточной: вместо нее, учитывая ограниченное число морфем, где она используется, могла бы с известными оговорками применяться буква {ё}.

Существенное отличие данной системы графики от предшествующих ей вариантов заключается в том, что в действующей эвенской графике знак {ы} стал использоваться для обозначения узких гласных — заднерядных [й], [ӣ] и переднерядных [и], [ӣ] — только после переднеязычного согласного [д], ранее он употреблялся также после согласного [т], манифестируя одновременно отодвинутые назад оттенки узких гласных. По логике правил графики, буква {ы} должна была писаться и после переднеязычного [н], чего, однако, никогда не делалось. Кроме того, уменьшилось число случаев, когда выбор обозначения для гласного диктовался характером обозначаемого согласного (ранее, когда заднерядный [й] обозначался знаками {е} и {э}, эвенское слово *дыл* ‘голова’ писалось как *дэл*).

Применительно к данной графической системе крупным недостатком с точки зрения кодификации действующей эвенской орфографии и тем самым нормализации письменного эвенского языка явилось то, что первый словарь эвенского языка, фиксирующий эту графическую систему и способный выступать в роли орфографического словаря, был издан только в 1988 г. [Роббек и др., 1988], имеет небольшой объем (около 4 тыс. слов) и предназначен для начальной школы, поэтому за пределами школы он просто недоступен для пользователей. Положение с изданиями, кодифицирующими орфографические нормы письменного эвенского языка, усугублено и тем, что вышедший еще в 1957 г. эвенско-русский словарь объемом 10 тыс. слов [Цинциус, Ришес, 1957], получивший широкое распространение (в том числе за пределами школы), до сих пор используется в преподавании эвенского языка и переводческой практике в местах проживания эвенов. Отсутствие словарей, отражающих нормативное написание слов, существенно осложняло формирование у эвенов навыков грамотного письма на родном языке, мешало соблюдению норм эвенской графики и орфографии при издании литературы и работе средств массовой информации.

В 2005 г. под авторством якутских ученых В.А. Роббека и М.Е. Роббек был опубликован «Эвенско-русский словарь» (более 14 тыс. слов) [Роббек, Роббек, 2005], который на сегодняшний день является наиболее полным собранием эвенской лексики. Словарь содержит в основном материалы говоров восточного наречия, но включает и отдельные диалектизмы, относящиеся к западным говорам.

В настоящее время имеются новое издание словаря для начальной школы объемом 4500 слов [Петров, Федоренкова, 2017], тематический эвенско-русский словарь [Кейметинова, 2003] и опыт этнолингвистического словаря [Петров, 2017].

Однако новая графическая система эвенского языка в практическом пользовании первоначально нашла весьма ограниченное применение. В течение длительного времени — вплоть до 1983–1984 гг. — она применялась почти исключительно для централизованного издания учебников, осуществляемого Учпедгизом (с 1964 г. издательство «Просвещение»), поскольку в эти годы издание художественной литературы на эвенском языке в центральных издательствах почти не проводилось.

С начала 1960-х годов в районах проживания эвенов для эвенского языка стихийно вырабатываются местные графические стандарты, в разной степени отличающиеся друг от друга и находящие применение за пределами школьного преподавания — большей частью при издании художественной литературы и в местных средствах массовой информации. В Якутии в указанный период для эвенского языка применяется графическая основа якутского языка — для согласного [ŋ] вместо знака {ӈ} используется якутское {н}, в Магадане для этого же звука в изданиях на эвенском языке применяется знак {н’}, как и в изданиях на чукотском языке. Следует обратить внимание на то, что местные варианты графики эвенского языка приобретают характер надъязыковых стандартов: апостроф использовался в чукотской и корякской графике, лигатура {н} — в якутской, а с 1969 г. — и в юкагирской. Магаданское книжное издательство начало пользоваться полным комплектом литер, соответствующим набору букв эвенского алфавита, только после 1983 г., а чукотская окружная газета «Мургин нутэнут», содержащая страницу на эвенском языке, — лишь с осени 1993 г., после введения компьютерного набора.

Попытки реформы эвенской графики в 1970–1980-е годы

Со второй половины 1970-х годов в Якутии создаются предпосылки для новой реформы эвенской графики с использованием якутской письменности в качестве графико-орфографической основы эвенского языка. Реформа должна была носить достаточно радикальный характер: вводились двойные знаки для долгих гласных, диграммы {дь} и {нь} для среднеязычных согласных, лигатура {н} для заднеязычного носового. Эта графическая система получила лингвистическую кодификацию и была официально принята для эвенского языка правительством Якутии в 1980 г.

Официальным нормативным документом, кодифицирующим данный вариант эвенской графики, должны были стать «Правила орфографии эвенского языка», составленные К.А. Новиковой и В.Д. Лебедевым [1980].

В основу данного варианта эвенской графики были положены якутская графика и якутский алфавит, а ведущим принципом графики, как и в якутском языке, должен был стать фонематический принцип. Составленный авторами проекта алфавит включал 39 букв: использовались все буквы, точнее самостоятельные графические знаки, якутского алфавита за исключением буквы *Y*, при этом место буквы {h} было изменено (в проекте она располагается между буквами {ф} и {х}, в якутском алфавите — после буквы {с}). Буквы {ҕ} (якутское ҕ) и {h} обозначали эвенские звуки,

не имеющие статуса основных оттенков фонем: в эвенском языке смычный и щелевой звонкие заднеязычные являются оттенками одной фонемы — звонкого заднеязычного <г>, а щелевой глухой заднеязычный [х] и фарингальный [h] фонологически не противопоставлены. Долгие гласные обозначались удвоенными знаками, как и в якутском языке, однако соответствующие диграммы не получили статуса букв и в предлагаемый эвенский алфавит не вошли. Диграммы {иэ} и {иа}, служащие для написания дифтонгоидных гласных, статуса отдельных букв также не имели. Среднеязычные согласные [ʒ] и [н'] по аналогии с якутским языком в этом проекте обозначались в виде диграмм — сочетаний знаков {дь} и {нь} и, в отличие от долгих гласных и дифтонгоидов, не включенных в алфавит, были помещены после букв {д} и {н} соответственно.

Одновременно с этим данный вариант эвенской графики, как и графическая система, действующая с 1958 г., не предусматривал специальных обозначений для узких фарингализованных гласных [ӣ], [ӯ], [ӱ], [ӯ], хотя противопоставленность нефарингализованных и фарингализованных узких гласных как самостоятельных фонем, принадлежащих к разным сингармоническим рядам, не подвергалась сомнению и все узкие гласные получили описание в разделе проекта, посвященном системе фонем эвенского языка [Новикова, Лебедев, 1980, с. 14–16]. Иными словами, несмотря на то, что в данном варианте эвенской графики явно проявлялась тенденция к устранению полифонии знаков, авторы отказались от возможности различать узкие нефарингализованные и фарингализованные гласные на письме, хотя это не составляло сложностей — для нефарингализованного [у] подходил графический знак {Y} из якутского алфавита, для нефарингализованного [и] можно было бы использовать знак {і}, встречающийся в ряде письменностей тюркских народов Сибири. Утверждения о том, что в эвенских говорах Якутии фонологическое противопоставление узких гласных, принадлежащих к разным сингармоническим рядам, отсутствует, скорее всего, не соответствуют действительности. По нашим наблюдениям, даже эвены-лингвисты, отрицающие фонологическое различие разнорядных узких гласных в своих трудах, демонстрируют его в собственном произношении. Диалекты эвенского языка, где разнорядные узкие гласные не были бы противопоставлены, нам неизвестны. Для эвенкийского языка вопрос о различении этих гласных, несмотря на наличие специального экспериментального исследования одного из восточных диалектов, остался открытым. Во-первых, констатация тождества оттенков кратких гласных [ă] и [ŏ] в непервых слогах слов (в проекте они обозначаются одной и той же буквой {ы}), последовательно проводимая в рассматриваемом проекте, не нашла подтверждения по результатам слухового анализа; во-вторых, при интерпретации экспериментальных данных была допущена ошибка либо фальсификация экспериментального материала, так как использованные рентгенограммы, якобы показывающей тождество артикуляции кратких гласных [ă] и [ŏ] непервых слогов, были сделаны от разных дикторов [Бурыкин, 1986]; в-третьих, основная масса отступлений от написаний в тех печатных изданиях на эвенском языке, в которых при-

менялась данная графическая система, представляла собой именно написания {а} и {э} (т.е. написания по нормам графики 1958 г.) вместо предлагавшегося проектом использования {ы}.

Для эвенов Якутии, большая часть которых активно владеет якутским языком и пользуется им даже в большей мере, нежели родным языком, такая графическая система, действительно, имела ряд преимуществ — известны индивидуальные случаи пользования ей в неофициальных ситуациях: записи для памяти, самозапись и любительская запись образцов фольклора и т.п. Однако в изложении данного проекта проявилась непоследовательность заложенных в него принципов графики и, что еще важнее, несовершенство теоретического аппарата, необходимого для обоснования изменений: смешение звуков и фонем, знаков алфавита и букв, отсутствие терминов «графика» и «графема», а также разграничения понятий графики и орфографии.

Данная система эвенской графики не встретила одобрения в районах проживания эвенов за пределами Якутии, где она оказалась совершенно непонятной. Этому способствовали три причины: 1) незнакомство восточных эвенов с якутской графикой, в особенности с ее фонетико-фонематическими принципами; 2) наличие достаточно устойчивых представлений о письменной форме эвенского языка, закладывавшихся непрерывным преподаванием эвенского языка в школе и изданием литературы; 3) резкие диалектные различия между восточным наречием и говорами эвенов Якутии на всех уровнях: смена графики и издаваемые тексты, по существу, кодифицировали в среде эвенов Якутии такие грамматические формы и словоупотребление, которые были совершенно непонятны восточным эвенам.

В эти годы в Магаданской области и на Камчатке продолжала использоваться эвенская графика, принятая в 1958 г., хотя и со своими региональными особенностями. Регулярное переиздание учебных пособий для школ способствовало сохранению традиционных норм письменного эвенского языка, по-прежнему ориентировавшегося на говоры восточного наречия. В силу сложившихся обстоятельств разработанная в 1980 г. эвенская графика была официально отменена на территории Якутии в 1987 г. Тем не менее эта система продолжала применяться по крайней мере до 1991 г. при издании книг на эвенском языке уже в статусе одного из вариантов транскрипции для публикации фольклорных текстов.

Образцы разных графических систем эвенского языка

Далее в качестве образцов изменения написания слов в разные периоды истории эвенской письменности мы приводим те слова, которые демонстрируют различия в написании при применении правил графики, действовавших в разные годы (табл. 10).

Кириллографичные написания, применявшиеся до 1932 г., даны по изданию Евангелия от Матфея [1984] и «Краткому тунгусскому словарю» [1990], латинографичные — по «Краткому эвенско-русскому словарю»

Таблица 10

Образцы разных графических систем эвенского языка

Лексическое значение слова	Варианты написания							
	до 1932 г.	1932–1936 гг.	1937 г.	1938–1951 гг.	1940–1953 гг.	1954–1958 гг.	с 1959 г.	1980 г. (проект)
один	*омун*	*итэп*	*умэн*	*умэн*	*умэн*	*умэн*	*өмэн*	*өмын*
два	*дюр*	*d'ur*	*дюр*	*дюр*	*дюр*	*дёр*	*дөр*	*дьөөр*
три	*элан*	*elan*	*илан*	*элан*	*елан*	*илан*	*илан*	*илын*
десять	*мен*	*тер*	*мян*	*мен*	*мен*	*мян*	*мян*	*миан*
поднялся	*хин*	*hin*	*хин*	*хин*	*хин*	*хен*	*хен*	*хиэн*
сейчас	*тык*	*tik*	*тык*	*тык*	*тык*	*тек*	*тек*	*тиэк*
олень	*орон*	*oron*	*орон*	*орон*	*орон*	*оран*	*оран*	*орын*
голова	*дэл*	*del*	*дыл*	*дел*	*дел*	*дыл*	*дыл*	*дил*

В.И. Левина [1936], другие материалы извлечены из соответствующих учебных пособий, литературы и словарей.

Последствия частых и не очень последовательных изменений эвенской графики проявились в процессе развития эвенской письменности двояко. Относительно устойчивые навыки письма на родном или преподаваемом языке при очередной смене правил графики приводили к искажениям графического облика слова либо вследствие использования отмененного написания, либо неадекватной коррекции графики при переиздании текста. Так, в частности, вместо написания *тык* ‘сейчас’ появилось написание *тик*, никогда не существовавшее в эвенской графике. При переработке фольклорных текстов, зафиксированных во второй половине 1930-х годов Н.П. Ткачиком, форма *гиркан* ‘идет’, записанная по нормам графики 1938–1939 гг. как *геркан*, оказалась транслитерированной как *гиаркан*, поскольку графический знак {е} позже применялся для обозначения долгого закрытого [ē] охотских говоров, соответствующего дифтонгоиду [ᵘа] в других говорах эвенского языка. Разный уровень пользования письменной формой эвенского языка по отдельным регионам в разные временные периоды, составляющие 10–20 лет, привел к образованию нескольких региональных вариантов эвенского письменного языка с различными вариантами графики, имевшими официальный статус в разные годы.

Региональные варианты эвенской графики

Как уже отмечалось, с начала 1960-х годов эвенская графика в местных изданиях на территории Якутии используется в несколько модифицированном варианте: вместо знака {ӈ} применяется лигатура {нг}. Одновременно с разработкой нового проекта эвенской графики 1980 г. в практике наблюдались отступления от норм данного проекта, обусловленные, с одной стороны, сохранением отдельных черт графики 1958 г., например таких как обозначение дифтонгоидных гласных с помощью букв {я}, {е}, с другой — интенсификацией воздействия якутской графики: в эвенских текстах появляется знак {Y}, отсутствующий в предлагаемом эвенском алфавите, но используемый в той самой роли, в какой он мог

бы быть применен при рациональном построении проекта и учете эвенско-якутской фонетической интерференции, т.е. для обозначения переднерядного [ӳ]. Любопытно, что спорадически встречается даже написание {YY}, отображающее на письме переднерядный долгий [ӯ] [Эпос…, 1986].

С 1982 г. Магаданское книжное издательство возобновило выпуск литературы на эвенском языке. При отсутствии возможностей для использования стандартного эвенского алфавита с тремя дополнительными знаками, принятого в 1958 г., первоначально применялся знак {н'} для заднеязычного носового [ŋ], вместо знака {ө} — знаки {о} и {у} (причем написание отдельных слов выдерживалось довольно последовательно), вместо знака {ӧ} — знак {ё}. Постепенно в Магаданской области принятая в 1958 г. эвенская графика вошла в обиход в полном объеме, при этом отступления от действующих норм графики в сторону ранее действовавших принципов незначительны. В местных изданиях, как, впрочем, и в учебниках для начальной школы, большинство случаев отступления от норм действующей графики приходится на использование дополнительных знаков, отсутствующих в русском алфавите.

Во второй половине 1980-х годов в Камчатской области начинает издаваться районная газета «Айдит» на эвенском и русском языках, там же в 1988 г. выпущена книга эвенских сказок.

С точки зрения характеристики языковой формации язык этих изданий фактически представляет собой письменную фиксацию быстринского диалекта эвенского языка, поскольку все характерные особенности данного диалекта находят выражение на письме. В перечисленных изданиях применяется весьма своеобразная графическая система, которая заметно отличается от эвенской графики 1958 г. Для нее характерны следующие черты: использование знака {у} вместо {ө}; написание *о* для обозначения долгого переднерядного {ӧ}; употребление знака {ы} после переднеязычных согласных для обозначения отодвинутых назад оттенков узких гласных [ӣ] и [ӯ] во всех слогах и суффиксальных морфемах, в отличие от ранее принятой системы 1937–1959 гг., допускавшей такие написания в основном в первом слоге; обозначение дифтонгоидного гласного [ие] знаками {и/ы} и гласного [иа] знаком {е}; спорадически встречается обозначение заднерядного [ӣ] знаком {е}. Однако эта система имеет и индивидуальные черты: обозначение оттенков кратких [ă] и [ŭ] в непервых слогах знаком {ы} (иногда с заменой знака {а} на {э}); написание {е} после {ч} (возможно, это черта, заимствованная из корякской графики). Написание отдельных слов, даже в тех случаях, когда оно отличается от норм, оказывается достаточно устойчивым. Необходимо отметить, что данная система сохраняет многие особенности кириллической графики эвенского языка 1930–1950-х годов (точнее, это графика 1940–1953 гг.). Указанный факт свидетельствует об устойчивости навыков письма на эвенском языке, приобретенных в 1940–1950-е годы педагогами и представителями интеллигенции, о непрерывности традиции школьного обучения эвенскому языку, а также об относительном удобстве данного варианта графики для носителей этого диалекта в силу того, что он дает возможность фиксиро-

вать на письме диалектные особенности произношения: более открытый характер заднерядного [й], которое в диалектах Камчатки приближается к закрытому [е]. Одновременно у пользователей данным вариантом письменности наблюдается стремление избежать контакта с нормированными формами письменного эвенского языка: школьные учебники эвенского языка используются с коррекцией на местные диалектные явления, а издаваемая в других регионах художественная литература на эвенском языке среди эвенов Камчатки не получает распространения.

С конца 1980-х годов в чукотской окружной газете «Мургин нутэнут» выпускается страница на эвенском языке. При ее издании используется адаптированный к эвенскому языку вариант графики, применявшийся к языкам Северо-Востока, в частности к чукотскому и эскимосскому языкам, в 1950–1980-е годы, в котором единственным дополнительным средством осложнения графических знаков для обозначения особых фонем служил апостроф. Заднеязычный носовой согласный [ŋ] в этой версии эвенской графики изображался как {н'} или {н"} (последнее начертание более типично для машинописных текстов); обозначение гласных оставалось тем же, что и в графике 1954–1958 гг. В полном объеме принятая ныне эвенская графика была введена в обиход на Чукотке лишь в 1993 г. с внедрением в редакциях окружных газет компьютерного набора. Любопытно, что при этом использование дополнительных знаков эвенского алфавита осуществлялось постепенно: почти сразу же после начала применения компьютерного набора вместо прежнего написания [н'] с апострофом или кавычками стала использоваться буква {ӈ}, затем в набираемых текстах «обрела права гражданства» буква {ө} (ранее краткие и долгие задне- и переднерядные гласные [о] и [ө] в местном варианте графики обозначались буквой {о}), в самую последнюю очередь стала употребляться буква {ӧ}. Причиной этого явилось особое расположение дополнительных знаков эвенского алфавита на клавиатуре компьютера — все они были помещены в ее верхнем ряду вместе со вспомогательными знаками и не имели на клавиатуре специальных обозначений.

Изменения в графике эвенского языка, которые могут быть прослежены в письменных документах на этом языке за последнее столетие, позволяют нам сделать интересные выводы социолингвистического характера. Письменная форма языка малочисленного народа во всем многообразии проявлений — от графики и орфографии до порождения текстов — весьма слабо защищена от воли индивидуальных пользователей, количество которых на протяжении всего времени существования письменности весьма ограничено. Число активных пользователей письменной формой языка — тех, кто пишет на этом языке и переводит на него официальные документы и художественную литературу, — составляет небольшой процент от общего числа пользующихся письменностью. И создание письменности, и ее функционирование во всех своих проявлениях — от документальной фиксации письменной формы языка и кни-

гоиздания до обучения чтению на данном языке — представляют собой процессы, находящиеся под контролем отдельных лиц: специалистов-языковедов, знатоков языка или его этнических носителей, при этом уровень языковой компетенции этих лиц отнюдь не коррелирует с признаком принадлежности к данному этносу. Практика показывает, что языковые процессы, связанные с более или менее интенсивным пользованием письменной формой языка, являются легко управляемыми извне (со стороны образовательных структур, творческих союзов и издательств, отчасти административных структур) и во многом зависят от социальной конъюнктуры, меняющейся с течением времени. Такие факторы, как ситуация национально-русского двуязычия или многоязычия, стихийная выработка региональных надъязыковых графических стандартов (использование одинаковых дополнительных знаков для нескольких не обязательно родственных языков), образовательный уровень массы пользователей языка и традиции школьного обучения, играют большую роль в активном функционировании письменности и происходящих в ней изменениях.

В социолингвистическом плане применительно к письменности на языках малочисленных народов следует отметить следующие явления. Это фактическое тождество «письменного» и «печатного» языков, почти полное отсутствие проявлений спонтанной письменной речи, узость круга письменных документов. Понятия «литературный язык» и «письменный язык» в отношении данных языков тождественны, поскольку проявления нормированной устной формы таких языков отсутствуют: использование устной формы на местном радио и телевидении тут не составляет исключения.

Большое влияние на письменность малочисленных народов оказывает степень изученности звукового строя и фонемного состава языка, однако неменьшую значимость для кодификации письменности и активизации ее использования имеет в этих случаях применение современного аппарата теории письма. Последнее позволило бы в приложении к многим языкам разрешить такие вопросы, как соотношение фонем и их оттенков, различие между знаками кириллической системы письма и буквами алфавита конкретных языков, целесообразность строгого следования определенным принципам графики и орфографии или отхода от них, упрощающего пользование письменной формой языка и обучение письму, не в последнюю очередь — понимание того, что способы адекватного представления звукового облика слов могут быть различными и не сводятся к однозначному соотношению звуков и букв. Выработка и применение единого метаязыка для описания алфавитов и графических систем языков малочисленных народов Севера представляет собой важную научную и практическую задачу, требующую оперативного решения. Кроме того, сложилась такая ситуация, где на первый план выступает необходимость кодификации норм письменного языка в виде свода эксплицированных правил графики, а также объемных национально-русских и русско-национальных словарей, которые включали бы по 18–25 тыс. слов.

АЛФАВИТ И ГРАФИКА ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА

Алфавит

Современный эвенский алфавит состоит из 36 букв:

Аа, Бб, Вв, Гг, Дд, Ее, Ёё, Жж, Зз, Ии, й, Кк, Лл, Мм, Нн, Ӈӈ, Оо, Өө, ӧ, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Фф, Хх, Цц, Чч, Шш, Щщ, ъ, Ыы, ь, Ээ, Юю, Яя.

В основу эвенского алфавита положен русский алфавит, в который добавлено три буквы: *ӈ*, *ө*, *ӧ*. Две буквы из трех изображают те фонемы, которые не имеют аналогов в русском языке, буква *ӧ* обозначает гласные [ө] и [ө̄] в положении после среднеязычных согласных и тем самым дополняет ряд букв, называемых в работах по русской графике йотированными гласными.

В соответствии с имеющейся тенденцией, общей для подавляющего большинства алфавитов на кириллической основе, буквенные знаки, которые представляют собой модификации букв русского алфавита, в алфавитах языков народов России занимают положение непосредственно после той буквы, начертание которой было изменено или осложнено. Следовательно, в эвенском алфавите буква {ӈ} помещается после {н}, буква {ө} — после {о}, а буква {ӧ} — после {ө}. Подобный принцип заложен и в русском алфавите, где буква *ё* располагается после *е*, а буква *й* — после *и*.

Эвенский алфавит, как и алфавит любого другого языка, характеризуется следующими признаками: 1) строго определенный набор графических знаков, имеющих статус алфавитных единиц, а именно букв; 2) строго определенный порядок расположения букв; 3) совокупность специальных лексических единиц — названий букв.

По поводу названий букв в алфавите В.Ф. Иванова пишет: «Названия букв очень существенны в системе письма. По названиям букв читаются аббревиатуры; важно учитывать названия букв при формулировке орфографических правил; нужно, чтобы и в школьных учебниках указывались те названия букв, которые отвечают общей теории письма» [1991, с. 20]. К сказанному стоит добавить, что напоминание о названиях букв должно дисциплинировать потенциальных реформаторов алфавитов и графики всех новописьменных языков, обычно предлагающих новые графические фигуры, которые так и не получают собственного буквенного наименования.

К сожалению, при разработке алфавитов для младописьменных языков малочисленных народов Севера не только в 1930-е годы, но и в наше время отнюдь не всегда учитывались многие теоретические вопросы, связанные со статусом и обозначением единиц письма. Нерешенность вопроса о статусе графических знаков с диакритикой (знаков для долгих гласных, некоторых знаков для согласных) привела к тому, что почти во всех алфавитах такие знаки механически включаются в алфавит и получают статус особых букв. Почти никогда при включении алфавита какого-либо языка в описательную грамматику, учебное пособие или словарь не обсу-

ждался вопрос о названиях букв данного алфавита, что представляется далеко не безразличным, если в алфавит включаются какие-то специфические знаки, ныне присутствующие во всех языках народов Севера. Иногда предлагаемые названия букв оказываются более чем неудачными: так, при описании долганского алфавита буква {i} получила наименование «фита», а буква {Y} названа «ижица» [Наделяев, 1982, с. 44]. Отдаленное сходство с буквами церковно-славянской кириллицы, не имевшими индивидуального звукового значения, не может служить наименованием букв действующего алфавита, в котором звуковое значение этих букв является единственным, к тому же приведенные названия не раскрывают звукового значения данных долганских букв.

В основном названия букв эвенского алфавита повторяют наименования соответствующих букв русского языка (табл. 11). Название буквы {ӈ}, обозначающей заднеязычный носовой сонант, соответствует названиям других носовых согласных, начинающихся с гласного «э», название буквы {ө} соответствует обозначаемому ей звуку. Название буквы {ӧ} характеризует внешнюю сторону графического знака, поскольку данная буква не имеет индивидуального звукового значения, а возможное название «йө» не соответствует закономерностям фонетической структуры эвенских слов, поскольку начальный согласный [й] для эвенских слов не характерен и само сочетание фонем [й + о] встречается в ограниченном числе грамматических форм в неначальных слогах.

Названия йотированных букв *я*, *е*, *ё*, *ю*, включаемых в алфавит эвенского языка, заимствованы из русского алфавита. Это сделано из соображений единообразия: в принципе возможно было называть букву {я} как «иа», букву {е} как «ие», но тогда буквы {ё}, {ю}, {ӧ} потребовали бы таких названий, которые не соответствовали бы их звуковым значениям.

Для эвенского алфавита будет актуальным вопрос о том, какие именно звуковые значения букв представлены в названиях гласных букв, поскольку одни и те же буквы изображают на письме как долгие, так и краткие гласные, а буквы {и} и {у} — еще и пары нефарингализованных и фарингализованных узких гласных. В названиях букв {а}, {э}, {о}, {ө} и

Таблица 11

Буквы эвенского алфавита и их названия

Буква	Название	Буква	Название	Буква	Название
Аа	а	Лл	эл	Фф	эф
Бб	бэ	Мм	эм	Хх	ха
Вв	вэ	Нн	эн	Цц	цэ
Гг	гэ	Ӈӈ	эӈ	Чч	чэ
Дд	дэ	Оо	о	Шш	ша
Ее	е	Өө	ө	Щщ	ща
Ёё	йо	ӧ	ө с точками	ъ	твердый знак
Жж	жэ	Пп	пэ	ы	ы
Зз	зэ	Рр	эр	ь	мягкий знак
Ии	и	Сс	эс	Ээ	э
й	й	Тт	тэ	Юю	ю
Кк	ка	Уу	у	Яя	я

соответствующих им йотированных гласных букв представлены краткие гласные, в названиях букв {и} и {у} — краткие нефарингализованные гласные, т.е. [й] и [ў]. Разумеется, это условность — ничто не препятствует считать алфавитным значением буквы именно обозначение долгих гласных. Но долгие гласные встречаются в эвенских словах заметно реже, чем краткие, а заимствованные из русского языка слова с узкими гласными типа *мир*, *труд* в эвенском произношении имеют тенденцию к приобретению переднерядной огласовки.

Графика

Графика эвенского языка строится на основе фонематического принципа. При фонематическом, или фонемном, принципе, как правило, каждая фонема обозначается на письме графемой, которая имеет только один аллограф, соответствующий одной букве алфавита, чаще всего состоящей из одной графической фигуры. Однако известно, что в чистом виде фонематический принцип графики в конкретных языках реализуется очень редко. Во-первых, сама внутренняя структура языка, предполагающая многозначность любых знаковых элементов языковой структуры на всех уровнях, создает предпосылки для отсутствия взаимно-однозначных соответствий между фонемами и буквами. Во-вторых, ограничения на взаимно-однозначные соответствия между единицами звуковой материи и единицами письменной формы языка избавляют письменную форму языка от метаязыковой функции — функции фонологической транскрипции, адекватно передающей звучание, что в повседневной коммуникации оказывается избыточным. Поскольку из огромного количества языков с буквенной письменностью почти нигде письменная форма языка не представляет собой точную фонологическую транскрипцию, и в эвенской графике имеется ряд отступлений от этого принципа.

Описание графики любого языка включает описание способов обозначения всех его фонем на письме, составляющее описание системы графем в том понимании, какое представлено в трудах Л.Р. Зиндера, и описание системы значений букв алфавита данного языка. Такое понимание графики и такой объект ее описания представлены в трудах Л.В. Щербы применительно к французскому языку [1963] и в трудах Л.Р. Зиндера по немецкому языку [1997, с. 168–176].

Объектом описания при характеристике способов обозначения фонем на письме являются все возможные обозначения фонем, вариантность которых определяется фонологическими позициями или закономерностями сочетаемости фонем. Здесь же могут рассматриваться факультативные способы обозначения фонем в тех или иных сочетаниях, не связанные с фонемной комбинаторикой и определяемые письменной традицией (случаи, которые Л.Р. Зиндер называет факультативными вариантами графемы). Сюда же относятся те относительно редкие случаи, когда разные графические знаки изображают разные аллофоны одной фонемы: эта ситуация не учитывается при определении принципов графики в алфа-

витном письме как нетипичная и не отвечающая идее алфавитного письма. Все известные на сегодня случаи дифференцированного обозначения аллофонов одной фонемы представляют собой примеры из искусственных, специально созданных алфавитов, исключение составляет графика тюркских языков на основе арабского алфавита, где различение заднерядного *q* и переднерядного *k*, не являющихся разными фонемами в тюркских языках, способствовало сохранению количества букв в алфавите. Различение этих аллофонов согласного *к* в тюркских языках было механически перенесено из арабской графики в тюркскую графику на основе латинизированного алфавита, а из нее — в современную графику тюркских языков. Обозначение щелевого *г* в эвенском языке знаком {ƃ} в проекте К.А. Новиковой и В.Д. Лебедева также обусловлено, с одной стороны, намерением приблизить написание к звучанию, с другой — неосмысленным стремлением сохранить большую часть знаков исходного алфавита.

Объектом описания при характеристике системы значения букв — правил чтения — являются все составляющие собственно графического репертуара языка: буквы алфавита и графические знаки с небуквенным статусом, правила чтения которых неотъемлемы от правил их употребления. Здесь возможная вариантность чтения одних и тех же графических знаков, или, что то же самое, разброс значений букв и небуквенных знаков, определяются собственно графическим контекстом, т.е. правилами сочетания графических знаков, которые не всегда совпадают с законами сочетаемости фонем. В этом же разделе графики описываются различные исключения из правил чтения, образующиеся в результате иерархии действия правил чтения отдельных знаков.

Например: согласно правилам графики эвенская фонема [з] обозначается буквой {д}, после которой для обозначения гласных используются буквы {я}, {е}, {ё}, {ӧ}, {и}, {ю}. Согласно правилам чтения, буква {д} после гласных {я}, {е}, {ё}, {ӧ}, {и}, {ю} читается как [з]. В свою очередь, буквы {я} и {е} в начале слова и после любых согласных, в том числе после букв {д} и {н}, читаются как [ʲа] и [ʲе]. Однако в нескольких словах типа *нямнит* ‘тальник’ и *дески* ‘в гору’ срабатывает не первое правило, определяющее чтение указанных согласных букв, а второе, определяющее чтение данных гласных букв в позиции после любого согласного, в том числе в редких случаях — и после среднеязычных согласных [з] и [н’].

Со времени появления книги Л.В. Щербы «Фонетика французского языка» [1963] изложение графики языка представляется в следующем порядке: «от звука к букве» — способы обозначения фонем на письме, затем «от буквы к звуку» — правила чтения букв. Л.Р. Зиндер не так давно предложил обратный порядок описания графики — в его научном труде правила чтения букв предшествуют описанию системы аллографов, т.е. разных способов графического изображения фонем [1997, с. 168–176]. Поскольку обычно описание системы фонем предшествует описанию системы значений букв, нам представляется более удобным для изложения тот порядок, который использован в работе Л.В. Щербы.

Итак, в эвенском языке гласные и согласные фонемы обозначаются на письме следующим образом (табл. 12, 13).

Таблица 12

Обозначение эвенских гласных фонем на письме

Фонема	Позиция	Обозначение на письме	Примеры	Примечания
а, ā	во всех случаях, кроме положения после согласных [ʒ] и [н']	а	*адал* [*адал*] ‘сеть’, *аŋар* [*аŋāр*] ‘коповище’, *аŋан* [*āŋāн*] ‘открыл’, *анŋаттан* [*āнŋаттан*] ‘ночует’	—
	после [ʒ] и [н']	я	*дябда* [*забда*] ‘змея’, *дял* [*зāл*] ‘родные’, *ням* [*н'ам*] ‘теплый’, *няма* [*н'амā*] ‘сто’, *идя* [*йзā*] ‘холодный ветер’, *оняддан* [*он'аддан*] ‘рисует’	чаще всего в первом слоге слова
э, ē	во всех случаях, кроме положения после согласных [ʒ] и [н']	э	*эрэгэр* [*эрэгэр*] ‘всегда’, *эвтэ* [*эвтэ*] ‘легкое’, *инмэ* [*инмэ*] ‘игла’, *элгэн* [*ēлгэн*] ‘ведет в поводу’, *дэтлэ* [*дēтлē*] ‘крыло’	—
	после [ʒ] и [н']	е	*дей* [*зэй*] ‘лезвие’, *нейкэ* [*н'ēйкē*] ‘светильник’, *худепу* [*хузēпу*] ‘с белой губой’, *негчэне* [*н'эгчэн'ē*] ‘черный, темный’, *эгден* [*эгзēн*] ‘большой’	чаще всего в первом слоге слова
о, ō	во всех случаях, кроме положения после согласных [ʒ] и [н']	о	*оран* [*оран*] ‘олень’, *одни* [*ōдни*] ‘он стал’, *ŋиннон* [*ŋйннōн*] ‘его собаку’, *хорроттан* [*хорроттан*] ‘попадается’, *гасодаку* [*гасōдāку*] ‘возьму-ка я’	в непервом слоге слова всегда [ō]
	после [ʒ] и [н']	ё	*дёл* [*зол*] ‘камень’, *дё* [*зō*] ‘желчь’, *нёка* [*н'окā*] ‘якут’, *нёри* [*н'ōри*] ‘посох’, *нёг* [*н'ōг*] ‘узда, вожжи’, *удьдён* [*уззōн*] ‘его след’, *бодадьдёттан* [*бодаззōттан*] ‘всегда следует’, *гаваньнётта* [*гаван'н'отта*] ‘иногда берут’	в непервом слоге слова всегда [ō]
ө, ө̄	во всех случаях, кроме положения после согласных [ʒ] и [н']	ө	*бөкэс* [*бөкэс*] ‘лед’, *бөдэл* [*бө̄дэл*] ‘нога’, *дөр* [*дөр*] ‘вкладыш в колыбель’, *нө* [*нө̄*] ‘младший брат/сестра’, *нөкэчэн* [*нөкэчэ̄н*] ‘лось’, *миррөн* [*мйррө̄н*] ‘его плечо’, *дебсөли* [*зэпсө̄ли*] ‘ешь’	в непервом слоге слова всегда [ө̄]
	после [ʒ] и [н']	ё	*дёр* [*зё̄р*] ‘два’, *нёчэ* [*н'ё̄чэ̄*] ‘трава’, *дёлбэр* [*зё̄лбэр*] ‘мягкий’, *нён* [*н'ё̄н*] ‘вышел’, *нёлтэн* [*н'ё̄лтэн*] ‘солнце’, *нёркэн* [*н'ё̄ркэн*] ‘4-летний олень’, *дёкэн* [*д'ё̄кэн*] ‘выд-	встречается примерно в 20 морфемах; чаще долгое, чем краткое: в непервом слоге слова только [ō]

Окончание табл. 12

Фонема	Позиция	Обозначение на письме	Примеры	Примечания
			ра’, *нөмэн* [*н’ө̄мэ̄н*] ‘отощал’, *өкэньнён* [*өкэн’н’ө̄н*] ‘ее молоко’	
и, ӣ, и̇, ӣ̇	во всех позициях, кроме позиции после {д}	и	*бипкэ* [*бипкэ*] ‘крепкий’, *бини* [*бини*] ‘жизнь’, *билга* [*би̇лга*] ‘горло’, *инӈат* [*и̇нӈат*] ‘шерсть’, *ин* [*ӣн*] ‘вошел’, *ин* [*и̇̄н*] ‘толстая кишка’, *илран* [*илран*] ‘встал’, *имканни* [*и̇̄мка̄нни̇*] ‘прицелился’, *интур* [*и̇̄нтӯр*] ‘пригнали оленей к юрте’	реализуется как долгий переднерядный в нескольких десятках морфем, как долгий заднерядный — менее чем в десяти словах
	после {д}	ы	*дыликэн* [*диликэ̄н*] ‘муха’, *дыл* [*ди̇̄л*] ‘голова’, *гадын* [*гади̇̄н*] ‘он взял’, *хуклэддын* [*хуклэ̄ди̇̄н*] ‘он спал’, *дюды* [*зӯди̇̄*] ‘у себя дома’	в непервом слоге слова используется редко; встречается в ограниченном числе морфем
у, ӯ, у̇, ӯ̇	во всех позициях, кроме позиции после согласных [з] и [н’]	у	*улрэ* [*улрэ*] ‘мясо’, *урумкун* [*урумкун*] ‘короткий’, *унӈэ* [*ӯнӈэ*] ‘запах’, *урта* [*у̇рта*] ‘кора’, *кучу* [*кӯчу̇̄*] ‘спальный мешок’, *илум* [*и̇̄лу̇̄м*] ‘чум’	—
ᵘе	во всех позициях	е	*енӈэ* [*ᵘенӈэ*] ‘язык’, *екэ* [*ᵘекэ̄*] ‘котел’, *мен* [*мᵘен*] ‘заблудился’, *мернэн* [*мᵘернэн*] ‘вышла замуж’, *некичэн* [*нᵘекичэ̄н*] ‘утка’, *хен* [*хᵘен*] ‘появился’, *чиввек* [*чиввᵘек*] ‘журавль’, *нюӈэнмер* [*н’уӈэнмᵘер*] ‘шестьдесят’	после переднеязычных [д] и [н] встречается в единичных словах: *дески* [*дᵘески*] ‘в гору’, *делэ* [*дᵘелэ̄*] ‘вверху по склону’, *денук* [*дᵘенук*] ‘сверху со склона’, *нергэт* [*н’ᵘергэ̄т*] ‘пушица’
ᵘа	во всех позициях	я	*ясал* [*ᵘасал*] ‘глаз’, *яс* [*ᵘас*] ‘осыпь’, *мян* [*мᵘан*] ‘десять’, *мялран* [*мᵘалран*] ‘проснулся’, *бясаг* [*бᵘасак*] ‘полог’, *бяг* [*бᵘаг*] ‘луна’, *хят* [*хᵘат*] ‘тальник’, *кабяв* [*кабᵘав*] ‘куропатка’, *иланмяр* [*иланмᵘар*] ‘тридцать’	после [д], [з], [н], [н’] встречается в единичных словах: *нямнит* [*нᵘамни̇̄т*] ‘тальник’, *дят* [*зᵘат*] ‘опавшие листья’

Таблица 13

Обозначение эвенских согласных фонем на письме

Фонема	Позиция	Обозначение на письме	Примеры	Примечания
б	во всех позициях	б	*бөкэс* [*бөкэс*] ‘лед’, *абал* [*абал*] ‘мало’, *абгар* [*абгар*] ‘здоровый’, *арбати* [*арба̄ти̇̄*] ‘отлив’, *эб* [*эб*] ‘влага’	—

Продолжение табл. 13

Фонема	Позиция	Обозначение на письме	Примеры	Примечания
п	во всех позициях	п	*пэктэрэвун* [*пэктэрэ̄вун*] ‘ружье’, *кэвэпу* [*кэ̄вэ̄пу*] ‘с белой челюстью’, *дапту* [*да̄пту̇*] ‘устье реки’, *дэрпэк* [*дэрпэк*] ‘сосед (дальний)’, *хэгэп* [*хэгэп*] ‘соболь’	между гласными встречается в диалектных словах: зап. *упэ* [*упэ̄*] ‘бабушка’, вост. *кӧпэ* [*кӧпэ̄*] ‘ложка, ковш’
д	во всех позициях	д	*далра* [*далра*] ‘вкусный’, *дӧмуэ* [*дӧ̄муэ*] ‘земля, суша’, *адал* [*адал*] ‘сеть’, *гиркаддан* [*гиркаддан*] ‘идет’, *кэрдэ* [*кэрдэ̄*] ‘кожемялка’, *гид* [*гид*] ‘копье’, *гуд* [*гӯд*] ‘высокий’	—
т	во всех позициях	т	*таттан* [*таттан*] ‘научился, привык (об оленях)’, *этикэн* [*этикэ̄н*] ‘старик’, *асаткан* [*аса̄тка̄н*] ‘девушка’, *урта* [*у̇рта*] ‘кора’, *гит* [*гӣт*] ‘голубика’	—
з	перед гласными	д + я, е, ё, и, ю, ӧ	*дялса* [*залса*] ‘слюна’, *дял* [*за̄л*] ‘родственники’, *дилики* [*зилики*] ‘горностай’, *дёӈчин* [*зӧ̄ӈчин*] ‘помнит’, *дю* [*зӯ*] ‘дом’, *дёр* [*зӧ̄р*] ‘два’, *худянра* [*хузанра*] ‘форель’, *худепу* [*хузэ̄пу*] ‘с белой губой (об олене)’	—
	перед согласным [з]	д	*гиркаддин* [*гирказзин*] ‘пойдет’	см. разд. «Нерешенные вопросы эвенской орфографии»
	перед согласными и в конце слова	дь	*гиркадьдёттан* [*гӣрказзӧ̄ттан*] ‘бродит’, *хуклэдьдӧттэн* [*хуклэ̄ззӧ̄ттэн*] ‘спит’, *удь* [*у̇з*] ‘след’, *хӧлнэдь* [*хӧлнэ̄з*] ‘гость издалека’, *хотудь* [*хотуз*] ‘проводник’	—
ч	во всех позициях	ч	*чачас* [*ча̄ча̄с*] ‘песец’, *эчин* [*эчин*] ‘так’, *нэкчиддэн* [*нэ̄кчиддэн*] ‘держит в амбаре’, *инмэгчин* [*инмэгчин*] ‘как игла’, *хоч* [*хо̄ч*] ‘очень’, *эвэч* [*эвэ̄ч*] ‘веселый’	перед согласными не встречается
г	во всех позициях	г	*гар* [*гар*] ‘сучок’, *хиги* [*хи̇ӷи̇*] ‘лесная чаща’, *хигрэн* [*хиӷрэн*] ‘освежевал’, *халган* [*халган*] ‘ступня’, *тог* [*тоӷ*] ‘огонь’	аллофоны [г] и щелевое [ɣ] на письме обозначаются одинаково
к	во всех позициях	к	*калим* [*қалим*] ‘кит’, *кэрдэ* [*кэрдэ̄*] ‘кожемялка’, *акан* [*ақан*] ‘старший брат’, *экэн* [*экэн*] ‘старшая сестра’, *тикрэн* [*тикрэн*] ‘упал’, *эньки* [*эн’ки*] ‘ножны’, *гилрак* [*гил-*	аллофоны [к] и увулярное [q] на письме обозначаются одинаково

Продолжение табл. 13

Фонема	Позиция	Обозначение на письме	Примеры	Примечания
			раӄ] ‘рабочий олень’, *хэвэк* [*хэвэк*] ‘священный олень’	
с	во всех позициях	с	*исаг* [*йсаг*] ‘лес’, *амаски* [*амаски*] ‘назад’, *хөкси* [*хөкси*] ‘горячий’, *ис* [*йс*] ‘шкура’	в начале слова не встречается
х	в начале слова	х	*хан* [*хāн*] ‘знает’, *халка* [*халка*] ‘молоток’, *хаман* [*хамāн*] ‘шаман’	в других позициях не встречается
в	во всех позициях	в	*ивас* [*йвас*] ‘шуга’, *эвикэ* [*эвикэ̄*] ‘игрушка’, *хивин* [*хйвйн*] ‘погасил’, *иврэн* [*йврэн*] ‘внес’, *кабяв* [*кабʷав*] ‘куропатка’	в начале слова не встречается
р	во всех позициях	р	*аран* [*аран*] ‘едва’, *аркан* [*аркан*] ‘воткнул’, *бакран* [*бакран*] ‘нашел’, *эмэр* [*эмэр*] ‘острый’	в начале слова не встречается
л	во всех позициях	л	*илан* [*йлан*] ‘три’, *йлран* [*йлран*] ‘встал’, *төрлэ* [*төрлэ̄*] ‘на земле’, *хил* [*хил*] ‘бульон’	в начале слова не встречается
й	после гласного перед согласными и в конце слова	й	*кайки* [*кайкй*] ‘водоросли’, *хуйкун* [*хуйкун*] ‘вилка’, *хэйкэ* [*хэйкэ*] ‘мелкая рыбешка’, диал. *майтан* [*майтāн*] ‘платок’, *майкан* [*майкāн*] ‘палатка’, *дей* [*ʒэй*] ‘лезвие’, *хавай* [*хāвāй*] ‘знающий’, *омӈаййётан* [*омӈаййōттан*] ‘забывает’	в начале слова не встречается
	между гласными перед [а], [ā]	я	*аявран* [*айāвран*] ‘любит’, *мая* [*māйā*] ‘запас’, *дюмия* [*ʒӱмийа*] ‘остатки юрты’, *атикакая* [*атикākайā*] ‘(та) старуха’	перед [о], [ō], [ө], [ө̄] непосредственно после гласных не встречается
	между гласными перед [э], [э̄]	е	*хэе* [*хэ̄йэ̄*] ‘макушка’, *эеки* [*эйэ̄ки*] ‘вниз по течению’, *этикэкэе* [*этикэ̄кэйэ̄*] ‘(тот) старик’	—
	между гласными перед [у], [ӯ], [ӱ], [ӱ̄]	ю	*уюн* [*уйун*] ‘девять’, *буюн* [*буйун*] ‘дикий олень’, *хаюптан* [*хайӱптан*] ‘сломался’, *гоюнни* [*гойӱнни*] ‘ранил’, *тиюн* [*тийун*] ‘посох’	—
	перед [и], [ӣ], [й], [й̄]	не обозначается	*хаир* [*хайир*] ‘перчатки’, *эиргэ* [*эйиргэ*] ‘щипцы’, *уир* [*уйир*] ‘накосное украшение’, *дюир* [*ʒуйир*] ‘кислый’	—
	после согласного перед гласным	ъ + я, е	*орьякан* [*орйакāн*] ‘олень’, *гитьекэн* [*гītйэкэ̄н*] ‘голубика’, *дэгъеттэн* [*дэгйэ̄т-	встречается только в нескольких морфемах: суффикс *-якан/-екэн*,

Окончание табл. 13

Фонема	Позиция	Обозначение на письме	Примеры	Примечания
			тэн] ‘летает’, *илъяттан* [*йлйāттан*] ‘стоит’	видовой суффикс *-ят/-ет* и др.; знак {ъ} имеет функцию разделительного знака
м	во всех позициях	м	*мир* [*мӣр*] ‘плечо’, *эмэр* [*эмэр*] ‘острый’, *хэсимки* [*хэ̄симки*] ‘ленок’, *анманра* [*анманра*] ‘наледь’, *ӈэлэм* [*ӈэ̄лэм*] ‘страшный’	—
н	во всех позициях	н	*нэку* [*нэ̄ку*] ‘лабаз, амбар’, *нина* [*нӣнā*] ‘деревянное блюдо’, *хинта* [*хӣнтā*] ‘сарана’, *хэритнэн* [*хэритнэ̄н*] ‘беспокоится’, *оран* [*оран*] ‘олень’	—
н’	перед гласными	н + я, е, ё, и, ю, ө, ӧ	*ням* [*н’ам*] ‘теплый’, *нергэт* [*н’ʷергэ̄т*] ‘пушица’, *нёри* [*н’брй*] ‘женский посох’, *нюрит* [*н’ӯрит*] ‘волосы’, *нӧчэ* [*н’ө̄чэ̄*] ‘трава’, *куняддан* [*кӯн’āддан*] ‘бежит’, *чулбаня* [*чӯлбāн’ā*] ‘синий; зеленый’, *ӈэнэденьнёттэн* [*ӈэнэ̄эн’н’ө̄ттэн*] ‘ходит’	—
	перед среднеязычными [ʒ] и [н’]	н	*нулгэдендинри* [*нулгэ̄эʒэнʒинри*] ‘будешь потихоньку кочевать’	—
	после гласного перед согласными в конце слова	нь	*эньки* [*эн’ки*] ‘ножны’, *гаваньнёттан* [*гаван’н’ө̄ттан*] ‘берет’, *өкэньнен* [*өкэн’н’ө̄н*] ‘ее молоко’, *өкэнь* [*өкэн’*] ‘молоко’, *хэӈунь* [*хэӈун’*] ‘страшный’, *эрэӈэнь* [*эрэӈэ̄н’*] ‘старательно’	—
ӈ	во всех позициях	ӈ	*ӈал* [*ӈāл*] ‘рука’, *эӈэнни* [*эӈэ̄нни*] ‘выглянул’, *эрэӈрэн* [*эрэӈрэн*] ‘старается’, *инӈат* [*йнӈат*] ‘шерсть’, *аиӈ* [*аиӈ*] ‘быстрый’	—

ХАРАКТЕРИСТИКА СПОСОБОВ ОБОЗНАЧЕНИЯ ФОНЕМ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА НА ПИСЬМЕ

При отображении гласных фонем эвенского языка на письме реализуется фонематический принцип. Для обозначения пар долгих и кратких гласных применяется серийно-коррелятивный тип написания — гласные, отличающиеся по одному и тому же различительному признаку, свойственному всем членам системы, обозначаются одинаковыми знаками. Этот же принцип использован для обозначения четырех пар узких гласных

(долгие и краткие, фарингализованные и нефарингализованные [и], [й], [у], [ў]). При этом одинаковые пары значений «краткий гласный» (значение букв, условно считаемое алфавитным) — «долгий гласный» (значение букв, признаваемое неалфавитным) имеются и у букв {а}, {о}, {ө}, {э}, как и у соответствующих «йотированных» {я}, {ё}, {ӧ}, {е}. Те же значения имеются и у {и}, {ы}, {ӣ}, {у}, {ю}, с той лишь разницей, что у данных букв на два значения больше, так как обозначают они по четыре гласных: краткие и долгие, нефарингализованные и фарингализованные, т.е. [и], [ӣ], [й], [й̄], [у], [ӯ], [ў], [ў̄]. Симметричными являются и обозначения дифтонгоидных гласных [ᵘе] и [ᵘа] буквами {я} и {е}, которые имеют в отличие от букв {ё} и {ӧ} не по два, а по три значения. Разные значения этих букв, а именно отображение на письме дифтонгоидов и однородных гласных после среднеязычных согласных, разграничены позиционно: после букв {д} и {н} буквы {я} и {е} практически всегда обозначают однородные гласные; после всех других согласных — только дифтонгоидные гласные, так как после согласных [д], [ʒ], [н], [н’] дифтонгоидные гласные встречаются в очень ограниченном числе эвенских слов. Такое позиционное разграничение значений букв дополняется тем, что употребление дифтонгоидных гласных в эвенском языке дистрибутивно ограничено рамками первого слога (единичные исключения тут роли не играют), в то время как среднеязычные согласные [ʒ] и [н’], индуцирующие особое обозначение гласных на письме, встречаются и в непервых слогах слов, и в составе суффиксов.

Данная совокупность обозначений гласных эвенского языка на письме имеет еще одно достоинство: часть гласных (долгие гласные среднего подъема [ō] и переднерядное [ē]) встречается в непервых слогах в ограниченном числе морфем, частотность которых в письменных текстах не слишком высока. Это значит, что гласные *о* и *ө* в непервых слогах обозначают только долгие, но не краткие гласные.

Передача на письме среднеязычных согласных [ʒ] и [н’] буквами {д} и {н} в сочетании с йотированными гласными Л.Р. Зиндер охарактеризовал как проявление слогового принципа в графике эвенского языка [1979, с. 285]. Действительно, этот способ обозначения среднеязычных точно соответствует принципу обозначения мягких согласных в русском языке. Однако функциональная нагрузка графических средств, используемых для обозначения русских мягких согласных и эвенских среднеязычных согласных, далеко не одинакова. В русском письме не менее 15 пар твердых и мягких согласных фонем обозначаются 15 согласными буквами и 5 парами гласных букв, т.е. экономия графических ресурсов языка в русской графике составляет не менее десятка буквенных единиц. В эвенском письме на две пары передне- и среднеязычных согласных [д]/[ʒ] и [н]/[н’], обозначаемых двумя буквами {д} и {н}, приходится шесть пар гласных букв.

С теоретической точки зрения, в этой ситуации введение отдельного обозначения двух среднеязычных согласных позволило бы устранить из алфавита не менее четырех «йотированных» гласных, а именно {ё}, {ю}, {ӧ} и одну из буквенных единиц, составляющих буквенную пару {и/ы}; на-

помним, что буквы {я} и {е}, обозначающие в эвенском письме дифтонгоидные гласные *иа* и *ие*, не подлежали бы устранению. Но, во-первых, сама такая модификация позволила бы сэкономить только две графические единицы; во-вторых, устранилась бы возможность отражать на письме разницу звукотипов гласных *и*, *ӣ*, *и̇*, *ӣ̇* после переднеязычных согласных; в-третьих, невозможно было бы решить вопрос, какая буква из пары {и/ы} будет избыточной для эвенской графики. Кроме того, обозначение звука [й] в эвенской графике почти полностью соответствует обозначению данного звука в русской графике, и в целом обозначение системы согласных в эвенском и русском языках основывается на одних и тех же правилах: различия касаются лишь самого состава согласных. Изъятие йотированных гласных привело бы к однозначному обозначению фонемы [й] и создало бы разрыв в системах значений букв в русском и эвенском алфавитах. В условиях двуязычия это обусловило бы возникновение фонетико-графической интерференции, что стало бы препятствием для грамотного письма на обоих языках.

Написание буквы {ы} после переднеязычного {д}, принятое в эвенской графике, не только отвечает «слоговому принципу», о котором писал применительно к эвенскому языку Л.Р. Зиндер, но и манифестирует некоторую фонетическую реальность: после переднеязычных узкие гласные [и], [ӣ] и их заднерядные корреляты реализуются в виде отодвинутых назад оттенков. Хотя не совсем ясно, что именно продиктовало подобное обозначение — стремление выдержать графическое единообразие обозначения переднеязычных согласных или тенденция обозначить звук таким знаком, значение которого было бы близко к его значению (буква {ы} в эвенском языке не имеет других значений, кроме обозначения отодвинутого назад оттенка гласных [и] и [й], при этом долгие гласные в этом положении встречаются в единичных морфемах). В эвенской графике 1948–1953 гг. вместо буквы {ы} в данном значении использовалась буква {э}: ср. ныне устаревшее написание *дэл* ‘голова’. Однако этот вариант обозначения переднеязычных согласных перед узкими гласными был весьма неудобен, хоть и выглядел обусловленным системно: гласные [й] и [ӣ] обозначались буквой {э} в начале слова и после переднеязычных (точнее, только после [д], так как после согласного [н] буква {ы} и, соответственно, буква {э} практически не употреблялись); они же обозначались буквой {е} в остальных случаях. В результате буква {и} имела всего два значения ([и] и [ӣ]), буква {э} — четыре ([э], [э̄], [й] и [ӣ]), а буква {е} — пять ([э], [э̄], [й], [ӣ] и дифтонгоид [ᵘа]), из которых три последних значения не определялись характером предшествующего согласного.

В обозначении на письме согласных фонем эвенского языка доминирующим является фонематический принцип. Отступления от него сравнительно немногочисленны.

Во-первых, это обозначение оттенков одной и той же фонемы — глухого щелевого согласного — буквами {с} и {х} в исконно эвенских словах: как принято считать, в заимствованиях из русского языка эти звукотипы представляют разные фонемы и отступления от фонематического принци-

па здесь в целом не наблюдается. С точки зрения строгой фонологической теории, если признавать звукотипы [с] и [х] оттенками или вариантами одной фонемы, различные обозначения ее аллофонов придется считать фонетическими (аллофонными, или аллофонемными) написаниями. Однако из-за того, что в эвенском языке представлено множество заимствований из русского языка, согласные *с* и *х* описываются как разные фонемы, таким образом, буквы {с} и {х} обозначают фонемы [с] и [х] соответственно.

Во-вторых, к отступлениям от фонематического принципа относятся парно-коррелятивные обозначения переднеязычных [д], [н] и среднеязычных [ʒ], [н’] одними и теми же буквами {д} и {н} с использованием разных букв для гласных.

В-третьих, совершенно особую роль в эвенской графике играют знаки {ь} и {ъ}. В отличие от русской графики, где знак {ь} указывает на мягкость (дополнительную артикуляцию) предшествующего согласного или принадлежность слова к определенному грамматическому роду (ср. *лещ* и *вещь*), в эвенской графике знак {ь} используется только для обозначения среднеязычного характера согласного в абсолютном конце слова, например: *удь* ‘след’, *хотудь* ‘проводник’, *хунадь* ‘девушка (дочь или младшая сестра говорящего-мужчины)’, *өкэнь* ‘молоко’, *эӈэнь* ‘короткий пояс’, *хань* ‘дымно’ (междометие). Других функций, сходных с функцией русского разделительного {ь}, знак {ь} в эвенской графике не имеет.

Использование знака {ъ} в эвенской графике имеет черты сходства с правилами употребления твердого знака в русской графике. Если в русском языке знак {ъ} пишется после префиксов перед корнями, начинающимися с йотированного гласного (ср. *объем*, *съезд*, *предъюбилейный*, *объявление*, *отъявленный*), то в эвенском языке он используется для указания на «йотированное» чтение гласных букв суффиксов в словах типа *муръякан* ‘лошаденка’ (*муран* ‘лошадь’), *хэгэпъекэн* ‘соболишко’ (*хэгэп* ‘соболь’), *таӈъяттан* ‘читает’ (*таӈран* ‘прочитал’), *тутъеттэн* ‘долго (обычно) бегает’ (*туттэн* ‘бегает’). Количество форм с подобными написаниями в эвенском языке исчерпывается количеством суффиксов с начальным согласным [й] — это выделительно-оценочный суффикс имен *-якан/-екэн* (в транскрипции [*-йакāн//-йэкэ̄н*]), один из суффиксов собирательности *-я//-е///-а//-э* (в транскрипции [*-йā//-йэ̄///-ā//-э̄*]), один из суффиксов кратности действия *-ят/ч-//-ет/ч-* (в транскрипции [*-йат/ч-//-йэт/ч-*]), при этом формы с перечисленными суффиксами употребляются в устной речи редко, а в письменной почти вовсе не используются. Таким образом, буква {ъ} и в русском, и в эвенском языках служит указанием на «йотированное» чтение гласных букв, входящих в состав последующей морфемы. Различие же между правилами написания буквы в русском и эвенском языках состоит в том, что в русском твердый знак употребляется после префиксов, оканчивающихся на согласный, а в эвенском — перед немногочисленными суффиксами с начальным [й]. Число употреблений твердого знака внутри морфемы в эвенском языке очень невелико: ср. *хагъиӈчидай* [*хагйиӈчидāй*] ‘беспокоиться’, *чэвъе* [*чэ̄вйэ̄*] ‘много’ [Цинциус, Ришес, 1952, с. 707].

В-четвертых, отступлением от фонематического принципа в эвенской графике являются полифонематические, или слоговые, написания согласного [й] в сочетании с гласными. Выше уже говорилось о том, что способы обозначения среднеязычного щелевого сонанта [й] в эвенском языке те же самые, что и в русском, т.е. согласный [й] обозначается особой буквой [й] только перед согласными (например, *найми* ‘летняя ровдужная одежда’, *кайки* ‘водоросль’, *куйки* ‘глухой’, *Куйкиняку* ‘имя героя корякских сказок, бытующих у восточных эвенов’, *буйла* ‘в лесу’, *хайт*а ‘сухая трава, вкладываемая в обувь’, диал. *няйба* ‘голец арктический — рыба’) и в конце слова (например, *бэй* ‘человек, мужчина’, *хавай* ‘знающий, умелый’ и др.). В положении между гласными согласный [й] в эвенском языке обозначается посредством йотированных гласных: *мая* ‘запас, оставленный в тундре или тайге’, *булатмия* ‘остатки тряпки’, *хэе* ‘макушка головы, верх, верхушка’, *эе* ‘течение реки’, *утэмие* ‘остатки дома’, *хуюддэн* ‘кипятит’, *буюссэн* ‘охотится’, *хаюптан* ‘сломался, развалился’. Гласные {ё} и {ӧ} для эвенского языка собственно йотированными не являются, так как гласные [о] и [ө] практически не встречаются в непервых слогах слов, соответственно, данные буквы не могут оказаться в позиции после гласного. Ср. однако: вост. диал. *тэмуён* ‘спрятанная добыча’ (слово *тымъён* заимствовано из корякского с тем же значением).

На особом положении в позиции после гласного в эвенской графике оказываются гласные [и], [ӣ], [ӥ], [ӣ]. Традиционно принято считать, что сочетания гласных в эвенском языке отсутствуют и после широкого гласного перед узким «гласным типа [и]» встречается согласный [й]. Следовательно, интервокальный [й] отмечается в словах типа *хаир* ‘перчатки’, *баимкин* ‘старое гнилое дерево’ (из загадки), *эиргэ* ‘кузнечные щипцы, кусачки’, *уир* ‘женское накосное украшение’, вост. *аир* ‘гарпун для охоты на нерпу’, *көит* ‘подкожный овод’, *оивун* ‘серьга, серьги’, *Өинде* ‘имя сказочного героя (глупого младшего брата)’ и т.п. В таких случаях согласный [й] не имеет автономного обозначения и изображается при помощи гласной буквы {и}, так как она составляет неотъемлемую часть подсистемы «йотированных» гласных. Известны ситуации, когда в грамматическом формообразовании конечный [й] в позиции перед {и} утрачивается: ср. *ой* ‘одежда’ — *ои* ‘свою (его) одежду’, *оюр* ‘свою (их) одежду’. Значения букв эвенского языка в системе ныне действующей графики представлены в табл. 14.

Итак, большинство согласных букв эвенского языка имеет только одно значение и обозначает только одну фонему. Эвенские гласные буквы имеют по несколько значений и обозначают по несколько фонем. Значения гласных букв системно соотносятся друг с другом и в основной части случаев предсказываются окружающим контекстом, а именно: 1) положением в начале слова — различение однородных и дифтонгоидных гласных; 2) в соседстве с определенными гласными или согласными — различение однородных и дифтонгоидных гласных, обозначение согласного [й] посредством йотированных гласных, обозначение среднязычных согласных; 3) в сочетании с определенными гласными в соседних слогах слов — различе-

Таблица 14

Значения букв эвенского языка

Буква	Значение		Буква	Значение	
	алфавитное	неалфавитное		алфавитное	неалфавитное
Аа	а	а	ӧ	ө	ө̄
Бб	б	—	Пп	п	—
Вв	в	—	Рр	р	—
Гг	г	—	Сс	с	—
Дд	д	ʒ	Тт	т	—
Ее	й	ие, э, э̄, йэ	Уу	у	ӯ, ӱ, ӯ̈
Ёё	йо	о, о̄	Фф	ф	—
Жж	ж	—	Хх	х	—
Зз	з	—	Цц	ц	—
Ии	и	ӣ, ӥ, ӣ̈	Чч	ч	—
й	й	—	Шш	ш	—
Кк	к	—	Щщ	шч	—
Лл	л	—	ъ	—	—
Мм	м	—	ы	и	ӣ, ӥ, ӣ̈
Нн	н	н’	ь	—	—
Ңң	ң	—	Ээ	э	э̄
Оо	о	о̄	Юю	йу	у, ӯ, ӱ, ӯ̈, йӯ
Өө	ө	ө̄	Яя	йа	иа, йа̄, а, а̄

Примечания.

1. Буква {ё} пишется в исконно эвенских словах и словоформах только в непервом слоге и обозначает в сочетании с согласным {й} только долгий гласный.

2. Буква {ӧ} в первом слоге слов обозначает чаще долгий [ө̄], чем краткий [ө], в непервых слогах словоформ — только долгий [ө̄].

3. Согласно языковой практике после согласного [д] практически не встречаются долгие гласные.

4. Из восьми теоретически возможных значений буквы {ю} в эвенской графике реально представлены лишь шесть, так как долгие и краткие узкие гласные в непервом слоге слов не различаются, а в начале слова буква {ю} в исконно эвенских словах не употребляется.

5. Буква {я} обозначает дифтонгоидный гласный [ᵘa] только в начале слова и в первом слоге (за исключением слова *кабяв* ‘куропатка’); ее значения в остальных позициях соотносятся со значениями других гласных букв.

ние передне- и заднерядных (нефарингализованных и фарингализованных) узких гласных. Последнее касается букв, входящих в пары {и/ы} и {у/ю}, где качество обозначаемых гласных предсказывается огласовкой словоформы по тому или иному сингармоническому ряду.

Из 12 гласных букв эвенского языка пять — {а}, {о}, {ө}, {ӧ}, {э} — имеют по два значения: они обозначают краткие и долгие [а], [а̄], [о], [о̄], [ө], [ө̄], [э], [э̄].

Гласная буква {ё} имеет три значения, одно из которых — обозначение сочетания [йо], реализуемое только в заимствованных словах.

Три гласные буквы — {и}, {у}, {ы} — имеют по четыре значения, однако противопоставление двух пар их значений (обозначение нефарингализованных и фарингализованных гласных) является контекстно связанным с присутствием в словоформе соответственно гласных переднего или заднего сингармонического ряда.

Две буквы — {я} и {е} — имеют по пять значений, но при этом их значения определенным образом распределены по позициям или сочетаниям с теми или иными буквами. Данные буквы обозначают дифтонгоидные

гласные [ᵘа] и [ᵘе] в начале слова и после любых согласных, кроме [д] и [н] (после [д] и [н] дифтонгоиды встречаются редко), сочетания [й + а/ā], [й + э/ē] только после гласных. Таким образом, как и в случаях с другими гласными, не предсказуемыми из контекста оказываются только долгота и краткость [а]/[ā] и [э]/[ē], обозначаемых указанными буквами.

Буква {ю} в эвенском алфавите имеет шесть значений. Как и буква {у}, она обозначает четыре узких гласных, при этом нефарингализованные и фарингализованные гласные различаются по огласовке смежных слогов. Поскольку буква {ю} обозначает сочетания [й + у/ӯ] только в непервых слогах слов, где долгота — краткость этих гласных фактически не имеет смыслоразличительного значения, то в перечне значений данной буквы сочетание [й + ӯ/ӯ] отсутствует. Характер гласного, обозначаемого буквой {ю} в таком положении, определяется по наличию в смежных слогах гласного соответствующего сингармонического ряда (нефарингализованные гласные в словах с гласными переднего ряда, фарингализованные гласные в словах с гласными заднего ряда).

Таким образом, хотя система значений гласных букв эвенского языка кажется довольно сложной и громоздкой, к числу значений букв, не определяющихся из контекста и требующих знания или запоминания слов, относятся только следующие пары значений:

1. Краткие и долгие гласные — для всех 12 букв.

2. Дифтонгоидные и однородные гласные — для букв {я} и {е} в положении перед согласными {д} и {н}. В этом случае слова с тем или иным чтением написаний {дя}, {ня}, {де}, {не} нетрудно привести полным списком.

3. Нефарингализованные и фарингализованные гласные — для букв {и}, {ы}, {у}, {ю} в тех случаях, когда слово или словоформа не имеет в своем составе широких гласных.

Для характеристики эвенской графики представляется интересным и важным сравнить систему значений букв в ее современной версии и графических системах эвенского языка, действовавших в предшествующие годы (табл. 15). Что касается значений согласных, то они имели, как правило, только одно значение и изменения правил графики их почти не затрагивали. Значения же гласных букв менялись с каждой очередной сменой правил графики.

Таблица 15

Значения гласных букв эвенского алфавита согласно правилам графики, применявшимся в 1937–1958 гг.

Годы	Значения букв	Буквы									
		а	е	ё	и	о	у	ы	э	ю	я
1937	предсказуемые	а	э, йэ	о, йо, ō	и	о, а	у	и	э	у, йу	а, йа, иа
	непредсказуемые	ā	ē	йō	й̄[2], ӣ	ō	ӯ, ӯ, о, ō[5]	ӣ, ӣ, ие	ē	ӯ, ӯ[6], о, ō	ā, йā, иа

Окончание табл. 15

Годы	Значения букв	Буквы									
		а	е	ё	и	о	у	ы	э	ю	я
1937	частично предсказуемые	—	йэ̄[1]	—	и̇, ие[3]	о[4]	у̇	и̇	—	у̇, йу̇	—
1938—1939	предсказуемые	а	йэ	о, йо[8]	и	о, о̄, а	у	и̇	э	у, йу	а, йа
	непредсказуемые	ā	и̇, е̄[7], э, э̄, иа	о̄	ӣ, ие	о̄	ӯ, ӯ, о, о̄	и̇, е̄, ие	э̄, е̄[9]	ӯ, ӯ, о, о̄	ā, йā
	частично предсказуемые	—	йэ̄	йо̄	—	о̄	у̇	и	и̇	у̇, йу	—
1940—1953	предсказуемые	а	йэ	о, йо	и	о, о̄, а	у	и	э	у, йу	а, йа
	непредсказуемые	ā	и̇, е̄, э, э̄, иа	о	ӣ, ие	о̄	ӯ, ӯ, о, о̄	и, и̇, ие	э̄, и̇, е̄	ӯ, ӯ, о, о̄	ā, йā
	частично предсказуемые	—	йэ̄	йо̄	—	о	у	и̇	—	у̇, йу̇	—
1954—1958	предсказуемые	а	э, йэ, ие	о, йо	и	о	у	и	э	у, йу,	а, йа, иа
	непредсказуемые	ā	э̄, йэ̄	о̄, йо̄	ӣ, и̇, е̄	о, о̄	ӯ, ӯ	ӣ, е̄	э̄	ӯ, у̇, ӯ, йу̇	ā, йā
	частично предсказуемые	—	—	—	—	о	у	и̇	—	—	—

Примечания.

I. Всюду за исходные значения узких и соответствующих йотированных гласных приняты значения кратких нефарингализованных гласных, для гласных {о} и {ё} — значения краткого заднерядного.

II. Во всех рассматриваемых системах эвенской графики буква *ы* писалась не только после {д}, но и после {т}. Это имеет принципиальное значение: например, сочетание {д + ы} = [е̄] встретилось в одной морфеме *дын* ‘размером с названный предмет’, сочетание {д + ы} = [ӣ] — в пяти корневых морфемах, но сочетание {т + ы} = [е̄] отмечено в одной морфеме, хотя сочетание {т + ы} = [ӣ] встречается примерно в 12 морфемах. Устранение графических слогов Т + Ы, последовавшее с принятием эвенской графики 1958 г., свело к минимуму редкие значения буквы *ы*.

III. Помеченные арабскими цифрами примечания относятся не только к тому значению буквы, рядом с которым они указаны, но и ко всем нижеследующим строкам данной колонки.

[1] Йотированное чтение гласного предсказуемо, долгота — краткость гласного на письме неразличимы.

[2] Фарингализованные и нефарингализованные [и] и [и̇] различаются по огласовке слова, но долгие и краткие попарно (как фарингализованные, так и нефарингализованные) не различаются.

[3] Гласный *ие* встречается только в словах с переднерядной огласовкой. Это означает, что реально на письме не различаются [и] и [ᵘе], но не [и̇] и [ие].

[4] Различение заднерядного [о] и переднерядного [ө] осуществляется по огласовке соседних слогов. При этом в словах с переднерядными узкими [и] и [у] буква {у} в значении переднерядного долгого [ө̄] не употребляется.

[5] Ряд гласных смежных слогов позволяет отличать заднерядный [у̇] от переднерядных [у] и [ө], но эти два последних гласных между собой не различаются, не различается и долгота — краткость данных гласных.

[6] Как и в случае с гласным [у̇], различение переднерядного [у] и переднерядного [ө] за счет контекста не достигается.

[7] В начале слова по огласовке смежных слогов различаются гласные [и] и [и̇], после согласных по огласовке различаются [и̇] и [э], но не различаются [и̇] и [иа]; как и в других случаях, не различаются долгие и краткие.

[8] Буква {ё} в начале слова встречается только в русских заимствованиях. В непервом слоге после переднеязычных согласных она обозначает долгий заднерядный [о̄] или переднерядный [ө̄], но не соответствующие краткие гласные.

[9] Различение гласных [и̇] и [э] осуществляется по контексту, однако в сочетании слогов с [э] и слогов с узкими гласными опознание огласовки таких слов, как *элин* ‘третий его’ (ср. *илан* ‘три’) и *эрун* ‘лопата’ (ср. *эррэн* ‘копает’), становится невозможным.

Системы значений гласных букв в графике эвенского языка на кириллической основе, использовавшейся в 1937–1958 гг., были совершенно иными. Даже без рассмотрения отдельных частностей видно, что общая картина значений гласных букв эвенского языка являлась намного более сложной и менее упорядоченной, чем сейчас. Во-первых, по два значения имели не два согласных ({д} и {н}, как в современной графике), а три, так как двойная буква {нг}, включенная в алфавит, обозначала и согласный [ŋ], и звукосочетание [нг]. Буквы {ё}, {и} имели по три значения, {ы}, {я} — по четыре, буква {у} приобретала в такой графике шесть значений, буква {е} имела семь значений, {ю} — восемь. При этом разные значения букв {и}, {е}, {у}, {э}, {ю}, а также некоторые значения {ы} и {я} не были зависимы от графического контекста, соответственно, не могли предсказываться по положению буквы в слове или по ее графическому окружению. Поэтому правильное чтение данных семи букв требовало предварительного опознания слова в целом. Нет нужды указывать на то, что эвенский алфавит без дополнительных знаков, т.е. в том виде, в каком он частично представлен в табл. 15, был более сложным для пользования, в особенности для чтения, нежели его современный вариант.

В табл. 16 в весьма репрезентативной форме показано, что в изменениях эвенской графики после 1953 г. прослеживается общая тенденция к сокращению количества значений отдельных букв. Интересно отметить, что эвенская графика, разработанная в 1936–1937 гг. В.И. Левиным независимо от графики, транслитерирующей графику на основе Единого северного алфавита, характеризовалась меньшей степенью сложности, чем пришедшие ей на смену последовательно два варианта, явившиеся транслитерацией графики ЕСА: в ней, в частности, не перегружена непредсказуемыми значениями буква {е}, что имело место в более поздних версиях эвенской графики. Системы эвенской графики, действовавшие с 1938 по 1954 г., демонстрируют одинаковое количество значений у гласных букв и различаются лишь по их позиционному распределению. Начиная с 1954–1958 гг., количество значений гласных букв в эвенской графике сокращается. Графическая система 1954–1958 гг. была явно прогрессивным шагом, так как ее внедрение сократило количество значений на 1–2 единицы у шести гласных букв ({е}, {о}, {у}, {ы}, {э}, {ю}) и увеличило на 1 единицу только у двух ({и}, {я}). Новые и ныне действующие правила графики 1958–1959 гг., где в алфавит были введены буквы {ө} и {ӧ}, сокра-

Таблица 16

Количество значений гласных букв эвенского языка в разных вариантах графики

Год	Буква											
	Аа	Ее	Ёё	Ии	Оо	Өө	ӧ	Уу	ы	Ээ	Юю	Яя
1937	2	4	4	5	5	—	—	6	5	2	8	5
1938–1939	2	7	4	3	5	—	—	6	5	4	8	4
1940–1953	2	7	4	3	5	—	—	6	5	4	8	4
1954–1958	2	5	4	4	4	—	—	4	4	2	6	5
С 1959	2	5	3	4	2	2	2	4	4	2	6	5

тили число значений на 2 единицы еще у двух букв — {ё} [йо] и {э}. Существенно также, что изменения графики сказывались на системе значений букв таким образом, что значение *ө* для букв {у} и {ю} в более ранних вариантах эвенской графики было непредсказуемым, в версии 1954–1958 гг. оно стало частично предсказуемым, а в ныне действующей графике — предсказуемым, алфавитным.

Эта же таблица может продемонстрировать, что произойдет с системой значений эвенских гласных букв, если в целях упрощения графики исключить из алфавита букву {ӧ}. При написании *нёчэ* ‘трава’, *нёлтэн* ‘солнце’, *дёр* ‘два’, *дёкэн* ‘выдра’, *нён* ‘вышел’ буква {ё} получит четвертое и пятое значения (будет обозначать фонемы [ө] и [ө̄]), которые станут частично предсказуемыми и будут определяться по переднерядной огласовке слов и словоформ. Такие написания не приведут к образованию омографов, а частичная грамматическая омоформия (совпадение в написании отдельных форм слов) сведется к единичным случаям типа *нёли* [*н’ө̄ли*] ‘выходи!’, *нёли* [*н’о̄ли*] ‘беги!’, *нён* [*н’о̄н*] ‘он вышел’, *нён* [*н’ө̄н*] ‘они бегут’. Буква {ё} в первом слоге в эвенском языке пишется примерно в 20 морфемах, буква {ӧ} — примерно в 18. Суммарная численность написаний с {ё} при этом предложении составит 11 слогов [з + о] + 8 слогов [з + ө], 9 слогов с [н’о] + 8 морфем с [н’ө]. Объединение букв {ё} и {ө} не слишком бы усложнило эвенскую графику и повысило частотность буквы {ё}. Соответственно, имелось не так уж много оснований для пользования буквой {ӧ}, которая к тому же отсутствовала в алфавитах других языков народов СССР и только недавно появилась в алфавите казымских хантов.

ПРАВИЛА ЧТЕНИЯ БУКВ

Правила чтения букв эвенского языка представляют собой как бы переписанные наоборот способы обозначения фонем эвенского языка на письме, где изложение материала построено уже не по принципу «от фонемы к букве», а по принципу «от буквы к фонеме». Подробное описание всех возможностей чтения букв в словах, содержащее элементы правил чтения, позволяющих определять то или иное звуковое значение конкретной буквы на письме, — это свод правил для читающего, подсказывающий ему правильное прочтение того или иного написанного слова. Как и в случае с правилами обозначения фонем на письме, будет наиболее удобным представить все существующие варианты чтения букв эвенского языка в виде таблицы (табл. 17).

Таблица 17

Правила чтения букв эвенского языка

Буква	Позиция	Чтение	Примеры	Примечания
Аа	во всех позициях	[а], [ā]	*адал* [*адал*] ‘сеть’, *бан* [*бāн*] ‘ленивый’, *нам* [*нам*] ‘море’, *илранни* [*илрāнни*] ‘жалеет’	—

Продолжение табл. 17

Буква	Позиция	Чтение	Примеры	Примечания
Бб	во всех позициях	[б]	*бокат* [*бокат*] ‘шишка’, *дебэнри* [*дзэбэнри*] ‘ты ешь’, *эбдэнрэ* [*эбдэнрэ*] ‘лист’, *калба* [*кāлба*] ‘пояс’, *каб-каб* [*каб-каб*] ‘крик куропатки’	—
Вв	во всех позициях	[в]	*эвэн* [*эвэн*] ‘эвен’, *эврэн* [*эврэн*] ‘спустился’, *мӧв* [*мӧв*] ‘воду’, *остав* [*ӧстав*] ‘мой ноготь’	в начале слова встречается только в заимствованиях, например *Владивосток*
Гг	в начале слова, после согласного	[г] (смычный)	*гар* [*гар*] ‘сучок’, *гуюн* [*гуйун*] ‘биток для сбора ягод’, *иргат* [*йргат*] ‘овод’, *хэбгэнни* [*хэбгэнни*] ‘дымится’	—
	между гласными, после гласного перед согласными в конце слова	[ɣ] (щелевой)	*буга* [*бӯɣа*] ‘тайга, местность’, *хуги* [*хӯɣй*] ‘вихрь’, *нугран* [*нӯɣран*] ‘вынул’, *агди* [*аɣдй*] ‘гром’, *иг* [*īɣ*] ‘звук’, *чог* [*чоɣ*] ‘колокольчик’	—
Дд	во всех позициях, кроме позиции перед *ь*, *я*, *е*, *ё*, *ю*, *и*, *ӧ*	д	*дӧнрэ* [*дӧнрэ*] ‘земля, суша’, *эдэн* [*эдэн*] ‘ветер’, *идун* [*йдӯн*] ‘гребень’, *идгаран* [*йдгарāн*] ‘причесывает, причесывается’, *хагды* [*хагдй*] ‘старый’, *гид* [*гйд*] ‘копье’, *нод* [*нōд*] ‘красивый’	перед согласным *ŋ* в суффиксе причастия будущего времени *-дŋа/-дŋэ* читается как *з*: например, *мадŋа* [*мāзŋа*] ‘тот, кто убьет’
	перед *ь*, *я*, *е*, *ё*, *ю*, *и*, *ӧ*	з	*дяпкан* [*запкан*] ‘восемь’, *дей* [*зэй*] ‘лезвие’, *дюллэ* [*зуллэ*] ‘впереди’, *дилики* [*зилики*] ‘горностай’, *эгден* [*эгзӯн*] ‘большой’, *эди* [*эзи*] ‘не надо, не делай’, *дӧр* [*зӧр*] ‘два’, *удь* [*ӯз*] ‘след’, *бадь* [*баз*] ‘раннее утро’	исключения: *дявун* [*дʷавун*] ‘спрятанная добыча’, *дески* [*дʷески*] ‘вверх по склону’
Ее	во всех позициях, кроме позиции после *д* и *н*	ие	*екэ* [*ʷекэ̄*] ‘котел’, *ennэ* [*ʷеннэ*] ‘язык’, *есчимэттэ* [*ʷесчимэ̄ттэ*] ‘соревнуются’, *мен* [*мʷен*] ‘заблудился’, *тен* [*тʷен*] ‘отнял’, *хен* [*хʷен*] ‘поднялся’, *чиввек* [*чиввʷек*] ‘журавль’	—
	после гласных	йэ, йэ̄	*хэе* [*хэ̄йэ̄*] ‘макушка’, *хэек* [*хэйэ̄к*] ‘оседлый коряк’, *кӧе* [*кӧйэ̄*] ‘рог барана, коровы’, *эенни* [*эйэ̄нни*] ‘плывет по течению’, *утэмие* [*ӯтэ̄мийэ*] ‘остатки дома’, *этикэкэе* [*этикэ̄кэйэ̄*] ‘старичишка’	чаще *йэ̄*, чем *йэ*
	после *д* и *н*	э, э̄	*дептэн* [*зэптэн*] ‘ест’, *демси* [*зэмси*] ‘голодный’, *эгден* [*эгзӯн*] ‘большой’, *гудей* [*гузэ̄й*] ‘милый, ласковый’, *биденрэн* [*бизэ̄нрэн*] ‘живет себе и живет’, *нейкэ* [*нʼэ̄йкэ̄*] ‘светильник’, *негчэне* [*нʼэ̄гчэнʼэ̄*] ‘черный, темный’	исключения: *дески* [*дʷэски*] ‘вверх по склону’, *делэ* [*дʷэлэ*] ‘выше по склону’, *денук* [*дʷенук*] ‘сверху со склона’ (слова с корнем *дʷе=*), *немэт* [*нʼʷемэт*] ‘кожа на рогах’, *нергэт* [*нʼʷергэ̄т*] ‘пушица’, *некичэн* [*нʼʷекичэ̄н*] ‘утка’

Продолжение табл. 17

Буква	Позиция	Чтение	Примеры	Примечания
Ёё	во всех позициях	о, ō	*дёл* [*зол*] ‘камень’, *дённи* [*зōнни*] ‘помнит’, *нённи* [*н’ōнни*] ‘бежит’, *нёӈчак* [*н’оӈчак*] ‘волк’, *бодадь-дёттан* [*бодазōттан*] ‘следует’, *авадяньнётта* [*авад’ан’ōтта*] ‘не спеша умываются’	в начале слова встречается только в заимствованиях: например, *ёлка*, *ёж*; в непервом слоге — только [ō]
Жж	во всех позициях	ж	*журнал*, *жираф*, *уж*, *этаж*	только в заимствованиях
Зз	во всех позициях	з	*Зина*, *Зоя*, *зоосад*, *изюм*, *алмаз*	только в заимствованиях
Ии	в словах с гласными *э*, *е*, *ө*	и, ӣ	*инмэ* [*инмэ*] ‘игла’, *ис* [*īс*] ‘шкура’, *ӣнир* [*өн’ир*] ‘нетающий снег’, *кӣит* [*кӣйит*] ‘личинка овода’, *киримки* [*киримки*] ‘бровь’, *дилики* [*зилики*] ‘горностай’, *иррэн* [*иррэн*] ‘поспел’	в словах с узкими гласными чтение определяется по грамматическим формам: например, *дилики* ‘горностай’ – *дилики-лэ*’ ‘на горностае’, *киримки* ‘бровь’ — *киримки-лэ* ‘в бровь’
	в словах с гласными *а*, *я*, *о*	й, ӣй	*инӈат* [*йнӈат*] ‘шерсть’, *ирран* [*йрран*] ‘везет, тащит’, *иӈа* [*йӈā*] ‘галька’, *анимди* [*анймзй*] ‘подарок’, *моми* [*мōмй*] ‘лодка’, *ити* [*йтй*] ‘лицо’	то же: например, *хуги* ‘вихрь’ — *хуги-ла* ‘в вихре’, *нири* ‘спина’ — *нирила* ‘на спине’, *улрин* ‘копал’ — *улрэн* ‘копает’, *улрин* ‘намок’ — *улран* ‘мокнет’
й	во всех позициях	й	*бай* [*бāй*] ‘хорошая погода’, *бэй* [*бэй*] ‘человек’, *айран* [*айран*] ‘помог’, *куйки* [*кӯйкй*] ‘глухой’, *кайки* [*кайки*] ‘водоросль’, *хайта* [*хайта*] ‘сухая трава, стелька для обуви’	в начале слова и между гласными не употребляется
Кк	во всех позициях	к	*кола* [*кōлā*] ‘ковш’, *икэ* [*йкэ̄*] ‘песня’, *хукта* [*хукта*] ‘бахрома’, *хэркэ* [*хэркэ*] ‘штаны’, *банюк* [*бāн’ӯк*] ‘непослушный олень’	—
Лл	во всех позициях	л	*илум* [*йлӯм*] ‘чум’, *илкэн* [*илкэ̄н*] ‘метка, знак’, *хиглан* [*хиглāн*] ‘полынья’, *ал* [*ал*] ‘лямка упряжи’	в начале слова встречается только в заимствованиях: например, *лагерь*
Мм	во всех позициях	м	*мана* [*мана*] ‘лапа’, *эмэр* [*эмэр*] ‘острый’, *хутэмтэ* [*хутэмтэ*] ‘жимолость’, *алма* [*алмā*] ‘песня-подражание’, *хум* [*хум*] ‘сухожилие’	—
Нн	во всех позициях, кроме позиции перед *ь*, *я*, *е*, *ё*, *ю*, *и*, *ӧ*	н	*нам* [*нам*] ‘море’, *нӧ* [*нө̄*] ‘младший брат/сестра’, *нина* [*нинā*] ‘деревянное блюдо’, *нинкат* [*нинкат*] ‘сухостой’, *ӈин* [*ӈйн*] ‘собака’, *хокнан* [*хокнан*] ‘обрадовался’	[н] не смягчается перед гласным {и} примерно в 20 корневых морфемах; минимальные пары отсутствуют; в суффиксах [н] перед {и} не смягчается
	перед *ь*, *я*, *е*, *ё*, *ю*, *и*, *ӧ*	н’	*няма* [*н’амā*] ‘сто’, *невтэ* [*н’э̄втэ*] ‘родник’, *нённи* [*н’ōнни*] ‘убежал’, *нӧн* [*н’ōн*] ‘вышел’, *нӧлтэн* [*н’ōлтэн*] ‘солнце’, *нюлка* [*н’ӯлка*] ‘глы-	исключения: *ням* [*н^{и}ам*] ‘тетива лука’, *нямнит* [*н’^{и}амнит*] ‘тальник’, *некичэн* [*н^{и}екичэ̄н*] ‘утка’

Продолжение табл. 17

Буква	Позиция	Чтение	Примеры	Примечания
Нн			ба, скала’, *ханин* [*хан’ин*] ‘дым’, *өкэнь* [*өкэн’*] ‘молоко’, *хэӈунь* [*хэӈун’*] ‘страшный’	
Ӈӈ	во всех позициях	ӈ	*ӈэрин* [*ӈэ̄рин*] ‘свет’, *аӈан* [*а̄ӈа̄н*] ‘открыл’, *хэӈкэ* [*хэӈкэ*] ‘протолина’, *хэнӈэн* [*хэнӈэн*] ‘колено’, *наӈ* [*наӈ*] ‘пасть (ловушка)’	—
Оо	во всех позициях	о, ō	*олра* [*олра*] ‘рыба’, *ӈонам* [*ӈо̄нам*] ‘длинный’, *он* [*о̄н*] ‘как’, *гасон* [*гасо̄н*] ‘вроде бы берет’, *дыллон* [*дылло̄н*] ‘его голову’	в непервом слоге слова — только *ō*
Өө	во всех позициях	*ө* переднерядное, *ө̄* переднерядное долгое	*өкрэ* [*өкрэ*] ‘поляна’, *өлики* [*өлики*] ‘белка’, *бөкэс* [*бөкэс*] ‘лед’, *гөткэн* [*гөткэ̄н*] ‘щука’, *нөригэ* [*нөригэ̄*] ‘хариус’, *төмтэс* [*төмтэс*] ‘насквозь’, *хөттэн* [*хө̄ттэн*] ‘набросился’, *бисөн* [*бисө̄н*] ‘вроде бы живет’, *бөдэллөн* [*бө̄дэллө̄н*] ‘его ногу’	в непервом слоге слова — только [ө̄]
ё	во всех позициях	*ө* переднерядное, *ө̄* переднерядное долгое	*дёр* [*д’ө̄р*] ‘два’, *нёчэ* [*н’ө̄чэ*] ‘трава’, *нён* [*н’ө̄н*] ‘вышел’, *нёлтэн* [*н’ө̄лтэн*] ‘солнце’, *дёлбэр* [*д’ө̄лбэр*] ‘мягкий’, *дёкэн* [*д’ө̄кэн*] ‘выдра’, *нёмэн* [*н’ө̄мэ̄н*] ‘похудел’, *нёркэн* [*н’ө̄ркэ̄н*] ‘4-летний лось’, *хуклэдьдёттэн* [*хуклэ̄ззө̄ттэн*] ‘спит’, *ӈэнэденьнёттэн* [*ӈэнэден’н’ө̄ттэн*] ‘идет себе’, *дейёвн* [*зэййө̄н*] ‘его лезвие’	используется только после букв *д* и *н* примерно в 18 корневых морфемах и 4 суффиксах; в непервом слоге — только долгое
Пп	во всех позициях	п	*хэпкэнни* [*хэпкэ̄нни*] ‘поймал’, *хипкаттан* [*хипкаттан*] ‘наблюдает’, *гарпаӈа* [*гарпаӈа*] ‘солнечные лучи’, *хэгэп* [*хэгэп*] ‘соболь’, *титэрэп* [*тӣтэрэп*] ‘давнишний’	—
Рр	во всех позициях	р	*эрун* [*эрун*] ‘лопата’, *олра* [*олра*] ‘рыба’, *неркэ* [*н’э̄ркэ*] ‘место очага’, *эмэр* [*эмэр*] ‘острый’, *дюир* [*зуйир*] ‘кислый’, *тир* [*тӣр*] ‘раньше’	в начале слова встречается только в заимствованиях: например, *радио*
Сс	во всех позициях	с	*аси* [*аси*] ‘женщина’, *хуси* [*хӯси̯*] ‘лебедь’, *эскун* [*э̄скун*] ‘дешевый’, *хөкси* [*хөкси*] ‘горячий’, *дялса* [*залса*] ‘слюна’, *экэс* [*экэс*] ‘рыбья чешуя’, *нус* [*нӯс*] ‘копоть’	в начале слова встречается только в заимствованиях: например, *совет*, *секция*, *связь*
Тт	во всех позициях	т	*так* [*так*] ‘соль’, *тибак* [*тибак*] ‘тесло’, *ата* [*ата̄*] ‘бабушка’, *этэргэн* [*этэргэн*] ‘муравей’, *атки* [*атки*] ‘теща; свекровь’, *унта* [*унта*] ‘обувь’, *бот* [*бо̄т*] ‘град’	—
Уу	в словах с гласными переднего ряда	у, ӯ	*улрэ* [*улрэ*] ‘мясо’, *утэн* [*ӯтэ̄н*] ‘дом’, *эрун* [*эрун*] ‘лопата’, *мэтун* [*мэтун*] ‘известие’, *эмгун* [*эмгун*] ‘седло’, *хунмэ* [*хунмэ̄*] ‘пола одежды’, *хунӈэ* [*хӯнӈэ*] ‘ветер, пурга’	в словах с узкими гласными качество указанных гласных проявляется в словоизменении: например, *урумкун* ‘корот-

Продолжение табл. 17

Буква	Позиция	Чтение	Примеры	Примечания
Уу				кий’ — *урумкучэкэн* ‘коротенький’, *уюн* ‘девять’ — *уютэл* ‘по девяти’ — *уюндулэ* ‘у девяти’, *буюн* ‘дикий олень’ — *буюндулэ* ‘у дикого оленя’
	в словах с гласными заднего ряда *а*, *о*	ў, ӯ	*урта* [*ўрта*] ‘кора’, *хулра* [*хўлра*] ‘одеяло’, *аркуттан* [*аркўттан*] ‘воткнуто’, *абду* [*абдў*] ‘вещи’, *колуттан* [*кōлўттан*] ‘поит’, *нёрук* [*н’ōрўк*] ‘передовой ‘олень’, *хорун* [*хорўн*] ‘прицепил, зацепил’, *горинук* [*горинўк*] ‘издалека’, *додук* [*дōдўк*] ‘изнутри’, *коңдаку* [*коңдакў*] ‘разломанный’, *хунакич* [*хӯнакич*] ‘пила’	то же: *кӯчу* ‘спальный мешок’ — *кӯчукāн* ‘маленький спальный мешок’, *идун* ‘гребень’ — *идундула* ‘на гребне’ — *идуман* ‘его гребень’
Фф	во всех позициях	ф	*физика*, *атмосфера*, *жираф*	только в заимствованиях
Хх	в начале слова	х	*хан* [*хāн*] ‘знает’, *хавка* [*хāвка*] ‘хитрый’, *хуличан* [*хўлйчāн*] ‘лиса’, *хагды* [*хагдй*] ‘старый’, *ханин* [*хан’ин*] ‘дым’	в исконных словах встречается только в начале слова
Цц	во всех позициях	ц	*цифра*, *курица*, *конец*	только в заимствованиях
Чч	во всех позициях	ч	*чамакчан* [*чамакчāн*] ‘мышь’, *чачас* [*чāчас*] ‘песец’, *чалбан* [*чāлбāн*] ‘береза’, *эчин* [*эчин*] ‘так’, *кучу* [*кӯчў*] ‘спальный мешок’, *куч* [*куч*] ‘гнилушки’, *эвэч* [*эвэ̄ч*] ‘веселый’	как и в русском языке, не встречается в сочетаниях с *я*, *ю*, *ё*
Шш	во всех позициях	ш	*шофер*, *шашки*, *шеф*, *Шура*, *малыш*	только в заимствованиях
Щщ	во всех позициях	щ	*щи*, *борщ*	только в заимствованиях
ъ	встречается только перед *я*, *е*	самостоятельного звукового значения не имеет; после *ъ* буквы *я* и *е* читаются как *йā* и *йэ̄*	*оръякан* [*орйакāн*] ‘оленишка’, *твңэръекэн* [*твңэ̄рйэкэ̄н*] ‘озерко’, *бэнэръе* [*бэнэ̄рйэ̄*] ‘родня шурина’, *тирье* [*тӣрйэ̄*] ‘раньше’, *дэгъетчим* [*дэгйэччим*] ‘буду летать’	употребляется в ограниченном числе морфем, почти не встречающихся в письменных текстах; все эти морфемы имеют долгие гласные
Ыы	в словах с гласными передне-	и [ы], и	*дыгэн* [*дигэн*] ‘четыре’, *дыликэн* [*диликэ̄н*] ‘муха’, *дысуттэн* [*дисуттэн*] ‘защищает’, *эвэды* [*эвэди*]	употребляется только после буквы {д}; ряд гласных определяется по

Продолжение табл. 17

Буква	Позиция	Чтение	Примеры	Примечания
Ыы	го ряда, в словах с гласным *э*		‘эвенский’, *нэкуды* [*нэ̄куди*] ‘на своем лабазе’, *нэдын* [*нэ̄дин*] ‘положил’	наличию гласных заднего или переднего ряда в грамматических формах: *дыл* ‘голова’, *дыл-чāн* ‘головка’, *дыл-ла* ‘в голове’; долгие гласные — только в суффиксах
	в словах с гласными заднего ряда, в словах с гласным *а*	ӥ	*дыл* [*дӥл*] ‘голова’, *дылматта* [*дӥлмāтта*] ‘борются’, *дылган* [*дӥлгāн*] ‘голос’, *харанды* [*хāрāндӥ*] ‘на своем месте для спанья’, *гадын* [*гадӥн*] ‘взял’	имеется только два слова с узкими гласными: *дылгур* [*дӥлгӱр*] ‘звонкий’, *дынути* [*дӥнӈтӥ*] ‘густой’, ‘частый’
ь	в середине и конце слов	самостоятельного звукового значения не имеет, указывает на мягкость предыдущего согласного звука	*эньмэн* [*эн’мэн*] ‘любовь к матери’, *чильча* [*чил’ча*] ‘спутанные волосы’, *иӈэнь* [*иӈэн’*] ‘холод, мороз’, *удь* [*уд’*] ‘след’, *халгань* [*налган’*] ‘пешком’	употребляется только после согласных
Ээ	во всех позициях	э, э̄	*эрэӈрэн* [*эрэӈрэн*] ‘старается’, *элдэтлэ* [*элдэтлэ*] ‘стружка’, *эвэлдэн* [*э̄вэлдэн*] ‘веселье, радость’, *э̄кэкэ̄н* [*э̄кэкэ̄н*] ‘стебелек’	—
Юю	после гласных в словах с гласными переднего ряда	йу	*уюн* [*уйун*] ‘девять’, *буюн* [*буйун*] ‘дикий олень’, *буюсси* [*буйусси*] ‘охотник’, *тиюн* [*тийун*] ‘посох’, *бэю* [*бэйу*] ‘человека’ (вин. п.)	долгота узких гласных в непервом слоге не имеет смыслоразличительного значения
	после гласных в словах с гласными заднего ряда	йӱ	*хаюптан* [*хайӱптан*] ‘сломалось’, *гоюнни* [*гойӱнни*] ‘ранил’, *уюкаттан* [*ӱйӱкāттан*] ‘бродит по воде’, *хаваю* [*хāвāйӱ*] ‘знающего’ (вин. п.)	—
	после согласных *д* и *н* в словах с гласными заднего ряда	ӱ, ӯ	*дю* [*зӯ*] ‘дом’, *дюпти* [*зӱпти*] ‘повторный’, *дюгани* [*зӱгāни*] ‘лето’, *дюлаккан* [*зӱлāккāн*] ‘голый’, *нюлка* [*н’ӱлка*] ‘скала, глыба’, *нюрман* [*н’ӱрмāн*] ‘подкрадывается’, *нютур* [*н’ӯтур*] ‘тяжеловесный’, *нючи* [*н’ӯчӥ*] ‘русский’	в непервых слогах слов — только краткий [у]
	после согласных *д* и *н* в сло-	у, ӯ	*дюгун* [*зугун*] ‘перетаскивает’, *дюл* [*зул*] ‘счастье’, *дюлдэлэ* [*зулдэлэ̄*] ‘впереди’, *нюӈэн* [*н’уӈэн*] ‘шесть’,	в непервых слогах слов — только краткий [у]

Окончание табл. 17

Буква	Позиция	Чтение	Примеры	Примечания
	вах с гласными переднего ряда		*нюрит* [*н'ӯрит*] ‘волосы’, *нют* [*н'ут*] ‘древесная смола’, *нюлрэн* [*н'ӯлрэн*] ‘скоблит шкуру’, *нюнэттэн* [*н'унэттэн*] ‘советует, указывает’	
Яя	в начале слова и после согласных, кроме *д* и *н*	ᵘа	*ясал* [*ᵘасал*] ‘глаз’, *яримкар* [*ᵘарӣмкар*] ‘обрыв’, *бяг* [*бᵘаг*] ‘луна, месяц’, *мян* [*мᵘан*] ‘десять’, *мянни* [*мᵘанни*] ‘удивился’, *хяӈан* [*хᵘауā̄н*] ‘налим’, *тяматтан* [*тᵘаматтан*] ‘плавает’	в начале слова — только [ᵘа]; после согласных *д* и *н* — как [ᵘа] в слове *нямнит* [*н'ᵘамнит*] ‘тальник’
	после гласных	йа, йā	*уямкан* [*ӯйā̄мкā̄н*] ‘самка горного барана’, *биялга* [*бӣйā̄лга*] ‘волна, шторм на море’, *атикакая* [*атӣкā̄кā̄йā̄*] ‘старушонка’	—
	после согласных *д* и *н*	а, ā	*дял* [*зā̄л*] ‘родичи’, *дяпкан* [*запкан*] ‘восемь’, *идя* [*ӣзā̄*] ‘холодный ветер’, *нянин* [*н'ā̄н'ӣн*] ‘небо’, *ням* [*н'ам*] ‘теплый’, *худянра* [*хӯзанра*] ‘форель’, *хиӈаня* [*хӣӈā̄н'ā̄*] ‘желтый’, *хуптудянран* [*хӯптӯзā̄нран*] ‘отстает’	исключения: *ням* [*нᵘам*] ‘тетива лука’, *нямнит* [*н'ᵘамнит*] ‘тальник’; в непервом слоге — преимущественно *ā*

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВИЛ ГРАФИКИ

Хотя общее число букв в эвенском алфавите совпадает с числом фонем эвенского языка, 18 гласных и 18 согласных фонем обозначаются на письме с помощью 36 букв, так как между фонемами и буквами в эвенской графике нет взаимно-однозначного соответствия.

По поводу того, должен ли алфавит однозначно отражать фонемный состав языка, в трудах по разным аспектам языкознания высказывается несколько мнений. Довольно часто в общелингвистической литературе и особенно часто в разного рода методическх пособиях и педагогической практике встречается утверждение, будто алфавит должен быть приведен в соответствие с фонемным составом языка [Федоров, 1983, с. 108]. Считается, что устроенный таким образом алфавит облегчает обучение грамоте, препятствует совершению орфографических ошибок и должен способствовать усвоению языка.

Однако этот вопрос не столь прост, как кажется многим. Во-первых, обучение грамоте — одному из важных навыков повседневной культуры, необходимых каждому человеку, — при таком устройстве алфавита прочно связывается с изучением фонетического строя языка — такой области знаний, которая лишена повседневного практического применения и к которой даже не все специалисты-языковеды относятся с симпатией. Во-вторых, авторы таких утверждений часто не учитывают особенности функционирования конкретного языка как в устной, так и в письменной формах. В условиях национально-русского двуязычия, при котором почти

во всех сферах функционирования языка доминирует русский язык, когда алфавит родного языка создан на основе русского алфавита, использование различных принципов графики создает предпосылки для разнонаправленной языковой интерференции при письме, а это приводит к появлению ошибок в письме и на родном, и на русском языках. Изучение материалов показывает, что даже в печатаемой литературе на эвенском языке и на других языках малочисленных народов Севера, не исключая учебников для школ и словарей, максимальное количество ошибок и опечаток приходится именно на те дополнительные специфические буквы, которые отсутствуют в русском алфавите и которые вводятся в национальные алфавиты как раз с целью приближения написания к произношению [Бурыкин 1993; 1997, с. 132]. Такие явления — факты русско-национальной интерференции в письменной форме языка при явном доминировании навыков письма на русском языке — наблюдаются практически у всех, кто пишет на эвенском или каком-либо другом языке народов Севера.

В большинстве работ по общей теории письма и теоретических трудах, посвященных русскому письму, высказывается мысль о необязательности и нежелательности изображения на письме фонемного состава языка. Известный специалист и признанный авторитет в области теории русской орфографии В.Ф. Иванова пишет: «Распространено мнение, что идеальным алфавитом следует считать такой алфавит, в котором для каждой фонемы имеется отдельная графическая единица. Но уже доказано и другое, а именно то, что такой способ обозначения фонем не только не обязателен, но и не всегда желателен, так как неэкономен» [1976, с. 75]. Обращаем внимание, что таково мнение автора стандартного вузовского учебного пособия по графике и орфографии.

Различия, а конкретно — отсутсвие однозначных соответствий между алфавитом и фонемным составом языка, получившие наименование неконгруэнтности алфавита [Волков, 1982, с. 97], разумеется, не создаются специально — они всегда возникают вследствие каких-либо особенностей появления письменности на данном языке. Очень важно обратить внимание на то, что среди тех лингвистов, кто не поддерживал точку зрения о необходимости создания идеального фонетического алфавита, было немало замечательных ученых-фонетистов. Так, в начале XX в. известный русский лингвист А.И. Томсон отмечал: «Надо еще иметь в виду, что алфавиты не придумываются вновь при возникновении письменности у народа, а более или менее целиком заимствуются. Поэтому обыкновенно с самого начала попадают в письмо разногласия с фонетическими условиями» [1910, с. 422]. Л.Р. Зиндер писал так: «Если бы для каждого языка изобреталась своя особая система знаков, то каждая фонема этого языка могла бы обозначаться специальной буквой. Но история письменности учит, что алфавит не изобретается для каждого языка заново, а заимствуется из языка в язык. Полностью приспособить чужой алфавит — задача чрезвычайно трудная, а иногда и невыполнимая. Погрешности против звуковой стороны могут быть заложены, таким образом, в письменности

с самого начала ее использования на данном языке» [1948а, с. 53]. Мы видели, что одной из причин различия написания и произношения на разных этапах развития эвенской графики была недостаточная изученность звукового строя языка, из-за чего эвенская орфография долгое время была по существу традиционной, а не фонематической. Вторая причина — это применение в языках народов России, пользующихся письменностью на основе русского алфавита, букв для йотированных гласных и их использование для обозначения определенных типов согласных подобно тому, как в русском языке при помощи этих букв изображаются на письме палатализованные (мягкие) согласные. В частности, о применении данного принципа для обозначения на письме эвенского согласного [ʒ] буквой {д} в сочетании с йотированными гласными писал в учебнике по общей фонетике Л.Р. Зиндер [1979, с. 285].

Само понимание фонематического принципа графики отнюдь не означает, что устроенное подобным образом письмо представляет собой фонетическую или фонематическую транскрипцию. Как писал Л.Р. Зиндер, фонематический принцип в графике не является транскрипционным: адекватная передача фонематического облика слов не предполагает однозначных соответствий звучания и написания [1979, с. 287]. Соответственно, написания русских слов «тюк», «век», «хоть» будут фонематическими, так как отражают реальный фонемный состав этих слов. Точно так же и эвенские написания слов *нямалра* ‘мох’, *нённи* ‘убежал’, *нюӈэн* ‘шесть’, *нюлка* ‘глыба’, *дяпкан* ‘восемь’, *дилики* ‘горностай’, *дёлдан* ‘награда’, *дёлбэр* ‘мягкий’, *дюлэски* ‘вперед’, *дебэдек* ‘столовая’ совершенно точно отражают реальный фонематический состав приведенных слов.

Если обратиться к материалу эвенского языка, то окажется, что большинство эвенских слов пишется буквально именно так, как произносится, например: *болгит* ‘кедровый стланик’, *хякита* ‘лиственница’, *өлики* ‘белка’, *накат* ‘медведь’, *явта* ‘стадо’, *элбитиӈ* ‘покрышка чума’, *нейкэ* ‘свеча, лампа, лампочка’, *ӈэӈэ* ‘язык’, *хөррит* ‘мы ушли’, *таӈрап* ‘мы читаем’ и многие другие.

Чаще всего слова эвенского языка имеют однозначное изображение на письме в исходной словарной форме, даже если они могут совпадать в написании в каких-то отдельных грамматических формах. Ср. *улрэн* ‘копает’ и *улран* ‘мокнет’, однако форма повелительного наклонения этих глаголов имеет одинаковое написание — *улли*, но разное чтение — [*ӯлли̇*] ‘мокни’, [*улли*] ‘копай’. Иногда случайно совпадают в написании разные грамматические формы слов: ср. *или* [*ӣли*] ‘входи’ и *или* [*или*] ‘по которому, за которого?’. Однако такие случаи, не слишком многочисленные в эвенском языке и в изобилии существующие во всех старописьменных языках (русском, английском и др.), ни в коей мере не препятствуют правильному прочтению слов и грамотному написанию, так как в процессе чтения подобные слова-омографы распознаются по окружающему контексту.

Процесс письма — это изображение в графике тех словоформ, которые реально встречаются в речи, и отнюдь не переписывание словаря языка, в котором все слова поставлены в условно выбранной исходной форме. Очень

многие эвенские слова имеют однозначное изображение на письме в определенных грамматических формах: *ŋинал*’ собаки’, *инэл* ‘вьюки’, *улрэн* ‘копает’, *улран* ‘мочит’, *дылас* ‘твоя голова’, *нирилас* ‘у тебя на спине’, *удитан* ‘их след’. Следовательно, в эвенском языке почти нет таких пар слов, которые бы одинаково изображались на письме во всех возможных грамматических формах. К числу редких исключений относятся слова *иргэ* [*иргэ*] ‘хвост’ и *иргэ* [*иргэ̄*] ‘напильник’, но при этом у первого слова, имеющего краткий гласный, есть лексический омоним в виде слова *иргэ* [*иргэ*] ‘головной мозг’. Если мы и в состоянии придумать различные написания эвенских слов «напильник» и «хвост», например, посредством обозначения долготы гласных каким-либо способом, то мы никогда не сможем различить на письме омонимы типа *иргэ* ‘хвост’ и *иргэ* ‘головной мозг’, как мы не различаем на письме русские слова «коса» (сельскохозяйственный инструмент, элемент ландшафта и прическа) или «замок» (крепость) и «замок» (механизм для закрывания чего-либо). Однако существование таких примеров ни в коей мере не может расцениваться как недостаток графической системы, требующий устранения на уровне написаний слов или кардинальных изменений в алфавите либо принципах графики.

ОТСТУПЛЕНИЯ ОТ ФОНЕМАТИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА В ЭВЕНСКОЙ ГРАФИКЕ

В трудах по теории письма выделяются и описываются два случая несоблюдения того или иного принципа графики: ограничения в применении какого-либо принципа и отступления от него. Их определения, выработанные применительно к слоговому принципу русской графики, таковы: «Ограничения — это те случаи нарушения слогового принципа русской графики, когда он “бессилен” в качестве закона: не может предотвратить неизбежность вариантности написания. Помочь избежать вариантности написания поможет только “приказ” орфографии, выбирающей один из возможных вариантов» [Иванова, 1991, с. 52]. К ограничениям в применении слогового принципа в русском письме относятся следующие написания: 1) написание гласных после шипящих и {ц} (вопрос о выборе букв *а/я*, *у/ю*, *е/э*; *ы/и*; *е/о*); 2) написание сложносокращенных слов.

«Отступления — это те случаи нарушения слогового принципа русской графики, когда он может быть соблюден, однако не соблюдается» [Там же, с. 59]. Отступлениями от слогового принципа графики в русском письме признаются такие написания: 1) обозначения согласного [й] в заимствованных словах; 2) написания *е/э* после парных по твердости — мягкости согласных (слова типа *мэр*).

Эвенская графика с ее фонематическим принципом не имеет таких особенностей, которые могли бы считаться ограничениями в применении этого принципа. Значения эвенских букв не предполагают возможной вариантности написаний, которые регулировались бы только орфографическими правилами.

Отступления от фонематического принципа в эвенской графике представлены несколькими группами случаев:

1. *Обозначение долгих и кратких гласных одинаковыми буквами.* В действующей эвенской графике обозначаются одинаковыми буквами восемь пар долгих и кратких гласных, т.е. все имеющиеся монофтонги. При этом долгие и краткие гласные обозначаются как «своими» собственными буквами (*а*, *э*, *о*, *ө*, *у*, *ы*), так и соответствующими «йотированными» (*я*, *е*, *ё*, *ю*, *и*, *ӧ*).

Такое обозначение на письме кратких и долгих гласных, точнее необозначение на письме долготы гласных, является особым приемом графики, особой разновидностью многозначности букв, при которой не устанавливается иерархия разных значений буквы. Как уже отмечалось ранее, в принципе здесь любое из двух значений гласной буквы может считаться алфавитным [Иванова, 1976, с. 89]. Только по аналогии со значениями букв в русском письме в эвенской графике алфавитным значением гласной буквы по умолчанию признается значение краткого гласного.

Одинаковое обозначение на письме пар долгих и кратких гласных, представляющее серийно-коррелятивный тип написания, для эвенской письменности и письменности других народов Севера является устойчивой традицией. Долгота гласных в этих языках не обозначалась ни в изданиях XIX — начала XX в., ни в письменности на латинской графической основе (единственный знак {ə̄} для обозначения долгого [ə̄] использовался не как средство различения долгого [ə̄] и краткого [э], а как средство различения гласных [у], [ӯ] и [ө], [ө̄]). В словарях эвенского языка и методической литературе долгота гласных стала обозначаться лишь с середины 1980-х годов. Для сравнения отметим, что в словарях эвенкийского языка долгота гласных отмечалась всегда, однако вопрос об обозначении ее на письме не стоял до самого недавнего времени. Отсутствие необходимости специального обозначения долгих гласных в эвенском языке оправдывается тем, что квазиомонимы, различающиеся долготой и краткостью гласных, в эвенском языке довольно редки, а иногда приводимые одинаково пишущиеся омоформы типа *ӣли* ‘входи’ — *или?* ‘по которому? за которого?’ безошибочно различаются по контексту.

В эвенском языке есть ряд грамматических форм, которые различаются только долготой и краткостью гласных, причем гласных непервых слогов: *ӈэнэддэн* [*ӈэнэддэн*] ‘он идет’ (индикатив) — *ӈэнэддэн* [*ӈэнэддэ̄н*] ‘пусть он идет’ (повелительное II наклонение). Такие формы также однозначно различаются в контексте.

Оговорим, что неразличение долгих и кратких гласных на письме совершенно не препятствует правильному написанию эвенских слов, и даже напротив, экономит графические средства языка для пишущего. Оно также не означает невозможности правильного прочтения слов, так как гласный, обозначенный той или иной буквой, не может быть «никаким» — он либо краткий (алфавитное значение буквы), либо долгий (неалфавитное значение). Таким образом, вероятность неправильного прочтения любого незнакомого эвенского слова даже в изолированном положении

составляет менее 50 %, так как долгие гласные встречаются в эвенском языке значительно реже кратких. В связном тексте вероятность ошибки при чтении намного уменьшается, так как окружающий контекст позволяет однозначно распознавать даже подлинные лексические омонимы; что касается значения совпадающих по звучанию разных грамматических форм, то оно однозначно идентифицируется в контексте и во фразе.

2. *Обозначение узких гласных разных сингармонических рядов* [*и*], [*и̇*] *и* [*у*], [*у̇*] *одинаковыми буквами.* Данный случай серийно-коррелятивных или парно-коррелятивных написаний в эвенском языке также является следованием существующей письменной традиции: фарингализованные гласные в эвенском письме никогда не имели собственного графического обозначения. Хотя фонологическое противопоставление задне- и переднерядных (фарингализованных и нефарингализованных) узких [и] и [и̇], [у] и [у̇] было выявлено сравнительно поздно, но даже уже после того, как оно было установлено и описано, предложения обозначать фарингализованные гласные специальными знаками не выдвигались. Этого не предусматривал также проект эвенской графики 1980 г., явно ориентированный на «фонетизацию» графической системы. Особые способы обозначения фарингализованных гласных с целью отличия их от нефарингализованных — использование знака {е} для [и̇], [ӣ], а также {о} (у В.Г. Богораза — o_o) для [у̇], [ӯ] — не давали возможности однозначного прочтения написаний, так как те же знаки употреблялись для обозначения других гласных (дифтонгоида [^{и}е], переднерядного [ө]). Такие написания слов с фарингализованными гласными мы сейчас можем характеризовать как традиционные, поскольку они, во-первых, не соответствовали произношению, во-вторых, само обозначение фарингализованных гласных не отличалось единообразием во всех словах в одинаковых фонетических позициях. Противопоставление гласных, которые мы сейчас описываем как нефарингализованные и фарингализованные, ранее характеризовалось как протипопоставление по признаку подъема (см. описание оппозиции гласных [и] и [и̇] [= {е̣}] в работе В.И. Цинциус [1947, с. 16]), и сейчас практически во всех эвенских диалектах фарингализованные гласные [и̇] и [у̇] имеют более низкий подъем, чем нефарингализованные гласные. Упорядочение обозначения заднерядных [и̇] и [у̇] в сочетании с отдельным обозначением для переднерядного [ө], предпринятое авторами правил произношения и правописания, изданных в 1958 г. [Новикова, 1958а], и «Эвенско-русского словаря» [Цинциус, Ришес, 1957], привело традиционные по орфографической характеристике написания фарингализованных гласных к групповым серийно-коррелятивным фонематическим написаниям: пары гласных [и], [ӣ], [и̇], [ӣ], [у], [ӯ], [у̇], [ӯ] обозначаются двумя буквами {и} и {у}; только в позиции после буквы {д} для обозначения нелабиализованных гласных используется буква {ы}. В принципе то же самое обозначение этих гласных применялось в графике, разработанной В.И. Левиным в 1937 г.

Нецелесообразность раздельного обозначения узких задне- и переднерядных гласных эвенского языка аргументируется тем, что принадлежность гласных к тому или иному ряду однозначно определяется характером соседствующих широких гласных — безразлично, в предшествующих

или последующих слогах: *ариӈка* ‘злой дух’, *эрин* ‘цена’, *абду* ‘имущество’, *эрун* ‘лопата’, *хилта* ‘кишка’, *илрэ* ‘кожа человека’, *урта* ‘кора’, *улрэ* ‘мясо’. Примеры, когда в слове представлены только узкие гласные, относительно немногочисленны:

1) слова с переднерядной огласовкой: *дилики* ‘горностай’, *киримки* ‘бровь’, *урумкун* ‘короткий’, *хуйкун* ‘вилка’;

2) слова с заднерядной огласовкой: *ити* ‘лицо’, *хилгун* ‘сверло’, *идун* ‘гребень’, *хукувун* ‘черпак’.

Квазиомонимы, которые различались бы только по ряду узких гласных в исходных словарных формах или большинстве грамматических форм, практически отсутствуют, из редких примеров: *хунӈи* [*хунӈи*] ‘ваш’ — *хунӈи* [*хӯнӈй*] ‘хозяин’. Огласовка существительных и прилагательных проясняется при образовании уменьшительных форм (суффиксы *-кāн/-кэ̄н*, *-чāн/-чэ̄н*), притяжательных форм 2-го и 3-го л. мн. ч. (суффиксы *-сан/-сэн*, *-тан/-тэн* соответственно), форм местного падежа (суффиксы *-ла/-лэ*, *-дула/-дулэ* в зависимости от характера основы).

В эвенском языке имеется некоторое количество глагольных основ, содержащих только узкие гласные:

1. Глаголы с переднерядной огласовкой: *ӣ=* (1) ‘входить’, (2) ‘слышаться’, *би=* ‘быть’, *ул=* ‘копать’, *дур=* ‘гореть’, *дуру=* ‘жечь’, *булни=* ‘всматриваться’, *ир=* ‘созреть; свариться’, *ири=* ‘готовить еду, жарить’, *хир=* ‘разрезать вдоль’, *хир=* [*хӣр-*] ‘настояться, завариться (о чае)’.

2. Глаголы с заднерядной огласовкой: *ил=* ‘вставать’, *ид=* ‘причесывать(ся)’, *ул=* ‘мокнуть’, *ху=* [*хӯ=*] ‘дуть’, *илу=* ‘ставить’, *гиси=* [*гӣсӣ=*] ‘обходить’, *ир=* ‘тащить, волочить’, *иру=* ‘возить’, *хир=* [*хӣр=*] ‘доить’, *хир=* [*хӣр=*] ‘сердиться’ и др.

Однако не различающиеся на письме омоформы таких глаголов при значительном объеме и разнообразном составе глагольных парадигм эвенского языка относительно немногочисленны. Это формы повелительного наклонения 2-го л. ед. ч. (суффикс *-ли*), формы будущего 1-го времени (суффикс *-ди-*), формы причастия настоящего времени (суффикс *-ри*) и некоторые формы прошедшего времени: формы 1-го и 3-го л. ед. ч. (формы на *-ри-в* и *-ри-н*) и 1-го л. мн. ч. инклюзива (формы на *-ри-т*), формы сослагательного наклонения (суффикс *-мч-/-мчи-*). К числу омоформ глаголов могут быть добавлены некоторые видовые формы, например: *ил=* [*ӣ-л=*] ‘начинать входить’ — *ил-* [*йл-*] ‘встать’. Однако подбор таких образцов представляет собой упражнение, не имеющее аналогов в практическом использовании языка. Словарные формы глаголов в эвенском языке — формы цели с безлично-притяжательным суффиксом единственного числа *-дай/-дэй* — однозначно различают характер огласовки глаголов в словарях: принадлежность глагольной основы к тому или иному сингармоническому ряду проявляется в громадном большинстве словоизменительных форм — формах индикатива с суффиксом *-ра-/-рэ-*, большинстве видовых форм, каузативных формах (суффикс *-вкāн-/-вкэ̄н-*), формах взаимности (суффикс *-мат/ч-/-мэт/ч-*) и совместности (суффикс *-лда-/-лдэ-*) и других формах глагольного словообразования и словоизменения.

3. *Обозначение сочетаний согласного {й} с гласными посредством «йотированных» букв.* Силлабические написания согласного {й} посредством использования гласных *я*, *е*, *ё*, *ю* в эвенском языке представлены в значительно меньшем числе случаев, нежели в русском. Собственно йотированными для эвенского языка являются буквы *я*, *е* и *ю*, при этом рассматриваемое звуковое значение данных букв — *й* + соответствующий гласный — позиционно ограничено случаями их употребления после гласных *а*, *э*, *о*, *у*, *ө*, а для букв *я* и *е* еще и позицией после *ъ* — как говорилось выше, данный знак встречается в эвенском письме в очень небольшом числе суффиксальных морфем. Согласный {й} перед {и} не имеет отдельного буквенного обозначения (ср. *хаир* ‘перчатки’, *аиӈ* ‘быстрый’, *хэимчэн* ‘полынья’, *эиргэ* ‘кузнечные щипцы’, *дюир* ‘кислый’, *оивун* ‘серьги’ и т.п.), и буква {и} в отношении обозначения согласного {й} после гласного ведет себя также, как и другие йотированные гласные.

4. *Обозначение переднеязычных согласных* [д] *и* [н] *и среднеязычных* [ʒ] *и* [н’] *одинаковыми буквами* {д} *и* {н} *при дифференцированном обозначении следующих за ними гласных.* Силлабическое (или квазисиллабическое) парно-коррелятивное написание среднеязычных согласных [ʒ] и [н’] в эвенском языке является отражением почти универсального применения йотированных букв русского письма в производных от него графических системах языков народов России и сопредельных стран. Специфика фонологической системы эвенского языка, а именно наличие помимо согласного [й] трех среднеязычных [ʒ], [н’] и [ч], свела употребление знаков для согласных от серийно-коррелятивного обозначения объемного ряда твердых и мягких согласных до парно-коррелятивного обозначения двух среднеязычных [ʒ] и [н’]; использование знака {ч} для третьего согласного отражает фонетическую и фонологическую реальность. Система значений йотированных букв эвенского алфавита в итоге отличается от системы значений йотированных букв в русском алфавите лишь тем, что буквы *я* и *е* в независимых позициях (начало слова и позиция после большинства согласных) обозначают дифтонгоидные гласные [^{и}а] и [^{и}е] соответственно, а буквы *ё* и *ӧ* не имеют собственно «йотированных» чтений: буква *ё* в звуковом значении [йо] не употребляется в исконно эвенских словах, а его графический коррелят *ӧ*, изобретенный по тому же образцу, что и русское *ё*, не используется после других согласных букв и не встречается в других графических позициях. Гораздо больше отличий эвенские йотированные буквы имеют в отношении дистрибуции: как уже отмечалось, в непервых слогах встречаются только буквы *я*, *е*, *и*, *ю*; буква *ӧ* употребляется в небольшом числе суффиксов, а после *ъ* употребляются только буквы *я* и *е*. Многозначность буквенных знаков {д}, {н} и йотированных букв в эвенском алфавите, как и многозначность букв {и} и {у} (см. выше), снимается контекстом во всех значимых случаях.

Отметим, что ранее (до 1958 г.) в эвенской графике различение фонем [д] и [ʒ] на письме осуществлялось посредством не одной, а двух буквенных пар: буквами {ы/и} для слов с переднерядной огласовкой, {э/е} — с заднерядной [Цинциус, Ришес, 1952, с. 706]. Это же правило действовало в отношении слов с согласными [т] и (по крайней мере формально) [н],

имеющими заднерядную огласовку. Применительно к позиции после [т] написания типа *тытэл* [*тӣтэл*] ‘раньше’ были фонетическими; кроме того, буквы *э* и *е* были явно перегружены значениями. Буква *э* обозначала краткий и долгий [э], а также краткий и долгий [и] и дифтонгоид [^{и}а] после букв {д}, {т}; буква *е*, кроме четырех вышеприведенных значений, также использовалась для обозначения дифтонгоида [^{и}е]: написания, не подходившие под указанные здесь значения, относились к традиционному принципу орфографии. Написания *тык* [*т^{и}ек*] ‘теперь’ (написание *тик*, в изобилии встречающееся в учебниках эвенского языка для начальной школы, — это либо следствие неверной транслитерации старых эвенских текстов, либо привнесение форм эвенкийского языка в эвенские тексты авторами или редакторами), *тытэл* [*тӣтӭл*] ‘раньше’, *тэбан* [*тибан*] ‘бежит’ хотя и позволяли различать те же гласные, что и действующие правила графики, но заметно расходились с произношением в двух случаях из трех (первом и третьем), в то время как ныне действующие правила графики в принципе не расходятся с произношением и не изображают на письме лишь незначительное число слогов (чтение написания {де} как [д^{и}е] и неразличение на письме слогов [ни] и [н’и]). Написание *нэна* вместо *нина* [*нйнā*] ‘блюдо для мяса’, видимо, всегда воспринималось как неприемлемое для эвенского языка.

5. *Использование буквы ь.* Как и йотированные буквы для гласных, знак *ь* используется в эвенском языке для отличия среднеязычных согласных [ʒ], [н’] от соответствующих переднеязычных [д], [н]. Таким образом, дистрибуция, или сочетаемость с другими буквами, у этого алфавитного знака намного более узкая, нежели в русском языке, где он сочетается со всеми согласными, кроме *г*, *к*, *х*, *й*: из этого списка не выпадают даже мягкие *щ*, *ч*. Более узким оказывается и круг полисимволических написаний согласных со знаком *ь*, который ограничивается в эвенском языке только написаниями *дь*, *нь* в конце слова и, в редких случаях, написаниями типа *эньки* ‘ножны’, т.е. перед согласными и иногда в гомогенных сочетаниях согласных {-дьд-}, {-ньн-}, встречающихся на стыках морфем.

Главное отличие значений *ь* в эвенской графике от его значений в русской графике — это то, что в эвенском письме мягкий знак никогда не используется в качестве разделительного. Графическим средством указания на алфавитное значение йотированных гласных в эвенском языке является твердый знак, употребление которого ограничивается немногочисленными морфемами, начинающимися с согласного [й], и единичными словами с постконсонантным [й] внутри морфемы (см. выше).

ОРФОГРАФИЯ

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Орфография — лингвистическая дисциплина, характеризующая правильное, соответствующее принятым нормам письмо на каком-либо языке. Сами эти нормы представляют собой возможность выбора из тех

альтернативных написаний, которые предоставляются в распоряжение пользователей графикой.

Известный русский лингвист А.И. Томсон, которому принадлежат многие важные идеи теории письма и методики обучения письму, сохраняющие актуальность и поныне, так обосновывал значение орфографии: «…у грамотного народа должна быть *орфография*, или *правописание*, т.е. *общепринятое одинаковое написание* каждого слова. Всякое отступление от раз принятой нормы называется неправильностью или ошибкой. Другой мерки правильности письма, кроме общепринятости, нет, как и в устном языке. Поэтому у грамотного народа сохраняется и прививается в школе *традиционное* правописание (писанный язык), так как колебания в правописании вызывали бы малограмотное чтение и писание, т.е. сделали бы народ малограмотным. Этим объясняется, почему в раз установившейся орфографии допустимы только частичные изменения, но не крупные переделки, и почему попытки коренных реформ правописания у грамотного народа никогда не имели успеха» [Томсон, 1910, с. 420].

Русская орфография, как и орфография любого другого языка, как система правил распадается на пять разделов: 1) правила передачи звуков (фонем) буквами в составе слов и морфем; 2) правила о слитных, полуслитных (дефисных) и раздельных написаниях слов; 3) правила употребления прописных (больших) и строчных (малых) букв; 4) правила переноса слов с одной строки на другую; 5) правила графического сокращения слов [Иванова, 1976, с. 133].

Если одним из важных понятий теории графики является графема, понимаемая как совокупность (набор аллографов) существующих средств для обозначения данной фонемы на письме, то аналогом графемы в орфографии служит **орфограмма.** В.Ф. Иванова определяет это понятие следующим образом: «…орфограмма — это написание, выбранное или еще искомое, в том случае, где пишущему предоставлен выбор букв для обозначения того или иного звука (фонемы)» [1991, с. 79]. Иными словами, орфограмма применительно к слову в графической форме — это один из аллографов, употребление которого обусловливается орфографическими нормами; орфограмма применительно к порождению графической формы слова — это искомый аллограф той или иной графемы в совокупности с правилами, определяющими выбор данного аллографа из набора аллографов данной графемы. Как нам кажется, инвентарь аллографов графемы точно соответствует всем альтернативным написаниям, которые предполагает конкретная орфограмма как обозначение фонемы.

Как и графика, орфография ориентируется на конкретные одно- или двусторонние единицы строя языка. Те единицы языка, написание которых нормирует и кодифицирует орфография, определяют основные принципы орфографии. Тем не менее минимальные единицы, манифестирующие орфографические нормы языка — это единицы, определяющие алфавитный тип письма, а именно фонемы. Не случайно В.Ф. Иванова пишет: «…орфографические принципы — это руководящие идеи выбора букв носителем языка там, где звук (фонема) может быть обозначен вариативно» [1991, с. 79].

Поскольку графика языков народов России, не имевших старой и устойчивой письменной традиции, строилась с ориентацией на фонематический, или фонемный, принцип, их орфография также должна была ориентироваться на фонематический принцип. Вопросы графики и орфографии оказались настолько тесно связанными друг с другом, что в науке о языках малочисленных народов Севера эти две научные дисциплины до недавнего времени не были разграничены. Тот аспект письменности языков народов Севера, который назывался «орфографией» в работах 1930–1950-х годов, на самом деле относился к графике, так как затрагивал способы обозначения фонем, а не нормы правописания. В отношении определения принципов орфографии конкретных языков, на что обращалось внимание при составлении сводов орфографических правил для некоторых языков в 1950-е годы, похоже, проявились различные понимания фонематического принципа орфографии, отражающие различное толкование термина «фонема» в Петербургской и Московской фонологических школах [Гвоздев, 1954, с. 67–73; Иванова, 1977, с. 108–110].

ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП ЭВЕНСКОЙ ОРФОГРАФИИ

В работах по эвенской графике и орфографии обычно писалось, что «орфография эвенского языка строится на сочетании фонетического, фонематического и морфологического принципов при преобладании принципа фонематического» [Новикова, 1958а, с. 98; Новикова, Лебедев, 1980, с. 19]. Данное утверждение имеет мало общего с реальностью; в особенности это касается проекта эвенской графики 1980 г., отличавшегося максимумом фонетических (даже не фонологических!) написаний и существенно сузившего возможности для единообразного написания суффиксальных морфем.

Выше уже говорилось, что фонематический принцип является доминирующим в эвенской графике. В отличие от многих языков, в которых графика и орфография основываются на разных принципах, в эвенском письме они согласуются друг с другом, так как в эвенской орфографии также преобладает фонематический принцип. В эвенском языке написание слова максимально приближено к отображению его фонемного состава: исключения в этом плане составляют немногочисленные названные выше отступления от фонематического принципа эвенской графики и особенности его применения, которые все без исключения имеют системный характер и являются предсказуемыми.

Применение фонематического принципа в эвенской орфографии придает ей значительное удобство для пишущего. В рамках данного принципа количество вариантов написания слова определяется числом аллографов, использующихся для обозначения фонем вне зависимости от значения морфем, и количеством значений букв.

Если обратиться к описанию способов обозначения фонем эвенского языка на письме, то окажется, что эвенская графическая система обладает следующими важными для орфографии свойствами:

1. Согласные графемы эвенского языка обычно не имеют более одного аллографа, а согласные буквы, как правило, обладают только одним

значением, по два значения имеют только буквы {д} и {н}, обозначающие передне- и среднеязычные согласные.

2. Гласные графемы эвенского языка имеют симметричные, однородные наборы аллографов, но при этом значения гласных букв не пересекаются. Одна и та же буква может обозначать две фонемы (например, буква {а} обозначает фонемы [а] и [ā]), одна и та же фонема может обозначаться двумя буквами (например, буквы {а} и {я} в слове *дягда* ‘сосна’), но при этом в эвенской графике нет таких случаев, чтобы неалфавитные значения одних букв совпадали бы с алфавитными значениями других (в этом отличие от русской графики, где пересекающиеся значения согласных букв составляют основу системы значений букв русского алфавита).

Сказанное побуждает признать, что в эвенском письме полностью отсутствуют орфограммы — условия выбора аллографов графемы в соответствии с орфографическими правилами. Такой выбор был бы возможен между алфавитным значением одной буквы и неалфавитным значением какой-либо другой буквы или нескольких букв (ср. рус. *род — рот*, *код — кот*, *грязь — карась*, *расчистить — отчистить — подчистить*). Отсутствие пересечений в значениях эвенских букв исключает возможную вариантность написания слов, которая предусматривается графикой языка при наличии многозначных букв. Система значений многозначных букв в эвенском языке полностью устраняет возможную альтернативность написаний слов в рамках графики эвенского языка. Иначе говоря, орфография эвенского языка устроена таким образом, что в ее правилах фактически невозможны ошибки, обусловленные возможностями собственной графики. То, что разные фонемы эвенского языка обозначаются одинаковыми буквами — в частности, это относится к кратким и долгим гласным, — также не создает возможностей для неправильного выбора букв при письме. Можно неправильно прочитать слова *ауан* [*āуān*] ‘он открыл’, *кивэ* [*кīвэ̄*] ‘береста’, *иргэ* [*иргэ̄*] ‘напильник’, не определив истинного значения гласных букв в них или не зная их лексического значения, но, пользуясь правилами эвенской графики, невозможно неправильно записать данные слова.

В таких условиях основная масса ненормативных написаний эвенских слов имеет своими причинами отнюдь не недостатки в собственных правилах орфографии, а совершенно другие факторы: 1) ошибочные написания вследствие незнания или несоблюдения правил графики; 2) написания в соответствии с устаревшими правилами графики; 3) фонетические написания, приближенно передающие звучание того или иного слова в диалектах; 4) некорректные написания вследствие ошибочной транслитерации слов, записанных при помощи устаревших правил графики; 5) ошибочные написания, вызванные эвенско-русской или эвенско-якутской фонетической и графической интерференцией. Русская орфография поглощает возможные отражения диалектного произношения за счет тех возможных вариантов обозначений фонем, которые имеются в распоряжении русской графики (например, написания по диалектному произношению типа *карова*, *сяло*). Эвенская графика не имеет таких «изобразительных

ресурсов» для написания слов, какими располагает графика русского языка вследствие многозначности букв русского алфавита. Поэтому отражение диалектных явлений на письме в русском и эвенском языках должно квалифицироваться по-разному. Для русского языка это написания ненормативные, но заключенные в системе русской графики и в определенной мере предполагаемые, для эвенского — написания, находящиеся вне пределов правил графики.

Что касается норм произношения эвенских слов при чтении, то эти вопросы выходят за пределы орфографии и относятся к методике обучения чтению, которая основывается на активном усвоении и применении правил графики, представляющих звуковые значения эвенских букв. Орфография как правописание и корректное чтение как озвучивание письменного текста — это два разных вопроса.

Как уже отмечалось, эвенская орфография основывается на фонематическом принципе. То, что при этом корневые морфемы большей частью имеют единообразные устойчивые написания (например, *мо* ‘дерево’, *нам* ‘море’, *хуклэ=* ‘спать’, *дэсчи=* ‘лежать’, *тэг=* ‘сесть’ и т.п.) отнюдь не значит, что эвенский язык имеет морфологический принцип орфографии. Достаточно проследить изменение внешнего облика корня *оран* ‘олень’ в разных падежных формах: винительный падеж — *орам*, направительно-местный — *оракла*, исходный — *орунич*, творительный — *орань*, и можно убедиться, насколько последовательно в эвенском письме отражается изменение звукового облика корня или суффикса (см. выше варьирование суффикса обычно совершаемого действия *-ват-/-ч-//-вэт-/-ч-*).

Если бы в эвенском языке действовала орфография, основанная на морфологическом принципе, то в нем, скорее всего, не отображалась бы в первую очередь гармония гласных. На самом же деле, как известно, в эвенском языке гармония гласных отражается на письме вместе с ассимиляциями и чередованиями согласных. Морфологический принцип орфографии препятствовал бы отражению на письме ассимиляции звонких и глухих согласных, а также разнообразных непозиционных чередований согласных на стыках морфем. По сути дела, говорить о проявлениях морфологического принципа в орфографии эвенского языка не приходится. Лишь отдельные написания, о которых пойдет речь ниже, могут рассматриваться как в какой-то мере отвечающие морфологическому принципу орфографии в эвенском языке.

ПРИМЕНЕНИЕ ДРУГИХ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ В ЭВЕНСКОЙ ОРФОГРАФИИ

В орфографии эвенского языка фонематический принцип является ведущим, но отнюдь не единственным. Фонематический принцип в орфографии эвенского языка не распространяется на слова, заимствованные из русского языка, в особенности на те, которые были заимствованы в 1930–1970-е годы и заимствуются уже в наши дни. Причина этого в том, что в нормированной письменной форме эвенского языка написания дан-

ных слов отвечают цитатному принципу, так как написание русских слов в эвенском письме повторяет их написание по нормам русского языка. При вхождении слов русского языка в состав других языков народов России и бывшего СССР, пользующихся алфавитами на кириллической основе и контактирующими с русским языком при двуязычии их носителей, указанный принцип признан оптимальным [Дешериев, 1966, с. 375].

Кроме того, необходимо отметить, что лексический состав и грамматический строй эвенского языка до сих пор не имели полного описания, учитывающего все возможные случаи формообразования и словоизменения в письменной форме языка, ориентированной на ныне действующие правила графики. Описание морфологии эвенского языка, представленное в грамматическом очерке В.И. Цинциус [1947], выдержано в графике эвенского языка, применявшейся в 1940–1953 гг., следовательно, представленные там написания эвенских грамматических форм не во всем отвечают ныне действующей графике. Изложение эвенской морфологии, содержащееся в учебнике эвенского языка для педучилищ [Новикова и др., 1991], также не дает полного представления о правописании всех грамматических форм эвенского языка, поскольку представленные в нем таблицы образования грамматических форм иллюстрируют лишь отдельные типы парадигм. Другие грамматические труды по эвенскому языку, полностью охватывающие его морфологический строй [Новикова, 1960, 1980], преподносят читателям материал в фонетической транскрипции и не дают ее графико-орфографических соответствий. Поэтому в орфографии эвенского языка выявляется довольно много вопросов, не получивших на сегодняшний день однозначного решения.

I. Сложно однозначно квалифицировать с точки зрения принципов орфографии написания эвенских слов типа *хаир* ‘перчатки’ и *эиргэ* ‘щипцы, клещи’. Во-первых, они не полностью отвечают фонематическому принципу орфографии, так как в таких словах формально не выписывается согласный [й]; во-вторых, буква *и* принадлежит к серии йотированных гласных, в то время как позиция после гласного автоматически предполагает для последних йотацию, т.е. присутствие фонемы [й] перед следующим гласным; в-третьих, написания без буквы *й* практически соответствуют реальному произношению этих слов. Данные написания укладываются в систему обозначения согласного [й] на письме в словах типа *булатмия* ‘тряпка’, *аявран* ‘любит’, *эен* ‘течение’, *буюн* ‘дикий олень’. Можно, однако, согласиться с тем, что такие написания отвечают как фонематическому, так и фонетическому принципам орфографии.

II. Цитатные написания. Цитатный принцип орфографии используется в эвенском языке при написании слов, заимствованных из русского языка. Эти слова подразделяются на несколько групп:

1) общественно-политическая терминология: например, *федерация*, *президент*, *совет*, *администрация*;

2) терминология, связанная с современными формами хозяйственной жизни, хозяйством: например, *совхоз*, *колхоз*, *кооператив*, *инженер*, *механик*, *электростанция*;

3) терминология, связанная с явлениями культурной жизни: например, *школа*, *клуб*, *концерт*, *фестиваль*, *семинар*;

4) терминология, относящаяся к средствам транспорта: например, *пароход*, *самолет*, *вертолет*, *аэропорт*, *вездеход*, *трактор*, *тракторист*.

Написания таких слов применительно к эвенскому языку можно было бы назвать и традиционными. Но к традиционным относят написания, не имеющие прозрачной мотивировки графического облика или отражающие произношение слова в какой-то исторический период. Появление рассматриваемых слов в эвенском языке связано с письменной формой современного русского литературного языка.

Однако отражение на письме отдельных грамматических форм слов, написание которых является цитатным, в целом соответствует ведущему фонематическому принципу эвенской орфографии. Это касается, в частности, соединительных гласных в грамматических формах собственных имен типа *Эвенскатки* ‘в Эвенск’, *Эвенскала* ‘в Эвенске’. Такие написания явственно отвечают фонематическому принципу орфографии, хотя варианты суффиксов *-атки* и *-ала* в эвенских словах просто невозможны, так как в них нет конечных сочетаний согласных. Это же относится и к именам нарицательным типа *тракторист*, *слесарь* и т.п.

ПРОБЛЕМЫ КОДИФИКАЦИИ ПИСЬМЕННОЙ ФОРМЫ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА

Орфография эвенского языка, для которой ведущим является фонематический принцип, должна быть весьма простой и удобной для пишущих по-эвенски. Однако пользование письменной формой эвенского языка вызывает затруднения у многих из тех, кто владеет языком и пользуется им — от школьников, изучающих эвенский язык в начальной школе, до писателей, педагогов и издательских работников. К числу причин, вызывающих трудности при письме на эвенском языке, относятся частые и немотивированные смены правил эвенской графики с 1937 по 1958 г., стремление отдельных представителей эвенского этноса реформировать эвенскую графику в 1980-е годы, несовершенство методики обучения чтению и письму и застой в методической мысли, причиной и следствием которого являются переиздания учебников родного языка для начальной школы без необходимой замены и кардинальной переработки, проницаемость письменного языка с фонематической графикой и орфографией для диалектных явлений в области фонетики и отчасти в области морфологии. Негативно сказывается на поддержании норм письменного эвенского языка и недоступность свода правил его графики и орфографии, а также несовершенство преподнесения графико-орфографических правил в издании 1958 г. [Новикова, 1958а], отсутствие современных грамматических описаний эвенского языка, русско-эвенских словарей, нормирующих и кодифицирующих написание слов для письменного языка.

Основания нормализации написания слов для языков с фонематическим принципом орфографии, к каковым относится и эвенский язык, в

настоящее время еще не выработаны. То, что в эвенском письме отсутствуют орфограммы (ситуации выбора одного написания из тех нескольких возможных написаний, которые предусматриваются графикой языка), делает невозможным описание орфографии эвенского языка в виде правил, определяющих написание тех или иных букв в определенных позициях или сочетаниях букв. Точно так же при установлении правописания определенных грамматических форм эвенского языка мы имеем дело не с выбором орфографически корректных вариантов из числа тех, которые предполагаются возможностями графики, а с теми вариантами, которые соответствуют письменному языку и при этом по написанию отвечают фонематическому принципу орфографии.

Основная проблематика русской орфографии — соотношение написания и произношения, которому уделяется так много внимания в соответствующих трудах [Иванова, 1976, с. 191–224; 1977, с. 92 и след.; 1991, с. 77–159]. Поэтому в русской орфографии выделяются три группы орфографических правил: 1) чисто орфографические, определяющие единообразное написание морфем в соответствии с правилами графики; 2) фонетико-орфографические, определяющие написания в соответствии с произношением при наличии морфонологических или морфологических вариантов грамматических форм (например, написание форм родительного падежа множественного числа *вишен*, *деревень* при единообразном виде именительного падежа *вишня*, *деревня*); 3) грамматико-орфографические, регулирующие написание отдельных граматических форм [Иванова, 1976, с. 223–224].

Фонематический принцип эвенской орфографии, по существу, исключает наличие в ней чисто орфографических правил (такие правила необходимы в языке в тех случаях, когда орфография базируется не на фонематическом принципе или когда основные принципы графики не совпадают с принципами орфографии). Фонетико-орфографические правила, как отмечают теоретики, являются фактически правилами языка, а не собственно орфографии [Там же, с. 224]. Для эвенской орфографии наиболее существенны правила третьей группы — грамматико-орфографические правила, определяющие нормативное написание конкретных грамматических категориальных форм. Однако и здесь ситуация не соответствует тому, что мы наблюдаем в русском письме: эвенская орфография нормирует не какой-то выбор из возможных по правилам графики написаний той или иной грамматической формы, а сам внешний облик данной грамматической формы из числа тех его вариантов, которые встречаются в индивидуальной речи, говорах и диалектах.

Применительно к эвенскому языку с учетом двуязычия и частичного многоязычия его этнических носителей, многодиалектности языка и наличия фонетических различий между отдельными говорами восточного наречия, лежащего в основе письменного эвенского языка, является целесообразным представлять нормы правописания грамматических форм в виде последовательного изложения самих грамматических форм с учетом существующих диалектных произносительных вариантов.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ БУКВ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА

Слова с буквой *ё*

По нормам графики буква *ё* в эвенском языке обозначает гласные [о], [ō] в положении после согласных [д] и [н] и пишется в следующих корневых морфемах:

1) *дёг=* ‘бедствовать’, *дёк=* ‘соглашаться’, *дёл* ‘камень’, *дёлдан* ‘вознаграждение’, *дёрам=* ‘украсть’, *нёка* ‘якут’, *нёран* ‘ложбина’ — в данных случаях буква *ё* обозначает краткий гласный [о];

2) *дё* [*зо:*] ‘желчь’, *дёд=* ‘приготовить’, *дёдан* ‘вещь, имущество’, *дёлак* ‘возлюбленный, возлюбленная’, *дён=* ‘вспомнить, помнить’, *дёнта=* ‘воспевать’, *дёӈи=* ‘подражать’, *нёбати* ‘белый’, *нёг* ‘вожжи, уздечка’, *нёг=* ‘идти, ехать впереди’, *нён=* ‘убежать’, *нёнтаку* ‘синяк’, *нёӈчак* ‘волк’, *нёри* ‘посох для езды на олене (женский)’, *нёрук* ‘передовой олень’ — здесь буква *ё* обозначает долгий гласный [ō].

Слова с буквой *ӧ*

По нормам эвенской графики, буква *ӧ* обозначает гласные [ө], [ө̄] в положении после согласных [д] и [н] и употребляется в следующих корневых морфемах:

1) *дӧбу=* ‘добиваться успеха’, *дӧк* ‘лед (чистый, гладкий)’, *дӧкэр=* ‘остановиться’, *дӧлбэр* ‘мягкий’, *дӧлкуӈчи=* ‘внезапно ворваться’, *нӧкчэ* ‘бахрома, кисть из замши’ — в данном случае буква *ӧ* обозначает краткий гласный [ө];

2) *дӧдэн* ‘ольха’, *дӧкэн* ‘выдра’, *дӧр* ‘два’, *нӧвуӈчи=* ‘высунуться, вынырнуть’, *нӧ=* ‘выйти, выходить’, *нӧгэ* ‘родственник, племянник’, *нӧлтэн* ‘солнце’, *нӧмэ* ‘истощенный’, *нӧне* ‘грех; грешно’, *нӧрут/ч=* ‘плавить металл’, *нӧчэ* ‘трава’, *нӧчэрук* ‘заварочный чайник’ — буква *ӧ* обозначает долгий гласный [ө̄].

Правила написания букв *ё* и *ӧ* распространяется также на все производные слова, содержащие вышеприведенные корневые морфемы.

Эвенские буквы *ё* и *ӧ* при появлении в суффиксах после согласных [з], [н’], [й] образуют буквенную пару, обозначающую гласные [ō]//[ө̄], чередующиеся в суффиксах в соответствии с законами гармонии гласных.

Буквы *ё* и *ӧ* встречаются в следующих суффиксах:

1) суффикс винительного падежа в притяжательной форме 3-го л. ед. ч.: *удьдён* ‘его след’, *өкэньнөн* ‘ее молоко’, *деййөн* ‘его лезвие’ и т.п.;

2) суффиксы несовершенного вида *-д-//-з-*, а также конечные согласные основ глаголов [з], [н’], суффикс вида интенсивного действия *-н-//-н’-*, суффикс многократности *-й-*, суффикс редко совершаемого действия *-ван-/-ван’-//-вэн-/-вэн’-*, суффикс ослабленного/замедленного действия

-дян-/-дян'-//-ден-/-ден'- в сочетании с суффиксом вида обычного действия *-дьдет/ч-//-дьдөт/ч-*, *-ньнет/ч-//-ньнөт/ч-*: *бодадьдёттай* 'все время следовать за кем-л.', *хуклэдьдөттэй* 'все время спать', *гаваньнёттай* 'обычно брать', *нулгэденнөттэй* 'все время не спеша кочевать' и т.п.

Написания суффиксов глаголов с конечным согласным [й] типа *дяйдай* 'спрятать' и с суффиксом многократности *-й-* типа *омнайдай* 'забывать' в сочетании с суффиксом вида обычного действия *-ват/ч-//-вэт/ч-* в настоящее время не нормированы (о них см. ниже в разд. «Нерешенные вопросы эвенской орфографии»).

Написание буквы {ё} в заимствованных словах типа *самолёт*, *вертолёт* в эвенском языке является факультативным. Как и в русском языке, вместо нее в таких словах может использоваться буква {е}.

После среднеязычного согласного [ч] употребляется буквенная пара {о/ө}, ср. *ануччоттай* 'обычно ночевать где-л.' — *тэгэччөттэй* 'обычно сидеть где-л.'

Допускается неупотребление буквы {ё} в топонимах, которые должны писаться по-русски с буквой {ё}, но пишутся с буквой {е}, например: *Оетунг.*

Как курьез эвенской графики и орфографии можно отметить написание чукотского имени *Ёо* в виде *Йоо* в переводах рассказов Ю. Рытхэу на эвенский язык в школьном учебнике и в отдельном издании рассказов при разных переводчиках этих книг. В чукотской графике данное имя пишется как *Ёо*, но в русскоязычном тексте для более точной передачи звучания (чтобы читатель не воспринимал его как *Ео* [йэо]) применено написание *Йоо.* Из русского текста оно по крайней мере дважды в разных изданиях произведений переносилось в эвенский язык.

ПРАВОПИСАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА

Правописание основ слов

Правописание основ слов в эвенском языке в наибольшей мере отвечает фонематическому принципу орфографии. Именные и глагольные основы в подавляющем большинстве случаев не изменяют своего написания при словообразовании и словоизменении. Графический облик именных и глагольных основ на гласный остается прежним, например: *моми* 'лодка' — *момиңат* 'наша лодка' — *момилдулавур* 'в своих лодках'; *хуклэн* 'спит' — *хуклэвкэттэн* 'заставляет спать' — *хуклэвэтти* 'обычно спящий' и т.д.

Единообразное правописание имеют и основы, оканчивающиеся на согласные: *тог* 'огонь' — *тоггачин* 'как огонь' — *тогкакан* 'огонек' — *тогдук* 'из огня' — *тогал* 'огни'; *бакран* 'нашел' — *бакчип* 'мы найдем' — *бакадянран* 'находит (изредка, постепенно)'. Закономерности написания

гласных, появляющихся между основой и суффиксами, соответствуют правилам гармонии гласных: если в корне в первом слоге представлен гласный заднего сингармонического ряда, то между основой и суффиксом, а также в суффиксах и между суффиксами пишется {а}; если переднего ряда, то между основой и суффиксом, в суффиксах и между суффиксами пишется {э}. В отдельных случаях, причем в именных частях речи, появление межморфемного гласного обусловлено характером конечного звука основы, а именно — после согласного {ч} пишется гласный {и}: ср. *эрбэч* ‘гусь’ — *эрбэчил* ‘гуси’ — *эрбэчинде* ‘гусище’ — *эрбэчкэкэн* ‘гусик’.

Правописание именных основ

Именные основы, оканчивающиеся на среднеязычные согласные [ʒ] и [н’] (в графике — {дь} и {нь}), сохраняют эти написания при присоединении к ним морфем, начинающихся с согласного: *удь* ‘след’, *удьгич* ‘со стороны следа’, *удькакан* ‘следочек’, *удьгас* ‘след для тебя’, *өкэньгэн* ‘молоко для него’. При присоединении к таким основам морфем, состоящих из одного согласного, в основах не употребляется конечный {ь}, а качество согласного обозначается тем, что между морфемами пишется гласный {и}: *хотудь* ‘проводник’, *хотудил* ‘проводники’, *хотудилбу* ‘проводников’, *хотудиӈгаку* ‘проводника (не моего) мне’, *өкэниӈэн* ‘молоко ее (не собственное, а то, которое есть, например, у хозяйки в наличии)’.

В именных основах, оканчивающихся на *-н* (кроме основ слов с конечным *н*, которые склоняются по общему правилу для слов с основой на согласный), в разных морфологических позициях либо утрачивается конечный согласный, либо он чередуется с другими согласными: *оран*, *оран-дук*, *оран-дула*, *ора-кла*, *ор-му*, *ора-м*, *ора-р*, *ор-ӈич*. В четырех последних случаях основа и суффиксы как бы накладываются друг на друга. Такое же частичное наложение наблюдается при образовании форм отчуждаемой принадлежности; ср. *орму* ‘мой олень’ с утратой конечного *-н* основы.

Правописание глагольных основ

Правописание глагольных основ в эвенском языке еще более единообразно, нежели именных. Глагольные основы с конечными гласными не изменяются, с конечными согласными — также не изменяются, за исключением межморфемных гласных. Глагольные основы с конечным *-н*, изменяющиеся по типу основ на согласный типа *хаӈандай* ‘шить’, *ӈэндэй* ‘идти’, тоже не меняют своего графического облика.

Глагольные основы на среднеязычные согласные [ʒ], [н’] почти не меняют своего внешнего облика. Единообразное написание глагольных основ с конечными [ʒ], [н’] достигается за счет того, что чередование двух названных переднеязычных согласных со среднеязычными не отражается на письме. Сравним следующие формы глаголов.

Исходные формы — формы несовершенного вида с суффиксом *-д-* [д//ʒ]: *эмэддэм* ‘я прихожу’, *эмэдинри* ‘ты приходишь’, *эмэдис* ‘вы приходи-

те', *эмэдилрэн* 'он начал приходить', *эмэдьдөттэн* 'он приходит (обычно, часто)', *эмэдчэ* 'приходивший (неоднократно)', *эмэддиӈэ* 'тот, который будет приходить'.

Производные формы — формы длительного и ослабленного действия с суффиксом *-дян-//-ден-*: *эмэденрэм* 'я прихожу (иногда)', *эмэденинри* 'ты приходишь (иногда)', *эмэденис* 'вы приходите', *эмэденилрэн* 'он начал приходить', *эмэденнеттэн* 'он приходит', *эмэденчэ* 'приходивший', *эмэдендиӈэ* 'тот, который будет приходить'.

Глагольные основы с конечным глухим среднеязычным [ч] ведут себя несколько иначе, чем основы с конечными [з] и [н'] — здесь действует следующее правило: перед гласными суффиксов и соединительными гласными пишется {ч}, перед согласными — {т}, исключение составляет только суффикс *-ват/ч-//-вэт/ч-*, перед соответствующей ассимилированной формой которого пишется согласный *ч*.

Например: *тэгэттэм* 'я сижу', *тэгэчинри* 'ты сидишь', *тэгэчис* 'вы сидите', *тэгэчилрэн* 'он начал сидеть', *тэгэтчэ* 'сидевший', *тэгэтчиӈэ* 'тот, который будет сидеть', но *тэгэччөттэн* 'он сидит (обычно, постоянно)'.

Глагольные основы с конечным согласным *-н* типа *гөндэй* 'говорить, сказать', образующие отдельный словоизменительный тип, как и аналогичные именные основы, демонстрируют те же закономерности. Конечный *-н* глагольных основ либо сохраняется, либо отпадает, либо чередуется с другими согласными по тем же правилам и с теми же рядами чередований, что и конечный *-н* в именных основах: *гөнэм* 'я говорю', *гөнэнри* 'ты говоришь', *гөли* 'скажи', *гөпчэ* 'сказанное слово, поговорка', *гөвэттэн* 'он обычно говорит', *гөмкэнни* 'он заставил (кого-то) сказать'. Однако типы чередований фонем в такого рода примерах, все без исключений отражаемые на письме, зависят от характера и значения присоединяющейся к основе морфемы, а отнюдь не от характера сочетаний согласных на стыках основы и суффикса. Можно заметить, что сочетания согласных на стыках морфем в именных формах типа *оран* 'олень' + суффикс множественного числа *-л* и глагольных формах типа *гөн=* 'говорить' + суффикс 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения *-ли-* одни и те же, между тем как морфонологическое поведение основ и суффиксов неодинаково: в первом примере усечение основы сопровождается изменением алломорфа суффикса, во втором — наблюдается простое усечение конечного согласного основы *-н*.

Правописание словообразовательных и словоизменительных суффиксов

Правописание словообразовательных и словоизменительных суффиксов в эвенском языке подчинено определенным закономерностям, в соответствии с которыми суффиксы изменяют свой внешний вид вследствие ассимиляции и чередования на стыках морфем. Суффиксальные морфемы в эвенском языке более подвержены морфонологическим изменениям, не-

жели корневые морфемы и основы слов в широком смысле этого слова, к которым относятся не только корни, но и присоединяющиеся к корням словообразовательные суффиксы и последовательности суффиксов.

Общая закономерность правописания эвенских суффиксов следующая: в соответствии с фонематическим принципом орфографии фонетическое варьирование суффикса всегда находит на письме свое отражение. Приведем в качестве примера разные алломорфы суффикса творительного падежа имен: *оран* ‘олень’ — *ора-нь* ‘оленем’ — *оран-ди-н* ‘его оленем’; *инмэ* ‘игла’ — *инмэ-ч* ‘иглой’ — *инмэ-ди* ‘своей иглой’. Это общее правило определяет следующие частные правила правописания эвенских суффиксов, зависящие от их фонетической структуры:

I. В суффиксах, начинающихся с шумных согласных, звонкие согласные чередуются с глухими под влиянием конечного согласного основы: *тог-ду* ‘огню, к огню, в огне’, *окат-ту* ‘реке, к реке, в реке’, *эм-диӈэн* ‘придет’, *бак-чиӈан* ‘найдет’, *тэг-гэрэ-н* ‘садится (неоднократно)’, *тэгэткэрэ-н* ‘сидит (неоднократно, подолгу)’. Не поддается ассимиляции согласный, следующий за звонким щелевым [ɣ]: ср. *мача* ‘убитый’ — *бакча* ‘найденный’, но *хигчэ* [*хиɣчэ̄*] ‘ободранный, освежеванный’.

II. Суффиксы, начинающиеся со стечения согласных, при их присоединении к основам с конечным согласным подразделяются на две группы:

1) суффиксы, приобретающие гласный, вставляемый внутрь суффикса между согласными:

• суффикс направительного падежа *-тки/-таки/-тэкӣ*: *хякита-тки* ‘к дереву’, *окат-таки* ‘к реке’, *төӈэр-тэки* ‘к озеру’;

• суффикс вида неоднократного действия *-гра-/-грэ-//-гара-/-гэрэ-/-кара-/-кэрэ̄-*: *хота-гра-дай* ‘ошибаться’, *есчи-грэ-дэй* ‘обгонять’, *дав-гарадай* ‘переправляться через реку’, *эм-гэрэ-дэй* ‘приходить’, *дас-кара-дай* ‘накрывать, покрывать’, *тик-кэрэ-дэй* ‘падать (неоднократно)’;

• суффикс причастия будущего времени *-дӈа/-дӈэ//-диӈа/-диӈэ*: *дабдадӈа* ‘тот, который уступит (проиграет)’, *нимэгнэ-дӈэ* ‘тот, который придет в гости’, *илран-диӈа* ‘тот, который будет жалеть’, *хөр-диӈэ* ‘тот, который уйдет’;

2) суффиксы, присоединяющиеся к основе посредством соединительного гласного:

• суффиксы направительно-местного и направительно-продольного падежей имени: *хякита-кла* ‘до дерева’, *хякита-кли* ‘мимо дерева’, *окат-а-кла* ‘до реки’, *окат-а-кли* ‘мимо реки’;

• суффикс причастия удобства для совершения действия *-бган/-бгэн*: *оӈка-бган* ‘удобный для пастьбы (о местности)’, *пэктэрэ-бгэн* ‘удобный для стрельбы (о ружье)’, *утал-а-бган* ‘легко понятный’, *дэгэл-э-бгэн* ‘удобный для взлета’;

• суффикс вида ослабленного действия/попытки к действию *-счи-*: *гирка-счи-н* ‘пытается идти, медленно идет’, *ил-а-счи-н* ‘пытается встать’, *тэг-э-счи-н* ‘пытается сесть’;

• суффикс сослагательного наклонения глагола *-мчи*: *ха-мчи* ‘если бы он знал’, *бак-а-мчи* ‘если бы он нашел’, *деб-э-мчи* ‘если бы он съел’;

• суффикс вида обратного действия *-лга-/-лгэ-* и суффикс вида противоположного действия *-рга-/-ргэ-*: *өне-дэй* ‘привязать’ — *өне-лгэ-дэй* ‘отвязать’, *ал-дай* ‘запрячь’ — *ал-а-лга-дай* ‘распрячь’, *бө-дэй* ‘дать, отдать’ — *бө-ргэ-дэй* ‘отдать назад, возвратить’, *эм-дэй* ‘прийти’ — *эм-э-ргэ-дэй* ‘вернуться назад’.

III. Суффиксы, начинающиеся с согласного [р], в эвенском языке подвергаются различным морфонологическим преобразованиям, значительно видоизменяющим внешний облик основы и суффикса. Тем не менее все подобные видоизменения находят последовательное отражение на письме:

1) суффикс, оформляющий термины приобретенного родства *-рани/-рэни/-сэни*: *аман* ‘отец’, *энин* ‘мать’, *хут* ‘дитя, ребенок (по отношению к родителям)’ — *ам-рани* ‘отчим’, *энь-рэни* ‘мачеха’, *хур-сэни* ‘пасынок, падчерица’;

2) суффикс настоящего времени изъявительного наклонения глагола *-ра-/-рэ-*: *ха-ра-м* ‘я знаю’, *гөн-эм* ‘я говорю’, *тик-рэн* ‘он упал’, *деп-тэн* ‘он съел’, *ис-сан* ‘он дошел (до какого-то места)’.

IV. Суффиксы с конечным [-й]. Показатель формы цели глагола, принятый в эвенском языке в качестве словарной формы глаголов, имеет единообразное написание *-дай/-дэй//-тай/-тэй*: *ха-дай* ‘знать’, *алат-тай* ‘ждать’, *нулгэ-дэй* ‘кочевать’, *тугэс-тэй* ‘зимовать’.

Варианты произношения типа *ха-дайи*, *алат-тайи* в письменной речи не употребляются.

Безлично-притяжательный суффикс единственного числа -й, чередующийся с *-и* при присоединении к конечным согласным, пишется в соответствии с произношением: *корбака-й* ‘свою шапку’, *адал-и* ‘свою сеть’, но *о-и* ‘свою одежду’, *де-и* ‘свое лезвие’.

Правописание форм числа имени

Формы множественного числа имени от основ на гласный в эвенском языке имеют единообразное написание с суффиксом *-л*: *кумал* ‘нерпы’, *дюл* ‘дома’. Формы множественного числа имени от основ на согласный имеют связующий элемент — соединительный гласный *-а-* или -э- в зависимости от огласовки корня: *корит-а-л* ‘уши’, *бөдэл-э-л* ‘ноги’. Если основа оканчивается на среднеязычный согласный, после нее показатель множественного числа приобретает связующий элемент *-и-*: *уд-и-л* ‘следы’, *эрбэч-и-л* ‘гуси’, *хэӈун-и-л* ‘медведи (табу)’. Этот же связующий элемент используется в словах, оканчивающихся на *-й*: *бэй* ‘человек’ — *бэ-и-л* ‘люди’, *окай* ‘мухомор’ — *ока-и-л* ‘мухоморы’.

В диалектах встречаются примеры произношения *удял* ‘следы’, *бэйэл* ‘люди’. Подобные написания для письменного эвенского языка нормативными не являются.

Формы множественного числа от основ, оканчивающихся на *-н*, пишутся с конечным *-р*: *оран* ‘олень’ — *орар* ‘олени’. В диалектах и иногда в устной речи встречаются формы типа *орал* ‘олени’, *мурал* ‘лошади’. В письменном языке такие формы не употребляются.

Правописание падежных форм

Формы винительного падежа

Графические варианты суффикса винительного падежа *-в/-у/-ю*, *-м*, *-бу* распределены между всеми словоформами в зависимости от конечного согласного и конечного суффикса основы: *мө-в* ‘воду’, *ӈин-у* ‘собаку’, *чалба-м* ‘березу’, *бэил-бу* ‘людей’, *мурар-бу* ‘лошадей’. Графический вариант *-ю* применяется в немногочисленных словах, оканчивающихся на среднеязычные согласные [ʒ] и [н’], отображаемые в конце слова буквосочетаниями {дь} и {нь}, а также в словах с конечным {й}, например: *удю* ‘след’, *хотудю* ‘проводника’, *хөлнэдю* ‘гостя’, *өкэню* ‘молоко’, *эӈэню* ‘короткий пояс’, *бэю* ‘человека’, *окаю* ‘мухомор’. Вариант *-бу* используется только после суффикса множественного числа: ср. *бөдэл-у* ‘ногу’, но *дюл-бу* ‘дома’, *хаир-у* ‘перчатку’, но *орар-бу* ‘оленей’.

Формы направительного падежа

Варианты суффикса направительного падежа *-тки*, *-таки*, *-тэки* также распределены в зависимости от конечного гласного основы: *хякитатки* ‘к дереву’, *кадартаки* ‘к скале’, *мэгдынтэки* ‘к мысу’, *хигланtаки* ‘к полынье’. В заимствованных словах (чаще всего в названиях мест), оканчивающихся на два согласных, применяется вариант *-а-тки*, *-э-тки*: *Якутскатки* ‘в Якутск’, *Хабаровскатки* ‘в Хабаровск’, *Эвенскэтки* ‘в Эвенск’.

В отдельных западных диалектах эвенского языка после основ на гласный суффикс направительного падежа встречается в виде *-кки*, например: *дюкки* ‘к дому, домой’. В письменном языке такие формы не употребляются.

Формы отложительного падежа

Все типы именных основ проявляют единообразие в образовании данных форм. Суффикс отложительного падежа *-дук/-тук* не подвергается изменениям; графический вариант определяется звонкостью или глухостью конечного согласного: *төӈэрдук* ‘из озера’, *окаттук* ‘из реки’. В непритяжательном склонении имен, оканчивающихся на два согласных, перед падежным суффиксом появляется гласный *-а-* или *-э-*: *Якутскадук*, *Эвенскэдук*. В притяжательном склонении данные падежные формы существительных имеют соединительный элемент *-у-*: *дюдукус* ‘из твоего дома’, *дюдукутан* ‘из их дома’. В безлично-притяжательной форме единственного числа конечный суффикс *-й* чередуется с *-и*, например: *дю-дук-и* ‘из своего (его) дома’. В безлично-притяжательной форме множественного числа отложительного падежа показатель принадлежности ведет себя так же, как в словах с основой на согласный, например: *дю-дук-ур* ‘из своего (их) дома’.

Формы исходного падежа

Суффикс исходного падежа *-гич/-кич* в непритяжательном склонении имен с основой на гласные и согласные, кроме *-н*, не меняет своего внешнего облика, а выбор графического варианта зависит только от звонкости или глухости конечного согласного: *окаткич* ‘со стороны реки’, *удьгич* ‘со стороны следов’. В словах, оканчивающихся на *-н*, но изменяющихся по общему типу слов с конечным согласным, сочетание *-н + г-* на стыке основы и суффикса сохраняется: ср. *ŋин-гич* ‘с той стороны, где находится собака’. В словах с основой на *-н* конечный согласный основы сливается с начальным согласным суффикса: *урэкчэ-ŋич* ‘со стороны сопки’, *бэркэ-ŋич* ‘с той стороны, где стоит самострел’.

Формы творительного падежа

Все варианты суффиксов творительного падежа отображаются на письме в соответствии с произношением: ср. *мɵ-ч* ‘водой’, *инŋат-а-ч* ‘шерстью’, *ора-нь* ‘оленем’, *инмэ-л-ди* ‘иглами’, *ора-р-ди* ‘оленями’.

Формы назначительного падежа

Правила правописания суффикса назначительного падежа *-га-/-ка-// -гэ-/-кэ-*, который не употребляется в непритяжательном склонении, в целом те же, что и для форм исходного падежа: ср. *удасак-ка-н* ‘плащ для него’, *чог-га-с* ‘колокольчик для тебя’, *ŋин-га-сан* ‘собаку для вас’, *хирка-ŋа-ку* ‘нож для меня’.

Правописание притяжательных форм

Притяжательные формы именительного падежа

Притяжательные формы 1-го л. ед. ч. с суффиксами *-в*, *-у*, *-му* распределены по типам именных основ: *дю-в* ‘мой дом’, *хэлэк-у* ‘мой мешок, моя сумка’, *ŋин-у* ‘моя собака’, *ор-му* ‘мой олень’, *хирка-му* ‘мой нож’.

В диалектах и индивидуальном произношении довольно часто наблюдаются такие притяжательные формы 1-го л. ед. ч. от основ на гласный, в которых на конце присутствует лабиализованный гласный: *дюву* ‘мой дом’, *туркиву* ‘моя нарта’. В письменном языке используются только формы с конечным *-в*.

Притяжательные формы 2-го л. ед. и мн. ч., имеющие суффиксы *-с/-си*, *-сан/-сэн*, пишутся в соответствии с произношением, например: *дю-с* ‘твой дом’, *турки-с* ‘твоя нарта’, *дю-сан* ‘ваш дом’, *турки-сан* ‘ваша нарта’, *ŋин-а-с* ‘твоя собака’, *ŋин-а-сан* ‘ваша собака’, но *оран-си* ‘твой олень’, *оран-сан* ‘ваш олень’.

В ряде диалектов эвенского языка суффикс притяжательной формы 2-го л. мн. ч. имеет форму *-сни* (ср. *дюсни* ‘ваш дом’), а в тех диалектах, где согласный *-с* переходит в *х* [h], притяжательные формы 2-го л. ед. и мн. ч. имеют вид *-х*, *-хнан/-хнэн*: ср. *дюх* ‘твой дом’, *дюхнан* ‘ваш дом’. Данные диалектные формы в письменном языке не употребляются.

Притяжательные формы 3-го л. ед. ч., имеюшие суффикс *-н/-ни*, распределяются по типам основ и пишутся в соответствии с произношением, например: *турки-н* ‘его нарта’, *хэлэк-э-н* ‘его сумка, его мешок’, *ŋин-а-н* ‘его собака’, но *оран-ни* ‘его олень’.

Притяжательные формы 3-го л. мн. ч. с суффиксом *-тан/-тэн* имеют единообразное написание в соответствии с произношением: *турки-тан* ‘их нарта’, *элбэк-э-тэн* ‘их полог’, *муран-тан* ‘их лошадь’.

В некоторых диалектах эвенского языка притяжательные формы 3-го л. мн. ч. имеют формы, оканчивающиеся на *-тни*: ср. *туркитни* ‘их нарта’. В диалектах западного наречия присутствуют формы *-тнан/-тнэн* типа *дютнан* ‘их дом’. В письменном языке эти формы также не употребляются.

Безлично-притяжательные формы

Безлично-притяжательные формы имени в единственном числе имеют суффиксы *-й*, *-и*, *-ми*. Все варианты этих суффиксов единообразно отражаются на письме, например: *ити-й* ‘свое лицо’, *ясал-и* ‘свой глаз’, *хөрэгэ-ми* ‘свой большой палец’.

Варианты произношения типа *дюйи* ‘свой дом’, которые могут встретиться в самых разных говорах, в письменном языке не употребляются.

Аналогичным образом находят отражение на письме все варианты безлично-притяжательного суффикса множественного числа *-вур/-ур/-юр/-бур*: *моми-вур* ‘свою (их) лодку’, *тэм-ур* ‘свой (их) плот’, *ŋин-ур* ‘свою (их) собаку’, *уд-юр* ‘свой (их) след’, *элбэкэл-бур* ‘свои (их) пологи’.

После согласных {д} и {н} в тех случаях, когда они обозначают среднязычные согласные, и после согласного {й} показатель безличной принадлежности множественного числа пишется в виде *-юр*: ср. *удь* ‘след’ — *удюр* ‘свой (их) след’, *эŋэнь* ‘короткий пояс’ — *эŋэн-юр* ‘свой (их) пояс’, *ой* ‘одежда’ — *о-юр* ‘свою (их) одежду’.

В отдельных говорах и диалектах эвенского языка безлично-притяжательные суффиксы множественного числа могут произноситься с нелабиализованным гласным, например: *моми-вар* ‘свою лодку’, *екэ-вэр* ‘свой котел’, *орарбар* ‘своих оленей’, *муŋгэрэлбэр* ‘свои вьючные сумы’. В письменном эвенском языке такие формы не употребляются.

Притяжательные формы косвенных падежей

Формы винительного падежа. Притяжательные формы 1-го л. ед. ч. винительного падежа, сходно звучащие с непритяжательными формами винительного падежа и притяжательными формами именительного падежа, по правилам действующей эвенской орфографии пишутся одинаково: *дю-в* ‘мой дом’, *дю-в* ‘дом’ (вин. п.) [Цинциус, 1947, с. 139; Новикова и др., 1991, с. 82].

Непритяжательные форы винительного падежа от имен с основой на гласный и притяжательные формы 1-го л. ед. ч. именительного падежа от имен с основой на гласный, имеющие омонимичные суффиксы, на пись-

ме друг от друга не отличаются: *дю-в* ‘мой дом’, *дю-в* ‘дом’ (вин. п.). Возможно и допустимо отграничение указанных форм от притяжательной формы винительного падежа 1-го л. ед. ч. посредством написания *дю-в* ‘мой дом’ (вин. п.). Данное написание позволяет хотя бы частично дифференцировать на письме одинаково или сходно звучащие грамматические формы.

Притяжательные формы винительного падежа 1-го л. ед. ч. от основ на *-н* также не отличаются от непритяжательных форм: ср. *эмгу-му* ‘мое седло’ (им. п. 1-е л. ед. ч.) и *эмгу-му* ‘мое седло’ (вин. п. 1-е л. ед. ч.) [Цинциус, 1947, с. 139; Новикова и др., 1991, с. 83]. Написания притяжательных форм винительного падежа в 1-м л. мн. ч. типа *ормув* ‘моего оленя’, *эмгумув* ‘мое седло’ в практику пока не вошли, но являются допустимыми в письменном языке.

Формы дательного падежа. Безлично-притяжательные формы изменяют внешний облик показателя дательного падежа, что находит отражение на письме: ср. *дю-ду* ‘дома’, но *дю-ды* ‘у себя дома’, *дю-ду-р* ‘(они) у себя дома’. В форме *дю-ды* ‘у себя дома’, *харан-ды* ‘у себя на постели’ показатель безличной принадлежности на письме не находит самостоятельного графического выражения, тем не менее эти падежные формы в данной модели склонения четко дифференцируются от непритяжательных и лично-притяжательных форм дательного падежа.

Формы направительного падежа. Безлично-притяжательные формы единственного числа имеют такое же графическое оформление, как и формы винительного падежа от основ на гласный: ср. *дю-тки-й* ‘к себе домой’, *муран-таки-й* ‘к своей лошади’.

В диалектах и индивидуальном произношении безлично-притяжательные формы направительного падежа иногда произносятся с конечным гласным *-и*, например: *дю-тки-йи* ‘к себе домой’. В письменном языке употребляются только безлично-притяжательные формы направительного падежа с конечным согласным *-й*.

Формы отложительного падежа. Лично-притяжательные формы 1-го л. ед. ч. отложительного падежа имен существительных на письме имеют притяжательный суффикс *-в*, присоединяющийся к падежному суффиксу при посредстве соединительного гласного *у*: ср. *дю-дук-у-в* ‘из моего дома’, *орандук-у-в* ‘от моего оленя’ [Цинциус, 1947, с. 42; Новикова и др., 1991, с. 82].

В устной речи конечный губно-губной согласный *-в* в таких формах часто выпадает. На письме лично притяжательный суффикс 1-го л. ед. ч. *-в* обязательно находит графическое отражение.

Безлично-притяжательные формы единственного и множественного числа образуются от форм отложительного падежа имен и изображаются на письме точно так же, как и аналогичные формы, образованные от основ имен существительных с конечным *-к*, например: *орандуки* ‘от своего оленя’, *мурандукур* ‘от своей (их) лошади’ [Цинциус, 1947, с. 142; Новикова и др., 1991, с. 86]. Ср. те же притяжательные формы винительного падежа: *элбэки* ‘свой (его, ее) полог’, *элбэкур* ‘свой (их) полог’.

Написания безлично-притяжательных форм единственного числа отложительного падежа типа *дюдукий* ‘от своего дома, из своего дома’, дающие единообразное графическое выражение безлично-притяжательного суффикса *-й*, могут считаться факультативными по отношению к написаниям типа *дюдуки* ‘от своего дома’, *эниндуки* ‘от своей матери’ и т.п.

Формы исходного падежа. При образовании притяжательных форм от имен в исходном падеже конечный согласный падежного суффикса озвончается, и между падежным и притяжательным суффиксами появляется соединительный элемент *-и-*, например: *дю-гид-и-в* ‘со стороны моего дома’ и т.п. Безлично-притяжательные формы имен в исходном падеже образуются по тем же правилам, что и от основ на согласный, также с озвончением конечного согласного в падежном суффиксе: *дю-гид-и* ‘со стороны своего дома’, *дю-гид-юр* ‘со стороны своего (многих) дома’.

Формы творительного падежа. Правила правописания притяжательных форм, образованных от форм творительного падежа имен, не отличаются от правил правописания форм исходного падежа, например: *туркич* ‘нартой’, *турки-д-и-в* ‘моей нартой’, *турки-д-и-с* ‘твоей нартой’ и т.п. Гласный *-и-*, предшествующий притяжательному суффиксу, относится к соединительным гласным и не входит в состав падежного показателя: выбор соединительного гласного подчинен общему правилу, согласно которому после среднеязычных согласных в роли соединительного гласного выступает {и} (фонематически — гласные [и]//[й] в зависимости от огласовки основы). Имена с основой, оканчивающейся на согласный *-н*, имеют отличия от слов с основами других типов только в исходной падежной форме без притяжательного суффикса: ср. *орань* ‘оленем’ — *оран-ди-в* ‘моим оленем’, *оран-ди* ‘своим оленем’, *оран-дю-р* ‘своим (многих) оленем’.

Относительно-притяжательные формы имени

Относительно-притяжательные формы (формы косвенной, или отчуждаемой, принадлежности) имен существительных во множественном числе не отличаются от простых притяжательных форм — форм прямой (абсолютной, неотчуждаемой) принадлежности, так как показатель относительной принадлежности *-ӈ-//-ӈа-/-ӈэ-* стоит перед показателем множественного числа: ср. *окатаӈат* ‘наша с вами река’, но *окатаӈалти* ‘наши с вами реки’.

Формы именительного падежа с показателем относительной принадлежности от имен с конечным *-н* утрачивают конечный согласный основы: *ор-ӈ-у* ‘мой олень’, *хирка-ӈ-у* ‘мой нож’.

Категориальные формы местного падежа имен с показателем относительной принадлежности пишутся в соответствии с произношением: *окат-а-ӈ-на-й* ‘на своей реке’, *төӈэр-э-ӈнэ-вур* ‘на своем (многих) озере’.

Категориальные формы направительно-местного и направительно-продольного падежей, суффиксы которых начинаются с двух согласных, пишутся также в соответствии с произошением; в этих случаях между суффиксом косвенной (отчуждаемой) принадлежности *-ӈ-* и падежным

показателем появляется гласный: *окат-а-ӈ-а-кла-й* ‘до своей реки’, *окат-а-ӈ-а-кли-вур* ‘мимо своей (многих) реки’.

Категориальные формы исходного и назначительного падежей, суффиксы которых начинаются на согласный [г], при образовании их от имен с относительно-притяжательным суффиксом *-ӈ-* сохраняют согласный [г] в неассимилированной форме, например: *хиркаӈ-га-ку* ‘нож (какой-то) для меня’, *моми-ӈ-гас* ‘лодку (какую-то) для тебя’.

Категориальные формы назначительного падежа имен, оканчивающихся на согласный *-н*, перед которым утрачивается гласный, в формах прямой (неотчуждаемой) и косвенной (отчуждаемой) принадлежности с суффиксом *-ӈ-* различаются как в произношении, так и на письме: *мурӈан* ‘лошадь для него’ (неотчуждаемая принадлежность) и *мураӈган* ‘лошадь для него’ (отчуждаемая принадлежность) — значение данной формы ‘лошадь, данная на время’ или ‘что-то, данное в качестве лошади’.

Правописание имен прилагательных

Правила правописания грамматических форм имен прилагательных в эвенском языке не отличаются от правил правописания имен существительных. Фонематический принцип эвенской орфографии позволяет дать характеристику написаний имен существительных и прилагательных в виде единых правил, определяющих правописание той или иной формы в зависимости от одного внешнего признака — конечного звука основы. Иными словами, прилагательное *нёбати* ‘белый’ во всех грамматических формах будет писаться так же, как сушествительное *тэти* ‘кафтан, пальто’, прилагательное с основой на согласный, например *дюир* ‘кислый’, во всех формах будет писаться как существительное *кадар* ‘скала’, а прилагательное с основой на *-н* типа *урумкун* ‘короткий’ — как существительное *оран* ‘олень’.

В эвенском языке имеется небольшое число прилагательных с конечным *-н*, изменяющихся по типу основ с конечным согласным. Это прилагательные *бан* ‘ленивый; лентяй’, *ӈэргэн*’ трусливый; трус’, *ӈун* ‘прямой’, *ӈэн* ‘умелый, искусный’. Они образуют формы множественного числа косвенных падежей и притяжательные формы так же, как и слова *ӈин* ‘собака’, *аннаӈан* ‘год’ (ср. *бан* ‘ленивый’ — *банал* ‘ленивые’, *банна* ‘у ленивого’, а также *мин бану* ‘мой ленивый; мой лентяй’, *хин банас* ‘твой лентяй’ и т.п.).

В западных диалектах эвенского языка имена прилагательные не имеют грамматических категорий числа и падежа. В письменном эвенском языке приняты нормы согласования прилагательных с существительными в числе и падеже, например: *мэргэч хупкутти* ‘умный ученик’ — *мэргэчил хупкуттил* ‘умные ученики’ — *мэргэчилду хупкуттилду* ‘умным ученикам’. Однако, во-первых, правила употребления данных грамматических форм в эвенском языке могут считаться факультативными; во-вторых, правила такого типа не относятся к орфографии в строгом смысле слова, так как определяют не написание, а образование и употребление отдельных грамматических форм имен прилагательных.

Правописание имен числительных

Правописание простых числительных соответствует общим правилам написания имен, основывающихся на фонематическом принципе эвенской орфографии. Например, количественные числительные *өмэн* ‘один’, *нюŋэн* ‘шесть’, *мян* ‘десять’, *няма* ‘сто’ пишутся в соответствии со своим звучанием. Числительное *тысяча*, заимствованное из русского языка, в эвенском письменном языке имеет такое же написание, как и в русском.

В устной речи встречаются такие формы произношения этого числительного, как *тикичэ*, *тихичэ*, *тихинчэ*. В письменном эвенском языке данные формы не употребляются.

Составные числительные второго десятка, образованные по нормам письменного эвенского языка и состоящие из обозначения количества десятков и единиц, пишутся так же, как составляющие их компоненты, например: *мян дёр* ‘двенадцать’, *мян уюн* ‘девятнадцать’, *дёрмер дыгэн* ‘двадцать четыре’, *иланмяр тунŋан* ‘тридцать пять’, *дыгэнмер нюŋэн* ‘сорок шесть’ и т.д.

Составные числительные второго десятка, образованные по модели, распространенной в говорах восточного наречия эвенского языка, пишутся раздельно — в два или три слова в зависимости от количества компонентов, например: *өмэнь хулэк*, *мян өмэнь хулэк*, *өмэнь хулэк мян* ‘одиннадцать’, *дёрди хулэк*, *мян дёрди хулэк* ‘двенадцать’ и т.д. В такого рода образованиях морфологический состав форм, образующих данные числительные, изображается на письме так же, как и в соответствующих формах имен — числительное *мян* ‘десять’ + формы творительного падежа от основ на *-н* (в числительном *двенадцать* — форма творительного падежа, сходная с формой множественного числа) + неизменяемый послелог *хулэк* ‘лишний, излишек’.

Сложные числительные — названия десятков — пишутся в одно слово, в соответствии с их произношением. При этом гласный последнего слога уподобляется гласному начального слога по правилам гармонии гласных: *дёрмер* ‘двадцать’, *иланмяр* ‘тридцать’, *дыгэнмер* ‘сорок’, *тунŋанмяр* ‘пятьдесят’ и т.д.

Правописание других разрядов имен числительных не имеет каких-либо специфических особенностей. Нормы письменного языка определяют лишь употребление определенных морфологических форм числительных.

В диалектах эвенского языка существуют два способа образования порядковых числительных: 1) при помощи суффикса *-и-/-ги-* + притяжательные суффиксы, чаще всего суффикс 3-го л. мн. ч. *-тан/-тэн*: *или-в* ‘мой третий’, *дыги-с* ‘твой четвертый’, *илитан* ‘третий’, *дыгитэн* ‘четвертый’, *уюгитэн* ‘девятый’, *мягитан* ‘десятый’; 2) при помощи суффикса *-ис/-гис*, не имеющего притяжательного значения: *дыгис* ‘четвертый’, *уюс ~ уюгис* ‘девятый’, *мягис* ‘десятый’ [Новикова и др., 1991, с. 110]. Образование форм порядковых числительных с суффиксами *-и-/-ги-* + притяжательный суффикс 3-го л. мн. ч. в письменном эвенском языке является более предпочтительным, нежели образование форм с суффиксами *-с/-гис*, которые характерны в основном для диалектов эвенов Якутии.

Из двух существующих в эвенском языке форм повторительных числительных с суффиксами *-ракан/-рэкэн* и *-ракая/-рэкэе*, например *илракан* ‘три раза, только три раза’, *тунӈаракая* ‘пять раз, целых пять раз’, в письменном языке употребительными являются формы на *-ракан/-рэкэн*.

Из двух форм ограничительных числительных с суффиксами *-ккэн//-ккар/-ккэр//-какар/-кэкэр* и *-кэе//-каял/-кэел*, например *өмэккэн* ‘только один’, *өмкэе* ‘только один (большой)’, *илкакар* ‘только три’, *илкаял* ‘целых три’, в письменном языке употребляются преимущественно формы на *-ккэн//-ккар/-ккэр//-какар/-кэкэр*.

Образующиеся при помощи суффикса *-нидюр//-ридюр* формы собирательных числительных типа *дёридюр* ‘вдвоем’, *илнидюр* ‘втроем’ имеют увеличительные и уменьшительные формы, которые образуются посредством суффиксов *-ндя-/-нде-* и *-чан-/-чэн-*: *нюӈниндедюр* ‘вшестером, даже вшестером’, *дыгничэндюр* ‘вчетвером, всего только вчетвером’. К формам собирательных числительных относятся и представленные во всех эвенских говорах и диалектах другие падежные формы собирательных числительных, также принимающие увеличительные и уменьшительные суффиксы, например: *дёриндевэн* ‘их обоих’, *тунничаман* ‘их всех пятерых’. В письменном эвенском языке употребляются преимущественно формы собирательных числительных с суффиксом *-ридюр/-нидюр*.

Правописание глагольных форм

Формы изъявительного наклонения

В большинстве личных форм изъявительного наклонения настоящего времени глагола в эвенском языке присутствует суффикс *-ра-/-рэ-*: *хара-м* ‘я знаю’, *дук-ра-н* ‘он пишет’, *таӈ-ра-п* ‘мы читаем’, *тэгрэ* ‘они сели’. Этот суффикс отсутствует в личных формах 2-го л. ед. и мн. ч. (например, *дук-а-нри* ‘ты пишешь’, *дук-а-с* ‘вы пишете’) и в форме 3-го л. ед. ч. глаголов с основой, оканчивающейся на гласный (например, *ха-н* ‘он знает’, *минэ-н* ‘он режет’). В зависимости от конечного согласного основы в суффиксе изъявительного наклонения *-ра-/-рэ-* наблюдается чередование начального согласного, например: *деп-тэ-н* ‘он съел’, *хус-са-н* ‘он косит траву’. Все эти чередования находят отражение на письме.

В отдельных диалектах эвенского языка формы изъявительного наклонения в 3-м л. ед. ч., образованные от глаголов с основой на гласный, также имеют суффикс *-ра-/-рэ-*, например: *ха-ра-н* ‘он знает’, *уда-счи-ра-н* ‘идет небольшой дождь’. В письменном эвенском языке такие формы не употребляются.

В ряде диалектов эвенского языка после основ глаголов с конечным согласным *-с* не происходит ассимиляции плавного *-р*, например: *исран*, *ихран* ‘он достиг (какого-то места)’. В письменном эвенском языке подобные формы не употребляются.

Формы 2-го л. ед. ч. глаголов настоящего и будущего времени в эвенском языке имеют личный суффикс *-нри*: *долчи-нри* ‘ты слушаешь’, *дук-а-нри* ‘ты пишешь’, *таӈ-ди-нри* ‘ты будешь читать’.

В устной речи спорадически встречается произношение этого суффикса как *-нни*, *-н^{д}ри*, например: *эмэнни*, *эмэн^{д}ри* ‘ты пришел’. В западных диалектах эвенского языка данный личный суффикс имеет вид *-нди*: *хандн* ‘ты знаешь’, *таңанди* ‘ты читаешь’. В письменном эвенском языке личный суффикс 2-го л. ед. ч. настоящего и будущего времени глаголов употребляется только в форме *-нри*.

Формы 3-го л. настоящего времени имеют суфикс *-ра-/-рэ-* только после глагольных основ на согласный: *бак-ра-н* ‘он нашел’, *эм-рэ-н* ‘он пришел’. После основ глаголов с конечным *-н* суффикс настоящего времени *-ра-/-рэ-* отсутствует, а личный суффикс 3-го л. ед. ч. имеет вид *-ни*: ср. *гөн-ни* ‘он говорит’, *эмэн-ни* ‘он оставил’, *мулан-ни* ‘он пожалел’.

В отдельных диалектах эвенского языка формы 3-го л. ед. ч. настоящего времени от основ с конечным *-н* имеют тот же вариант личного суффикса, что и формы, образованные от других основ: *гөн-эн*, *гун-эн* ‘он говорит’. В письменном эвенском языке такие формы не употребляются.

Формы 2-го л. мн. ч. настоящего и будущего времени глаголов образуются при помощи личного суффикса *-с*, например: *ха-с* ‘вы знаете’, *эм-э-с* ‘вы пришли’, *хөр-ди-с* ‘вы уйдете’.

В диалектах западного наречия согласный *-с* во всех позициях заменен согласным *-х* [h], следовательно, глагольные формы 2-го л. мн. ч. настоящего времени выглядят, например, как *ха-х* ‘вы знаете’, *эмэ-х* ‘вы пришли’. В письменном эвенском языке такие формы не употребляются.

Формы прошедшего времени

Правила правописания форм прошедшего времени в целом совпадают с правилами правописания именных форм принадлежности, так как формы прошедшего времени глаголов и лично-притяжательные формы имени при основах с конечным гласным имеют один и тот же набор личных суффиксов. Сравним серии грамматических форм в табл. 18.

Таким образом, правописание личных форм прошедшего времени изъявительного наклонения глагола в эвенском языке не отличается от правописания лично-притяжательных форм имени.

В западных диалектах эвенского языка в функции прошедшего времени часто выступают причастия прошедшего времени с суффиксом *-ча/-чэ*, например: *гирка-ча* ‘он шел’, *эм-чэ-л* ‘они пришли’.

Таблица 18

Правописание лично-притяжательных форм имени и личных форм прошедшего времени изъявительного наклонения глагола

Число	Лицо	Лично-притяжательные формы имени	Формы прошедшего времени глагола
ед.	1-е	*моми-в* ‘моя лодка’	*эм-ри-в* ‘я пришел’
	2-е	*моми-с* ‘твоя лодка’	*эм-ри-с* ‘ты пришел’
	3-е	*моми-н* ‘его лодка’	*эм-ри-н* ‘он пришел’
мн.	1-е, искл. форма	*моми-вун* ‘наша лодка’	*эм-ри-вун* ‘мы пришли’
	1-е, вкл. форма	*моми-т* ‘наша с вами лодка’	*эм-ри-т* ‘мы с вами пришли’
	2-е	*моми-сан* ‘ваша лодка’	*эм-ри-сэн* ‘вы пришли’
	3-е	*моми-тан* ‘их лодка’	*эм-ри-тэн* ‘они пришли’

Формы глаголов неправильного спряжения

Глаголы неправильного спряжения, а именно вспомогательные глаголы *бидэй* ‘быть’, *одай* ‘стать’, *эдэй* ‘не делать чего-л.’, а также некоторые знаменательные глаголы типа *гадай* ‘брать, взять’, *нэдэй* ‘положить’, *надай* ‘попасть во что-л.’, *тадай* ‘узнать кого-л.’, *дэгдэй* ‘летать, лететь’, *төктэй* ‘нести в руках на весу’, *ŋалдай* ‘нести на согнутых руках’ в своих личных формах пишутся в соответствии с произношением: *гадам* ‘я взял’, *нэдни* ‘он положил’, *дэгсэн* ‘он летит’, *төксэ* ‘они несут в руках’, *ŋалсан* ‘он держит в руке’ и т.п.

Правила спряжения глаголов, имеющих суффикс настоящего времени *-да-/дэ-*, отражены в табл. 19.

Этот же суффикс сохраняется и в формах прошедшего времени глаголов, например: *одыв* ‘я стал кем-л.’, *гадын* ‘он взял’, *нэдытэн* ‘они положили’.

В западных диалектах эвенского языка глаголы, имеющие суффикс настоящего времени изъявительного наклонения *-да-/-дэ-*, образуют формы настоящего времени с помощью суффикса *-ра-/-рэ-* и ведут себя так же, как и другие глаголы с основой на гласный, например: *ор* ‘они стали’, *ган* ‘он взял’, *гар* ‘они взяли’. В письменном эвенском языке такие глаголы употребляются только с суффиксом настоящего времени *-да-/-дэ-*.

Спряжение глаголов с суффиксом настоящего времени *-са-/-сэ-* показано в табл. 20

Таблица 19

Спряжение глаголов с суффиксом настоящего времени *-да-/-дэ-*

Число	Лицо	Вспомогательный глагол *одай* ‘стать’	Знаменательный глагол *гадай* ‘брать’
ед.	1-е	*одам*	*гадам*
	2-е	*оданри*	*гаданри*
	3-е	*одни*	*гадни*
мн.	1-е, искл. форма	*одавун*	*гадавун*
	1-е, вкл. форма	*одат*	*гадат*
	2-е	*одас*	*гадас*
	3-е	*од*	*гад*

Таблица 20

Спряжение глаголов с суффиксом настоящего времени *-са-/-сэ-*

Число	Лицо	Вспомогательные глаголы		Знаменательные глаголы	
		бидэй ‘быть’	*эдэй* ‘не делать’	*ŋалдай* ‘нести в руках’	*дэгдэй* ‘лететь’
ед.	1-е	*бисэм*	*эсэм*	*ŋалсам*	*дэгсэм*
	2-е	*бисэнри*	*эсэнри*	*ŋалсанри*	*дэгэнри*
	3-е	*бисни*	*эсни*	*ŋалсан*	*дэгсэн*
мн.	1-е, искл. форма	*бису*	*эсу*	*ŋалсу*	*дэгсу*
	1-е, вкл. форма	*бисэп*	*эсэп*	*ŋалсап*	*дэгсэп*
	2-е	*бисэс*	*эсэс*	*ŋалсас*	*дэгэс*
	3-е	*бис*	*эстэн*	*ŋалса*	*дэгсэ*

Тот же суффикс сохраняется и в формах прошедшего времени вышеприведенных глаголов, например: *бисив* ‘я был’, *дэгситэн* ‘они летели’.

Отрицательный глагол *эдэй* ‘не делать чего-л.’ в прошедшем и будущем времени имеет особые формы спряжения: *би эчу хар* ‘я не знал’, *хи эчис хар* ‘ты не знал’, *ноӈан эч хар* ‘он не знал’, *би этэм гөн* ‘я не скажу’, *хи этэнри гөн* ‘ты не скажешь’, *ноӈан этэр гөн* ‘он не скажет’ и т.д.

Формы повелительного наклонения

Повелительное I наклонение. В формах 2-го л. ед. ч. повелительного I наклонения от основ глаголов с конечным *-н* согласный основы отпадает, например: *гө-ли* ‘скажи’, ср. *и-ли* ‘входи’. В формах 1-го л. мн. ч., имеющих суффикс *-гар/-гэр*, *-кар/-кэр*, *-ӈар/-ӈэр*, на письме отражаются все фонетические варианты суффикса повелительного наклонения: *ил-гар* ‘встанем-ка’, *дук-кар* ‘напишем-ка’, *гө-ӈэр* ‘скажем-ка’.

В эвенских говорах Хабаровского края, южной части Магаданской области, а также в западных диалектах эвенского языка отмечаются формы 1-го л. мн. ч. повелительного I наклонения с суффиксами *-галра/-гэлрэ*, *-галда/-гэлдэ*: *хөргэлрэ*, *хөргэлдэ* ‘пойдем-ка’. В письменном языке употребляются только формы повелительного наклонения 1-го л. мн. ч. с суффиксом *-гар/-гэр.*

Формы повелительного I наклонения 2-го л. мн. ч. имеют два параллельных варианта — *-лра/-лрэ* и *-лилра/-лилрэ*, например: *гөлрэ* и *гөлилрэ* ‘скажите’. При этом между двумя данными вариантами какая-либо смысловая разница отсутствует.

Орфографические правила эвенского языка, изданные в 1958 г., рекомендовали для употребления в письменном языке форму *-лилра* [Новикова, 1958а, с. 121] в силу формального морфологического отличия от иных омонимичных грамматических форм глагола: ср. *гө-лрэ* ‘скажите!’ и *гө-лрэ* ‘они начали говорить’. В современном эвенском языке эти варианты являются факультативными, причем вариант *-лра/-лрэ* можно признать более употребительным, так как отсутствие элемента *-ли-* в этом суффиксе характерно для большинства эвенских диалектов, несмотря на разнообразие форм ассимиляции согласных по диалектам (*-лра*, *-лдра*, *-лла*, *-лда*) — формы на *-лилра/-лилрэ* употребляются преимущественно в восточной части зоны распространения ольского говора эвенского языка. В письменном эвенском языке форма повелительного наклонения 2-го л. мн. ч. с суффиксом *-лра/-лрэ* типа *ила-лра* ‘встаньте’, *тэгэ-лрэ* ‘садитесь’ является более предпочтительной.

В отдельных диалектах эвенского языка представлены формы повелительного наклонения 3-го л. ед. и мн. ч. с суффиксом *-га-/-гэ-* + лично-притяжательные суффиксы 3-го л. ед. или мн. ч.: *хөрэгэн* ‘пусть он уходит’, *хөрэгэтэн* ‘пусть они уходят’. В письменном эвенском языке такие формы не употребляются.

Повелительное II наклонение. Формы повелительного II наклонения во 2-м л. ед. ч. пишутся с конечным *-й*, как и безлично-притяжательные

формы (*тэг-дэ-й* ‘садись’, *эм-дэ-й* ‘приходи’), хотя в звучании личного суффикса *-й*, как и в других грамматических формах с конечным согласным *-й*, проявляется широкая вариативность, допускающая произношение этих форм с конечным гласным (*тэгдэйи* ‘садись’, *гөндэйи* ‘скажи’).

В письменном эвенском языке употребляются только формы повелительного II наклонения 2-го л. ед. ч. с суффиксом *-й*, это же относится к безлично-притяжательным формам имени с личным суффиксом *-й*.

Формы повелительного II наклонения во 2-м л. мн. ч. имеют личный суффикс *-вур*: *га-да-вур* ‘берите’, *и-дэ-вур* ‘входите’, *деб-дэ-вур* ‘ешьте’. В отдельных говорах и диалектах отмечается звучание данных форм с нелабиализованным гласным в личном суффиксе: *гадавар* ‘берите’, *дебдэвэр* ‘ешьте’.

В письменном эвенском языке употребляются только формы повелительного II наклонения с личным суффиксом *-вур*.

Повелительное III наклонение. Нормы образования и написания форм повелительного III наклонения с суффиксами *-ӈанри/-ӈэнри*, *-ӈасан/-ӈэсэн* соответствуют правилам образования аналогичных форм: *алатӈанри* ‘подожди’, *гөӈэсэн* ‘скажите’.

Сослагательное наклонение. Формы сослагательного наклонения глагола, образующиеся при помощи суффикса *-мч-/-мчи*, на письме подчиняются тем же правилам, что и другие формы с основой на согласный: *ха-мч-у* ‘если бы я знал’, *ха-мч-и-с*’ если бы ты знал’, *ха-мчи* ‘если бы он знал’, *ха-мч-и-л-бун* ‘если бы мы знали’, *ха-мч-и-л-ти* ‘если бы мы с вами знали’ и т.п.

Неличные формы глагола

Неличные формы глагола в эвенском языке пишутся в соответствии с фонематическим принципом эвенской орфографии, т.е. так же, как произносятся. Большинство причастных и деепричастных форм эвенского глагола не имеют значительного числа различающихся по звучанию и написанию вариантов суффиксов. Например, причастие настоящего времени имеет суффикс *-ри*, у которого нет фонетических вариантов: ср. *ма-ри* ‘убивающий, добывающий’, *эм-ри* ‘приходящий’. В сочетании с глагольными основами, оканчивающимися на согласный *-н*, суффикс причастия утрачивает начальный *-р*: ср. *гөн-и* ‘говорящий’. Причастие прошедшего времени с суффиксом *-ча/-чэ* не допускает никакого фонетического видоизменения суффикса, кроме вариантов по гармонии гласных: *мял-ча* ‘проснувшийся’, *хуклэ-чэ* ‘спавший’.

Причастие будущего времени в эвенском языке образуется при помощи суффикса *-дӈа/-дӈэ//-диӈа/-диӈэ//-чиӈа/-чиӈэ*, например: *нулгэ-дӈэ* ‘тот, кто будет кочевать’, *эр-диӈэ* ‘тот, кто будет отгребать снег’, *хор-диӈа* ‘тот, кто попадет в ловушку’, *бак-чиӈа* ‘тот, кто найдет’, *тик-чиӈэ* ‘тот, кто упадет’. Все фонетические варианты суффикса данного причастия отражаются на письме.

Правописание практически всех деепричастных форм в эвенском языке соответствует их произношению.

Деепричастные формы цели, образующиеся при помощи суффикса *-да-й/-да-вур* (например, *гадай* ‘чтобы взять (себе)’ (ед. ч.), *гвндэвур* ‘чтобы сказать (себе)’ (мн. ч.)) пишутся точно так же, как омонимичные им формы 2-го л. ед. и мн. ч. повелительного II наклонения с суффиксами *-дай/-дэй* и *-давур/-дэвур*. Нормы написания личных показателей в обоих названных формах соответствуют нормам написания безлично-притяжательных суффиксов *-й* и *-вур*, представленных в структуре названных грамматических форм.

Правописание отдельных залоговых и видовых форм

В эвенском языке выделяются следующие залоговые формы: 1) совместного залога с суффиксом *-лда-/-лдэ-*: *чактай* ‘собрать’ — *чак-а-лда-дай* ‘собраться вместе’; 2) взаимного залога с суффиксом *-мат-/ч-//-мэт-/ч-*: *есчи-дэй* ‘обогнать кого-л.’ — *есчи-мэт-тэй* ‘состязаться’; 3) побудительного залога с суффиксом *-вкан-/-вкэн-//-укан-/-укэн-//-мкан-/-мкэн-*: *алма-дай* ‘повторять, исполнять песню-подражание’ — *алма-вкан-дай* ‘заставить повторять’, *тик-тэй* ‘упасть’ — *тик-укэн-дэй* ‘уронить’, *гвн-дэй* ‘сказать’ — *гв-мкэн-дэй* ‘заставить сказать’; 4) страдательного залога с суффиксом *-в-//-ав-/-эв-/-ив-//-м-*: *хвру-дэй* ‘увезти’ — *хвру-в-дэй* ‘быть увезенным’, *бактай* ‘найти’ — *бак-ав-дай* ‘быть найденным’, *ит-тэй* ‘увидеть’ — *ич-ив-дэй* ‘быть увиденным кем-л., увидеть’, *хэпкэндэй* ‘поймать’ — *хэпкэ-м-дэй* ‘быть пойманным’; 5) средневозвратного залога с суффиксом *-б-//-п-*: *хула-дай* ‘оставить кого-л. (например, в живых)’ — *хула-п-тан* ‘остался (в живых)’, *эмэн-дэй* ‘оставить (кого-л., что-л.) на прежнем месте, забыть (о потерянном предмете)’ — *эмэ-п-тэн* ‘остался (на прежнем месте)’. Данные глагольные формы подробно описаны в соответствующей литературе [Роббек, 1984, 1992]. Написание глагольных форм, рассматриваемых как залоговые формы глагола в эвенском языке, соответствует их произношению.

Некоторые формы средневозвратного залога, в частности личные и причастные формы будущего времени, не имеют однозначного оформления тем или иным вариантом залогового показателя *-б-//-п-*. В отношении таких форм более предпочтительным для письменного языка является форма со звонким согласным: *хула-б-ди-с* ‘вы останетесь (теми, кем были)’, *эмэ-б-ди-н* ‘он останется (там, где находится)’. Формы деепричастия цели, для эвенского языка выступающие в качестве словарных форм глагола, при образовании их от глаголов в форме средневозвратного залога допускают вариантность: формы типа *хула-б-дай* и *хула-п-тай*, *эмэ-б-дэй* и *эмэ-п-тэй* в письменном языке являются в равной мере допустимыми.

Формы глагола, рассматриваемые в качестве видовых, в эвенском языке весьма многочисленны: их насчитывается почти три десятка [Роббек, 1982, 1992], однако некоторые грамматические показатели видовых форм попали в поле зрения исследователей лишь недавно [Шарина, 1999].

Написание большинства видовых форм эвенского глагола в целом соответствует произношению, даже если показатели отдельных категориальных форм имеют большое количество вариантов-алломорфов, как, например, суффикс вида обычного действия. На письме отражаются и все непозиционные чередования согласных, наблюдающиеся в видовых суффиксах (см. разд. «Чередования фонем»).

В эвенской орфографии пока нет однозначного решения относительно изображения на письме сочетаний одинаковых среднеязычных согласных [зз], [йй], [н'н'], которые встречаются в основной массе случаев либо в сочетании видовых суффиксов, либо на стыке основы глагола и видового суффикса. В качестве примеров здесь можно привести суффикс несовершенного вида (вида длительного действия) *-д-/-з-//-зид-/з-*, суффикс длительности/многократности *-й-*, суффикс редко совершаемого действия *-ван/н'-//-вэн/н'-//-ин/н'*, суффикс длительного ослабленного действия *-зан/н'-//-зэн/н'-* (в графике *-дян-/-ден-*), суффикс длительности/многократности *-йат/ч-//-йэт/ч-* (в графике *-ьят-//-ьет-*). В настоящее время орфографические нормы написания грамматических форм с названными сочетаниями согласных окончательно не определены. Рекомендуемые правила написания различных грамматических форм, содержащих указанные сочетания согласных, приведены в разд. «Нерешенные вопросы эвенской орфографии».

ПРАВОПИСАНИЕ ЛИЧНЫХ ИМЕН

Личные имена эвенов в настоящее время совпадают с русскими личными именами. Традиционные личные эвенские имена изредка встречаются в живом употреблении в быту параллельно с русскими именами: например, женское имя *Гявак* 'рассвет, утренняя заря'. Дохристианские личные эвенские имена сохраняются в фольклоре, в основном в исторических преданиях и устных рассказах: *Хидмучан*, *Чогачан*, *Болчан*, *Чурикан*. Традиционные тунгусские имена встречаются также в волшебно-героических богатырских сказках: например, *Чирини*, *Дэлгэни*, *Отани*.

Дохристианские личные имена у эвенов распространены давно — с XVIII — середины XIX в. В 1920–1970-е годы у эвенов бытовали уменьшительные формы имен, образованные от христианских имен по собственным образцам: *Микулай*, *Мико* 'Николай', *Пача* 'Павел', *Мачилий*, *Мача* 'Василий', *Чекэ* 'Сергей', *Опо* 'Афанасий', *Кочча* 'Константин, Костя', *Кусма* 'Кузьма', *Эндэ* 'Андрей', *Куркэпей* 'Прокопий', *Тэкчэ* 'Татьяна', *Иле* 'Елена', *Өре* 'Ирина', *Өкэ* 'Акулина', *Марвари* 'Варвара', *Пура* 'Прасковья', *Кире* 'Христина', *Чимя* 'Серафим, Серафима', *Пяда* 'Федор' и т.д. Такие формы имен встречаются в художественной литературе 1930–1970-х годов и в некоторых изданиях школьных учебников, в основном в литературных текстах и текстах, перепечатанных из учебных пособий 1930–1950-х годов.

В настоящее время в письменном языке формы христианских личных имен, адаптированные устной формой эвенского языка, не употребляются. В художественных текстах на эвенском языке правописание личных имен в полной форме соответствует русскому написанию: *Василий Афанасьевич*,

Христофор Иннокентьевич, *Мария Егоровна*, *Варвара Григорьевна*. Собственно эвенские уменьшительные имена пишутся в соответствии с произношением по фонематическому принципу. Лишь изредка в тех формах, которые содержат мягкие согласные, их написание приближается к написанию по нормам русской графики: ср. *Өре* ‘Ирина’, *Кире* ‘Христина’, *Чекэ* ‘Сергей’. Такие написания для эвенского языка можно признать традиционными. Однако в письменном эвенском языке подобные формы личных имен встречаются весьма редко, в основном в художественной литературе.

Правописание кличек животных отвечает фонематическому принципу: *Анчапа* ‘Белощекий’, *Илэр* ‘Пестрый’, *Мяргита* ‘Пятнистый’, *Кэвэпу* ‘Белочелюстной’, *Худепу* ‘Белогубый’, *Котача* ‘Кривоспинный’ — клички оленей; *Авлан* ‘Черноголовка’, *Мукала* ‘Белошейка’, *Негчэне* ‘Черная’, *Дявака* ‘Двуглазка’ (с белыми пятнами над глазами), *Өлкэпу* ‘Белогрудка’ — клички собак.

Часть кличек животных (например, *Буды* ‘Пестрый’, *Чимӈэклэн* ‘Белоногий’, *Унапачан* ‘С белыми передними лапами’, *Гилталри* ‘Белый’, *Карав* ‘Серый’) у эвенов одинаково употребительна и по отношению к оленям, и по отношению к собакам.

В настоящее время имена-клички собак у эвенов в основном заимствованы из русского или якутского языков. Слова, рассматриваемые в литературе как клички оленей, сейчас больше употребляются как наименования оленей по внешним признакам, чаще всего по масти. Собственные имена-клички оленей сохраняются в эвенском фольклоре, в частности в волшебно-героических сказках (например, *Гулрэнде* ‘Белоснежный’ — имя верхового оленя героини эпического сказания Нелтэк) [Лебедев, 1978, с. 112].

Ввиду того что у эвенов основная масса собственных имен, в том числе клички животных (собак, кошек, лошадей, коров), в настоящее время заимствуется из русского языка и пишется в соответствии с нормами русского правописания, можно считать допустимыми употребление в собственных именах буквы *о* вместо букв *ө* и *ӧ* и сочетания *нг* вместо буквы *ӈ*, т.е. считать приемлемыми написания типа *Чимнгэклэн* ‘Белоногий’, *Олкэпу* ‘Белогрудый, Белогрудка’ и т.п.

ПРАВОПИСАНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Общим принципом правописания географических названий в эвенском языке является цитатный принцип. Названия стран и городов, имеющие иноязычное происхождение, в том числе российские географические названия, пишутся точно так же, как и в русском языке: *Москва*, *Санкт-Петербург*, *Якутск*, *Хабаровск*, *Среднеколымск*, *Охотск*, *Анадырь*, *Нью-Йорк*, *Анкоридж*, *Пхеньян*, *Гонконг*.

В районах проживания эвенов имеется много географических названий эвенского происхождения: *Магадан* (эвен. *моӈадан* ‘жилище, построенное из плавника’), *Сеймчан* (эвен. *хэимчэн* ‘полынья, прорубь’), *Мякит* (эвен. *мякич* ‘место, где можно заблудиться’), *Мяунджа* (эвен. *мявандя*

‘большое сердце’, обычное название высоких, видимых издалека вершин), *Охота* (эвен. *окат* ‘река’) и др. Эти названия также пишутся в соответствии с написанием, принятым в официальных документах, на географических картах и в специальных словарях. Географические названия большинства районов проживания эвенов, в частности топонимика Камчатки, Чукотки, Магаданской области, частично Хабаровского края и северо-востока Якутии, собраны и объяснены в «Топонимическом словаре Северо-Востока СССР» [Леонтьев, Новикова, 1989].

Цитатный принцип написания географических названий позволяет строго соблюдать различие написаний географических названий, имеющих одинаковое происхождение и одно и то же значение в языке-источнике. Например, географические названия трех населенных пунктов Магаданской области — Омчак, Усть-Омчуг и Омсукчан — обозначают разные объекты, но все они образованы от одного и того же эвенского слова *омчик* ‘топь, топкое место’. Источником различий в такого рода написаниях являются расхождения в написании, зафиксированном в разное время и на разных территориях.

Лишь в сравнительно немногих случаях общепринятое написание топонимов — в основном названий национальных сел, перевалбаз и мелких географичских объектов (речек, ручьев, гор) — совпадает с эвенским произношением и написанием, например: *Мома* ‘место, где есть дерево’, *Иня* (эвен. *иӈа* ‘галька, крупный песок’), *Ясчан* (эвен. *ясчан* ‘обрыв, каменистая осыпь’), *Маякан* (эвен. *мая* ‘запас’).

Иногда среди представителей коренного населения высказывается мнение о необходимости изменить написание местных географических названий и привести его к исконному звучанию в языке-источнике. Однако практически сделать это невозможно. В местах проживания эвенов многие географические названия не являются эвенскими по происхождению и восходят к юкагирскому, чукотскому, корякскому и якутскому языкам. Объяснение значения некоторых географических названий, даваемое местными жителями, часто оказывается спорным: так, эвены Охотского побережья связывают название реки и поселка Ола Магаданской области с эвенскими словами *кӧла* ‘ковш’ или *олра* ‘рыба’ [Леонтьев, Новикова, 1989, с. 288–289], в то время как вероятнее всего, что это название происходит от корякского слова *улвэв* ‘место, где останавливаются на отдых’. Название эвенского села Анавгай в Быстринском районе Камчатской области местные жители (эвены и коряки) связывают с корякскими словами *в’анав* ‘древесная смола’ и *ӈай* ‘гора’ [Там же, с. 66], однако это название происходит из того же корякского языка, но иначе — как *Ано-в’гай* ‘Весенняя трава’, именно поэтому данная местность и была заселена эвенами-оленеводами, пришедшими на Камчатку в первой половине XIX в. Примеров, когда одно и то же географическое название имеет не одно, а несколько возможных объяснений, часто даваемых на материале разных языков, в топонимике Северо-Востока России достаточно много. Многие названия — такие как *Лена*, *Индигирка*, *Колыма*, названия населенных пунктов, образованные от местных названий: *Магадан*, *Анадырь*, *Охотск*, — вошли в русский язык и во многие

другие языки. Для таких названий традиционно сохраняется неизменное, орфографически закрепленное воспроизведение по официальным документам, картам и лоциям.

ПРАВОПИСАНИЕ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ

Правописание слов, заимствованных эвенским языком из чукотского, корякского, юкагирского и якутского языков, подчиняется общим правилам эвенского правописания. Эти слова пишутся в соответствии с произношением, согласно фонематическому принципу орфографии: ср. эвен. *муӈкэл* ‘застежка в упряжи’ (чукот., коряк. *мумкыл* ‘застежка, пуговица’), *уткучэн* ‘капкан, ловушка’ (чукот. *уткучьын*, коряк. *уткучг’ын* ‘ловушка’), *атват* ‘долбленая лодка, бат’ (коряк. *г’ытвэт*), *конайтэ* ‘меховые штаны’ (коряк. *ӄонайтэ*), *нолима* ‘грузовая нарта’ (юкагир. *лалимэӈ*), *нимба* ‘доска для шитья’ (юкагир. *нинбэ*), *кобаки* ‘заяц’ (якут. *куобах*) и др.

Правописание слов, заимствованных из русского языка, осуществляется в соответствии с нормами русской орфографии: *администрация*, *директор*, *инженер*, *бухгалтер*, *экономист*, *кооператив*, *предприятие*, *радио*, *телефон* и др.

Некоторая часть слов, попавших в эвенский язык относительно давно (в XVII–XVIII вв.) и прочно вошедших в его словарный состав, пишется согласно их произношению в эвенском языке: *натурускэ* ‘натруска’, *чомпур* ‘шомпол’, *булат* ‘ткань, материя’ (рус. *плат*), *урбак* ‘рубаха, рубашка’, *хяни* ‘коридор’ (рус. *сени*), *моста* ‘пол’ (рус. диал. *мост* ‘пол’), *чускэ* ‘свинья’ (рус. *чушка*), *минэ* ‘вино’, *хакмат* ‘шахматы’, фолькл. *багатир* ‘богатырь’ и др. Для некоторых слов отмечаются различные варианты произношения и написания: *тол*, *остол*, *стол* ‘стол’, *хакар*, *чакар*, *сахар* ‘сахар’, *бедрэ*, *ведрэ* ‘ведро’, *килеб*, *хлеб* ‘хлеб’, *чолута*, *золото* ‘золото’, *чэркэ*, *чэркэв*, *церковь* ‘церковь’, *минэ*, *вино* ‘вино’ и др. Слова, не имеющие произносительных вариантов, пишутся в соответствии с реальным эвенским произношением по фонематическому принципу. Слова, имеющие произносительные варианты, в публикациях образцов фольклора и в художественной литературе пишутся так, как произносятся. В переводных текстах, в языке средств массовой информации, а также в литературе учебно-методического характера предпочтительным и рекомендуемым является написание в соответствии с нормами русской орфографии. В этих же типах текстов предпочтительным оказывается и чтение заимствованного слова в соответствии с нормами русского произношения: из вариантов *тол*, *остол*, *стол* ‘стол’, *чускэ*, *чивиння*, *свинья* ‘свинья’ наиболее предпочтительными являются те варианты, которые соответствуют русскому произношению и написанию.

ПРАВИЛА ПЕРЕНОСА СЛОВ

Правила переноса слов в эвенском письменном языке в общем соответствуют правилам переноса слов в русском языке. В настоящее время эти правила довольно просты.

При переносе слов необходимо сохранять на предыдущей строке хотя бы один слог, состоящий из согласного и гласного: *ка-бяв* ‘куропатка’, *му-ран* ‘лошадь’, *таӈ-ран* ‘прочитал’. Не поддаются членению при переносе двусложные слова, начинающиеся с гласного: *оран* ‘олень’, *осал* ‘камус’, *абал* ‘недостаток’, *ечэн* ‘локоть’, *икэн* ‘он поет’ и др.

Не допускается перенос на другую строку слогов, состоящих из одной буквы: *бу-лат-мия* ‘остатки ткани’, *хэе* ‘верхушка, вершина’, *бэю* ‘человека’ (вин. п.) и т.п.

Соединительные гласные в том случае, если за ними следует сочетание согласных, не оставляются на предыдущей строке и не могут переноситься в начало следующей строки: *ока-талдула*, *окатал-дула* ‘в реках’. При сочетании нескольких суффиксов с соединительными гласными, когда сочетания согласных отсутствуют, знак переноса ставится после соединительного гласного: *тэгэ-чиди-лрэн*, *тэгэчидил-рэн* ‘он начал сидеть’. При этом является допустимым отделение последнего согласного от корневой морфемы: *ока-талдула* ‘в реках’, *ню-ӈитэн* ‘шестой’, *ду-кадилран* ‘он начал писать’, *бо-даснам* ‘я пошел следом’, *эвэ-чич* ‘весело’ и т.п.

При переносе слов, содержащих сочетания согласных внутри слова, соблюдаются следующие правила:

1) сочетания одинаковых согласных делятся всегда: *хэс-сэ* ‘подошва’, *хус-сан* ‘стрижет’, *хук-лэдь-дөт-тэн* ‘обычно спит’, *эмэс-син* ‘приходил’, *хөр-рэ-кэн* ‘когда он уедет’ и др.;

2) сочетания разных согласных внутри слова допускают варианты переноса: *гир-кад-дан* и *ги-ркад-дан* ‘ходит’, *ха-лган* и *хал-ган* ‘нога’, *ки-римки* и *ки-рим-ки* ‘ресницы’ и т.п.;

3) сочетания согласных внутри суффикса при переносе не разделяются: *не-мэ-лчин* ‘быстро вышел’, *хона-снан* ‘ударил топором (один раз, сильно)’, *хаӈана-счи-н* ‘пытается шить’, *эму-мчил-ти* ‘если бы мы с вами привезли’, *хякита-тки* ‘к лиственнице’, *урэкчэ-клэ* ‘до горы’ и т.п.;

4) сочетания согласных на стыке корня и суффикса и в сочетании двух суффиксов при переносе разделяются: *акан-сан* ‘ваш старший брат’, *нямичан-тан* ‘их важенка’, *дөтэл-ди* ‘по два’, *дагам-ран* ‘приближается’, *гэлэт-ли* ‘ищи’, *хупкут-тэй* ‘чтобы учиться’ и т.п.;

5) сочетания разных согласных в тех случаях, когда первый согласный представляет собой отдельный суффикс, а второй — начальный элемент следующего суффикса, допускают варианты переноса: *илал-ран* и *ила-лран* ‘начал вставать’, *мо-ми-лта-ки* и *мо-мил-та-ки* ‘к лодкам’, *тэ-ти-ӈдий* и *тэ-тиӈ-дий* ‘своей (взятой у кого-то) одеждой’ и т.п. В таких случаях предпочтительными являются сохранение предшествующего элемента на предыдущей строке и смещение знака переноса к концу слова: *мо-мил-таки*, *тэ-тиӈ-дий*, *илал-ран*.

Исключение составляют формы множественного числа с показателем *-р-*, отделение которого при переносе нежелательно (например, *орар-ду* ‘оленям’, *орар-та-ки* ‘к оленям’), а также формы сослагательного и предостерегательного наклонений множественного числа, имеющие в своем составе именной показатель множественности *-л-* (например, *гөмчил-ти* ‘если бы мы сказали’, *бакав-ди-кал-сан* ‘как бы вас не нашли’).

Нежелательно при переносе отделение от глагольной основы показателя средневозвратного залога *-б-/-п-* (например, *хэркуп-тэн* ‘сломался, переломился’, *бэрип-тэн* ‘потерялся’, *хулап-та* ‘остались’) и показателя страдательного залога *-в-* (например, *хөру-н* ‘увез’ — *хөрув-рэн* ‘увезен’, *хөрув-чэ* ‘увезенный’).

Недопустимо отделение от глагольной основы показателя страдательного залога в варианте *-м-*: *хөрукэм-рэн* ‘был увезен (позволил себя увезти)’, *илрам-ран* ‘его пожалели’, *илрам-ча* ‘тот, которого пожалели’, *гоюм-ран* ‘он был ранен’, *гоюм-ча* ‘раненый’.

Перенос сочетаний полнозначных слов с частицами. При переносе слов с частицами знак дефиса, отделяющий частицы от слова, автоматически выполняет функции знака переноса: *ӈи-дэ* ‘кто-то’, *як-ул* ‘что-либо’, *нимэкэлду-дэ* ‘и соседям’, *хөррэ-гу*, *эстэн-гу?* ‘они уехали или нет?’.

При переносе слов с двусложными частицами разделение частицы на два слога нежелательно: *өмэн-тэкэн* ‘только один’, *ӈэнрэн-тэкэнюн* ‘идет и идет’, *ями-макан* ‘почему же’.

Обязательно отделение грамматических показателей при переносе глагольных основ с конечным *-н* в тех случаях, когда имеет место ассимиляция согласного *-н* и последующего грамматического показателя: *гө-нэм* ‘я говорю’, *гө-ниди* ‘сказав’, *гө-ни* ‘говорящий’, *гө-ӈэр* ‘скажем-ка’, *гө-нэкэн* ‘если он скажет’, *эмэкэн гө-ӈрэр* ‘больше не надо говорить’.

Общим правилом при переносе слов в эвенской орфографии является предпочтение морфологических критериев. Это выражается в максимальном сохранении целостности морфологических единиц — корней и суффиксов, а также в желательности совпадения возможных вариантов переноса с морфологической структурой словоформы.

ПУНКТУАЦИЯ

Общие правила пунктуации в эвенском языке совпадают с правилами русской пунктуации.

В эвенском языке неупотреблительны или редко употребительны такие знаки препинания, как точка с запятой, двоеточие, тире.

Специфическим для эвенской пунктуации является использование дефиса. В эвенском языке отсутствуют союзы, которые применялись бы для связи слов внутри предложения, поэтому функции союзов выполняют частицы. Все самостоятельные частицы, располагающиеся после слова, к которому они относятся, присоединяются к нему при помощи дефиса: *акму*, *ноӈан хутэн-дэ* ‘мой старший брат и его сын’, *аканни*, *экэнни-дэ* ‘его старший брат и старшая сестра’, *би-гэл* ‘я же (в противоположность всем другим)’, *хи-си* ‘а ты (в противоположность тому, о ком шла речь только что)’, *или-лу!* ‘ну, входи же!’.

В сочетании частиц каждая самостоятельная частица отделяется дефисом от полнозначного слова и соседствующих частиц: *яв-да-тит-та* ‘хоть бы что-нибудь’, *ями-вут-та* ‘почему-то’.

Так называемые частицы-суффиксы, располагающиеся внутри словоформы перед грамматическими показателями, дефисом не выделяются:

билэкмэкэнтэкитэн ‘прямо к их поселку’, *тармамаду* ‘прямо там, именно там’.

Слитно пишется частица *-ткан/-ткэн* в аналитических конструкциях с глаголами, имеющими суффикс *-со-/-сө-*: *хуклэссөткэн оваттан* ‘притворяется, что спит; спит и спит’, *гиркассоткан бивэттэн* ‘делает вид, что бродит; потихоньку бродит’.

Отрицательная частица *ач*, стоящая перед определяемым словом, всегда пишется отдельно: *ач дола* ‘пустой, незаряженный (о ружье)’, *ач мудна* ‘бесконечный’, *ач хутлэ* ‘бездетный’.

ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЭВЕНСКОЙ ГРАФИКИ И ОРФОГРАФИИ

Письменность эвенов, как и других малочисленных народов севера России, на протяжении своего почти полуторавекового существования неоднократно модифицировалась. Наиболее радикальными изменениями в письменности всех малочисленных народов Севера были введение письменности на латинской графической основе, созданной на базе Единого северного алфавита в 1932–1933 гг., и последовавший за ней перевод письменности на кириллическую (русскую) графическую основу. С 1938–1939 гг. начинается период, когда изменения и усовершенствования вносились лишь в алфавиты, графику и орфографию отдельных языков: из преобразований, имевших место во второй половине 1950-х годов и затронувших большинство языков народов Севера, можно отметить лишь введение знака *ӈ*, заменившего буквосочетание *нг* почти во всех языках, и замену написания {к’} на {ӄ}, охватившую заметное количество языков народов Севера, но не коснувшуюся эвенского и других тунгусо-маньчжурских языков.

Как было сказано ранее (см. разд. «Из истории эвенской письменности»), эвенская письменность на протяжении 1938–1958 гг. неоднократно претерпевала изменения графики — правил обозначения фонем на письме при помощи знаков алфавита, а в 1980 г. был обнародован проект радикальной реформы эвенской графики, который впоследствии был отклонен. Однако до сих пор среди эвенов и представителей других народов Севера, особенно среди педагогов и творческой интеллигенции, высказываются суждения о необходимости реформы орфографии северных языков.

Вопрос об изменениях в системе практического письма для того или иного народа имеет несколько аспектов.

С теоретической точки зрения (с точки зрения общей теории письма как одного из разделов общего языкознания) существенно рассмотреть, какая именно составляющая практического письма в каждом конкретном случае подвергается изменению: алфавит (т.е. состав букв или их порядок расположения), графика (система соотношений между фонемами и графическими знаками) или орфография (правила написания каких-либо слов или морфем).

Например, замена знака *к'* на знак *ӄ* для чукотского языка стала заменой одной графической фигуры другой: такое преобразование не затронуло ни состав алфавита, ни систему звуковых значений букв. Замена буквосочетания *нг* буквой *ӈ* явилась частичным изменением алфавита (если сложная графема *нг* не имела буквенного статуса) и отчасти затронула правила графики, так как буквы *н* и *г* в сочетании друг с другом имели отдельное значение — *ӈ*. С введением для этой фонемы особой буквы *ӈ* данные буквы утратили это особое значение.

Выше уже говорилось, что все изменения, вносимые в эвенское письмо за последние 60 лет, представляли собой реформы графики, так как относились только к системе значений букв: так, проект реформы 1980 г., помимо графики, предусматривал изменение алфавита — состава букв и их начертаний, хотя в графику в ее широком понимании включается и алфавит. Важно усвоить, что ни одно из изменений, затронувших эвенскую письменность за указанный период, не было изменением орфографии, т.е. правил и норм правописания. Все наблюдаемые изменения написания отдельных слов были следствием преобразования правил графики. Фонематический принцип орфографии всегда оставался и остается единственным принципом эвенской орфографии с теми оговорками, что состав фонем эвенского языка долгое время не имел адекватного описания. Ни одна из проведенных или предлагавшихся реформ эвенской письменности не затрагивала правила орфографии вне норм графики.

С методической точки зрения (с точки зрения практики обучения письму), обоснованность любого изменения в системе практического письма для того или иного языка требует ответа на вопрос: что обусловливает трудности обучения грамотному письму на данном языке?

На этот вопрос при всестороннем исследовании языковой ситуации в зависимости от конкретных условий могут быть получены следующие ответы:

1) несовершенство графики и сложность орфографии;

2) недочеты существующей методики обучения письму;

3) недостаточно интенсивное обучение родному языку вследствие несовершенства учебных программ;

4) плохая методическая подготовка и низкая профессиональная квалификация педагогов и методистов;

5) такой статус языка, при котором его письменная форма имеет ограниченную сферу применения;

6) неблагоприятная языковая ситуация, когда общий уровень владения языком не соответствует возможности понимания письменного текста.

С социокультурной точки зрения, любая реформа письменности ставит условие соблюдения преемственности культурной традиции. Изменения в системе практического письма должны быть приняты для пользования одновременно всеми представителями народа, кто пишет и читает на своем родном языке, и, соответственно, такие изменения не должны сводиться к составлению краткого свода правил графики или изданию новых учебников для начальной школы.

Несоблюдение данного условия в сочетании с частыми изменениями правил графики привели к серьезным проблемам в функционировании письменного эвенского языка. Во-первых, множество ошибок в письменных текстах возникает именно вследствие привычки к устаревшим правилам графики; во-вторых, отмененная система графики продолжает восприниматься как действующая (к примеру, при пользовании литературой на эвенском языке, изданной в начале 1950-х годов) и требование ее замены оказывается неуместным; в-третьих, молчаливо признается тот факт, что письмо на родном языке — это всего лишь предмет для первых двух или четырех классов начальной школы.

Теория письма и наука о языке за время своего существования накопили значительный опыт в области реформ письменности и соответствующих предложений о реформах алфавитов, графики и орфографии для многих языков, а также обобщили большое количество оценок таких реформ со стороны специалистов-языковедов. К большому сожалению, наука о языках народов Севера очень мало обращала внимания на высказывания ученых по поводу реформ письменности.

Практически все языковеды, занимавшиеся теорией письма и методикой обучения языку (А.М. Пешковский, В.А. Малаховский, Л.В. Щерба, Л.Р. Зиндер), считали реформы письма вредными [Иванова, Осипов, 1995, с. 10]. Один из основоположников русской теории орфографии академик Я.К. Грот писал: «По опыту известно, что насильственные изменения в орфографии не удаются…» [Там же, с. 37]. Известный славист-языковед Н.Н. Дурново говорил о том, что предлагаемые реформы должны осторожно относиться к передаче звуковой стороны языка и не смешивать письмо с фонетической транскрипцией [Там же, с. 57]. В.А. Малаховский подчеркивал, что реформа письма разрушает укрепившуюся систему графических образов слова и таким образом является фактором, разрушающим культуру [Там же, с. 53]. А.М. Пешковский отмечал, что устраивать частые реформы правописания невыгодно [Там же, с. 56]. Известный русский языковед конца XIX — начала XX в. Р.Ф. Брандт говорил, что нововведения в правописании были бы желательны «лишь в виде дозволения, а не предписания» [Там же, с. 39]. В обзоре мнений языковедов и педагогов, чьи взгляды приводятся по поводу целесообразности изменений графики и орфографии, нет ни одного (!) сторонника административного совершенствования практического письма.

Интересную мысль по поводу роли письма в развитии языка в связи с потребностями общества высказал в 1960-е годы известный ученый и выдающийся русский писатель И.А. Ефремов: «С ускорением развития общества язык стал меняться и обогащаться, а правописание оставалось на прежнем уровне. Даже хуже: упорно упрощали орфографию, облегчая язык для ленивых или тупых людей, в то время как общественное развитие требовало все большего усложнения» [1995, с. 57]. Сказанное следует понимать так: упрощенная форма элементарных основ языка — таких как графика и орфография — влечет за собой упрощение и количественное сокращение более сложных форм существования языка — лексиче-

ского состава, грамматической синонимики, системы функциональных стилей.

Весьма категорически в отношении орфографических реформ высказывался академик Л.В. Щерба, много сделавший для теории письма и экспериментально-фонетического изучения языков народов Севера: «Реформа не сделала орфографию безусловно легкой, но зато в корне подорвала ее престиж. …Эта новая оценка орфографии была подкреплена свойственным всем революционным эпохам презрением к “форме” и погоней за “существом” <…> для того, чтобы дети писали грамотно, необходимо заниматься языком как таковым. Но здесь выступает третья причина современной безграмотности, которая состоит в том, что учителя в массе не любят заниматься языком. Что же делать? Содействовать появлению соответствующих трудов, всячески поддерживать их авторов, хлопотать о поднятии грамотности у студентов университета и педагогических вузов» [Иванова, Осипов, 1995, с. 51–52]. Эти слова академика Л.В. Щербы как нельзя более актуальны в применении к проблемам обучения языкам малочисленных народов Севера. Один из учеников Л.В. Щербы — Л.Р. Зиндер, специалист в области фонетики и теории письма, также принимавший активное участие в изучении языков народов Севера, — писал так: «…широкое обсуждение проектов реформы …не только не может принести никакой пользы, но, наоборот, глубоко вредно для дела и тормозит или даже парализует все мероприятия, намечаемые авторитетными органами» [1987, с. 105].

Наиболее удачно сформулировал основные задачи деятельности методистов и педагогов в условиях недовольства качеством обучения грамоте на родном языке А.И. Томсон: «Необходима реформа не правописания, а преподавания правописания» [1910, с. 428]. С этим можно согласиться, так как, во-первых, совершенствование методики обучения грамотному письму, не затрагивающее самого письма, должно повышать профессиональный уровень педагогов и методистов; во-вторых, при этом не ущемляются никакие интересы тех социальных групп, которые пользуются письмом на родном языке вне школьного преподавания; в-третьих, в таком случае не страдает и не прерывается культурная традиция народа, опирающаяся на письменную форму языка.

Письменность эвенов, как и письменность других народов Севера, развивалась и продолжает развиваться в специфических условиях. Здесь сказываются и сам момент создания письменности, и реформы письменности 1930-х годов, создавшие иллюзию простоты и полезности смены графики, но, по существу, подорвавшие жесткие нормы орфографии, а также ситуация национально-русского двуязычия, регионального дву- и многоязычия, обусловившие различие функционального статуса устной и письменной форм языков. Не последнюю роль в этих процессах играют и социальные факторы, ярко проявившиеся в 1960–1980-е годы: искусственное завышение значения творческой интеллигенции из числа народов Севера в культурном строительстве, а также национальных кадров — в образовании, отграничение специалистов-лингвистов от проблем

обучения языкам малочисленных народов Севера, работы над учебными пособиями. Данные социальные явления обернулись длительным застоем в подготовке учебно-методических пособий, отсутствием новых идей в методике преподавания языков народов Севера. Все это, разумеется, отрицательно сказалось на общей языковой ситуации среди носителей отдельных языков, в том числе эвенского. В настоящее время ситуация в районах проживания малочисленных народов Севера в этом плане меняется к лучшему, однако из опыта деятельности и ошибок прошлых лет необходимо делать самые серьезные выводы, чтобы подобное не повторялось в будущем.

ТРУДНЫЕ И НЕРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ ЭВЕНСКОЙ ГРАФИКИ И ОРФОГРАФИИ

Правила графики каждого конкретного языка в идеале должны учитывать возможность изображения на письме всего лексического состава данного языка во всем богатстве его грамматических форм. Нормы орфографии также должны предусматривать все те реальные и потенциальные факты письменного языка, которые закладываются в возможностях графики. Однако практика показывает, что средства кодификации орфографических норм, в частности правила графики и орфографии и словари, охватывают далеко не весь словарный состав языка, а ограничиваются лишь какой-то его частью, применительно к языкам малочисленных народов Севера составляющей от 4 до 10–12 тыс. слов, как правило без учета сложных производных грамматических форм. В языках с развитой письменной традицией, словарный состав которых стремительно пополняется и изменяется за счет неологизмов и заимствований, правила графики и орфографии ориентированы на фиксацию новых слов с графическими инновациями и установление их единообразного написания.

В языках малочисленных народов Севера, письменная форма которых развивается не столь активно, как письменная форма русского языка, прогресс в описании и изучении графики и орфографии осуществляется за счет более детального изучения потенциальных, скрытых возможностей письменной формы языка, которые могут быть реализованы при изображении на письме редко употребляющихся слов и сложных грамматических форм, даже если они являются малоупотребительными в письменном языке. Кроме того, исчерпывающее приведение всех лексических и грамматических ресурсов языка в письменную форму необходимо для того, чтобы, к примеру, адекватно передать все языковые особенности образцов фольклора, адресованных для чтения пользователям и этническим носителям языка — в этом случае для передачи текста необходима только действующая графика, так как использование любой научной транскрипции делает текст совершенно непонятным даже для грамотных носителей языка.

В любой орфографической системе, помимо жестких установлений, определяющихся основным принципом орфографии, есть такие слова или буквосочетания, написание которых может быть подчинено нескольким правилам. В таких случаях и для пишущего, и для языковеда, описывающего орфографическую систему, создаются возможности для выбора того или иного написания. Одновременно возникает необходимость для обоснования сделанного выбора и, соответственно, создаются условия для запрещения или признания равно допустимыми всех иных написаний. Имеются в эвенской орфографии и такие случаи, которые не вызывают затруднений при письме, но нуждаются в установлении единообразных норм графического оформления.

1. Написание эмфатических гласных. В эвенском языке в устной речи широко распространено такое явление, как эмфатические гласные, присоединяющиеся к последнему слову высказывания. Они встречаются и в некоторых типах письменной речи, в частности в диалогической речи в художественной литературе и записях фольклорных текстов. На письме такие гласные обязательно должны отделяться дефисом от того слова, к которому они примыкают: *Бакрам-а!* ‘я нашел!’, *Ӈин-а* ‘а, это собака’. В словах с гласными переднего ряда эмфатические гласные звучат поразному: ср. *хөррэм-э*, *хөррэм-е* ‘ну, я пошел!’, *хөррин-е* ‘он (уже) ушел’. На письме в этих случаях допустимыми являются оба варианта — *э* и *е*.

Эмфатический гласный после слов с конечным *-и*, сливающийся с этим гласным, на письме обозначается буквой *-е*, при этом написание того слова, к которому присоединяется эмфатический гласный, сохраняется без изменения: *эмни-е* ‘приходи же’, *гали-е* ‘ну, возьми же’. В этом случае эфматический гласный не зависит от огласовки основы слова и не подчиняется законам гармонии гласных. Нельзя считать допустимыми написания типа *эмне*, *гале* и им подобные, иногда встречающиеся в изданной литературе.

Особо сложные случаи составляет отражение на письме эмфатических гласных после конечных среднеязычных согласных. В такой ситуации слово сохраняет свой графический облик без изменения, а эмфатический гласный изображается в соответствии с его качеством по гармонии гласных: *хавай-а* ‘а, знающий’, *бэй-э* ‘эй, человек’.

После слов, оканчивающихся на *-ь*, в произношении которых финальный среднеязычный согласный и эмфатический гласный образуют отдельный открытый слог, пишется гласный *э*: *хөлнэдь-э* ‘это гость’, *хэӈунь-э* ‘ох и страшный’; ср. написания без эмфатического гласного *хэнунь* и *хэӈуне* ‘страшный, медведь (одно из наименований)’.

2. Написание согласного *й* между гласными. В соответствии с правилами эвенской графики согласный *й* в положении после гласных обозначается йотированными буквами *я*, *е*, *ё*, *ю*, а также буквой *и*. Сложность для правописания представляют те случаи, когда за гласным следует гласный *и*. В словах с гласными заднего сингармонического ряда принято написание без буквы *й*, например: *хаир* ‘перчатки’, *аир* ‘гарпун на нерпу’, *баиӈкин* ‘старое гнилое дерево’, *таил* ‘глупый’; в написании типа *хайир* обозначе-

ние согласного [й] избыточно. Слова с гласными переднего ряда, допускающие большую вариативность в произношении, могут допускать такую же вариативность и на письме. Таким образом, равно допустимыми могут считаться написания *хэимчэн* или *хэйимчэн* ‘полынья’, *эиргэ* или *эйиргэ* ‘кузнечные щипцы, клещи’, хотя существующие словари эвенского языка в настоящее время рекомендуют написания без специально обозначенного *й*: *хэимчэн*, *эиргэ*, *бэирэм* ‘я обморозил’, *дюир* ‘кислый’.

В словах, оканчивающихся на согласный *й*, при присоединении к ним падежных и притяжательных суффиксов, *й* по действующим правилам графики не прописывается, соответственно, признаются нормативными написания типа *дей* ‘лезвие’ — *де-ин* ‘его лезвие’, *де-ю* ‘лезвие’ (вин. п.); *ой* ‘одежда’ — *о-ин* ‘его одежда’, *о-ю* ‘одежду’, *о-и* ‘свою (его) одежду’, *о-юр* ‘свою (их) одежду’. Правила эвенской орфографии 1958 г. такие случаи не учитывают.

Написания типа *ойин* ‘его одежда’, *ойи* ‘свою одежду’, хотя и являются возможными в соответствии с фонематическим принципом эвенской графики и отвечают в равной мере фонематическому и морфологическому принципам в орфографии, тем не менее пока не рекомендуются к использованию. Неприемлемы написания форм винительного падежа типа *ойу* ‘одежду’, *ойур* ‘свою (их) одежду’.

3. Использование букв *ь* и *ъ*. В эвенском языке, в отличие от русского, буква *ь* употребляется только для обозначения среднеязычного характера согласных [ʒ] и [н’] в конце слова (например, *эӈэнь* ‘короткий пояс’, *удь* ‘след’) и изредка — перед согласными (ср. *эньки* ‘ножны’, *унькан* ‘ложка’, *унькапан* ‘кольцо, перстень’). В функции разделительного знака, указывающего на «алфавитное» чтение йотированных гласных, стоящих в начале морфемы, в эвенском языке применяется знак *ъ*: ср. *дю-якан* ‘домишко’, *дилики-екэн* ‘горностаишка’, *этикэ-екэн* ‘старичишка’, *атика-якан* ‘старушонка’, но *накат-ъякан* ‘медведишко’, *унит-ъекэн* ‘червячишка (личинка насекомого)’. Такое же правописание имеют формы собирательности, образующиеся при помощи суффикса *-я/-е//-а/-э*, например: *Уиндя-я* ‘Уиндя и его родичи’, *Каганкан-а* ‘Каганкан и его семья, и его родственники’, но *авус-ъя* ‘зять — муж старшей сестры и его семья’, *бэнэр-ъе* ‘шурин — младший брат жены и его семья’.

Написания этого же типа характерны для глагольного видового суффикса [*-йат-*]/[*-йэт-*], обозначающего длительность и многократность действия с модальным оттенком симпатии и жалости, например: *малта-ят-тан* ‘изгибает’, *арча-ят-тан* ‘встречает’, *илбэ-ет-тэн* ‘гонит’, *эмэ-ет-тэн* ‘оставляет’, но *ав-ъят-тан* ‘моет’, *ан-ъят-тан* ‘толкает’, *дэг-ъет-тэн* ‘летает’. Написания типа *илбэйеттэн*, *эмэйеттэн*, хотя и соответствуют фонематическому принципу графики и сохраняют графическое единство суффикса, все же не могут рекомендоватся к употреблению. Написания *илбэ-йэт-тэн*, *эмэ-йэт-тэн* нарушают правила графики в отношении передачи согласного *й* между гласными.

Использование *ъ* на стыке морфем, обусловливающее «алфавитное» чтение йотированных гласных, является последовательным и однознач-

ным в тех случаях, когда соотносительность исходной и производной форм очевидна и членимость словоформы с данным написанием сомнений не вызывает. Под указанное правило подпадает и правописание морфологически изолированных форм типа *тиръе* ‘тогда’, ср. *тир* ‘тогда, давно’.

Теоретически в эвенском языке возможно образование форм на *-якан/-екэн* от слов, оканчивающихся на *-ь*, например: *хөлнэдь-екэн* ‘ох уж тот гость’, *хунадь-якан* ‘ох уж та девица’. Правила эвенской орфографии 1958 г. таких случаев не предусматривают. Написания форм на *-якан/-екэн* с *ъ*, образованных от слов, оканчивающихся на среднеязычные *з* и *н*’ (например, *хөлнэдъекэн*), будут неприемлемыми, так как изменяют графический облик основ без какой-либо мотивировки, при этом утрачивается единственное графическое средство, указывающее на среднеязычный согласный — знак *ь*, а в отношении обозначения «йотированного» чтения гласных *я* и *е* буквы *ь* и *ъ* являются равнозначными. Следует признать нормативными и рекомендуемыми написания таких форм с *ь*: *удьякан* ‘следишко’, *хөлнэдьекэн* ‘ох уж этот (тот) гость’, *эӈэньекэн* ‘поясишко’. В таких написаниях и основа, и суффикс в максимальной мере сохраняют свой графический облик, не наблюдается и отступлений от принципов графики.

До сих пор не нормализованными в отношении орфографии в эвенском языке являются образования на *-якан/-екэн* от слов с конечными среднеязычными согласными *ч* и *й*. Правила эвенской орфографии 1958 г., как и во многих других случаях, не содержат указаний на возможность образования таких форм и вообще не дают каких-либо рекомендаций по данному поводу. По правилам эвенской графики, если распространять их на все сочетания букв, надлежит писать *ойъякан* ‘одежонка’ (ср. *ой* ‘одежда’), *эрбэчъекэн* ‘гусишка’. Но написания типа *бэй-ъекэн* ‘этот (данный) человек, человечишка’ с точки зрения графики будут излишне усложнены, так как здесь имеется сразу три сигнала сохранения согласного *й* — буква *й*, твердый знак и йотированный гласный *е*. Написание *бэ-екэн*, хотя оно и отвечает принципам графики, также нельзя признать рекомендуемым из-за нежелательности изменения внешнего облика корневой морфемы. Для данных случаев представляется целесообразным рекомендовать написание *бэй-екэн*. Такие написания полностью соответствуют реальному произношению этих форм с удвоенным *й*.

В наречных формах с выделительным суффиксом пространственных наречий *-яка-/-екэ-* типа *амас-ъяка-ки* ‘прямо назад’ (ср. *амаски* ‘назад’), *хол-ъяка-ки* ‘прямо вверх по реке’ (ср. *холаки* ‘вверх по реке’), *дес-ъекэ-ки* ‘прямо вверх по склону горы’ и, очевидно, *эй-екэки* ‘прямо вниз по реке’ (ср. *эеки* ‘вниз по реке’) будут действовать те же правила правописания, что и в других случаях при появлении суффиксов с начальным *-й-* на морфемных стыках. В некоторых примерах начальный *й* этого суффикса ассимилируется с последним согласным основы: *он-няка-ки* ‘прямо на спину’ (ср. *онки* ‘на спину’), ср. также варианты *таръяла ~ тарряла* ‘прямо там’. В последнем случае при наличии вариантов произношения *таръ-*

яла и *тарряла* в письменном языке более предпочтительным является первое написание, сохраняющее графический облик обеих морфем, составляющих данное сочетание.

4. Обозначение среднеязычных согласных [ʒ] и [н'] перед переднеязычными в сочетаниях морфем. Вопрос об обозначении среднеязычных согласных перед переднеязычными в эвенской орфографии разработан слабо. В правилах 1958 г. отмечается, что чередование среднеязычных согласных с переднеязычными перед соответствующими переднеязычными согласными отражается на письме, а нормативными признаются написания *чэŋэч* 'удочка' — *чэŋэттэки* 'к удочке'; *хөлнэдь* 'гость' — *хөлнэттэки* 'к гостю' [Новикова, 1958а, с. 112].

Есть основания для того, чтобы в письменном эвенском языке в формах склонения имен сохранялось единообразие написания основы слова. Следовательно, можно рекомендовать сохранение обозначения среднеязычных согласных [ʒ], [н'] и [ч] теми буквосочетаниями, которыми они обозначаются в исходной основе, и писать единообразно все падежные формы имени: *удьду* 'следу', *удьтаки* 'к следу', *удьла* 'на следу', *удьли* 'по следу', *удьдук* 'от следа'; *хөлнэдьду* 'гостю', *хөлнэдьтэки* 'к гостю', *хөлнэдьлэ* 'у гостя', *хөлнэдьдук* 'от гостя'; *эŋэньду* 'поясу', *эŋэньтэки* 'к поясу', *эŋэньнэ* 'на поясе', *эŋэньдук* 'от пояса' и т.п. В соответствии с правилами графики и действующими правилами эвенской орфографии будут писаться формы винительного падежа: *удю* 'след', *удикла* 'до следа', *удикли* 'мимо следа', *удьгич* 'со стороны следа', *хөлнэдю* 'гостя', формы творительного падежа *удич* 'следом', *хөлнэдич* 'гостем' и т.п.

Что касается именных основ с конечным согласным [ч], то в склонении имен, оканчивающихся на {ч}, можно допустить наличие орфографических вариантов написания типа *чэŋэттэки* и *чэŋэчтэки* 'к удочке', *чэŋэттук* и *чэŋэчтук* 'от удочки', *чэŋэчлэ* и *чэŋэтлэ* 'на удочке'. Однако здесь также более предпочтительными будут варианты с сохранением обозначения исходного среднеязычного согласного {ч}, так как в ряде случаев написание с {т} может приводить к образованию омографов: ср. *эвэч-лэ* 'у веселого', но *эвэтлэ* 'легкое, легкие'. Нежелательность отражения на письме чередования *ч//т* в именных основах обусловливается еще и тем, что в эвенском языке имеется множество слов, оканчивающихся на *-т*, но крайне мало слов, оканчивающихся на *-ч*. В таких условиях сохранение обозначения среднеязычного согласного {ч}, как и буквосочетаний {дь} и {нь}, представляется более предпочтительным с точки зрения орфографии. Все написания, которые считаются рекомендуемыми в настоящем изложении, отвечают морфологическому принципу орфографии, являющемуся ведущим в орфографии русского языка. Можно отметить также, что в таких написаниях проявляется и орфографический принцип дифференциации, в данном случае — противопоставления именных и глагольных форм, так как в глагольных формах чередование фонем *ч//т* отражается на письме постоянно.

5. Обозначение среднеязычных согласных [ʒ] и [н'] перед среднеязычными согласными в сочетаниях морфем. Действующие правила эвенской орфо-

графии 1958 г. не содержат каких-либо рекомендаций относительно правописания грамматических форм, содержащих сочетания среднеязычных согласных [ʒ + ʒ] и [н' + н']. Правила эвенской графики, устанавливающие нормы обозначения среднеязычных согласных [ʒ] и [н'] посредством сочетания букв *д* и *н* с йотированными гласными *я*, *е*, *и*, *ю*, *ё*, *ө*, не распространяются на удвоенные согласные, образующиеся на стыках морфем. Соответственно не решен вопрос о необходимости специального обозначения среднеязычных согласных перед среднеязычными согласными, например, в притяжательных формах 3-го л. ед. ч. винительного падежа или в последовательности видовых суффиксов несовершенного вида и вида обычного действия *-д/ʒ- + -ват/ч-//-вэт/ч-*. Следует признать нормативными для эвенской орфографии написания типа *удьдён* 'его след', *өкэньнөн* 'ее молоко', *бодадьдёттан* 'следует за кем-л.', *хуклэдьдөт-тэн* 'спит', *нэнэденьнөт-тэн* 'идет' и т.п. Хотя для последовательностей видовых показателей в глагольных формах написания типа *гиркаддёттан* 'обычно ходит', *хуклэддөттэн* 'спит' можно признать допустимыми, так как они соотносятся с написаниями отдельных форм несовершенного вида этих же глаголов, таких как *гиркаддан* 'идет', *хуклэддэн* 'спит'.

Перед слогом с гласным {и} (показатель будущего времени *-ди-*, показатель причастия будущего времени *-дңа-/-диңа-*) обозначение среднеязычного характера первого согласного в глагольных парадигмах времен и наклонений не обязательно: ср. *хуклэд-ди-н* 'будет спать', *нэнэд-ди-н* 'будет идти', *нэнэд-ди-нри* 'ты будешь идти', *гад-ди-нри* 'ты будешь брать', *бод-дик-ари-в* 'как бы я не пошел следом', *хуклэ-ден-дик-э-с* 'кажется, ты будешь спать и спать'. Но в именных парадигмах целесообразно сохранить на письме единообразие исходной основы: *өкэньдин* 'ее молоком', *удьдин* 'его следом'. Такое написание позволит четко различать на письме некоторые квазиомонимы: ср. *өкэндин* 'ее грудью'.

6. Обозначение долгого лабиализованного гласного после согласного *й*. Существование сочетания букв *й + о*, *й + ө* правилами эвенской графики не предусматривается, так как согласный [й] не употребляется в начале слова, а лабиализованные гласные не встречаются в непервых слогах эвенских слов. Вследствие этого буквосочетание *й + ё* для эвенского языка кажется вообще невозможным. Однако правила эвенской орфографии 1958 г. в разделе, посвященном графике, указывают на возможность написания *й + ё* в грамматических формах, рассматривавшихся выше: в притяжательных формах 3-го л. ед. ч. винительного падежа приводится пример написания *өйён* 'его верх', в формах вида обычного действия глагола — *өсэйёттэн* 'постоянно дразнит, обижает' [Новикова, 1958а, с. 105].

В орфографических разделах этого издания, служащего нормативным документом эвенской орфографии, правописание таких форм не обсуждается. В учебнике эвенского языка для педучилищ в качестве примеров употребления букв приводятся написания *оен* 'его верх' (скорее, 'его одежда') и *өсэёттэн* 'постоянно дразнит, обижает' [Новикова и др., 1991, с. 32], что, во-первых, прямо противоречит правилам 1958 г.; во-вторых, не

соответствует эвенской графике, так как буква {ӧ} не имеет «йотированного» чтения вообще.

Имеется еще ряд примеров, требующих решения вопроса об обозначении лабиализованных гласных после *й:* например, притяжательная форма во второй части фразеологизма *төр бэййөн* досл. ‘человека земли’, ‘всех земных людей’ или притяжательные формы винительного падежа *хиркан дейӈөн* ‘лезвие ножа’, *хотудьдён* ‘его проводника’, *хунадьдён* ‘его взрослую дочь’, глагольные формы типа *дяййёттай* ‘обычно прятать’, *омӈайййёттай* ‘обычно, постоянно забывать’ и т.п.

Принципиальным вопросом в таких написаниях является то, насколько необходимо отражать на письме удвоенный согласный [йй], а также какими средствами целесообразно это делать. С точки зрения эвенской графики, позиция после согласного {й}, как и после любого другого согласного для йотированных гласных, не является позицией «йотированного» чтения. Следовательно, фонематический принцип эвенской графики подсказывает необходимость обозначения согласных [йй] не одной, а двумя соответствующими буквами. Кроме того, данное написание сохраняет единообразие графического выражения именных и глагольных основ с конечным [й], самостоятельное выражение суффикса многократности *-й-* и парадигматическую соотнесенность суффикса обычного действия в варианте [-йот-/-йөт-] (в графике *-йёт-/-йөт-*) с другими вариантами этого суффикса, укладывающимися единообразно в фонетическую и графическую структуру СГС.

В рамках правил эвенской орфографии в подобных случаях после буквы {й} можно признать допустимым написание как {ө}, так и {ё}. Очевидно, данные написания следует признать равноправными, и возможно, первый вариант написания таких форм с буквой {ө} был бы даже предпочтительнее, так как написания с {ё} при их немногочисленности и без того заметно осложняют эвенскую графику и орфографию.

Сходные случаи написаний гласных *ө* и *ё* [йо] имеются еще в некоторых глаголах, корень которых оканчивается на *-й* или которые имеют суффикс длительности *-й-*, например: *майййоттан* ‘не везет на охоте’, *төййөттэ* ‘угощают’. Такие написания сохраняют единообразную графическую форму исходной основы и системно соотносятся с графическими вариантами суффиксов: например, такое же уподобление согласных с сохранением графического внешнего вида первого суффикса и отражением на письме варьирования второго суффикса (суффикса вида обычного действия) наблюдается после глагольного суффикса интенсивности *-н-* (*нулгэннөттэ* ‘кочуют и кочуют’). Именно такие написания с двойным согласным {йй} следует признать более предпочтительными для практического письма. Написания типа *майёттан* с буквой {ё} и, соответственно, написания глаголов, имеющих переднерядную огласовку, с буквой {ӧ} не отражают в графике имеющего место удвоения согласного {й}, компоненты которого к тому же принадлежат к разным морфемам. Таким образом, и в этих случаях целесообразно ориентироваться на морфологический

принцип орфографии, проявляющийся в тенденции к единообразию графического изображения морфем и позволяющий достигать этого единообразия.

7. Написание букв *б//п* перед звонкими и глухими согласными на стыках морфем. В эвенском литературном языке не нормализовано образование форм цели на *-да-/-дэ-* от глаголов с показателем формы средневозвратного залога, например: *эмэптэй/эмэбдэй* ‘остаться’. Очевидно, и для орфографии, и для норм письменного языка приемлемыми являются обе формы с написанием их согласно фонематическому принципу.

Аналогичным образом не нормализовано написание глагольных форм, образованных от основ, оканчивающихся на *б//п*, типа *дебсөли* ‘ешь’, *эбсэн* ‘течет влага’. Скорее всего, в этих случаях предпочтительнее такое написание, которое поддерживает сохранение единообразного написания основы, т.е. написания *деб-сө-ли* ‘ешь’, *эб-сэн* ‘течет’ будут более предпочтительными, чем строго фонематические *депсөли*, *эпсэн*.

8. Дифференциация притяжательных форм 1-го л. ед. ч. винительного падежа от аналогичных притяжательных форм именительного падежа и непритяжательных форм винительного падежа, образованных от основ на гласный. В эвенском языке в его письменной норме дифференцируются написания притяжательных форм имен существительных 1-го л. ед. ч. в винительном падеже. В фонетической записи эти формы выглядят одинаково:

1) *турки-в* ‘нарту’ (вин. п.), *бөдэл-у* ‘ногу’, *ŋину* ‘собаку’;

2) *турки-в* ‘моя нарта’ (им. п., 1-е л., ед. ч., прит.), *бөдэл-у* ‘моя нога’, *ŋин-у* ‘моя собака’, также *орму* ‘мой олень’;

3) *турки-в* ‘мою нарту’ (вин. п., 1-е л., ед. ч., прит.), *бөдэл-у* ‘мою ногу’, *ŋину* ‘мою собаку’, *орму* ‘моего оленя’.

В действующих правилах правописания эвенского языка, изданных в 1958 г. [Новикова, 1958а], о написании таких форм слов и об омонимии грамматических форм ничего не говорится. В описании эвенской морфологии лишь отмечается неразличение двух форм именительного и винительного падежей в притяжательном склонении [Новикова и др., 1991, с. 82, прим.].

Грамматические формы, приведенные последними, имеют одновременно два грамматических значения, которые присущи первым двум группам форм по отдельности. Тем не менее притяжательные формы винительного падежа не отличаются в произношении от непритяжательных форм винительного падежа и притяжательных форм 1-го л. ед. ч. именительного падежа.

Для таких случаев, хотя рассматриваемые формы имеют одинаковое звучание, в письменной форме эвенского языка есть возможность применить дифференцирующий принцип — так принято называть разное написание одинаковых или сходно звучащих грамматических форм с разным значением. Отличать эти формы от непритяжательных форм винительного падежа можно графически, прописывая дополнительно притяжательный

суффикс в том виде, в каком он встречается после основ на гласный и после гласных в сочетании с другими падежными суффиксами: *турки-в-у*, *бөдэл-у-в*, *ӈин-у-в*. Для сравнения приведем примеры образования данных форм от слов с основой на *-н*: *орму* ‘мой олень’, *ормув* ‘моего оленя’. Соблюдается регулярность выражения притяжательного суффикса 1-го л. ед. ч. по отношению к другим падежным формам: ср. *турки-ду-в* ‘на моей нарте’, *турки-кла-в* ‘до моей нарты’, *турки-дук-у-в* ‘от моей нарты’.

9. Правописание *н//нь* перед согласными *н*, *ӈ*. В эвенском языке внутри морфемы сочетания согласных [н’ + н], [н’ + ӈ] не встречаются, однако на стыках морфем, в частности при образовании видовых и модальных форм глагола, такие сочетания возможны. Это, к примеру, вторичные образования форм вида обычного действия от видовых форм редко совершаемого действия с суффиксом *-ван-/-вэн-/-ин*, *-ван’-/-вэн’-/-ин* и форм вида длительного ослабленного действия с суффиксом *-дян-/-ден-//-дян’-/-ден’-*, в которых наблюдается ассимиляция первого согласного суффикса *-ват/ч-//-вэт/ч-* (например: *га-ван-нётта* ‘изредка, но иногда берут’, *нулгэ-деннөттэ* ‘кочуют (медленно, периодически)’), а также знаменательные части отрицательно-модальных конструкций типа *га-ван-ӈа хэрэм* ‘я боюсь (даже) изредка брать’, *нулгэ-ден-ӈэ бар* ‘они ленятся (даже) медленно кочевать’. В эвенской графике единственным способом обозначения среднеязычного характера согласного [н’] в позиции перед согласным является знак *ь*, ср. написание слова *эньки* ‘ножны’. Однако, во-первых, в силу того что в позиции перед носовым согласным согласные [н] и [н’] фактически не различаются, во-вторых, так как в суффиксах *-ван-/-вэн-/-ин*, *-ван’-/-вэн’-/-ин* и *-дян-/-ден-//-дян’-/-ден’-* ни в одном случае не представлены графические варианты, содержащие *ь*, специальное обозначение среднеязычного характера согласного [н] в этих суффиксах в указанных грамматических формах не является необходимым.

В этом случае также будет наблюдаться дифференциация написания разных частей речи — имен и глаголов. Как отмечалось выше, для имен существительных с конечным {нь} в словах типа *өкэнь* ‘молоко’, *эӈэнь* ‘короткий пояс’ было сочтено целесообразным сохранять на письме облик исходной основы в форме именительного падежа. Применительно к правописанию глагольных форм предлагается придерживаться обратного — не отражать среднеязычный характер сонанта, так как в глагольных парадигмах высокочастотно чередование *н’//н*.

10. Исключения из правил чтения сочетаний согласных *д*, *н* с йотированными гласными и возможности их устранения. Как было отмечено при характеристике правил чтения эвенских букв в разных позициях, написания *д* + йотированные гласные, *н* + йотированные гласные в подавляющем большинстве случаев читаются как [ʒ + однородный гласный], [н’ + однородный гласный]. Однако в нескольких случаях гласные {а} и {е} в таких сочетаниях должны читаться как дифтонгоидные — это слова с корнем *д^{и}е=*, обозначающие положение или направление движения вверх по склону, слова [*д^{и}авун*] ‘спрятанная добыча’, [*ниекичэн*] ‘утка’, [*ниергэт*] ‘пушица’. Одновременно с этим в эвенском языке есть слова со среднеязычны-

ми согласными перед дифтонгоидными гласными [*з^{и}ат*] ‘опавшие листья’, [*н’^{и}амнит*] ‘тальник’.

В принципе единичные исключения из правил чтения не вызывают особых затруднений ни при написании, ни при чтении.

В целях устранения исключений из указанных правил чтения для слов, имеющих сочетания переднеязычных согласных [д], [н] с дифтонгоидными гласными, могли бы быть предложены отдельные написания, например: *диэски* ‘вверх по склону горы’, но *дьят* ‘опавшие листья’, *диавун* ‘спрятанная добыча’, *ниэкичэн* ‘утка’, *ниэргэт* ‘пушица’, но *ньямнит* ‘тальник’. Это позволило бы избавиться от исключений в чтении графических сочетаний *д + я/е*, *н + я/е*. Однако оба возможных предложения не лишены недостатков: сочетания букв *и + а*, *и + э* для эвенской графики не характерны, и они были бы представлены только в данных словах и не встречались бы более нигде; графические сочетания {дья}, {дье}, {нья}, {нье} являются в достаточной мере экзотическими среди сочетаний букв эвенского алфавита, и в условиях двуязычия чтение таких буквосочетаний может осуществляться по нормам русской графики. Можно обратить внимание на то, что такие написания с чтением [з^{и}а], [з^{и}е], [н’^{и}а], [н’^{и}е] в системе эвенской графики были бы «защищены» от «йотированного» чтения, так как в эвенской графике на последнее указывал бы не мягкий знак, а твердый. Однако в целом нам представляется целесообразным воздержаться от изменения написаний слов, содержащих сочетания переднеязычных согласных [д], [н] и среднеязычных [з], [н’] с дифтонгоидными гласными [^{и}а] и [^{и}е]. Мы стремимся лишь указать на возможность применения в таких случаях каких-то иных написаний, не выходящих за пределы правил эвенской графики и позволяющих устранить существующие исключения из правил чтения.

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ЭВЕНСКОЙ ОРФОГРАФИИ

Вопросы, связанные с обучением эвенской орфографии, распадаются на две группы — это, во-первых, проблемы обучения грамотному письму учащихся начальных и средних школ; во-вторых, проблемы методики преподавания орфографии для педагогов начальных и средних школ, а также училищ, колледжей и вузов.

Представления о характере орфографии эвенского языка, существующие в среде школьных педагогов, в настоящее время не соответствуют реальности. Распространено мнение, согласно которому орфография эвенского языка достаточно сложна, препятствует обучению чтению, что, в свою очередь, осложняет обучение грамотному письму.

В предыдущих разделах указано, что фонематический принцип является ведущим в орфографии эвенского языка, следовательно, громадное большинство эвенских слов пишется в соответствии с их реальным произношением. Поэтому в эвенском письме отсутствуют орфограммы — ситуации возможного выбора одной буквы из нескольких букв, написание которых возможно по законам графики, так как многозначность в эвен-

ской графике свойственна в основном гласным буквам и значения этих букв не пересекаются. То, что в эвенском письме долгие гласные не имеют отдельных обозначений, совершенно не препятствует правильному написанию слов. При этом проблемы, связанные с обучением чтению, выходят за рамки орфографии и в значительной мере обусловлены степенью владения эвенским языком у учащихся и самих педагогов.

Отступления от фонематического принципа орфографии в эвенском языке немногочисленны. Дифференцирование написаний притяжательных форм именительного и винительного падежей типа *момив* 'моя лодка' — *момиву* 'мою лодку', предложенное в предыдущем разделе, напрямую соотносится с практическим изучением материала соответствующих разделов эвенской грамматики. Написание заимствований из русского языка теснейшим образом увязывается с вопросами обучения русской грамоте, так как по существующим нормам в литературном (письменном) эвенском языке почти не осталось слов, которые были бы заимствованы из русского языка, но сохраняли бы на письме тот вид, который они приняли в эвенском языке при их освоении (слова типа *порук* 'порох', *натурускэ* 'натруска', *минэ* 'вино' и т.п.). То же касается и правописания собственных имен: личные имена и географические названия по-эвенски пишутся так же, как они пишутся по-русски.

Сложности и проблемы, возникающие при обучении орфографии любого языка, в том числе эвенского, представляются во многом надуманными. Применительно к этому полностью справедливы высказывания А.И. Томсона, который писал так: «Рациональный метод преподавания языка в школе состоит в отсутствии всякого метода (т.е. готового рецепта или всеспасительного аппарата, который называется методом) и в научно обоснованном целесообразном пользовании всеми приемами усвоения языка, возможными в школе. Но для этого учитель должен иметь прежде всего научную подготовку по языку» [1910, с. 417–418]. Затем он продолжает: «Сильный упадок грамотности, наблюдаемый в последнее время особенно в нашей средней школе, вызвал у нас немало новых пособий и журнальных статей по обучению правописанию. К сожалению, авторы этих статей большею частью совсем не посвящены в новейшие работы по вопросу и блуждают без определенного плана и без научных руководящих начал. Они по-старому сопоставляют мнения авторитетных педагогов, основанные лишь на более или менее метких наблюдениях при преподавательской практике, задаются часто уже разрешенными научно вопросами (например, о значении слуховой памяти в правописании) и подчас рекомендуют даже самые недопустимые приемы преподавания. Обнаруживаются даже такие педагоги, которые в оправдание безграмотности ссылаются на неустановившееся правописание прежних выдающихся писателей… Между тем новейшие исследования по психофизиологии письма дают совершенно иное понимание писания и способов обучения грамотности, чем могло быть у самых выдающихся прежних педагогов. Можно, конечно, отдавать должное истории, но не нужно обманывать себя тем, что этим путем педагогика подвинется вперед» [Томсон, 1910, с. 427]. Сказан-

ное здесь полностью справедливо по отношению к методике обучения языкам малочисленных народов Севера, которая, к сожалению, так и не превратилась в подлинно научную дисциплину и даже в наши дни активно устраняется от методик обучения второму языку или иностранному языку, хотя ситуация с обучением родным и иностранным языкам в современных условиях практически одинакова.

Основная трудность обучения орфографии эвенского языка, как и орфографии других языков малочисленных народов Севера, напрямую связана с недостаточным количеством языкового материала, содержащегося в учебных пособиях и используемого в учебном процессе, а также с ограниченным запасом слов и грамматических форм, который усваивается учащимися в курсе родного (северного) языка. Крайне ограниченный репертуар усваиваемой лексики, по чисто количественным причинам лимитирующий коммуникативное использование языка или даже препятствующий ему, в сочетании со сведением усваиваемой грамматики до минимума не позволяет даже самому одаренному педагогу приступать к формированию навыков грамотного письма. Причем данная проблема, типичная для методики обучения северным языкам, препятствует эффективному обучению им в течение многих лет — с того времени, как обучение грамоте на родном языке и языку как предмету, в особенности как второму родному языку, стало составлять две различные педагогические задачи. Чтобы навыки письма у учащихся стали устойчивыми, необходимо активное усвоение определенного словарного запаса, сопровождающееся поддержанием навыков пользования языком при общении в языковой среде или хотя бы в рамках учебного процесса при отсутствии языковой среды.

Только соблюдение перечисленных условий позволит обеспечить эффективное обучение орфографии и письменной речи. А.И. Томсон, известный ученый-фонетист, который много занимался теорией письма и методикой обучения грамоте, писал: «Вникните в процесс грамотного писания, и узнаете, что у грамотного рука автоматически производит движения, дающие в результате начертания таких слов, которые у него уже возбуждены в мышлении. Если из происходящего при этом сложного психологического процесса самого писания что-нибудь, например вопрос о букве или правиле, вступает в сознание, то нить мышления уже прерывается посторонним, и писание малограмотное; а приучающий к этому педагог есть в действительности разрушитель грамотности. …Нужно стремиться именно к скорейшему переходу к автоматическому писанию, освобождающему мышление по возможности от всего, относящегося к самому писанию, ибо так пишут грамотные» [Там же, с. 436].

В условиях двуязычия, тем более в ситуации различия функциональных сфер родного и русского языков, и ограниченного пользования письменной формой эвенского языка навыки грамотного письма на эвенском языке объективно менее устойчивы по сравнению с навыками письма на русском или якутском языках. Тем не менее обучение грамотному написанию слов и грамматических форм эвенского языка представляет собой

даже менее сложную задачу, нежели обучение чтению на эвенском языке при ограниченном пользовании эвенским языком в целях письменной коммуникации.

Анализ письменных текстов на эвенском языке, в частности изданных учебников эвенского языка для начальной школы, свидетельствует о том, что основная масса затруднений в написании эвенских слов приходится на употребление дополнительных букв эвенского языка, отсутствующих в русском алфавите — в особенности {ө} и {ё}. Причем такие затруднения в правописании эвенских слов характерны и для самих педагогов, а не только для учащихся [Бурыкин, 1993, 1997]. В методике обучения эвенской грамоте необходимо обращать особое внимание на соотнесение слов с гласным *ө* с переднерядной огласовкой данных слов по правилам гармонии гласных, в отличие от заднерядной огласовки слов с гласным *о*. Что касается слов с {ё}, здесь важно обратить внимание учащихся и педагогов на то, что слова с этой буквой в эвенском языке представлены закрытым списком, включающим менее двух десятков слов. Стоит заметить, что универсальной особенностью стабильно функционирующей письменности является отказ от использования некоторых букв, присутствующих в алфавите: таким образом уже много лет обстоит дело с русской буквой {ё}, которая применяется на практике в основном в учебных текстах и некоторых словарях, такое же положение дел сложилось в чукотском письме с буквой {л с хвостом}, введенной в алфавит в конце 1980-х годов, но использующейся исключительно в школьных учебниках, в принципе такая судьба может ожидать и эвенскую букву {ё}.

Методика обучения эвенской орфографии для педагогов — преподавателей эвенского языка — должна быть направлена на более активное пользование письменной формой языка. Здесь также важно уделить внимание образцам оригинальной и переводной литературы на эвенском языке, изданной в 1960–1990-е годы с использованием действующей официально принятой эвенской графики, тем словарям и учебным пособиям по эвенскому языку, где выдержаны нормы действующей графики и орфографии. При индивидуальной работе педагогов, преподающих эвенский язык, и обучении учителей на курсах повышения квалификации важно продемонстрировать наиболее типичные орфографические ошибки и отклонения от норм ныне принятого правописания, объяснить причины проникновения таких ошибок в печатные тексты и тем самым предостеречь обучаемый контингент от повторения подобных ошибок. Пожалуй, самое главное в обучении и переподготовке педагогов — это объяснить пользователям языка, что ныне действующие нормы эвенской орфографии являются в достаточной мере совершенными для пишущих и изменение эвенской графики в сторону большей степени удобства для пишущего невозможно. Изменение норм эвенской графики в сторону большего удобства для читающего, в частности обозначение долготы гласных, специальное обозначение среднеязычных согласных [ʒ] и [н’] посредством особых знаков, неизбежно приведет к осложнению эвенской графики для пишущего. Более того, такое изменение графики было бы связано с привитием

учащимся малополезных в жизни фонетических знаний и навыков фонетической транскрипции (вместо умения пользоваться письменной речью), что повлекло бы проникновение в письменную речь диалектных фонетических особенностей и, самое главное, стало препятствием в обучении русской орфографии.

Как уже отмечалось ранее, если в русском языке основная масса орфограмм — ситуаций выбора одного написания из нескольких возможных — обусловливается правилами русской графики и морфологическим принципом орфографии, то в эвенском языке, где фонематический принцип является ведущим и в графике, и в орфографии, орфограммы просто отсутствуют. Источником ненормативных написаний в эвенской орфографии служат следующие явления: 1) следование устаревшим правилам эвенкой графики; 2) случаи эвенско-русской или эвенско-якутской интерференции; 3) проникновение в письменную форму языка фонетических вариантов тех или иных форм, не имеющих выражения на письме, либо диалектных произносительных вариантов грамматических форм.

Трудности, возникающие вследствие применения устаревших правил эвенской графики, характерны в основном для взрослых пользователей письменностью, не исключая и педагогов — об этом свидетельствует, в частности, не всегда верная передача графической формы текстов, которые берутся из устаревших изданий с целью включения их в новые учебные пособия, при переиздании старых текстов или перепечатке отрывков из них в периодических изданиях. Здесь единственным средством, которое может оказать помощь тем, кто пользуется письменной формой эвенского языка, является объемный эвенско-русский словарь, имеющий также функции орфографического словаря.

Воздействие умения писать по-русски или по-якутски на письменную речь на эвенском языке характерно в равной мере как для взрослых, пользующихся в устной и письменной форме двумя языками, так и для учащихся школ и других учебных заведений. Влияние русского письма на письменную форму эвенского языка выражается главным образом в неиспользовании тех букв, которые отличают эвенский алфавит от русского — {ӈ}, {ө}, {ӧ}, в особенности двух последних. В ненормализованной форме записи эвенских текстов, например в частной переписке, используется обычно русский алфавит либо без указанных букв, либо с буквой {ӈ}, но без букв {ө} и {ӧ}. Спорадически вместо согласного *с* при его шепелеватой артикуляции в индивидуальной речи и на письме употребляется буква *ш*, а в глагольных формах — буквосочетание *-шь*, повторяющее русское окончание 2-го л. ед. ч. глаголов. Надо заметить, что эвенская графика 1954–1958 гг., алфавит которой не отличался от русского по составу графических фигур (буквенный статус диграммы *нг* в этом случае никак себя не проявлял), была полностью «иммунизирована» против отступлений от нее вследствие воздействия русского письма.

Якутское воздействие на эвенскую графику имеет более сложный характер. Фонематический принцип якутской графики и орфографии при значительной соотносимости звуковых систем эвенского и якутского язы-

ков приводит к столь сильному воздействию якутских графико-орфографических норм на письменную форму эвенского языка, что в тексты на эвенском языке проникают все буквы и буквосочетания якутского алфавита, включая {ҕ}, {Y}, {h} и все диграммы — долгие гласные, дифтонги, среднеязычные согласные.

Терпимость или нетерпимость к интерференции как объективной реальности в языке — это выбор, который стоит перед теми группами пользователей языка, которые находятся в условиях такой интерференции. Проект реформы эвенской графики 1980 г. представлял собой, по существу, уступку реально имеющей место эвенско-якутской графической интерференции, которая как раз и выражается в полном объеме именно в переходе на якутскую графику. Негативная сторона проявлений интерференции в графике выражается в двух крайне важных фактах. Во-первых, эвенско-якутское двуязычие для эвенского этноса — это региональное явление, охватывающее лишь примерно половину потенциальных пользователей эвенского языка; для другой половины эвенов, проживающей в Магаданской области, на Камчатке, в Хабаровском крае, ориентация письменной формы эвенского языка на якутский алфавит оказывается неприемлемой. Во-вторых, толерантное и поощряемое извне (как это предусматривалось авторами проекта 1980 г.) отношение к воздействию одного языка (якутского) на другой язык (эвенский) фактически закрывает путь к освоению письменной формы третьего языка (в равной мере русского, английского или немецкого), так как при поощряемой интерференции третий язык просто не усваивается — он не находит места среди двух сосуществующих языков в сознании и речевых навыках говорящих, в том числе в письменной форме.

Проникновение в письменный эвенский язык диалектных форм и произносительных вариантов, характерных для устной речи, ограничивается теми же средствами, какими кодифицируются эвенская графика и орфография, а именно словарями эвенского языка и грамматическими очерками, представляющими языковой материал в действующей эвенской графике. Важнейший способ обучения и самообучения грамотному письму с задачей избегать ошибок вследствие индивидуальной свободы пользования системой графики — это признание безальтернативности написаний эвенских слов, представленных в словарях и учебной литературе. Необходимым условием успеха в обучении грамотному письму учащихся школ, педучилищ и вузов является значительный объем языкового материала, прорабатываемого в курсе обучения языку и предлагаемого для активного усвоения. Навыки грамотного письма приобретаются учащимися — эвенами и представителями других народов — только с активным усвоением словарного запаса и грамматики эвенского языка.

Глава 3
МОРФОЛОГИЯ

Настоящий очерк, посвященный морфологии эвенского языка, отличается по форме, объему и предназначению от известных описаний грамматики эвенского языка в справочных изданиях [Новикова, 1968, 1997], приложениях к словарям [Левин, 1936; Цинциус, Ришес, 1952], монографиях [Мальчуков, 1999, 2008] и от других трудов по морфологии эвенского языка [Цинциус, 1947; Новикова и др., 1991; Benzing, 1955]. В нем преследуются следующие цели: дать описание грамматики ольского говора и других говоров восточного наречия эвенского языка; показать различия между отдельными говорами и диалектами восточного наречия и говорами других наречий эвенского языка в сравнении с письменным эвенским языком. Для сравнения привлекаются данные западных диалектов эвенского языка, черты которых проявляются в опубликованных фольклорных материалах, литературных и учебных текстах. Другая цель нашего очерка — описание распределения отдельных грамматических форм по различным функциональным формам эвенского языка: разговорной речи, фольклору и письменному языку.

При написании данной главы использованы полевые материалы авторов по эвенским диалектам восточного и западного наречий, изученные ранее письменные тексты, имеющие различную диалектную основу, а также опубликованные и неопубликованные фольклорные тексты на различных эвенских диалектах и собственные фольклорные записи авторов. В качестве иллюстративных примеров употребляются образцы малых жанров эвенского фольклора — загадки, пословицы и поговорки, запреты-обереги, предписания и приметы, записанные одним из авторов или извлеченные из опубликованных источников, представляющих издания разных лет начиная с 70-х годов XIX в. Данные материалы в хронологическом отношении составляют достаточно объемные группы текстов, записанных и опубликованных в разные временные периоды — от второй половины XIX в. до начала 90-х годов XX в. В территориальном отношении они принадлежат к разным диалектам, но почти все привлекаемые к настоящему исследованию диалектные тексты в публикации претерпели определенную редакторскую обработку. Все это дает возможность проследить некоторые исторические изменения в употреблении отдельных языковых форм на протяжении по крайней мере 70 лет и наблюдать степень сохранения диалектных черт в стандартизированном материале литературно-художественных изданий и учебных пособий, из которых извлечено заметное число образцов. Специфические языковые явления, отличающие

отдельные жанровые формы и не характерные для устной речи или других фольклорных жанров, рассматриваются и оговариваются отдельно, так что в какой-то мере данная книга — это и самостоятельное описание языка малых жанров эвенского фольклора.

В настоящем очерке грамматики различаются три типа основ имен и глаголов: основы на гласный, на любой согласный и на согласный *-н*, при этом имена и глаголы с основами, оканчивающимися на *-н*, в словоизменении заметно отличаются от имен и глаголов с двумя другими типами основ. В описаниях эвенского языка много раз отмечалось, что некоторое количество слов с основами на *-н* изменяется по типу слов с основами на согласный, так как основы данных слов, в отличие от исконных основ на *-н*, в эвенском языке утратили конечный гласный. Мы приводим максимально возможный перечень таких слов в предисловии к грамматико-орфографическому справочнику по эвенскому языку, помещенному в приложении, и далее специально не будем останавливаться на специфике словоизменения этой группы имен и глаголов.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Имя существительное — один из наиболее универсальных и емких грамматических классов слов во всех языках.

Категориальным значением имени существительного в эвенском языке является грамматическая предметность или субстантивность (слова с конкретным или абстрактным значением, называющие не только те или иные группы предметов, но и их отвлеченные субстантивированные свойства — качества, действия, отношения). По категориально-семантическому содержанию существительное как грамматический класс знаменательных слов противопоставляется иным грамматическим классам — глаголам, прилагательным и наречиям.

Существительные, обозначающие человека, отвечают на вопросы *ӈи?* ‘кто?’ (ед. ч.) и *ӈие?* ‘кто?’ (мн. ч.), обозначающие животных и предметы — на вопрос *як?* ‘что?’ (ед. ч.), *ял?* ‘что?’ (мн. ч.).

В эвенском языке имена существительные имеют грамматические категории числа, падежа и принадлежности. Грамматического рода эвенские имена существительные не имеют.

Формы числа имени

Формы числа имени образуются в говорах восточного наречия от имен с основой на гласный при помощи суффикса *-л*, имен с основой на согласный при помощи суффикса *-ал/-эл/-ил*, имен с основой на *-н* при помощи суффикса *-р*: *ота* ‘волна’ — *отал* ‘волны’, *инмэ* ‘игла’ — *инмэл* ‘иглы’, *окат* ‘река’ — *окатал* ‘реки’, *төӈэр* ‘озеро’ — *төӈэрэл* ‘озера’, *удь* ‘след’ — *удил* ‘следы’, *бэй* ‘человек’ — *бэил* ‘люди’, *эвйэч* ‘чавыча’ — *эвйэчил* ‘чавычи’, *урэкчэн* ‘гора’ — *урэкчэр* ‘горы’.

Последняя особенность — образование форм множественного числа от имен с основой на *-н* — выдерживается с абсолютной регулярностью в речи информантов старшего поколения и лиц среднего возраста, актив-

но пользующихся языком. В речи представителей старшего поколения, живущих в языковой среде города, наблюдается варьирование форм: *орар — орал*, *мурар — мурал*, причем иногда формам на *-л* даже отдается предпочтение (при жестком отсутствии форм типа *оранал*).

Образование форм множественного числа от терминов родства осуществляется по особому типу с использованием суффиксов *-тил*, *-нил*: *аман* ‘отец’ — *амтил* ‘отцы’, *энин* ‘мать’ — *эньтил* ‘матери’, *акан* ‘старший брат’ — *акнил* ‘старшие братья’, *нӣ* ‘младший брат или сестра’ — *нӣнил* ‘младшие братья и сестры’ и т.п. Правила образования форм множественного числа от терминов родства выдерживаются регулярно во всех языковых средах.

Формы множественного числа от существительных, обозначающих людей, образуются посредством суффикса *-сал/-сэл*, например: *эвэн* ‘эвен’ — *эвэсэл* ‘эвены’, *хаман* ‘шаман’ — *хамасал* ‘шаманы’, *бэгэн* ‘начальник, директор’ — *бэгэсэл* ‘начальники’. В современном языке образование форм множественного числа только при помощи суффикса *-сал/-сэл* характерно лишь для самоназвания эвенов: ед. ч. *эвэн*, мн. ч. *эвэсэл*. Некоторые слова, обозначающие людей, допускают вариантные формы множественного числа: *хоми* ‘колдун, человек, обладающий сверхъестественными способностями’ — *хомил*, *хомисал* ‘колдуны’.

Образование форм множественного числа у существительных с основой на *-н*, изменяющихся по типу слов с основой на согласный (усеченные основы на *-н*) типа *бан* ‘ленивый’ — *банал* ‘ленивые’, *ӈин* ‘собака’ — *ӈинал* ‘собаки’, строго сохраняется в устном языке во всех социальных средах. Отклонения от норм образования множественного числа и других грамматических форм в письменном языке у таких существительных также не отмечены. Вместе с тем формы множественного числа существительных, заимствованных из русского языка, типа *план*, *кран* и даже довольно ранних заимствований типа *карман*, *патрон* образуются посредством суффикса *-р*: *плар*, *кармар*, *патрор*. Нормы письменного языка, в свое время рекомендовавшие написание и произношение *карманал*, *планал*, *патронал*, в устной речи не выполняются.

С семантической точки зрения, употребление форм множественного числа в эвенском языке интересно тем, что формы множественного числа от имен инактивного класса (названий животных и предметов) употребляются преимущественно при обозначении видимого множества и обозначают предметы, чаще всего находящиеся в поле зрения говорящего. Формы множественного числа от имен активного класса (названий человека), например в терминах родства, употребляются вне зависимости от этого правила и обозначают реальное множество (например, количество детей, братьев или сестер и т.п.).

Формы падежей

В эвенском языке грамматическая категория падежа является одной из самых продуктивных словоизменительных категорий. Эвенская система склонения характеризуется большим количеством падежных форм и мно-

гообразием оттенков значений: субъектных, определительных и обстоятельственных. Мы исходим из того, что падежные формы отражают синтаксические связи изменяемого слова с другим предметом, действием и признаком.

В исследованиях принято считать, что в эвенском языке выделяется 13 падежей, причем формы одного из падежей — назначительного — существуют только в притяжательном склонении. Однако среди эвеноведов нет единого мнения по поводу данной формы, некоторыми из них высказывались сомнения в падежном статусе этого грамматического показателя [Новикова, 1960, с. 161–162].

Приведем примеры: 1) *Дюганиду төр эдлэн иңэмрэ эгдэм кэңрэв төрлэ уллөттэм*, *хипкугай ориди*, *нян дебэңгэй ивриди*, *тарич дюды тугэни иңэннён*, *эникэн нёр*, *дюлай нэкуй дебникэн бивэттэм* ‘Летом, когда еще земля не замерзла, рою большую яму в земле, сделав нору для себя, запасаюсь едой для себя, а зимой в холод не выхожу, ем дома, чем запаслась’; 2) «*Акму бисэнри*, *— гуденсэн бисни*, *— тек дюгавур өмэтту бидэвур*, *төру эмңэч улгэр*, *дөридюр дебэңур нэдэвур*» ‘«Ты же мой брат, — сделала вид будто поцеловала его, — теперь будем вместе в своем доме жить, выроем [нору] в земле пошире, вдвоем [едой] запасемся»’; 3) *Тарич онаки-этикэн окату давдай*, *момигай одай*, *дески тэңкэлэ төтысниди*, *эгдем тэңкэ хякиташан бакриди*, *момигай алдарин*, *курин нян тютэлтэрин* ‘Тогда, чтобы сделать для себя лодку, старик-росомаха пошел вниз по реке в густой высокий лес, растущий на заливаемом берегу, нашел большую лиственницу и смастерил себе лодку, затем смазал [ее] смолой’; 4) *Этикэн туркигай орин болани одакан* ‘Когда наступила осень, старик сделал себе нарту’; 5) *Тачин-да атикан хаман ойган иннатан хэңкэлрив нанрав хаңанран* ‘Сшила старуха шаманскую одежду из облезлой линялой шкуры’; 6) *Ойчинмай-гавур тавачидьдётта* ‘Лестницу себе куют’; 7) *Акму гөнин асиңган гасчинадаку* ‘Мой брат отправил меня просить у вас невесту для него’.

Сомнения в падежном статусе этой грамматической формы следует признать необоснованными по следующим критериям. Во-первых, как показывают представленные выше примеры, грамматическое значение предназначенности предмета (совмещенное с обозначением адресата или нового качества предмета), выражаемое падежным показателем *-га-/-гэ-*, и сам этот показатель не сочетаются более ни с одним падежным показателем. Во-вторых, суффикс *-га-/-гэ-* занимает в словоформе то же место, что и суффиксы падежей. Назначительный падеж принимает притяжательные суффиксы: как безличные (примеры 1–4, 6), так и личные (5, 7). В-третьих, если бы данная форма была извлечена из падежной парадигмы, то она оказалась бы вообще вне форм склонения имен существительных, что при наличии у нее притяжательных форм приводило бы к противоречиям в описании.

В ольском говоре эвенского языка, в отличие от других эвенских говоров, в том числе от ряда говоров восточного наречия, насчитывается не 13, а 15 падежных форм. К общему перечню падежей здесь добавляются еще два: сравнительный падеж с показателем *-гчин/-гачин/-гэчин/-нчин*

(компаратив) и совместный II падеж с суффиксами *-гли/-гали/-гэли/-ŋали/-ŋэли* и *-чил* (комитатив II).

Именная сравнительная форма с суффиксом *-гчин/-гачин/-гэчин/-ŋчин* ранее описывалась как особая грамматическая форма имени [Цинциус, 1947, с. 235], однако сочетание форманта *-гчин* с другими морфологическими показателями имен и его позиция в словоформе не были проанализированы и охарактеризованы. Согласно нашим наблюдениям, формы на *-гчин* образуются от форм и единственного, и множественного числа: *ŋингачин* ‘как собака’ — *ŋиналгачин* ‘как собаки’, *орŋачин* ‘как олень’ — *оргачин* ‘как олени’. Показатель *-гчин* занимает в именной словоформе позицию падежных суффиксов (формы на *-гчин* не сочетаются с другими падежными показателями) и принимает притяжательные суффиксы: *нимэкэлгэчинтэн* ‘как их ближайшие соседи’. Этот же показатель встречается в склонении причастий в функции вторичных предикатов: *гөнчэгчиму* ‘как я сказал’, *гөнчэгчинни* ‘как он сказал; в соответствии с тем, что он сказал’. Насколько можно судить, именная сравнительная форма на *-гчин* имеет статус падежной во всех эвенских диалектах и говорах.

Теперь приведем примеры употребления форм сравнительного падежа: *Ибдири бэй дюла нёлтэŋчин*. (*Нейкэ*) ‘Неизвестный человек в доме как солнце сияет. (Свеча, лампа, электрическая лампочка)’; *Ибдири бэй дябдагчин учуттан*. (*Мавуту тумчэв неккоттэ*) ‘Неизвестный человек как змея свернувшись лежит. (Так смотанный аркан загадывают)’ (ЭФ); *Хо хоя, тысячакли дэлмичэ эмэддэкэн таунялни, эŋи эдэнду хиги хякиталгичинни, мэиниддывэн көеми аин хо* ‘Когда идет очень много оленей, тысячное стадо, рога их колышутся, словно лесные деревья при сильном ветре, что залюбуешься’ (Тор).

Примеры употребления форм сравнительного падежа, образованных от причастий: *Тог өрэŋчиригчин хиŋкэрин — ай* ‘Огонь щелкает как будто радуется — это хорошо’; *Ариŋка дептэки төрдукуй эсни хуенгэрэр, гөнчэгчин* ‘Черт не расстается с тем местом, где он ел, как говорится’; *Дюлки акатай гэлэчэ, гөнчэгчин* ‘Белка свою стрелу искала, как говорится’; *Мян усиŋгэй томкадим гөнчэгчин* ‘Десять ремней ссучу как нитки, как будто говорят (о хвастливом человеке)’ (ЭФ); «*Көели, миндулэ пэктэрэвуму ачча*», — *накаттаки төрэснэн, бэй төрэмэн эрэк делгэнкэ уталлигчинни* ‘«Смотри, у меня нет ружья», — говорит медведю, будто зверь понимает человеческую речь’ (Тор); *Тормита мусэмэснэн, тарич, кулиндук-ку, дэликидук-ку хусваттигчин, окаттаки ŋэнэссөдни* ‘Тормита усмехнулся, потом как будто отмахнулся или от комара, или от мухи, пошел к реке’; *Ок-та эчэгчин хуклэр гэлрэн* ‘Будто он вовсе не спал’ (Тор); *Тэгэнук көечивми, орар илгалаŋчиригчинтан урэчин ичун* ‘Издалека казалось, что олени живые и просто стоят’; *Як-тагал ачча бивэттэн икэригчин, мялракан як-тагал этэн ичур* ‘Ничего там не было будто по песне, и когда проснулась, ничего не было видно’ (СЭ).

Форма совместного II падежа с суффиксом *-гли* и его алломорфами ранее описывалась как одна из форм совместности существительных [Новикова, 1960, с. 179], хотя в примечаниях указывалось, что эта форма принимает притяжательные суффиксы и приводился пример *куŋаглис* ‘с

твоим ребенком'. Уже это обстоятельство побуждало включить форму на *-гли* для ольского говора в состав падежных форм, но это до настоящего времени не было сделано.

По нашим наблюдениям, в ольском говоре и большинстве говоров восточного наречия, составляющих территориальные варианты ольского говора, форма на *-гли* ведет себя как падежная форма: ее показатель занимает в словоформе позицию падежного суффикса, справа к нему присоединяются личные и безличные притяжательные суффиксы. Что касается возможности образования форм совместного II падежа, то формы типа *куӈалгаливур* 'со своими детьми' в принципе возможны, хотя формы совместных падежей от имен во множественном числе встречаются весьма редко. По предварительным данным, совместный II падеж отсутствует в склонении личных местоимений, но присутствует в склонении вопросительного местоимения *ӈи?* 'кто?', *ӈигли?* 'с кем (одним)?', *ӈиегли?* 'с кем (многими)?'.

В близком к ольскому говору по системе падежных форм березовском говоре так же, как и в ольском, выделяется употребление *-чил* в качестве показателя совместного падежа: *гячил* 'со своим другом', *оралчил* 'со своими оленями'. Причем подчеркивается, что в березовском говоре форма совместного II падежа *-гли* употребляется при именах собственных, а форма *-чил* используется в основном с терминами родства и названиями домашних животных [Роббек, 1989, с. 38–39]. Согласно нашим наблюдениям, имена с показателем *-чил* не оформляются справа личными и безличными притяжательными суффиксами. Это можно объяснить тем, что слова с показателем *-чил* несут в своей семантике значение принадлежности «свой»: *хутчэнчил* 'со своим сыночком', *хунӈичил* 'со своим хозяином', *энинчил* 'со своей матерью', *ӈинчил* 'со своей собакой' и др.

Например: *Ун тачин төрэддэкэн*, *арисаг-этикэн*, *мялрин*, *мяламнин*, *улгимрэн: «Дэлака-дэлака*, *ӈӣгли укчэнэнри? Дэлака-дэлака*, *гөли-си hинмāч!»* 'Когда так разговаривали, проснулся старик-черт, очнувшись, спросил: «Делаха-делаха, с кем разговариваешь? Делаха-делаха, говори-ка быстрей!»' (Н); *Тар тараптук Калранкан нод асиӈчин аич бидилрин* 'С тех пор Карларкан стал жить хорошо со своей красивой женой' (СЭ); *Hō эӈэйэ этикэн атикāӈчил биддитэн* 'Жил очень богатый старик со своей старухой' (Н); *Би экэнчил бисэм* 'Я живу со своей старшей сестрой'.

Семантическая разница между формами совместного I и II падежа в ольском говоре отсутствует. Выбор форм совместных падежей не связан ни со статусом имени или обозначаемого предмета, ни с отношением двух имен в комитативном словосочетании друг к другу: так, формы совместного I и II падежей *куӈагли* и *куӈанюн* 'с ребенком' являются абсолютными синонимами.

В других говорах восточного наречия (в частности, в быстринском говоре) формы совместного II падежа отсутствуют, и элемент *-гэли* представляет собой постпозитивную частицу, которая не изменяет своего внешнего облика и даже не подвержена закону гармонии гласных.

В коммуникативной структуре падежной системы говора ольских эвенов имеющиеся падежные формы подразделяются на две группы: падежи постоянного употребления и редко используемые. Центр падежной системы с позиции употребительности составляют 11 падежей. В их число входят грамматические падежи и те локативные падежи, которые можно назвать падежами первичной пространственной ориентации: именительный (номинатив), винительный (аккузатив), дательный (датив), направительный (аллатив), местный (локатив), продольный (пролатив), отложительный (аблатив), творительный (инструменталис), совместный (комитатив I), назначительный (дезигнатив) и, очевидно, сравнительный (компаратив).

Периферия падежной системы эвенского языка — это падежи вторичной пространственной ориентации: направительно-местный (директив-локатив), направительно-продольный (директив-пролатив), исходный (элатив). Данные падежи употребляются в речи исключительно редко. Из числа падежей этой группы чаще других используются формы исходного падежа, употребление форм направительно-местного и направительно-продольного падежей в речи наблюдается в считанных случаях. Примерно таков же баланс распределения отдельных форм падежей в письменном эвенском языке. В устной речи представителей младшего поколения указанные падежные формы отсутствуют.

Примеры употребления отдельных падежных форм имени в составе предложений приводятся далее, при описании согласования прилагательных с существительными.

Особенности употребления отдельных падежных форм. При глаголах речи типа *гөндэй* ‘говорить, сказать’ для выражения адресата высказывания используется только форма направительного падежа, например *би этикэнтэки гөнэм* ‘я сказал старику’. Обратим внимание, что формы дательного падежа в этой функции, отмечаемые рядом источников, являются результатом интерференции, которая характерна только для ненормализованной формы письменного языка, подобные случаи управления глаголов речи в устной форме не прослеживаются.

Формы продольного падежа (а также всех вторичных пространственных падежей) образуются в основном от имен с пространственным значением, обозначающих те или иные объекты на местности. Внелокативные значения продольного падежа следующие: «за что-то» (например, о цене предмета в магазине, *телевизорли* ‘за телевизор’, *илан нямали* ‘за триста рублей’) или «из-за чего-то» (*улрэли* ‘из-за мяса’). В письменном языке продольный падеж имен употребляется довольно редко.

Форма отложительного падежа в ольском говоре имеет преимущественно пространственные значения: «от какого-то предмета», «изнутри какого-то предмета». При этом в ряде случаев формы отложительного и исходного падежей четко противопоставляются: ср. *окаттук* ‘из реки’, *дюдук* ‘из дома’, но *окаткич* ‘со стороны реки’, *дюгич* ‘со стороны дома’.

Формы принадлежности

Система категориальных форм принадлежности в ольском говоре эвенского языка и ее характеристики в отношении морфонологии, морфологического состава форм и их значения представлены в грамматических описаниях достаточно полно. По своему морфонологическому поведению при образовании посессивных форм внутри отдельных типов именных основ выделяются те же подклассы, что и при образовании падежных форм. Основной признак, образующий эти подклассы, — фонологическая структура слов с конечным *-н*, где значимыми являются долгота или краткость гласного последнего слога и наличие одного либо двух согласных перед кратким гласным.

Слова, заимствованные из русского языка, образуют формы принадлежности так же, как и собственно эвенские слова: *пламур* ‘свой (их) план’, *плантан* ‘их план’, *кармансu* ‘твой карман’, *патрому* ‘мой патрон’ и т.п.

Какие-либо варианты или особенности употребления посессивных форм в разных социальных группах не прослеживаются. Использование посессивных форм в письменном языке не обнаруживает каких-либо специфических черт по сравнению с устной формой языка.

Соотношение личных и безличных притяжательных форм в плане сферы употребления последних таково, что безлично-притяжательные формы соотносятся с любой личной формой и не зависят от грамматического лица обладателя. Разница между личными и безличными посессивными формами выглядит в основном как синтаксическая: лично-притяжательные формы характерны для субъектных групп, безлично-притяжательные — для объектных.

Притяжательное склонение существительных

Притяжательное склонение имен, как и образование притяжательных форм имени, в ольском говоре, говорах восточного наречия в целом и в отдельных социальных разновидностях эвенского языка выглядит совершенно однородным. Письменный язык в этом плане не представляет собой чего-либо особенного по отношению к устному языку. Можно только отметить, что в устной речи факультативным компонентом синтаксических единиц с граммемами посессивности являются не категориальные формы существительных, а притяжательные местоимения и имена в функции субъекта обладания, которые часто элиминируются из состава посессивных оборотов. То есть изолированная форма *амму* ‘мой отец’ будет встречаться в спонтанной речи и связных текстах много чаще, чем словосочетание *мин амму*. Совершенно свободно и изолированное употребление притяжательных форм 3-го л. без указания на субъект обладания. Для письменного эвенского языка характерно сохранение полного состава притяжательных словосочетаний.

Отступления от структуры посессивных конструкций, выражающиеся в том, что имя-объект обладания не имеет грамматических показателей,

а имя-субъект получает суффикс самостоятельных притяжательных форм *-ӈи* типа *укчэнэк ламутӈи* ‘рассказ эвена’ [Sotavalta, 1978], встречаются только в письменных текстах, где не вполне последовательно соблюдаются грамматические нормы, в процитированном исследователем источнике пример отражает самозапись информанта.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Имя прилагательное — это знаменательная часть речи, которая называет какой-либо признак предмета: цвет, размер, вкус, качество, материал, температурные свойства, признаки по месту нахождения и по времени.

С точки зрения системы форм словоизменения в эвенском языке имя прилагательное отличается от существительного только тем, что не имеет форм назначительного падежа при склонении словосочетания «прилагательное + существительное» и форм принадлежности. В диалектологических исследованиях неоднократно отмечалось, что в диалектах восточного наречия эвенского языка прилагательное имеет морфологические формы числа и падежа, в западных диалектах оно является неизменяемым. Для письменного эвенского языка в данном отношении приняты нормы восточного наречия, а именно согласование прилагательного с существительным в числе и падеже.

В эвенском языке формально образование форм числа и склонение прилагательных не отличаются от склонения существительных. Имена прилагательные имеют те же показатели числа и падежа с тем же распределением алломорфов, что и существительные. То есть, например, прилагательное *нёбати* ‘белый’ изменяется так же, как существительное с основой на гласный, прилагательные *ӈонам* ‘длинный’, *гуд* ‘высокий’ — как существительные с основой на согласный, *урумкун* ‘короткий’, *нэмкун* ‘тонкий’ — как существительные с основой на *-н*.

Синтаксические связи имен прилагательных

Рассмотрим примеры на согласование имен прилагательных с существительными по отдельным падежным формам. Хотя представленный нами материал может показаться избыточным, тем не менее мы приводим примеры для каждой падежной формы, поскольку в предшествующих описаниях количество примеров на согласование прилагательных с существительными, почерпнутых из аутентичных источников, было явно недостаточным.

Именительный падеж. *Мян дёр дэгил дэгэлрэ. Нонап илан дэги дэгэлрэкэтэн, иманра тикрэн. Гявран илан дэги дэгэлрэкэтэн, иманра унни, нёчэ хелрэн. Иливран илан дэги дэгэлрэкэтэн, нямси одни. Дыгэврэн илан дэги дэгэлрэкэтэн, оратал хиналгар, эбдэнрэл тикрэ. Тарал дэгил ибдирил дэгил биситэн.* (*Аннан. Тугэни. Нэлкэ. Дюгани. Мөнтэлсэ. Аткикар*) ‘Полетели двенадцать птиц. Когда полетели первые три птицы, выпал снег. Когда полетела вторая тройка птиц, снег растаял, появилась зелень. Когда по-

летела третья тройка птиц, стало тепло. Когда полетела четвертая тройка птиц, трава пожелтела, листья опали. (Год. Зима. Весна. Лето. Осень. Месяцы)'; *Нёбатил дылкэчэр дэгсэ*, *тарал эстэн-дэ коллотта*, *эстэн-дэ дебботтэ*. (*Иманраккар*) 'Мухи белые летят, они не пьют, не едят. (Снежинки)'; *Мэгдын хатлан дёр гулрэкэр орар кусикэчиддэ*. (*Бэй итэн*) 'Под яром два белых оленя дерутся. (Зубы)' (ЭФ).

Имена существительные в именительном падеже с безлично-притяжательными формами причастия в функции прилагательного: *Харий бэй гирамралан ок-та эмми тэбэкив колунмай* 'Придя на могилу человека, которого ты знал, надо всегда угощать его табаком' (ЭФ).

В некоторых случаях наблюдаются колебания в согласовании прилагательных с существительными в вариантах одного и того же текста: *Дёр ибдирил бэил аканун хөпкэчэн тэриндун бис. Мэр доли эстэн хаманра*, *окта эчил көмэттэ*. (*Коритал*) 'Два неизвестных человека, братья, по разные стороны сопки находятся. Друг друга не знают, друг друга никогда не видели. (Уши)'; *Дёр ибдири бэй аканун хөпкэчэн тэриндун бисни. Мэр доли эстэн хаматта*. (*Корит*) 'Два загадочных человека, брата, по сторонам сопки живут. Друг друга не знают. (Уши)' (ЭФ).

Винительный падеж. *Чактив бэю бакли*, *ат-та хуклэнэ*. (*Оран иргэн*) 'Проворного человека найди, он никогда не спит. (Хвост оленя)'; *Бакли ибдирив бэю*, *энтэкэе эңэев. Ноңан орарни кубэтлин боргаснитан*. (*Атикикан*, *осикатал-да*) 'Найди неизвестного, очень богатого. Олени его везде разбрелись. (Месяц и звезды)'; *Нёлтэн нёбатив тэдэм гиркэн*. (*Инэң тугэниду*) 'Солнце белую шкуру-постель разостлало. (День зимой)'; *Дылгуру бэю баклилра*, *ибдирилдук бэилдук кубэттукун дылгур*. (*Кэкучэн*) 'Голосистого человека найдите, из всех неизвестных людей самый голосистый. (Кукушка)'; *Ибдири бэй далрав деплэв дявуттан*; *маң-да*, *далра-да*. (*Няңта*) 'Неизвестный человек сладкую еду у себя держит; и твердый, и сладкий. (Орех)'; *Ибдирив ноду асив бакли*, *ач мирлэ*, *ач ңалла*. (*Унькан*) 'Неизвестную красивую женщину найди, без плеч, без рук. (Ложка)'; *Таңнялкам бэю бакли*, *чоралан-да*. (*Халка*) 'С рогами, как у оленя, человека найди, он мастер бить кулаком. (Молоток с гвоздодером)'; *Ибдири бэй кэврилэн*, *эгдекэев мукэчив кэвриддэн*, *итэн эмэр хикутич ңэлэм*. (*Хунавун*) 'Неизвестный человек мастер грызть, огромное бревно грызет, зубы у него очень острые. (Пила)'; *Як-ав-ул делгэнкэв көкэчэв бакми*, *эмэкэн гад — төнңэкич*, *эсни хинңи бис*, *укал гача* 'Когда какого-нибудь мертвого зверя найдешь, не бери — грешно, это не твое, это уже взято хозяином земли'; *Капкандула хорчав делгэнкэв эди аталгаракил — нёне*, *ниссон гадикалти!* 'Попавшего в чужой капкан зверя не вынимай — грешно, можно взять удачу хозяина капкана!'; *Хояв хиркам өмэтту энмэй нэкчир* 'Нельзя складывать в одно место много ножей'; *Намни бисилбу делгэнкэлбу эстэн ңэнукэвэттэ — төнңэкич* 'Про морских животных загадок не загадывают — грешно' (ЭФ); *Орал тек уландук тэмбэнчэв нёбатив навтав нян чулбаняв эбдэнрэв оңкадянра* 'Олени сейчас лакомятся влажным от дождя белым ягелем и зелеными листьями'; *Тадук асвудуки помпотилбу оскомалбу нугаснан* 'Затем из кожаной сумки вынул короткие гвозди' (Тор).

Имена прилагательные в винительном падеже с безлично-притяжательными формами существительных: *Ибдири бэй инӈулив мукай тэмуттэн.* (*Болгит*) ‘Неизвестный человек мохнатую шубу носит. (Кедровый стланик)’; *Нюритэлкэн этикэн аю деплэӈӈон бэил эсникэн улгимир хептур хинюссотта. Тарич кабалканикан дебэллоттэ.* (*Бокат*) ‘Волосатого старика хорошую еду люди, не спрашивая, в карманы свои кладут. Ею щелкая, едят. (Кедровые орехи)’; *Этий хар бэю энмэй ирканӈар, оркатта* ‘Нельзя шутить с незнакомым человеком, нельзя насмехаться над ним’; *Аич харий хагдыв бэю гэрбэвэн энмэй энтэкэе гэрбуттэ: ирэк-ут куӈа энинни, аманни* — «*Карл энинни*», «*Карл аманни*» ‘Хорошо знакомого старого человека нельзя часто называть по имени: его надо называть по имени какого-нибудь из его детей — «мать Карла», «отец Карла»’ (ЭФ).

В одном из примеров прилагательное вместе с существительным имеет вместо показателя винительного падежа безлично-притяжательную форму: *Хокчиду, хялтаду-да мэн чулбаняй мукай эсни нуккотта.* (*Ӈаӈта*) ‘В жару и стужу не снимает <свою> зеленую шубу. (Ель)’ (ЭФ).

Дательный падеж. *Кэӈрэв эрэли ибдирил бадумӈал нёбатилду мурарду бадудда. Кэӈрэ дулкакандулан машина ач однач гургэвчиддэн. Эрэк як?* (*Итэл, еннэ-дэ*) ‘Вокруг ямы едут неизвестные всадники на белых лошадях. А в середине ямы машина беспрестанно работает. Что это? (Зубы и язык)’ (ЭФ).

Направительный падеж. *Хагдытки бэйтэки кэнелич баргучин — хо кэнели* ‘Грубо отвечать старому человеку — очень плохо’ (ЭФ).

Местный падеж. *Хоя бэил чидютта, хакла дюла чакутта.* (*Огурец*) ‘Много людей набилось, в закрытом доме собралось. (Огурец)’; *Кӧчукэндулэ хӧпкэчэндулэ дёр накат дюлни. Эрэк як?* (*Оӈат*) ‘На маленьком мысе две медвежьи берлоги. Что это? (Нос)’; *Ибдири аси ӧмэн-дэ бӧдэлэн бинни, тар дялдулай ибдирилдулэ асалдула эрэглэ-тэттэ нокуттан, инив-ул чӧптэрэ тала биситэн.* (*Оивун*) ‘У неизвестной женщины одна нога, она за нее к другим неизвестным женщинам навсегда привешена, они всю жизнь там были. (Серьга)’; *Нёбатила онииӈна хакарир дёлал бис.* (*Дукун*) ‘На белом песке черные камушки. (Письмо)’ (ЭФ).

Продольный падеж. *Нёбати мунрукан хакариндули кунтэкли тибаддан. Эрэк як?* (*Мел*) ‘Белый заяц бежит по черному полю. Что это? (Мел)’; *Мунрукан хакариндули анманрали тибан, мэн амардалий нёбатив удю эмэникэн.* (*Доска, мел, буквал*) ‘Бежит зайчик по черному полю, белые следы за собой оставляет. (Доска, мел, буквы)’ (ЭФ).

Отложительный падеж. *Ибдири бэй дялби эриниддэн, бӧӈкиӈи, ибдиридук-тэ бэйдук ноӈан бинни, тадук ибдири; ноӈан билэкэн дюганиду тэтий эти нукра.* (*Бӧӈкэтэ бокат*) ‘Неизвестный человек родичей своих зовет, кривой, он от неизвестного человека неизвестный; тот, у кого он живет, летом свою одежду не снимает. (Кривая кедровая шишка)’ (ЭФ).

Творительный падеж. *Илатты бэй нёбатич оич тэмуттэн.* (*Хякита тугэниду*) ‘Стоящий человек белую одежду носит. (Дерево зимой)’; *Ибдири бэй дылач калтакуч гасимич дыллаттан, гадан-да кэвӈэ.* (*Ананди*) ‘Неизвестный человек голову-половинку имеет, полголовы у него — дупло.

(Деревянная чашка из нароста на дереве, из которой кормили оленей)' (ЭФ).

Даже в самых ранних материалах по эвенскому языку нет последовательности в согласовании прилагательных и причастий с именами существительными в падеже и числе. Ср., например, отсутствие согласования в числе и падеже: *Дёр эӈхи бэю өмэн эӈхи бэй хэпкэнни*, *төр манукан этэн хуелдэр* 'Двух сильных людей один сильный человек поймал, пока земля не кончится, они не разделятся. (Деревянная основа, роговые накладки на луке и клей)'. В тех же материалах имеется пример наличия согласования в падеже: *Чачас негчэнев хулив хулун*, *боканӈа туркун* 'Песец черную лису догоняет, догнать не может. (День и ночь)' [Бурыкин, 2007, с. 374 (зап. Ю. Штубендорфа)].

Примеры на отсутствие согласования прилагательных с существительными в падеже не столь многочисленны, но все же представлены в различных источниках: *Чулбаня намна мэӈэн алик тяматтан. Эрэк як?* (*Нёлтэн*) 'В синем море плавает золотая тарелка. Это что? (Солнце)'; *Мэӈэн мурандула ӈонам хогдин. Эрэк як?* (*Инмэ*) 'У серебряного коня длинный хвост. Что это? (Игла)'; *Хэл алику төмтэс этэнри исур* 'Сквозь железную миску не прорастешь'; *Бэил хигила хагданча авмур тэтуттэ.* (*Мудэкэр*) 'Люди в лесу поседевшие шапки надели. (Пни)'; *Хуланя нёлтэн мэӈэн уркэчэндулэ камдавча.* (*Ennэ*, *ит*) 'Красное солнце серебряной дверью прикрыто. (Язык и зубы)'; *Томкачалкан инмэв*, *унипам нимӈэчэ урэчин.* (*Ӈэн аси*) 'Как будто нитку с иголкой и наперсток проглотила. (Женщина-мастерица)'; *Намас иманрала удь аич хаввоттан* 'На глубоком снегу след всегда хорошо виден бывает'; *Кэнели бэйдук ибга ӈин хулэк* 'Хорошая собака лучше плохого человека'; *Гиркари бэйду деплэдук онди хулэк* 'Идущему человеку вода лучше еды'; *Хагдыл бэилбу «ата»*, *«этэ» гөникэн ӈачинмай* 'Обращаясь к старым людям, говорят: «бабушка», «дедушка»'; *Нямач тэтилэттэн*, *чэлэн тэтилни ач имэнрулэ бис.* (*Капуста*) 'Сто одежек и все без застежек. (Капуста)' (ЭФ). В последнем примере отсутствует согласование в числе отрицательной формы.

Подавляющее большинство примеров на отсутствие согласования прилагательных с существительными приходится на материалы, представляющие говоры западного наречия эвенского языка (зап. П. Ламутского, Х.И. Дуткина, А. Сотавалта), говоры восточного наречия представлены здесь единичными примерами.

В одном фразовом примере отмечается частичное согласование: из двух прилагательных одно не согласовано с именем в падеже, другое, идущее сразу после существительного, — согласовано: *Тогу чупуня хурэлкэнь моч*, *хиркань эмнэс хуттэ* 'Огонь нельзя трогать палкой с острым концом или ножом' (ЭФ).

Х.И. Дуткин подчеркивал, что в говорах эвенов Якутии качественные прилагательные согласуются в числе и падеже с именами существительными, а относительные — не согласуются [1995, с. 30]. Вероятно, что отсутствие согласования с существительными распространяется и на прилагательные, образованные по конверсии от существительных.

Наример: *Сергейнюн нюŋэм бэргэлбу нян хэчэн аткачалбу хэпкэн* ‘С Сергеем поймали шесть упитанных и сильных оленей-кастратов’ (Тор); *Хан дюганиду ач уднал бавил инэŋил хоял бивэттэ, таракам мөпчи окатал дэрэндулитэн, төŋэрэпчи авлалдули нулгэвэтми хулэк* ‘Иногда лето бывает без дождей, с преимуществом ясных дней, тогда лучше кочевать по верховьям полноводных рек, по многоозерным местам’ (Тор).

По нашим данным, в говорах эвенов Якутии имена прилагательные могут не оформляться показателями числа и падежа, но отмечаются и нормы согласования прилагательных с существительными: *Упэ котиŋич нандач этэн һаŋанда* ‘Бабушка не шьет из жесткой шкуры’; *Мундукан нёбати имандала эһни ичур* ‘Зайца не видно на белом снегу’ (Н.-К.)*; *Орапчил бэил хунадютун бичэ* ‘Многооленных людей дочерью была’; *Хояв гургэв гургэвчилдэ, хоч аич билдэ* ‘Много работы сделайте, очень хорошо живите’ (В.-К.); *Таракам ыстада Иŋандя гэрбэ эгден окатла вриŋчичэ* ‘Тогда стадо остановилось стойбищем у большой реки по названию Инандя’; *Арай иттэкэн эгдер дэгимкэрэл адира-да курилдындидюр эмŋэнделэ кунтэклэ дочал* ‘Вдруг видит, как огромные птицы, несколько раз покружив, сели на большой лужайке’; *Далилатан далбулдиди иттэкэн, эрэл дэгил аткахал бичэлэхэл, ноŋартан дяпкан хол ханил, хол нодыл ахачкар бичэл* ‘Приблизившись к ним, видит, что эти птицы — девушки, они ввосьмером были очень нарядные, очень красивые’ (У.-Я.).

Категории меры признака и степени сравнения прилагательных

В грамматических описаниях эвенского языка принято считать, что прилагательные имеют формы сравнительной степени, которые выражаются суффиксом *-дмар/-дмэр*. Хотя иногда это и отрицается [Новикова, 1968, с. 94]. Во-первых, морфологически суффикс *-дмар/-дмэр* не является не только компаративным, но и вообще адъективным, так как сочетается с именами: ср. *акадмар* ‘старший брат’, *нёдмэр* ‘младший брат’. Во-вторых, прилагательные с суффиксом *-дмар/-дмэр* могут быть представлены вне сравнительного оборота: *гудадмар* ‘достаточно высокий’, *хинмадмар* ‘достаточно быстрый’. В-третьих, сам адъективный сравнительный оборот может и не содержать форм на *-дмар/-дмэр* (например, *кошка ŋиндук көчукэн* ‘кошка меньше собаки’), следовательно, факультативность форманта говорит о том, что его значение не специфизировано. Таким образом, суффикс *-дмар/-дмэр* в эвенском языке — суффикс оценки степени проявления признака, а не компаративный суффикс. При этом данный суффикс является далеко не единственным суффиксом оценки степени признака.

* После примеров, отражающих использование разных частей речи и их форм в языке, в круглых скобках даны не только сокращенные названия библиографических источников, из которых взяты те или иные материалы, но и названия говоров и диалектов эвенского языка, где данные формы употребляются.

Ближе всего к пониманию сути форм проявления признака прилагательного в эвенском языке подошли В.А. Роббек и Х.И. Дуткин [Роббек, 1989, с. 63; Дуткин, 1995, с. 29–30]. В их работах отмечено три степени проявления признака — формы на *-мдас/-мдэс*, *-сукан/-сукэн* и *-дмар/-дмэр*. Выражение превосходной степени во всех говорах эвенского языка имеет аналитический характер и к морфологии не относится. Однако и тут можно усмотреть различия: так, в говорах западного наречия превосходная степень прилагательных образуется при помощи формы отложительного падежа местоимения *идук* [Дуткин, 1995, с. 30], а в восточных говорах — при помощи форм отложительного падежа определительных местоимений *кубэттукун*, *чэлэдукун*. Однако форма имени на *-мдас* не является собственно адъективной: ср. *накатамдас* ‘что-то вроде медведя; кажется, что медведь’. Форма имени с суффиксом *-сукан* выражает скорее лично-субъективную оценку степени (например, *ургэсукэн* ‘мне кажется, что тяжелый; для меня тяжелый’), тогда как форма на *-дмар/-дмэр* имеет значение собственно меры (например, *ургэдмэр* ‘тяжелый в сравнении с другими предметами’).

Примеры употребления прилагательных разных степеней проявления признака

Формы с суффиксом -дмар/-дмэр. *Акадмар экэнтэки эммоттэн. Акадмар эмрэкэн*, *дыккоттэн*. (*Нёлтэн*, *аткикан*) ‘Старший брат к старшей сестре приходит. Когда он приходит, сестра прячется. (Месяц и солнце)’; *Дёр этумӈэ бисни: гя инэӈ этувэттэн*, *гя долбо этувэттэн. Долбо этури банадмар. Балриди*, *гвпкэнсоткэн оваттан*. (*Нёлтэн*, *аткикан*) ‘Два сторожа имеются: один днем сторожит, другой ночью сторожит. Ночью стерегущий — более ленив. Ленясь, притворяется, что скрывается. (Солнце, луна)’; *Ач дэтлэлэ биникэн*, *дэгидук хинмадмарач хякитадук хякитала дэгготтэн*. (*Өлики*) ‘Без крыльев, а быстрее птицы с дерева на дерево перелетает. (Белка)’; *Аиӈдук аиӈадмар*, *няним часки осикаталдула дюманрив*, *өтэл нимкан-да эч хар*. (*Космический корабль*) ‘Из быстрых быстрый, летящего за небо в гости к звездам, такого даже сказка не знала. (Космический корабль)’; *Куличан хояван энмэй эркэр — ноӈан ходмарач хоялбудин* ‘Нельзя злиться, если много комаров — комаров будет еще больше’; *Дёрминь эӈэелбэчэ бэй дюн гулундук иӈэнедмэр* ‘Дом человека, разбогатевшего воровством, холоднее, чем костер в тундре’; *Эӈэе дюн — гулундук иӈэньсидмэр* ‘В доме богатого холоднее, чем у костра’ (ЭФ); *Ами нөдуки нюӈэн аннанич акадмар* ‘Ами старше младшей сестры на шесть лет’; *Хуну көрэку*, *ху-дэ нярил бисэс*, *ями-кка Доколок хундук чиктидмар* ‘На вас поглядеть, вы тоже мужчины, почему же Доколок проворнее вас’ (БХ); *Элэ эдук гудадмар урэкчэн ачча* ‘Здесь нет горы выше, чем эта’; *Тар биникэн гору иритми ай*, *улрэн икиридук тыкэклэ*, *тадук далсидмар дебгэлрэ ачча* ‘Только лучше варить долго, до тех пор, пока мясо от костей не отделится, тогда вкуснее еды не найти’ (Тор).

Формы с суффиксом -мдас/-мдэс. *Бан бэй орантаки — нёӈчакамдас*, *улрэвэн-нюн аявран* ‘Ленивый человек к оленю — как волк, только его

мясо любит'; *Ӈэлэсэк ясалдун ялратари кубэччи накатамдас* 'Глазам страха все темное кажется медведем'; *Аси пэктэрэвулкэнни дегэнтэмдэс* 'Когда женщина с ружьем, она вроде левши' (ЭФ); *Элэкэс долдаракан хо кулэгэмдэс бисин* 'Когда впервые услышал, ему это показалось очень удобным'; *Дэтлэ нөсэгчэн оран иргэбэддын, мэни көветтэкэн, бөдэлэлни ӈонамамдасал, хумэн-дэ хоямдас, чикти, мэлунчилэн, тутэлэн, аиӈ бисиди, өмэккэн тануччиддын* 'В тундре рос молодой олень, когда он смотрел на себя, ему казалось, будто у него длинные ноги, будто много мышц, что только он один ловкий, прыгучий и быстро бегает' (СЭ); *Хонӈачал исуддэкэтэн, няӈач-та бисиклэн мэӈти, хакаримдас-та оваттан* 'Когда оленята вырастают, шерсть <у них> становится серой, да и похожей на черную масть'; *Тугэни ӈонам нян хялта бими-гу, нэлкэрэп нёлтэн хочмар нямсимдас* 'После долгой и студеной зимы кажется, что весеннее солнце греет по-особенному тепло'; *Тыкэт кямаччиникан маусимдас итын тэмбэнни* 'Недавно бледное, казавшееся суровым лицо <его> смягчилось' (Тор).

МЕСТОИМЕНИЕ

В эвенском языке основная функциональная характеристика местоимений — это собственно указание, они являются дейктическими словами. В то же время местоимения выполняют роль субститутов — словзаместителей, позволяя без повтора представить в сжатом виде отдельные элементы или целые фрагменты содержательных структур высказывания. В случае с местоимениями большую роль при выполнении общей функции коммуникации играют определенная ситуативность, речевая соотнесенность. В связи с этим нами предпринята попытка рассмотрения местоимений с точки зрения их активного функционирования в устной и письменной речи.

Личные местоимения

Личные местоимения выступают наиболее выразительной частью лексики, подтверждающей генетическое родство языков тунгусо-маньчжурской группы своей почти исключительной фонетической регулярностью.

Личные местоимения эвенского языка соотносимы с классическими индивидуализирующими обозначениями — именами собственными. Однако единичная референция, присущая им, отражает сущность категории лица, базирующейся на отношениях пересечения/непересечения лиц — участников обозначаемой ситуации и лиц — участников ситуации речи (говорящий и слушающий). Сфера говорящего в данном случае актуализируется личным местоимением ***би*** 'я'. Основной функцией местоимений 1-го л. ед. ч. служит указание на личность говорящего как участника ситуации речи (конкретный персональный дейксис), и это определяет их преимущественное употребление в диалогической речи и повествованиях определенного порядка.

Например: *Ариӈка гөнни*: «***Би*** *дебэмэлрэм*, *учиктикий илли-си*» ‘Черт говорит: «Я хочу есть, слезай с верхового оленя»’; *Гэлэ*, ***би-дэ*** *яручи-сандаку*, *нөкивур бөлрэ* ***минду***, ***би-дэ*** *ач атикана бисэм* (Н) ‘Ну-ка, я тоже попробую, лук ваш дайте мне, я тоже не имею жены’.

Отличительная особенность данного местоимения в том, что в эвенском языке (как и в других тунгусо-маньчжурских языках) отмечается его супплетивная форма в косвенных падежах, имеющая основу *мин-*: *Эди* ***минэч*** *ининкэр*, *хи бэй бисэнри*, *ями* ***миндук*** *дюллэ дебэмэлдинри хи?* ‘Не смейся надо мной, ты же мужчина, как можешь раньше меня проголодаться ты?’ (Н). В данной грамматической позиции местоимение 1-го л. ед. ч. актуализирует неанафорический дейксис — указание на говорящего.

Персоналии 1-го л. мн. ч. представлены двумя формами: исключающая ***бу*** ‘мы (без вас)’ и включающая ***мут*** ‘мы (с вами)’. Они имеют семантику некой обособленности лиц, которая представляет лично говорящего и неопределенное количество лиц, участвующих или не участвующих в речевом акте.

В лингвистической литературе обсуждается вопрос корреляции инклюзив/эксклюзив данными местоимениями (в частности, см. [Бенвенист, 1974; Хасанова, 1986, с. 26; Володин, 1991, с. 91]). Эвенское *бу* может обозначать ‘я + ты’ и, в сущности, двойственное число 1-го л. при множественности слушающих (инклюзив), а также ‘я + он/они’, которое исключает слушающего (эксклюзив). Данное местоимение употребляется говорящим при обозначении группы лиц, включающей говорящего, но исключающей слушающего, при обращении к лицу или лицам, например: ***Бу*** *өрэлдэру таӈамӈал Хэвки Төрэнни ханиван эвэдыч таӈаннавутан.* ***Бу*** *хокаӈчидиру*, *Ху мунтэки эрэк тулмачин дюгулин дукракасан* ‘Мы (имеется в виду редакция) рады тому, что читатели будут читать Божье Слово по-эвенски. Мы будем рады, если вы нам напишете про этот перевод’ (ЛЕ); *Тек ху холаки хөрлилрэ*, ***бу*** *эду дагрит эмэбдэкун* ‘Сейчас вы идите вверх по течению реки, а мы (без вас) на время останемся здесь’ (Бер.); *Нянин хаманни итунни итучадин* ***мут*** *элэ чакаптап* ‘По воле шамана неба мы здесь собрались’ (Н); *Тала* ***мут*** *нючалнюн өмэтту олдав бэйчэникэн*, *тугуӈкэлдэ* ‘Там мы с русскими, вместе рыбу промышляя, зазимуем’ (Алл.).

В приведенных конструкциях противопоставление ясно реализуется и в личных местоимениях, и в глагольных формах.

Личные местоимения в ольском говоре эвенского языка представлены той системой, которая является типичной для восточных диалектов, с различением эксклюзива «мы, но не вы» и инклюзива «мы и вы» в формах 1-го л. мн. ч. В отдельных говорах, например в говорах Камчатки, и в речи младшего поколения форма эксклюзива исчезает, и во все контексты вставляется инклюзив. В говорах эвенов Якутии употребляется только одно местоимение 1-го л. мн. ч. *мут*, за исключением языка эвенов Березовки, относящегося к восточному наречию.

Образование множественного числа некоторых личных местоимений в эвенском языке не укладывается в рамки привычного суффиксального способа. Так, множество лиц — участников речи определяется нехарактер-

ным для эвенского языка способом выражения множественности — суплетивизмом (ср. *би-бу* ‘я-мы’, *хи-ху* ‘ты-вы’). В своем роде данные местоимения указывают на персональные и неповторимые понятия, показатели формально грамматического множественного числа, обозначающего совокупность предметов одного порядка, здесь как бы неуместны.

Форма 1-го л. мн. ч. включительной формы иногда «может иметь значение действия, указанного по отношению к адресату действия» [Роббек, 1992, с. 125], например: *Харак-е, он **мут** бисэп-э?* ‘Дружок, как мы живем (как ты поживаешь)?’.

В отличие от местоимения *би* ‘я’ местоимение ***хи*** ‘ты’ обозначает участника ситуации речи, к которому адресуется сообщение, имеет указание на собственно лицо слушающего (определенно-личный дейксис): *Аманни улгимин асаткантакий:* «*Њитки **хи** мерэмсэнри?*» ‘Отец спрашивает у дочери: «За кого ты хочешь пойти замуж?»’ (Н). *Би толкундарив **хи** аич биддивус* ‘Я видела сон, ты хорошо будешь жить’ (Н). При склонении данное местоимение принимает форму *хин*: *Тек би **хину** эливун ханувкандим мөлэ* ‘Сейчас и тебя по-настоящему утоплю в воде’; *Эрэк **хинду** хиги хунӈин анин* ‘Это тебе хозяин тайги дарит’ (Н); *Мину гургэвчиринюн бакчинри, дю долан иврэкэс-нюн, **хину** айдим — гөни бисни.* (*Мо*) букв. ‘Меня найдешь, когда поработаешь, а я тебя спасу, если меня занесешь в дом — говорящий есть. (Дрова)’ (ЭФ).

Кроме основной функции указания на собственно-личный дейксис местоимение 2-го л. ед. ч. по семантическому признаку неуказания на участника ситуации речи иногда может трактоваться и как неанафорический дейксис: ***Хи** хөлурэкэс, ноӈан бодуччин, **хи** негракас ноӈан бодалды — гөпти бисни.* (*Хинян*) ‘Ты за ней побежишь, она за собой тебя поведет, ты впереди пойдешь, она за тобой — так говорят. (Тень)’ (ЭФ). Персоналия 2-го л. мн. ч., представленная формой ***ху*** ‘вы’, имеет семантику собственно-личного и, иногда, неанафорического дейксиса.

Приведенными местоимениями 1-го и 2-го л. ед. ч. исчерпывается группа местоимений, указывающих на участников речи. В.А. Роббек противопоставляет данные персональные категории следующим образом: «Три лица образуют иерархию, включающую два типа оппозиций по признаку “личности” и “субъектности”. Признак “личность” противопоставляет первое и второе лицо третьему. Первое и второе лицо всегда соотносятся с одушевленными и очеловеченными объектами. Третье лицо может указывать на любой объект. Признак “субъектность” противопоставляет первое лицо (говорящий) второму (слушающий)» [1992, с. 120].

Для эвенского языка характерно противопоставление имен двух классов — активного и инактивного, причем в таком варианте, когда имена активного класса составляют наименования человека (пол, возраст, социальный статус, родственные отношения, профессия или занятия), имена инактивного класса — названия неодушевленных предметов и животных. В ряду местоимений данное противопоставление выражается тем, что формы личных местоимений 3-го л. ед. и мн. ч. ***ноӈан*** ‘он’ и ***ноӈартан*** ‘они’ замещают только названия людей. Названия предметов, в том числе

названия домашних и диких животных, замещаются указательным местоимением ***тарак*** ‘тот’, приобретающим статус личного местоимения.

Местоимение 3-го л. ед. ч. ***ноӈан*** ‘он, она’ обозначает участника ситуации, т.е. лицо, не участвующее в речевом акте, о котором сообщается. Данное местоимение в эвенском языке по типу персонального дейксиса в основном употребляется как анафорический дейксис, функция которого — указание на ранее названное или указанное лицо. Местоимение *ноӈан* по содержанию значительно отличается от предыдущих тем, что может не только указывать на конкретное лицо, но и обладает более широкой «заместительной способностью», охватывая различного рода предметы и обобщенные понятия. В фольклоре отмечается использование данного местоимения относительно одушевленных предметов, явлений или очеловеченных животных.

Например: *Би илэ бидим*, ***ноӈан*** *тала бидин*. *Хи илэ бидинри*, ***ноӈан*** *тала бидин*. *Мут илэ гургэвчидин*, ***ноӈан*** *тала гургэвчидин*. (*Хинян*) ‘Где я буду, там и она находится. Где ты будешь, там и она находится. Где мы будем работать, там и она работает. (Тень)’; ***Ноӈман*** *хоч аявапникан-тит дэпки коетӈэ туркучэп-ти*. *Як бисни?* (*Нёлтэн*) ‘Оно очень любимое, но смотреть прямо на него невозможно. Что это? (Солнце)’; *Ибдири бэй дялби эриниддэн боӈкиӈи*, *ибдиридук-тэ бэйдук ноӈан бинни*, *тадук ибдири*; ***ноӈан*** *билэ-кэн дюганиду тэтий эти нукра*. (*Боӈкэтэ бокат*) ‘Неизвестный человек родичей своих зовет, кривой, он от неизвестного человека неизвестный; тот, у кого он живет, летом свою одежду не снимает. (Кривая кедровая шишка)’; *Ибдири бэй* — ***ноӈан*** *мэлумэчилэн*, *кувунни-да бинни*, ***ноӈан*** *бэйди мэӈти*, *ясалан-да эгден*. (*Хагдаӈкин*) ‘Неизвестный человек — искусный прыгун, у него скобель-кувун есть, сам он серый, глаза у него большие. (Белка-летяга)’; *Бакли ибдирив бэю*, *энтэкэе эӈэев*. ***Ноӈан*** *орарни кубэтлин боргаснитан*. (*Атикикан*, *осикатал-да*) ‘Найди неизвестного человека, очень богатого. Его олени везде разбрелись. (Месяц и звезды)’ (ЭФ); *Абага*, *хи* ***ноӈан*** *далилин учикалкан ӈэнчэ бисэнни* ‘Дядя, ты проехал верхом поблизости от него <от медведя>’; *Ӈин хэбдекникэн гогаддан*, *накату* ***ноӈан*** *хиралникан нян кэргэмнин говгаран* ‘Собака лает весело, на медведя он обычно лает злобно и свирепо’ (Тор).

Однако местоимение *ноӈан* не может быть полным заместителем имени — заменять любое существительное в любых формах, как, например, русское *он* (*она*, *оно*). В этом отношении диапазон значений данного слова несколько уже, чем у указательного местоимения *тарак* ‘тот’.

Множественное число персоналии 3-го л. образуется при помощи суффикса собственно множественности *-р* и, как принято считать, показателя притяжания 3-го л. мн. ч. *-тан*: ***ноӈартан*** ‘они’. По типу персонального дейксиса данное местоимение имеет более широкий круг функций. Оно охватывает собственно личный, предметный, неанафорический, анафорический и обобщенно-личный дейксис.

В эвенском языке личные местоимения имеют полную парадигму склонения, однако в западных говорах отмечено отсутствие форм направительно-местного и направительно-продольного падежей. Личные место-

имения могут принимать и различные суффиксы субъективной оценки, уменьшительные и уничижительные суффиксы *-кан/-кэн*, *-какан/-кэкэн*, *-якан/-екэн*, *-чакан/-чэкэн*, увеличительный суффикс *-ндя*, ограничительный *-ткан/-ткэн*: ***Би-ткэн*** *хинтэки нюндуку бокми-бокандинди*, *эми-этэнди* ‘Если только я укажу тебе дорогу, догонишь, нет — так нет’ (Алл.); *Тэгэми эгден-дэ бими көчукэрбу эдилдэ ноҥчакартан гөҥнэр*, *эдилдэ хокаткарар*, *гөҥнэр*, *хупкуткэрэр* ‘Даже если большим являешься, про маленьких не надо говорить: «Они ничтожные», не надо важничать — так говорят и учат’ (СЭ).

Исследователи традиционно указывают на принятие личными местоимениями формы с показателем *-гачин/-гичин* (ранее мы подчеркивали, что форма *-гачин/-гичин* может быть отнесена к падежным): *Эрэк куҥа* ***ноҥаргичин*** ‘Этот ребенок на них похож’; «*Би-дэмэр* ***хунгичин*** *тачимур хинмач эмчу бокна нян эму дюла истала нисурэ*», — *Тормита өрэнчэ* ‘«Я как вы так быстро бы не управился и не доставил бы до жилища», — обрадовался Тормита’; *Эҥэе дюгулин гөми*, *би адит эҥэе бэй бисэм*, *он* ***хингичин*** *ач — та яла кэлмэ бидим* ‘Что касается богатства, то я действительно богатым человеком являюсь, не то что ты, не имеющий ничего нищий’ (Тор).

Относительно диалектных особенностей личных местоимений следует отметить, что в говорах эвенов Якутии (за исключением березовского говора) отсутствует так называемая исключительная форма местоимения 1-го л. мн. ч. ***бу*** ‘мы (без вас)’. При описании западных говоров отмечалось, что личные местоимения могут употребляться в роли притяжательных местоимений.

По своим синтаксическим функциям личные местоимения сопоставимы с именами существительными, т.е. выступают в предложении преимущественно в роли подлежащего, сказуемого и дополнения: *Төр эмҥэ*, *би хөнтэли хотарандули ҥэндим* ‘Земля широкая, я по другой дороге пойду’; *Ноҥанюнни аканни нян матакан эмэргэритэн* ‘Вместе с ним его брат и зять возвратились’; *Хин гяс — ноҥан* ‘Твой друг — он’. При рассмотрении синтаксических особенностей личных местоимений обращает на себя внимание употребление их в речи с различными частицами (типа *би-дэ*, *ноҥартан-дамар* и т.п.). Важно заметить, что подобные примеры семантически восходят к роли определенных конкретно взятых частиц [Белолюбская, 1996].

Образцы склонения личных местоимений представлены в грамматико-орфографическом справочнике (см. Приложение). Формы направительно-местного и направительно-продольного падежей в ольском говоре не имеют суффикса *-гида-/-гидэ-*, как это отмечено В.А. Роббеком для западной периферии восточного наречия [1989, с. 117]. Для эвенского письменного языка принимается форма ольского говора, не имеющая суффикса *-гида-/-гидэ-*.

В ряде говоров формы косвенных падежей местоимения 3-го л. мн. ч. *ноҥартан*, имеющего в своем составе посессивный показатель 3-го л. мн. ч., содержат этот показатель в диалектном варианте *-тни*: *ноҥарбутни*

‘их’, *ноӈардутни* ‘им’. В письменном языке такие варианты рассматриваются как ненормативные, поэтому в письменных текстах они не представлены.

Употребление личных местоимений в эвенском языке диктуется закономерностями, связанными с ситуацией речи и различными комбинациями, которые определяют построение дейктических и анафорических структур.

Притяжательные местоимения

Как известно, в эвенском языке притяжательные местоимения имеют значение указания на лицо, чем сближаются с личными местоимениями. Некоторые из них совпадают с личными местоимениями, что неоспоримо свидетельствует о том, что их происхождение восходит к местоимениям данного разряда. Однако посессивы не являются простыми аналогами личных местоимений — кроме указания на лицо, они также несут семантику других отношений: обладания, принадлежности, имеют дифференцирующую функцию, поэтому выполняют немаловажную для смысла высказывания роль и в организации внутритекстовых связей.

Существование отдельного разряда притяжательных местоимений — это характерная черта диалектов восточного наречия эвенского языка, отличающая их от западных диалектов, где данные местоимения отсутствуют и в их функции выступают личные местоимения. Ниже приводится система притяжательных местоимений ольского говора (табл. 21).

Собственно морфологически притяжательные местоимения отличаются от соответствующих личных местоимений только формами 1-го и 2-го л. ед. ч., 1-го л. эксклюзива и 2-го л. мн. ч. В других формах личные и притяжательные местоимения полностью совпадают. Существенным грамматическим отличием притяжательных местоимений от личных является то, что притяжательные местоимения имеют только категорию числа — они не склоняются.

Самостоятельные притяжательные местоимения (хотя их можно называть и притяжательными прилагательными), которые образуются посредством суффикса *-нӈи* (*минӈи* ‘мой’, *хинӈи* ‘твой’, *ноӈӈин* ‘его’, *мэнӈи* ‘свой’ и т.п.), в ольском говоре присутствуют, хотя для письменного языка конструкции с этими формами нетипичны: «*Эрэк яла бакчас?*» — *улгимин харачимна*. — «*Эсипчиву минӈи*», — *гөнни ниуч* ‘«Где ты это нашел?» — спросил

Таблица 21

Притяжательные местоимения

Лицо	Единственное число	Множественное число
1-е	*мин* ‘мой’	*мун/мут* ‘наш’
2-е	*хин* ‘твой’	*хун* ‘ваш’
3-е	*ноӈан* ‘его’	*ноӈартан* ‘их’
Безличное	*мэн* ‘свой’	*мэр* ‘свои’

продавец. — «Это мое», — сказал русский'; *Аканси хинӈи*, *Декичэн*, *дюдук эчэ хөррэ-гу?* 'Твой брат, Декичэн, из дома не ушел ли?' (СЭ).

Существование этих форм отмечается и в западных диалектах эвенского языка (ламунхинском, нижне- и верхнеколымском говорах): *Мутӈил һэйэкэч икэ̄врэр*, *юкагирды*, *илкадит уонна фольклорнайу* 'Наши на чукотском, юкагирском, эвенском и фольклорные <песни> исполняют'; *Гявану аһукут нэ̄гимэттитэн:* «*Ноӈан ади-да аннуанив тэтуттиӈи ундэ дюлэв местэв гарин*, *миннуи аннуамта*» 'В прошлом году вовсе чуть не поссорились: «Она <один и тот же костюм> который год надевает и первое место получает, а мой новый»' (Н.-К.); *Һинӈи эрэ̆к авса* 'Эта женская сумка твоя'; *Эрэ̆к ноӈнин бичэ бид'ин* 'Это, наверное, ее' (В.-К.).

Примеры употребления притяжательных местоимений: *Куӈав эрэгэр төрэми*, *нэими — ноӈан хин төрэмус эти авдатта*, *эти долчир оваттан* 'Если ребенка все время ругать — он перестанет принимать во внимание твои слова, станет непослушным'; *Гямачин эгден бисэкэн — мут Бугат эӈи бидин* 'Будет большая дружба — будет наша Родина сильна'; *Өлики огнилан улрэкэкэн хумбуликэкэн мут илрэт урэчин*, *тарав эстэн дебботтэ*, *төннэкич*, *улэвэттэ* 'У белки подмышками мясо, такое кругленькое утолщение, на наше мясо похоже, его не едят, грешно, его бросают'; *Хисэчин нюрити-вул*, *остай-ул экич хусса*, *ачча очаду бадикар*, *хисэчин хуссилдук ноӈартан нюритутан*, *осталбутан гадир*, *осталкасал одир*, *нюриттук мавуталгавур илчадир*, *бэилбу бэйчидилдир. Төннэкич*, *көкэрэп*, *хусанмай бадикар* 'Вечером ни волосы, ни ногти стричь нельзя — в мире мертвых утро, у тех, кто стрижет волосы и ногти вечером, они их возьмут, станут когтистыми, а из волос сплетут себе арканы-*мавуты* и будут охотиться за людьми. Грешно это делать, мы можем умереть, надо стричь волосы и ногти утром' (ЭФ).

Приведем примеры омонимии личных и притяжательных местоимений в текстах с чертами западных диалектов эвенского языка: *Онеӈамдас эӈэен бэйдун*, *би чөлэкэӈэндеву бэйдув* 'Чужое богатство — для богатого, моя хромота — для меня'; *Хи хөлурэкэс ноӈан бодуччин*, *хи негракас ноӈан бодалды — гөпти бисни*. (*Хинян*) 'Ты за ней побежишь, она за собой тебя поведет, ты впереди пойдешь, она за тобой — так говорят. (Тень)' (ЭФ) (позиция субъекта при зависимом предикате).

Посессивные конструкции в эвенском языке еще недостаточно изучены. Здесь обращает на себя внимание как бы двойная семантическая «накладка» морфологических элементов, актуализирующих посессивность, и их возможное частичное усечение без влияния на семантику.

Посессивные конструкции, включающие притяжательные местоимения, можно подразделить по семантике на следующие типы:

1. Посессивная группа, характеризующаяся сочетанием краткой формы лично-притяжательного местоимения с существительным, оформляемым лично-притяжательным суффиксом, обозначающим какой-либо предмет или лицо. В данном случае местоимение занимает препозиционное положение и не изменяется: *мин орму* 'мой олень', *хин оранси* 'твой олень', *ноӈан оранни* 'его олень' и др. Например: *Учикан бэйгэчин төрэснэн:* «*Аич*

долчили мин гөниву, эди илкир мин ойдукув» ‘Верховой олень (его) по-человечьи заговорил: «Хорошо слушай мою речь, не слезай с меня (*досл.* с моего верха)»’ (Н); *Мут окатаŋат ач хэрлэ алик бисни.* (*Муликич*) ‘У нашей реки бездонный ушат есть. (Прорубь)’ (ЭФ).

2. Посессивная группа, включающая полную форму лично-притяжательного местоимения и существительное с лично-притяжательным суффиксом. Полные формы лично-притяжательных местоимений в данной конструкции могут иметь падежные суффиксы и изменяться по числам. Возможно и довольно регулярное усечение конструкции: в определенной диалогической речи может употребляться только первая часть, в других случаях — только существительное с лично-притяжательным суффиксом. Например: «*Ӈи авунни?*» — «*Минӈи*» ‘«Чья шапка?» — «Моя»’; «*Эрэк ӈи мавутан дэсчин?*» — «*Ноӈарӈитан*» ‘«Это чей аркан лежит?» — «Их»’; *Опо хинӈив ормус гадин* ‘Афоня твоего оленя возьмет’; *Би нонӈидин учикач эмрив* ‘Я на его олене приехала’; *Минӈилдув ӈэлдули дебэм* ‘Моим неси еду’; *Мутӈигич аич исни* ‘От нас лучше видно’.

3. Посессивная группа, включающая возвратно-притяжательные местоимения *мэн* ‘свой’ (принадлежность одному лицу), *мэр* ‘свой’ (принадлежность многим лицам), *мэнӈий* ‘свой’ (об одном предмете, принадлежащем одному лицу), *мэрӈивур* ‘свой’ (об одном предмете, принадлежащем многим), *мэнӈилби* ‘своих’ (о многих предметах, принадлежащих одному лицу), *мэрӈилбур* ‘своих’ (о многих предметах, принадлежащих многим лицам). Например: *Дёр ибдирил бэил аканун хөпкэчэн тэриндун бис. Мэр доли эстэн хаманра, ок-та эчил көвемэттэ.* (*Коритал*) ‘Два неизвестных человека, братья, по разные стороны сопки находятся. Друг друга не знают, друг друга никогда не видели. (Уши)’; *Дёр кяганти мэн мэнур дэпки көвемэтникэн илатта, усу.* (*Киримки*) ‘Два медведя друг против друга стоят, друг на друга смотрят — так говорят. (Брови)’; *Дёр ибдири бэй аканун хөпкэчэн тэриндун бисни. Мэр доли эстэн хаматта.* (*Корит*) ‘Два загадочных человека, брата, по стропам сопки живут. Друг друга не знают. (Уши)’ (ЭФ); *Атикан Коикэ мэнӈиды муну иргэтин, хөнтэкич* ‘Бабушка Коикэ по-своему нас воспитывала, по-другому’ (Ам); *Нивэкэл навун дюлан нимэгэлрэ — чэлэдун хэбдэнь бисин Михаил хөнтэвэн ою көветтэвур, долчидавур-да, он ноӈан нючилнюн экич унур енӈэч ноӈэрин, мэнӈилнюмур-дэ тачин-да эвэдич* ‘Соседи в дом вдовы загостили — всем интересно было на другую одежду Михаила посмотреть, послушать, как он с русским на непонятном языке разговаривает, а со своими же в то же время по-эвенски’ (Ам); *Поезд энтукукэн илачинмайдукин хөррэн: тек мэнӈилби ел-тэннэв* ‘Поезд тихонько со своей стоянки пошел: сейчас должны проехать моих’; *Мэнӈилдук дукарбу адыракан бакрив* ‘От своих письма несколько раз получал’ (Шол).

Как отмечалось ранее, в западных говорах в посессивных конструкциях отсутствуют притяжательные формы личных местоимений, вместо них используются личные, например: *Тар хи далси Куламагич эмчэл. Багар, би-дэ кягав эмчэ бидин, Эрбэткэн гэрбэ этикэн* ‘Те твои предки со стороны Колымы прибыли. Может, и мой дед прибыл, старик по имени

Эрбэткэн'; *Буюн, минтэки укчэнни-дэ аканси би нандав һуһив илэ дяйрин?* 'Буюн, расскажи-ка мне, куда спрятал мою лебяжью шкуру твой старший брат?' (Алл.); *Дялбу, би гоһику ачча онңа одни, һоч нимэм ниmтэмпэн, бо-ридиһ-ку көчукэн нимэм!* 'Родственники, моя жена умирает, хочется ей кровь поесть, не дадите ли маленько крови?' (Томп.); «*Амыңаву, таралдук аһаткардук өмым һи экүэһ гарыкыт он бимчы?*» — *гөникэн улгимичэ амыт-мыр* '«Папа, из тех девушек одну ты сестрой если возмешь, как было бы?» — спросил у отца' (У.-Я.); *Арай көетчэ ноңан аһиңан бичэ* 'Вдруг видит, оказывается, его жена' (Н.-К.); *Бӣ кэргэму Арылах бэйэн, урэкчэндулэ тэгэттин* 'Мой муж из Арылаха, жил в горах' (В.-К.).

Возвратно-притяжательные местоимения имеют полную парадигму склонения (табл. 22).

Приведенный материал свидетельствует о том, что эвенские притяжательные местоимения в грамматическом плане выступают как самостоятельный разряд со своими специфическими чертами (формы множественности, парадигма склонения). Употребляясь анафорически, т.е. указывая на предмет, упомянутый раньше или известный собеседнику, в синтаксическом плане краткие лично-притяжательные местоимения выполняют в основном роль определения при подлежащем (например: *Мин часу эмрэн* 'Мой час настал'; *Би — хин аманси* 'Я — твой отец'), возвратно-притяжательные местоимения — роль дополнения (например: *Дёр нөтэл өмэтту тугуникэн, мэн мэнур эстэн итмэткэрэр, усу.* (*Ясал, коритал*) 'Два брата, вместе родившиеся, друг друга не видят — так говорят. (Глаза и уши)'), в дейктической функции полные формы лично-притяжательных местоимений выступают в качестве сказуемого (например: *Есчимэчэклэ мут дабдукандип, теми-дэ премия — мутңи* 'На соревнованиях мы победим, поэтому премия — наша').

В эвенском языке посессивы имеют двойную смысловую нагрузку: указывая только на определенное лицо, они несут и выражение принадлежности.

Таблица 22

Склонение возвратно-притяжательных местоимений

Падеж	*мэңуй* 'свой (одного)'	*мэрңивур* 'свой (многих)'	*мэңңилби* 'своих (одного)'	*мэрңилбур* 'своих (многих)'
Именительный	–	–	–	–
Винительный	*мэңуй*	*мэрңивур*	*мэңңилби*	*мэрңилбур*
Дательный	*мэңңиды*	*мэрңидюр*	*мэңңилды*	*мэрңилдюр*
Направительный	*мэңңиткий*	*мэрңиткивур*	*мэңңилтэкий*	*мэрңилтэкивур*
Местный	*мэңңилэй*	*мэрңилэвур*	*мэңңилдулэй*	*мэрңилдулэвур*
Продольный	*мэңңилий*	*мэрңиливур*	*мэңңилдулий*	*мэрңилдуливур*
Направительно-местный	*мэңңиклэй*	*мэрңиклэвур*	*мэңңилэклэй*	*мэрңилэклэвур*
Направительно-продольный	*мэңңиклий*	*мэрңикливур*	*мэңңилэклий*	*мэрңилэкливур*
Отложительный	*мэңңидукий*	*мэрңидукур*	*мэңңилдукий*	*мэрңилдукур*
Исходный	*мэңңигидий*	*мэрңигидюр*	*мэңңилгидий*	*мэрңилңидюр*
Творительный	*мэңңидий*	*мэрңидюр*	*мэңңилдий*	*мэрңилдюр*
Совместный	*мэңңинюми*	*мэрңинюмур*	*мэңңилнюми*	*мэрңилнюмур*

Указательные местоимения

По семантике данный разряд местоимений как бы выделяет любой предмет из ряда подобных. Указательные местоимения в эвенском языке способны заменять не только отдельные слова, но и целые фрагменты высказывания.

Система указательных местоимений характеризуется противопоставлением двух местоимений ***эрэк*** ‘этот’ и ***тарак*** ‘тот’, различающихся признаком «более близкий/более отдаленный». Дополнительным признаком противопоставления данных местоимений, по нашим наблюдениям, является оппозиция «видимый/невидимый»: предметы, видимые говорящим, обозначаются местоимением *эрэк*, невидимые, даже находящиеся очень близко (за спиной, в соседнем помещении, в сумке и т.д.), — местоимением *тарак*. Какие-либо распределения указательных местоимений в тексте по характеру замещения существительного или по мере удаления от замещаемого существительного не отмечаются. В повествовательных текстах доминирует местоимение *тарак* ‘тот’, в диалогах местоимения распределены в зависимости от ситуации.

Сами местоимения *эрэк* и *тарак* в эвенском языке выглядят как номинализированные производные от указательных местоименных первичных форм *эр* ‘вот это, тот самый’ и *тар* ‘вот тот, вот так’. Образцы склонения указательных местоимений приведены в грамматико-орфографическом справочнике (см. Приложение). В эвенском языке указательные местоимения, выполняя собственно-указательную функцию, обозначают предмет, явление или конкретное лицо. В последнем случае значение указательного местоимения соотносится с функцией личного местоимения *ноӈан*.

Например: *Аситки бэй гөнни:* «*Хину би туркурив-у си бакӈа. Ядук элэ илан анӈан елтэнэкэн бакунри?*» *Тарак барагран…* ‘Человек женщине говорит: «Я тебя не мог найти. Откуда (*букв.* с чего) здесь спустя три года ты нашлась?» Та отвечает…’; *Тарак Уӈалчан илэ бисни?* ‘Где находится та Кедровка?’; *Би эрэв бэю эду алаттаку* ‘Я этого человека здесь буду ждать’; *Тарак дю тулгидэлэн өмэн аси илаттан* ‘Возле той юрты одна женщина стоит’; «*Гэлэ, — гөнни хуличан, — эргидэлэ эгден окат бисни, таду буюн хоя бивэттэн*» ‘«Ну-ка, — сказал лис, — здесь есть большая река, там постоянно бывает много диких оленей»’ (ЭН); *Кунтэк өйдэлин исагла дылган ӈэнрэн, провадилдули туттэн — элэ гөндин, тала долдадин.* (*Телефон*) ‘Над полянами в лесу голос идет, бежит по проводам, здесь кто-нибудь скажет, там кто-нибудь услышит. (Телефон)’ (ЭФ).

При дейктическом употреблении демонстративы как бы выделяют данный предмет или действие из ряда однородных, например: *Эр-кэ эр, тибаддан учику депчэ гиркари, пэктэрэли!* ‘Вот тот самый волк, который задавил моего верхового оленя, стреляй же!’ (Бер.); *Хэ-хэ, эр эмрэн атикалбанна бэй, бөлрэ ноӈандун нөкив пэктэрудэн!* ‘Ха-ха, вот пришел жених, дайте ему лук, пусть он постреляет!’ (Н).

В дейктической роли данные местоимения по признаку субъективной ориентации могут указывать на близость или отдаленность предметов.

В речевой практике такие слова применяют для обозначения предмета, находящегося на определенном расстоянии от говорящего, например: *Та-ар*, *тар амкачан хэелэн як-та ичун* ‘Вон там на вершине горы что-то показалось’ (Бер.). Причем имеются в виду как пространственные, так и временные рамки. Так, при повествовании фольклорных и иных сюжетов информантами часто используется указательное местоимение *тар* ‘вот тот’, обозначающее давность происходящих событий, например: *Эгдем дюв бакран. Тала ин* ‘Нашел большой чум. Вошел туда’ (Эп); *Тар аннанилду эрэк институтту эвэдыч хо аич хари ученай В.И. Цинциус гургэвчиччэ бисин* ‘В те годы в этом институте работала очень хорошо знавшая эвенский язык ученый В.И. Цинциус’ (ТК); *Тар горап елтэнчэ биниду*, / *Верхоян хигилкин кадарлин*, / *Навталкан*, *хуннэлкэн молалин* / *Хялталкан*, *хокчилкан хигилин* / *Оралкан эвэннюн нулгэрин* ‘В ту давнюю прошлую бытность / В верхоянской горной тайге, / В ягельной, ветреной тундре / По морозной и знойной тайге / Оленные эвены кочевали’ (Эд).

Другой важной ролью демонстративов является анафорическая функция — указание упомянутого, известного. Как было отмечено выше, местоимения выполняют и роль субститутов (слов-заместителей), позволяя без повтора представить в сжатом виде отдельные элементы или целые фрагменты предыдущего текста, описанное обстоятельство, событие и т.д. В данном случае семантическое содержание местоимений значительно шире, чем при выполнении узкоспециальной дейктической функции. Приводимые далее примеры иллюстрируют употребление указательного местоимения *тарак* в анафорической функции: *Тачин икэснидюр*, *надан хусиндял*, *эникэн дор*, *амаски мучучал* ‘Так пропев, семеро лебедей, не садясь <на землю>, обратно вернулись’ (Алл.); *Төллэ эрэк аси аканни төрэнни исни*: «*Элукэн*, *Баргини*, *тарав матав аич карайли!*» ‘С улицы послышался голос старшего брата этой женщины: «Сестрица, Баргини, того смельчака хорошенько оберегай!» (Эп); *Эникэн ичур анусадды бисни. Тарак як бичэ бидин?* (*Эдэн*) ‘Невидимый, а все время толкается. Это что такое будет? (Ветер)’; *Бэйду көчукэр дёр бэй бисни. Тарал бэил эрэгэр инивур чөптэрэ есчимэчиддэ.* (*Бөдэл*) ‘У человека два маленьких человека имеется. Те люди всегда, всю свою жизнь соревнуются. (Ноги)’; *Ибдири бэй хэлэлкэн*, *тарич хэлэч*, *яв-да надаңан одакан*, *хикутич дебдин.* (*Чэңэч*) ‘Неизвестный человек железо имеет, тем железом, когда ему что-нибудь понадобится, тихонечко съест. (Удочка с железным крючком)’; *Ибдири бэй биддэн. Оин эйду хутаня. Эмдэн гилтаня*, *ач хилтала*, *ач тэпкэлэ. Мов-тэкэн дептэн. Тарак оңаталкан. Хиран мов. Тарав хөнтэл бэил дептэ.* (*Кубэкэ*) ‘Загадочный человек живет. Одежда его вся красная. Внутренности его белые, без кишок, без желудка. Он только воду ест. Нос у него есть. Выдыхает воду. Ее другие люди едят. (Чайник)’; *Дептэкэн*, *эсни манупта бисни*, *усу. Тавур як? Тавур муран остуганни* ‘Когда его едят, никогда не кончается — так говорят. Что это? Это лошадиные удила’; *Ибдири аси өмэн-дэ бөдэлэн биннi*, *тар дялдулай ибдирилдулэ асалдула эрэглэ-тэттэ нокуттан*, *инив-ул чөптэрэ тала биситэн.* (*Өивун*) ‘У неизвестной женщины одна нога, она за нее к другим неизвестным женщинам навсегда привешена, они всю

жизнь там были. (Серьга)' (ЭФ); *Иланмяр долбани очалан*, *хуннэ эмнэн*. *Тарак амардадун накита эмнэн* 'Когда наступила тридцатая ночь, ветер задул. После того медведь пришел' (Эп).

Как видно из приведенного материала, в эвенском языке при субстантивации демонстративов отмечается их широкое употребление во всех формах косвенных падежей. Дейктический ряд местоимений в эвенском языке представлен не только первичными формами (указательные местоимения могут принимать кроме падежных суффиксов формы субъективной оценки), но и формами множественного числа и принадлежности.

Например: *Хэнкуни бими гякчаӈи оӈатван хэплий хинюттан*, *тараӈи гадни* 'Хэнкуни же ястребиный клюв из кармана своего вытащил, тот (свой) взял' (Эп); *Тараӈур тарканду хигридюр*, / *Гулумур нэӈэди гуллидюр*, / *Аикеч тогчамур уличэл*, / *Дялукан бэиттэн-дэ депчэл* 'О том своем так молча, / Костер свой, молясь, разожгли, / Хорошенько огонь свой накормили. / Досыта и люди наелись' (Эд).

Эвенские указательные местоимения в предложении могут употребляться в качестве подлежащего, сказуемого, дополнения, определения, обстоятельства в форме локативных падежей.

В поэтическом повествовании можно отметить демонстративы в анамнестической (предваряющей) функции. Например:

Бэкэчин эр бисин,	'Все это было,
Бэилнюн эр бисин,	С людьми это было,
Нян айдит эр бисин,	И это действительно было,
Оралнюн эр бисин.	С оленями это было.
Бинилэ эр бисин.	В жизни это было' (Эд).

Однако предваряющая функция для эвенских указательных местоимений менее характерна.

При рассмотрении синтаксической роли личных местоимений мы несколько поверхностно отмечаем связь местоимений со служебными словами. Нельзя обойти вниманием употребление различных форм местоимения тар как средства выражения логической связи между самостоятельными предложениями в качестве союзных слов: *Тар-та бими*, *эвэсэл уямкам одяритан* 'Но, несмотря ни на что, эвены берегли горного барана'; *Арай ӈэннэкэтни дёрмер дю бисни*, *тарак тулдэлин дёр бэй гиркавачидда* 'Когда они шли, <видят> двадцать юрт, около этих юрт расхаживали два человека'; *Ӈэннин утакачами иттэн-дэ*, *дылван чекас хонаснан*, *эртэки ичэснэкэн*, *өмэн этикэн харандула тэгэттэн* 'Подошел, увидел шаманку и сразу отрубил ей голову, посмотрел в другую сторону и увидел одного старика, который сидел на месте, где спят' (Эп). Таким образом, эвенские указательные местоимения широко употребляются как средства выражения логической связи между самостоятельными предложениями.

Определительные местоимения

Группа определительных местоимений (детерминативы) в эвенском языке довольно объемна и очень разнородна по составу, включает формы с разными морфологическими свойствами.

По семантике детерминативы являются идентифицирующими показателями. В собственно дейксисе определительные местоимения указывают на референт, идентифицированный ситуацией, т.е. детерминативы определяют лицо или предмет через признак, свойство, количество, сравнивая его с уже известным. В эвенском языке определительные местоимения можно разделить на несколько семантических групп:

I. Качественные определительные местоимения. Указывают на качественную характеристику предмета, лица или явления. Подразделяются на три подгруппы:

А. Местоимения, образованные при помощи суффиксов *-рочин/-рочир — эррөчин* ‘такой, как этот’, *таррочин* ‘такой же, как тот’, *эррөчир* ‘такие же, как эти’, *таррочир* ‘такие же, как те’ — обладают способностью замещать имена прилагательные. Эти местоимения имеют категории числа и падежа, а также могут принимать притяжательный суффикс 3-го л. ед. ч. *-ни*: *эррөчинни* ‘вот эдакое его свойство’, *эррөччөн* ‘вот такое его (свойство, проявление)’, *эррөчиндун* ‘вот такому (чему-то неопределенному)’.

Объектом их указания являются свойство, качество лица, предмета или действия, например: 1) *Ибдирил бэил хуклэр кадагмаканду тэриннэн, эррөчинни чилэнел, кучуду хуклэр, буюн нөнни тачикан-да этил хуптур, эрэглэ энни-дэ иллотта.* (*Ӈовкал*) ‘Неизвестные люди спят прямо среди скал по разные стороны, такие вот черные, в спальном мешке спят; дикий олень бежит, они от него не отстают и никогда не останавливаются. (Щетки под копытом оленя)’ (ЭФ); 2) *Төллэ нөриди, көөттэкэн: эрэли ями урэкчэр инӈатач дасуттигчин ичуритан. Таррочин орантан хоя бисин* ‘Выйдя наружу, видит: вокруг горы смотрятся, будто покрытые шерстью. Так много оленей у них было’ (Н); 3) *Таррочин мэргэлкэн ӈэнэдми, иттэнэ хояке оралбу* ‘С такими мыслями пока ехал, увидел множество оленей’ (Эд); 4) *Асаткан ойган хо ноду хаӈанритан, ӈи-дэ эч таррочим иттэ* ‘Девушке сшили очень красивую одежду, такую еще никто не видел’ (Н).

Приведенные детерминативы при дейктическом употреблении указывают на близость/дальность референта. Примеры 2–4 иллюстрируют употребление определительного местоимения в анафорической функции (табл. 23).

Детерминативы I группы по морфологическим признакам аналогичны указательным местоимениям, от которых они образованы; имеют форму падежа, числа, принадлежности и субъективной оценки.

Б. Местоимения, образованные посредством суффиксов *-кэн/-кэр* (*мэнкэн* ‘сам’, *мэркэр* ‘сами’) — и местоимение *бэйди* ‘сам’. Приведенные детерминативы имеют лично-выделительное значение, указывая на участие в осуществлении действия производителя. Например: *Нимэгнэдь эмрэкэн,*

Таблица 23

Парадигма склонения определительных местоимений

Падеж	*эррөчин* ‘такой, как этот’	*таррочин* ‘такой же, как тот’	*эррөчир* ‘такие же, как эти’	*таррочир* ‘такие же, как те’
Именительный	*эррөчин*	*таррочин*	*эррөчир*	*таррочир*
Винительный	*эррөчим*	*таррочим*	*эррөчирбу*	*таррочирбу*
Дательный	*эррөчинду*	*таррочинду*	*эррөчирду*	*таррочирду*
Направительный	*эррөчинтаки*	*таррочинтаки*	*эррөчиртэки*	*таррочиртаки*
Местный	*эррөчиндулэ*	*таррочиндула*	*эррөчирдулэ*	*таррочирдулэ*
Продольный	*эррөчиндули*	*таррочиидули*	*эррөчирдули*	*таррочирдули*
Направительно-местный	*эррөчиклэ*	*таррочиклэ*	*эррөчирэклэ*	*таррочиракла*
Направительно-продольный	*эррочикли*	*таррочикли*	*эррөчирэкли*	*таррочиракли*
Отложительный	*эррөчиндук*	*таррочиндук*	*эррөчирдук*	*таррочирдук*
Исходный	*эррөчиннич*	*таррочигич*	*эррөчиргич*	*таррочиргич*
Творительный	*эррөчинь*	*таррочинь*	*эррөчирди*	*таррочирди*
Совместный	*эррөчинюн*	*таррочинюн*	*эррөчириюн*	*таррочирнюн*

чаю колракан, *этэн мэнкэн аликаŋи авра*, *нисус авдик* ‘Если приходит гость и попьет чаю, он не должен мыть чашку, из которой пил — он может смыть твое счастье, твою удачу’; *Ачча оча бисэкэн*, *экич нисадаватта — төннэкич*, *ноŋандун ойган некрэ*, *мэнкэн хөрдикэс* ‘При покойнике нельзя вышивать бисером, грешно, в это время ему готовят одежду, ты сам можешь уйти с ним’; *Гадими*, *дебми*, *мэркэр хөрдис* ‘Если возьмете, если съедите, сами уйдете’ (о запрете поднимать с земли упавшую пищу); *Бэйди гилси*, *бэйду хөкси*. (*Ичик орат*) ‘Сам холодный, а для человека горячий. (Крапива)’ (ЭФ); *Бэйди эч хар*, *он-да*, *ок-та чилкарий* ‘Сама не заметила (*букв.* не знает), как, когда придавила’; *Хөнтэч он-да экич некэн*, *хи бэйди ханри тараву* ‘Другого выхода нет, ты сам про то знаешь’ (Н).

Местоимения *мэнкэн* и *мэркэр* имеют только форму числа. Местоимение *бэйди* может принимать некоторые падежные формы по лично-притяжательному типу склонения (табл. 24).

Как видно из табл. 24, *бэйди* не имеет форм винительного, продольного, направительно-местного, направительно-продольного, исходного, творительного и совместного падежей.

Таблица 24

Склонение определительного местоимения *бэйди* ‘сам, сами’

Число, лицо		Падеж				
		именительный	дательный	направительный	местный	отложительный
ед. ч.	1-е л.	*би бэйди*	*бэйдуву*	*бэйтэкив*	*бэйлэв*	*бэйдукэв*
	2-е л.	*хи бэйди*	*бэйдус*	*бэйтэкис*	*бэйлэн*	*бэйдукэс*
	3-е л.	*ноŋан бэйди*	*бэйдун*	*бэйтэкин*	*бэйлэс*	*бэйдукэн*
мн. ч.	1-е л.	*мут бэйди*	*бэйдут*	*бэйтэкит*	*бэйлэт*	*бэйдукэт*
	2-е л.	*ху бэйди*	*бэйдусэн*	*бэйтэкисэн*	*бэйлэсэн*	*бэйдукэсэн*
	3-е л.	*ноŋартан бэйди*	*бэйдутэн*	*бэйтэкитэн*	*бэйлэтэн*	*бэйдукэтэн*

По нашим наблюдениям, форма определительных местоимений *мэнкэн* ‘сам’, *мэркэр* ‘сами’ в предложениях выступает как определение к подлежащему. Синонимичная ей форма *бэйди* ‘сам’ (лексикализованная безлично-притяжательная форма, образованная от слова *бэй* ‘человек’) не изменяется по числу и употребляется в основном в атрибутивной функции, хотя и занимает постпозитивную позицию.

В. Детерминативные слова *хөнтэ* ‘другой, чужой’, *гя* ‘другой, иной’, *өрэп* ‘тот другой, уже упоминавшийся’, *урэчин* ‘похожий’. Например: *Тарацур хэккэсэч хамкиччал*, / *Гуд төрду одями нокуччал*, / *Хөнтэду эникэн хумдивкэн* ‘Того (своего) дымом освящали, / На высоком месте держать старались, / Чтоб чужому не дать над ним пройти’ (Эд); *Тар гя чукачан гяткий гөнни:* «*Чукачан*, *мө колдаку мөлэли*, *чи-пи!*» ‘Вот одна птичка говорит другой (своей): «Птичка, сходи за водой, чтобы мне попить!»’.

Местоимение *гя* соотносится с именами активного класса, местоимение *хөнтэ*, видимо, нейтрально в отношении тех имен, которые оно способно определять. Данные местоимения имеют грамматические категории числа и падежа, хотя у местоимения *гя* заметна тенденция не сочетаться с именами во множественном числе и не замещать их. Местоимение *өрэп* ‘тот другой, уже упоминавшийся’ в фольклорных текстах обычно употребляется в речи рассказчика, вводящей в повествование реплики персонажей.

Форма *урэчин* ‘похожий’ по своей синтаксической позиции близка к послелогам, однако, в отличие от них, чаще всего встречается в именительном падеже и по грамматическим свойствам близка к местоимениям *кубэч*, *бэкэч*, *чэлэ* ‘весь, все’. Примеры употребления местоимения *урэчин*: *Бэй ибдири учакан эрэглэ мөду бинни*, *дёр бэил бадур учакчи*. *Ноңартан эвсу нёбатил*, *дилики* ***урэчин*** *тэтуттэн*, *нёбати*. (*Хяңан дыллан дёр нёбатил икирил*) ‘Верховой олень неизвестного человека все время в воде находится, два человека ездят на верховом олене. Они все белые, в одежде похожи на горностая, белые. (Две белые косточки в голове налима)’; *Ач гяла ач ңиңтэлэ хякита* ***урэчин*** ‘Человек без друга похож на дерево без корней’ (ЭФ).

В западных диалектах это местоимение имеет вид *урумэк*, *урэмэк: Нёбати качикан бисни*. *Буюм мами*, *бэй* ***урумукун*** *дюлай эмуриди*, *дебботтэн*. (*Дилики*) ‘Белый щенок есть. Дикого оленя убьет, как человек, к себе домой принеся, ест. (Горностай)’. В письменном языке употребляется только форма *урэчин*.

II. Количественные определительные местоимения с семантикой указания на количественную характеристику — величину, определенную меру либо степень свойства. Представлены двумя подгруппами:

А. Местоимения, образующиеся при помощи суффикса *-дин* и имеющие значение указания на количественный признак предмета, степень свойства — на равнозначность по длине, высоте, ширине, объему (причем данные местоимения разграничиваются и по типам указания — имеется в виду близость/удаленность): *эрдин* ‘такой же, как этот’, *тардин* ‘такой же, как тот’. Например: *О*, ***эрдин*** *хоя бэил ядавур чакаптитан гякитаңдук төрдук* ‘О, вот сколько много людей собралось из разных земель’ (Н).

Б. Детерминативные слова *эйду* ‘весь, все’, *чэлэ*, *чэлэн* ‘весь’, *кубэч* ‘целый, весь’, *бэкэч* ‘полностью; весь, целый’, *хан* ‘некоторый; часть’, *хоя* ‘много’, *абал*, *адыкун* ‘мало’. В данном ряду слова *эйду*, *чэлэ*, *кубэч* и *бэкэч* характеризуют полноту охвата какой-либо совокупности или множества лиц, предметов и явлений. Эти местоимения в ольском говоре имеют категории падежа и принадлежности, причем чаще всего употребляются постпозитивно по отношению к имени в притяжательной форме 3-го л. ед. ч.: *кубэчин*, *бэкэчин*, *чэлэн*. Что касается форм множественного числа, то они по крайней мере в речи не употребляются. Местоимение *чэлэ* может использоваться самостоятельно, местоимения *кубэч* и *бэкэч* занимают постпозитивную позицию по отношению к существительному. По предварительным наблюдениям, местоимение *кубэч* имеет значение распределенного множества, *бэкэч* выражает нерасчлененное множество. Местоимение *чэлэ-н* может иметь уменьшительные и увеличительные формы: *чэлэчэмэн*, *чэлэндевэн* ‘их всех’. Учитывая то, что перечисленные местоимения, в отличие от собственно определительных местоимений, связаны с определяемым существительным не атрибутивной, а посессивной связью, данные местоимения можно было бы назвать посессивно-определительными.

Детерминативы *хан*, *хоя*, *абал*, *адыкун* указывают на определенный количественный признак — некоторую часть совокупности или множества предметов, лиц, свойств, качеств и явлений.

Местоимение *хан* ‘некоторые’ с семантикой множественности занимает препозитивную позицию определения (*хан бэил* ‘некоторые люди’, *хан нючил* ‘некоторые русские’), но способно и к самостоятельному употреблению (*хан гөвэттэ* ‘некоторые говорят’). С активностью/инактивностью определяемого и замещаемого существительного местоимение не связано. Падежные формы данного местоимения типа *хадун* ‘иногда’ не образуют парадигмы и являются лексикализованными.

Например: *Ибдирилбу бэилбу бакли. Ноңартан чэлэдюр бөкэсу инноттэ.* (*Остал*) ‘Отгадочных людей найди. Они все лед тащат. (Ногти)’; *Атай аликкон экич гаваттa, бэйтэнду мэнңи чэлэдин биннэн* ‘У бабушки чашку брать нельзя, у каждого должно быть все свое’; *Яв-да кубэччон эмнин хуптур, ач хотана дёнидды биддэн.* (*Хинян*) ‘Ни от кого не отставая, живет, повторяя без ошибок. (Тень)’; *Ибдири дэгичэн аннанаңан өмэн-нюн аткикан, деплэңи инмэчэнди-нюн бакран, инмэчэнди кубэччон имкаттан, исагдук илбэттэн.* (*Куличан*) ‘Неизвестный, летающий в году лишь один месяц, пищу себе своей иголкой находит, своей иголкой во всех целится, из леса прогоняет. (Комар)’; *Биддэ мян бэил. Кубэтлэн ититан гэдэмэклэтэн. Эрэк як?* (*Хогарал осталкар*) ‘Живут десять человек. У всех лица на затылках. Что это? (Пальцы с ногтями)’; *Хялики, эрбэч, некичэн умтаван эмнэс бэкэччон гад — өмэм, дёрбу умтав хуланмай нян эмэнмэй* ‘Собирая яйца куропатки, гуся, утки, нельзя брать все яйца из гнезда — одно или два яйца надо оставлять в гнезде, оставить птице’; *Далсив деплэв төйми, бэилдун бэкэтту тэрэкэлди боричинмай* ‘Угощая чем-нибудь вкусным, надо делить угощение поровну между всеми людьми’; *Өмэн дю долан ач муднач хоял урэчилди ойлаттил гургэмэр нимэкэл биддэ.* (*Этэргэр*) ‘В одном доме

живет множество трудолюбивых соседей, носящих одинаковые одежды. (Муравьи)'; *Ибдири бэй-нен хикутич онялан ӈэлэм*; *хэрэвэттэн*, *тек тугэниду иӈэмуттэн*, *дюганиду илран*, ***эйду*** *хулралкан*, *хэрэдеклий хуклэн.* (*Икри*) 'Неизвестный человек — хороший рисовальщик; вышивает, сейчас зимой замерзает, летом просыпается, у него много одеял, там те вышивает, спит. (Червь-короед)'; *Эгден дю окошко хоя*, *инмэй бисни*, *экич нёр.* (*Адал*) 'Дом большой, окон много, есть куда войти, а выйти некуда. (Сеть)'; *Мөлэ ач дола ивэттэн*, *мөдук хояч ӈөнминди нёвэттэн.* (*Адал*) 'В воду лезет пустой, а из воды выходит с целой семьей. (Сеть)'; *Ибдири бэй өмэн ясалан*, *тар бими*, *эйду тэтукэнни*, *инив-ул бэю.* (*Инмэ*) 'У неизвестного человека один глаз, но хотя и так, он всех одевает, всех живущих людей. (Игла)'; *Ибдири бэй дёр амӈан: гяли амӈали дептэн*, *гяли амӈали кунин.* (*Пэктэрэвун*) 'У неизвестного два рта, одним кушает, другим гудит (Ружье)' (ЭФ).

Детерминативное слово *бэкэч* 'полностью; весь, целый' в ранних грамматических работах не рассматривалось в его морфологических вариантах. В.И. Цинциус не останавливалась на нем подробно (возможно, в восточных говорах оно отсутствует). Только В.Д. Лебедев при описании догдочебогалахского говора отмечал, что данное слово «может принимать падежные и притяжательные суффиксы, а также суффиксы увеличительные и уменьшительные» [1978, с. 79].

Слова *бэкэч*, *бэкэчин* присутствуют в следующих говорах: ольском, аллаиховском, момском, пенжинском, томпонском, арманском, охотском и саккырырском [ССТМЯ, 1975, с. 123].

В языке кобяйских эвенов (как и в догдо-чебогалахском говоре) обнаруживаются некоторые формы падежей данного слова в притяжательном склонении (здесь и далее в качестве иллюстрации приводится поэма Василия Баргачана «Эдек»): *Бэкэчин эр бисин* 'Все это было' (*бэкэчин*, *бэкэччин* — лично-притяжательные формы 3-го л. ед. ч.); *Хи яддай бэкэлэч дэсчинни*, / *Дюли-гу энуттэй некэнни?* 'Почему ты полеживаешь, / Предугадываешь ли свое будущее?' (*бэкэлэч* — творительный падеж простого склонения); *Бэкэчут эрэгэр хупкуттэн*, / *Ай бисив бэкэтвэн одядат* 'Всех всегда учит, / Хорошее всем делать' (*бэкэчут* — винительный падеж лично-притяжательного склонения, 1-е л. мн. ч., *бэкэтвэн* — винительный падеж по типу лично-притяжательного склонения, 3-е л. ед. ч.); *Тачиннюн бисэкэн бэкэччур хэлтэдип икэвур*, *ханявур* 'Так живя, мы будем хранить свой дух' (*бэкэччур* — безлично-притяжательная форма винительного падежа).

Описывая охотский говор, В.Д. Лебедев отмечает: «Определительное местоимение *чэлэ* может иметь падежное и притяжательное оформление» [1982, с. 68]: *чэлэ*, *чэлэвэн*, *чэлэдукэтни*, *чэлэди*, *чэлэдюр.* Данный тезис подтверждается и на материале тенькинского говора: *Тарак чэлэвэн дедану тачин-та тэгэнмэй хэрдэлэн хинрам нян өмнэкэн-тэ дэриснэм* 'Так вот все вещи под сиденьем спрятал <я> и однажды предпринял побег (Шол)'.

Во всех изданных ранее грамматических очерках и исследованиях по диалектам эвенского языка слово *эйду* отмечалось как неизменяемое [Цинциус, 1947, с. 151; Лебедев, 1982, с. 68; Роббек, 1989, с. 127]. По нашим

данным, местоимение *эйду* может изменяться. Так, текст Евангелия от Луки носитель ольского диалекта (гижигинский говор) В.С. Элрика перевела таким образом: *Таракам тэгэмэр Август Рим эйдулин төрэнлин бэю тануm овкандатан итум итурин* ‘В те дни царь Август по всей Римской земле перепись (*досл.* счет людей) сделать повелел’; *Теми эйдучэндюр бисил бэил бэйтэн мэн билэктэкивур тануадяктаки хөрритэн* ‘Поэтому все живущие люди каждый в свой город на перепись пошли’; *Иисус эйдувэн алимрин*, *эйдудун Хэвки Тэгэмэрэддывэн тэлэнрин*, *бутэнрилбу-дэ эйдувэн бэгдэттин*, *айрин* ‘Иисус всех принял, рассказывал всем о Царствии Божьем, больных всех излечил, выручил’ (ЛЕ).

Такое же положение обнаружено и в березовском говоре: *Ноңандулан өмнин хутэн асаткан бисин*, *эйдудукин хөнтэкни нод*, *мэргэч* ‘У него единственный ребенок девочка была, всех других красивее, умнее’; *Нөлтэк оран гөнчэгчинни эйдувэн некрин* ‘Нелтэк сделала все так, как сказал олень’; *Эрэли мэнритникэн*, *няниntаки көетникэн*, *эйдудин эңиди хонрин* ‘Оглядываясь кругом, смотрел на небо и рубил со всех сил’; *Оран хэссэки одянрин*, *нян эйдун бэйди ичулрэн* ‘Олень все снижался, потом весь сам целиком показался’ (Н); *Атикан*, *би унтуңэй одаку*, *хи тимина хисэчин делгэнкэлбу эринэңэнри эйдувутэн матаманадатан* ‘Старуха, я сделаю себе бубен, а ты завтра вечером позови всех, чтобы пришли в гости’; *Эйдун нөмэлчиснэ*, *эсөми уркэв тесчимэттэ*, *этикэн төрэмэн долдаридюр* ‘Все выбежали, протискиваясь в дверь, толкая друг друга, услышав слова старика’; *Буюм маракан*, *бу эйдудюр хоканчиватту* ‘Когда он убивает дикого оленя, мы все радуемся’; *Гору-гору куличан дэггөттин*, *эйдучэмутэн итмэкэчиденрин* ‘Долго-долго летал комар, кусал всех подряд’; «*Бэй хуңэлэн эйдудукун далрадмар*», — *куличан барагран* ‘«Самая сладкая человеческая кровь», — отвечает комар’ (СЭ).

Следовательно, в говорах восточного наречия местоимение *эйду* ‘все, весь’ имеет притяжательное склонение и довольно регулярно принимает формы падежей. Склоняется местоимение *эйду* как существительное, оканчивающееся на гласный звук по типу лично-притяжательного склонения (форма 3-го л. ед. ч.). В речевой практике нами не зафиксировано форм направительно-местного, направительно-продольного и исходного падежей данного местоимения (табл. 25).

Встречаются следующие, не отмеченные в грамматических работах формы: *эйду-чэн-дюр*, которая морфологически и семантически соотносима с безлично-притяжательной (возвратной) формой творительного падежа собирательных числительных *илнидюр*, *наданидюр* и др., обозначающих

Таблица 25

Склонение определительного местоимения *эйду* ‘все, весь’

Падеж	*эйду* ‘все, весь’	Падеж	*эйду* ‘все, весь’
Именительный	*эйдун* ‘все (его)’	Продольный	*эйдулин* ‘по всем (его)’
Винительный	*эйдувэн* ‘всех (его)’	Отложительный	*эйдудукун* ‘от всего (его)’
Дательный	*эйдудун* ‘всем (его)’	Творительный	*эйдудин* ‘всем (его)’
Направительный	*эйдуткин* ‘ко всем (его)’	Совместный	*эйдунюнни* ‘со всеми (его)’
Местный	*эйду-лэ-н* ‘во всех (его)’		

совокупность людей и других предметов, объединенных в одно целое; *эйду-ӈур* — относительно-притяжательная безличная форма множественного числа (ср. *олраӈур* ‘рыба многих’).

Из изложенного следует, что определительное местоимение с количественным значением *эйду* принимает притяжательные формы и при этом имеет полную парадигму падежного склонения по лично-притяжательной форме. Возможно также склонение по возвратно-притяжательной форме и форме относительного притяжания.

Вопрос о том, является ли данное положение функционально лексическим диалектизмом — исключением из стандарта литературного языка — или нормативной морфологической особенностью некоторых говоров, требует уточнения, однако нельзя отрицать и функциональное бытование таких норм.

Некоторые определительные местоимения, употребляющиеся по преимуществу атрибутивно, обладают способностью к согласованию с именами существительными в числе и падеже. Например: *Ибдири бэй биддэн. Оин эйду хутаня. Эмдэн гилтаня, ач хилтала, ач тэпкэлэ. Мөв-тэкэн дептэн. Тарак оӈаталкан. Хиран мөв. Тарав хөнтэл бэил дептэ.* (*Кубэкэ*) ‘Загадочный человек живет. Одежда его вся красная. Внутренности его белые, без кишок, без желудка. Он только воду ест. Нос у него есть. Выдыхает воду. Ее другие люди едят. (Чайник)’; *Ибдири бэй хавкади-да инни, титэл бэю-дэ хавкалдассоттан, хөнтэлбу-дэ инилбу инимэгэн.* (*Хуличан*) ‘Неизвестный человек хитростью своей живет, издавна человека обманывает, любитель смеяться над другими персонажами. (Лиса)’ (ЭФ).

Итак, определительные местоимения имеют форму падежа, числа и принадлежности. По синтаксическим функциям определительные местоимения в предложениях выполняют роль подлежащего, сказуемого, определения и дополнения: *Хан хурэлнюми эмрэ* ‘Некоторые пришли со своими детьми’ (подлежащее); *Ноӈартан орантан хо абал* ‘У них оленей очень мало’ (сказуемое); *Эррөчинду инэӈду тэвлидэй ай* ‘В такой день хорошо собирать ягоды’ (определение); *Хупкучимӈэт мутту хояв космос дюгулин тэлэӈӈоттин* ‘Наш учитель нам много рассказывал о космосе’ (дополнение).

Возвратное местоимение

Возвратное местоимение ***мэни/мэрбур*** ‘самого себя/самих себя’ в эвенском языке употребляется для усиления или подчеркивания указания на определенное лицо (говорящее, слушающее), участников речи или обозначаемую ситуацию: *Ӈигли-дэ эсэм укчэнрэ, **мэнтэкий** өмэккэн энтукун төрэрэм* ‘Ни с кем не разговариваю, сама с собою одна потихоньку разговариваю’ (Н); *Би хоӈноттам, экму Агапча хөррэкэн, мину-си эсэкэн **мэннюми** хэлбэттэ* ‘Я плакала, когда сестра Агапча уходила и меня с собой не брала’ (Ам); *Дэсчиникэн энмэй дептэ — **мэни** нунуччинри* ‘Нельзя лежа есть — сам себя проклянешь (навлечешь на себя проклятие)’; *Асатканду экич дарамач тэгэттэ, яв-ул некми, яв-ул тэлэӈми ай, төртэки **мэни** на-*

бгими ‘Девочке нельзя сидеть просто так без дела, надо что-то делать или рассказывать, «прикреплять себя к земле»’; ***Мэндукий*** *экэн*, *акан бэилтэки эмнэс нэимэттэ* ‘Нельзя ругать, бранить людей, которые годятся тебе в старшие братья или сестры’; *Мэн ханий гягай гасчими*, *мэн ханиткий* ***мерэндэй*** *некми — эрэк ядук-та*, *ядук-та хо төннэкич*, *нюмар* ‘Нельзя просить себе в жены родственницу, нельзя выходить замуж за родственника — это самый большой грех, позор’; *Адыв-да инэну нэннэн елтэнэкэн ачча очав эсэкэтэн нэд*, *тар дывэн дялби* ***мэннюми*** *гадин* ‘Сколько дней после положенного дня умершего не похоронили, столько человек из родных и близких он возьмет с собой’ (ЭФ); *Би мэнди*, *асиву*, *хурэлбу*, *чэлэн дялбу оралкан бими бэйгичин* ***мэнур*** *дёмкатчир* ‘Я сам, моя жена, дети, вся родня будем чувствовать себя людьми, покуда есть у нас олени’ (Тор).

Иногда в текстах встречаются формы множественного числа типа *мэн-мэнур* ‘себя’, характерные для западных диалектов [Дуткин, 1995, с. 7–38], где форма возвратного местоимения множественного числа имеет вид *мэнур*. Морфологически здесь значение множественного числа выражено лишь формой числа посессивного показателя, в то время как форма *мэрбур* содержит именной показатель числа *-р*, присоединенный к основе возвратного местоимения, оканчивающейся на *-н*.

Например: *Дөӈэду хөлнэмэттэ*, *мэн мэнур төрутмэттэ*, *яв буюсми боритматта* ‘В тайге навещали, поддерживали друг друга, делились добычей <они>’; *Ноӈартан дөридюр моил*, *мэн-мэнур куӈараптукур хаматта* ‘Они оба сверстники, знают друг друга с детства’ (Тор).

Возвратное местоимение *мэни/мэрбур* ‘самого себя/самих себя’ имеет морфологические категории числа и падежа (табл. 26).

По говорам у возвратного местоимения есть следующие отличия. В диалектах среднего и западного наречий вместо фиксируемого в восточном наречии местоимения *мэрбур* употребляется форма *мэнур*, например в тенькинском говоре: *Куӈалбу аич мэнур дяваттитан* ‘Дети хорошо держались (*досл.* себя держали)’ (Тен.).

Таблица 26

Парадигма склонения возвратного местоимения *мэни/мэрбур* ‘самого себя/самих себя’

Падеж	Единственное число	Множественное число
Именительный	—	—
Винительный	*мэни*	*мэрбур*
Дательный	*мэнды*	*мэрдур*
Направительный	*мэнтэкий*	*мэртэкивур*
Местный	*мэндулэй*	*мэрдулэвур*
Продольный	*мэндулий*	*мэрдуливур*
Направительно-местный	*мэнэклэй*	*мэрэклэвур*
Направительно-продольный	*мэнэклий*	*мэрэкливур*
Отложительный	*мэндукий*	*мэрдукур*
Исходный	*мэнгидий*	*мэргидюр*
Творительный	*мэндий*	*мэрдюр*
Совместный	*мэннюми*	*мэрнимюр*

Возвратное местоимение в речи часто принимает суффиксы субъективной оценки и включает частицы, например: *Мэникикэн аич хариди, тачин төрэгрэли* ‘Себя хорошо зная, так говори’ (Бер.); *Ноӈартан чэлэр мэрдюр-тэкэн манруттитан. Делгэнкэв мадинри, мэнкэн дялутти бидинри, куналби-да улитчинри — тачин ӈэлэм итка нулгэрил бинитэн гөнни* ‘Они все на самих себя только надеются. Убьешь зверя, сам сытый будешь, детей накормишь — так говорит суровый закон кочевой жизни’ (Ам).

В синтаксическом отношении данные местоимения выступают прежде всего в позиции дополнений, выделяя и подчеркивая лицо — участника ситуации речи или лицо — участника обозначаемой ситуации.

Вопросительные местоимения

В описаниях эвенского языка вопросительные местоимения представлены значительным количеством форм, различающихся по значению и синтаксическим свойствам. Эвенские вопросительные местоимения по своей семантике неоднородны, служат указателями предметов, лиц, качеств и явлений не в прямом варианте, а в вопросительном дейксисе. К ним относятся слова *ады?* ‘сколько?’, *иррөчин?* ‘какой (по цвету)?’, *асун?* ‘какой (по величине)?’, *авуг?* ‘который из них?’ и др. Наиболее употребительны местоимения ***як?*** ‘что?’ и ***ӈи?*** ‘кто?’. Как и личные местоимения, вопросительные местоимения *ӈи?* ‘кто?’ и *як?* ‘что?’ отражают противопоставление активных/инактивных имен «человек — нечеловек»: вопросительное местоимение *ӈи* употребляется только по отношению к людям, местоимение *як* — только по отношению к предметам и животным. Такие же формы приняты для письменного языка и последовательно в нем выдерживаются.

Например: *Долбани нёлтэнни — эрэк* ***як?*** (*Бяг*) ‘Солнце ночи — это что? (Луна)’; *Ибдири бэйлэ дёр дылан, дёр ӈалални, нюӈэн бөдэлэлни, өмэн хогдин. Эрэк* ***ӈи?*** (*Бадумӈа*) ‘У неизвестного две головы, две руки, шесть ног и один хвост. Что это? (Всадник)’; ***Як*** *кубэчтукун хинма?* (*Мэргэн*) ‘Что всех быстрее? (Мысль)’; *Мө-дэ бисиклэй мөлэ эти гөбэр* ***як*** *бисни?* (*Бөкэс*) ‘Водой будучи, в воде не тонущее — что это? (Лед)’; ***Як*** *тугэниду чөптэрэ дюду хуклэвэттэн, нэлкэ дагамаддакан мяллоттан?* (*Накат*) ‘Кто всю зиму спит дома, с приближением весны просыпается? (Медведь)’; ***Як*** *инэньси тугэниду исагли дебэмси, хирри гиркаваттан?* (*Нёӈчак*) ‘Кто зимой холодной ходит злой, голодный? (Волк)’; ***Як*** *орандула балдаваттан?* (*Иргат*) ‘Кто на олене рождается? (Овод)’ (ЭФ).

Один корень с местоимением *як* имеет целая группа местоимений: *ями?* ‘почему?’, *ялдывун?* ‘для какого действия?’, *ямӈа?* ‘чем занимающийся?’, *ядяк?* ‘что за место?’ и др. Например: *Кабяв ями дёлкакарбу нимӈэвэттэн? Тарич нямалчиваттан* ‘Куропатка почему камешки глотает? Она так греется’; «*Эрэк ялдывун?*» — *дёмкаттан, танни* ‘«Это для чего такое?» — подумал, потянул’.

Местоимение *ады?* ‘сколько?’ употребляется только при количественной характеристике лиц, предметов и процессов.

Традиционно как вопросительные местоимения рассматриваются определенные наречия и образованные от них вопросительные слова, например: *Ирэк ӈин хогдий ирроттан?* (*Хуличан*) ‘Какая собака свой хвост волочит? (Лиса)’; *Ок бэил өмэнь төрэньдюр укчэнмэччоттэ?* (*Хулидур хоӈадми*) ‘Когда все люди одним языком говорят? (В детстве, когда плачут)’ (ЭФ).

Морфологические признаки вопросительных местоимений исчерпываются категорией числа и падежа. Исключение составляет местоимение *як*, которое может принимать формы прямого и относительного притяжания, изменяется по падежам и по типу притяжательного склонения имен (табл. 27).

Вопросительные местоимения в предложениях выполняют в основном роль подлежащих (например: *Як тала дэсчин?* ‘Что там лежит?’) и дополнений (*Яв гэлнэнри?* ‘Что ты хочешь?’).

В ольском говоре эвенского языка в устной речи чаще встречаются формы *як-ав?*, *як-авуг?* ‘какой, который?’. Другие вопросительные местоимения, соотносимые с прилагательными (*ирэк?* ‘который (по порядку, степени отдаленности)?’, *асун?* ‘какой по свойствам, величине?’), почти не употребляются. Примеры их фиксации в письменном языке не выявляются. Отмечено сложное местоимение *ир дын?* ‘какого размера?’: форма *ир* более нигде самостоятельно не употребляется.

Вопросительное местоимение *ады?* ‘сколько?’ может принимать показатели падежей: *адыду?* ‘скольким?’, *адыла?* ‘у скольких?’, *адыдук?* ‘из скольких?’, но чаще падежные формы этого местоимения отмечаются в независимом употреблении, нежели в присубстантивном.

В эвенском языке выделяются вопросительные местоимения, соотносимые с наречиями: *ями?* ‘почему?’, *яду?* ‘зачем, для чего?’, *он?* ‘как?’, *ок?* ‘когда?’, *аваски?* ‘куда?’, *авгидатки?* ‘в какую сторону?’.

Таблица 27

Парадигма склонения местоимения *як?* ‘что?’

Падеж	*яв?* ‘что мое?’	*яс?* ‘что твое?’	*ян?* ‘что его?’	*ят?* ‘что наше?’	*ят?* ‘что наше?’	*ясан?* ‘что ваше?’	*ятан?* ‘что их?’
Именительный	*яв*	*яс*	*ян*	*ят*	*ят*	*ясан*	*ятан*
Винительный	*яв*	*явус*	*яван*	*явут*	*явут*	*явусан*	*явутан*
Дательный	*ядув*	*ядус*	*ядун*	*ядут*	*ядут*	*ядусан*	*ядутан*
Направительный	*яткив*	*яткис*	*яткин*	*яткит*	*яткит*	*яткисан*	*яткитан*
Местный	*ялав*	*ялас*	*ялан*	*ялат*	*ялат*	*яласан*	*ялатан*
Продольный	*ялив*	*ялис*	*ялин*	*ялит*	*ялит*	*ялисан*	*ялитан*
Направительно-местный	*яклав*	*яклас*	*яклан*	*яклавун*	*яклат*	*якласан*	*яклатан*
Направительно-продольный	*яклив*	*яклис*	*яклин*	*якливун*	*яклит*	*яклисан*	*яклитан*
Отложительный	*ядукув*	*ядукус*	*ядукун*	*ядукун*	*ядукут*	*ядукусан*	*ядукутан*
Исходный	*ягидив*	*ягидис*	*ягидин*	*ягидивун*	*ягидит*	*ягидисан*	*ягидитан*
Творительный	*ядив*	*ядис*	*ядин*	*ядивун*	*ядит*	*ядисан*	*ядитан*
Совместный	*янюми*	*янюнси*	*янюнни*	*янюмун*	*янюнти*	*янюнсан*	*янюнтан*

Неопределенные местоимения

Систематизирующей доминантой неопределенных местоимений является состав частиц, а не набор исходных местоимений. Частицы оказываются и тем фактором, который определяет использование неопределенных местоимений.

Семантика данных местоимений заключается в указании на неопределенность, неизвестность лица, предмета, качества, количества, времени и других обстоятельств. Образуются такие местоимения, как принято считать, при присоединении к вопросительным местоимениям различных суффиксов. Неопределенные местоимения можно подразделить на следующие группы по суффиксам, которые они присоединяют:

1. Сочетания вопросительных местоимений и частиц *-да/-дэ*, *-та/-тэ*, *-ут-та/-ут-тэ*: *Ядук-та, ядук-та хочин хинма.* (*Бэй мэргэнни*) ‘Всех, всех быстрее, самый быстрый. (Мысль человека)’; *Хэрэн ок-та эти ун иманралкан набас бисни. Эрэк як?* (*Өлики*) ‘У него низ никогда не оттаивает, всегда в густом снегу. Это кто? (Белка)’; *Адиван-да эчэ таңапта хигри бисни-гу?* (*Нюрит*) ‘Стружки тальника столько <много>, что и не сосчитать, есть ли? (Волосы)’; *Өмэккэтэл бими хол хомңэл, ады-да оми эгден эңи орил.* (*Хаирал*) ‘Поодиночке очень слабые, собравшись по несколько <вместе>, очень сильные становятся. (Пальцы)’; *Дёр биникэн есчимэттэ, ңи-дэ еңэ туркун.* (*Мэрэнтэ*) ‘Живя вдвоем, соревнуются, ни один обогнать не может. (Лыжи)’ (ЭФ).

2. Неопределенные местоимения с частицами *-ул*, *-вул*: *Хэлургун амңай аңан, бэю дебэснэн, ады-вул бэй бидэн.* (*Утэн*) ‘Людоед рот раскрыл, человека съел, сколько бы людей ни было, съест. (Дом)’; *Ибдирил бэил туннан, өмэн-тэкэн авалкан, инив чөптэрэ, як-ул, хялта-вул бидэн.* (*Ңал, унипан*) ‘Неизвестных людей пятеро, только у одного шапка, так всю жизнь, что бы ни было, даже если мороз. (Пальцы и наперсток)’; *Ибдири бэй эйду инив-нюн бэю улиттэн, магдилив-ул, яв-ул биситэн.* (*Төрэңэт, төр*) ‘Неизвестный человек всех живых людей кормит, и червей, и насекомых, кто бы ни был. (Наша земля, земля)’ (ЭФ).

Примечательно образование неопределенного местоимения от притяжательного *минңи* ‘мой, принадлежащий мне’: *Минңиливур төрэндулив хар* ‘Может, по моим словам знают’.

Неопределенные местоимения приобретают значение отрицательных в предложениях с отрицательным сказуемым, например: *Хуланя хуличан дюдукий эңэлиддэн, нян ок-та эсни тадук невэттэ. Эрэк як?* (*Енңэ*) ‘Красная лисица из своей норы выглядывает, но никогда из нее не выходит. Что это? (Язык)’; *Ибдири бэй дебми ок-та эсни дялуватта.* (*Тог*) ‘Загадочный человек, кушая, никогда не насыщается. (Огонь)’ (ЭФ).

Неопределенные местоимения склоняются аналогично вопросительным, присоединяемые к ним частицы остаются неизменными.

Эвенские дейктические слова подразделяются на семь семантико-деривационных разрядов, каждый из которых имеет свой лексический состав, морфологические и синтаксические свойства: личные (персона-

лии), притяжательные (посессивы), указательные (демонстративы), определительные (детерминативы), вопросительные, неопределенные, возвратное местоимение.

Основная и главная функциональная характеристика эвенских местоимений — их способность быть словами-указателями. В собственно дейктической функции они соотносятся с именами собственными, называя конкретно лицо-субъект или лицо-объект. Не менее важна роль местоимений как слов-субститутов, позволяющая им замещать в сжатом виде отдельные отрывки в связном тексте либо фрагменте речи.

Присутствие в высказывании местоимений говорит о том, что между говорящим и слушающим к моменту речи уже установлены связи, предусматривающие сумму общего запаса сведений. В этом случае местоимения выступают связующими элементами речи и неразрывно связаны в структурном и семантическом плане с контекстом.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Разряды числительных

Имя числительное — именная часть речи, выражающая существующую счетную систему, единицы этой системы, имеющие общую парадигматику по разрядам. В эвенском языке на основании семантического и морфологического признака выделяются следующие разряды числительных: количественные, порядковые, ограничительные, собирательные, распределительные, повторительные, множительные, приблизительные и дробные.

Имя числительное в эвенском языке имеет морфологические категории падежа, числа, притяжания, иногда субъективной оценки и отличается своим лексическим значением.

Основные единицы эвенской счетной системы представлены следующими единицами счета: *өмэн* ‘один’, *дёр* ‘два’, *илан* ‘три’, *дыгэн* ‘четыре’, *тунӈан* ‘пять’, *нюӈэн* ‘шесть’, *надан* ‘семь’, *дяпкан* ‘восемь’, *уюн* ‘девять’, *мян* ‘десять’, *няма* ‘сто’.

Количественные числительные

Количественные числительные могут обозначать не только количественный признак предмета, но и отвлеченное число. Данный разряд числительных составляют все вышеперечисленные единицы низшего разряда, названия десятков, сотен, тысяч, все сложные, составные числительные эвенского языка. Система простых числительных едина для всех эвенских диалектов.

Класс единиц

Числительное ***өмэн*** ‘один’ в эвенском языке в основном употребляется при указании точного количества предметов. В современном эвенском

языке количественные числительные могут обозначать не только количественный признак предмета, но и количество вообще в виде отвлеченного счета или числа. Например: *Тунӈандук өмэм хадалгими*, *ады один?* ‘Если от пяти отнять один, сколько станет?’; *Өмэндулэ надам хавми*, *дяпкан один* ‘К семи прибавить один, станет восемь’. В эвенской речи *өмэн*, употребляясь в качестве указателя количества некоторых предметов и явлений, может согласовываться в падеже с определяемым словом.

Числительное *өмэн* заслуживает внимания и с точки зрения лексики, производной от него. В «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» зафиксировано около 40 таких слов. Например: *Бави инэӈи одаканнюн куӈакар өмэтту чакуридюр тэвтэв тэвлэгрэрит* ‘С установлением ясного дня, дети, вместе собравшись, шли по ягоды’; *Бэйкэе буюн гадан өм өмнкэе дебэхэньчэ* ‘Человечище съел половину дикого оленя сразу’; *Далилан ӈэнридюр*, *хан эмэптэ*, *Хидмучан-такан өмэккэн миркэннэн* ‘Когда подошли поближе, часть осталась, Хидмучан только один пополз’.

Числительное ***дӧр*** ‘два’ обозначает количество предметов и отвлеченное число. В литературном языке данное количественное числительное согласуется с определяемым существительным в падеже в форме единственного числа. Иногда такая форма согласования возможна и в говорах, но не всегда. Например: *Аман городла чакабакла хөллөттин*, *тала дёрбу инэӈу чакабуттитан* ‘Отец уехал в город на собрание, там два дня заседают’ (лит.); *Урэкчэндулэ дёр оран оӈкадда* ‘На горе пасутся два оленя’ (Алл.).

Числительное ***илан*** ‘три’ обозначает определенное количество считаемых объектов и субъектов, а также идею счета, т.е. абстрактное число. Согласование в падеже числительного *илан* и определяемого существительного так же двояко, как и в других случаях. Например: *Бу эду илам долбанилкам инэӈу бисивун* ‘Мы здесь находились трое суток’; *Илан куӈалду качикарбу бөн* ‘Трем ребятам щенков дал’ (Бер.); *Ноӈан илан гиркаддыв накату онярин* ‘Он нарисовал трех идущих медведей’; *Кяга минтэки илан орарбу анирин* ‘Дедушка мне трех оленей подарил’ (Алл.). В эвенском литературном (письменном) языке количественное числительное *илан* и определяемое существительное согласуются в падеже, однако в устной речи или в фольклоре встречаются случаи несогласования. В примерах из березовского и аллаиховского говоров определяемые существительные стоят в дательном и винительном падежах, числительное — в именительном.

В речи числительное ***дыгэн*** ‘четыре’, как и другие рассмотренные выше счетные слова, может согласовываться и не согласовываться в падеже с определяемым словом. Рассмотрим это на примере охотского диалекта: 1) *Өмэн бэй нёридий дыгэм хунадю эмурэн*, *хоч-та хоч нодач тэтуриди* ‘Вышел один человек и привел четырех девушек, очень красиво одетых’; 2) *Дыгэн бэю нимэкэлдук эмуллэ* ‘Приведите от соседей четырех человек’. В примере (1) числительное и определяемое слово стоят в винительном падеже: *дигэм хунадю.* Пример (2) иллюстрирует случай, когда числительное не согласуется с определяемым словом в падеже: *дыгэн бэю.* В обоих

примерах определяемое существительное и числительное не согласуются в числе. Множественность предметов речи определяется только семантикой числительных, здесь отсутствуют суффиксы — показатели множественности.

Числительное ***тунӈан*** ‘пять’ может обозначать отвлеченное число и дать количественную характеристику каких-либо предметов, вещей, лиц или определенных мер: *Эсипэч хунадюр кэчукэн кокам тунӈан анӈанилкам иврэ* ‘Ввели маленькую девочку пяти лет’; *Тунӈан инэӈу гилракалтакивур эстэн хэллэттэ* ‘Пять дней не ходили к своим оленям’. Числительное *тунӈан*, как и предыдущие числительные, в литературном варианте языка согласовывается с определяемым словом.

Количественные числительные ***нюӈэн*** ‘шесть’, ***надан*** ‘семь’, ***дяпкан*** ‘восемь’, ***уюн*** ‘девять’, ***мян*** ‘десять’ обозначают определенное количество считаемых объектов и субъектов, а также идею счета, т.е. абстрактное число.

Примеры употребления количественных числительных первого десятка: *Өмэн бэй окат букчандулан ясали килтэӈчиникэн хуклэн.* (*Мунрукан*) ‘Один человек на речном острове, глаза свои раскрыв, спит. (Заяц)’; *Өмэн мугдэкэн ӈяйдалан ок-та эсни ялраргарар. Тавур як бидин? Тавур бидин дюлки* ‘Под одним пнем что-то никогда не чернеющее. Что это? Это белочка’ (ЭФ); *Ичэсэндилэтни тар бэй өмэнь нюрач дёр буюрбу нян-да маран* ‘Когда они смотрели, тот человек прострелил одной стрелой двух диких оленей’; *Өмэндук илумдук ади-да бэй нён* ‘Из одной юрты несколько человек вышло’; *Атикан өмэн тэрмив тэргэсэч хаӈандин* ‘Старуха одну зимнюю сумку из ровдуги сшила’; *Уркэтэн тулдэлэн тэринэндулэн дёр бэй яв-гал тикконтан исэн*, *тачимар нэкридюр дёр бэил ирэ дюла* ‘Слышно было, как за дверью двое что-то бросили по обе стороны юрты, затем в юрту вошли два человека’; *Дёрдулэ өмэм хавми*, *илан один* ‘К двум прибавить один, станет три’; *Эрэв инэӈу Пача нян-да «дёрбу» гача* ‘Сегодня Паша опять «двойку» получил’; *Тарак дю тулдэлэн илан бэил киӈналчавар кукэйдэ* ‘Возле той юрты три человека лыжи себе строгают’; *Хулинну таръяла нэннэкэн*, *көерэн*, *дыгэн дюптич дэтлэлкэн*, *дёр дюптич дилалкан*, *дыгэн дюптич хогаралкан*, *хэл хирбаннач иннаталкан угсэки бисни* ‘Когда Хулину, придя, огляделся, то увидел орла с четырьмя двойными крылами, с двумя двойными головами, с четырьмя двойными когтями, с перьями из кованых железных пластин’; *Нюӈэн долбани бисиди*, *окату агалдади*, *оралтаки ӈэндэн* ‘Через шесть ночей, обойдя реку, пошел к оленям’; *Де*, *уркэтэн аӈаптадукун нюӈэн аси нёрэн* ‘Как только двери открылись, вышли шесть женщин’; *Эрэк надан бэил эдук көечиддэкэн Дэлгэнив иттэвэр мэннэснэ* ‘Те семь человек стали смотреть в сторону Делгэни’; *Мут билэклэт эвэсэл хо хоял бисэп*, *нөсэгчэр эвдэтэн совхоз надан стадалдун ховнур* ‘В нашем селе эвенов <нас> много, молодые работают в семи стадах совхоза’; *Бу намтаки ай инэӈ биӈсин*, *надань туркич хөрривун* ‘Мы пошли к морю, когда была хорошая погода, на семи нартах’; *Надан асал чэлэдюр укчэнникэсэл*, *дарань бадуватта* ‘Все семь женщин, разговаривая, рядом верхом ехали’; *Надандук илам аталракас*, *дыгэн эмэбдин* ‘От семи отнять

три, остается четыре'; *Өмнэкэн Мэнэндэ*, *бэиӈилби чакриди*, *дяпкань момич няски намтаки буюритэн бөкэслэ нам дэлгэнкэн хуклэрив* 'Однажды Мэнэндя, собрав своих людей, на восьми лодках отправился к морю охотиться на спящих на льду морских животных <нерп>'; *Алакиэ-э*, *амаӈа дяпкам уямкам ман-а*, *диллон дилтадип-э!* 'Ой, как хорошо, отец убил восемь горных баранов, голову барана будем есть!'; *Өрэлэр биддитэн*, *уюн оралкар биситэн* 'Жили кочевники, у них было девять оленей'; *Навдакав малда*, *уюн эвэтлэвэн*, *улэддидюр*, *эмуӈэснэн* 'Убейте лося, девять его ребер, сварив, принесите'; *Мян долбани одни*, *мян долбанив ачча* 'Десять ночей прошло, десять ночей его не было'; *Хи мину мян инэӈ елтэнчэлэн алатӈанри* 'Ты меня жди только спустя десять дней'.

Числа второго десятка

Числительные второго десятка образуются сочетанием числа *мян* 'десять' с числами первого десятка. В эвенском языке имеется несколько способов образования данных числительных, по-разному представленных в диалектах:

1. Числительное *мян* 'десять' + числа первого десятка: *мян өмэн* 'одиннадцать', *мян дёр* 'двенадцать', *мян илан* 'тринадцать', *мян дыгэн* 'четырнадцать' и т.д. В данном случае при образовании составных числительных происходит простое сочетание двух числительных. Этот способ принят в качестве способа образования числительных второго десятка в эвенском литературном языке.

2. В восточных говорах числительные второго десятка образуются следующим образом: *мян өмэнь хулэк* 'одиннадцать' (*букв.* десять с одним лишним), *дёрди хулэк*, *мян дёрди хулэк* 'двенадцать' (*букв.* десять с двумя лишними), *иланъ хулэк* или *мян иланъ хулэк* 'тринадцать', *дыгэнь хулэк* или *мян дыгэнь хулэк* 'четырнадцать', *тунӈань хулэк* или *мян тунӈань хулэк* 'пятнадцать', *нюӈэнь хулэк* или *мян нюӈэнь хулэк* 'шестнадцать', *надань хулэк* или *мян надань хулэк* 'семнадцать', *дяпкань хулэк* или *мян дяпкань хулэк* 'восемнадцать', *уюнь хулэк* или *мян уюнь хулэк* 'девятнадцать'. Данный способ образования числительных второго десятка характеризуется тем, что название единицы стоит в творительном падеже. Употребление числительного *мян* 'десять' в таких сочетаниях является факультативным, поэтому оно может отсутствовать, особенно в устной речи. В ряде говоров, в частности в языке эвенов пос. Меренга Омсукчанского района Магаданской области, числительные от 11 до 19 имеют иной порядок компонентов с постпозитивным расположением числительного «десять»: *өмэнь хулэк мян* 'одиннадцать', *дёрди хулэк мян* 'двенадцать' и т.д. Однако наиболее важно то, что в ольском говоре представлено не менее трех способов образования составных числительных второго десятка. В обиходной разговорной речи встречаются трехкомпонентные конструкции типа *мян дыгэнь хулэк* 'четырнадцать'.

В быстринском говоре камчатского диалекта отмечают функционирование следующих числительных: *өмын илук* 'одиннадцать', *дёрди илук* 'двенадцать', *илун илук* 'тринадцать', *дыэн илук* 'четырнадцать', *туӈэн илук*

‘пятнадцать’, *нюңэн илук* ‘шестнадцать’, *надын илук* ‘семнадцать’, *дяпкун илук* ‘восемнадцать’, *уюн илук* ‘девятнадцать’. Следует иметь в виду, что для камчатского диалекта характерна одна особенность — отпадение начального [х]: *отаран* ‘дорога’, *улра* ‘одеяло’, вместо *хотаран* и *хулра* соответственно. Эта черта диалектов Камчатки и отделяет их от других диалектов восточного наречия. Вероятно, *илук* — это общеэвенское слово *хулэк* ‘лишний’, где отпал начальный [х].

3. Конструкция «*мян* ‘десять’ + числа первого десятка» дополняется словом *хулэк* ‘лишний’ и строится следующим образом: *мян хулэкин өмэн* ‘одиннадцать’ (*досл.* десять, его остаток один), *мян хулэкин дёр* ‘двенадцать’ (*досл.* десять, его остаток два), *мян хулэкин илан* ‘тринадцать’ (*досл.* десять, его остаток три) и т.д. Такой способ образования числительных второго десятка характерен для диалектов эвенов бассейна Индигирки.

4. Образование чисел при помощи особой конструкции, включающей наречие *ойдун* ‘сверху’: *мян ойдун өмэн* ‘одиннадцать’ (*досл.* десять, сверху один), *мян ойдун дёр* ‘двенадцать’ (*досл.* десять, сверху два), *мян ойдун илан* ‘тринадцать’ (*досл.* десять, сверху три) и т.д. Данный способ характерен для говоров западного наречия, например: *Утэрэптукун Андрюшкала миан ойдун умэн стада биһин* ‘Издавна в Андрюшкино одиннадцать стад было’ (Н.-К.).

5. В охотском говоре слово *дян* может употребляться в значении ‘десять’. При образовании чисел от 11 до 19 конструкция включает слово *дян* в отложительном падеже: *дяндук өмэн* ‘одиннадцать’ (*досл.* от десяти один), *дяндук дёр* ‘двенадцать’ (*досл.* от десяти два), *дяндук илан* ‘тринадцать’ (*досл.* от десяти три) и т.д.

Для письменного языка принята модель образования составных числительных «десяток + единицы», хотя в региональном варианте письменной формы восточных эвенских говоров встречаются числительные с послелогом *хулэк*.

Например: *Дюду мян туңнань хулэк бэй чакатан* ‘В жилище собралось пятнадцать (*досл.* десять с пятью лишними) человек’; *Есчимэчэклэ мян надан икэмнэл есчимэттитэн* ‘На конкурсе семнадцать певцов соревновались’; *Мяндук дюкчадук хулэку ңэндэ* ‘Прошли более десяти остовов чума’; *Мян дяпкан мурань эмчэл* ‘Приехали на восемнадцати лошадях’; *Чакабакла мян хулэкун уюн-тэкэн бэй эмчэ* ‘На собрание пришли только девятнадцать человек’; *Мян ойдун дёрбу орам илбичэл* ‘Пригнали двенадцать оленей’; *Өмэнь хулэк ясалални*. (*Колака*) ‘Девушка без плеч, без рук, у нее одиннадцать глаз. (Шумовка)’ (ЭФ).

Круглые десятки

Названия десятков, образующиеся по модели — «обозначение количества десятков + числительное “десять” в форме множественного числа», едины для всех эвенских диалектов.

Названия круглых десятков от 20 до 90 включительно по своему составу являются сложными. Они состоят из двух слов: первым следует название числа первого десятка (одна из основных единиц счета), вто-

рым — числительное *мян* ‘десять’ во множественном числе (*мяр*): *дёрмер* ‘двадцать’, *иланмяр* ‘тридцать’, *дыгэнмяр* ‘сорок’, *тунӈанмяр* ‘пятьдесят’, *нюӈэнмяр* ‘шестьдесят’, *наданмяр* ‘семьдесят’, *дяпканмяр* ‘восемьдесят’, *уюнмяр* ‘девяносто’.

Например: *Мян бэй тунӈармачакань кусиддэ* ‘Десять человек, разделившись по пять, вступили в сражение’; *Нюӈэнмяр орорбу хэпкэли!* ‘Шестьдесят оленей поймай!’; *Таридюр иланмяр долбани очалан*, *хунӈэ эмнэн*, *хо курэ* ‘Затем тридцать ночей прошло, подул сильный ветер’; *Хоя бэй далбаканду уринчэл*, *эркэр уриӈчир иланмяр дю*, *иланмяр өмэнь хулэк* ‘Невдалеке немного людей остановилось: здесь было тридцать юрт и еще одна юрта’; *Эрэк дёрмяр бэй дютни*, *эрэк дёрмяр дю мован өмэккэн моливаттам*, *эрэк дёрмяр дю дебдэн би өмэккэм маваттам* ‘У этих людей двадцать юрт, я для всех двадцати юрт дрова один заготавливаю, <для> этих двадцати юрт пищу я один добываю’.

Образование составных числительных от 21 до 99 в ольском говоре представлено одной моделью — «название десятков + название единиц»: *дёрмяр өмэн* ‘двадцать один’, *иланмяр дыгэн* ‘тридцать четыре’, *тунӈанмяр уюн* ‘пятьдесят девять’ и т.п. Такой способ образования составных числительных выше второго десятка является универсальным для всех диалектов эвенского языка. Только в говоре эвенов пос. Кепервеем Билибинского района, владеющих чукотским языком, отмечены составные числительные типа *нюӈэнмер илан хулэк* ‘шестьдесят три’, очевидно, калькирующие аналогичные чукотские числительные с послелогом *парол*. Аналогичная форма встретилась в записях Г. Майделя: *Тир өсил эвэсэл өриӈчиритэн*, *дёр мяр тунӈан хулэк биситэн дю*, *чукчал нюрмадитни*, *дыгэн няма бидэтэн*, *надытап* (= *надытан*), *эвэсэл*, *тачин нюрмадакатни*, (*нюрмадилбу*) *дёр хуркэр иттэ*, *тарбач бэилтэн чакмачилда*, *тарбач дюдукур горкандула хорридюр дыкнэ*; *чукчал нюрмаридюр дюлатан исчидюр*, *эвэсэл хэкэркинидюр чукчалбу эрэли одыдюр кусикэчилдэ*, *нэмкумэчилдэ*, *таду чукчалбу эйду мар. Муднан* ‘Раньше когда-то давно эвены остановились стойбищем, двадцать пять и больше юрт было, чукчи подкрались, их вроде бы было четыре сотни, напали, эвены, когда они подкрадывались, <подкрадывающихся> двое юношей увидели, после этого их люди собрались вместе, потом в отдалении от своих юрт, отойдя, укрылись; чукчи, подкравшись, попытались войти в их юрты, эвены, выскочив, окружив чукчей, стали с ними биться, стрелять друг в друга из луков, там чукчей всех убили’ (цит. по [Schiefner, 1874; Бурыкин, 2007, с. 380]).

В материалах XIX в., предположительно относящихся к западным диалектам, отмечена смешанная модель образования числительных второго десятка, содержащая сразу два послелога: *ойдун* (ныне представлен только в западных диалектах) и *хулэк* (характерен для восточных диалектов): *Өмэн багатир тарак багатир камандан мян ойдун нюӈэн хулэк ихин команда яв-да эти хуптур бэй коӈдас турки*(*даватта*) ‘Один богатырь, у него «команда» в шестнадцать других, никогда не отстает, куда он прикажет, туда они идут. Олень со своими шестнадцатью копытами’ (видимо, имеются в виду кости ног) [Бурыкин, 2007, с. 371 (зап. Ю. Штубендорфа)].

Сотни

В эвенском языке значение ‘сто’ передается словом ***няма***. Для составных названий сотен используется иной, нежели при образовании числительных от 11 до 19, принцип. Как и другие сложные числительные, они состоят из двух слов: первым следует название единицы низшего разряда, затем — название сотни, которое в отличие от числительного *мян* ‘десять’ не принимает формы множественного числа: *няма* ‘сотня’, *дёр няма* ‘двести’ (*букв.* два сто), *илан няма* ‘триста’ (*букв.* три сто), *дыгэн няма* ‘четыреста’ (*букв.* четыре сто) и т.д.

Слово ***тысяча*** является заимствованием из русского языка. Сочетаясь с числительным — названием единицы счета, оно не принимает формы множественного числа: *өмэн тысяча* ‘одна тысяча’, *дёр тысяча* ‘две тысячи’ (*досл.* два тысяча), *илан тысяча* ‘три тысячи’ (*букв.* три тысяча), *дыгэн тысяча* ‘четыре тысячи’ (*букв.* четыре тысяча) и т.д.

Числительные свыше 100, используемые в эвенской речи достаточно редко, образуются путем соположения компонентов: *няма тунӈанмяр* ‘сто пятьдесят’, *дёр няма* ‘двести’, *илан няма дыгэнмер илан* ‘триста сорок три’ и т.п. Однако более употребительными являются округленные числительные с названиями сотен: *дёр няма* ‘двести’, *тунӈан няма* ‘пятьсот’, *дяпкан няма* ‘восемьсот’ и т.д. Слово *няма* ‘сто’ при этом по числу не изменяется. Все то же самое справедливо и по отношению к составным числительным со словом *тысяча*: числительные типа *дёр тыкичэ илан няма дыгэнмер тунӈан* ‘две тысячи триста сорок пять’ в принципе могут существовать, но в живой речи не употребляются. Ограниченное хождение имеют формы *дёр тыкичэ*, *илан тыкичэ*, *мян тыкичэ*, *тунӈанмяр дыгэн тыкичэ*, *няма тыкичэ*, несколько активизировавшиеся в употреблении в 1992–1997 гг. и используемые для счета денег. При этом слово *тысяча*, сочетаясь с числительными более 2, также не приобретает формы множественного числа, как и числительное *няма*.

В записях Г. Майделя выявлены числительные свыше 100, содержащие послеложный элемент *хэткэну*. Любопытной особенностью собранных Г. Майделем лингвистических материалов, которая до сих пор не привлекла внимания эвеноведов, является необычное оформление количественных числительных, в состав которых входит слово *няма*: ср. *n’ama omkakan huluk* или *n’ama omkakan huluk hetkanu* ‘сто один’, *n’ama mendi huluk hetkanu* ‘сто десять’ и др. (цит. по [Schiefner, 1873, S. 329]). В других материалах такие формы количественных числительных не фиксировались.

Например: *Тадук этикэн иланмяр дар ӈонамалкан мавути чакриди, усиндэрэкэн, кэкэн-тэкэн исин* ‘Затем, когда старик, собрав аркан длиной тридцать маховых саженей, закинул его, лишь свист послышался’; *Няма тунӈан мяр орам аничал* ‘Подарили сто пятьдесят оленей’; *Урэкчэндук төӈэрлэ истала дёр няма дар* ‘Расстояние от горы до озера двести саженей’.

При согласовании с существительными, называющими объекты счета, количественные числительные принимают формы падежей. При абсолютивном употреблении количественные числительные могут принимать

суффикс принадлежности, например: *Өмэӈи-дэ мултудаку* ‘Лишусь своего единственного’; *Илэӈму гача* ‘Три моих взял’.

В эвенском языке почти от всех числительных образуются глагольные формы: *илалтадай* ‘разделить на три части’, *дыгивдэй* ‘в четвертый раз что-либо сделать’, *туннавдай* ‘сделать что-либо в пятый раз’ и т.п.

Порядковые числительные

В эвенском языке порядковые числительные обозначают порядок предмета по счету среди однородных ему предметов и образуются двумя способами:

1. Оформляются суффиксом *-и-ги* и лично-притяжательными суффиксами 3-го л. мн. ч. *-тан/-тэн*, *-тнан/-тнэн*. Состав порядковых числительных таков: *өмнитэн* ‘первый’, *дёритэн* ‘второй’, *илитан*, *илитнан* ‘третий’ (*букв.* третий их, третий из числа других), *дыгитан*, *дигитнан* ‘четвертый’ (*букв.* четвертый их, третий из числа других), *туннитан*, *туннитнан* ‘пятый’ (*букв.* пятый их, пятый из числа других), *нюӈитан*, *нюӈитнан* ‘шестой’ (*букв.* шестой их, шестой из числа других) и т.д. Данный способ образования порядковых числительных характерен для большинства диалектов и говоров восточного наречия эвенского языка.

2. Оформляются суффиксом *-с* и не имеют притяжательных форм: *өмэс* ‘первый’, *дёрис* ‘второй’, *илис* ‘третий’, *дыгис* ‘четвертый’, *туннис* ‘пятый’, *нюӈис* ‘шестой’, *надис* ‘седьмой’, *дяпкис* ‘восьмой’, *уис* ‘девятый’, *мягис* ‘десятый’. Данный способ образования порядковых числительных характерен для говоров среднего и западного наречий эвенского языка, встречается и в языке эвенов Березовки, представляющем восточное наречие, диалекте эвенов пос. Анюйск Билибинского района Чукотки.

Порядковые числительные могут склоняться, как все другие имена, и принимать падежные суффиксы в зависимости от конечного звука основы. В синтаксических конструкциях они могут присоединять суффиксы притяжания, согласуясь с определяемым словом. Кроме того, порядковые числительные могут принимать суффиксы субъективной оценки.

В устной речи в специфизированных контекстах порядковые числительные имеют полную притяжательную парадигму: *илив* ‘мой третий’, *дыгис* ‘твой четвертый’, *дыгин* ‘его четвертый’, *туӈит* ‘наш с вами пятый’, *нюӈивун* ‘наш шестой’, *надысан* ‘ваш седьмой’ и т.д. Хотя чаще всего такое наблюдается при абсолютивном употреблении порядковых числительных без существительного. Изредка встречаются даже формы с безлично-притяжательными суффиксами: *иливур дептитэн* ‘третьего своего (они) съели’, *дыгий гадни* ‘четвертого своего (его) он взял’.

От числительных более 10 порядковые числительные образуются различными способами в зависимости от модели образования составных числительных. От количественных числительных, состоящих из десятка и единиц, в том числе от числительных свыше 20, порядковые числительные образуются посредством присоединения форманта *-и/-ги* к обозначениям единиц: *мян туннитан* ‘пятнадцатый’, *дёрмер өмнитэн* ‘двадцать

первый', *няма дыгенмер нюнитэн* 'сто сорок шестой' и др. От типичных для ольского говора порядковых числительных с послелогом образуются формы типа *мягитан өмэнь хулэк* 'одиннадцатый'. Эти же формы характерны для письменного эвенского языка.

Как известно, в некоторых говорах восточного наречия отмечены формы порядковых числительных с суффиксом *-ис*: *илис* 'третий', *дыгис* 'четвертый', *тунӈис* 'пятый', *мян илис* 'тринадцатый', *тунӈан мяр дыгис* 'пятьдесят четвертый' [Роббек, 1989, с. 100]. Такие формы употребляются в основном в говорах эвенов Якутии. Возможно, суффикс *-ис* либо заимствован из якутского языка, либо является притяжательной формой 2-го л. ед. ч. типа *илис* 'твой третий', которая лексикализовалась и утратила способность изменяться по лицам.

Примеры употребления порядковых числительных: *Этикэн тунӈигэй дюгай орин* 'Старик пятый дом <свой> сделал'; *Няри тэлэнэддин көрбэл*, *боӈгал дюгуливатан*, *мэн-дэ өмнигий хэгэпи* 'Мальчик расскажет про самцов-оленей, горных баранов, про своего первого соболя' (Кр); *Иттэм дёр муту этуддил дебэдилдэвур тэгрэ*, *илничантан-а-си нёлтэндук хуклэмэлриди*, *хуклэкэттин* 'Вижу, что двое нас охраняющих кушать сели, а третий-то их на солнце задремал' (Шол); *Тунӈан ибдирил бэил тунӈитан ач дорлэ*, *тачин-да иний чөптэрэ дэсчин*, *энни-дэ гургэлдэр*; *хан-да хөррэ*, *тунӈитан хулаптан*, *гэрбэлкэчэкэн-дэ чулбаня*, *гяӈан гэрбэн нуӈу.* (*Чукачан умтан*) 'Пять неизвестных людей: у одного в колыбели нет внутренней части, он так всю жизнь и лежит, не шевелится, другие уходят, пятый остается, его называют «синий», другое его название «глупый». (Птичье яйцо, из которого не появляется птенец; считается, что такое яйцо есть в любом гнезде)' (ЭФ).

Разделительные (распределительные) числительные

Разделительные, или распределительные, числительные выражают распределение однородных предметов по нескольким количественно равным группам и образуются от основ количественных числительных с помощью суффикса *-тал/-тэл*: *өмэтэл* 'по одному', *дётэл* 'по два, по двое', *илатал* 'по три, по трое', *дыгэтэл* 'по четыре, по четверо', *тунӈатал* 'по пять', *нюӈэтэл* 'по шесть', *надатал* 'по семь', *дяпкатал* 'по восемь', *уютэл* 'по девять', *мятал* 'по десять', *няматал* 'по сто' и т.д.

Эти формы также являются адъективными. Среди производных форм распределительных числительных отмечены лишь образования, внешне сходные с формами творительного падежа при образовании их от форм множественного числа: *дётэлди* 'по два', *илаталди* 'по три'. Подобные образования функционируют как количественные наречия.

У составных распределительных числительных суффикс *-тал/-тэл* присоединяется только к последнему слову, например: *дыгэнмер нюнутэл* 'по сорок шесть', *няма наданмяр илатал* 'по сто семьдесят три'.

Распределительные числительные в эвенском языке могут изменяться по падежам и принимать окончания по IV типу склонения имен в той разновидности, которая характерна для существительных в форме множе-

ственного числа с суффиксом *-л* или сложносоставными суффиксами. Распределительные числительные образуются и от ограничительных числительных с суффиксом *-ккар/-ккэр/-какар/-кэкэр*: *өмэккэтэлди* ‘только по одному’, *дөкэкэтэлбу* ‘только по два’.

Примеры употребления распределительных числительных: *Дёр экнилдулэ тунӈаккаталди хурэлтэн нян ноӈартан өмэтэлди бөдэлэлкэр.* (*Ӈалал*) ‘У двух матерей по пять детей, но у них по одной ноге на пятерых. (Руки)’; *Өмэккэтэл бими хол хомӈэл*; *ады-да оми эгден эӈи орил.* (*Хаирал*) ‘Поодиночке очень слабые, собравшись вместе, очень сильные становятся. (Пальцы)’ (ЭФ); *Тэрингич дёрмятал бэй ӈэньчэ* ‘С обеих сторон подошли по двадцать человек’; *Оралчимӈал укал мян тунӈаталбу орарбу мавутач дявритан* ‘Оленеводы уже изловили арканом по пятнадцать оленей’; *Дюганиду илам анӈанив чөптэрэ дётэлди-илаталди эмдэ* ‘Каждое лето в течение трех лет по два-три <человека> приезжали’; *Дыгнидун өмэтэлбу чунгыв хуӈэлу тэвчэ* ‘Четверым поставил он по одному сосуду с кровью’; *Этикэн мукучив өмэтту уюлдучэ*, *нюӈэтэлди* ‘Старик связал бревна вместе по шесть штук’.

Повторительные числительные

Повторительные числительные обозначают точный счет повторений одного и того же действия. Как отмечено в литературе, повторительные числительные представлены двумя морфологическими разновидностями: формами с суффиксами *-ракан/-рэкэн* и *-ракая/-рэкэе*. В настоящее время в устной речи встречаются преимущественно формы на *-ракан/-рэкэн*, а в письменной — только на *-ракан/-рэкэн*. Числительное *өмнэкэн* ‘один раз, однажды’ является исключением в этом ряду: суффикс *-рэ-* здесь ассимилируется в форму *-нэ-*. Приведем примеры повторительных числительных: *өмнэкэн* ‘один раз, однажды’, *дёрэкэн* ‘два раза, дважды’, *илракан* ‘три раза, трижды’, *дыгирэкэн* ‘четыре раза, четырежды’, *тунӈаракан* ‘пять раз’, *нюӈэрэкэн* ‘шесть раз’, *надаракан* ‘семь раз’, *дяпкаракан* ‘восемь раз’, *юурэкэн* ‘девять раз’, *мяракан* ‘десять раз’.

Учитывая то, что эти формы числительных образуются и от числительного *один*, их можно было бы назвать и кратными числительными.

В одном из текстов отмечена форма повторительного числительного на *-йэ* в виде *өмнэйэ*: *Өмэн багатир*, *яв-да-тит мамалми*, *өмнэйэ кунихникан бэй ядерин* ‘Один богатырь, когда что-нибудь захочет убить, только один раз крикнет, человек что сделает <умрет>. (Ружье)’ [Бурыкин, 2007, с. 372 (зап. Ю. Штубендорфа)]. В других источниках такие формы не встречаются, хотя правила их образования понятны: видимо, элемент *-кан/-кэн* здесь представляет собой диминутивный суффикс.

Примеры употребления повторительных числительных: *Ӈи-гэл анӈанила илракан хөнтэкич тэткэрэчэ. Тарак як?* (*Төр*) ‘Кто такой в год три раза по-разному одевается. Что это? (Земля)’; *Ӈи мэн ои илракан анӈандула тэттоттэн?* (*Төр. Нэгниду*, *дюганиду-да ноӈан чулбаня*, *мөнтэлсэ*, *боланиду-да чуруня*, *тугэниду — нёбати*) ‘Кто в год три раза свою одежду меняет? (Земля. Весной и летом — зеленая, осенью — желтая, зимой — бе-

лая)'; *Як балдаваттан дёрэкэн: дюллэ — дюлаккан*, *нян амарла — оилкан?* (*Дэги*) 'Кто родится два раза: первый раз — голый, а второй раз — в одежде? (Птица)'; *Ӈи хинмач бэлрэн*, *тарак дёрэкэн бэлрэн* 'Кто быстро помог, тот дважды помог'; *Өмнэкэн-дёрэкэн икэдэн — нэкэру дебэннэтки* 'Кто один-два раза песню повторит — будет есть гостинец' (ЭФ); *Би илракан ӈэнэссэм*, *харам*, *дисутми ӈэнэсвэттэм* 'Я трижды ходил, знаю, помогать ходил'; *Угсэкив еттэн дёрэкэе*, *Угсэки көкэрэн* 'Он дважды ударил Угсэки, Угсэки погиб'; *Ариӈкая*, *хиралриди*, *ноӈман илракая нөдарин* 'Черт, рассердившись, трижды кинул его'.

Множительные числительные

Множительные, или умножительные, числительные показывают количество составных частей, деталей, слоев, из которых состоит предмет. Они выражают также количество однородных предметов. Числительные этого разряда образуются от основ количественных числительных с помощью суффикса *-рман/-рмэн*. По нашим материалам, формы на *-рман/-рмэн* представляют собой адъективные формы числительных, имеющие значение «состоящий из названного количества частей (одной, двух, трех и т.д.)».

В отличие от других разрядов числительных, множительные числительные характеризуют «внутреннее» количество, т.е. отражают количество частей одной и той же единицы: *өмэрмэн* 'состоящий из одной части, из одного ряда, слоя, в один ряд, слой', *дёрмэн* 'из двух частей, слоев, рядов', *иларман* 'из трех частей, слоев, рядов', *дыгэрмэн* 'из четырех частей, слоев, рядов', *тунӈарман* 'из пяти частей, слоев, рядов', *нюӈарман* 'из шести частей, слоев, рядов', *надарман* 'из семи частей, слоев, рядов', *дяпкарман* 'из восьми частей, слоев, рядов', *уюрмэн* 'из девяти частей, слоев, рядов', *мярман* 'из десяти частей, слоев, рядов'.

Примеры употребления: *Этэв иларман мавуткаку илчарин* 'Мой дед сделал мне трехслойный аркан'; *Дёрмэн одыди*, *ӈэннэ* 'Разделившись на две группы <став состоящими из двух частей>, они отправились'; *Нюлка кадар нюӈэрмэн оняпча урэчин ичурин тэгэнук* 'Отсюда скала кажется как нарисованная из шести слоев'; *Мөнтэлсэ көрбэл хо эӈил обботта*, *иларманъ мавутач этэнри давра*, *хэгдэрроттэн* 'Осенью бычки <олени> очень сильными становятся, трехслойным арканом не поймать, рвется'.

Синтаксически множительные числительные сближаются с именами прилагательными и выполняют в предложениях функции определения. Как и прилагательные, они имеют грамматические категории числа, падежа и принадлежности. Множительные числительные склоняются по III типу склонения (основы на *-н*).

Ограничительные числительные

Ограничительные числительные выражают оценку количества чего-либо по представлению говорящего: меньше или больше какой-либо условной нормы. Ограничительные числительные как отдельный самостоя-

тельный разряд числительных в эвенском языке не описывались. Они представлены двумя самостоятельными разновидностями, различающимися по оценочной характеристике:

1. Уменьшительно-ограничительные числительные характеризуют количество, оцениваемое говорящим как малое по отношению к считаемым предметам или ситуации. В составе ограничительных числительных присутствует суффикс *-ккан/-ккэн//-какан/-кэкэн*; форма *-ккар/-ккэр//-какар/-кэкэр* представляет собой форму множественного числа, которая характерна для всех форм числительных, кроме числительного *один*.

Примеры уменьшительно-ограничительных числительных: *өмэккэн*, *өмкэкэн* ‘только один’, *дёкэкэр* ‘только два’, *илкакар* ‘только три’, *дыгкэкэр* ‘только четыре’ и т.д.

Эти же формы числительных имеют еще одно значение — используются для счета предметов, оцениваемых говорящим как предметы малого размера, например: *илкакар өликил* ‘три белки’, *тунӈаккар мунрукакар* ‘пять зайчиков’.

2. Увеличительно-ограничительные числительные характеризуют количество, оцениваемое говорящим как большее по отношению к считаемым предметам или ситуации местонахождения предметов. Суффиксом увеличительно-ограничительных числительных является *-кая/-кэе*; форма *-каял/-кэел*, которая содержится во всех увеличительно-ограничительных числительных свыше одного, представляет собой форму множественного числа с именным показателем числа *-л*.

Примеры уменьшительно-ограничительных числительных: *дёкэел* ‘целых два’, *илкаял* ‘целых три’, *дыгкэел* ‘целых четыре’, *тунӈакаял* ‘целых пять’ и т.п.

Формы этих числительных употребляются также для характеристики числа предметов, оцениваемых говорящим как предметы большого размера: *илкаял дюл* ‘три больших дома’, *дыгкэел нӧкэчэр* ‘четыре лося’.

Обе названные разновидности ограничительных числительных в отношении морфологического числа ведут себя иначе, чем количественные числительные: они имеют показатель множественного числа как одно из составляющих формантов ограничительных числительных, и уже это означало бы, что они обязательно согласуются в числе с исчисляемыми существительными.

Примеры употребления ограничительных числительных: *Көчукэн киран тэриннэн дёкэкэр төӈэрэл.* (*Оран ясалални*) ‘По разные стороны маленького горного хребта два озерка. (Оленьи глаза)’; *Тунӈан нөнурдук дыгэн нөнур эрэгэр өмэтту бигрэчэл, өмэн нөвур өмэккэнь бивкэттэ.* (*Дыгэн хаир нян хөрэгэн*) ‘Из пяти братьев четверо всегда вместе живут, одного брата в одиночестве жить заставляют. (Четыре пальца и большой палец)’; *Ибдири бэй өмкэе-дэ ӈалан, өмкэе-дэ унякан.* (*Уливун*) ‘У неизвестного человека одна рука, один указательный палец. (Мотыга для копки корней сараны)’; *Илкаял ибдирил бэил билгаливур нокучидда.* (*Нампал*) ‘Целых три неизвестных человека за шею повешенные висят. (Лампа: люстра с тремя рожками)’; *Ибдири бэй ясалан хикутич гарпан, өмкэе эгдекэе ясалан.* (*Фо-*

нарик) ‘У неизвестного человека глаз лучом света светится, у него только один большой глаз. (Фонарик)’ (ЭФ); *Илкакар-такан бэйкэкэр эмэптэ* ‘Только трое человечков осталось’; *Атикан дюгай өмэккэн эмэптин* ‘Старуха осталась дома одна’; *Илэ-вут-тэ нейдала өмкэкэн энкэчэн кунинни исни* ‘Где-то там одного только олененка крик слышен’.

Собирательные числительные

Особенность данного разряда — обозначение точного количества предметов или лиц в совокупности, обозначение количества предметов, объединенных в одно целое. Собирательные числительные в эвенском языке представлены несколькими группами с разными суффиксами.

Собирательные числительные образуются посредством суффикса *-и*, присоединяемого к формам количественных числительных с суффиксом *-р* или к их основам. Особенностью этих числительных является то, что они не имеют форм именительного падежа. Чаще всего собирательные числительные встречаются в форме творительного падежа с безлично-притяжательным суффиксом множественного числа. Примеры образования падежных форм собирательных числительных: *илниван* ‘троих’, *илнидун* ‘троим’, *илниткин* ‘к троим’, *илнилатан* ‘у троих’, *илнилин* ‘за троих’, *илнидукун* ‘от троих’ и т.п.

Иногда показатель *-дюр* даже рассматривался как морфологический компонент, образующий данные числительные. Позже было установлено, что формы собирательных числительных имеют почти полную падежную парадигму, за исключением именительного падежа.

В.Д. Лебедев выделил в особый разряд формы «собирательных исчерпывающих числительных» типа *илникаман* ‘всех трех’, *дыгникэмэн* ‘всех четырех’ [1978, с. 64]. Однако, по нашему мнению, данные формы не составляют отдельного разряда: это одна из падежных форм собирательных числительных.

Кроме падежных суффиксов, собирательные числительные могут принимать увеличительный суффикс *-ндя-/-нде-* и уменьшительный *-чан-/-чэн-*, например: *илниндедюр* ‘все втроем’, *илничэндюр* ‘все (только) втроем’, *дыгниндевэн* ‘всех четверых’, *дыгничэмэн* ‘всех (только) четверых’, *илничэмэн* ‘всего троих’, *илниндевэн* ‘целых трех’. Значение таких форм собирательных числительных сравнимо со значением форм увеличительно-ограничительных и уменьшительно-ограничительных числительных. Формы с суффиксом *-ндя-/-нде-* обозначают предметы большого размера либо количество, оцениваемое говорящим как значительное, формы с суффиксом *-чан-/-чэн-* — количество (совокупность) предметов малого размера или число предметов, оцениваемое как малое. Например: *Өликичэрбу илничаман ман* ‘Добыл трех белочек’; *Эгдетэлбу илниндяван ман* ‘Добыл трех лосей’.

В эвенском языке наиболее употребительными из собирательных числительных являются формы с суффиксом *-нидюр/-ридюр* — формы творительного падежа собирательных числительных. Они используются для счета людей и других предметов и отвечают на вопрос *ады бими?* ‘со

сколькими?' (*букв.* сколько будучи?). Для обозначения единичности субъекта употребляется форма *өмэккэн* 'один, одинокий'. Перечислим и другие формы собирательных числительных: *дёридюр* 'вдвоем', *илнидюр* 'втроем', *дыгнидюр* 'вчетвером', *тунӈанидюр* 'впятером', *нюӈэнидюр* 'вшестером', *наданидюр* 'всемером', *дяпканидюр* 'ввосьмером', *уюнидюр* 'вдевятером', *мянидюр* 'вдесятером'.

Обособленность форм на *-ридюр/-нидюр* от других форм собирательных числительных обусловлена тем, что безлично-притяжательные формы творительного падежа собирательных числительных по своим синтаксическим функциям предельно близки к наречиям меры и степени, в предложении играют роль соответствующих обстоятельств. В то же время другие формы собирательных числительных в предложении выполняют функции определения, оформленного суффиксом принадлежности. Подобная синтаксическая функция в целом не является типичной для членов притяжательных конструкций, исключение здесь составляют только имена, не имеющие предметной семантики.

Примеры употребления собирательных числительных: *Дёр игирэл эрэгэр дёридюр хөллөччөттэ.* (*Бөдэлэл*) 'Два близнеца всегда вдвоем ходят. (Ноги)'; *Дёр ибдирил бэил дёридюр-дэ хэрэлэр*; *өмэн чилэнеч тэтутти*, *кэнелич хаӈанаддан*; *гя-да мэӈтич тэтутти*, *ӈэлэм ӈэн*, *ӈэн-мэкэн*, *илкан*, *тарак як-авуг?* (*Тураки*, *чукачан-да*) 'Два неизвестных человека, оба мастера шить; один, одетый в черную одежду, плохо шьет, а другой, одетый в серую одежду, замечательный мастер, настоящий мастер. (Ворона и птичка)'.

К собирательным числительным относятся также слова для счета копытных животных, счета юрт, хозяйств, копыльев нарт, очков при игре в карты и т.п. Эта разновидность собирательных числительных не только обозначает точное количество считаемых объектов в совокупности, но и указывает на качественное своеобразие объединенных предметов.

В эвенском языке собирательные числительные для счета копытных животных, счета юрт и хозяйств образуются при помощи суффикса *-нру.* Числительное, обозначающее совокупность хозяйств, юрт и образованное от формы *дёр* 'два', присоединяет суффикс *-пу.* Например: *Дёрпу дю кунтэк мудандулан илаттан* 'Две юрты стояли на краю поляны'; *Иланда буюн маӈдича* 'Тройка диких оленей бежала'; *Наданридук дюдук эвен хунадин аситти хэйэк бисни* 'В одной из семи юрт живет чукча, который женат на эвенской девушке'; *Дыгэнду нимэрэл бисэп* 'Нас четыре хозяйства'.

Собирательные числительные для счета копытных животных (домашних и диких оленей, лосей, снежных баранов) образуются посредством суффикса *-ӈра/-ӈрэ*: *тунӈаӈра* 'пять оленей, лосей', *илаӈра* 'три оленя, лося'. В настоящее время такие формы числительных не употребляются даже в устной речи.

Выделяются также слова для счета копыльев нарт, патронов, названий очков игральных карт, очков в игре и т.п., образующиеся посредством суффикса *-рда/-рдэ*: *өмэрдэ* 'единица', *дёрдэ* 'двойка', *иларда* 'тройка', *дыгэрдэ* 'четверка'.

Их определение в грамматике В.И. Цинциус [1947, с. 128] напоминает формы числительных с классными показателями в нивхском языке, однако данные формы нельзя рассматривать как количественные числительные с классными показателями. Они представляют собой субстантивные формы, образованные от числительных, со значением, близким к русским «двойка», «тройка», «десятка», и эти образования в эвенском языке также способны принимать разные предметные значения.

Собирательные числительные для счета копыльев нарт, патронов, очков в игре и т.д. образуются от ограниченного числа количественных числительных до пяти, например: *Илардака хыргаву хөрисчираку-тты нявис ӈэндэн* ‘Трехкопыльная моя нарта сломалась, как только я выехал’ (Д.-Ч.); *Мин этэв дыгэрдэкэ туркив орин* ‘Мой дед четырехкопыльную нарту сделал’ (Бер.).

Формы на *-рда* в эвенском языке представляют собой скорее отнумеративные существительные, что и обусловило в ряде лексических примеров специализацию значения. То, что называлось числительными для счета копыльев нарт, на самом деле является названиями нарт по количеству копыльев или пар копыльев (это зависит от конструкции нарты). Охотские эвены различают, например, следующие типы нарт: *дёрдэкэ* ‘собачья нарта, нарта с двумя парами копыльев’, *илардака* ‘оленья нарта, нарта с тремя парами копыльев’, *дыгэрдэкэ* ‘лошадиная нарта, нарта с четырьмя парами копыльев’. По нашим наблюдениям, в эвенском языке подобные числительные для счета копыльев нарт не используются. Среди отмеченных наименований нарт названия *дёрдэ*, *дёрдэкэ* ‘нарта с двумя парами копыльев, собачья нарта’, *иларда*, *илардака* ‘нарта с тремя парами копыльев, оленья нарта’, *дыгэрдэ*, *дыгэрдэкэ* ‘нарта с четырьмя парами копыльев, лошадиная нарта’ обозначают тип нарт по счету не самих копыльев, а пар копыльев в прямокопыльных нартах или деталей, составляющих части каркаса дугокопыльной нарты. При игре в карты формы на *-рда* типа *уюрдэ* ‘девятка’, *мярда* ‘десятка’ используются не для обозначения количества карт, как можно было бы подумать из определения, а для обозначения названий карт по числу очков.

Приблизительные числительные

Приблизительные числительные указывают на количество предметов, называя их число относительно неопределенно, приблизительно. Данный разряд образуется с помощью суффикса *-кли* (в котором нетрудно опознать суффикс направительно-продольного падежа): *дёкли* ‘до двух, около двух’, *илакли* ‘до трех, около трех’, *дыгэкли* ‘до четырех, около четырех’, *тунӈакли* ‘до пяти, около пяти’ и т.д.

Примеры употребления: *Хоя нимэр эмчэл*, *багар*, *тунӈанмякли-нюӈэнмякли бэй эмчэ бидин* ‘Прибыло много семей, наверное, около пятидесяти-шестидесяти человек пришло’ (Алл.); *Мякли-гу*, *мяндук-ку хулэк орар очал* ‘Около десяти или больше оленей стало’ (Ох.); *Дёрдулэ хинагдула дёрмякли олра бичэ* ‘В двух лунках было около двадцати рыб’ (Бер.); *Торикачакла дигэкли орам маватта* ‘На свадьбе убивают около <до> четырех оленей’.

Числительные приблизительного счета в наиболее авторитетных описаниях грамматики эвенского языка не были представлены. В диалектах западного наречия их существование зафиксировал В.Д. Лебедев, в восточных диалектах они впервые отмечены Л.Е. Большаковой [Большакова, 1986, с. 12]. В устной речи числительные приблизительного счета с суффиксом *-кли* употребляются редко, чаще в их функции используются парные сочетания числительных типа *илан-дыгэн* ‘три-четыре’, *надан-дяпкан* ‘семь-восемь’.

Дробные числительные

На наш взгляд, дробные числительные в эвенском языке не составляют особого разряда. Специальных морфологических показателей они не имеют, по своей синтаксической функции не отличаются от количественных числительных. Можно сказать, что дробные числительные по способам образования представляют собой разновидность количественных числительных.

Дробные числительные в эвенском языке являются более поздней трансформацией количественных числительных, и не будет преувеличением сказать, что возникновение названий дробных числительных было продиктовано прежде всего необходимостью составления учебных пособий по арифметике на эвенском языке и в какой-то мере стало следствием влияния русского языка, где дробные числительные употребительны в устной речи.

Образование дробных числительных происходит согласно следующим моделям:

1. Количественное числительное, обозначающее знаменатель дроби, стоит в отложительном падеже, за ним следует количественное числительное, обозначающее числитель, в притяжательной форме: *Ноӈан дебэдилми як-та гэрбэв эннэмдэсэл хулар бичэл-дэ*, *деплэ илиндук өммэн хулачал* ‘Сначала было похоже на то, что пришедшие не оставят ничего, но оказалось, что одну треть пищи оставили’.

2. За обозначающим знаменатель дроби причастием прошедшего времени от глагола, образованного от числительного, следует количественное числительное, обозначающее числитель в притяжательной форме: «*Мулакатту бэйэӈэлти*, *илалтача өмэӈэт хөрэделдэн*, *гэлэ*, *куӈал*, *мандулра*», — *Өмчэни хурэлтэкий гөнчэ* ‘«Как жалко людей, ведь скоро одна треть наших людей уйдет, ну-ка, дети, постарайтесь», — сказал Омчэни своим сыновьям’.

3. Первым идет количественное числительное, обозначающее знаменатель, в именительном падеже, вторым — количественное числительное, обозначающее числитель, в притяжательной форме, между ними вклинивается причастие прошедшего времени *некчэ* ‘сделанный, разделенный’: *Туннан некчэ өммэн бөн* ‘Из пяти сделанных <разделенных> одну <часть> отдал <он>’.

4. Сочетание порядкового числительного со словом *ханин* ‘часть чего-либо’: *илитан ханин* ‘треть, третья часть’, *дигитан ханин* ‘четверть, четвер-

тая часть', *тунуитан ханин* 'пятая часть' *нюуитэн ханин* 'шестая часть', *надитан ханин* 'седьмая часть', *дяпкитан ханин* 'восьмая часть', *уютэн ханин* 'девятая часть', *мягитан ханин* 'десятая часть'.

Синтаксические особенности имен числительных

Основная проблема в описании синтаксических свойств имен числительных в эвенском языке связана не столько с их морфологическими особенностями, сколько с синтаксическими, а именно с характером согласования числительных со считаемыми существительными и нумеративных групп (словосочетаний «существительное + числительное») с глаголами в отношении категории числа. В качестве нормы для эвенского языка отмечалось, что в сочетании со всеми числительными более одного имена существительные употребляются в форме единственного числа: *илан бэй* 'три человека', *тунӈан оран* 'пять оленей'.

В текстах представлены разнообразные типы оформления словосочетаний существительных с числительными и глаголами. Эвенские загадки дают весьма репрезентативный материал, позволяющий проследить основные синтаксические свойства числительных, — категориальные формы числа имен и глаголов, употребляемых в сочетаниях с числительными. Традиционно считается, что существительные при числительных в эвенском языке имеют форму единственного числа: *дёр оран* 'два оленя', *илан бэй* 'три человека'. В текстах встречаются разные варианты оформления нумеративных групп и глаголов-сказуемых при подлежащих, выраженных нумеративным словосочетанием:

1. Отсутствие согласования как с именем, так и с глаголом: *Дёрмер бэй амаски итивур гиркан.* (*Оста*) 'Двадцать человек ходят назад лицами. (Ногти)'; *Дёр этумӈэ бисни: гя инэӈ этувэттэн, гя долбо этувэттэн. Долбо этури банадмар. Балриди, гөпкэнсөткэн оваттан.* (*Нёлтэн, аткикан*) 'Два сторожа имеются: один днем сторожит, другой ночью сторожит. Ночью стерегущий более ленив. Ленясь, притворяется, что скрывается. (Солнце, луна)'; *Мян бэй мян бөкэсу инсэн.* (*Оста*) 'Десять человек тащат десять льдин. (Ногти)'; *Өмэн энин, тунӈан куӈан. Тавур як бидин? Тавур бидин өмэн ӈал, тунӈан уняпан* 'Одна мать, у нее пять детей. Что это будет? Это будет одна рука и пять пальцев'; *Дыгэн ибдири бэй өмэнь корбакалаттан.* (*Стол*) 'Четыре неизвестных человека под одной шапкой. (Стол)'; *Дёр төӈэр мөч милтэрэми өрусӈэрэчэ.* (*Хоӈан*) 'Два озера, когда водой наполняются, радуются. (Плач)'; *Өмэндук ӈиӈтэдук тунӈан хякита хен.* (*Ӈал*) 'Из одного корня пять деревьев появились. (Пальцы)'; *Өмэн төрэддэн, дёр көветтэн, дёр долчиддан.* (*Енӈэ, ясал, корит*) 'Один говорит, двое смотрят, двое слушают. (Язык, глаза, уши)'; *Ибдири бэй дёр итин.* (*Хатит*) 'Неизвестный человек, у него два лица. (Хатит — оловянная или свинцовая подвеска с двумя бугорками на женском переднике)'; *Дёрмер бэй аканур биситэн, ноӈартан дыгэн корбакатан.* (*Ӈал, бөдэл-дэ маналтан*) 'Двадцать мужчин братья были, у них четыре шапки. (Пальцы рук и ног)' (ЭФ).

В приведенном далее примере в первом словосочетании имеет место согласование в числе с глаголом: *Бэйду көчукэр дёр бэй бисни. Тарал бэил эрэгэр инивур чөптэрэ есчимэчиддэ.* (*Бөдэл*) ‘У человека два маленьких человека имеется. Те люди всегда, всю свою жизнь соревнуются. (Ноги)’. Этот пример, видимо, служит иллюстрацией предпосылок к разрушению синтаксических норм эвенского языка, не предусматривающих согласования в числе: связанные по смыслу фразы расположены рядом, и любой эллипсис приведет к соотнесению форм по множественному числу. В данном примере согласование отсутствует при инверсии числительного: *Киран хурэлэн нугдэ дючанни, уркэчэнни, дёр.* (*Оран нусман*) ‘На конце горного хребта дом медведя, вход, два их. (Оленья морда)’. Пример с частичным согласованием: *Дёр эӈхи бэю өмэн эӈхи бэй хэпкэнни, төр манукан этэн хуелдэр* ‘Двух сильных людей один сильный человек поймал, пока земля не кончится, они не разделятся. (Деревянная основа, роговые накладки на луке и клей)’ [Бурыкин, 2007, с. 371 (зап. Ю. Штубендорфа)].

2. Согласование с именем при отсутствии согласования с предикатом (глаголом или именной частью): *Мян куӈал бөкэс тугэсэкэлкэн. Тавур як? Тавур бидин мян уняпан* ‘Десять детишек лед зимней одеждой имеют. Это что? Это будет десять пальцев’.

3. Согласование глагола в числе с именной группой при отсутствии согласования числительного с существительным: *Туӈан бэй бөкэсу инсэ.* (*Оста*) ‘Пять человек лед на спине тащат. (Ногти)’; *Дёр кяганти мэн мэнур дэпки көемэтникэн иматта, усу.* (*Киримки*) ‘Два медведя друг против друга стоят, друг на друга смотрят — так говорят. (Брови)’. В последнем примере отсутствует и согласование деепричастия с глагольной формой.

В приведенном примере при наличии согласования в числе с глаголом отсутствует согласование в числе причастных форм на *-даӈ-*: *Илан бэй уямкан халгань холур иний чөптэрэ холуми-тит хуптудаӈан да ачча, бокондаӈан да ачча* ‘Три человека снежного барана пешком преследуют, всю жизнь преследуют, и не отстают, и не догоняют. (Плеяды)’ [Бурыкин, 2007, с. 372 (зап. Ю. Штубендорфа)].

Еще несколько примеров: *Мян дёр дэгил дэгэлрэ. Нонап илан дэги дэгэлрэкэтэн, иманра тикрэн. Гявран илан дэги дэгэлрэкэтэн, иманра унни, нёчэ хелрэн. Иливран илан дэги дэгэлрэкэтэн, нямси одни. Дыгэврэн илан дэги дэгэлрэкэтэн, оратал хиналгар, эбдэнрэл тикрэ. Тарал дэгил ибдирил дэгил биситэн.* (*Аннан. Тугэни. Нэлкэ. Дюгани. Мөнтэлсэ. Аткикар*) ‘Полетели двенадцать птиц. Когда полетели первые три птицы, выпал снег. Когда полетела вторая тройка птиц, снег растаял, появилась зелень. Когда полетела третья тройка птиц, стало тепло. Когда полетела четвертая тройка птиц, трава пожелтела, листья опали. (Год. Зима. Весна. Лето. Осень. Месяцы)’. В последнем примере надо отметить формы *гявран*, *иливран*, указывающие на кратность действия и имеющие личные показатели в отличие от форм *гявми*, *иливми*.

4. Согласование в числе числительного с существительным и существительного с глаголом: *Туӈан экнил бис, өмэн ач гэрбэлэ.* (*Ӈал хаирални*) ‘Живут пять сестер, одна без имени. (Пальцы рук)’; *Ибдири бэй — дёрмер*

ибдирил асаткар, *эйду мэрэтил*. (*Остал*) ‘Неизвестный человек — двадцать неизвестных девушек, все круглые. (Ногти)’; *Өмэндулэ бэйлэ дёрмер ибдирил асаткар*. (*Остал*) ‘У неизвестного человека двадцать неизвестных девушек. (Ногти)’; *Мяндула куналдула мян бөкэскэкэр*. (*Хаирал*) ‘У десяти мальчиков десять льдинок. (Пальцы)’; *Мян ибдирил бэил бөкэсу ниридюр төккөттэ. Эрэк як?* (*Остал*) ‘Десять неизвестных человечков лед на спине таскают. Что это? (Ногти)’ (ЭФ).

Из текстовых источников становится заметным, что традиционные нормы — отсутствие согласования по множественному числу с именем и глаголом — перестали выдерживаться еще в материалах, записанных в 1930-е годы, однако в отдельных образцах они сохраняются и до настоящего времени. Единая система — полное согласование, согласование одной из частей или отсутствие согласования — отсутствует и в наших полевых записях, и в имеющихся публикациях, если попытаться отделить друг от друга восточно- и западно-эвенские примеры либо противопоставить записи 1930–1950-х годов более поздним записям. Прослеживается лишь динамика изменения нормы от отсутствия согласования до полного согласования, которая имеет пока только количественное выражение. Хотя надо отметить, что и информанты, которые являются знатоками эвенского языка, не следуют синтаксическим нормам даже в такой консервативной форме, как загадки. Характерным примером существования параллельных норм могут служить два варианта загадок, записанные почти в одно и то же время: *Дёр ибдирил бэил аканун хөпкэчэн тэриндун бис. Мэр доли эстэн хаманра*, *ок-та эчил көмэттэ*. (*Коритал*) ‘Два неизвестных человека, братья, по разные стороны сопки находятся. Друг друга не знают, друг друга никогда не видели. (Уши)’ [Оротты правда, 1939, с. 4]; *Дёр ибдири бэй аканун хөпкэчэн тэриндун бисни. Мэр доли эстэн хаматта*. (*Корит*) ‘Два загадочных человека, брата, по сторонам сопки живут. Друг друга не знают. (Уши)’ [Левин, 1935, с. 197; Новикова, 1958, с. 132]. Здесь позже напечатанный вариант очень близок к варианту Левина и даже полнее его по тексту (добавлен еще один оборот), но форма взаимности на *-мат-* заменена редкой видовой формой кратности на *-ман-*.

Еще один пример непоследовательности в оформлении сочетаний числительных с существительными — текст из записей Г. Майделя: *Нян дёр бэил аканун өриучир*, *нян-да чукчал эмдэ* (= *эмрэ*), *эвэсэл мар*, *асалбур* (*атикарбур*) *дэрисэмкэн хурэлнюмур*, *тар чукчалнюн нэмкумэчилдэ*, *дёр хякитал иллакатни эрэлин тутэсникэн кусикэттэ*; *хякитал уртун манун*; *чукчал навкаттакатни нэмкэтми*, *тарав-тит дёр бими*, *чукчалбу эйду мар*, *мариди дюлай иридюр ач дэпчэл*, *ач хуклэснэ*, *асалтан дёрбу инэну буюн бисидюр эмдэ*, *бэйилтэн унэт хуклэр хэттидюр*, *тар асалтан мялукан*. *Муднан* ‘Както два человека — старший брат с младшим — остановились стойбищем, и вот опять чукчи пришли, эвены их убили, женщин прогнали с детьми их, так стали они с чукчами стрелять друг в друга из луков, там, где стояли два дерева, вокруг них бегая, бьются, на деревьях кора кончилась, так чукчи попадали в деревья, стреляя из луков, хоть тех было всего двое, они чукчей всех убили, убив, в дом к себе войдя, без еды, без сна;

женщины два дня на охоте были, пришли, а мужья их все еще спят, устав, тогда женщины <их> разбудили. Кончилось' (цит. по [Schiefner, 1874; Бурыкин, 2007, с. 380–381]). Возможно, что форма множественного числа существительных при числительном более характерна для имен, обозначающих людей, но это предположение требует проверки.

ГЛАГОЛ

Глагол — это часть речи, обозначающая действие человека, какого-либо живого существа, предмета или состояние, в котором находится человек, животное либо предмет. Глагол в эвенском языке имеет грамматические категории лица, числа, времени, наклонения, залога и вида.

Изъявительное наклонение

Парадигма изъявительного наклонения глагола в эвенском языке включает формы настоящего, прошедшего и две формы будущего времени — ближайшее будущее, или будущее I, и отдаленное будущее, или будущее II.

Настоящее время

Формы спряжения глагола в настоящем времени (презенсе) представлены в табл. 28.

Важной особенностью ольского говора и других говоров восточного наречия эвенского языка является наличие нескольких типов иррегулярного спряжения глаголов, частично включающих полнозначные знаменательные и вспомогательные глаголы.

Эти типы спряжения отличаются от регулярного спряжения внешней формой показателя индикатива: в регулярном спряжении — это *-ра-/-рэ-*, в двух разновидностях иррегулярного спряжения — это *-да-/-дэ-/-д-* и *-са-/-сэ-/-с-* соответственно. Регулярное и иррегулярное спряжение различается только в формах настоящего и прошедшего времени изъявительного наклонения, все другие формы наклонений не имеют отличий в образовании знаменательных и вспомогательных глаголов, а также глаголов разных типов.

Таблица 28

Спряжение глаголов в настоящем времени

	Исходная форма	Основа на гласный		Основа на согласный		Основа на *-н*	
		хадай 'знать'	*бөдэй* 'дать'	*мялдай* 'проснуться'	*ӈэлдэй* 'бояться'	*гөндэй* 'сказать'	*мяндай* 'удивиться'
ед. ч.	1-е л.	*харам*	*бөрэм*	*мялрам*	*ӈэлрэм*	*гөнэм*	*мянам*
	2-е л.	*ханри*	*бөнри*	*мяланри*	*ӈэлэнри*	*гөнэнри*	*мянанри*
	3-е л.	*хан*	*бөн*	*мялран*	*ӈэлрэн*	*гөнни*	*мянни*
мн. ч.	1-е л., искл. форма	*хару*	*бөру*	*мялру*	*ӈэлру*	*гөну*	*мяну*
	1-е л., вкл. форма	*харап*	*бөрэп*	*мяллап*	*ӈэлрэп*	*гөнэп*	*мянап*
	2-е л.	*хас*	*бөс*	*мялас*	*ӈэлэс*	*гөнэс*	*мянас*
	3-е л.	*хар*	*бөр*	*мялра*	*ӈэлрэ*	*гөн*	*мян*

В системе регулярного спряжения по отдельным диалектам различия почти не наблюдаются. Отличие форм 3-го л. ед. ч. индикатива от глагольных основ на гласный в говорах Охотского района заключается в присутствии в них индикативного показателя *-ра-/-рэ-*: *минэрэн* ‘он режет’, *удасчиран* ‘собирается идти дождь’. В письменном языке такие формы не употребляются. В говорах среднего наречия (например, в верхнеколымском) в формах 3-го л. ед. ч., 2-го л. мн. ч., 3-го л. мн. ч. после основ на гласный добавляется гласный *-а/-э*: *хана* ‘знает’, *бөнэ* ‘дает’, *хаса* ‘знаете’, *бөсэ* ‘даете’, *хара* ‘знают’, *бөрэ* ‘дают’. Данное положение распространяется и на основы на *-н* в форме 3-го л. мн. ч.: *гөнэ* ‘говорят’, *мяна* ‘удивляются’.

Суффикс 2-го л. ед. ч. настоящего времени изъявительного наклонения в среднем наречии отличается от суффиксов говоров восточного (*-нри*) и западного (*-нди*) наречия и имеет вид *-нни*: *ханни*, *бөнни*, *мяланни*, *ŋэлэнни*, *гөнэнни*, *мянанни*. В большинстве говоров среднего наречия спряжение глагола *мялдай* ‘проснуться’ отличается от спряжения данного глагола в говорах восточного наречия (*мялрам*, *мяланри*, *мялран*, *мялру*, *мялрап*, *мялас*, *мялра*) и западных диалектах (*мялдам*, *мяланди*, *мялдан*, *мяллап*, *мялаh*, *мялда*): *мяллам*, *мяланни*, *мяллан*, *мяллап*, *мяллас*, *мялла*.

Первый тип иррегулярного спряжения представлен глаголами *гадай* ‘взять’, *нэдэй* ‘положить’, *тадай* ‘узнать’, *тāдай* ‘оторвать’ и вспомогательным глаголом *одай* ‘стать’.

Второй тип иррегулярного спряжения представлен глаголами *ŋалдай* ‘держать в руках’, *хөктэй* ‘быть горячим’, *далдай* ‘быть сладким’, *дэгдэй* ‘лететь, летать’ и двумя вспомогательными глаголами *бидэй* ‘быть’ и *эдэй* ‘не делать чего-то’. При этом спряжение вспомогательных глаголов отличается в ряде личных форм от спряжения знаменательных глаголов этого типа. Кроме того, каждый из глаголов также имеет свои индивидуальные особенности: ср. *дэгсэн* ‘летит’, *бисни* ‘есть (он)’, *эсни хар* ‘он не знает’, *бис* ‘есть (они)’, но *эстэн хар* ‘они не знают’. Отрицательный глагол *эдэй* имеет особые формы прошедшего (в отличие от всех других глаголов) и будущего времени.

В западных диалектах эвенского языка тип спряжения с формами индикатива на *-да-/-дэ-*, по существу, отсутствует, а тип спряжения с формами индикатива на *-са-/-сэ-* (собственно *-ха-/-хэ-*) представлен только вспомогательными глаголами *бидэй* и *эдэй* (по этому случаю в учебнике эвенского языка для 3-го класса 1980 г. подобные глагольные формы, принятые для письменного языка, снабжены пометами как диалектные, в то время как диалектными являются как раз формы типа *ган* ‘он взял’). При этом в ряде эвенских говоров Хабаровского края в спряжении вспомогательных глаголов суффиксы 3-го л. ед. ч. *-сни* отсутствуют, а вместо них используется суффикс *-сэн*: ср. в ульинском диалекте эвенского языка формы *эсэн хар* ‘не знает’, *бисэн* ‘есть’.

Собственно говоря, так называемое настоящее время в эвенском языке не является такой формой времени, которая обозначает совершение действия в момент речи. Более правомерно, как и делают некоторые эве-

новеды (например, К.А. Новикова), называть презенс индикатива не «настоящим», а неопределенным временем, которое нейтрально по отношению к моменту речи. В связном тексте, например в сказках, повествование ведется последовательно в формах индикатива на *-ра-/-рэ-*.

Прошедшее время

Формы прошедшего времени (претерита) в эвенском языке образуются посредством присоединения к глагольной основе показателя прошедшего времени *-ри-* и оформляются личными суффиксами, соответствующими лично-притяжательным суффиксам (табл. 29).

Глаголы иррегулярного спряжения, в составе которых в формах настоящего времени присутствует суффикс *-да-/-дэ-*, имеют в претерите показатель *-ды-*; глаголы, имеющие в презенсе суффикс *-са-/-сэ-*, в претерите присоединяют показатель *-си-*: ср. *нэдын* ‘он положил’, *одын* ‘он стал’, *дэгсин* ‘он летел’, *бисин* ‘он был’. Отрицательный глагол *эдэй* имеет особое оформление форм претерита при помощи суффикса *-ч*: *би эчу хар* ‘я не знал’, *хи эчис хар* ‘ты не знал’, *ноӈан эч хар* ‘он не знал’.

Обращаем внимание, что данный показатель едва ли можно считать показателем причастия прошедшего времени, поскольку в эвенском языке сохранен причастный суффикс *-чā-//-чэ̄-* с долготой гласного. Показатель претерита отрицательного глагола *эдэй* долготы не имеет, и едва ли эта долгота могла исчезнуть.

Особенностью употребления форм претерита в эвенском языке является то, что в связном повествовательном тексте претерит обозначает действие, о котором известно слушателю как об уже совершившемся ранее самого факта сообщения, либо используется при маркировке отнесения действия к плану прошлого при помощи наречий *өтэл*, *титэл*, *өр*, *тир* ‘прежде, раньше, когда-то давно’.

Примеры употребления: *Тар акантан нугдэ уркэлин тачин-та ин*, *бөдэлэн-тэкэн хеттэн... Нугдэ дюлан ирин. Яруталра*, *гөн:* «*Өтэл-нен буюми*, *ялкан*, *дылалкан бисин-е?*» ‘Вот старший брат их в лаз медвежьей берлоги влез, только ноги его видны сверху. …Он в дом медведя вошел. <Младшие братья> посмотрели, спрашивают: «Раньше, когда охотился, он что,

Таблица 29

Спряжение глаголов в прошедшем времени

Исходная форма		Основа на гласный		Основа на согласный		Основа на *-н*	
		хадай ‘знать’	*бөдэй* ‘дать’	*мялдай* ‘проснуться’	*ӈэлдэй* ‘бояться’	*мяндай* ‘удивиться’	*гөндэй* ‘сказать’
ед. ч.	1-е л.	*харив*	*бөрив*	*мялрив*	*ӈэлрив*	*мянив*	*гөнив*
	2-е л.	*харис*	*бөрис*	*мялрис*	*ӈэлрис*	*мянис*	*гөнис*
	3-е л.	*харин*	*бөрин*	*мялрин*	*ӈэлрин*	*мянин*	*гөнин*
мн. ч.	1-е л., искл. форма	*харивун*	*бөривун*	*мялривун*	*ӈэлривун*	*мянивун*	*гөнивун*
	1-е л., вкл. форма	*харит*	*бөрит*	*мялрит*	*ӈэлрит*	*мянит*	*гөнит*
	2-е л.	*харисан*	*бөрисэн*	*мялрисан*	*ӈэлрисэн*	*мянисан*	*гөнисэн*
	3-е л.	*харитан*	*бөритэн*	*мялритан*	*ӈэлритэн*	*мянитан*	*гөнитэн*

с головой был?»'; *Ноңартан тарав асив нючив аич дяваттитан... «Тар дывэн аңңану он инэнри? Яла бисис, эсэнри аритта?» — «Эсэм аритта, таракам бэрибэдми дёрду бэилду хөруврив»* 'Они ту русскую женщину хорошо содержали… «Столько лет ты так живешь? Где ты была, ты не пугаешь, как злой дух?» — «Нет, я не пугаю, тогда, когда потерялась, меня два человека увезли»'; *Өмэн бэй гөнни: «Титэл чэңэтнэдэку тогу-да хиңкэриң. ...Ху элэ дюла иниду бэйду эмэврисэн, теми тогасан хиңкэвэттэн». ...Өрэптэки инитки бэйтэки гөнни: «Хи-нен ями эмрис?». «Би гөнэм, хинтэки улгэмрэм, — ини бэй гөнни, — Би хулдами чамакчан улчэлин тикрив, теми эвэски эмрив»* 'Один человек говорит: «Прежде, когда я ходил удить рыбу, огонь щелкал… К вам тут два живых человека пришли, поэтому огонь щелкает». <Житель нижнего мира> другому живому человеку говорит: «Ты зачем пришел? Я говорю, тебя спрашиваю?». Живой человек говорит: «Я, идя на лыжах, попал в вырытую мышами яму, поэтому сюда упал»'; *Нян-да ун бимнин, этикэн хиралран, гөнни: «Титэл, буюсэңсий, би ңини куиргэлкэм бэририс, тарав гэлнэмчис»* 'И опять, так живя, старик рассердился, говорит: «Прежде, когда я охотился, я потерял свою собаку с цепью, поискал бы ты ее»'; *Аманни гөнни: «Энин-е, яду хулиңавур онри?» ...Энинтэн гөнни: «Тир хи гөвэчис яду хуткэй онри?»* 'Отец спрашивает: «Мать, ты зачем ребенка себе <колдовством> сотворила?» …Мать отвечает: «До этого ты спрашивал: зачем ты ребенка себе сотворила?»'; *Каганкан, амтилсан биситэн, өрилэнсэн муданни энни ичувэттэ, тачикан хоя бисисэн эдлэвур мавра* 'Каганкан, у тебя родители были, конца их стойбища видно не было, так много их было, пока их не убили'.

В устной речи и текстах других типов формы претерита употребляются либо тогда, когда адресат высказывания знает о совершившемся действии, либо при противопоставлении одного действия другому, если последующее действие выражено формой презенса. В письменном языке в связных текстах формы прошедшего времени преобладают: трудно даже представить себе письменный текст, в котором повествование выдерживалось бы только в форме настоящего времени.

В западных диалектах эвенского языка преобладает выражение прошедшего времени с помощью причастных форм с суффиксом *-ча-/-чэ-* и с лично-притяжательными суффиксами. При этом у форм 3-го л. ед. и мн. ч. нет личных показателей, а формы множественного числа имеют суффикс числа *-л*: *эмчэс* 'ты пришел', *эмчэлсэн* 'вы пришли', *эмчэ* 'он пришел', *эмчэл* 'они пришли'. Грамматические закономерности использования форм прошедшего времени в западных диалектах эвенского языка не изучены.

Примеры употребления форм прошедшего времени: *Бэй ибдири титэл дылгур-да бисин, тек көчукэн-ккэ.* (*Чог*) 'Неизвестный человек раньше голосистый был, а теперь голос его слабенький. (Колокольчик: сейчас их делают из жести, старинные считаются лучше)'; *Куңалду, асикарду каму бөритми, акрив экич бөгрэр, эчил бөвэттэ — төнңэкич, няпчав-такан бөвэттитэн* 'Маленьким детям, девочкам, когда отделяли часть юколы, переднюю часть <брюшко> нельзя давать, не давали — грешно, только

хвостовую часть давали'; *Уркэ анчиндун унтучэм нэкчиддытэн*, *куӈа эдэн төлэски несчир* 'Возле входа в жилище клали игрушечный бубен, чтобы ребенок не выбегал на улицу'; *Эдлэвур хуклэснэ киресэбботтитэн*, *аю этэвкиттэвур*, *кэнелив эдэвур этэвкиткэрэр* 'Перед тем, как лечь спать, крестились, чтобы снились хорошие сны, чтобы не снились плохие сны'; *Яв долба этэвкиттис*, *тэлэӈгэрэли* 'Какой сон ты увидел ночью, расскажи другим'; *Бабушка хулгагай итагрин*, *хулрай бэргин*, *погода кэнели*, *хулран бэррэкэн*, *таракам ай один* 'Бабушка <название сопки возле Гижиги> одеяло себе приготовила, погода плохая, когда ее одеяло уберется, тогда хорошая погода настанет'; *Бягтаки көвеччөттитэн*, *иррөчин бяг билин*, *нямул*, *хялталкан-ул* 'На луну смотрели, <чтобы узнать>, какой месяц будет: или теплый, или холодный'; *Буюддэкэс*, *ӈинас дютки мучурин — биргэ оннаткин*, *дюлай мучуми хулэк бидин* '<Если>, когда охотишься, твоя собака домой вернется — <это> к несчастью, <тогда> лучше всего вернуться домой'; *Көкэчэ бэй гирамран ониӈан хэссэки тикэргэрин — ноӈан далилий ханин көкэннэвэн нунуччоттан* 'Если на могильном холмике человека песок вниз осыпается — он заклинает, что вслед за ним умрет кто-нибудь из родственников'; *Төӈэру эрэли исаг балдарин.* (*Ясал*) 'Вокруг озера лес родился. (Глаз)' (ЭФ).

Будущее время

В эвенском языке различаются две формы будущего времени — ближайшего будущего, или будущего I времени, и отдаленного будущего, или будущего II времени.

Формы будущего I времени образуются при помощи суффикса будущего времени *-ди-/-чи-* и личных глагольных суффиксов, идентичных личным суффиксам настоящего времени (табл. 30).

Особенностью образования форм будущего I времени в 1-м л. мн. ч. эксклюзива типа *бу ха-ди-р-у* 'мы будем знать', *ноӈартан ха-ди-р* 'они будут знать' является присутствие показателей презенса индикатива *-р* (вариант суффикса индикатива *-ра-/-рэ-*, встречающийся в глагольных основах на гласный, с которыми соотносятся производные формы будущего I времени, имеющие суффикс *-ди-*). В формах будущего времени

Таблица 30

Спряжение глаголов в будущем I времени

Исходная форма		Основа на гласный		Основа на согласный		Основа на *-н*	
		хадай 'знать'	*бөдэй* 'дать'	*мялдай* 'проснуться'	*ӈэлдэй* 'бояться'	*мяндай* 'удивиться'	*гөндэй* 'сказать'
ед. ч.	1-е л.	*хадим*	*бөдим*	*мялдим*	*ӈэлдим*	*мяндим*	*гөндим*
	2-е л.	*хадинри*	*бөдинри*	*мялдинри*	*ӈэлдинри*	*мяндинри*	*гөндинри*
	3-е л.	*хадин*	*бөдин*	*мялдин*	*ӈэлдин*	*мяндин*	*гөндин*
мн. ч.	1-е л., искл. форма	*хадиру*	*бөдиру*	*мялдиру*	*ӈэлдиру*	*мяндиру*	*гөндиру*
	1-е л., вкл. форма	*хадип*	*бөдип*	*мялдип*	*ӈэлдип*	*мяндип*	*гөндип*
	2-е л.	*хадис*	*бөдис*	*мялдис*	*ӈэлдис*	*мяндис*	*гөндис*
	3-е л.	*хадир*	*бөдир*	*мялдир*	*ӈэлдир*	*мяндир*	*гөндир*

Таблица 31

Спряжение глаголов в будущем II времени

Исходная форма		Основа на гласный		Основа на согласный		Основа на *-н*	
		хадай ‘знать’	*бөдэй* ‘дать’	*мялдай* ‘проснуться’	*иттэй* ‘видеть’	*мяндай* ‘удивиться’	*гөндэй* ‘сказать’
ед. ч.	1-е л.	*хадӈав*	*бөдӈэв*	*мялдиӈав*	*итчиӈэв*	*мяндиӈав*	*гөндиӈэв*
	2-е л.	*хадӈас*	*бөдӈэс*	*мялдиӈас*	*итчиӈэс*	*мяндиӈас*	*гөндиӈэс*
	3-е л.	*хадӈан*	*бөдӈэн*	*мялдиӈан*	*итчиӈэн*	*мяндиӈан*	*гөндиӈэн*
мн. ч.	1-е л., искл. форма	*хадӈавун*	*бөдӈэвун*	*мялдиӈавун*	*итчиӈэвун*	*мяндиӈавун*	*гөндиӈэвун*
	1-е л., вкл. форма	*хадӈат*	*бөдӈэт*	*мялдиӈат*	*итчиӈэт*	*мяндиӈат*	*гөндиӈэт*
	2-е л.	*хадӈасан*	*бөдӈэсэн*	*мялдиӈасан*	*итчиӈэсэн*	*мяндиӈасан*	*гөндиӈэсэн*
	3-е л.	*хадӈатан*	*бөдӈэтэн*	*мялдиӈатан*	*итчиӈэтэн*	*мяндиӈатан*	*гөндиӈэтэн*

показатель *-р*, по существу, переходит в разряд личных суффиксов, в форме 1-го л. мн. ч. инклюзива становясь составной частью личного показателя, а в форме 3-го л. мн. ч. выступая непосредственно в роли личного показателя, хотя он и не принадлежит к личным суффиксам.

Формы будущего II времени образуются посредством суффикса *-дӈа-/-дӈэ-//-диӈа-/-диӈэ-* и суффиксов, соотносительных по составу с лично-притяжательными суффиксами: *хадӈав* ‘я буду знать’, *эмдиӈэв* ‘я приду’, *гөндиӈэн* ‘он скажет’ (табл. 31).

Грамматические различия между формами будущего I и будущего II времени заключаются в том, что форма будущего I времени выражает действие, совершение которого с точки зрения говорящего является обязательным, или событие, вероятность которого достаточно высока. Вне противопоставления будущего I и будущего II времени формы будущего времени в целом являются нейтральными в плане возможности обозначения действия. Формы будущего II времени обозначают такое действие, которое может совершиться в более отдаленном будущем и вероятность совершения которого менее высока, нежели вероятность действия, выражаемого формами будущего I времени. Так, если форма будущего I времени *эмдим* имеет значение ‘я приду (в каком-то относительно определенном будущем, обязательно)’, то форма будущего II времени того же глагола *эмдиӈэв* передает значение ‘я приду (когда-нибудь, возможно)’.

Форма будущего I времени также может иметь значение потенциально возможного действия вне его отношения к моменту речи. В анализируемом корпусе примеров из образцов афористических жанров формы будущего I времени синонимичны формам настоящего времени и не противопоставляются формам презенса по значению.

В письменном эвенском языке формы будущего II времени употребляются редко: *Эрэк-тэ Ыстапачан он одӈан одни. Эрэв кэнелив ӈину Доколоку-гу амаргич боддиӈан?* ‘Да и этот Степан как еще себя поведет. Пойдет за этой дурной собакой Доколоком?’; «*Тугэни эр эмрэн. Он индиӈэт одни?*» — *Өку чайу колриди төрэснэн* ‘«Вот и зима пришла. Как будем жить?» — сказала Оку, попивая чай’; *Хуну гэлэдэӈи дюгулин он-да эмнэв укчэнрэ, ургэн хо, төрэму-дэ гөйэм тэлэндиӈэву* ‘Про то, как вас искал,

никак не могу сказать, тяжелого много, слова неумело подберу' (БХ); *Аннаннас-ку, өриндиңэс-ку төрэнңэс истала эрэгэр гору нулгэннэс* 'Пока кочуешь долго до назначенного места, может, заночуешь, остановишься стойбищем' (Тор).

Функционирование форм будущего II времени в западных диалектах эвенского языка имеет определенные особенности. Например, отличием формы будущего II времени в нижнеколымском говоре является то, что она употребляется и в значении долженствовательного наклонения, выражающего обязательное осуществление действия в будущем. Данное обстоятельство, вероятно, вызвано отсутствием в говоре форм долженствовательного наклонения на *-нна/-ннэ*: *Тигэми тӣк таткатчиңаһнан илкади тӯрэм* 'Сейчас скоро будете учить язык илкан'; *Эчин эр эрэгэл укчэнникэн таткачад' овми багар йак-то ӧвомча, д'улэһки йаккул-ла буһкэ һавнаһнан, бэй гӯнд'иңэн-дэ гӯмчэ* 'Если сейчас начнется исследование языка, может, что-то получилось бы, в будущем, как будто лед трогается, человек должен говорить, заговорил бы'; *Мут болла тачин нэкрид'ур булкуллāһын ӧрин, һэйэктики икӭд'иңэт биһин, тарав болла һӭд'элэгэлдэ гӯнит* 'А мы, совершая такой <обряд>, запутались, должны были чукотскую песню спеть, но решили станцевать *хэде*'; *Бӣ ңэнукӭрбу гӯнд'им, һу һинмач илкадич гӯнд'иңэһнэн, һāри команда ңāли ӯлд'иңан, тадук гӯнд'иңэн илкадич* 'Я буду говорить загадки, вы быстро должны сказать по-эвенски, знающая команда должна подать знак рукой, потом должна сказать по-эвенски' (Н.-К.).

В устной речи и в фольклорных текстах формы будущего II времени достаточно редки. Отчасти причины их малой употребительности можно видеть в том, что причастия будущего времени с суффиксом *-дңа-/-дңэ-//-диңа-/-диңэ-*, формы именительного падежа которых омонимичны формам будущего II времени, в косвенных падежах используются в функции придаточных предложений времени, и в подобных оборотах противопоставление ближайшего будущего и более отдаленного будущего времени нейтрализовано. Можно предполагать, что в утрате противопоставления будущего I и будущего II времени в эвенском языке в тех его формах, которые более всего поддаются наблюдению, сыграло свою роль воздействие окружающих языков, имеющих только одну форму будущего времени (русского, чукотского, якутского).

Примеры употребления форм будущего I времени: *Мут илэ гургэвчидип, ноңан тала гургэвчидин.* (*Хинян*) 'Где мы будем работать, там и она работает. (Тень)'; *Долбаниду ибдири бэй мясамачилран, дылан-да мэрэлдынрэн, тэринтэкин кӧветчин.* (*Итикня*) 'Ночью неизвестный человек проснулся, голова его крутится, он во все стороны смотреть может. (Сова)'; *Ибдири бэй хэлэлкэн, тарич хэлэч, яв-да надаңан одакан, хикутич дебдин.* (*Чэңэч*) 'Неизвестный человек железо имеет, тем железом, когда ему что-нибудь понадобится, тихонечко съест. (Удочка с железным крючком)'; *Ибдири бэй өмэнь ңалди төру насалдин.* (*Уливун*) 'Неизвестный человек одним пальцем землю рвать может. (Мотыга для копки корней сараны)'; *Хэл алику төмтэс этэнри исур* 'Сквозь железную миску не прорастешь'; *Яв-да эди хилгиткарар, хи бэйди-дэ этэнри хилгарар* 'Ты никого не мучай, и сам не будешь

мучиться’; *Иӈэньсив усич этэнри уйрэ*, *хиррив мэргэм этэнри онер* ‘Холод ремнем не свяжешь, злую мысль не привяжешь’; *Гялкам хуги эсни эттэ*, *өмэккэм хунӈэ хиндадин* ‘С другом буря не одолеет, одного ветер с ног свалит’; *Мян усингэй томкадим гөнчэгчин* ‘Десять ремней ссучу, как нитки, как будто говорят <о хвастливом человеке>’; *Хагды төрэмэн эди нёдакил*, *таракам дюлалкан бэй бидинри!* ‘Не отбрасывай слов старших, счастливым человеком будешь!’; *Мавут ойлин эди гиркундаграр — этэн дявамалра*, *майдин* ‘Через аркан-*мавут* не переступай — он не будет ловить, уйдет удача’; *Бэю дэпки хиркам*, *хурэлкэм энмэй дяватта — хиркан бэйлэс надин* ‘Нельзя держать нож или что-то острое концом против человека — нож в тебя же острием попадет’; *Инмэв томкачач хэмриди*, *энинды бөдилми*, *томкачав энмэй иннэр — иннэми гяла бугла этэс бакалдаматта* ‘Вдев нитку в иголку, когда даешь ее своей матери, нельзя завязывать нитку узлом — если завяжешь, в другом мире с ней не встретишься’; *Дэсчиникэн энмэй дептэ — мэни нунуччинри* ‘Нельзя лежа есть — сам себя проклянешь <навлечешь на себя проклятие>’; *Хуличам мадинри*, *нанраван аталдинри*, *ирич-ул булатач*, *тэргэсэч тэтули*, *тадук нокли*, *нёӈчаку-вул*, *онакив-ул тачин-татта* ‘Лисицу убьешь, шкуру с нее снимешь, ее какой-нибудь тканью или ровдугой одень и повесь, и волка, и росомаху тоже так’; *Ӈиннякан иргэй хөлуттэн — нимэгнэдир* ‘Собачка ловит свой хвост — придут гости’; *Хялики дюлдэлис туттэкэн — як-ут-та кэнели бидин* ‘Если рябчик перед тобой бежит — случится что-нибудь плохое’; *Ханӈа утунсукан — яв-датит дяванмай*, *бэил уямкам-гу*, *буюм-гу нималдудир* ‘Ладонь чешется — к тому, чтобы что-то брать, люди принесут в *нимат* <угощение> снежного барана или дикого оленя’; *Тог екэтэндулэ истала өгэски хосниракан — горинук бэй эмдин* ‘Если огонь бросает искры вверх до жерди, на которой вешается котел, — издалека человек придет’ (ЭФ).

Повелительное наклонение

В эвенском языке различается не менее трех форм повелительного наклонения — повелительное I, повелительное II и повелительное III.

Повелительное I наклонение

Парадигма повелительного I наклонения в диалектах восточного наречия эвенского языка включает формы 2-го л. ед. ч., а также формы 1-го л. мн. ч. инклюзива и формы 2-го л. мн. ч. Показателем форм 2-го л. ед. ч. является суффикс *-ли*, форм 1-го л. мн. ч. — суффиксы *-гар/-гэр*, *-ӈар/-ӈэр*, форм 2-го л. мн. ч. — *-лра/-лрэ* или *-лилра/-лилрэ* (табл. 32).

Модели образования форм повелительного I наклонения едины для глаголов регулярного и всех иррегулярных спряжений — впрочем, регулярное спряжение и все разновидности иррегулярного спряжения различаются только в формах настоящего (неопределенного) и прошедшего времени индикатива.

Таблица 32

Формы повелительного I наклонения глаголов

Исходная форма	Основа на гласный		Основа на согласный		Основа на *-н*	
	хадай ‘знать’	*бөдэй* ‘дать’	*мялдай* ‘проснуться’	*ӈэлдэй* ‘бояться’	*мяндай* ‘удивиться’	*гөндэй* ‘сказать’
2-е л. ед. ч.	*хали*	*бөли*	*мялли*	*ӈэлли*	*мяли*	*гөли*
1-е л. мн. ч., вкл. форма	*хагар*	*бөгэр*	*мялгар*	*ӈэлгэр*	*мяӈар*	*гөӈэр*
2-е л. мн. ч.	*халра*, *халилра*	*бөлрэ*, *бөлилрэ*	*мялалра*, *мяллилра*	*ӈэлэлрэ*, *ӈэллилрэ*	*мялра*, *мялилра*	*гөлрэ*, *гөлилрэ*

Примеры образования форм повелительного I наклонения: *гали* ‘бери, возьми’, *или* ‘входи’, *дяйли* ‘спрячь’, *гөли* ‘скажи’, *илгар* ‘давайте встанем’, *гөӈэр* ‘давайте скажем’, *илрэ*, *илилрэ* ‘входите’, *тэгэлрэ*, *тэглилрэ* ‘садитесь’, *тэлэӈэлрэ*, *тэлэӈӈилрэ* ‘расскажите, рассказывайте’.

Различение форм повелительного наклонения во 2-м л. мн. ч. типа *тэгэлрэ*, *тэглилрэ* ‘садитесь’, *гөлрэ*, *гөлилрэ* ‘скажите’ для восточной зоны распространения ольского говора является вариантным, и формы с разными суффиксами абсолютно синонимичны. В письменном эвенском языке предпочтение отдается формам 2-го л. мн. ч. с суффиксом *-лра/-лрэ* как имеющим более широкое территориальное распространение.

В говорах эвенов Хабаровского края и говорах западного наречия имеются формы повелительного I наклонения 3-го л. ед. и мн. ч. с суффиксами *-га-н/-гэ-н*, *-га-тан/-гэ-тэн*, например: *хөрэгэн* ‘пусть он уходит’, *хөрэгэтэн* ‘пусть они уходят’, *гөӈэн* ‘пусть он скажет’, *гөӈэтэн* ‘пусть они скажут’ (см. также Приложение).

В письменном языке данные формы не употребляются, но при описании системы форм повелительного наклонения о них приходится вести речь в силу того обстоятельства, что без названных форм соотношение форм повелительного I и повелительного II наклонений оказывается не вполне ясным [Храковский, Володин, 1986].

К.А. Новикова описывает систему форм повелительного I наклонения несколько иначе, включая в нее полную парадигму личных форм императива, которые обычно относятся к повелительному II наклонению по наличию суффикса *-да-/-дэ-*. Однако существование форм повелительного I наклонения в 3-м л. ед. и мн. ч. увеличивает общее количество противопоставляющихся личных форм повелительного I и повелительного II наклонений, тем самым побуждая признать наличие полной системы личных форм именно у повелительного II наклонения и в соответствии с имеющейся традицией рассматривать парадигму повелительного I наклонения как неполную.

Примеры употребления форм повелительного I наклонения: *Гөли ибдирив бэю, хакаргачин нёбатив.* (*Иманра*) ‘Назови неизвестного, белого, как сахар. (Снег)’; *Хэӈунь дюван баклилра.* (*Мэмэкэ дюн*) ‘Страха дом найдите. (Медвежья берлога)’; *Дюллэ мэни хаврали, тадук бэю кирэкэтли* ‘Сначала покажи себя с хорошей стороны, потом другого человека пачкай’; *Кунили-да, хоӈни, няяли-да, икэли — минду як бидин?* ‘Хоть кричи,

хоть плачь, хоть шамань, хоть пой — что мне с того?'; *Дюллэ мэни-мэк көеттиди, хөнтэв бэю төрэгрэли* 'Сначала посмотри на себя, а потом говори <плохое> о другом человеке'; *Этилэй хар төрлэ ӈэнми, эрэгэр төйгэрэли!* 'В незнакомую тебе землю придя, обязательно ее угости!' (ЭФ).

Повелительное II наклонение

Формы повелительного II наклонения в эвенском языке образуются посредством суффикса *-да-/-дэ-* и системы личных суффиксов, близких к лично-притяжательным суффиксам (табл. 33). Формальные различия систем лично-притяжательных именных суффиксов и систем суффиксов повелительного II наклонения сводятся к тому, что в формах 2-го л. ед. и мн. ч. повелительного II наклонения присутствуют соответственно личные суффиксы *-й* и *-вур*, соотносимые с безлично-притяжательными суффиксами, а в формах 1-го л. мн. ч. эксклюзива и инклюзива морфологическое противопоставление форм отсутствует. Кроме того, в обеих формах представлен показатель *-кун*, который на основе формального сходства посессивной и императивной парадигм ожидался бы для эксклюзива. Например: *идэку* 'войду-ка я', *эмдэй* 'приходи', *хөрдэн* 'пусть он уходит', *колдакун* 'давайте-ка закурим (давайте-ка выпьем)', *тэгдэвур* 'садитесь', *эмудэтэн* 'пусть они принесут' (см. также Приложение).

Семантические различия форм повелительного I и повелительного II наклонений сводятся к следующему: если повелительное I наклонение обозначает действие, которое адресат речи должен совершить с определенностью и в ближайшем будущем (таком будущем, которое выражается формами будущего I времени), то повелительное II наклонение выражает действие, которое является желаемым для адресанта высказывания, но не обязательным к исполнению для адресата, или же может быть совершено в более отдаленном будущем (таком будущем, которое выражается формами будущего II времени). Эта соотносительность весьма рельефно проявляется в следующих примерах: обычно на реплику с глагольной формой будущего I времени типа *эмдим* 'я приду', *дебдим* 'я съем' следует ответ с формой императива I: *эмни* 'приходи', *дебли* 'ешь, съешь'. Однако если говорящий употребляет форму будущего II времени, например *эмдиӈэв*

Таблица 33

Формы повелительного II наклонения глаголов

Исходная форма		Основа на гласный		Основа на согласный		Основа на *-н*	
		хадай 'знать'	*бөдэй* 'дать'	*мялдай* 'проснуться'	*ӈэлдэй* 'бояться'	*мяндай* 'удивиться'	*гөндэй* 'сказать'
ед. ч.	1-е л.	*хадаку*	*бөдэку*	*мялдаку*	*ӈэлдэку*	*мяндаку*	*гөндэку*
	2-е л.	*хадай*	*бөдэй*	*мялдай*	*ӈэлдэй*	*мяндай*	*гөндэй*
	3-е л.	*хадан*	*бөдэн*	*мялдан*	*ӈэлдэн*	*мяндан*	*гөндэн*
мн. ч.	1-е л., искл. форма	*хадакун*	*бөдэкун*	*мялдакун*	*ӈэлдэкун*	*мяндакун*	*гөндэкун*
	1-е л., вкл. форма	*хадакун*, *хадат*	*бөдэкун*, *бөдэт*	*мялдакун*, *мялдат*	*ӈэлдэкун*, *ӈэлдэт*	*мяндакун*, *мяндат*	*гөндэкун*, *гөндэт*
	2-е л.	*хадавур*	*бөдэвур*	*мялдавур*	*ӈэлдэвур*	*мяндавур*	*гөндэвур*
	3-е л.	*хадатан*	*бөдэтэн*	*мялдатан*	*ӈэлдэтэн*	*мяндатан*	*гөндэтэн*

‘может быть, приду, потом приду’, *дебдиӈэв* ‘может быть, съем, потом съем’, в качестве ответа употребляется форма императива II: *эмдэй* ‘приходи (когда-нибудь)’, *дебдэй* ‘съешь (когда захочешь, можешь съесть)’.

В письменной речи формы повелительного II наклонения употребляются редко, например: *Тарак эридун эрэв инэнив буюснэдэку мину тимчэс?* ‘В расплату за это сегодня пойду-ка я поохочусь, отпустишь меня?’; «*Гэлэ, Араман Уйбанывыс, хинду төрэм гөндэс бөдэкун*», — *Байбал хагарсич гөнни* ‘«Ну-ка, Роман Иванович, давайте, дадим тебе слово», — громко сказал Павел’; *Этэнни тэдер, ама, тар-да бими, гөндэку: хуркэлбу өмэтэкэлди төрлэ нодурив* ‘Ты не поверишь, отец, но все же давай я скажу: всех парней я на землю уложил’; «*Эне, би амми боддакун*», — *хинмач төрэснэн хуркэл акантан Төкөнөк* ‘«Мама, давай я пойду вслед за отцом», — быстро сказал старший из братьев Токонок’ (БХ); *Уямкан эвэсэл несэлкэн бидэтэн мут төрэӈнэт эмчэ* ‘Горный баран пришел на нашу землю, чтобы эвены были счастливыми’ (Тор).

В устной речи и в фольклорных текстах формы повелительного II наклонения довольно редки, например: *Өмнэкэн-дёрэкэн икэдэн — нэкэру дебэннэтки* ‘Кто один-два раза песню повторит — будет есть гостинец’ (ЭФ).

Сходство личных показателей 2-го л. ед. и мн. ч. повелительного II наклонения с безлично-притяжательными суффиксами объясняется исторически. Напрашивается предположение, что исходные личные показатели в формах 2-го л. ед. и мн. ч. повелительного II наклонения заменены показателями безлично-притяжательных форм по аналогии с формами цели на *-да-/-дэ-*, выражающими действие, следующее во времени за действием, выражаемым формами повелительного наклонения: в конструкциях типа *хөтэддэй* ‘входи, отдохнешь (чтобы отдохнуть)’.

Повелительное III наклонение

В эвенском языке повелительное III наклонение имеет формы только 2-го л. ед. и мн. ч., которые образуются посредством суффикса *-ӈа-/-ӈэ-* и личных показателей: для данной модальной формы такими показателями являются суффикс *-нри* у форм 2-го л. ед. ч. и суффикс *-сан/-сэн* у форм 2-го л. мн. ч.: *тэгӈэнри* ‘садись’, *аӈаӈасан* ‘откройте’, *гөӈэнри* ‘скажи’, *гөӈэсэн* ‘скажите’ (табл. 34).

В устной речи формы повелительного III наклонения выступают в роли самой вежливой формы повелительного наклонения, чем они и отличаются от форм повелительного I и II наклонений. Данная форма императива употребляется чаще всего в качестве просьбы, адресованной

Таблица 34

Формы повелительного III наклонения глаголов

Исходная форма	Основа на гласный		Основа на согласный		Основа на *-н*	
	хадай ‘знать’	*бөдэй* ‘дать’	*мялдай* ‘проснуться’	*ӈэлдэй* ‘бояться’	*мяндай* ‘удивиться’	*гөндэй* ‘сказать’
2-е л. ед. ч.	*хаӈанри*	*бөӈэнри*	*мялӈанри*	*ӈэлӈэнри*	*мяӈанри*	*гөӈэнри*
2-е л. мн. ч.	*хаӈасан*	*бөӈэсэн*	*мялӈасан*	*ӈэлӈэсэн*	*мяӈасан*	*гөӈэсэн*

малознакомому или уважаемому человеку, она малоупотребительна в речи лиц, постоянно находящихся в общении друг с другом.

В эвенском языке употребительность разных форм повелительного наклонения с точки зрения их семантики с большим трудом поддается фиксации, поскольку выбор той или иной формы императива зависит от степени знакомства собеседников и отношений между ними. Формы повелительного III и повелительного II наклонений используются обычно при обращении к малознакомому человеку, в общении близких родственников и членов одной семьи друг с другом они отсутствуют. При поддержании устойчивых контактов с собеседником формы повелительного III и повелительного II наклонения довольно скоро вытесняются из обихода формами повелительного I наклонения, в результате чего установить некоторые оттенки, различающие формы повелительного наклонения в эвенском языке, становится весьма затруднительной задачей. Хотя при постоянном контакте с информантами, когда степень вежливости обращения однозначно установлена, императив II имеет семантику только отдаленного во времени и необлигаторного действия.

В фольклорных текстах эта форма употребляется в роли будущего времени с оттенком желательности. В письменном эвенском языке формы повелительного III наклонения используются крайне редко, например: «*Асалнюн амарла да укчэнмэтҥэсэн*, *долбони-да ҥонам*», — *гөниди Байбал*, *ининрэн* ‘«С женами потом разговаривайте, пожалуйста, ночь длинная», — сказал Павел, смеясь’; *Городла хөллэтми*, *мучуриди ями-да миндулэ хөлнэҥэнни* ‘Как только возвратишься из города, обязательно приходи ко мне в гости, пожалуйста’ (БХ).

Форма желательности, или повелительное IV наклонение

В довольно редких случаях в восточных диалектах эвенского языка в устной речи повеление, точнее пожелание или вежливая просьба, выражается грамматической формой с суффиксом *-дири-* и личными показателями, совпадающими с набором лично-притяжательных суффиксов (табл. 35). В известных нам случаях данная форма использовалась в функции повелительного наклонения, причем с оттенками особой вежливости.

Примеры употребления форм желательности: *эрэв ивдирис* ‘внеси это в дом (когда-нибудь, когда сможешь)’, *эмэбдирис* ‘оставайся (не уезжай, может быть, останешься)’.

Таблица 35

Парадигма форм желательности, или повелительного IV наклонения, в диалектах восточного наречия эвенского языка (*гөндэй* ‘сказать’)

Лицо	Единственное число	Множественное число
1-е	*гөндирив*	*гөндиривун* (искл. форма) *гөндирит* (вкл. форма)
2-е	*гөндирис*	*гөндирисэн*
3-е	*гөндирин*	*гөндиритэн*

Морфологическая структура данной формы является весьма прозрачной: первый компонент суффикса *-дири-* — элемент *-ди-* — выглядит как тождественный суффиксу будущего времени *-ди-* и одной из составляющих показателя будущего II времени и причастия будущего времени *-диӈа-/-диӈэ-* (тут же отметим, что элемент *-ӈа-/-ӈэ-*, совпадающий с показателем повелительного III наклонения, еще не полностью утратил модальное значение желательности); его второй компонент *-ри-* формально сходен с показателем причастия настоящего времени *-ри-*, а также с элементом *-ри-*, представленным в формах 1-го л. ед. и мн. ч. эксклюзива так называемого предостерегательного наклонения, который, возможно, также имеет причастное происхождение.

Есть серьезные основания считать рассматриваемую форму не личной, а причастной, причем данная форма желательности употребляется в позиции зависимого предиката: *Тэгэмэр гөнни ӈи-вул кэвурув бакчириван* ‘Царь сказал, что он желал бы, чтобы кто-нибудь нашел его коробку’; *Иссан, көеттэн:* «*Яла идирив?*» ‘Дошел, осмотрелся: «Куда же мне зайти?»’ (СЭ).

Если данная форма является причастной, то придется признать, что при использовании ее в функции императива наблюдается смена типа синтаксической конструкции, и вместо финитной формы глагола в таких случаях употребляется причастный оборот. Аналогичное явление наблюдается в случаях конкуренции форм долженствовательного наклонения и оборотов с долженствовательными причастиями, возможно, в случае омонимии форм наклонения вероятности с лично-притяжательными формами причастия на *-даӈ-/-дэӈ-*. В письменных текстах эта форма не встречается.

Формы повелительного наклонения от отрицательных глаголов (формы прохибитива) образуются в эвенском языке посредством форм императива от отрицательного глагола *эдэй* и особых деепричастных форм знаменательного глагола. В отличие от полнозначных глаголов, отрицательный глагол *эдэй* различает только две формы императива — настоящее и будущее время. Образование разных форм прохибитива приведено в табл. 36.

Примеры употребления форм прохибитива I: *Мукуттиди эди өрэӈкил, нимӈэриди өрэнни* ‘Держа во рту, не радуйся, радуйся, когда проглотишь’; *Хагды төрэмэн эди нёдакил, таракам дюлалкан бэй бидинри!* ‘Не отбрасывай слов старших, счастливым человеком будешь!’; *Хисэчин эдилрэ иркагракилра — мусан долчидик* ‘В вечернее время не кричите — дух-хозяин местности услышит’; *Ач дюглач эди магракил — делгэнкэ мандик!* ‘Без

Таблица 36

Образование форм повелительного наклонения от отрицательных глаголов

Лицо, число	*удай* ‘сесть верхом’		*хөрдэй* ‘уйти’		*гөндэй* ‘сказать’	
	императив I	императив II	императив I	императив II	императив I	императив II
2-е л. ед. ч.	*эди укил*	*эмэкэн ур*	*эди хөркил*	*эмэкэн хөррэ*	*эди гөкил*	*эмэкэн гөн*
2-е л. мн. ч.	*эдилрэ укилра*	*эмэкэр ур*	*эдилрэ хөркилрэ*	*эмэкэр хөррэ*	*эдилрэ гөкилрэ*	*эмэкэр гөн*

пользы зверя не убивай — зверь пропадет <перестанет водиться>!'; *Хиням эдилрэ көеткэрэкилрэ — нёне*, *этэвкитчикэлсэн* 'На тень не смотрите — грех, потом сны <плохие> видеть будете'; *Накату эди гэрбэткэрэкил — төнҥэкич* 'Медведя по имени не называй — грешно'; *Нөстилбу эди эекил*, *эҥсийи эди маҥкил! Атикам бакли*, *эмэнчэдукун дебдинри*, *көкэрэкэн. Абдун ибгадун эди эекил*, *хигилин ибгадун эели! Төлгидэн ибгадун эди эекил*, *дон ибгалан эели!* 'Не ищи в жены женщин по хорошей одежде, ищи по хорошему характеру! Не ищи в жены женщин по хорошей внешности, ищи по хорошей душе!' (ЭФ).

Примеры употребления прохибитива II: *Бэй икэривэн эмэкэн хөнкигрэр*, *эмэкэн ҥаллоткарар*, *төнҥэкич*, *көкэдикэс* 'Человеческие кости не пинай ногами, не бери в руки — грешно, можешь умереть'; *Як-ав-ул делгэнкэв көкэчэв бакми*, *эмэкэн гад*, *төнҥэкич*, *эсни хинҥи бис*, *укал гача* 'Когда какого-нибудь мертвого зверя найдешь, не бери — грешно, это не твое, это уже взято хозяином земли'; *Чамакчам эмэкэн маграр*, *миелэлдикэл* 'Мышей не надо убивать, а то они начнут мстить'; *Чукачан умтаван эмэкэн тэбэлгэрэр — удалдик*, *төнҥэкич* 'Птичьи яйца нельзя давить — может начаться дождь, грешно'; *Долба эмэкэн хаҥангарар — балидикас* 'Не надо шить ночью — можешь ослепнуть' (ЭФ).

Любопытно, что на фоне разнообразия синтаксического оформления запретов-оберегов формы прохибитива II представлены в образцах, записанных от одного и того же информанта (В.Е. Кундырь, Охотское побережье), у которого в аналогичных текстах прохибитив I отмечен лишь однажды.

В западной зоне распространения ольского говора (пос. Тахтоямск, к западу и юго-западу от него) и в говорах западного наречия специализированная деепричастная форма на *-кил* отсутствует, а в ее функции употребляется та же форма деепричастия, что и в индикативных отрицательных оборотах: *эди бөр* 'не давай' (вост. и лит. *эди бөкил*), *эди хөррэ* 'не уходи', *эдилрэ хөррэ* 'не уходите', *эди гөн* 'не говори', *эдилрэ гөн* 'не говорите'. Таким образом, в этом регионе прохибитив I и II имеет одинаково оформленную знаменательную часть.

Некоторое количество примеров такого прохибитива проникло в письменные тексты: *Эрэгэр ханҥай-ккан эди ичукэттэ*, *унмай-да ичукэнрэли* 'Не показывай все время ладонь, показывай хоть иногда тыльную сторону руки' (так говорят любителю просить); *Ҥинҥэди эди гиркасчир.* (*Кэнели мэргэлкэн бэй*) 'На пятках не ходи. (Человек с дурными мыслями)'; *Нөлтэҥгидэтки эди тумниграр* 'В сторону солнца не плюй'; *Биракчан бардаван эникэн хар эди тусаҥчир* 'Не зная того, что на другой стороне реки, через нее не прыгай'; *Эди ок-та хопчар — тарак хо ичмэй* 'Никогда не хвастайся — это очень стыдно'; *Өлэкчими эди хокатта* 'Не гордись тем, что обманываешь'; *Ач дюгулэч эди инингэрэр — хисэчин хоҥдинри* 'Без повода не смейся — вечером заплачешь' (ЭФ).

Приведенные фразовые примеры, отражающие употребление подобных форм прохибитива, восходят к двум источникам, ориентированным на нормы западного наречия эвенского языка.

Долженствовательное наклонение

Формы долженствовательного наклонения в эвенском языке образуются при помощи суффикса *-нна-/-ннэ-* и личных показателей, полностью совпадающих с лично-притяжательными суффиксами (табл. 37).

Формы долженствовательного наклонения выражают действие, которое говорящий рассматривает как долженствующее совершиться одним из участников ситуации — самим говорящим при употреблении форм 1-го л., слушающим при использовании форм 2-го л. или посторонними участниками ситуации при употреблении форм 3-го л. Временное соотношение форм долженствовательного наклонения таково, что данная модальная форма выражает либо следование во времени по отношению к какому-то другому действию, либо одновременность двух действий.

Примеры употребления форм долженствовательного наклонения: *Өсэри аси*, *мялми*, *тек-то хулрай чаканнан — нёне* ‘Беременная женщина, проснувшись, должна сразу же собрать свою постель — иначе грешно’; *Бэй дюмаракан*, *бэйди-ккэн эннэс төрэр*, *ноӈан-да төрэннэн*, *тарав аич долчинмай* ‘Когда человек приходит к тебе в дом, ты сам не должен начинать разговор, пусть он говорит, тогда тебе будет лучше его слушать’; *Нимэкэл хуютнэдилбу*, *нулгэддилбу*, *дюлай ӈаттиди*, *чаю хилувкэннэтэн*, *төйннэтэн* ‘Ближайшие соседи, позвав к себе в жилище тех, кто откочевывает или встречается при кочевке, должны поставить вариться чай, чем-нибудь угостить’; *Куӈа балдачалан илам инэӈу бисидюр-мэк горли ханил*, *харакал куӈав итнэннэтэн* ‘После рождения ребенка только по прошествии трех дней родственники и знакомые могут приходить смотреть на ребенка’; *Аннӈантан дюгадякла эмми*, *мэгдын*, *амкачан хэелэн*, *яв-да-тит эмэннэс*, *нэннэс*, *нёданнас* ‘Каждый год, приходя на место летовки, на берег реки или на вершину горы, ты должен что-нибудь оставить, положить, бросить’; *Пэктэрэвун эсэкэн навкамалра*, *имсэч*, *умань имуникэн тогтаки хулгитникан хиргэчиннэс* ‘Если ружье перестает попадать в цель, надо помазать его жиром или костным мозгом и, погрев на огне, произнести просьбу-заклинание’ (ЭФ).

От форм долженствовательного наклонения и конструкций с данными формами необходимо отличать формы долженствовательных причастий,

Таблица 37

Формы долженствовательного наклонения глаголов

Исходная форма		Основа на гласный		Основа на согласный		Основа на *-н*	
		хадай ‘знать’	*бөдэй* ‘дать’	*мялдай* ‘проснуться’	*ӈэлдэй* ‘бояться’	*мяндай* ‘удивиться’	*гөндэй* ‘сказать’
ед. ч.	1-е л.	*ханнав*	*бөннэв*	*мяланнав*	*ӈэлэннэв*	*мяннав*	*гөннэв*
	2-е л.	*ханнас*	*бөннэс*	*мяланнас*	*ӈэлэннэс*	*мяннас*	*гөннэс*
	3-е л.	*ханнан*	*бөннэн*	*мяланнан*	*ӈэлэннэн*	*мяннан*	*гөннэн*
мн. ч.	1-е л., искл. форма	*ханнавун*	*бөннэвун*	*мяланнавун*	*ӈэлэннэвун*	*мяннавун*	*гөннэвун*
	1-е л., вкл. форма	*ханнат*	*бөннэт*	*мяланнат*	*ӈэлэннэт*	*мяннат*	*гөннэт*
	2-е л.	*ханнасан*	*бөннэсэн*	*мяланнасан*	*ӈэлэннэсэн*	*мяннасан*	*гөннэсэн*
	3-е л.	*ханнатан*	*бөннэтэн*	*мяланнатан*	*ӈэлэннэтэн*	*мяннатан*	*гөннэтэн*

имеющих тот же грамматический показатель *-нна/-ннэ* и способных принимать притяжательные (лично- и безлично-притяжательные) суффиксы. Главное отличие конструкций с долженствовательным причастием от конструкций с формами долженствовательного наклонения заключается в том, что в конструкциях с модальными формами долженствования используются личные местоимения 1-го и 2-го л. ед. и мн. ч. (мн. ч., искл.) *би*, *хи*, *бу*, *ху* (в формах других лиц личные и притяжательные местоимения не различаются), в то время как в причастных долженствовательных конструкциях употребляются притяжательные местоимения 1-го и 2-го л. ед. и мн. ч. (мн. ч., искл.) *мин*, *хин*, *мун*, *хун*. В сочетании с вспомогательным глаголом *бидэй* ‘быть’ причастные долженствовательные формы образуют конструкции, выражающие настоящее, прошедшее и будущее время.

Эти конструкции представлены двумя разновидностями: 1) лично-предикативные конструкции с причастным оборотом, в котором причастие не изменяется (оно только согласуется в числе с местоимением или существительным), а вспомогательный глагол изменяется по лицам/числам и временам; 2) безлично-предикативные конструкции, в которых причастие согласуется в лице и числе с местоимением или существительным, а вспомогательный глагол, изменяясь только по временам, сохраняет форму 3-го л. ед. ч. Данные разновидности долженствовательных конструкций представлены в табл. 38.

Согласно нашим полевым материалам, значения данных конструкций полностью идентичны и наличие в языке двух типов долженствовательных

Таблица 38

Разновидности долженствовательных конструкций

Лично-предикативные конструкции с причастным оборотом	Безлично-предикативные конструкции с посессивно-причастным оборотом
Настоящее время	
би хөрэннэ бисэм ‘я должен уезжать’	*мин хөрэннэв* (*бисни*) ‘я должен был уезжать’
хи хөрэннэ бисэнри ‘ты должен уезжать’	*хин хөрэннэс* (*бисни*) ‘ты должен был уезжать’
ноӈан хөрэннэ бисни ‘он должен уезжать’	*ноӈан хөрэннэн* (*бисни*) ‘он должен был уезжать’
бу хөрэннэл бису ‘мы (без вас) должны уезжать’	*мун хөрэннэвун* (*бисни*) ‘мы (без вас) должны были уезжать’
мут хөрэннэл бисэп ‘мы (с вами) должны уезжать’	*мут хөрэннэт* (*бисни*) ‘мы (с вами) должны были уезжать’
ху хөрэннэл бисэс ‘вы должны уезжать’	*хун хөрэннэсэн* (*бисни*) ‘вы должны были уезжать’
ноӈартан хөрэннэл бис ‘они должны уезжать’	*ноӈартан хөрэннэтэн* (*бисни*) ‘они должны были уезжать’
Прошедшее время	
би хөрэннэ бисив ‘я должен был уезжать’	*мин хөрэннэв бисин* ‘я должен был уезжать’
хи хөрэннэ бисис ‘ты должен был уезжать’	*хин хөрэннэс бисин* ‘ты должен был уезжать’
ноӈан хөрэннэ бисин ‘он должен был уезжать’	*ноӈан хөрэннэн бисин* ‘он должен был уезжать’
бу хөрэннэл бисивун ‘мы (без вас) должны были уезжать’	*мун хөрэннэвун бисин* ‘мы (без вас) должны были уезжать’
мут хөрэннэл бисит ‘мы (с вами) должны были уезжать’	*мут хөрэннэт бисин* ‘мы (с вами) должны были уезжать’

Окончание табл. 38

Лично-предикативные конструкции с причастным оборотом	Безлично-предикативные конструкции с посессивно-причастным оборотом
ху хөрэннэл бисисэн ‘вы должны были уезжать’	*хун хөрэннэсэн бисин* ‘вы должны были уезжать’
ноӈартан хөрэннэл биситэн ‘они должны были уезжать’	*ноӈартан хөрэннэтэн бисин* ‘они должны были уезжать’
Будущее время	
би хөрэннэ бидим ‘я должен уезжать’	*мин хөрэннэв бидин* ‘я должен уезжать’
хи хөрэннэ бидинри ‘ты должен уезжать’	*хин хөрэннэс бидин* ‘ты должен уезжать’
ноӈан хөрэннэ бидин ‘он должен уезжать’	*ноӈан хөрэннэн бидин* ‘он должен уезжать’
бу хөрэннэл бидиру ‘мы (без вас) должны уезжать’	*мун хөрэннэвун бидин* ‘мы (без вас) должны уезжать’
мут хөрэннэл бидип ‘мы (с вами) должны уезжать’	*мут хөрэннэт бидин* ‘мы (с вами) должны уезжать’
ху хөрэннэл бидис ‘вы должны уезжать’	*хун хөрэннэсэн бидин* ‘вы должны уезжать’
ноӈартан хөрэннэл бидир ‘они должны уезжать’	*ноӈартан хөрэннэтэн бидин* ‘они должны уезжать’

конструкций обусловлено, очевидно, существованием двух типов предложений: с именным подлежащим и составным сказуемым; с подлежащим, выраженным причастной группой, и сказуемым, выраженным вспомогательным глаголом.

Примеры употребления причастия на *-нна* в позиции зависимого предиката: *Буюддэкэс, ӈинас дютки мучурин — биргэ оннаткин, дюлай мучуми хулэк бидин* ‘<Если>, когда охотишься, твоя собака домой вернется — <это> к несчастью, <тогда> лучше всего вернуться домой’; *Өмнэкэн-дёрэкэн икэдэн — нэкэру дебэннэтки* ‘Кто один-два раза песню повторит — будет есть гостинец’ (ЭФ).

Предположительное наклонение

Предположительное наклонение в эвенском языке выражает такое действие, совершение которого расценивается как возможное, но зависящее от воли или желания говорящего, без учета того, какой именно личный показатель приобретает данная глагольная форма, т.е. без учета того, относится ли действие к самому говорящему, слушающему или третьему участнику ситуации. По нашим наблюдениям, указанный признак различает несколько форм выражения предположения, а именно: 1) форма, которая образуется с помощью суффикса *-мна/-мнэ*; 2) формы индикатива (по крайней мере, настоящего и будущего I времени: очевидность прошедшего времени, похоже, здесь не допускает употребления форм претерита) с частицей *-ту*: *гөндим-ту* ‘может быть, я скажу’, *эмдин-ту* ‘может быть, он придет’, *бисни-ту* ‘может быть, и есть’ и т.п.; 3) форма наклонения вероятности на *-даӈ-/-дэӈ-*, обозначающая предположительно возможное действие, нейтральное с точки зрения его оценки говорящим.

По словам информантов, разница в употреблении форм предположительного наклонения типа *депэмнэс* ‘может быть, ты съешь’ и форм наклонения вероятности *дептэӈэс* ‘может быть, ты съешь’ заключается в

том, что в первом случае подразумевается чье-то разрешение, позволение, содействие, во втором — возможность совершения действия его субъектом не зависит от воли или оценки говорящего.

Образование форм предположительного наклонения приводится в табл. 39.

Примеры употребления форм предположительного наклонения: *Тог ойлин эмнэс гиркаграр* ‘Через огонь нельзя переступать’; *Хялики, эрбэч, некичэн умтаван эмнэс бэкэччөн гад — өмэм, дёрбу умтав хуланмай нян эмэнмэй* ‘Собирая яйца куропатки, гуся, утки, нельзя брать все яйца из гнезда — одно или два яйца надо оставлять в гнезде, оставить птице’; *Кэнелич эмнэс төрэн — амӈас хуюлкэн один* ‘Нельзя говорить плохо <браниться> — у тебя во рту язвы появятся’; *Орам дебэтми нимэкэлду бэкэттун гаюнмай, гайса: нимэкту оран гайсаван бөнмэй, хадун нимэкэлду оран исикиван ӈэнунмэй. Өмэн-дэ нимэкэлбу эмнэсэн бөвлар* ‘Когда едите оленя, надо делиться со всеми соседями: надо дать одним соседям бедро оленя, другим соседям отнести лопатку оленя. Ни одного из ближних соседей вы не должны обделить’ (ЭФ).

Примеры употребления форм предположительного наклонения, образованных от полнозначных глаголов: *Гя анӈану* (*тинэп анӈану*) *долдарив нючмачилдук эмдидюр тэлэӈу эмур, гөн, амандявун тэгэмэр эмукэнни бэгэсэлбу, эгдеӈэтэн эмун чукча билэктэкин тек хөрэмнэн, орарбу чакатан. Чукчал бэгэнтэн өмэтту хөрэмнэтэн, тарбач хөрчэлэвун хөрдир дюлэски, элэ Анадырьла эмумнэн* (*эмумнэтэн*), *тарбач тек боланиду, аич эмдэн, тарбач адыкурбу инэӈу бисиди хөнтэлэ городла холсиди нян-да эмдэн; тек муннюн бидэн, амму урэчин, мян хурэлби некригчин муту гөнни, тек нян-да хөрэмнэн Кулутки хөрчэлэвун; хөнтэдук городдук бэгэн эмэмнэн, эмдиди онул* (*он-такан*) *мутту номнадин, эрэк амандявун бишикэн эмчи номнар, номналдакан мэр аммур дендип* ‘На другой год <в прошлом году> я слышал от тех, кто ходил к русским в гости, придя, они принесли известие, говорят, отец наш царь прислал начальников, один из них старший, он должен поехать в те места, где живут чукчи, оленей пусть собирают. Начальники чукчей должны собраться вместе, после нашего отъезда они поедут вперед, должны привести их сюда, на Анадырь, и теперь, поздней осенью, хорошо доберется, потом, побыв немного дней, съездив в гости

Таблица 39

Формы предположительного наклонения глаголов

Исходная форма		Основа на гласный		Основа на согласный		Основа на *-н*	
		хадай ‘знать’	*бөдэй* ‘дать’	*мялдай* ‘проснуться’	*иттэй* ‘видеть’	*мяндай* ‘удивиться’	*гөндэй* ‘сказать’
ед. ч.	1-е л.	*хамнав*	*бөмнэв*	*мяламнав*	*ичимнэв*	*мямнав*	*гөмнэв*
	2-е л.	*хамнас*	*бөмнэс*	*мяламнас*	*ичимнэс*	*мямнас*	*гөмнэс*
	3-е л.	*хамнан*	*бөмнэн*	*мяламнан*	*ичимнэн*	*мямнан*	*гөмнэн*
мн. ч.	1-е л., искл. форма	*хамнавун*	*бөмнэвун*	*мяламнавун*	*ичимнэвун*	*мямнавун*	*гөмнэвун*
	1-е л., вкл. форма	*хамнат*	*бөмнэт*	*мяламнат*	*ичимнэт*	*мямннат*	*гөмнэт*
	2-е л.	*хамнасан*	*бөмнэсэн*	*мяламнасан*	*ичимнэсэн*	*мямнасан*	*гөмнэсэн*
	3-е л.	*хамнатан*	*бөмнэтэн*	*мяламнатан*	*ичимнэтэн*	*мямнатан*	*гөмнэтэн*

в другой город, пусть опять приедет, пусть с нами живет, как наш отец, о нас говорит, будто мы — его десять детей, сейчас опять должен ехать на Колыму после нашего отъезда, из другого города начальник должен приехать, после того как приедет, как-нибудь нас будет притеснять, если бы он был нам как наш отец, то не притеснял бы, если будет притеснять, мы <вместо него> своего отца будем вспоминать' [Schiefner, 1874].

Предостерегательное наклонение, или наклонение неочевидного действия

Данная модальная форма выделена В.И. Цинциус как форма предостерегательного наклонения [1947, с. 197]. Впоследствии было установлено, что эта модальная форма различает две формы времени, описываемые как формы настоящего и будущего времени.

Наиболее употребительные во всех типах и стилях речи формы предостерегательного наклонения будущего времени образуются посредством суффикса *-дик-* и набора личных суффиксов, частично соотносительных с лично-притяжательными суффиксами. При этом в формах 1-го л. ед. и мн. ч. эксклюзива между модальным суффиксом и личным показателем появляется морфологический элемент *-ри*, в формах 3-го л. ед. и мн. ч. лично-притяжательные суффиксы отсутствуют, а во всех формах множественного числа между показателем наклонения и личным суффиксом имеется показатель морфологического числа *-л-*: *мадикарив* 'как бы я не убил', *мадикарилбун* 'как бы мы не убили', *мадикалтан* 'как бы они не убили' (табл. 40).

Формы предостерегательного наклонения настоящего времени, описанные несколько позднее, образуются в эвенском языке посредством суффикса *-к-/-ка-/-кэ-* и того же комплексного набора личных показателей, употребляемого для форм предостерегательного наклонения будущего времени: *макарив* 'я, кажется, убил', *макарилбун* 'мы, кажется, убили', *макал* 'они, кажется, убили', *тиккэс* 'ты, кажется, упал' и т.п.

По нашим наблюдениям, различение темпоральных форм предостерегательного наклонения не вполне соответствует различению форм настоя-

Таблица 40

Формы предостерегательного наклонения глаголов

Исходная форма		Основа на гласный		Основа на согласный		Основа на *-н*
		хадай 'знать'	*бөдэй* 'дать'	*мялдай* 'проснуться'	*ӈэлдэй* 'бояться'	*гөндэй* 'сказать'
ед. ч.	1-е л.	*хадикарив*	*бөдикэрив*	*мялдикарив*	*ӈэлдикэрив*	*гөндикэрив*
	2-е л.	*хадикас*	*бөдикэс*	*мялдикас*	*ӈэлдикэс*	*гөндикэс*
	3-е л.	*хадик*	*бөдик*	*мялдик*	*ӈэлдик*	*гөндик*
мн. ч.	1-е л., искл. форма	*хадикарил-бун*	*бөдикэрил-бун*	*мялдикарил-бун*	*ӈэлдикэрил-бун*	*гөндикэрил-бун*
	1-е л., вкл. форма	*хадикалти*	*бөдикэлти*	*мялдикалти*	*ӈэлдикэлти*	*гөндикэлти*
	2-е л.	*хадикалсан*	*бөдикэлсэн*	*мялдикалсан*	*ӈэлдикэлсэн*	*гөндикэлсэн*
	3-е л.	*хадикалтан*	*бөдикэлтэн*	*мялдикалтан*	*ӈэлдикэлтэн*	*гөндикэлтэн*

щего и будущего времени. Формы так называемого «предостерегательного настоящего» обозначают действие, имевшее место ранее момента речи, в то время как формы «предостерегательного будущего» обозначают действие, следующее за моментом речи в неопределенно отдаленном будущем. Нам кажется более оправданным называть данные формы наклонением неочевидного действия и усматривать в нем противопоставление двух темпоральных форм — настоящего («предостерегательного будущего») и прошедшего («предостерегательного настоящего») времени.

Рассмотренные модальные формы получили наименование предостерегательного наклонения, вероятно, вследствие того, что они чаще всего обозначают какое-то нежелательное действие или действие, вызывающее опасение либо страх. Для форм наклонения неочевидного действия настоящего времени это хорошо заметно по всем примерам, наличествующим в грамматических описаниях эвенского языка. По предварительным данным, указанный факт не в полной мере относится к формам наклонения неочевидного действия прошедшего времени, хотя и они, по ответам информантов, не содержат положительной оценки совершившегося действия.

Формы наклонения неочевидного действия прошедшего времени в устной речи используются крайне редко, немногочисленны они и в повествовательном фольклоре. Что касается присутствия в диалектах, то ввиду большой редкости их употребления, имеющиеся ныне данные нельзя считать надежными.

Например, информанты подтверждают употребление в верхнеколымском говоре форм предостерегательного наклонения только в определенных случаях: 2-е л. ед. ч., 1-е л. мн. ч., 2-е л. мн. ч.: *тикчикэс* ‘как бы ты не упал’, *тикчикэлти* ‘как бы мы не упали’, *тикчикэлсэн* ‘как бы вы не упали’.

В письменном языке формы на *-к-* употребляются редко, например: «*Кадарандя хатлан анаӈ улрэвэн омӈадикас, дөмӈэду ач улрэӈнэ он-иси индисэн*», — *Борокопайтаки гөнни* ‘«Возле скалы как бы вам не забыть мясо горного барана, в тайге без мяса как будете жить», — сказал Прокопию’; «*Ката, мэни хали, бэридикэс тек би карабиму*», — *Тормита хэбдекми иненрэн* ‘«Лучше о себе позаботься, как бы ты не потерял мой карабин», — Тормита весело засмеялся’ (Тор).

Примеры употребления форм предостерегательного наклонения будущего времени (или наклонения неочевидного действия настоящего времени): *Нам-да, окат-та хөлидун экич иркар — тикчикэс, мавдикас* ‘На берегу моря или реки нельзя громко кричать — упадешь, разобьешься’; *Бэй накатту осисамча, кикавча, оййон, мавуттон, дёданнон-ул этэнри гад — мэмэчэнду мавдикас* ‘У человека, которого поцарапал или покусал медведь, не бери ни одежду, ни аркана, никаких вещей — медведь может тебя убить’; *Делгэнкэв-дэ, өликив-дэ ясалдула эти навкаткаракил — балидикас, төнӈэкич* ‘Никакого зверя, и белку, в глаз не стреляй — ослепнешь, грешно’; *Куӈатки гөнмэй: тогу эди хуӈригрэр, тогач эди эвир — эбэтэ одикас. Тогла эмнэс тумнир — тогу асукандинри, иӈэмникэн көкэдикэс*

‘Надо говорить детям: не касайся огня, не играй огнем — будешь часто мочиться. В огонь нельзя плевать — ты разозлишь огонь, можешь умереть от холода’; *Унтав экич улэр*, *минэми хиркань-ул*, *носнинчач-ул*, *ариӈкал гадикал* ‘Обувь нельзя выбрасывать целой, надо ее разрезать ножом или ножницами, а то злые духи *арингка* могут взять ее’; *Этэргэн дюван эди хиккаракил — уданна одик!* ‘Муравейник не разоряй — все время дождь идти будет!’; *Өсэри аси этэн хатарсиду гиркаватта*, *хутэн ачча оча-вул*, *бутэн-ул бакудик* ‘Беременная женщина не должна ходить одна в темноте, ребенок может родиться мертвым или больным’; *Яв-ул каваку*, *калтаку дюлай экич дявутта*, *ӈи-вул бутэнэлдик*, *көкэдик* ‘Ничего сломанного, треснутого в доме держать нельзя, кто-нибудь заболеет или умрет’; *Ӈину*, *нөкэчэм*, *буюм*, *хэӈуню*, *гиркарив*, *онакив ӈэнукэтми төннэкич — эмдик*, *гасчидик*, *ядай мину ӈэнукэчинри?* ‘Про собаку, лося, дикого оленя, медведя, волка, росомаху загадок не загадывают — грешно, иначе придет, спросит: зачем про меня загадки загадываешь?’ (ЭФ).

Сослагательное наклонение

Сослагательное наклонение в эвенском языке образуется посредством суффикса *-мч-* и системы личных показателей, тождественной системе личных суффиксов наклонения неочевидного действия с нулевыми показателями в формах 3-го л. ед. и мн. ч. и морфологическим показателем числа *-л* во всех формах множественного числа (табл. 41).

Грамматическое значение сослагательного наклонения в эвенском языке сводится к тому, что данная форма выражает исключительно нереальное действие — такое, которое не имело места или мыслится говорящим как невозможное. Обычно конструкции с формами сослагательного наклонения состоят из двух предикатов с одинаковыми модальными формами в обеих частях, например: *Тинив эмэмчис*, *нимкамчу* ‘Если бы ты вчера пришел, я рассказывала бы сказки’.

В речи представителей старшего поколения, не владеющих или слабо владеющих русским языком, данный тип употребления форм сослагательного наклонения является единственно возможным: конструкции с други-

Таблица 41

Формы сослагательного наклонения глаголов

Исходная форма		Основа на гласный		Основа на согласный		Основа на *-н*	
		хадай ‘знать’	*бөдэй* ‘дать’	*мялдай* ‘проснуться’	*ӈэлдэй* ‘бояться’	*мяндай* ‘удивиться’	*гөндэй* ‘сказать’
ед. ч.	1-е л.	*хамчу*	*бөмчу*	*мяламчу*	*ӈэлэмчу*	*мямчу*	*гөмчу*
	2-е л.	*хамчис*	*бөмчис*	*мяламчис*	*ӈэлэмчис*	*мямчис*	*гөмчис*
	3-е л.	*хамчи*	*бөмчи*	*мяламчи*	*ӈэлэмчи*	*мямчи*	*гөмчи*
мн. ч.	1-е л., искл. форма	*хамчилбун*	*бөмчилбун*	*мяламчилбун*	*ӈэлэмчилбун*	*мямчилбун*	*гөмчилбун*
	1-е л., вкл. форма	*хамчилти*	*бөмчилти*	*мяламчилти*	*ӈэлэмчилти*	*мямчилти*	*гөмчилти*
	2-е л.	*хамчилсан*	*бөмчилсэн*	*мяламчилсан*	*ӈэлэмчилсэн*	*мямчилсан*	*гөмчилсэн*
	3-е л.	*хамчилтан*	*бөмчилтэн*	*мяламчилтан*	*ӈэлэмчилтэн*	*мямчилтан*	*гөмчилтэн*

ми условными формами (например, с формами деепричастия на *-ми* при моносубъектности и формами деепричастия на *-рак-/-рэк-* при разносубъектности главного и зависимого предикатов) считаются грамматически неправильными (если слушающий следит за речью собеседника, такое употребление условных форм исправляется знатоками языка на формы сослагательного наклонения).

Однако, как показывает анализ текстов, формы сослагательного наклонения в эвенском языке употреблялись в конструкциях с другими условными формами, прежде всего с формами условно-временного деепричастия на *-ми*, уже во второй половине XIX в. Приведем примеры таких конструкций из записей Г. Майделя: *Эне*, *мудэкэн бисэкэн би-дэ мудэкэн бимчу*, *эне*, *илэ мин амму?* ‘Мама, если бы <отец> был пень, то и я был бы пнем, мама, где мой отец?’ (цит. по [Schiefner, 1874; Бурыкин, 2007, с. 377]).

Другие примеры употребления форм сослагательного наклонения: *Бөдэлэлкэн бими*, *няниндула исамчи. Эрэк як?* (*Хотаран*) ‘Были бы ноги, до неба бы дошла. Что это? (Дорога)’; *Имсэлкэн бими*, *ойоӈу* (*ониӈу*)*-да дебэмчу. Имсэлкэн бэй ойоӈу* (*ониӈу*)*-да дебгэрэн* ‘Был бы я толстым, ел бы песок. Толстый человек даже песок ест’ (ЭФ); «*Бисни*», — *гөнчэлэтэн*, *өрэлдэчэгчин мусэмэснин*, *тадук ноӈандулан тикэмчу*, *теми мину дюлан хөрулдэ гөнин* ‘Когда сказали, что он здесь, будто обрадовался, улыбнулся, потом сказал, что остановился бы у него, велел повести к его дому’; *Эмӈэ төр нян эгден город бинидукутэн тэлэӈус долдамчу* ‘Хотел бы услышать про жизнь в широких землях, большом городе’ (БХ).

Наклонение вероятности

Категориальная форма наклонения вероятности в восточных диалектах эвенского языка ранее не выделялась. Причина этого, на наш взгляд, заключается в том, что личные формы наклонения вероятности являются омонимичными лично-притяжательным формам причастия прошедшего времени с суффиксом *-даӈ-/-дэӈ-*.

Формы наклонения вероятности в восточных диалектах эвенского языка образуются при помощи суффикса *-даӈ-/-дэӈ-* и суффиксов, соотносительных с лично-притяжательными суффиксами. По предварительным данным, рассматриваемая модальная форма имеет только формы 1-го и 2-го лица ед. и мн. ч. Например: *гөндэӈэс* ‘может быть, ты скажешь’, *дептэӈэс* ‘может быть, ты съешь’. Способы образования форм наклонения вероятности вместе с грамматическими средствами, позволяющими различать личные формы причастия на *-даӈ-/-дэӈ-* и рассматриваемые модальные формы, приведены в табл. 42.

Примеры употребления форм наклонения вероятности: *Хуле*, *ями эсэнри нэмкэр? Нэмкуриди эмудэӈэс-э*, *деббөттэ таравур* ‘Дитя, ты почему не выстрелил? Может, выстрелив, принес бы, то ведь едят’; *Эррөччөн яду бөнри? Эсэкчэв он дебдим? Өлэддэӈэс* ‘Почему такое даешь? Как я буду есть сырое? Может, сварил бы (ты)’; *Эӈэй*, *эӈэй*, *матаякан Мэӈдуни яван-у*

Таблица 42

Формы наклонения вероятности и причастия на *-дау-/-дэу-*

	Лицо, число	Наклонение вероятности	Причастие на *-дау-/-дэу-*
ед. ч.	1-е л.	*би бактаву* ‘я, может быть, найду’	*мин бактаву* ‘то, что я нашел’
	2-е л.	*хи бактаӈас* ‘ты, может быть, найдешь’	*хин бактаӈас* ‘то, что ты нашел’
	3-е л.	—	*ноӈан бактаӈан* ‘то, что он нашел’
мн. ч.	1-е л., искл. форма	*бу бактаӈун* ‘мы, может быть, найдем’	*мун бактаӈун* ‘то, что мы нашли’
	1-е л., вкл. форма	*мут бактаӈат* ‘мы с вами, может быть, найдем’	*мут бактаӈат* ‘то, что мы с вами нашли’
	2-е л.	*ху бактаӈасан* ‘то, что вы, может быть, найдете’	*хун бактаӈасан* ‘то, что вы нашли’
	3-е л.	—	—

хундинды хуючэмӈэ-дэ бидэӈэву өлэдемӈэ-дэ бидэӈэву ‘Энгэй, энгэй, богатырь Мэнгдуни, выйдя за тебя замуж, я, может быть, кипятила бы, я, может быть, варила бы тебе’; *Нөн икэнни:* «*Экэ*, *тэтий-усин тэтнэдэӈэс*, *унтачами-усин тэтнэдэӈэс*» ‘Братишка запел: «Сестра, ты бы хоть доху надела, хоть унты надела бы»’ (СЭ).

Залоги глагола

В описаниях эвенского и других тунгусо-маньчжурских языков залоговыми формами принято называть несколько категорий глагольного слово- и формообразования, способных изменять актантную структуру глагольной словоформы. Обычно на основе морфологических критериев выделяются формы действительного (в эвенском языке специального морфологического показателя не имеет), страдательного, средневозвратного, побудительного, взаимного и совместного залогов. При ином подходе к описанию грамматики эвенского языка те же формы рассматриваются как особые категории глагольного формообразования в рамках функционально-семантической категории залоговости [Роббек, 1984, 1989, 1992].

Форма страдательного залога

Форма страдательного залога в эвенском языке образуется от переходных и непереходных глаголов. Единственным условием преобразования активной конструкции в пассивную является наличие субъекта и объекта, выраженных существительным или местоимением, принадлежащим к классу активных имен (чаще всего это обозначения людей, изредка — животных). Формы страдательного залога образуются при помощи суффикса *-в-//-ав-/-эв-/-ив-/-м-*: *мавдай* ‘быть убитым’, *бакавдай* ‘быть найденным’, *дебэвдэй* ‘быть съеденным’, *дяивдай* ‘быть спрятанным’, *хэпкэмдэй* ‘быть пойманным’. Конструкции с переходными глаголами, имеющими инактивное дополнение, не преобразуются в страдательные.

Для непереходных глаголов условием перехода исходной активной конструкции в пассивную служит наличие в группе субъекта притяжательных словосочетаний.

Одной из особенностей преобразования активных конструкций в пассивные в эвенском языке является возможность смещений в позицию субъекта пассивной конструкции любого члена притяжательного словосочетания в субъектных и объектных группах.

Различий в плане образования пассивных форм глагола и правил преобразования активных конструкций в пассивные по отдельным эвенским диалектам не наблюдается. Можно отметить различие в употребительности самих страдательных конструкций и их типов по функциональным разновидностям эвенского языка. В разговорной речи пассивные обороты разных типов довольно широко употребительны. В фольклорных текстах, на первый взгляд, преобладают однотипные пассивные конструкции, образованные от непереходных глаголов, чаще всего с однотипным лексическим наполнением типа *мут хөнэлду эмэврэп* ‘мы подверглись приходу врагов’. В обследованном корпусе образцов малых жанров фольклора эвенов отмечается не совсем обычное использование пассивных форм с опущением субъекта и объекта пассивной конструкции.

В письменном эвенском языке пассивные конструкции применяются весьма редко и демонстрируют употребление только одного из типов — конструкций со смещением прямого объекта в позицию субъекта, в том числе такого объекта, который по нормам грамматики эвенского языка в позицию субъекта смещен быть не может (например, если объект исходной активной конструкции выражен инактивным именем существительным: так, невозможен пассив от конструкции *би хиркам бакрам* ‘я нашел нож’, но возможен пассив от конструкции *би качикам бакрам* ‘я нашел щенка’).

По нормам эвенской грамматики, причастные формы глагола совмещают в себе действительное и страдательное значения: как известно, форма *мача* может иметь значение ‘убивший’ и ‘убитый’. Причастные формы, содержащие залоговый показатель (формы типа *мавч*а ‘убитый’), являются абсолютно нормативными, но употребляются только для снятия омонимии словосочетаний, когда залоговое значение причастной формы не ясно из контекста, а определяемое существительное называет такой предмет, который может выступать как субъектом, так и объектом действия, обозначенного глаголом.

Примеры употребления форм страдательного залога: *Нам-да*, *окат-та холидун экич иркар — тикчикэс*, *мавдикас* ‘На берегу моря или реки нельзя громко кричать — упадешь, разобьешься’; *Деплэв тикчэв экич гявра гад — укал депчэ*, *төнүэкич*, *төр мурандун дебэвчэ* ‘Еду, упавшую на землю, второй раз не бери — грешно, она уже съедена хозяином земли’; *Төр тукалан як-ав бэбэн чулбаня бивэттэн*, *инночилэн-дэ*, *этэн тикэврэ гургэлдэри?* (*Атаки*) ‘Среди земного мусора чья колыбелька зеленая бывает, он мастер ее на спине носить, никогда не уронит, шевелясь? (Паук)’; *Умка-*

гачакан этикэчэкэр ханимадда гөӈрэр. (*Тугэрэп хярму хярауан*) ‘В иней одетые старички от дыма страдают — так говорят. (Зимой верхние жерди юрты)’; *Хути эрэгэр эди дяргаграр — бэйди дяргавдинри* ‘Не ругай своих детей, иначе <они> тебя самого будут ругать’ (ЭФ).

Форма средневозвратного залога

В эвенском языке форма средневозвратного залога образуется от относительно ограниченного числа глаголов, большей частью каузативных по семантике: преобладающее значение данной формы является декаузативным. Формы средневозвратного залога образуются от основ глаголов посредством присоединения суффикса *-б-//-п-*, например: *бэридэй* ‘потерять’ — *бэриптэй* ‘потеряться’, *бактай* ‘найти’ — *бакаптай* ‘найтись, оказаться найденным’, *эмэндэй* ‘оставить’ — *эмэптэй* ‘остаться’.

Насколько можно судить по опубликованным исследованиям и материалам, в западных диалектах эвенского языка формы средневозвратного залога употребляются более активно, нежели в восточных; при этом формы средневозвратного залога представлены не только в личных формах глаголов, но и в причастных и деепричастных.

Формы средневозвратного залога в разговорной речи и фольклорных текстах относительно редки в силу ограниченности круга глаголов, от которых они образуются. В письменном языке формы средневозвратного залога калькируют русские конструкции с глагольными формами на *-ся* в разных значениях.

В причастных формах, в отличие от страдательного залога, суффикс средневозвратного залога встречается чаще, особенно в образцах текстов на западных диалектах эвенского языка или письменных текстах, сохраняющих языковые признаки западных диалектов: в этом случае среди страдательных причастий преобладают формы типа *хаӈанапча* ‘сшитый’, *таӈапча* ‘прочитанный’. Данное явление, отмечающееся в письменном языке, может рассматриваться как факультативное, поскольку морфологическая маркировка страдательных причастий в эвенском языке не является обязательной. Определенную роль в возникновении морфологически маркированных страдательных причастий играет воздействие русского языка, однако причины большей активности употребления средневозвратного залога в западных диалектах эвенского языка не вполне ясны: остается только предполагать, что здесь сказывается воздействие якутского языка, который, как и русский язык, имеет только одну форму страдательного залога, или же тут проявляется воздействие дифференцированной морфологической маркировки залогового значения у личных и причастных форм глагола в русском языке.

Примеры употребления форм возвратного залога: *Ноӈман хоч аявапникан-тит дэпки көветӈэ туркучэпти. Як бисни?* (*Нёлтэн*) ‘Оно очень любимое, но смотреть прямо на него невозможно. Что это? (Солнце)’; *Хи хөлурэкэс ноӈан бодуччин*, *хи нёгракас ноӈан бодалды-гопти бисни.* (*Хинян*) ‘Ты

за ней побежишь, она за собой тебя поведет, ты впереди пойдешь, она за тобой — так говорят. (Тень)'; *Бэй гян бисни*, *ач икирилэ. Тарак бэй бэйдук эсни эмэбботтэ.* (*Хинян*) 'У человека есть друг без костей. Тот человек от человека никогда не отстает. (Тень)'; *Дептэкэн*, *эсни мануптa бисни*, *усу. Тавур як?* (*Тавур муран остуганни*) 'Когда его едят, никогда не кончается — так говорят. Что это? (Это лошадиные удила)'; *Унтан гадан-такан хаӈанапча* 'Один только торбас расшит (о семье, где только один из детей хорошо учился)'; *Борипча оста-да дын далси*, *дёрмипча уман-да дын ач амтана* 'То, чем поделились, даже с ноготь размером сладко, то, что украли, <размером> даже с мозговую кость безвкусно'; *Таӈчими ойчипти*, *таӈчими хэкэскэпти* 'Оленью упряжку надо держать и на подъеме, и на спуске'; *Оран икириди хинмаптан*, *бэй мэргэнди эскэптэн* 'Оленя выбирают по костям, человека славят по уму'; *Боӈга кӧевэн бакми*, *этэнри гад — улсаду имабдикас*, *тӧнӈэкич* 'Если найдешь рога снежного барана, не бери — попадешь под снежный обвал, грешно' (ЭФ).

Форма побудительного залога

В эвенском языке формы побудительного залога образуются от неограниченного круга глаголов посредством присоединения к основе суффикса *-вкан-/-вкэн-//-укан-/-укэн-//-мкан-/-мкэн-*, например: *гавкандай* 'заставить взять', *тэгукэндэй* 'посадить', *гӧмкэндэй* 'заставить сказать'.

Формы побудительного залога в одинаковой мере употребительны в устной речи, фольклорных текстах и письменном языке. Различий по отдельным функциональным разновидностям языка, а равно и по диалектам, не наблюдается.

Примеры употребления форм побудительного залога: *Оллав букэтэч өгэски эли ноккаракил — удалукандик*, *удалдик!* 'Рыбу головой вверх не вешай — это дождь вызовет, дождь начнется!'; *Ибдири бэй бэю-дэ хӧрудин*, *эрэглэ-дэ хӧруми хӧрудин*, *уюкавкаттан.* (*Окай*) 'Неизвестный человек человека увести может, всегда, как поведет, так уведет, бродить заставляет. (Мухомор)'; *Тунӈан нӧнурдук дыгэн нӧнур эрэгэр өмэтту бигрэчэл*, *өмэн нӧвур өмэккэнь бивкэттэ.* (*Дыгэн хаир нян хӧрэгэн*) 'Из пяти братьев четверо всегда вместе живут, одного брата в одиночестве жить заставляют. (Четыре пальца и большой палец)'; *Ибдири бэй өмэн ясалан*, *тар бими*, *эйду тэтукэнни*, *инив-ул бэю.* (*Инмэ*) 'У неизвестного человека один глаз, но хотя и так, он всех одевает, всех живущих людей. (Игла)'; *Ибдирикэкэн бэйкэкэн авчанни дэсчиддэн*, *ибдирил-дэ бэил-дэ ennэвутэн гургэлдэлукэвэттэн.* (*Минэ нипкэлдывунни*) 'Шапчонка неизвестного человека лежит, он неизвестных людей языки шевелиться заставляет. (Пробка от винной бутылки)'; *Делгэнкэв-дэ*, *өликив-дэ ясалдула эти навкаткаракил — балидикас*, *тӧнӈэкич* 'Никакого зверя, и белку, в глаз не стреляй — ослепнешь, грешно'; *Ой*, *унта-да тэкэкудин эди инингэрэкил — удалукандикас!* 'Над рваной одеждой, обувью не смейся — этим дождь вызовешь!'; *Оран хускандин — мунди оннаван мэдукэттэн* 'Олень убегает от тебя — <это>

предвещает плохую погоду (ветер и дождь)'; *Аваски-вул хөрэддэкэс*, *учакас амаски булнинни — куңа бутэнэлэннэвэн мэдукэнни* 'Если куда-нибудь едешь и твой ездовой олень оглядывается назад — он извещает, что ребенок заболеет' (ЭФ).

Форма взаимного залога, или форма взаимности

Формы взаимного залога, или взаимности, обычно образуются от переходных глаголов (формы от непереходных глаголов имеют значение совместности) посредством суффикса *-мат/ч-//-мэт/ч-*: *тедэй* 'отнять' — *темэттэй* 'отнимать друг у друга', *укчэндэй* 'говорить' — *укчэнмэттэй* 'беседовать (владеть каким-либо языком)', *гуйдай* 'бодать' — *гуйматтай* 'бодаться'.

Формы взаимности в одинаковой мере употребительны в устной речи, фольклорных текстах и письменном языке. Различий по диалектам в образовании или использовании данных форм не отмечено.

Примеры употребления форм взаимного залога: *Нюритур экич улэр*, *нюритур тесчимэчидилдикэс — төнңэкич* 'Волосы свои нельзя бросать, а то ты потом можешь начать отнимать их у других — грешно'; *Дёр нөтэл өмэтту тугуникэн*, *мэн мэнур эстэн итмэткэрэр*, *усу.* (*Ясал*, *коритал*) 'Два брата, вместе родившиеся, друг друга не видят — так говорят. (Глаза и уши)'; *Дёр кяганти мэн мэнур дэпки көемэтникэн илатта*, *усу.* (*Киримки*) 'Два медведя друг против друга стоят, друг на друга смотрят — так говорят. (Брови)'; *Дёр ибдири бэй аканун хөпкэчэн тэриндун бисни. Мэр доли эстэн хаматта.* (*Корит*) 'Два загадочных человека, брата, по сторонам сопки живут. Друг друга не знают. (Уши)'; *Бэйду көчукэр дёр бэй бисни. Тарал бэил эрэгэр инивур чөптэрэ есчимэчиддэ.* (*Бөдэл*) 'У человека два маленьких человека имеется. Те люди всегда, всю свою жизнь, соревнуются. (Ноги)'; *Дёр өмэтту балдачал өмэтту гургэвчир*, *бинивур чөптэрэ есчимэттэ*, *авугда эсни емэттэ.* (*Бөдэлэл*) 'Двое вместе родившихся вместе работают, всю жизнь соревнуются, никто никого не обгоняет. (Ноги)'; *Дёр бягандял есчимэчиддэ-дэ*, *авугатан-да эстэн дабдаватта. Оран ңондилан биси нёбати мэрэти* 'Два месяца состязаются, и ни один из них другому не уступает. (У оленя на задних ногах белые пятна)'; *Нёлтэн аткиканнюн халгань есчимэчиддэ.* (*Ункапул*) 'Солнце с месяцем в беге соревнуются. (Белые пятна на задних ногах оленя)'; *Окаю эстэн минэкэттэ*, *калтиматта — төнңэкич* 'Мухомор не режут, на части не разделяют — грешно' (ЭФ).

Форма совместного залога, или форма совместности

Формы совместного залога, или совместности, образуются в эвенском языке посредством суффикса *-лда-/-лдэ-*, например: *оңкалдадай* 'пастись совместно в одном месте (о животных)', *хуелдэдэй* 'разойтись в разные стороны, развестись', *дявалдадай* 'взяться друг за друга в борьбе, взяться за руки', *гөлдэдэй* 'договориться, прийти к соглашению'.

Хотя форма совместности относится не к сфере словообразования, а к формообразовательным категориальным формам, глаголы в форме совместностного залога используются в текстах достаточно редко. Встречаемость форм совместности в устной речи, фольклорных текстах и письменном языке примерно одинакова, и всюду они являются достаточно экзотическими, так как значение совместности чаще передается наречием *өмэтту* ‘вместе’ без соответствующей морфологической маркировки глагольной формы. Отмечается отсутствие форм совместности с суффиксом *-лда-/-лдэ-* в нижнеколымском говоре: здесь значение совместности передается через использование имен существительных и местоимений в совместном падеже.

Примеры употребления форм совместности: *Дёр гайси таӈняч хамулдуттан гөӈрэр.* (*Эмгун*) ‘Два плеча оленя рогами смешались друг с другом — так говорят. (Седло)’; *Хоч бадич мялми — тарав инэну төӈкэридук бэйдук дукум дявдинри, бэййен-ул бакалдадинри* ‘Если проснулся очень рано — в этот день от уважаемого тобой человека получишь письмо или встретишься с ним самим’; *Инмэв томкачач хэмриди, энинды бөдилми, томкачав энмэй инӈэр — инӈэми гяла бугла этэс бакалдаматта* ‘Вдев нитку в иголку, когда даешь ее своей матери, нельзя завязывать нитку узлом — если завяжешь, в другом мире с ней не встретишься’; *Дёр аканун, даликун бисоникэн, ок-та эстэн бакалдамаччотта.* (*Ясалал*) ‘Двое братьев, живя поблизости, никогда не встречаются. (Глаза)’ (ЭФ).

В приведенных примерах показатели форм совместности и взаимности встречаются в пределах одной словоформы, и такие образования в текстах довольно нередки.

Видовые формы глагола и глагольные формы, выражающие характер протекания действия

В описательных грамматиках и специальных исследованиях в эвенском языке выделялось более двух десятков глагольных форм, выражающих различные оттенки протекания действия. В грамматическом очерке В.И. Цинциус эти формы назывались видовыми формами глагола. В.А. Роббек предложил называть их формами видов и формами видовых классов. В грамматическом очерке И. Бенцинга данная группа форм не отделена от так называемых залоговых форм глагола и все категориальные формы глагольного формообразования рассматриваются единым списком.

Несмотря на наличие довольно большого числа специальных научных трудов, посвященных видовым (в традиционном понимании) формам эвенского глагола, их описание еще далеко от полноты, свидетельством чему является обнаружение нескольких показателей характера протекания действия, не отмеченных в известных работах [Шарина, 1999].

В настоящем изложении мы попытаемся разделить формы, выражающие характер протекания действия, по их морфологическим характеристикам, а именно по словообразовательному/формообразующему характеру грамматического показателя, который проявляется прежде всего в ограни-

ченной или неограниченной сочетаемости с глагольными лексемами. Чтобы не создавать терминологических сложностей, термин «вид» будет применяться только к формообразовательным категориям. Категориальные формы, показатели которых имеют статус словообразовательных единиц, а также если этот статус нельзя считать окончательно выясненным, характеризуются только по своему значению.

Категории глагольного формообразования, выражающие характер протекания действия

Форма несовершенного вида

Форма, выражающая незавершенность действия на момент высказывания или длительность действия и именуемая формой несовершенного вида, образуется посредством суффикса *-д-/-з-*: *хуклэдэй* ‘уснуть’ — *хуклэддэй* ‘спать’, *илдай* ‘встать’ — *иладдай* ‘вставать’, *гөндэй* ‘сказать’ — *гөндиддэй* ‘говорить’ (от глаголов с основой на *-н* данные формы образуются с удвоением грамматического показателя).

Примеры употребления форм несовершенного вида: *Ибдирикэкэн бэйкэкэн дэтлэлкэн, эрэгэр дараңчиддан.* (*Гусэтэ*) ‘Неизвестный человечек крылатый, все время свои крылья расправленными держит. (Орел)’; *Ибдирикэкэн бэйкэкэн урэн долан ңэриңчиддэн.* (*Розетка*) ‘У неизвестного человечка в животе свет имеется. (Электророзетка)’; *Бэй аси ңалдун набгаңчин эрэглэ.* (*Унипан*) ‘Человек к руке женщины навсегда прилип. (Наперсток)’ (ЭФ).

***Форма продолженного вида* (*статив*)**

Форма, выражающая длительное состояние, сохраняемое на момент речи или момент отсчета времени относительно другого действия, образуется посредством суффикса *-т-/-ч-*: *өнедэй* ‘привязать’ — *өнеттэй* ‘быть привязанным’, *тэгдэй* ‘сесть’ — *тэгэттэй* ‘сидеть’, *илдай* ‘встать’ — *илаттай* ‘стоять’, *өрэндэй* ‘обрадоваться’ — *өрэңчидэй* ‘радоваться’ (глаголы с основой на *-н* демонстрируют нестандартные наборы алломорфов с конвергенцией исторически разных морфологических показателей).

Примеры употребления форм продолженного вида: *Хэлургун амңай туруттан.* (*Печка*) ‘Людоед-страшилище рот свой открытым держит. (Печка)’; *Эне иңэкчэ окэнеңэн эрэгэр нокучаддан.* (*Бягандя*) ‘Замерзшее молоко матери все время висит. (Луна)’; *Бэю бэйду бакукамңа нюнэтти бэй бисни.* (*Удь*) букв. ‘Человеку человека помощник находить-указывающий человек есть. (След)’; *Ибдири дэгичэн аннанаңан өмэн-нюн аткикан, деплэңи инмэчэнди-нюн бакран, инмэчэнди кубэччөн имкаттан, исагдук илбэттэн.* (*Куличан*) ‘Неизвестная птица, летающая в году лишь один месяц, пищу себе своей иголкой находит, своей иголкой во всех целится, из леса прогоняет. (Комар)’ (ЭФ).

Форма вида обычно совершаемого действия

Форма, выражающая относительную регулярность совершаемого действия безотносительно к моменту речи (действие, обозначенное данной формой, могло многократно совершаться до или после момента речи),

образуется при помощи суффикса *-ват/ч-//-вэт/ч-*: *гадай* ‘взять’ — *гаваттай* ‘обычно брать’, *ӈэндэй* ‘идти’ — *ӈэннөттэй* ‘обычно ходить’, *гөндэй* ‘сказать’ — *гөвэттэй* ‘обычно говорить’.

Примеры употребления форм вида обычно совершаемого действия: *Хуланя дэги инэӈу чөптэрэ дэгготтэн, хисэчинду төрлэ доваттан.* (*Нёлтэн*) ‘Красная птица весь день летает, а вечером на землю садится. (Солнце)’; *Кабяв ями дёлкакарбу нимӈэвэттэн?* (*Тарич нямалчиваттан*) ‘Куропатка почему камешки глотает? (Она так греется)’; *Дёр аканун, даликун бисоникэн, ок-та эстэн бакалдамаччотта.* (*Ясалал*) ‘Двое братьев, живя поблизости, никогда не встречаются. (Глаза)’ (ЭФ).

Примеры с удвоением показателя *-ват/ч-//-вэт/ч-* в пределах одной словоформы: *Долбони ӈинан бисни, долбу-ткан гиркаваччоттан.* (*Нёӈчак*) ‘Ночная собака есть, она только по ночам ходит. (Волк)’; *Ибдири бэй эрэгэр дебэмси төлли туттөччөтти бисни. Хо дёрмин.* (*Нёӈчак*) ‘Живет неизвестный человек, всегда голодным по свету бегающий. Очень вороватый. (Волк)’; *Ибдири бэй эрэгэр дебэмси төлли туттөччөтти бисни Хо Дёрмин.* (*Хуличан*) ‘Загадочный человек всегда голодный на улице бегает. Большой вор. (Лиса)’ (ЭФ).

Форма вида длительно-многократного действия

Форма, выражающая длящееся продолжительное время и многократно или постоянно совершаемое действие, образуется посредством суффикса *-с-*: *нёдэй* ‘выйти’ — *нёстэй* ‘выходить (часто, постоянно)’, *эмдэй* ‘прийти’ — *эмэддэй* ‘приходить (в настоящий момент)’, *эмэстэй* ‘приходить (многократно безотносительно к длительности)’, *гөндэй* ‘сказать’ — *гөстэй* ‘говорить (многократно)’. В грамматических описаниях этот показатель в качестве формообразующего не фиксировался, тем не менее данная форма не проявляет заметных ограничений в сочетаемости с глагольными основами. На письме формы с суффиксом *-с-* малоупотребительны, но в разговорной речи и в фольклоре встречаются часто.

Примеры употребления форм вида длительно-многократного действия: *Нюритэлкэн этикэн аю деплэӈӈон бэил эсникэн улгимир хептур хинюссотта. Тарич кабалканикан дебэллоттэ.* (*Бокат*) ‘Волосатого старика хорошую еду люди, не спрашивая, в карманы свои кладут. Ею щелкая, едят. (Кедровые орехи)’; *Эникэн ичур анусадды бисни. Тарак як бичэ бидин?* (*Эдэн*) ‘Невидимый, а все время толкается. Это что такое будет? (Ветер)’; *Ибдири бэй хавкади-да инни, титэл бэю-дэ хавкалдассоттан, хөнтэлбу-дэ инилбу инимэгэн.* (*Хуличан*) ‘Неизвестный человек хитростью своей живет, издавна человека обманывает, любитель смеяться над другими неизвестными. (Лиса)’; *Буюм буюддэкэс, хину эрэли буюр маӈдиракатан — тарав аннанив аич буюсчинри* ‘Когда охотишься на дикого оленя, и вокруг тебя пробегают дикие олени — <значит> в этот год будешь хорошо охотиться’; *Ӈалур хиркань минэсми оран нанраван алтаван набгинмай* ‘Если порежешь руку ножом, надо приложить к ране мездрой оленью шкуру’; *Ӈал-гу, бөдэл-гу эгдень минэсэптэкэн, нялакча яв-ул хумдин хаӈананмай* ‘Если сильно поранена (порезана) рука или нога, не дав ране подсохнуть, надо зашить <ее> какой-нибудь сухожильной ниткой’ (ЭФ).

Форма вида неоднократно совершаемого действия

Рассматриваемая форма выражает многократно совершаемое действие, совокупность актов совершения которого как бы обрамляет момент речи; действие, обозначенное данной формой, мыслится как то, которое совершалось в прошлом и будет совершаться в будущем. Образуются формы вида неоднократно совершаемого действия посредством суффикса *-гра-/-грэ-//-гара-/-гэрэ-//-ŋра-/ŋрэ-*: *мадай* ‘убить, добыть’ — *маградай* ‘убивать, добывать’, *гөндэй* ‘сказать’ — *гөŋгрэдэй* ‘говорить (неоднократно)’. Отличие грамматического значения рассматриваемой формы от других форм выражения многоактности/многократности действия проявляется в том, что данная форма в восточных говорах эвенского языка является, по существу, единственной формой многократности в прохибитивных конструкциях, например: *эмэкэн гаграр* ‘больше не надо брать’ (предполагается, что действие неоднократно совершалось в прошлом и может столь же неоднократно совершаться в будущем).

Указанная форма отличается особой активностью среди форм длительности/многократности действия в западных диалектах эвенского языка и, соответственно, в письменных текстах, ориентированных на узус западных диалектов. В восточных диалектах эта форма относительно редка и почти специализирована для прохибитивных конструкций. В письменных текстах форма вида неоднократного действия чаще всего оказывается одним из неспециализированных синонимических показателей многократности действия.

Примеры употребления форм вида неоднократно совершаемого действия: *Нёбати хулракан төру даскаран. Нёлтэн дулракан, тарак-та ачча огран.* (*Иманра*) ‘Белое одеяло землю покрывает. Солнце согревает — оно исчезает. (Снег)’; *Долбаниŋман хаŋардук нөгрэн, иŋэниŋмэн хаŋарду игрэн.* (*Имэнру*) ‘Ночью из дыры выходит, днем в дыру уходит. (Завязка на одежде либо пуговица)’; *Дёр төŋэр моч милтэрэми өрусŋэрэчэ.* (*Хоŋан*) ‘Два озера, когда водой наполняются, радуются. (Плач)’ (ЭФ).

Форма вида многократного действия

Данная форма образуется при помощи суффикса *-кат/ч-//-кэт/ч-*, основным ее значением является частота, раздельность повторяющегося действия: *нулгэдэй* ‘кочевать’ — *нулгэкэттэй* ‘кочевать (кочевать непродолжительно, часто или во многих местах)’, *идэй* ‘заходить’ — *икэттэй* ‘заходить часто (во многие дома)’.

Примеры употребления форм вида многократного действия: *Унэм бдид’ур тадук эн’эн’ун оралбу мултукатча* ‘Построив чум, после <они> с матерью отвязывали оленей’ (Н.-К.); *Адит аич бэлэмнэткэчир, икэкэчил, ћэд’экэчир* ‘И вправду хорошо готовятся, часто поют и танцуют’ (В.-К.); *Көйэнри, тарал орар, амкачантаки көйэтникэн, дилалбур өгэркэттэ* ‘Видишь, те олени, поглядывая в сторону горы, <часто> поднимают головы’ (Бер.); *Дёр аканур төŋэру эрэли кусикэчиддэ.* (*Харамта*) ‘Два брата дерутся через озеро. (Ресницы)’ (ЭФ).

Форма этого вида обозначает также многократное, часто наблюдаемое действие, которое осмысливается как нежелательное или имеющее отри-

цательные последствия, например: *ойчидай* ‘подниматься’ — *ойчиваттай* ‘подниматься (обычно, многократно)’ — *ойчикаттай* ‘подниматься, залезать (о мышах в кладовке)’; *онядай* ‘нарисовать’ — *оняваттай* ‘рисовать (обычно)’ — *онякаттай* ‘рисовать (без цели, карандашом в книге; о детях)’; *гөндэй* ‘сказать’ — *гөвэттэй* ‘говорить’ — *гөкэттэй* ‘говорить много понапрасну’; *маваттай* ‘убивать, добывать’ — *макаттай* ‘убивать помногу и понапрасну, без определенной цели’.

Форма встречается в эмоционально окрашенной устной речи. В фольклорных текстах с устоявшимися модальными характеристиками и письменных текстах видовые формы многократного действия отмечаются редко.

Форма вида многообъектного действия

Рассматриваемая форма обозначает действие, направленное на множество объектов или разбиваемое на разные пространственные сферы. Образуется посредством суффикса *-н-/-н’-* с приобретением производными формами типа спряжения по образцу глаголов с основой на согласный: *мадай* ‘убить’ — *мандай* ‘убить нескольких, добыть нескольких животных’; *нулгэдэй* ‘откочевать’ — *нулгэндэй* ‘кочевать и кочевать (неоднократно, в разных местах)’. Данные видовые формы при образовании их от непереходных глаголов имеют значение интенсивной многоактности.

Примеры употребления формы вида многообъектного действия: *Ибдири бэй-тэкэ-нюн, далра-да, орам эринрэн.* (*Дэвэнүит*) ‘Неизвестный человек такой сладкий и оленя все время зовет и зовет. (Гриб)’; *Ибдири бэй дялби эриниддэн, бөүкиүи, ибдиридук-тэ бэйдук ноүан бинни, тадук ибдири; ноүан билэкэн дюганиду тэтий эти нукра.* (*Бөүкэтэ бокат*) ‘Неизвестный человек родичей своих зовет, кривой, он от неизвестного человека неизвестный; тот, у кого он живет, летом свою одежду не снимает. (Кривая кедровая шишка)’ (ЭФ).

Форма вида редко совершаемого действия

Форма вида редко совершаемого действия обозначает такое повторяющееся действие, которое мыслится говорящим как производимое относительно редко, отдельные акты совершения которого отдалены друг от друга во времени. Образуется данная форма посредством суффикса *-ван-/-ван’-//-вэн-/-вэн’-//-ин-/-ин’-*: *гадай* ‘взять’ — *гавандай* ‘изредка брать’; *илбэдэй* ‘прогнать’ — *илбэвэндэй* ‘изредка прогонять’; *хоүдай* ‘плакать’ — *хоүиндай* ‘изредка плакать, всхлипывать’; *укчэндэй* ‘беседовать’ — *укчэниндэй* ‘изредка беседовать’. Форма является малоупотребительной как в устной речи, так и в фольклоре, для письменного языка она нехарактерна.

Примеры употребления форм вида редко совршаемого действия: *Ӈэлэм амүалин тог хевэнрэн* ‘Из страшной пасти изредка изрыгает огонь’; *Усиүи өсэлрэн, тандатан, өмэтэлбу гаванра* ‘<Он> потянул веревку несколько раз, чтобы вытащили, стали вытаскивать по одному’; *Тадук-ут-та өр магдилил-да одаванра дэгсивур, амаски некэссөттэ* ‘Тогда насекомые перестали летать, стали улетать обратно’ (СЭ).

Форма вида однократного действия

Форма вида однократного действия выражает однократный характер совершения действия, в эмоционально окрашенных контекстах имеет значение повышенной интенсивности действия, образуется посредством суффикса *-сан-/-сэн-/-сн-*. Данные глагольные формы принадлежат к особой разновидности спряжения глаголов с основой на *-н* и выпадающим гласным — к тому же типу спряжения, к которому принадлежат глаголы типа *мудандай* ‘окончиться’, *эдэндэй* ‘дуть (о ветре)’ и т.п. Примеры образования форм однократного действия: *нулгэдэй* ‘кочевать’ — *нулгэсэндэй* ‘откочевать’; *боддай* ‘следовать за кем-л.’ — *бодасандай* ‘отправиться следом за кем-то’; *хондай* ‘ударить’ — *хонасандай* ‘ударить один раз, ударить сильно’; *төрэндэй* ‘говорить’ — *төрэсэндэй* ‘сказать (коротко, резко, категорично)’. Каких-либо различий в использовании рассматриваемой формы в разных функциональных разновидностях эвенского языка не отмечается.

Примеры употребления формы вида однократного действия: *Тибами — дуярин*, *дэрэмкэми — гилрэлэснэн*. (*Окат*) ‘Бежала — шумела, умерла — заблестела. (Река)’; *Хэлургун амӈай аӈан*, *бэю дебэснэн*, *ады-вул бэй бидэн*. (*Утэн*) ‘Людоед свой рот раскрыл, человека съел, сколько бы людей ни было, съест. (Дом)’ (ЭФ); «*Тимина эмрэкэн бодасандинри-гу?*» — *улгимин хуттэкий аманни* ‘«Если приедет завтра, ты поедешь за ним?» — спрашивает отец у дочери’; *Асаткан хукусандай некрэн*, *ями эр дюлдэлэн хо нод хуркэн хэкэркинни* ‘Девушка собралась зачерпнуть воды, вдруг перед ней выскочил красивый юноша’; *Хэкэркиниди тарав тутэлэмнин чөлипкиндукун наӈтисандаӈан ӈалан таду набганни* ‘Вскочив, хотел схватить одну лапу, просунутую через ошейник, но рука его прилипла’; *Тачин эӈий мануракан дэсчисэндилрэкэн*, *дюлдэлэн ач бардала нам мөн ичулрин* ‘Когда у него иссякли силы, прилег на землю и увидел бескрайнее море’; *Ичиснэн*, *бульниснэн*, *ями аканни бусыкылни халкайла уйчириӈчир* ‘Взглянула, быстро осмотрелась, вдруг увидела на жердях привязанные погребальные вещи старшего брата’ (СЭ).

Форма вида длительного ослабленного действия

Форма вида длительного ослабленного действия обозначает длительное или многократное действие, совершающееся с малой интенсивностью или рассматриваемое говорящим как совершаемое с малой интенсивностью, скоростью и т.п. Образуется посредством суффикса *-дян-/дян’-// -ден-/-ден’-*, например: *бидэй* ‘быть’ — *бидендэй* ‘жить’; *ӈэндэй* ‘идти’ — *ӈэнэдендэй* ‘идти (тихо, медленно, не спеша, с затруднениями)’; *гөндэй* ‘сказать’ — *гөндидендэй* ‘говорить (медленно, неторопливо)’; *эндидендэй* ‘плыть по течению (медленно)’.

Форма вида длительного ослабленного действия широко употребительна в разговорной речи, особенно в эмоционально окрашенной, и в фольклоре, где она является одной из форм организации текста при повторении одних и тех же видовых форм, образованных от разных глаголов. В письменном языке она используется реже, чем в устной речи.

Примеры употребления форм вида длительного ослабленного действия: *Ӈэнни-дэ эмни*, *мину як бидин? Ӈэнэденми*, *як бидин минду?* ‘Хоть мимо иди, хоть заходи, что мне с того? Если ты пройдешь мимо, что мне с того?’ (ЭФ); *Мунрукан дэлгэнкэл өйдэлитэн нөлтэн херивэн дюлэгэч иттэй гөми*, *ӈөнриди илриди*, *мэнричиденрин* ‘Чтобы первым увидеть восход солнца, он вытягивался над зверями, обозревал долго’ (СЭ); *Тек тала исчин*, *тогу дурудин*, *чайники олдандин*, *тарич чаиӈи далдивникан хилудендин* ‘Сейчас дойдет туда, разведет огонь, вскипятит чайник, затем с удовольствием, не спеша будет пить чай’ (Тор).

Форма вида ускоренного действия

Рассматриваемая форма обозначает действие, протекающее со значительной скоростью, образуется посредством суффикса *-малчи-/-мэлчи-*: *минэдэй* ‘отрезать’ — *минэмэлчидэй* ‘быстро отрезать’; *ӈэндэй* ‘идти’ — *ӈэнэмэлчидэй* ‘быстро идти куда-л.’; *тяндай* ‘плыть (о рыбе)’ — *тямалчидай* ‘быстро плыть (о рыбе)’. Данная форма является употребительной во всех функциональных разновидностях эвенского языка, но встречается довольно редко, особенно в письменном языке.

Примеры употребления форм вида ускоренного действия: *Хуличан хо гургэвчилэн*, *дюткин-да хояракан иннөчимэлчин* ‘Лиса очень трудолюбивая, много раз быстренько таскала <мясо> в чум’; *Эйдун нөмэлчиснэ*, *эсөми уркэв тесчимэттэ*, *этикэн төрэмэн долдаридюр* ‘Все звери быстро выбежали, протискиваясь в дверь, услышав слова старика’ (СЭ); *Тормита нирудуки карабими нанӈтиснан*, *хинмамакан тулэмэлчин*, *тарпач амаргич пэктэрэнни* ‘Тормита сорвал со спины карабин, быстренько зарядил <его> и выстрелил вдогонку’ (Тор).

Форма вида замедленного действия или стремления совершить действие

Данная форма обозначает действие, мыслящееся как замедленное во времени протекания, имеющее ослабленную интенсивность, не достигающее результата или находящееся в начальной фазе. В грамматиках иногда называется формой вида попытки к действию, но такое определение подходит не ко всем возможным глагольным формам, содержащим этот суффикс. Образуется посредством суффикса *-счи-*, например: *идэй* ‘войти’ — *исчидэй* ‘входить (медленно, не спеша), попытаться войти’; *хаӈандай* ‘шить’ — *хаӈанасчидай* ‘попытаться шить, шить (медленно, не спеша)’; *удандай* ‘идти (о дожде)’ — *удасчидай* ‘идти, накрапывать (о небольшом дожде)’. Форма вида замедленного действия равно употребительна во всех функциональных разновидностях эвенского языка.

Значение попытки совершения действия чаще выражается аналитическими конструкциями с вспомогательным глаголом *нектэй* ‘делать что-л.; делать то, что названо другим глагольным словом’: *гадай некрэн* ‘попытался взять’, *хөрдэвур некрэ* ‘попытались (собрались) уйти’.

Примеры употребления: *Бэй дебдэй масчилран*, *нян куйкин.* (*Пэктэрэвун*) ‘Человек себе на еду что-то убить попытался, потом оглох. (Ружье)’; *Уркэ анчиндун унтучэм нэкчиддытэн*, *куӈа эдэн төлэски нёсчир* ‘Возле вхо-

да в жилище клали игрушечный бубен, чтобы ребенок не выбегал на улицу'; *Ӈиӈтэди эди гиркасчир.* (*Кэнели мэргэлкэн бэй*) 'На пятках не ходи. (Человек с дурными мыслями)' (ЭФ); *Кɵечисчин*, *миркэсчиденрэн*, *иссан*, *як-уч хогнасчиригчин ичуснин* 'Высматривает медленно, ползет, добрался до места, показалось, будто какое-то движение' (СЭ).

Форма вида ослабленного действия

Рассматриваемая форма имеет значение действия, протекающего с ослабленной интенсивностью, аналитические конструкции с такими формами выражают значение имитации действия (ранее значение имитации приписывалось непосредственно данным формам). Образуется посредством суффикса *-со-*: *гадай* 'брать' — *гасодай* 'брать (осторожно, медленно)'; *дебдэй* 'есть' — *депсодэй* 'есть (не спеша)'; *гɵндэй* 'сказать' — *гɵсодэй* 'говорить (тихо, не торопясь)'. Часто формы вида ослабленного действия выступают как средство выражения вежливости говорящего по отношению к адресату или предмету высказывания. В конструкциях с отглагольными именами на *-со-н*, *-со-ткан*/*-со-ткэн* и вспомогательными глаголами *бидэй* 'быть' и *одай* 'стать' формы вида ослабленного действия выражают значение имитации, притворно совершаемого действия, например: *депсон бивэттэн* 'делает вид, будто ест', *хуклэссоткэн оваттан* 'притворяется, что спит'.

Показатель *-со-*/*-сɵ-* в эвенском языке является единственным видовым суффиксом, который способен присоединяться к отрицательному глаголу *эдэй* 'не делать чего-л. (того, что обозначено знаменательным глаголом)', например: *эсɵли мар* 'не убивай'; ср. обычный прохибитив *эди макил*, имеющий иное оформление императивной формы и знаменательного глагола.

Суффикс *-со-* весьма широко употребителен в эмоционально окрашенной разговорной речи и фольклоре. В письменном языке он почти не встречается.

Примеры употребления форм вида ослабленного действия с суффиксом *-со-*/*-сɵ-*: *Ибдири бэй дыгэнь бɵдэллэттэн*, *яв-ул дебсомнин*, *кɵкэн.* (*Куличан*) 'У неизвестного человека четыре ноги, как только он чего-нибудь поест, так умрет. (Комар)'; *Дёр аканун*, *даликун бисоникэн*, *ок-та эстэн бакалдамаччотта.* (*Ясалал*) 'Двое братьев, живя поблизости, никогда не встречаются. (Глаза)' (ЭФ); *Нɵткис он-да мучусогар*, *ɵмнэкэн-дэ колдат иннамтаван гасчидавур* 'Давай вернемся к твоему брату, попросим, чтобы он хоть один раз дал попить из его слез'; *Муран илачилсон тарбатта мэнкэн*, *тачин-та итаӈсориди*, *бэю-дэ хɵлуттэн*, *тэгэнук-тэ хɵччɵттэн тэндун* 'Лошадь стоит спокойно сама по себе, а до этого металась, даже за людьми гонялась, увидев издалека' (СЭ).

Пример употребления аналитической конструкции с суффиксом *-соткэн*: *Дёр этумӈэ бисни: гя инэӈ этувэттэн*, *гя долбо этувэттэн. Долбо этури банадмар. Балриди*, *гɵпкэнсоткэн оваттан.* (*Нёлтэн*, *аткикан*) 'Два сторожа имеются: один днем сторожит, другой ночью сторожит. Ночью стерегущий более ленив. Ленясь, притворяется, что скрывается. (Солнце, луна)' (ЭФ).

Форма начинательного вида, или вида начала действия

Анализируемая форма имеет значение начала действия, образуется посредством суффикса *-л*, например: *ача-дай* ‘открыть’ — *ачалдай* ‘начать открывать’; *дуктай* ‘написать’ — *дукалдай* ‘начать писать’; *елтэндэй* ‘пройти мимо чего-л.’ — *елтэлдэй* ‘начать проходить мимо чего-л.’ Форма начинательного вида является одной из самых частотных видовых форм в эвенском языке.

Говоря об использовании формы начинательного вида на фоне иных средств выражения начала действия, надо отметить, что в эвенском языке имеются две глагольные лексемы со значением ‘начинать/начинаться’ — *мокидай* и *томгидай*, но обе они фактически не употребительны и являются заимствованиями из чукотско-камчатских языков (ср. чукот. *мго-к* и *томгат-ык* ‘начинать’).

Примеры употребления форм начинательного вида: *Гуд урэкчэн чидадукун бэй төрэмэн дёниваттан*, *мэни эсни ичуллоттэ*. (*Улгавки*) ‘Возле высокой горы слова человека повторяет, а само не показывается. (Эхо)’ (ЭФ); *Дюи дован ярутадилрин* ‘Внутри своего чума начал проверять’; *Нян Ӈивэние эмрэкэтэн торикачидилритан* ‘Когда Нгивэни с братом пришли, начали играть свадьбу’; *Бэй эмрэкэн тураки набдалдалрин*, *тиндэн гөникэн некчэ бисин* ‘Когда пришел человек, ворона начала хлопать крыльями, чтобы тот отпустил ее’ (СЭ).

Форма вида желания совершить действие

Форма вида желания совершить действие имеет значение желания, намерения, склонности совершить то или иное действие. Образуется при помощи суффикса *-м-* и показателей индикатива *-са-/-сэ-* для настоящего времени и *-си-* для прошедшего: *хуклэдэй* ‘уснуть’ — *хуклэмдэй* ‘хотеть спать’ — *хуклэмсэм* ‘я хочу спать’; *колдай* ‘пить/курить’ — *коламдай* ‘хотеть пить/курить’ — *коламсам* ‘я хочу пить/курить’; *гөндэй* ‘говорить’ — *гөмдэй* ‘хотеть сказать’ — *гөмсэн* ‘он хочет сказать’. Данная видовая форма широко употребительна во всех функциональных разновидностях эвенского языка.

Во многих описаниях эвенского языка отмечалась особая видовая форма, названная формой вида готовности к действию и образованная при помощи суффикса *-мал-/-мэл-*, например: *хуклэдэй* ‘спать’ — *хуклэмэлдэй* ‘захотеть спать’; *дебдэй* ‘есть’ — *дебэмэлдэй* ‘захотеть есть’ и т.п. Этот показатель является сочетанием двух суффиксов: суффикса вида желания совершить действие *-м-* и суффикса начинательного вида *-л-*. Основанием для такой трактовки форматива *-мал-/-мэл-* служит невозможность присоединения к себе данным формативом суффикса начинательного вида (подобное ограничение для суффикса начинательности *-л-* само по себе необычно), а также повторения суффикса начинательности *-л-* в смежных порядковых позициях в словоформе.

Примеры употребления формы вида готовности к действию с суффиксом *-мал-/-мэл-*: *Өмэн багатир*, *яв-да-тит мамалми*, *өмнэйэ кунихникан бэй ядерин*. (*Пэктэрэвун*) ‘Один богатырь, когда что-нибудь захочет убить, только один раз крикнет, человек что сделает… <умрет>. (Ружье)’; *Мавут ойлин эди гиркундаграр — этэн дявамалра*, *майдин* ‘Через аркан-*мавут* не

переступай — он не будет ловить, уйдет удача'; *Пэктэрэвун эсэкэн навкамалра*, *имсэч*, *умань имуникэн тогтаки хулгитникан хиргэчиннэс* 'Если ружье перестает попадать в цель, надо помазать его жиром или костным мозгом и, погрев на огне, произнести просьбу-заклинание'; *Оран кокчинни каварча*. (*Хонӈачан эчэ тугэмэлрэ*) 'У оленя копыта сломались. (Теленок, который не родился)'; *Дялуми имсэ-дэ кэнели бигрэн*. *Дебэмэлми*, *кэнели-дэ ибга бигрэн* 'Сытому и жирное плохим будет, голодному и плохое хорошим будет'; *Хяликив*, *кабяв инӈаттон хэкэтэклэ*, *дю төлдэлэн энмэй иссэ*, *дюдук горин исэнмэй*, *хяликив этэнри ичимэлрэ* 'Нельзя ощипывать перья рябчика или куропатки возле жилища, их надо ощипывать подальше от жилья, иначе больше не увидишь рябчика' (ЭФ).

Форма вида отправления для совершения действия

Форма вида отправления для совершения действия выражает действие, совершение которого сопряжено с пространственным перемещением или смещением во времени относительно других действий. Образуется посредством суффикса *-на-/-нэ-*, например: *мадай* 'добыть' — *манадай* 'идти добывать'; *иттэй* 'видеть, смотреть' — *итнэдэй* 'идти смотреть'; *нимкандай* 'рассказать сказку' — *нимканадай* 'идти рассказывать сказки'.

Наблюдения над устной речью показывают, что грамматическое значение, передаваемое этим показателем, не всегда отвечает определению «отправление» или «перемещение». Часто встречающийся в речи глагол *итнэдэй* 'пойти посмотреть' в форме *итнэли* 'посмотри' употребляется даже в тех ситуациях, когда перемещение для совершения действия не предполагается: например, если объект находится в пределах того же помещения. В подобных случаях обозначенное данной формой действие представляется как отложенное во времени, а значение форм близко к значению будущего II времени.

Форма вида отправления для совершения действия встречается во всех функциональных разновидностях эвенского языка.

Примеры употребления: *Куӈа балдачалан илам инэну бисидюр-мэк горли ханил*, *харакал куӈав итнэннэтэн* 'После рождения ребенка только по прошествии трех дней родственники и знакомые могут приходить смотреть на ребенка' (ЭФ); *Акму гөнин асиӈган гасчинадаку* 'Мой старший брат отправил меня просить у вас невесту для него'; *Өмнэкэн экэ дюла эмэптин*, *ака буюснэрин* 'Однажды старшая сестра осталась в чуме, а старший брат отправился на охоту' (СЭ).

Форма вида неоднократного отправления для совершения действия

Рассматриваемая форма обозначает действие, совершение которого сопряжено с многократным пространственным перемещением, образуется посредством суффикса *-ни-*, например: *итнидэй* 'ходить смотреть', *мэтунидэй* 'ходить сообщить', *колнидай* 'ходить пить'.

По сравнению с формой вида отправления для совершения действия данная форма употребляется заметно реже, однако также может быть встречена во всех функциональных разновидностях эвенского языка.

Словообразовательные средства и разряды глаголов, выражающие характер протекания действия

Форма противоположного действия

Данная форма обозначает действие, противоположное по значению действию, выраженному исходной основой. Образуется посредством суффикса *-лга-/-лгэ-*, например: *алудай* ‘запрячь оленей’ — *алулгадай* ‘распрячь оленей’; *өнедэй* ‘привязать’ — *өнелгэдэй* ‘отвязать, развязать’. Основная масса весьма немногочисленных примеров глаголов с этим суффиксом — морфологические антонимы.

Примеры употребления: *Оралчимна мāвуту учалгаддан* ‘Оленевод разматывает аркан’ (Н.-К.); *Амму учаки алалган* ‘Отец распрягает своего ездового оленя’ (В.-К.).

Форма противоположно направленного действия

Рассматриваемая форма обозначает действие, противоположное по пространственной ориентации или характеру совершения действию, обозначенному исходной формой глагола. Образуется с помощью суффикса *-рга-/-ргэ-*, например: *бөдэй* ‘дать’ — *бөргэдэй* ‘вернуть, отдать обратно’; *өнедэй* ‘привязать’ — *өнергэдэй* ‘отвязаться (самостоятельно)’; *эмдэй* ‘прийти’ — *эмэргэдэй* ‘прийти назад, вернуться’. Можно заметить, что показатель форм противоположно направленного действия не меняет характера действия (соотносительные формы не являются лексическими антонимами), он меняет лишь его ориентацию в пространстве или ориентацию относительно объекта действия.

Примеры употребления: *Эмэргэддэн нөӈкэтникэн нян-да акми далилин одакан бадудилран* ‘Возвращается обратно, наклонив голову, опять проезжает мимо могилы брата верхом на олене’ (СЭ); *Тиминни хисэчин хуркэл токив маридюр эмэргэр* ‘Назавтра к вечеру парни вернулись, добыв лося’ (Тор).

Форма многократно-прерывного действия

Анализируемая форма обозначает действия, которые совершаются многократно-прерывно. Образуется при помощи суффикса *-у*: *мавутл-у-дай* ‘бросать аркан’, *пэктэр-у-дэй* ‘стрелять’.

Примеры употребления: *Хэ-хэ*, *эр эмрэн атикалбанна бэй*, *бөлрэ ноӈандун нөкив пэктэрудэн!* ‘Ха-ха, вот пришел жених, дайте ему лук, пусть он постреляет!’ (Н); *Тугэниду чэркэлбу туллиди хэгэпэлбу хэпкудин* ‘Зимой будет ловить соболей, ставя капканы’ (Тор).

Форма неопределенной множественности действия

Данная форма указывает на неопределенную множественность действия. Образуется при помощи суффикса *-и* (противопоставление узкого гласного *и* широкому *а/э*): *тэвлэдэй* ‘пойти по ягоды’ — *тэвлидэй* ‘собирать ягоды’; *буюмэдэй* ‘охотиться на дикого оленя’ — *буюмидэй* ‘охотиться на дикого оленя’.

Примеры употребления: *Аннантан нэлкэ наридун элэ эмри томалкан*, *олрамидай эммөттэн* ‘Каждый год весной он приезжает сюда, чтобы ры-

бачить' (Тор); «*Гэ, яван хи моладинри, би бэйди-дэ молидим-ка этэм*», — *гөнчэ экэдмэр* '«О, зачем тебе ходить за дровами, я сама буду ходить», — сказала старшая сестра' (СЭ).

Формы со значением множественности

Формы со значением множественности образуются при помощи суффиксов *-к* (у переходных глаголов с формантом *-л*) и *-м* (у непереходных глаголов с формантом *-р*): *нэбдэлдэй* 'вырвать' — *нэбдэктэй* 'вырывать'; *эмтэрдэй* 'проломится' — *эмтэмдэй* 'проламываться'.

Примеры употребления: *Эрэк хагды анаӈ бичэ, ургэ көелни хурэлни хоя кусиндук хокамчал, хан төрли бутамчал-да* 'Это был старый горный баран, края тяжелых рогов <его> от многих брачных боев отломились, побились'; *Эррочин хялтаду дёл-да кабамгаран, хякита нян калтамгаран* 'В такую стужу и камни лопаются, и деревья трескаются' (Тор); *Таварак ойос нян ями тэкэмчэ?* 'Почему это одежда у тебя порвалась?'; *Мө хөлидукун, эрики, мунрукарди ӈэлэлми, мөв тэбэкникэн, часки дэриснивэн иттэ* 'Тут лягушка, увидев зайцев, испугалась и ускакала, разбрызгивая воду' (СЭ).

Некоторые формы выражения характера протекания действия, не отмеченные в грамматических описаниях эвенского языка

Форма особо интенсивного действия

Форма особо интенсивного действия образуется при помощи суффикса *-нукан-/-нукэн-* от достаточно большого количества глаголов и могла бы быть включена в число категорий глагольного формообразования, например: *багактай* 'бить' — *баганукандай* 'ударить один раз сильно'; *гөбэдэй* 'погрузиться, утонуть (скрыться из виду, опустившись вниз)' — *гөбэнукэндэй* 'нырнуть'; *төмтэнукэндэй* 'выскочить (резко, быстро)', ср. *төмтэс* 'насквозь'.

Ранее данная форма не выделялась, очевидно, вследствие ее значительного внешнего сходства с формами побудительного залога (формообразовательной категорией каузатива). Значение этой формы может быть определено как значение однократности и интенсивности действия. Существенными препятствиями для признания рассматриваемого показателя формообразующим являются следующие факты: иногда он принимает на себя основообразующие функции (присоединяется к неглагольным основам); глаголы, принимающие данный суффикс, по предварительным наблюдениям, не образуют форм однократности с суффиксом *-сан-/-сэн-/-сн-*.

Форма особо интенсивного действия существует как в восточных, так и в западных диалектах эвенского языка, хотя в последних употребляется более активно. Для фольклора ее использование является обычным, особенно в экспрессивно окрашенных контекстах сказок. В письменном языке она встречается в художественных текстах, близких по языковой основе к западным диалектам эвенского языка.

Примеры употребления: *Ибдири бэй тогу хяснин*, *хятануканни*. (*Модги*) ‘Неизвестный человек огонь выщелкивает, выбивает. (Огниво)’ (ЭФ); *Анӈачидилдай гулум гулудилран*, *иттэн — тар тог хутануканни* ‘Чтобы переночевать, хотела развести костер, вдруг видит — неподалеку вспыхнул огонь’; *Нарга нам мөлэн гөбөнукэнни*, *нян-да хевэттэн оран дюлдэлэн* ‘Нерпа нырнула и опять была впереди оленя’ (СЭ); *Ибэлрэв наӈтисниди*, *накату нусмалан эӈий бисидин патунуканни* ‘Схватив полено, что есть силы наотмашь ударил медведя по морде’; *Учику ями-гал хилгэснэн тадук нухунуканни* ‘Мой верховой олень почему-то вдруг вздрогнул и фыркнул’ (Тор); *Насануканам би мэндукий немец мундиррон*, *пилоткав бөдэлэй хэрдэлэй усиӈдэрэм* ‘Сорвал <я стремительно> с себя немецкий мундир, пилотку под ноги бросил’ (Шол).

Форма интенсивной многократности, или форма постоянно совершаемого действия

Рассматриваемая форма обозначает многократное интенсивное действие или обычно совершающееся действие. По значению данная форма соотносима с формой вида обычно совершаемого действия на *-ват/ч-*// *-вэт/ч-*, выражающей относительную регулярность совершаемого действия безотносительно к моменту речи. Образуется посредством суффикса *-нӈа-/-нӈэ-* (иногда наблюдаются формы с метатезой согласных *-ӈна-/-ӈнэ-*, возможно, перед нами два исторически разных суффикса с близкими значениями).

Примеры образования форм интенсивной многократности: *гөбэдэй* ‘погрузиться, утонуть (скрыться из виду, опустившись вниз)’ — *гөбэнӈэдэй* ‘погружаться, тонуть’; *титидай* ‘пищать, верещать (о насекомых)’ — *титинӈадай* ‘пищать (о мыши), шипеть (о змее)’; *хуйдэй* ‘вскипеть, кипеть’ — *хуйинӈэдэй* ‘кипеть, клокотать, бурлить’; *чөчидай* ‘садиться, подогнув под себя ноги, садиться на корточки, садиться на задние лапы (о животном)’ — *чочинӈадай* ‘плясать вприсядку’; *иркадай* ‘дразнить’ — *иркаӈнадай* ‘шутить, дразнить’; *гөндэй* ‘сказать’ — *гөнӈэдэй* ‘звать’. Ср. также соотносительные пары производных форм: *дёрэлчидэй* ‘мелькать’ — *дёрэнӈэдэй* ‘мелькать’; *чочаркиттай* ‘прыгать’ — *чочинӈадай* ‘прыгать на месте’; *дебэнтэдэй* ‘иметь что-л. в качестве еды, питаться чем-л.’ — *деплэнӈэдэй* ‘питаться чем-л.’; возможно, сюда же относится форма *нинӈэдэй* ‘стонать от боли’.

Такие формы встречаются, и довольно часто, в письменных текстах, причем в разных источниках: *хэтэкэнӈэрит* ‘мы бежали’, *гөнӈэрин* ‘он говорил’, *дёӈнарап* ‘мы вспоминаем’, *мяӈнаритан* ‘они удивлялись’, *гөнӈэр* ‘говорят (неоднократно)’. В словоформе *гөмкэнӈэритэн* ‘загадывали загадки’ этот показатель стоит левее явно формообразующего суффикса каузатива, который может признаваться эталоном формообразующего суффикса в эвенском языке, так как не только не знает лексических ограничений в сочетаемости с глагольными основами, занимает позицию, близкую к концу словоформы, но и способен к удвоению (если не утроению) в пределах одной словоформы.

Пример употребления глагольных форм с суффиксом *-ŋна-/-ŋнэ-*: *Бан бэй очаруми хонриŋнан*, *мяву бэй яв-да эми ор хонриŋнан* ‘Ленивый человек от работы скучает, трудолюбивый человек без работы скучает’; *Этий хар бэю энмэй ирканнар*, *оркатта* ‘Нельзя шутить с незнакомым человеком, нельзя насмехаться над ним’ (ЭФ); *Адалу туӈэрлэ илукаŋнар* ‘Рыболовную сеть на озере ставят’; *Ӈадун долбуни дулукандулан умни часла уриŋнэрэп* ‘Иногда посреди ночи становимся стойбищем, в первом часу’ (Н.-К.); *Мину осколала эмэŋнэр*, *интернатлэ* ‘А меня в школе оставляли, в интернате’; *Тарав дөссө гӧŋнэр:* «*Умŋи чурибачар гэрбэл мут амардадут уөскэннэл бэйил уŋчэнтэн олдичантан удики диэн көчукэн бид’ин таррӧчин олд’ада-д’ир*», — *гӧникэн укчэнгэрэр* ‘Еще говорили: «У этих людей по названию *чурибэ*, которые после нас должны возникнуть, лодки будут маленькие, размером с доску для женских поделочных работ, и на этих лодочках будут плыть», — говоря, рассказывали’ (В.-К.).

Форма длительного ослабленного действия

Форма длительного ослабленного действия, значение которой еще предстоит уточнить, но которое определяется как значение длительного ослабленного действия с дополнительным оттенком самопроизвольного совершения, образуется посредством суффикса *-тна-/-тнэ-*. В специальных работах и описательных грамматических очерках этот суффикс не выделялся, возможно, в связи с тем, что исследователи рассматривали формы с ним как содержащие два других суффикса: суффикс продолженного вида *-т-/-ч-* в сочетании с показателем перемещения *-на-/-нэ-*. Примеры, имеющиеся в нашем распоряжении, во-первых, исключают трактовку форманта *-тна-/-тнэ-* как сочетания этих суффиксов; во-вторых, свидетельствуют о наличии у него достаточно определенного значения. Суффикс *-тна-/-тнэ-* сочетается в основном с переходными, чаще всего непредельными глаголами, например: *хаŋундай* ‘задохнуться’ — *хаŋутнадай* ‘задыхаться’; *хамудай* ‘прийти в замешательство’ — *хамутнадай* ‘приходить в замешательство, пребывать в замешательстве’; *хэридэй* ‘заволноваться’ — *хэритнэдэй* ‘волноваться’; *апкадай* ‘удушить, удавиться, задохнуться’ — *апкутнадай* ‘задыхаться’, а также, вероятно, изолированное *бокутнадай* ‘беспокоиться, волноваться’.

Примеры употребления: *Молиддывурбу экич төкрэ — ŋал-да энсэн*, *мо өŋкэлбэтнэн*, *нири-да энсэн* ‘Ведра с водой нести нельзя — руки болят, вода разливается, спина болит’ (ЭФ); *Тӣниптук Ӏиэмкэллиди*, *нипкутнэрив* ‘Со вчерашнего дня, кашляя, все задыхаюсь’ (Н.-К.); *Оран өмэн төрду бакаркитникан*, *хояч тикэтнэдин* ‘Олень скользит на одном месте, часто падает’ (Тор); *Би-си укал ŋини — да эти бис төрли*, *кэŋдэл элгэлитэн мунруканду-да эникэн дабдар учутнарам* ‘Я-то уже на ничьей земле, между оврагами не хуже зайца петляю’ (Шол).

Форма неопределенной кратности совершения действия

Рассматриваемая форма образуется посредством суффикса *-ман-/-мэн-*, при этом глагольные формы, содержащие данный суффикс, спрягаются по тому же типу, что и глаголы с основой на согласный (а не на *-н*):

дёмāндай ‘вспоминать время от времени’, *гвмэнрэн* ‘сказал’, *дяваманра* ‘сжимали’, *чукачан доманран* ‘птичка садится’, *гямандай* ‘иметь другом, дружить’.

Примеры употребления формы неопределенной кратности совершения действия: *Дёр ибдирил бэил аканун хвпкэчэн тэриндун бис. Мэр доли эстэн хаманра, ок-та эчил квемэттэ.* (*Коритал*) ‘Два неизвестных человека, братья, по разные стороны сопки находятся. Друг друга не знают, друг друга никогда не видели. (Уши)’ (ЭФ); *Тарнюн даран твллэ исни игу долчиманран* ‘Одновременно с этим каждый раз прислушивался к шорохам снаружи’; *Хоч-та хадарилран мэнтэкий, ӈини хо булиманран* ‘Очень сильно рассердился на себя, сильно жалел собаку’; *Тормита хивкэнни, вгэски хивраманран, тадук хврдэй илран* ‘Тормита молчал и вздыхал, затем засобирался в дорогу’ (Тор).

Форма длительности действия с модальным оттенком жалости

В отдельных текстах на эвенском языке и диалектных материалах отмечена форма длительности действия с дополнительным модальным оттенком жалости, образующаяся посредством суффикса *-йат/ч-//-йэт/ч-* (в графике *-ят-/-ет-//-ъят/-ъет*, хотя написание грамматических форм глагола с данным суффиксом до сих пор не нормализовано и в текстах они достаточно редки). Рассматриваемая форма обозначает действие или динамичный образ, проявляющийся в замедленном темпе, и характеризуется модальным оттенком определенной симпатии, ласки, жалости, сожаления по отношению к субъекту действия со стороны говорящего. Форма длительного действия с модальным оттенком жалости употребительна и в восточных, и в западных говорах.

Целый ряд таких форм встречается в одном из стихотворений В.Г. Белолюбской — Аркук:

Ачча одим вмнэкэн	Когда-то однажды меня не станет,
Хэбгигчин дэгэлъетчим,	Как дым, я, бедная, буду улетать,
Танмаригчин уетчим,	Как туман, подниматься вверх буду,
Иманрагчин хаӈаръятчим,	Как снег, таять буду,
Нёчэгчин качуньятчим.	Как трава, вянуть буду.

Примеры употребления: *Мвнтэлсэду хякита бучуйатчин, нян хэӈут укал котиӈйаттин* ‘Осенью лиственница, бедная, завянет, а сейчас уже трава <растущая в болотистых местах> засыхает’ (Бер.); *Эн’му ади-гутта абдучал бӣ гача, налимала тэгэйэччэ* ‘Мама несколько вещей взяла, на нарты уселась, бедная’; *Амму гуд’эике муӈавриди тар пэктӯрэми ӈэпкэниди, куратлийи нукриди, д’э улкуйаттан* ‘Отец мой, с досады схватив ружье, сняв шапку, стал размахивать, бедный’ (Н.-К.); *Эӈэе, ай бэй бӈанни гвникэн ӈиргэчэл, гуд’эил, тарит ӈврйатчал* ‘«Богатым, хорошим человеком будешь», — говоря, благ пожелали, бедные, потом ушли’ (В.-К.).

Форма многократного действия

Форма многократного действия с суффиксом *-ру-* в описаниях грамматики эвенского языка ранее не отмечалась, хотя она представлена в

некоторых частотных отыменных глаголах: ср. *чайрудай* ‘пить чай (длительное время или многократно)’. Нами отмечен глагол *ибдирирудэй* ‘загадывать загадки’, образованный от *ибдири* ‘неизвестный’ (начальное слово загадок), в текстах встретилась отглагольная форма *очарудай* ‘делать что-то длительное время’. Ср. также соотносительные формы *дөктэдэй*, *дөктэрудэй* ‘красить корой ольхи’ (*дөктэ* ‘ольха’), *банурудай* ‘упрямиться’, *хомрудай* ‘прийти в восторг’ (ср. *хокандай* ‘обрадоваться’), а также, возможно, *кисапрудай* ‘трещать (о льде)’, *мяргипрудай* ‘пестреть’ (ср. *мяргита* ‘пестрый’).

Примеры употребления формы многократного действия: *Бан бэй очаруми хонриунан*, *мяву бэй яв-да эми ор хонриунан* ‘Ленивый человек от работы скучает, трудолюбивый человек без работы скучает’ (ЭФ); *Нөчэнни чаюрудилран* ‘Сестричка <его> собралась чаю попить’ (СЭ).

Форма неопределенной многоактности

Форма неопределенной многоактности также относится к не отмеченным в грамматических описаниях эвенского языка. Имеет значение неопределенной многоактности действия. Образуется посредством суффикса *-й-*, например: *арка-й-ра-н* ‘вкалывает’, *омӈайрам* ‘забываю (часто, постоянно)’.

Примеры употребления: *Яв этэр дюлэски хоӈайра*, *хутур өмнивур-э-си хогнамӈавур?* ‘Как же им постоянно не оплакивать единственного сына?’ (СЭ); *Тормита харакалби эч өлэкчир*, *дюмайрин нян хэбдекрин* ‘Тормита друзей не обманул, погостил у них и повеселился’; *Хояв тугэнив эрэк мямси төрэлдули елтэйрэм-да*, *ями-да явул аӈаматав мэддөттэм* ‘Много зим я проезжаю по этим интересным местам, почему-то всегда новое нахожу’ (Тор).

Форма приобщения объекта

Эта форма, характерная для глаголов со значением давания и дарения, обозначает действие, противоположное по направлению действию, обозначенному исходной формой. Образуется посредством суффикса *-м-*, например: *анидай* ‘подарить’ — *анимдай* ‘получить подарок’; *торидай* ‘заплатить калым за невесту’ — *торимдай* ‘получить калым за невесту’; *нандай* ‘дать в долг (по инициативе дающего), дать аванс’ — *нанамдай* ‘получить в долг, получить в аванс’; *коттай* ‘дать в долг (по просьбе берущего)’ — *котамдай* ‘взять в долг’. Ранее в грамматических описаниях данная форма не выделялась.

Примеры употребления: *«Гид ай бисэкэн мину мариди анимни»*, — *хӣралдаӈдукийи хуӈэлли хогныникан гөнчэ чӑг* ‘«Если копье хорошее, возьми в дар, убив меня», — барахтаясь в крови, сказал тот’ (Д.-Ч.); *Этикэн хоч хоял торимрин* ‘Старик получил большой выкуп’ (Бер.); *Гера гөнни: «Он некчип? Мико котамрин»* ‘Гера сказал: «Как нам быть? Мико влез в долги»’ (Бер.); *Эньму нимэкэлдук чаю нанамрин* ‘Моя мама заняла чай у соседей’ (Бер.).

Итак, категориальные формы, рассматриваемые как видовые формы глагола, и другие морфологические категории глагола в образцах малых

жанров эвенского фольклора проявляются примерно так же, как в текстах, представляющих другие фольклорные жанры. Глагольные формы часто осложняются видовыми показателями, в особенности стативными, употребителен вид неоднократного действия на *-гра-/-грэ-/-гара-/-гэрэ-*, весьма частотным является вид обычного действия на *-ват-/-ч-/-вэт-/-ч-*.

Отличительной особенностью языка малых жанров эвенского фольклора в плане рассматриваемых здесь морфологических форм служит то, что разнообразные способы выражения длительности и многократности действия в подобных текстах как бы нейтрализуются и обозначают потенциально совершаемые действия. Сходное явление было отмечено нами в отношении форм времени, когда потенциально совершаемое действие в загадках выражалось формами настоящего, прошедшего и будущего I времени.

В вариантах текстов эвенских загадок прослеживается оформление одних и тех же глагольных форм разными видовыми показателями. Поскольку значение глагольных форм в текстах, построенных по единой формуле, устойчиво и постоянно, можно говорить о том, что в эвенском языке у каждого видового суффикса имеется система переносных значений, позволяющая выражать любые возможные оттенки в характере протекания действия. Почти каждый суффикс способен выражать потенциально возможное действие. Рассмотрим вариантность оформления глаголов разными видовыми суффиксами на примере глагола *едэй* ‘обогнать, опередить’.

Примеры: *Бэйду көчукэр дёр бэй бисни. Тарал бэил эрэгэр инивур чөптэрэ есчимэчиддэ.* (*Бөдэл*) ‘У человека два маленьких человека имеется. Те люди всегда, всю свою жизнь соревнуются. (Ноги)’; *Индиддэ дёр төбэгэкэкэр бэйкэкэр. Аканур. Ноӈартан инивур чөптэрэ есчимэчидьдёттэ, ӈи-дэ хинма бисивэн.* (*Бөдэлэл*) ‘Живут два низеньких мужичка. Братья. Они всю жизнь друг с другом в беге соревнуются. Что это? (Ноги)’; *Дёр өмэтту балдачал өмэтту гургэвчир, бинивур чөптэрэ есчимэттэ, авуг-да эсни емэттэ.* (*Бөдэлэл*) ‘Двое вместе родившихся вместе работают, всю жизнь соревнуются, никто никого не обгоняет. (Ноги)’; *Дёр биникэн есчимэттэ, ӈи-дэ еӈэ туркун.* (*Мэрэӈтэ*) ‘Живя вдвоем, соревнуются, ни один обогнать не может. (Лыжи)’ (ЭФ).

О составе способов глагольного действия в эвенском языке и порядковых позициях показателей категориальных форм глагола в эвенской глагольной словоформе (опыт обобщения)

Авторами описательных грамматик и специальных исследований выделялось в эвенском языке более двух десятков глагольных форм, выражающих различные оттенки протекания действия. Так, В.И. Цинциус [1947, с. 180] эти формы обозначает как видовые формы глагола. В.А. Роббек [1982, с. 32] предложил называть их формами видов и формами видовых классов. И. Бенцинг [Benzing, 1955] не стал отделять данную группу форм от так называемых залоговых форм глагола (социатив, реципрок,

каузатив, рефлексив, пассив) и все категориальные формы глагольного формообразования рассматривает вместе.

Несмотря на наличие довольно значительного числа специальных работ, посвященных категориям глагольного формообразования в эвенском языке (В.А. Роббек, А.А. Бурыкин, А.Л. Мальчуков, С.И. Шарина), описание этих категорий, в особенности характеристика системы способов глагольного действия, еще далеко от полноты. Более того, некоторые показатели способов глагольного действия не были отмечены в основных грамматических описаниях и документированы единичными примерами, так что их семантику нельзя считать окончательно установленной. Сочетаемость показателей способов действия в эвенской глагольной словоформе изучена недостаточно; порядковые позиции этих показателей в словоформе были определены приближенно, а линейное взаимное распределение показателей способов действия и иных категорий глагольного формообразования не описывалось. Формы, называемые в трудах по тунгусо-маньчжурским языкам залоговыми (социатив, реципрок, каузатив, рефлексив, пассив), изучены значительно лучше, надежно определены их порядковые позиции относительно друг друга, однако морфологическая сочетаемость этих показателей с показателями способов действия и их взаимная дистрибуция не были предметом специального рассмотрения. Настоящая работа представляет собой некоторый опыт осмысления данной проблемы. Вместе с этим мы ставим перед собой задачу несколько пополнить инвентарь показателей способов глагольного действия эвенского языка, основываясь на новых наблюдениях.

Итак, в эвенском языке выделяются следующие разряды категории вида и способы глагольного действия:

1) форма совершенного вида (без суффикса): *арка-н* ‘воткнул’, *тумрэ-н* ‘намотал’;

2) форма несовершенного вида (суффикс *-д-//-з-*): *арка-д-да-н* ‘втыкает’, *тумэд-дэ-н* ‘мотает’;

3) форма длительного состояния — статив (суффикс *-т-//-ч-*): *арку-т-тан* ‘воткнут’, *тум-эт-тэн* ‘смотан’;

4) форма обычно совершаемого действия (суффикс *-ват-/-ч-//-вэт-/-ч-*): *арка-ват-та-н* ‘обычно втыкает’, *тум-мот-та-н* ‘обычно мотает’;

5) форма длительно-многократного действия (суффикс *-с-*): *арка-с-сан* ‘втыкает’, *тум-эс-сэ-н* ‘мотает (часто и подолгу)’;

6) форма неоднократно совершаемого действия (суффикс *-гра-//-грэ-//-гара-//-гэрэ-//-ŋра-/-ŋрэ-*): *арка-гра-н* ‘втыкал, втыкает и будет втыкать’, *тум-гэрэ-н* ‘мотал, мотает и будет мотать’;

7) форма многократного действия (суффикс *-кат-/-ч-//-кэт-/-ч-*): *арка-кат-та-н* ‘втыкает’, *тум-экэт-тэн* ‘мотает (напрасно, без цели, во вред)’;

8) форма многообъектного действия (суффикс *-н-//-н’-*): *арка-н-ран* ‘повтыкал’, *тум-эн-рэ-н* ‘поперемотал’;

9) форма редко совершаемого действия (суффиксы *-ван-/-ван’-//-вэн-/-вэн’-//-ин-/-ин’-*): *арка-ван-ра-н* ‘изредка втыкает’, *тум-ин-рэ-н* ‘изредка мотает, бывает, что мотает’;

10) форма однократного действия (суффикс *-сан-//-сэн-//-сн-*): *арка-сн-ан* ‘взял и воткнул’, *тумэснэн* ‘взял и смотал’;

11) форма длительного ослабленного действия (суффикс *-дян-/-дян’-//-ден-/-ден’-*): *арка-дян-ра-н* ‘втыкает и втыкает’, *тум-эден-рэ-н* ‘мотает и мотает’;

12) форма ускоренного действия (суффикс *-малчи-//-мэлчи-*): *арка-мал-чи-н* ‘быстро воткнул’, *тум-эмэлчи-н* ‘быстро смотал’;

13) форма замедленного действия, или стремления совершить действие (суффикс *-счи-*): *арка-счи-н* ‘медленно воткнул’, *тум-эсчи-н* ‘медленно смотал’;

14) форма ослабленного действия (суффикс *-со-//-сө-*): *арка-со-н* ‘потихоньку воткнул’, *тум-со-н* ‘потихоньку смотал’;

15) форма начинательности (суффикс *-л-*): *арка-л-ра-н* ‘начал втыкать’, *тум-эл-рэ-н* ‘начал сматывать’;

16) форма желания совершить действие (суффикс *-м-* и показатели индикатива *-са-//-сэ-* для настоящего времени, *-си-* для прошедшего времени): *арка-м-са-н* ‘хочет воткнуть’, *тум-эм-сэ-н* ‘хочет смотать’;

17) форма отправления для совершения действия (суффикс *-на-//-нэ-*): *арка-на-н* ‘пошел, чтобы воткнуть’, *тум-нэ-н* ‘пошел, чтобы смотать’;

18) форма неоднократного отправления для совершения действия (суффикс *-ни-*): *арка-ни-н* ‘ходит втыкать’, *тум-ни-н* ‘ходит мотать’;

19) форма противоположного действия (суффикс *-лга-//-лгэ-*): *арка-лга-н* ‘вытащил то, что было воткнуто’, *тум-элгэ-н* ‘размотал то, что было смотано’;

20) форма противоположно направленного действия (суффикс *-рга-//-ргэ-*): *арка-рга-н* ‘выдернулось (то, что было втыкнуто)’, *тум-эргэ-н* ‘размоталось (то, что было смотано)’;

21) форма многократно-прерывного действия (суффикс *-у-*): *мавутл-у-дай* ‘бросать аркан’, *пэктэр-у-дэй* ‘стрелять’;

22) форма, указывающая на неопределенную множественность действия (суффикс *-и-*, противопоставление узкого гласного *и* широкому *а/э*): *тэвлидэй* ‘собирать ягоды’, *буюмидэй* ‘охотиться на дикого оленя’;

23) формы со значением множественности (суффиксы *-к-*, *-м-*): *нэбдэк-тэй* ‘вырывать’, *эмтэмдэй* ‘проламываться’.

К этому перечню могут быть добавлены следующие формы выражения характера протекания действия, не отмеченные в грамматических описаниях эвенского языка:

1) форма особо интенсивного однократного действия (суффикс *-нукан-//-нукэн-*): *арка-нукан-ни* ‘ка-ак воткнет!’, *тум-энукэн-ни* ‘ка-ак смотает!’;

2) форма интенсивного многократного действия (суффикс *-нӈа-//-нӈэ-*): *арка-нӈа-н* ‘втыкает’, *тум-энӈэ-н* ‘мотает’;

3) форма длительного ослабленного действия (суффикс *-тна-//-тнэ-*): *арка-тна-н* ‘втыкает’, *тум-этнэ-н* ‘мотает (долго и неэнергично)’;

4) форма неопределенной кратности совершения действия (суффикс *-ман-//-мэн-* при спряжении с основой на согласный): *арка-ман-ра-н* ‘иногда втыкает’, *тум-эмэн-рэн* ‘иногда мотает’;

5) форма длительности действия с дополнительным модальным оттенком жалости (суффикс *-йат-/-ч-//-йэт-/-ч-*): *арка-йат-та-н* ‘втыкает (бедный)’, *тум-йэт-тэ-н* ‘мотает (бедный)’;

6) форма многократного действия (суффикс *-ру-*): *чайрудай* ‘пить чай (длительное время или многократно)’, *очарудай* ‘делать что-то длительное время’;

7) форма неопределенной многоактности (суффикс *-й-*): *арка-й-ра-н* ‘втыкает’;

8) форма приобщения объекта (суффикс *-м-*): *анимдай* ‘получить подарок’, *торимдай* ‘получить калым за невесту’.

В описаниях эвенского языка отмечалась особая форма, названная формой вида готовности к действию, образованная при помощи суффикса *-мал-//-мэл-*. Данный показатель является сочетанием двух суффиксов — суффикса вида желания совершить действие *-м-* и суффикса начинательного вида *-л-*.

Еще одна форма — неоднократного отправления для совершения действия с суффиксом *-нас-/-нэс-* — не является самостоятельной: это сочетание суффиксов *-на-//-нэ-* и *-с-*, между которыми могут вставляться другие суффиксы (например, *-малчи-//-мэлчи-*). Кроме того, в словоформе с данным формативом не встречаются повторно ни показатель *-на-//-нэ-*, ни показатель *-с-*.

Семантические признаки способов глагольного действия эвенского языка могут быть перечислены в виде следующего списка значений:

1) нейтральность/однократность/многократность;

2) нейтральность/кратковременность/длительность;

3) единство/расщепленность временного плана;

4) однородность/неоднородность интервалов между проявлениями многоактного действия;

5) частота/редкость проявлений многоактного действия;

6) интенсивность/ослабленность действия;

7) ускоренность/замедленность протекания действия;

8) устойчивость/неустойчивость отношения между действием и его субъектом;

9) желательность/нежелательность действия;

10) иная модальная оценочность действия.

Порядковые позиции показателей социатива, реципрока, каузатива, рефлексива и пассива в эвенском языке (показателей отношения действия к субъекту и объекту) имеют следующее распределение: (1) социатив (суффикс *-лда-/-лдэ-*) / (2) реципрок (суффикс *-мат-/-мэт-*) / (3) рефлексив 1 (суффикс *-б-/-п-*) / (4) пассив 1 (суффикс *-в-*) / (5) каузатив 1 (суффикс *-вкан-/-вкэн-*) / (6) каузатив 2 / (7) рефлексив 2 / (8) пассив 2. Показатели каузатива в словоформе могут удваиваться, а показатели рефлексива и пассива располагаться как правее, так и левее формообразующего суффикса каузатива. В словоформе может быть до четырех показателей этой группы: *гөн-ни* ‘сказал’ — *гө-лдэ-мэч-укэ-м-рэ* ‘были заставлены договориться друг с другом’.

Суммарное линейное распределение показателей способов глагольного действия и других категорий глагольного формообразования в эвенском языке может быть представлено в виде следующей системы позиций, располагающихся друг за другом в словоформе (внутри одного порядка в скобках показаны суффиксы, исключающие друг друга в одной и той же позиции):

(1) *-рга-/-ргэ-* / (2) *-лга-/-лгэ-* / (3) *-нŋа-/-нŋэ-* (*-тна-/-тнэ-*) / (4) *-й-* / (5) *-на-/-нэ-* (*-ни-*) / (6) социатив (*-лда-/-лдэ-*) / (7) реципрок (*-мат-/-мэт-*) / (8) *-л-* (I вариант) / (9) рефлексив 1 (*-б-/-п-*) / (10) пассив 1 (*-в-*) / (11) каузатив (I вариант) (*-вкан-/-вкэн-*) / (12) *-ват-/-вэт-* (I вариант) / (13) *-малчи-/-мэлчи* (*-со-/-сө-*) / (14) *-н-* / (15) *-счи-* / (16) *-м-* (*-са-/-сэ-*) / (17) *-с-* / (18) *-нукан-/-нукэн-* (*-сан-/-сэн-*, *-ван-/-вэн-*) / (19) *-дян-/-ден-* / (20) *-кат-/-кэт-* (*-йат-/-йэт-*) / (21) *-д-/-ʒ-* (I вариант) / (22) *-ват-/-вэт-* (II вариант) / (23) *-гра-/-грэ-* / (24) *-т-/-ч-* / (25) *-на-/нэ-* (*-ни-*) / (26) *-д-/-ʒ-* (II вариант) / (27) *-л-* (II вариант) / (28) каузатив 2 (*-вкан-*) / (29) рефлексив (*-б-/-п-*) / (30) пассив (*-в-*).

Показатели *-на-/-нэ-* (*-ни-*) в эвенской глагольной словоформе не удваиваются, соответственно, одновременное заполнение этих порядковых позиций исключается. Остальные порядки с повторяющимися суффиксами, имеющие при себе цифры, могут быть заполнены одновременно.

ПРИЧАСТИЕ

В эвенском языке причастие характеризуется как неспрягаемая форма глагола, которая обозначает признак предмета по действию, а также название действия и само действие. Как именная часть речи причастие может изменяться по падежам, принимать суффиксы числа и иметь притяжательные суффиксы. Как форма глагола оно может быть переходным и непереходным, иметь форму залога, вида, модальности, времени, сохранять управление и сочетаться с наречием. Будучи неспрягаемым, причастие лишено категорий наклонения и лица.

По имеющимся описаниям, в состав причастных форм в восточных говорах эвенского языка входят:

1) причастия настоящего времени с суффиксом *-ри*;

2) причастия прошедшего времени, или перфектные причастия (причастия предшествования во времени), с суффиксом *-ча/-чэ*;

3) причастия будущего времени (причастия следования во времени) с суффиксом *-дŋа/-дŋэ//-диŋа/-диŋэ*;

4) причастия прошедшего времени с суффиксом *-даŋ-/-дэŋ-* (не имеющие атрибутивного употребления);

5) причастия недавнопрошедшего времени с суффиксом *-мат/-мэт*;

6) причастия давнопрошедшего времени с суффиксом *-тла/-тлэ*;

7) долженствовательные причастия с суффиксом *-нна/-ннэ*.

К этому списку могут быть добавлены еще некоторые причастные формы, присутствующие в известных текстах на эвенском языке, но не фиксировавшиеся в грамматиках:

1) причастия обычно совершаемого действия с суффиксом *-вки*;

2) причастия с суффиксом *-тна/-тнэ*;

3) причастия потенциально возможного действия с суффиксом *-ŋка/-ŋкэ*;

4) стативные, или страдательные, причастия с суффиксом *-на/-нэ*;

5) формы на *-бган/-бгэн*, которые образуют отдельные причастия, выражающие отсутствие препятствия при совершении действия.

Статус некоторых из перечисленных форм в отношении распределения по диалектам, в частности вопрос об их употребительности в диалектах восточного наречия, пока не вполне ясен.

Причастия настоящего времени

Причастия настоящего времени в предикативном употреблении (т.е. в тех случаях, когда они используются в функции сказуемого и имеют самостоятельное временное значение) обозначают действие, происходящее в момент речи; при употреблении в функции вторичного предиката они обозначают действие, одновременное с действием, выраженным глагольным сказуемым (финитной формой глагола). Причастия настоящего времени образуются посредством суффикса *-ри/-нӣ/-си/-ды*: *хуклэри* ‘спящий’, *хӧрри* ‘уходящий’, *гӧни* ‘говорящий’.

В атрибутивном употреблении в диалектах эвенского языка причастия настоящего времени имеют грамматические категории числа, падежа и принадлежности, при предикативном употреблении — только формы числа, при употреблении в функции вторичного предиката — только две именные грамматические категории: падежа и принадлежности.

По отдельным функциональным формам эвенского языка различий в использовании причастий настоящего времени не наблюдается.

Примеры употребления причастий настоящего времени в функции определения и сказуемого: *Хи хӧлурэкэс ноŋан бодуччин*, *хи нёгракас ноŋан бодалды-гопти бисни*. (*Хинян*) ‘Ты за ней побежишь, она за собой тебя поведет, ты впереди пойдешь, она за тобой — так говорят. (Тень)’; *Ач хилгуна биникэн*, *мов табдас хилгари*. (*Икри*) ‘Не имея сверла, дерево насквозь сверлящий. (Червь-короед)’; *Илан деплэŋдюр индиддыл биддэ*. (*Нёчэ*) ‘Живут за счет трех продуктов. (Растения)’; *Эти иŋэмрэ тӧŋэру эрэли ирэтэл хечэл*. (*Харамтал*) ‘Вокруг незамерзающего озера молодые лиственницы выросли. (Ресницы)’; *Гиркари бэйду деплэдук онди хулэк* ‘Идущему человеку вода лучше еды’; *Куŋав эрэгэр тӧрэми*, *нэими — ноŋан хин тӧрэмус эти авдатта*, *эти долчир оваттан* ‘Если ребенка все время ругать — он перестанет принимать во внимание твои слова, станет непослушным’; *Ибдири бэй эрэгэр дебэмси тӧлли тутточчӧтти бисни*. *Хо дёрмин*. (*Хуличан*) ‘Загадочный человек всегда голодный на улице бегает. Большой вор. (Лиса)’; *Бэю-дэ*, *делгэнкэв-дэ эти хуптур бэй*. (*Хинян*) ‘Ни от человека, ни от зверя не отстающий человек. (Тень)’ (ЭФ).

Примеры употребления причастий настоящего времени в функции вторичного предиката: *Ибдири аси ач таŋна хутэн*, *ады-да бисивэн*. (*Дыликэн*) ‘У неизвестной женщины детей без счета, неизвестно сколько. (Муха)’; *Индиддэ дёр тӧбэгэкэкэр бэйкэкэр. Аканур. Ноŋартан инивур*

чөптэрэ есчимэчидьдеттэ, *ӈи-дэ хинма бисивэн*. (*Бөдэлэл*) ‘Живут два низеньких мужичка. Братья. Они всю жизнь друг с другом в беге соревнуются. Что это? (Ноги)’; *Биддэн ибдири бэй*, *энтэкэе гачир. Ноӈан инэӈу чөптэрэ дебботтэн. Чаив*, *мов-дэ эсни коллотта. Долба*, *хуклэсэндилми*, *оддоттан дептий*. (*Тог*) ‘Неизвестный живет, очень прожорливый. Он целый день ест и никогда сыт не бывает. Чаю и воды не пьет. Ночью, засыпая, есть кончает. (Огонь)’; *Очиддый дёдани*, *хаӈанаддий ою эникэн уклан*, *одда*, *энмэй эмэн* ‘Когда делаешь какую-либо вещь, шьешь одежду, ее нельзя оставлять незаконченной, недошитой’; *Этилэй хар төрлэ ӈэнми*, *эрэгэр төйгэрэли!* ‘В незнакомую тебе землю придя, обязательно ее угости!’; *Гусэтэ дю өйдэлин дэгготтэкэн*, *далбула буюн-ул*, *навдака-вул бисивэн хавкаттан* ‘Когда орел летает над жилищем, он тем самым извещает, что недалеко есть дикий олень или лось’; *Энин өкэнни габаканни — куӈаӈан хоӈриван*, *бутэнривэн хавкаттан* ‘Грудь у матери затвердела — предвещает то, что ребенок будет плакать, болеть’ (ЭФ).

Причастия прошедшего времени (перфектные причастия)

В эвенском языке причастия прошедшего времени (перфектные причастия) при предикативном и атрибутивном употреблении обозначают завершенное действие, при использовании в функции вторичного предиката — действие, предшествующее главному действию, выражаемому финитной формой глагола. Данные причастия образуются при помощи суффикса *-ча/-чэ*: *ичэ* ‘вошедший’, *эмчэ* ‘пришедший’, *елтэнчэ* ‘миновавший’.

Называть такие причастия однозначно причастиями прошедшего времени нам представляется не вполне оправданным. Рассматриваемые причастия входят в ряд противопоставлений с причастиями на *-даӈ-/-дэӈ-*, *-мат-/-мэт-* и *-тла-/-тлэ-*, при этом форма на *-мат-/-мэт-* однозначно имеет значение недавнопрошедшего времени, форма на *-тла-/-тлэ-* — давнопрошедшего. Причастная форма на *-даӈ-* также имеет значение прошедшего времени, при этом, по предварительным наблюдениям, в предикативном употреблении она имеет значение недавнопрошедшего времени, а в функции вторичного предиката — незавершенности или относительного предшествования. Поэтому причастия с суффиксом *-ча/-чэ* можно называть перфектными.

Как и причастия настоящего времени, причастия на *-ча/-чэ* в атрибутивном употреблении имеют грамматические категории числа, падежа и принадлежности, в предикативном — грамматическую категорию числа, в позиции вторичного предиката — грамматические категории падежа и принадлежности при отсутствии противопоставления форм числа.

Примеры использования перфектных причастий: *Мэендули орар боргачал*, *тарав ок чакчип гөӈрэчэл. Тарак як?* (*Осикат*) ‘По долине олени разбрелись, их когда соберем, спрашивают. Это что? (Звезды)’; *Эти иӈэмрэ төӈэру эрэли ирэтэл хечэл*. (*Харамтал*) ‘Вокруг незамерзающего озера молодые лиственницы выросли. (Ресницы)’; *Эчэ-дэ хупкуттэ бими*, *иний*

чөптэрэ дукаддан. Эрэк як? (*Карандаш*) ‘Хоть и неученый, а всю жизнь пишет. Что это? (Карандаш)’; *Нюритчи хуркача.* (*Хопча аси*) ‘Из своих волос петли ставила. (Женщина-хвастунья)’; *Нанрав мөлэ умичэ.* (*Иңэ туркутти аси*) ‘Шкуру в воде мочит. (Женщина, не могущая выделывать шкуры)’; *Борипча оста-да дын далси*, *дёрмипча уман-да дын ач амтана* ‘То, чем поделились, даже с ноготь размером сладко, то, что украли, даже с мозговую кость <размером> безвкусно’; *Як-ав-ул делгэнкэв көкэчэв бакми*, *эмэкэн гад*, *төнңэкич*, *эсни хинңи бис*, *укал гача* ‘Когда какого-нибудь мертвого зверя найдешь, не бери, грешно, это не твое, это уже взято хозяином земли’; *Бэй накатту осисамча*, *кикавча*, *оййон*, *мавуттон*, *дёданнон-ул этэнри гад — мэмэчэнду мавдикас* ‘У человека, которого поцарапал или покусал медведь, не бери ни одежду, ни аркана, никаких вещей — медведь может тебя убить’; *Деплэв тикчэв экич гявра гад — укал депчэ*, *төнңэкич*, *төр мурандун дебэвчэ* ‘Еду, упавшую на землю, второй раз не бери, грешно, она уже съедена хозяином земли’; *Чамакчан дю додун тутчэ бисэкэн — биргэ оннаван дюлиттэн* ‘Если мышь бегает внутри жилища — она предвещает несчастье’; *Хуланя нёлтэн мэңэн уркэчэндулэ камдавча.* (*Енңэ*, *ит*) ‘Красное солнце серебряной дверью прикрыто. (Язык и зубы)’ (ЭФ).

Причастия будущего времени

Причастия будущего времени, обозначающие действие, которое произойдет или может произойти после момента речи, в эвенском языке образуются посредством суффикса *-дңа/-дңэ/-диңа/-диңэ*: *явчидңа* ‘тот, кто будет пасти ночью’, *эмдиңэ* ‘тот, кто придет’, *гөндиңэ* ‘тот, кто скажет’.

Набор грамматических категорий у причастий будущего времени в целом тот же, что и у двух рассмотренных выше причастий. Однако формы множественного числа и косвенных падежей данных причастий практически не употребляются. Существенно ограничен и набор падежных форм причастий будущего времени в позиции вторичного предиката: чаще всего в этой функции встречаются формы дательного падежа, имеющие значение нежелательности или препятствия к совершению действия (переводятся на русский язык ‘чтобы не…’). К.А. Новикова предложила даже выделить причастия с формативом *-диңаду-* в особый разряд глагольных форм [1980, с. 102]. Представляется, что пока для признания этих форм отдельными причастными или деепричастными формами нет оснований.

Примеры употребления причастий будущего времени: *Өлэк бидңэдук ач төрэнэ хулэкэдмэр* ‘Чем быть обманщиком, лучше быть немым’; *Өсэри аси бутэн дюлан этэн ивэннэ*, *бутэн немэдңэдун* ‘Беременная женщина в дом к больному не должна входить, чтобы больной не умер’; *Нөкэчэм-дэ*, *буюм-дэ эстэн ңэнукэвэттэ*, *төнңэкич*, *майдиңадутан* ‘Про лося, про дикого оленя загадок не загадывают, грешно, а иначе они могут перестать попадаться охотнику <чтобы не отвратить удачу>’; *Осикат тикрэкэн —*

илэ-вут бэй ачча одиŋа ‘Если упала звезда — где-нибудь скоро умрет человек’ (ЭФ).

По сравнению с перфектными причастиями и причастиями настоящего времени, причастия будущего времени употребляются очень редко и в разговорной речи, и в фольклоре, а в письменном языке они являются крайне редкими.

По говорам употребление причастий будущего времени может иметь определенные особенности. Например, в нижнеколымском говоре причастия будущего времени используются также в значении долженствовательного наклонения, выражающего обязательное осуществление действия в будущем. Примеры: *Эчин эр эрэгэл укчэнникэн таткачад’ овми багар як-та овомча*, *д’улэһки бөһкэ һовноһнан*, *бэй гөнд’иŋэндэ гөмчэ* ‘Если вот так всегда говоря, исследование начнется, в будущем, может быть, что-то получилось бы, как лед трогается, человек должен заговорить, заговорил бы’; *Мут болла тачин нэкрид’ур булкуллаһын орин*, *һэйэктики икэд’иŋэт биһин*, *тарав болла һэд’элэгэлдэ гөнит* ‘А мы, совершая такой <обряд>, запутались, должны были чукотскую песню спеть, но решили станцевать *хэде*’; *Би ŋэнукэрбу гун’д’им*, *һу һинмач илкэдич гунд’иŋэһнэн*, *һари команда ŋали улд’иŋан*, *тадук гунд’иŋэн илкадич* ‘Я буду говорить загадки, вы быстро должны сказать по-эвенски, знающая команда должна подать знак рукой, потом должна сказать по-эвенски’ (Н.-К.).

Причастия прошедшего времени с суффиксом *-даŋ-/-дэŋ-*

Причастия прошедшего времени с суффиксом *-даŋ-/-дэŋ-* в эвенском языке были выявлены довольно поздно — в конце 1930-х — начале 1940-х годов, их присутствие в ольском говоре восточного наречия отмечено только К.А. Новиковой [1980, с. 108]. Хотя указанные причастные формы встречаются в эвенских письменных текстах, изданных в конце 1930-х годов (в прозе Н.С. Тарабукина), в то время они могли быть расценены как диалектные и не свойственные литературному языку. Такая точка зрения не так уж далека от истины: в письменном языке рассматриваемые формы не употребляются, несмотря на их присутствие в ольском и других восточных говорах эвенского языка.

Причастные формы на *-даŋ-/дэŋ-* имеют отличие от других причастных форм в том, что они не употребляются без лично-притяжательных суффиксов и не имеют форм числа.

Примеры образования: *гадаŋу* ‘то, что я (недавно) взял’, *бактаŋас* ‘то, что ты (недавно) нашел’, *нимкандаŋан* ‘та сказка, которую он (недавно) рассказал’.

Синтаксические функции причастий на *-даŋ-/дэŋ-* могут быть определены как функции вторичного предиката (аналог придаточных определительных конструкций). В атрибутивной и предикативной функциях данные формы, по нашим наблюдениям, не используются.

Примеры употребления причастий на *-даŋ-/дэŋ-*: *Илан бэй уямкан халгань холур иний чөптэрэ холуми-тит хуптудаŋан да ачча*, *бокондаŋан да*

ачча ‘Три человека снежного барана пешком преследуют, всю жизнь преследуют и не отстают, и не догоняют’; *Бэй өмэн мэргэлкэнни*, *дэги дёр дэтлэлкэнни истаŋнан искаран* ‘У человека одна мысль, но она долетает туда же, куда птица с двумя крыльями’ (ЭФ); *Эрэк нодыка хиркаму мэнэл чактиŋатан анидаŋан Этэргэн далидун* ‘Этот красивый нож — ловкого эвена-*мэнэ* подарок <подаренный> неподалеку от Атаргана’; *Тарак кусин айдит бидэŋон харам* ‘Про то, какая была та война, я знаю’; *Тарав мут холобур акнилбур мадаŋатан уйамкам-гу*, *йāв-гу миррэн чикиракат экичэл йав-да мāр*, *экичэл мāмалла*, *экичэл кыайан мāр ōкичал уйамкам-да*, *буйумдэ* ‘Например, если мы будем разрезать плечи добытого старшими братьями или отцом горного барана или другого зверя, то их может покинуть удача и они не смогут добыть ни горного барана, ни дикого оленя’ (В.-К.); *Тīк ӈуту болла гӯŋнэн тавор городла татаддан*, *ӈавнаддан гӯнд’иддэн:* «*Эн’э*, *ӈī мину таткачаддаŋас ибгэ бичэ*» ‘Сейчас мой ребенок, который в городе учится, работает, говорит: «Мама, хорошо, что ты меня обучала»’ (Н.-К.); *Ӈōйав аннанив буйустэŋэн*, *уйамкамидаŋан*, *ӈэгэпу ӈэпкудэŋэн ӈōйаду ноŋман таткаттин* ‘То, что он много лет охотился, ходил на горного барана, ловил соболя, многому его научило’ (Л.).

Причастия недавнопрошедшего времени

Причастия недавнопрошедшего времени образуются при помощи суффикса *-мат/-мэт*: *мамат* ‘только что добытый (о дичи, рыбе), только что забитый (о домашнем олене)’, *тугумат* ‘только что родившийся (о теленке)’, *омат* ‘только что сделанный’, *хирмат* ‘только что заварившийся (о чае)’, *ивэмэт* ‘только что расколотый (о дровах)’.

Причастные формы этого разряда имеют преимущественно атрибутивное употребление, и в соответствии с грамматическими характеристиками других атрибутивных форм в диалектах восточного наречия имеют грамматические категории числа и падежа: *омат хупкучэк* ‘недавно построенная школа’ — *оматал хупкучэкэл* ‘недавно построенные школы’ — *оматалдула хумкучэкэлдулэ* ‘в недавно построенных школах’. Выступая в роли предикативного определения (аналога определительного придаточного предложения), данные формы получают лично-притяжательные суффиксы, например: *мамату олра* ‘рыба, которую я недавно поймал’. В позиции зависимого предиката указанные формы обычно не употребляются.

Причастия на *-мат/-мэт* в разговорной речи и фольклоре являются достаточно редкими. В письменном языке их использование ограничено незначительным количеством форм, образованных менее чем от десятка глаголов, так что эти формы выглядят как отглагольные прилагательные. При описании западных диалектов отмечается малоупотребительность (в ламунхинском) или даже отсутствие (в нижнеколымском) причастий недавнопрошедшего времени с суффиксом *-мат/-мэт*.

Примеры употребления: *Гя хагды асаткан*, *акаŋадмар хутэлкэн*, *мерэмэт*, *асиŋгай гамат* ‘Взрослая дочь, старший сын с ребенком, недавно женился, взял в жены’; «*Тек далила хойубуматал бисэп*», — *гөнни* ‘«Недав-

но у нас случилось горе», — сказал'; *Этикэн хуркай итнэн: хуличан хуркала көкэчэ дэсчирин*, *тек көкэмэт*, *унэкчэ бисин* 'Старик пошел проверять силки: лиса лежала мертвая, недавно умерла, еще не замерзла'; *Дёр нөнуя асил биддэ*, *энинтэн амантан көкэмэтэл* 'Жили две сестры, родители у них недавно умерли' (СЭ).

Причастия давнопрошедшего времени

В грамматике эвенского языка причастия с суффиксом *-тла/-тлэ* описываются как причастия давнопрошедшего времени.

Примеры образования: *минэтлэ* 'давно отрезанный', *нокатла* 'давно повешенный', *эмэтлэ* 'давно оставленный'.

Данные формы, как и причастные формы на *-мат/-мэт*, употребляются в основном в роли определения и встречаются в формах множественного числа и косвенных падежей еще реже, чем формы на *-мат/-мэт*. Часть глагольных форм с суффиксом *-тла/-тлэ* является лексикализованной, например: *чэчэтлэ* 'обрезки шкуры при кройке', *хунатла* 'опилки'.

Примеры употребления причастий давнопрошедшего времени: *Орам көкэтлэв бакли.* (*Турки*) 'Оленя давно сдохшего найди. (Нарта)' (ЭФ); *Хуличан олра*, *мунрукан*, *чамакчан көкэтлэвэн гэлэтникэн*, *тарав бакми дебникэн*, *бисин* 'Лиса находила давно сдохших рыб, зайцев, мышек и ела, этим и питалась' (СЭ).

Эвеноведами не фиксируется употребление причастий давнопрошедшего времени с суффиксом *-тла/-тлэ* в некоторых западных говорах.

Долженствовательные причастия

Данная причастная форма обозначает такое действие, которое с обязательностью или желательностью может произойти в настоящем либо совершиться в будущем. Долженствовательные причастия образуются посредством суффикса *-нна/-ннэ*: *ханна* 'тот, кто должен знать', *алиманна* 'тот, кто должен принять, получить', *гөннэ* 'тот, кто должен сказать'. Частично конструкции с этими причастиями были описаны при характеристике форм долженствовательного наклонения, имеющего тот же показатель.

Долженствовательные причастия в эвенском языке могут употребляться в атрибутивной и предикативной функциях, а также в функции вторичного предиката. Они имеют грамматические категории числа, падежа и принадлежности, которые реализуются в разных функциях этих причастий в разном наборе (число и падеж — в атрибутивной и предикативной функциях, падеж и принадлежность — в функции вторичного предиката).

Примеры употребления форм долженствовательных причастий: *Тураки амӈай туруттан — хунӈэлэннэн один* 'Ворона клюв открытым держит, каркает — будет ветрено'; *Бугундяв*, *амкачам эдлэй хер аниннай эди омӈар* 'Перед тем, как прийти в какую-то местность, подняться на гору, не забудь

сделать подарок <духу-хозяину местности>’; *Аваски-вул хөрэддэкэс*, *учакас амаски булнинни — куӈа бутэнэлэннэвэн мэдукэнни* ‘Если куда-нибудь едешь, и твой ездовой олень оглядывается назад — он извещает, что ребенок заболеет’; *Буюддэкэс*, *ӈинас дютки мучурин — биргэ оннаткин*, *дюлай мучуми хулэк бидин* ‘<Если>, когда охотишься, твоя собака домой вернется — <это> к несчастью, лучше всего вернуться домой’; *Өмнэкэн-дёрэкэн икэдэн — нэкэру дебэннэтки* ‘Кто один-два раза песню повторит — будет есть гостинец’; *Тог курэлэнни — эгден хунӈэ оннадун* ‘Огонь гудит — значит, будет сильный ветер’; *Адыв-да инэӈу нэннэн елтэнэкэн ачча очав эсэкэтэн нэд*, *тар дывэн дялби мэннюми гадин* ‘Сколько дней после положенного дня умершего не похоронили, столько человек из родных и близких он возьмет с собой’; *Бэй гирамран ониӈан бөӈкэчэ орин — ачча оча бэй ханилни гору иннэвутэн дюличчөттэн* ‘Могильный холмик прогнулся, сделался горбатым — он предвещает, что родственники умершего будут долго жить’; *Көкэчэ бэй гирамран ониӈан хэссэки тикэргэрин — ноӈан далилий ханин көкэннэвэн нуӈуччоттан* ‘Если на могильном холмике человека песок вниз осыпается — он заклинает, что вслед за ним умрет кто-нибудь из родственников’; *Киримки ясалла хогнарин — яв-ут-та мяӈчиникан көчиннэдус* ‘Пошевелилась бровь — увидишь что-нибудь интересное’ (ЭФ).

Как было указано выше, долженствовательные причастия не имеют употребления в нижнеколымском говоре [Шарина, Кузьмина, 2018, с. 89], хотя и фиксируются в других говорах среднего и западного наречия, например: *Эрөв инэӈив йав н’экэннэй*, *өмөн иландули илэ исаннай*, *йав ӧчиннай һамулкаваттан* ‘Раздумывает, чем сегодня должен будет заниматься, куда должен будет дойти за один месяц, что должен сделать’ (Л.); *Иһаннавур тӧррэ эдлэн һатаралла иһракатно ай биннэвэн һӑр* ‘Знают, что должно быть хорошо, если доедут до места, куда должны доехать, до наступления сумерек’ (Л.); *Мут эрэк дулагал эмиэ эмэд’эллэкэт эгд’эн бӧди*, *эгд’эн удан йӑк ӧракан эмиэ тачин бутучэнд’ун тимирэннэт*, *аччал ӧннал биһэп* ‘Мы вот тоже средние, когда опять начнется наводнение, когда пойдут проливные дожди, все под воду должны уйти, должны будем умереть’ (В.-К.); «*Умӈи чурибачар гэрбэл мут амардадут уөскэннэл бэйил уӈчэнтэн олдичантан удики диэн көчукэн бид’ин таррочин олд’адад’ир*», — *гӧникэн укчэнгэрэр* ‘«У тех людей, которые возникнут после нас, по названию *чуриба*, лодки будут маленькие, размером с доску для женских поделочных работ, и на этих лодочках <они> будут плыть», — говорили’ (В.-К.).

В нижнеколымском говоре обязательное осуществление действия в будущем выражают определенные конструкции с причастием будущего времени типа *һурд’иӈэ тустак* ‘обязан пойти’, *һад’иӈалкан биһэм* ‘я должен знать’, *итчиӈэһ кэһни* ‘ты должен увидеть’. В первом случае при образовании конструкции *һурд’иӈэ тустак* ‘обязан пойти’ используется якутское заимствование. В якутском языке формообразующая частица *тустаах* образует долженствовательное наклонение от причастия на *-ыах*: *барыах тустаах* ‘должен уехать, уйти (он)’, *этиэх тустаахпын* ‘должен сказать (я)’, *сайыннарыах тустааххын* ‘должен развивать (ты)’. В приводимых ниже примерах якутизм *тустак* используется для передачи значения обязатель-

ного осуществления действия, однако, в отличие от якутского языка, в эвенском языке данная частица не имеет притяжательного оформления: *Эчин букатын туконикан турэд'ин*, *биһэд'ин эчин*, *потому что аканти*, *эмд'э биһэд'иӈэ тустак* 'Если даже возмущается, будет молча сидеть, потому что это наш старший брат, младший не должен пререкаться'; *Тадук би стадатки һурд'иӈэ тустак* 'Оттуда я обязана поехать в стадо' (Н.-К.).

Вторая конструкция, включающая причастие будущего времени на *-диӈа-*, оформленное суффиксом принадлежности *-лкан*, обозначает обязательное выполнение действия в будущем. Здесь явно усматривается схема формирования якутского причастия, которое имеет значение долженствования и которое образуется посредством аффикса обладания *-лаах*: *этиэх = тээх* 'должен сказать (он, она)', *биэриэх = тээх* 'должен отдать (он, она)' (ср. *ат = таах* 'имеющий коня (он, она)', *сон = ноох* 'имеющий пальто (он, она)'). В нижнеколымском говоре допустимо употребление такой формы и в единичном виде, и в составе конструкции: *Ноӈан эрэв иниӈив д'эбиддиӈэлкэн* 'Он сегодня должен поесть'; *Тимина эн'му ями-да унтав һаӈанд'иӈалкан* 'Завтра мать обязательно должна сшить унты'.

Конструкция типа *һад'иӈалкан биһэм* 'я должен знать' образована по следующей формуле: причастие будущего времени на *-диӈа-* + суффикс принадлежности *-лкан*, образующий прилагательные со значением обладания + вспомогательный глагол *бидэй* 'быть', оформленный показателями лица и числа. Мы склонны полагать, что данная конструкция является калькой из якутского языка. Рассмотрим образование якутской долженствовательной причастной конструкции на примере сочетаний *билиэхтээх буоллаҕым* 'должен знать (я)', *барыахтаах буоллаҕа* 'должен уйти, уехать (он(а))', *ааҕыахтаах буоллаҕыӈ* 'должен читать (ты)': причастие на *-ыах* + аффикс обладания *-лаах* + модальное слово *буоллаҕа*, образованное от глагола *буол* 'быть, стать' + аффиксы сказуемости. По нашим данным, конструкция такого типа в других западных говорах и диалектах эвенского языка, подверженных влиянию якутского языка, не употребляется.

Третья конструкция, обозначающая обязательное осуществление действия в будущем, образуется в говоре посредством причастия на *-диӈа-* и вспомогательного глагольного слова *кэһни*: *Ноӈан этчиӈэ кэһни* 'Он же должен победить'; *Итчиӈэһ кэһни тарак кинэв* 'Ты должен посмотреть то кино'.

Допустимо также использование в говоре обоих вспомогательных глаголов: *Би куӈав итчиӈэлкэн биһэм кэһни* 'Я должна увидеть ребенка'.

Причастия очевидности действия с суффиксом *-тна/-тнэ*

Среди причастных форм эвенского языка, не отмеченных в существующих грамматических описаниях, должны быть названы причастия с суффиксом *-тна/-тнэ*. Значение этих причастий предположительно определяется как значение очевидности действия: недостаток примеров употребления рассматриваемой формы побуждает воздержаться от более утвердительных выводов.

Эта причастная форма дважды встретилась в текстах, записанных К.А. Новиковой, и один раз в текстах, записанных Н.П. Ткачиком. Тем не менее она не отмечена ни в грамматической части монографии К.А. Новиковой, ни в книге В.Д. Лебедева, написанной по материалам Н.П. Ткачика [Лебедев, 1982].

Очевидно, что данная причастная форма в эвенском языке имеет категории числа, падежа и принадлежности, поскольку в известных примерах она употреблена в предикативной функции и функции вторичного предиката. Ее диалектная распространенность не изучена. В письменном языке указанная форма не используется*.

Примеры употребления причастий на *-тна/-тнэ*: *Хи-го айдит Каддяк мэлэнэн битнэ?* ‘Ты правда Каддяк беззубый?’; *Хи-го айдит мин асаклав матна?* ‘Ты правда жену мою убил?’ [Новикова, 1980, с. 135]; *Тачимар биддэкэтни*, *арай туллэ бэй гирканни эмэтнэн исэн* ‘Когда они так жили, вдруг снаружи шаги человека, который пришел, послышались’ (Эп); *Ӈэлэмдук бэйди көкэтнэ-дэ бими*, *гяй айри*, *эрэк айдит гя* ‘Тот, кто готов умереть в беде, выручая товарища, это настоящий друг’ (ЭФ).

Причастия обычно совершаемого действия

Причастия обычно совершаемого действия с суффиксом *-вки* в грамматических описаниях эвенского языка не фиксировались. Они были замечены нами в ходе изучения языка ульинских эвенов в 1987 г., но данные ульинского диалекта в этом случае не были показательными, так как рассматриваемая форма в нем могла быть заимствованием из эвенкийского языка. Вторично указанная форма была отмечена при наблюдениях над разговорной речью эвенов в 1988 г. в Северо-Эвенском районе Магаданской области, где распространен ольский говор эвенского языка. Один пример, а именно: *Орар тутточивкил од* ‘Олени очень бегающими стали’, сразу же снял все вопросы относительно того, что эта форма является регулярно образуемым причастием.

Рассматриваемые причастия имеют грамматические категории числа и падежа при атрибутивном употреблении, падежа и принадлежности — при использовании в функции вторичного предиката: *Орар тутточивкивутэн гөнэм* ‘Говорю, что олени очень бегающие’. Такие же причастия образуются и от отрицательного глагола *эдэй*: *Би эвки колра бисэм* ‘Я не пьющий’.

Изучение текстовых материалов позволило установить, что форма *давувки* ‘заразный’, образованная от глагола *дāвдай* ‘заразить’, отмечена еще в записях Н.П. Ткачика и учебнике А.Р. Беспаленко, иными словами, встречалась в текстах 1940-х годов. Эта же форма попала в глоссарий К.А. Новиковой [1980, с. 169], однако словарная фиксация единичного лексического примера ничего не говорила о грамматическом статусе данной формы. Причастный статус указанной формы и ее неограниченная продуктивность ныне сомнений не вызывают, однако за пределами устной

* Впервые на особый статус этой формы в ходе изучения материалов К.А. Новиковой обратил внимание А.Л. Мальчуков.

речи в настоящее время такие причастия практически не употребляются. Информация о возможном использовании данной формы в западных говорах эвенского языка отсутствует.

Примеры употребления причастий обычно совершаемого действия: *Нивсани бэй бэйди одни*, *атаки нямичан хуснэн. Ур ноӈарбутни тикконди-девки аси одни* ‘Нивсани сам, превратившись в человека, подул на паука-самку. Она превратилась в женщину, которая тогда сбросила их с горы’ (Эп); *Бэй хяснивки*, *тог дурулукэн хясниддан.* (*Модги*) ‘Человек, щелкающий пока огонь не загорится, щелкает. (Огниво)’ (ЭФ).

Причастия потенциально возможного действия

Среди причастных форм, которые ранее не были зафиксированы в грамматических описаниях эвенского языка, но встретились при анализе текстов, имеется также форма с суффиксом *-ӈка/-ӈкэ*, которая предварительно по значению глагольных форм может быть охарактеризована как причастие потенциально возможного действия.

Судя по примерам, показатель *-ӈка/-ӈкэ* не является словообразовательным и по формальным признакам соотносится с другими показателями причастных форм, хотя по известным примерам трудно что-то сказать о наборе грамматических категорий этой формы.

Примеры употребления причастий потенциально возможного действия: «*Ноӈан*, *— гөнни*, *— эрэк би дабдакнав*, *якнав-ал биӈкэ бисин*» ‘«Он, — говорит, — вроде бы должен был быть <тут>, пока я не погибну или не сделаю что-то другое»’; *Эркэнду гору бисиди*, *делгэни бими ойи аймаканьта тэттэн*, *горла хурэӈкэ ойи* ‘Так долго пробыв, Делгэни одежду хорошенько надел, в которой можно далеко ехать’; *Таридюр игэн елтэнни*, *тимина эмэӈкэ биникэн* ‘Тут голос ушел и вроде как должен был прийти снова завтра’ (Эп).

Эта же причастная форма, помимо записей Н.П. Ткачика, встречается в современных учебных текстах: *Амадмар мэн кочукэн хунади Май нонап инэӈин демонстрациялан хөруӈкэ одын* ‘Отец свою маленькую дочь может повести на первомайскую демонстрацию’; *Эрэв инэӈу хөллөчэкэтэн мудни-лан дэгив ичукэӈкэ одын* ‘В этот день в конце похода можно было увидеть птицу’; *Космосла дэгэлэӈкэ бими*, *нада хояв хавми* ‘Чтобы было возможно полететь в космос, надо много знать’.

Все известные ныне примеры употребления этих причастий не дают указаний на изменение рассматриваемой формы по числу, падежам или принадлежности, кроме двух примеров — в говоре эвенов Момы (с. Орто-Дойду) и в верхнеколымском говоре: *Өмнэкэн һөллөтми умэн Абыйдук эмнид’и умэн бэй дэлби һаӈарбыт*, *аһукут һуручэ эбит һөруӈкэлэвур тавар* ‘Однажды приехал один человек из Абыя и сильно поругал его, чуть не увез туда, куда должны были увезти’ (В.-К.); *Ур хөрэӈкэлэй хөррин* ‘Ушла, куда раньше уходила вроде бы’ (СЭ). В приведенных предложениях причастия оформлены суффиксами местного падежа и возвратно-притяжательными суффиксами единственного и множественного числа.

Почти во всех случаях данные причастия употребляются в сочетании с вспомогательными глаголами *одай* ‘стать’ или *бидэй* ‘быть’, например: *Би унтов һаңāноңко биһив* ‘Я должна была сшить унты вроде как’ (Л.); *Эрөв инөңив мун’ак оңко биһин* ‘Сегодня вроде как должно состояться собрание’ (Л.); *Ноңортон тарак төррэ н’улгөнкө биһитнө* ‘Они вроде как должны перекочевать на ту землю’ (Л.); *Н’уңэн часла һурэңкэ биһэм. Унтав һаңаниди, мултуңкэ биһэм* ‘В шесть часов, возможно, я должна буду пойти. Унты сшив, отправить должна, вроде как’ (Н.-К.); *Тимина акму стадала һурэңкэ биһин* ‘Завтра брат вроде бы должен поехать в стадо’ (Н.-К.); *Эрэв иниңив д’өр часла самолет эмэңкэ* ‘Сегодня в два часа вроде бы должен прилететь самолет’ (Н.-К.); *Асаткан аннамта куратлии ичукэңкэ биһин* ‘Девушка вроде как должна показать свою новую шапку’ (Н.-К.).

Страдательные причастия

В текстах, основанных на западных диалектах эвенского языка, встречается причастная форма с суффиксом *-на/-нэ*, соответствующая по смыслу формам страдательного причастия прошедшего времени: *бэрнэ* ‘потерянный’, *аявна* ‘любимый’. Данное причастие рассматривалось В.Д. Лебедевым как результативное [1978б, с. 90; 1982, с. 113]. Судя по несоотносительности этих форм с причастиями, образованными от соответствующих глаголов (ср. *бэрири* ‘теряющий’, *бэричэ* ‘потерявший/потерянный’, *аяври* ‘любящий’, *мин аяврив* ‘мой любимый’), и отсутствию морфологических залоговых показателей, встречающихся в причастиях других разрядов, данная грамматическая форма является пассивным (страдательным) причастием. Причастная форма с суффиксом *-на/-нэ* имеет грамматическую категорию принадлежности. Что касается категорий числа и падежа, то в западных говорах эвенского языка части речи и разряды слов с атрибутивным значением не имеют таких грамматических категорий. В диалектах восточного наречия причастные формы на *-на/-нэ* не выявлены, в письменном языке они представляют собой диалектные вкрапления. По нашим наблюдениям, для диалектов восточного наречия ни морфологическая форма на *-на/-нэ*, ни аналогичные образования от глаголов *аявдай* ‘любить’ и *бэридэй* ‘потерять’ не характерны.

Примеры употребления причастий с суффиксом *-на/-нэ*: *бэрнэ орарбу* ‘потерянных оленей’, *бэрнэв хирчав* ‘моя потерянная молочная важенка’, *билэк аявнан* ‘любимый всем поселком’, *аявна энинни* ‘его любимая мать’, *аявнав балдадаңу бугу* ‘моя любимая земля’; *Адив-да инөңив бэрнэв һирчав гэлэттөм* ‘Несколько дней <я> искал мою потерянную дойную важенку’ (Л.); *Айāвна буги һō ōд’арам* ‘Любимую родину очень берегу’ (Л.).

Причастия удобства для совершения действия

К отдельным причастным формам следует отнести причастия с суффиксом *-бган/-бгэн* со значением отсутствия препятствия при совершении действия: *таңабган книгэ* ‘удобная для чтения книга’, *нулгэбгэн бидэй* ‘чтобы не было препятствий при кочевке’.

Примеры употребления: *Ноӈан я-да гөнин нян тӘлэӈнин, хӧ уталабган* ‘Что бы он ни говорил и ни рассказывал, все удобно для понимания’; *Бөӈкэтэ бими, тэвлибгэн* ‘На сопке удобно собирать ягоды’. Данная форма названа В.А. Роббеком причастием удобства для совершения действия [2007, с. 528].

ДЕЕПРИЧАСТИЕ

Деепричастие в эвенском языке представляет собой инфинитную форму глагола, обозначающую действие, выступающее как добавочное по отношению к основному действию, выраженному финитным глаголом; имеет признаки как глагола, так и наречия.

Деепричастия в эвенском языке традиционно делятся на три разряда: 1) неизменяемые; 2) изменяемые по числу; 3) изменяемые по лицам и числам, т.е. спрягаемые. Последняя группа может быть разбита на два подкласса: а) деепричастия, имеющие только личные формы (1–3-го л. обоих чисел, например условно-временные деепричастия); б) деепричастия, имеющие личные и безличные формы (например, деепричастия цели и одновременности).

В состав неизменяемых деепричастий в восточных диалектах эвенского языка традиционно входят три формы: 1) условно-временные деепричастия с суффиксом *-ми*; 2) деепричастия с суффиксом *-мнин*; 3) деепричастия предела с суффиксом *-кан/-кэн*.

Условно-временные деепричастия

Деепричастия, получившие в описаниях морфологии эвенского языка наименование условно-временных, образуются от основ глаголов посредством суффикса *-ми*, например: *хами* ‘если знать’, *хөрми* ‘если уходить’, *гөми*’ если сказать’, *елтэми* ‘если миновать’ и т.п.

Данные деепричастия являются моносубъектными и употребляются только в тех случаях, когда субъект главного действия, обозначенный подлежащим при сказуемом — финитной форме глагола, и субъект второстепенного действия, обозначенного рассматриваемой формой, совпадают.

Деепричастия с суффиксом *-ми* имеют два основных значения — условия и времени. Действие, обозначаемое данной деепричастной формой, однозначно относится к плану будущего, что и определяет возможность совмещения условного и временного значений. При условном значении деепричастия глагол-сказуемое главного предложения выражает следствие действия, выраженного этим деепричастием, при временном значении деепричастия глагол-сказуемое обозначает простое следование действия во времени за действием, выраженным деепричастной формой.

Одним из факторов, способствующих употреблению указанных деепричастий преимущественно в условном значении, является наличие в системе эвенских деепричастий двух форм с чисто временными значениями — одновременных деепричастий с суффиксом *-никан/-никэн* и разно-

временных деепричастий, или деепричастий предшествования, с суффиксом *-риди/-ридюр*: *Ини бими*, *амаски мучудим* ‘Если буду жив, вернусь назад’.

Довольно часто данные деепричастия имеют потенциально-условное значение, которое реализуется в предложениях, где эти деепричастия выступают единственной предикатной формой, приближающейся по функции к русскому инфинитиву.

Примеры употребления деепричастий на *-ми* в инфинитивной функции: *Улрэв хиркань мэкми кэнели — мэкунь мэккэрэли* ‘Мясо ножом доставать из котла плохо — это надо делать специальным крючком-*мэкуном*’; *Унтав экич улэр*, *минэми хиркань-ул*, *носнинчач-ул*, *ариңкал гадикал* ‘Обувь нельзя выбрасывать целой, надо ее разрезать ножом или ножницами, а то злые духи-*арингка* могут взять ее’; *Нюритур экич улэр — төнңэкич*, *тог дявуттан дурутми тогла ай*, *нюритур-дэ гэлэтэдилдик* ‘Волосы нельзя бросать — грешно, пусть огонь держит их у себя, их надо сжигать на огне, а то человек потом <после смерти> свои волосы искать начнет’; *Асатканду экич дарамач тэгэттэ*, *яв-ул некми*, *яв-ул тэлэңми ай*, *төртэки мэни набгими* ‘Девочке нельзя сидеть просто так без дела, надо что-то делать или рассказывать, «прикреплять себя к земле», думать: «Я еще тут хочу побыть, на этой земле»’; *Куңав эрэгэр төрэми*, *нэими — ноңан хин төрэмус эти авдатта*, *эти долчир оваттан* ‘Если ребенка все время ругать — он перестанет принимать во внимание твои слова, станет непослушным’; *Ңину*, *нөкэчэм*, *буюм*, *хэңуню*, *гиркарив*, *онакив ңэнукэтми төнңэкич — эмдик*, *гасчидик*, *ядай мину ңэнукэчинри?* ‘Про собаку, лося, дикого оленя, медведя, волка, росомаху загадок не загадывают — грешно, иначе придет, спросит: «Зачем про меня загадки загадываешь?»’ (ЭФ).

Примеры употребления деепричастий на *-ми* в условном значении: *Өмэн багатир*, *яв-да-тит мамалми*, *өмнэйэ кунихникан бэй ядерин*. (*Пэктэрэвун*) ‘Один богатырь, когда что-нибудь захочет убить, только один раз крикнет, человек что сделает… <умрет>. (Ружье)’; *Ач надала хаюми*, *мукалра-да оратан мулунь* ‘Если ломать что-либо без надобности, то и траву на кочке жаль’; *Осикату мөли мэндэри бими*, *дюли ок-та этэнри бакра* ‘Если ты ищешь звезды в воде, то своего будущего никогда не найдешь’; *Хопчари-да бими*, *мэни ханикан хопчаграли* ‘Если хвастаешься, хвастайся, только зная себя’; *Тавур хунадю эми гад*, *апканикан көкэдим!* ‘Если не возьму эту девицу в жены — повешусь!’ (устойчивая фраза-цитата из эвенских сказок); *Боңга көвевэн бакми*, *этэнри гад — улсаду имабдикас*, *төнңэкич* ‘Если найдешь рога снежного барана — не бери, попадешь под снежный обвал, грешно’; *Инмэв томкачач хэмриди*, *энинды бөдилми*, *томкачав энмэй инңэр — инңэми гяла бугла этэс бакалдаматта* ‘Вдев нитку в иголку, когда даешь ее своей матери, нельзя завязывать нитку узлом — если завяжешь, в другом мире с ней не встретишься’; *Гадими*, *дебми*, *мэркэр хөрдис* ‘Если возьмете, если съедите — сами уйдете’ (о запрете поднимать с земли упавшую пищу); *Толкитми тэвтэв дебми — бутэнэлдинри* ‘Если видишь во сне, что ешь ягоды — заболеешь’; *Толкитми*, *этэвкитми эгдем урэкчэм ойчими — аннанив аич чилдадинри* ‘Если видишь во сне, что под-

нимаешься на высокую гору — хорошо проведешь этот год'; *Толкитми, этэвкитми урэкчэндук хукэлрэкэс — бутэнэнду* 'Если видишь во сне, что скатываешься с горы — к болезни' (ЭФ).

В последнем примере необычно сочетание условно-временных форм на *-ми* и на *-рак-*.

Примеры употребления деепричастий на *-ми* во временном значении: *Нёбати качикан бисни. Буюм мами, бэй урумукун дюлай эмуриди, дебботтэн.* (*Дилики*) 'Белый щенок есть. Когда дикого оленя убьет, как человек, к себе домой принеся, ест. (Горностай)'; *Ибдири бэй бэю-дэ хөрудин, эрэглэ-дэ хөруми хөрудин, уюкавкаттан.* (*Окай*) 'Неизвестный человек человека увести может, всегда, как поведет, так уведет, бродить заставляет. (Мухомор)'; *Дёр төӈэр мөч милтэрэми өруснэрэчэ.* (*Хоӈан*) 'Два озера, когда водой наполняются, радуются. (Плач)'; *Ибдири бэй дебми ок-та эсни дялуватта.* (*Тог*) 'Загадочный человек, кушая, никогда не насыщается. (Огонь)'; *Хэл дэги, дэгми, энтэкэе иркан. Доми-мак, иркарий оддан.* (*Самолет*) 'Железная птица когда летит — сильно кричит, когда сядет — замолчит. (Самолет)'; *Осталбу экич улэр, бэйдюр көкэми, остай гэлэтэдилдик* 'Ногти свои нельзя бросать, а то человек, когда умрет, начнет свои ногти искать'; *Өсэри аси, мялми, тек-то хулрай чаканнан — нёне* 'Беременная женщина, проснувшись, должна сразу же собрать свою постель, иначе грешно'; *Ачча очал учакалбан мами, амрак дебми ай, ноӈан гиркалдин, набучидилдин* 'На похоронах, забив ездовых оленей умершего, надо их сразу же съесть, иначе он будет бродить вокруг и печалиться'; *Этилэй хар төрлэ ӈэнми, эрэгэр төйгэрэли!* 'В незнакомую тебе землю придя, обязательно ее угости!'; *Аннантан дюгадякла эмми, мэгдын, амкачан хэелэн, яв-да-тит эмэннэс, нэннэс, нёданнас* 'Каждый год, приходя на место летовки, на берег реки или на вершину горы, ты должен что-нибудь оставить, положить, бросить'; *Көкэчэв бэю имами, аликкан, хиркауган дяинмай* 'Закапывая умершего человека в землю, надо положить ему чашку и нож'; *Харий бэй гирамралан ок-та эмми тэбэкив колунмай* 'Придя на могилу человека, которого ты знал, надо угостить его табаком' (ЭФ).

Примеры употребления деепричастий на *-ми* в уступительном значении: *Эчэ-дэ хупкуттэ бими, иний чөптэрэ дукаддан. Эрэк як?* (*Карандаш*) 'Хоть и неученый, а всю жизнь пишет. Что это? (Карандаш)'; *Эми оран бис — туттоттэн, эми исаг бис — дырэлчивэттэн.* (*Окат*) 'Не олень, а бежит, не лес, а шумит. (Река)' (ЭФ).

Различие условного и временного значений у данных деепричастий основывается на характере обозначаемого ими действия. Если действие мыслится как обычное, постоянно совершающееся, от совершения или несовершения которого не зависит возможность совершения иных действий, то в подобных контекстах деепричастия на *-ми* имеют чисто временное значение. Если же действие, обозначенное деепричастием, является необычным, однократным или по смыслу высказывания обусловливает другое действие, то деепричастие имеет условное значение.

Уступительное значение, отмеченное в двух случаях, для данной формы нетипично. Чисто инфинитивные функции, на наш взгляд, у формы

на *-ми* усмотрены быть не могут даже при ее употреблении в позиции синтаксического подлежащего в предложениях типа *Хупкутми ай* ‘Учиться хорошо’, так как она сохраняет потенциально-условное значение.

Условно-временные деепричастия на *-ми* являются одинаково употребительными в устной разговорной речи, фольклоре (в разнообразных значениях) и в письменном языке, где они имеют по преимуществу условное значение в моносубъектных конструкциях.

Деепричастия последовательного действия

Деепричастия на *-мнин* описываются как продолжительные деепричастия [Цинциус, 1947, с. 209], деепричастия последовательного и предварительного действия [Новикова, 1980, с. 88]. В связных текстах деепричастия на *-мнин* обозначают либо смену действия (завершение одного действия перед началом другого), либо длящееся действие (фон другого действия, предельного по характеру и имеющего меньшую временную протяженность). Поэтому представляется возможным в ряде контекстов с предельными глаголами переводить данную форму сочетанием ‘как только..., после того, как...’, а в контекстах с непредельными глаголами — союзным словом *когда.* Указанные деепричастия образуются при помощи суффикса *-мнин*: *имнин* ‘войдя, когда вошел’, *бидимнин* ‘живя, когда жил’, *гөмнин* ‘говоря, когда сказал, как только сказал’.

Деепричастия смены действия с суффиксом *-мнин* относительно редко употребляются в устной речи, довольно широко распространены в фольклорных текстах, в письменном языке они почти не используются. Какие-либо особенности употребления данных деепричастий по диалектам не выявлены ни нами в ходе полевых исследований, ни другими авторами.

Примеры употребления деепричастий на *-мнин*: *Ибдири бэй дыгэнь бөдэллэттэн*, *яв-ул дебсөмнин*, *көкэн.* (*Куличан*) ‘У неизвестного человека четыре ноги, как только он чего-нибудь поест, так умрет. (Комар)’; *Яв-да кубэччөн эмнин хуптур*, *ач хотана денидды биддэн.* (*Хинян*) ‘Ни от кого не отставая, живет, повторяя без ошибок. (Тень)’ (ЭФ).

Деепричастия предела

Деепричастия предела в эвенском языке обозначают такое действие, которое является результатом какого-то другого действия, миновавшего во времени фазу завершения. При этом действие, обозначаемое данными деепричастиями, не получает каких-либо характеристик его протекания. Рассматриваемые деепричастия по соотнесенности с субъектами могут быть как моносубъектными, так и разносубъектными, однако формально связь между деепричастием и субъектом обозначенного им действия в синтаксисе не находит выражения. Данные деепричастия образуются посредством суффикса *-кан/-кэн*, например: *окан* ‘так, что стал’, *хуклэмэлэкэн* ‘так, что захотелось спать’, *ивкэкэн* ‘так, что впустил; до тех пор, пока не впустил’.

Указанные деепричастия имеют два значения: 1) результат действия (обычный перевод — ‘так, что…’); 2) временной предел действия (перевод — ‘до тех пор, пока не…’). В последнем значении данные деепричастия имеют синоним в виде оборота с отрицательным глаголом в форме деепричастия на *-дла-/-длэ-*: *ӈэрилэкэн* ‘до тех пор, пока не рассвело’ и *эдлэн ӈэрилрэ* ‘пока не рассвело’. Обе конструкции являются равноупотребительными в фольклоре и устной речи, в письменном языке предпочтение отдается обороту с отрицательным глаголом. В значении результата действия деепричастия с суффиксом *-кан/-кэн* используются во всех функциональных формах эвенского языка, хотя встречаются относительно редко.

Примеры употребления деепричастий предела: *Ибдири бэй*, *нэлкэрэкэн*, *нюрити усиӈэччоттэн купкакан*, *нюрити купкакран*. (*Оран тауӈян*) ‘Неизвестный человек, как ранняя весна наступит, волосы свои сбрасывает, так что совсем теряет, волосы свои обламывает. (Олень, сбрасывающий рога)’; *Хисэчин чаю алик милтэрэкэн өӈкэми ай*, *эсэкэн милтэрэ бис*, *төӈӈэкич*, *көкэдик* ‘Вечером надо наливать полную чашку чая, если она не будет полной — грешно, человек может умереть’ (ЭФ).

Деепричастия, различающие формы числа

К этой группе деепричастий в эвенском языке относятся одновременные деепричастия с суффиксом *-никан/-никэн* и разновременные деепричастия с суффиксом *-риди/-ридюр.*

Одновременные деепричастия

Одновременные деепричастия (другое название — деепричастия настоящего времени) в эвенском языке выражают действие, протекающее одновременно с действием, выраженным личной или финитной формой глагола. Данные деепричастия образуются при помощи суффикса *-никан/-никэн*, например: *ханикан* ‘зная, знающий’, *эмникэн* ‘приходя, приходящий’, *гөникэн* ‘говоря, говорящий’.

В ряду других форм, выражающих два одновременно протекающих действия, деепричастия на *-никан/-никэн* обозначают такое действие, которое не сопровождается прекращением или изменением характера действия, обозначаемого глаголом-сказуемым, — в этом состоит отличие рассматриваемых деепричастий от деепричастных форм на *-ми*, *-мнин* и *-ӈси*, которые будут рассматриваться ниже.

Данные деепричастные формы различают две формы числа — единственное и множественное, согласуясь в числе с существительным, обозначающим субъект действия при деепричастии. Образование форм множественного числа у этих деепричастий осуществляется тем же способом, что и образование форм множественного числа у имен существительных с основой на *-н*: *гөникэн* ‘говоря, говорящий’ (ед. ч.) — *гөникэр* ‘говоря, говорящие’ (мн. ч.).

В грамматическом очерке В.И. Цинциус отмечено, что такие деепричастия могут образовывать формы множественного числа с помощью суффикса *-сал/-сэл* [1947, с. 208]. В настоящее время эти формы употребительны в некоторых западных говорах, например: *Гирканикаһал*, *укчэнэддэ* ‘Идя, разговаривали <они>’; *Ньэбд’эн’э-киэ*, *урэлдэрэп мӈн мӈнур көйэтникэһэл* ‘Весело как, радуемся, друг на друга посматривая’; *Д’эбэдникэһэл эд’илдэ укчэндэ* ‘Когда едят, не разговаривают’ (Н.-К.); *Эникэн төдиттө*, *көветникэһэл илаттитно* ‘Не помогая, смотря, стояли’; *Тутөтникэһэл эһэнитно* ‘Они во время бега обернулись’ (Л.).

Одновременные деепричастия с суффиксом *-никан/-никэн* являются в равной мере широко употребительными во всех функциональных формах эвенского языка. Различия в использовании или степени их употребительности по диалектам не отмечались и, по-видимому, отсутствуют.

В отдельных текстах, преимущественно ориентированных на западные говоры эвенского языка, одновременные деепричастия с суффиксом *-никан/-никэн* проявляют тенденцию к неразличению форм числа, выступая в форме единственного числа в статусе неизменяемых деепричастий. Причина указанного явления до конца не ясна, но оно может быть обусловлено воздействием синтаксического строя русского языка, где деепричастия не изменяются по числу, влиянием якутского языка или системной связанностью синтаксических явлений в западных диалектах, где прилагательные и адъективные формы глагола не согласуются в числе и падеже с именами существительными. В рассмотренных материалах довольно много примеров, когда глагол-сказуемое выражен неличной формой, что само по себе исключает согласование деепричастия в числе, так как категориальное значение числа отсутствует и у сказуемого. Однако надо обратить внимание на то, что в проанализированном корпусе материалов нам вообще не встретились примеры на согласование данных деепричастий с существительными в форме множественного числа.

Примеры употребления одновременных деепричастий с суффиксом *-никан/-никэн*: *Ач тогла*, *ач-та нейкэлэ хатарси долан биникэн*, *эти бэир биддэн*. (*Накат*) ‘Живет в своем доме без окна и без огня, но не мерзнет. (Медведь)’; *Өмэн бэй окат букчандулан ясали килтэӈчиникэн хуклэн*. (*Мунрукан*) ‘Один человек на речном острове, глаза свои раскрыв, спит. (Заяц)’; *Нёбати ибдири бэй стол ойлан ясали хурамникан илаттан*. (*Нейкэ*) ‘Белый загадочный человек, глазами помигивая, стоит. (Свеча)’; *Пэктэрэвун эсэкэн навкамалра*, *имсэч*, *умань имуникэн тогтаки хулгитникан хиргэчиннэс* ‘Если ружье перестает попадать в цель, надо помазать его жиром или костным мозгом, и погрев на огне, произнести просьбу-заклинание’; *Мунрукам хөлуддэкэс*, *тусанкатникан*, *эсэнникэн мандиракан — этэнри аич буюсэмэлрэ*, *ноӈан хину тикуниттан* ‘Если, когда ты гонишься за зайцем, он, прыгая, оглядывается — не будешь хорошо охотиться, он тебя разозлит’; *Хялики*, *кабяв дю хатлин төрэникэн дэггочинни — хани бэй ачча оннаван дюлиттэн* ‘Рябчик, куропатка летает с криком возле жилища — извещает, что умрет кто-нибудь из родственников’ (ЭФ).

Примеры употребления деепричастий на *-никан/-никэн* в сочетании со сказуемыми, выраженными неличными формами глагола: *Дэсчиникэн энмэй дептэ — мэни нунуччинри* ‘Нельзя лежа есть — сам себя проклянешь <навлечешь на себя проклятие>’; *Хокатникан төрэри — хо ичмэй* ‘Когда, говоря о чем-то, хвастаются — очень стыдно’; *Хоя бэйнюн дебэдникэн*, *мэн дюлдэдукий ганмай*, *дюллэ-нюн энмэй наутир* ‘Когда вместе сидят и едят много людей, надо брать еду прямо перед собой, нельзя хватать еду раньше всех’; *Бэйду муланикан энмэй төйрэ* ‘Если что-то жалеешь, не надо этим угощать’; *Куңа итэн хуилбэрэкэн*, *чимэт имсэдин*, *тогла улэникэн*, *хиргэтникэн*, *куңа итиван уминмэй* ‘Когда у ребенка режется зуб и во рту ранка, надо, бросив жир в огонь и произнеся заклинание, помазать жиром лицо ребенку’ (ЭФ).

Примеры употребления деепричастных форм на *-никан/-никэн* вне согласования в числе: *Нюритэлкэн этикэн аю деплэңнон бэил эсникэн улгимир хептур хинюссотта. Тарич кабалканикан дебэллоттэ.* (*Бокат*) ‘Волосатого старика хорошую еду люди, не спрашивая, в карманы свои кладут. Ею щелкая, едят. (Кедровые орехи)’; *Дёр аканун*, *даликун бисоникэн*, *ок-та эстэн бакалдамаччотта.* (*Ясалал*) ‘Двое братьев, живя поблизости, никогда не встречаются. (Глаза)’; *Дёр кяганти мэн мэнур дэпки ковэмэтникэн иматта*, *усу.* (*Киримки*) ‘Два медведя друг против друга стоят, друг на друга смотрят — так говорят. (Брови)’; *Туңңан нөнур бөксэв төккөтникэн есчимэчиддэ.* (*Осталкан хаялра*) ‘Пять братьев, неся в руках льдинки, соревнуются. (Пальцы с ногтями)’ (ЭФ).

Разновременные деепричастия

Разновременные деепричастия (другое название — деепричастия прошедшего времени) в эвенском языке обозначают действие, завершившееся до начала действия, выраженного глаголом-сказуемым. Такие деепричастия образуются при помощи суффикса *-риди/-ридюр*, например: *мариди* ‘добыв’, *эмриди* ‘придя’, *гөниди* ‘сказав’. Как и одновременные деепричастия, разновременные деепричастия различают формы единственного и множественного числа, при этом формы множественного числа оформляются суффиксом *-ридюр*: *маридюр* ‘добыв (о многих)’, *гөнидюр* ‘сказав (о многих)’.

Правила образования форм множественного числа у данных деепричастий, отличающиеся от правил образования множественного числа других именных форм глагола, обусловлены историческими условиями образования рассматриваемой формы. Разновременные деепричастия по происхождению являются безлично-притяжательными формами творительного падежа причастий настоящего времени с суффиксом *-ри*, поэтому формы множественного числа этих деепричастий образуются точно так же, как безлично-притяжательные формы имени во множественном числе.

В отличие от условно-временных форм с суффиксами *-ми* и *-рак-/-рэк-* (см. др. разделы), деепричастия на *-риди/-ридюр* выражают только

отношения временного предшествования и завершенности одного действия ранее начала другого.

Как и одновременные деепричастия, разновременные деепричастия проявляют тенденцию к утрате форм числа, при этом довольно часто данные деепричастия употребляются в конструкциях со сказуемыми, выраженными неличными формами глаголов. Однако в проанализированном нами корпусе примеров из образцов малых жанров фольклора нам встретился только один случай нарушения согласования разновременного деепричастия в числе при нескольких случаях наличия такого согласования (одновременные деепричастия устойчиво показывают в этих образцах отсутствие согласования в числе, хотя грамматические нормы требуют такого согласования даже в разговорной речи).

Разновременные деепричастия с суффиксом *-риди/-ридюр* являются в равной мере употребительными во всех функциональных формах эвенского языка. Какие-либо различия в их использовании по отдельным диалектам отсутствуют.

Примеры употребления разновременных деепричастий с суффиксом *-риди/-ридюр*: *Нёбати качикан бисни. Буюм мами, бэй урумукун дюлай эмуриди, дебботтэн.* (*Дилики*) ‘Белый щенок есть. Дикого оленя убьет, как человек, к себе домой принеся, ест. (Горностай)’; *Дюллэ мэни-мэк көеттиди, хөнтэв бэю төрэгрэли* ‘Сначала посмотри на себя, а потом говори <плохое> о другом человеке’; *Бэй хинду аликалкан деплэв төйрэкэн, тарав алику довриди, долан деплэв-гу, хөнтэв яв-да тит мучувканнас* ‘Если человек тебя угощает чем-то положенным в посуду, ты должен вернуть эту посуду, наполнив ее едой или чем-то другим’ (ЭФ).

Примеры употребления разновременных деепричастий в сочетании со сказуемыми, выраженными неличными формами глагола: *Инмэв томкачач хэмриди, энинды бодилми, томкачав энмэй инӈэр — инӈэми гяла бугла этэс бакалдаматта* ‘Вдев нитку в иголку, когда даешь ее своей матери, нельзя завязывать нитку узлом — если завяжешь, в другом мире с ней не встретишься’; *Хуличам, чачасу мами, тадут-та дюла энмэй иврэ, ясаллон кулириди, оӈаттон имсэч имуриди ивэнмэй* ‘Убив лисицу или песца, нельзя просто так вносить ее в дом, надо вносить ее в дом, накрыв чем-нибудь ее глаза и помазав ей морду жиром’; *Чачас, хуличан нанраван хигриди, бэййон абдуч чакаланмай: «Кэнелив мукавус гадам, аю чолкав ойгас бөрэм», — гөнмэй* ‘Сняв шкуру с песца или лисицы, надо обернуть животное какой-нибудь тканью и сказать: «Я беру твою плохую меховую шубу и даю тебе хорошую шелковую одежду»’; *Бэй энсилрэкэн, хэӈкэсу бодириди, эптэнмэй* ‘Когда человек заболеет, надо зажечь багульник и окурить его’ (ЭФ).

Примеры употребления разновременных деепричастий в сочетаниях с существительными в форме множественного числа: *Бэил, дюла иридюр, нёӈэ туркур.* (*Олра адалла*) ‘Люди вошли в юрту, а выйти не могут. (Рыба, попавшая в сеть)’; *Бэил, ач тобарлач исагла эмридюр, ач маллав дюгавур*

ор. (*Этэргэр*) ‘Пришли мужики в лес без топоров, срубили избу без углов (Муравьи)’ (ЭФ).

Отмечен один случай, когда разновременное деепричастие не согласуется в числе с существительным: *Нимэкэл хуютнэдилбу*, *нулгэддилбу*, *дюлай ӈаттиди*, *чаю хилувкэннэтэн*, *төюннэтэн* ‘Ближайшие соседи, позвав к себе в жилище тех, кто откочевывает или встречается при кочевке, должны поставить вариться чай, чем-нибудь угостить’. Однако данный пример нельзя признать типичным для употребления таких деепричастных форм.

Спрягаемые деепричастные формы

В эвенском языке к числу спрягаемых деепричастных форм относятся: условно-временные деепричастия с суффиксом *-рак-/-рэк-*, деепричастия цели с суффиксом *-да-/-дэ-* и разносубъектные одновременные давнопрошедшие деепричастия с суффиксом *-ӈси-*.

Отнесение данных форм к разряду деепричастных отчасти выглядит противоречием с их описанием в «Очерке грамматики…» В.И. Цинциус, где все они отнесены к особым формам наклонений [1947, с. 199–201]. Включение этих форм в состав наклонений по их семантике выглядело правомерным, особенно если учесть, что основная часть форм деепричастий цели омонимична формам повелительного II наклонения (собственно, омонимичной является вся парадигма, вопрос может ставиться только о степени грамматической омонимии деепричастных форм и форм императива II с тождественным и нетождественным значением грамматического лица). Однако по большинству критериев рассматриваемые формы являются деепричастными, так как: 1) не употребляются в независимых предложениях; 2) в восточных диалектах эвенского языка в формах 1-го и 2-го л. обоих чисел требуют при себе употребления притяжательных местоимений *мин*, *хин*, *мун*, *хун*, а не личных местоимений.

Все три формы, рассматриваемые в данном разделе, имеют личные формы, образованные посредством лично-притяжательных суффиксов. К особенности деепричастий цели и одновременных деепричастий можно отнести то, что они имеют, помимо личных форм, и безлично-притяжательные формы, которые используются в моносубъектных конструкциях. Условно-временные деепричастия на *-рак-/-рэк-*, не имеющие безлично-притяжательных форм, являются разносубъектными (в моносубъектных конструкциях значение времени и условия выражается деепричастием с суффиксом *-ми*).

Условно-временные разносубъектные деепричастия

Условно-временные разносубъектные деепричастия выражают значения условия и времени в разносубъектных конструкциях. Они образуются при помощи суффикса *-рак-/-рэк-* и личных суффиксов, материально совпадающих с лично-притяжательными суффиксами.

Данные деепричастия в значении времени обозначают действие, предшествующее или протекающее одновременно с действием, выраженным финитной формой глагола. Разграничение условного и временного значений у рассматриваемых деепричастий, как и у условно-временных моносубъектных деепричастий с суффиксом *-ми*, осуществляется только по контексту. Можно отметить, что в конструкциях, обозначающих обычные, часто повторяющиеся ситуации, а также соотнесенных с настоящим временем, деепричастия на *-рак-/-рэк-* имеют временное значение; в конструкциях, соотнесенных с будущим временем, а также обозначающих какие-то необычные ситуации — условное значение.

Ниже приведен ряд примеров, где в состав конструкции входят две деепричастные формы с суффиксом *-рак-/-рэк-*, имеющие разные значения — условное и временное.

Довольно выразительным критерием разграничения условного и временного значений является наличие или отсутствие в деепричастной словоформе видовых показателей: деепричастные формы с показателями длительности — многократности чаще имеют временное значение, нежели условное. Показательно, что все без исключения примеры с этой деепричастной формой, образованной от вспомогательных глаголов *бидэй* ‘быть’ и *одай* ‘стать’, имеют условные значения.

В разговорной речи эвенов Охотского побережья данная деепричастная форма обладает еще одним значением — значением сопровождающего действия, например: *Тек-мэк эмдин*, *нөсэгчэн бисэкэн* ‘Она сейчас же придет, она ведь молодая’. В такого рода контекстах указанная деепричастная форма не имеет ни условного, ни временного значения, далеко не во всех случаях ее можно трактовать как имеющую значение причины. Особенностью такого рода конструкций является постпозитивное употребление деепричастных оборотов, располагающихся после глагола-сказуемого, выраженного личной формой глагола. Для фольклора и тем более для письменного языка такие обороты не характерны.

Какие-либо особенности употребления условно-временных разносубъектных деепричастий с суффиксом *-рак-/-рэк-* по отдельным функциональным формам эвенского языка отсутствуют. Диалектных различий в использовании этих форм также не наблюдается.

Примеры употребления условно-временных разновременных деепричастий с суффиксом *-рак-/-рэк-* (условное значение): *Пэктэрэвум аси куӈа тэмирэкэн — маййоттан* ‘Если девочка потрогает ружье — она уносит охотничью удачу’; *Хисэчин чаю алик милтэрэкэн өӈкэми ай*, *эсэкэн милтэрэ бис*, *төнӈэкич*, *көкэдик* ‘Вечером надо наливать полную чашку чая, если она не будет полной — грешно, человек может умереть’; *Ӈэнукэтми*, *гөнмэю экич бакра бисэкэн*, *гөвэттитэн — эми гөн төнӈэкич*, *каилбавки*, *арисаг ичудик* ‘Когда загадывают загадку, если ее не могут отгадать, надо сказать отгадку, потому что если не сказать — грешно, иначе злой дух-*аринга* может показаться’; *Тог эрэгэр хиӈкэрэкэн*, *яв-ул тогла улэнмэй*, *эсэкэн одда*, *өриӈчиридукур төрдук хөнтэлэ төрлэ нулгэнмэй* ‘Если огонь очень сильно щелкает, надо что-то бросить в огонь, если он не переста-

ет щелкать, надо перекочевать из этой местности в другую местность'; *Ӈин хамаркаттакан — имананӈа, эдэн оваттан* 'Собака катается по земле — будет снегопад, ветер'; *Ӈин корити осиракан — хуги-гу, хунӈэ-гу оваттан* 'Собака уши чешет — будет пурга или сильный ветер'; *Ӈин оӈатчи төру-гу улрэкэн, чоӈкаракан, иӈэнь оваттан* 'Собака роет своим носом землю, куда-то суется носом — холод будет'; *Гулун тоган энтэкэе тисалнакан — хунӈэ оваттан* 'Если огонь костра сильно зашумел — будет сильный ветер'; *Уг гургэлдэддэкэн, ӈи-вул нимэгнэдин* 'Если рама очага зашевелилась — кто-нибудь придет в гости'; *Адыв-да инэну нэннэн елтэнэкэн ачча очав эсэкэтэн нэд, тар дывэн дялби мэннюми гадин* 'Сколько дней после положенного дня умершего не похоронили, столько человек из родных и близких он возьмет с собой' (ЭФ).

Примеры сочетания условного и временного значений: *Куӈа иду-вут төрдук өриӈчиддэкэс эрэгэр хоӈракан, тадук төрдук нулгэнмэй* 'Если ребенок, когда вы остановились в какой-то местности, все время плачет, надо из этой местности откочевать'; *Буюм буюддэкэс, хину эрэли буюр маӈдиракатан — тарав аннанив аич буюсчинри* 'Когда охотишься на дикого оленя, и вокруг тебя пробегают дикие олени — в этот год будешь хорошо охотиться'; *Мунрукам хөлуддэкэс, тусанкатникан, эсэнникэн мандиракан — этэнри аич буюсэмэлрэ, ноӈан хину тикуниттан* 'Если, когда ты гонишься за зайцем, он, прыгая, оглядывается — не будешь хорошо охотиться, он тебя разозлит' (ЭФ).

Примеры употребления условно-временных разносубъектных деепричастий во временном значении: *Акадмар экэнтэки эммөттэн. Акадмар эмрэкэн*, (*экэнни*) *дыккоттэн*. (*Нёлтэн, аткикан*) 'Старший брат к старшей сестре приходит. Когда он приходит, сестра прячется. (Солнце и месяц)'; *Мян дёр дэгил дэгэлрэ. Нонап илан дэги дэгэлрэкэтэн, иманра тикрэн. Гявран илан дэги дэгэлрэкэтэн, иманра унни, нёчэ хелрэн. Иливран илан дэги дэгэлрэкэтэн, нямси одни. Дыгэврэн илан дэги дэгэлрэкэтэн, оратал хиналгар, эбдэнрэл тикрэ. Тарал дэгил ибдирил дэгил биситэн.* (*Анӈан. Тугэни. Нэлкэ. Дюгани. Мөнтэлсэ. Аткикар*) 'Полетели двенадцать птиц. Когда полетели первые три птицы, выпал снег. Когда полетела вторая тройка птиц, снег растаял, появилась зелень. Когда полетела третья тройка птиц, стало тепло. Когда полетела четвертая тройка птиц, трава пожелтела, листья опали. (Год. Зима. Весна. Лето. Осень. Месяцы)'; *Нёбати хулракан төру даскаран. Нёлтэн дулракан, тарак-та ачча огран.* (*Иманра*) 'Белое одеяло землю покрывает. Солнце согревает — оно исчезает. (Снег)'; *Ибдири бэй боланиду индиддэн, тугэниду индиддэн, нян нэлкэрэкэн, көкэн.* (*Оран таӈнян*) 'Неизвестный человек поздней осенью живет, зимой живет, как ранняя весна наступит — так умирает. (Оленьи рога)'; *Дептэкэн, эсни манупта бисни, усу. Тавур як? Тавур муран остуганни* 'Когда его едят, никогда не кончается — так говорят. Что это? Это лошадиные удила'; *Ибдири бэй, нэлкэрэкэн, тэтий улэн.* (*Мэрэнтэ*) 'Неизвестный человек, как ранняя весна наступила, одежду свою бросил. (Лыжи, подбитые камусом)'; *Ибдири бэй тэтий тэттоттэн, иманра-мак тикрэкэн.* (*Мэрэнтэ*) 'Отгадочный человек, одежду свою надевает, когда снег выпадет. (Лыжи)';

Дюганиду тэргэсу экич дөлгивэттэ, *дөктэв чикилрэкэс*, *тарак хоҥаддан*, *хутчэрни балдаватта*, *эбдэнрэккэр хевэттэ* ‘Летом ровдугу красить нельзя, начнешь рубить ольху, а она плачет, у нее дети рождаются, листья появляются’; *Нэлкэ мө эеснэкэн оран окэньнен оҥкэсэнмэй* ‘Весной, когда начинается ледоход, надо брызгать оленьим молоком’; *Нөстилбу эди эекил*, *эҥсийи эди маҥкил! Атикам бакли*, *эмэнчэдукун дебдинри*, *көкэрэкэн* ‘Не ищи в жены молодую, не истощай своей силы! Найди себе пожилую женщину, будешь есть оленей из ее наследства, когда она умрет’ (ЭФ).

Деепричастия цели

Деепричастия цели в эвенском языке образуются при помощи суффикса *-да-/-дэ-* и лично-притяжательных или безлично-притяжательных суффиксов. Для эвенского языка форма деепричастия цели, оформленная безлично-притяжательным суффиксом *-й* (чаще такие формы называют формами на *-дай/-дэй*), принята в качестве словарной формы глаголов.

Обычно деепричастия цели, как и другие деепричастные формы, употребляются в зависимых оборотах при глаголе-сказуемом, выраженном личной формой глагола. Из форм, рассмотренных ранее, только деепричастия на *-ми* обладают способностью выступать в качестве самостоятельного сказуемого. Таким же свойством обладает в некоторых примерах и форма деепричастия цели, но, возможно, подобные конструкции калькируют русские инфинитивные обороты.

Различия в употреблении деепричастных форм цели по разным функциональным разновидностям эвенского языка не отмечаются. Каких-либо диалектных особенностей в употреблении или значении этого деепричастия не прослеживается.

Примеры употребления деепричастий цели: *Ибдири бэй дебдэн-дэ хунҥилэн*, *хулэн*; *дебдэй-дэ иҥэкчэв бакран*, *тар хун хикутич*; *хякитач буглаттан*, *мэлумэчилэн*, *өмнэкэн-дэ остади хорчин*. (*Өлики*) ‘Неизвестный человек — мастер обдувать свою еду; найдет что-нибудь замерзшее, чтобы съесть, обдувает потихоньку, лиственницей родину имеет, мастер прыгать, на одном когте висит. (Белка)’; *Уркэ анчиндун унтучэм нэкчиддытэн*, *куҥа эдэн төлэски несчир* ‘Возле входа в жилище клали игрушечный бубен, чтобы ребенок не выбегал на улицу’; *Нэлкэ окат эеснэкэн мөлэ өкэню улэнмэй*, *ай дюгани бидэн* ‘Весной, когда река вскрывается от льда, надо плеснуть в воду молока, чтобы лето было хорошим’ (ЭФ).

Пример употребления деепричастия цели в функции инфинитива: *Хупкуттэй — мэргэми эмэрэлтэдэй* ‘Учиться — <значит> сделать свой ум острым’ (ЭФ).

Одновременные давнопрошедшие деепричастия, или деепричастия длящегося действия

В эвенском языке в качестве «одновременного наклонения» или одновременного спрягаемого деепричастия выделяется также деепричастная форма, образующаяся посредством суффикса *-ҥси-* и лично- или безлич-

но-притяжательных суффиксов. Примеры образования этих форм: *хуклэŋсив* ‘когда я спал’, *гиркадиŋсис* ‘когда ты шел’, *эмэŋсин* ‘когда он остался’ и т.п. Судя по всему, эти деепричастия обозначают действия, относящиеся к плану прошлого.

Данные деепричастия, передающие значение одновременности, в описаниях выглядят довольно странно, так как дублируют другие аналогичные формы — на *-ми* и *-рак-/-рэк-*, имеющие временное значение, и, в особенности, на *-никан/-никэн*. Самой примечательной особенностью рассматриваемой формы в этом случае является ее исключительная редкость и в разговорной речи, и в фольклоре, и в письменных текстах.

По некоторым данным, деепричастная форма на *-ŋси-* имеет чисто временное значение и обозначает действие, протекающее одновременно с главным действием. По некоторым доступным примерам становится понятным, что деепричастия на *-ŋси-* обозначают такое действие, которое является своего рода фоном не только для второстепенных действий, выраженных другими деепричастиями, но и для главного действия, обозначенного глаголом-сказуемым в личной форме.

В переводе Евангелия от Луки деепричастие в данной форме, образованное от глагола *быть*, точнее оборот *эр биŋсин* ‘когда это было’, использовано для передачи словосочетания ‘в это время’, на которое приходятся чуть ли не все случаи употребления слова «время» в евангельских текстах в новых переводах. Это позволило избежать трудностей с переводом слова «время», не имеющего в эвенском языке точных эквивалентов в разных значениях.

Примеры употребления деепричастий на *-ŋси-*: *Куŋа биŋсий орарнюн оран оникан*, *оран өкэньнен колникан*, *кэбэлу дебникэн исурив* ‘Когда я был ребенком, с оленями оленем становящимся, оленье молоко пьющим, блюдо *кэбэл* едящим рос я’; *Аканти икэн бугили дэгэдникэн яв иттэŋи*, *бугиндялбу*, *урэкчэрбу*, *окаталбу*, *пастуктаŋний* ‘Песня брата нашего про все, что он видел, пастухом будучи, про природу, горы, реки’ (Н.-К.); *Тарав оралбан умŋэ Ьэбескэй былаас ӧдиŋсин*, *эмникэн экспедиция эгин илбэскичэл*, *ŋэннэскичэл* ‘Тех их оленей, когда установилась советская власть, люди из экспедиции угнали пришли’ (В.-К.).

Деепричастная форма на *-длэ-*

Деепричастная форма на *-длэ-* в эвенском языке образуется только от отрицательного глагола *эдэй* ‘не делать чего-л.’ и обозначает действие, которое может начаться после завершения главного действия. Тем не менее данный оборот с отрицательным глаголом широко употребителен во всех функциональных формах эвенского языка.

Примеры: *кусин эдлэн од* ‘до того, как началась война’, *удан эдлэн удалра* ‘пока не начался дождь’, *эдлэй хөрэдилрэ бисөли-си* ‘живи, пока не собрался уезжать’ и т.п.

В эвенкийском языке это деепричастие образуется от всех глаголов, в эвенском — только от отрицательного глагола *эдэй*. Однако примеры об-

разования данного деепричастия от полнозначных глаголов отмечены в эвенском переводе Евангелия от Матфея [1984].

Примеры употребления деепричастия на *-длэ-*: *Бугундяв*, *амкачам эдлэй хер аниннай эди омӈар* ‘Перед тем, как прийти в какую-то местность, подняться на гору, не забудь сделать подарок <духу-хозяину местности>’; *Эдлэвур хуклэснэ киресэббөттитэн*, *аю этэвкиттэвур*, *кэнелив эдэвур этэвкиткэрэр* ‘Перед тем, как лечь спать, крестились, чтобы снились хорошие сны, чтобы не снились плохие сны’ (ЭФ); *Эгд’эн куһин эдлэн ōр мутӈирэл ибгэч тэгэттиттэн* ‘До того, как началась великая война, наши хорошо жили’; *Эдлэн ōр эди һуӈдикир* ‘Пока не сделал, не трогай’ (Н.-К.); *Эрэк н’улгэннэт болла бутунни урэкчэнэт эррөчин кадар эрэли*, *тарав йāми-да эрэк мō этлэн эйэһнэ давуннат* ‘В местах, по которым кочевали, кругом скалы, должны были переправиться, пока не началось половодье’ (В.-К.).

Форма со значением невозможности/нежелания совершать действие

Кроме вышеперечисленных причастий и деепричастий, следует остановиться на одной аналитической конструкции с предикатным актантом, выраженной глагольной основой с суффиксом *-ӈа/-ӈэ*, к которой добавляется финитная форма отрицательного вспомогательного глагола со значением ‘не мочь, быть не в состоянии’. Такая аналитическая конструкция обозначает невозможность или нежелание совершать действие, например: *дёмкатӈа туркурэм* ‘не могу вспомнить’, *нӯннан дукӈа* ‘не умеет писать’, *өсэрэм гиркаӈа* ‘я не в состоянии ходить’, *олбаллан хөрӈэ* ‘он не в состоянии ехать’, *гургэвчиӈэ бāнни* ‘тебе лень работать’. В грамматических работах и диалектных описаниях эвенского языка статус данной формы четко не определен, хотя она встречается во всех исследованных говорах и диалектах.

В.И. Цинциус относила форму на *-ӈа/-ӈэ* к причастиям с некоторым сомнением: «Глаголы, которые в таких сочетаниях выражают основное значение, принимают… форму специального причастия (?) с суффиксом *-нга/-нгэ...*» [1947, с. 205]. Далее автор классифицирует ее как отрицательно-неопределенное причастие: «Причастие отрицательно-неопределенное с суффиксом *-нга/-нгэ* употребляется с отрицательными модальными глаголами…» [Там же, с. 210].

При описании ольского говора К.А. Новикова отмечала: «Аффиксальный элемент *-ӈа/-ӈэ* — это, по-видимому, причастный формант, <…> употребляющийся в аналитических конструкциях с отрицательными вспомогательными глаголами», этимологически соотнося *-ӈа/-ӈэ* с суффиксом одновременного деепричастия давнопрошедшего времени *-ӈси*, показателем причастия прошедшего времени *-даӈ/-дэӈ* и причастия будущего времени *-диӈа/-диӈэ* [Новикова, 1980, с. 103]. Однако далее при описании причастий ольского говора данный формант автором в числе причастных показателей не классифицируется.

В.Д. Лебедев также отмечает наличие данной формы в говорах эвенов Якутии: «…причастия с суффиксом *-ӈа/-ӈэ*, которые употребляются с отрицательными модальными глаголами типа *олбалдэйи*, *туркудэйи* ‘не мочь’, *баадайи* ‘лениться’» [Лебедев, 1978б, с. 91]. При описании охотского диалекта он называет такую форму отрицательно-неопределенным причастием [Лебедев, 1982, с. 116].

В дальнейших исследованиях по эвенскому языку и его диалектам эта форма не классифицируется как причастие, хотя формант обнаруживается во всех описанных восточных и западных говорах. Так, Х.И. Дуткин при описании аллаиховского говора отмечает следующее: «…в говоре встречаются отрицательно-модальные глаголы, обозначающие невозможность совершения действия <…>, сочетающиеся с неизменяемой формой тематического глагола (показатель *-ӈа*)» [1995, с. 48].

Причастию как самостоятельному грамматическому классу присущи собственная семантика и определенные морфологические категории. Сомнения и неуверенность исследователей эвенского языка при отнесении форманта *-ӈа/-ӈэ* к причастиям, видимо, объясняются неопределенностью грамматического статуса и несоответствием грамматических особенностей формы на *-ӈа/-ӈэ* причастиям, обозначающим признак предмета по действию или само действие, соотносясь по семантике с прилагательными. Во-первых, важнейшим грамматическим признаком причастий в тунгусо-маньчжурских языках считается категория времени, глагольная же форма на *-ӈа/-ӈэ* не обладает этой категорией непосредственно, вне финитного отрицательного вспомогательного глагола. Во-вторых, глагольные слова, оформленные суффиксом *-ӈа/-ӈэ*, не обозначают признак, возникший в результате действия, т.е. для них не характерен основной признак причастия. В-третьих, данная форма не склоняется, не принимает именной суффикс множественного числа и не имеет притяжательной формы. Так, основываясь на грамматических признаках, которые исключают наличие категории времени, падежное и притяжательное оформление формы, невозможность ее изменения по числам, мы склонны считать, что элемент *-ӈа/-ӈэ* не относится к причастным формам.

Из-за своей специфической семантики глаголы, оформленные суффиксом *-ӈа/-ӈэ*, используются только с финитными формами отрицательных вспомогательных глаголов со значением ‘не мочь; быть не в состоянии’ в составе аналитической конструкции. В эвенском языке насчитывается несколько таких глаголов: *туркудэй* ‘не мочь что-либо сделать’, *өсэдэй* ‘быть не в состоянии; не мочь что-л. сделать’, *нӯндай* ‘не быть в состоянии сделать что-л.’, *албадай* ‘не мочь; не быть в состоянии’, *олбадай* ‘опаздывать, не успевать что-л. делать’, *хӭдэй* ‘не мочь; быть не в состоянии что-л. сделать’, *бāдай* ‘лениться’. Приведенные глаголы в составе аналитической конструкции могут использоваться также с условными деепричастиями на *-ми* и деепричастиями цели на *-да/-дэ//-та/-тэ*. Например: предикатный актант *гөӈэ туркурэм* ‘не могу сказать’ соотносим с аналитическими конструкциями *гөндэй туркурэм* ‘не могу сказать’, *гөсчими туркурэм* ‘пытаясь сказать, не могу’; предикатному актанту *гиркаӈа туркутни* ‘не может ходить’ соответствует *гиркасчими туркутни* ‘пытаясь

ходить, не может'; конструкция *хөрӈэ банни* 'ленишься идти' параллельна *хөрдэй банни* 'ленишься идти' и т.д.

Рассматриваемая форма сопоставляется с другими деепричастиями и в одинаковом управлении винительным падежом, например: *нёӈчаку туркурэм пэктэрэнӈэ* 'не могу стрелять в волка' — *нёӈчаку пэктэрэникэн* 'стреляя в волка' (одновременное деепричастие), *нёӈчаку пэктэрэми* 'если стрелять в волка' (условно-временное деепричастие), *нёӈчаку пэктэрэмнин* 'как только выстрелил в волка' (последовательное деепричастие), *нёӈчаку пэктэрэриди* 'выстрелив в волка' (разновременное деепричастие); *учаки гэлэтӈэ туркун* 'не может найти верхового оленя' — *учаки гэлэтникэн* 'разыскивая верхового оленя' (одновременное деепричастие), *учаки гэлэтми* 'если искать верхового оленя' (условно-временное деепричастие), *учаки гэлэтниди* 'поискав верхового оленя' (разновременное деепричастие) и т.д.

В тунгусо-маньчжуроведении деепричастия определяются следующим образом: «...деепричастиями мы называем те специальные разряды глагольных слов, которые образуются от глагольных основ посредством особых деепричастных окончаний, выражающих видо-временные и модальные значения, а также зависимость или подчиненность данного деепричастия какому-либо другому глагольному слову — причастию, именной форме глагола, собственно глаголу или деепричастию» [Суник, 1962, с. 264].

Рассматриваемые аналитические конструкции с предикатными актантами, характеризуемые наличием глагольных слов, оформленных суффиксом *-ӈа/-ӈэ*, имеют признаки глагола: семантику, выражающую действие, выполнение которого невозможно или нежелательно, и способность управлять винительным падежом. Неспособность форм на *-ӈа/-ӈэ* изменяться и согласовываться также присуща деепричастиям (неизменяемые причастия на *-ми*, *-кан/-кэн*, *-мнин*).

Все эти обстоятельства в совокупности позволяют нам признать глагольные слова, оформленные суффиксом *-ӈа/-ӈэ*, отдельной деепричастной формой эвенского языка, имеющей распространение во всех диалектах и говорах — восточных и западных. Предварительно ее можно назвать **деепричастием невозможности/нежелания совершать действие**.

Структура аналитической конструкции в западных говорах следующая: в предложении сначала обязательно стоит глагольная основа с суффиксом *-ӈа/-ӈэ*, к которой добавляется финитная форма отрицательного вспомогательного глагола *туркудэй* 'не мочь; быть не в состоянии', *албадай* 'не мочь; не быть в состоянии', *олбадай* 'опаздывать, не успевать что-л. делать' или *бāндай* 'лениться'. В восточных говорах такого строгого порядка следования составных частей аналитической конструкции не придерживаются. В западных говорах возможно использование второй составляющей аналитической конструкции — отрицательного вспомогательного глагола *туркудэй* 'не мочь; быть не в состоянии' — в форме разновременного деепричастия в единственном или множественном числе. Примеры: *Ноӈон*, *аканни мэнди тӣлэӈнивэн алатӈа туркуриди*, *улгимидни* 'Он спросил, так и не дождавшись, что брат сам расскажет'; *Өкэтэл һоннӈачал*, *маӈчиӈа туркурид'ур*, *ӈэнэди өкэллөттэ* 'Особо любящие молоко оленята, не выдержав, приходят и сосут важенок' (Л.).

Примеры с деепричастиями невозможности/нежелания совершать действие: *Тачин-та нэдэми туркурин алатӈа алачисчими-да* ‘Так и не смог дождаться рысь’; *Мунрукам матак туркун бокӈа хуптун* ‘Зять не смог догнать зайца’; *Би дюлай туркудим долба исӈа хатарсиду* ‘Я не смогу в темноте дойти до чума’; *Туркур нюрмаӈа кабалнакан* ‘Из-за хруста <они> не могли подкрасться’; *Туркун бакӈа яч-та аси көкэчэвэн* ‘Так и не смог найти, отчего умерла жена’ (СЭ); *Көйэчэлдэ аймакан орол таӈн’авутно, өмэм дэ урэчэлу бакӈа туркуд’ис* ‘Посмотрите хорошенько на оленьи рога, ни одного похожего не сможете найти’; *Хэгэп-тэ, дилики-да бөскэв кэвриӈэ туркудир* ‘Ни соболь, ни горностай не смогут разгрызть лед’; *Танмари, төгэчин долин хэссэки мөндэтӈэ туркудни* ‘Сквозь туман и облака внизу ничего не мог найти <он>’ (Тор).

Кроме перечисленных ранее деепричастий Р.П. Кузьминой в ламунхинском говоре выделяются формы деепричастия одновременно-длительного действия с суффиксами *-мойад’и/-мөйэд’и*, *-нтакан/-нтэкэн* и *-нтакаһал/-нтэкэһэл* [2010, с. 53–55].

Форма со значением цели действия

Кроме вышеприведенных причастных и деепричастных форм в письменных текстах, основывающихся на западных диалектах эвенского языка, выявлена неизменяемая форма на *-нду* со значением цели действия. Она соотносится с употреблением падежных форм отглагольных существительных, так как внешне выглядит как форма дательного падежа отглагольного имени с суффиксом *-н*. Но в восточных говорах эвенского языка отглагольные имена на *-н* в падежных формах не входят в подобные синтаксические конструкции. Значение цели действия плохо предсказуемо исходя из системы значений дательного падежа в эвенском языке. Кроме всего этого, если бы формы на *-нду* являлись живыми формами дательного падежа отглагольного имени на *-н*, то мы были бы вправе ожидать от них присутствия показателей множественного числа и оформления притяжательными суффиксами, чего в рассмотренных примерах не наблюдается. Специально подчеркиваем, что данная форма в эвенском языке имеет ограниченное распространение в западных диалектах, близко контактирующих с якутским языком. Более того, мы склонны считать, что анализируемая форма является калькой из якутского языка. Здесь явно усматривается схема формирования якутской причастной конструкции и равнозначной ей по значению конструкции с отглагольным именем, которые несут семантику цели действия: причастие на *-ар* со значением ‘признак, присущий данному предмету’ + суффикс дательного падежа *-га/-гэ/-го* и отглагольное существительное + суффикс дательного падежа *-га/-гэ/-го*. Примеры: *аан киирэргэ-тахсарга ананар* ‘дверь предназначается для входа-выхода’ — *аан киириигэ-тахсыыга ананар* ‘дверь предназначается для входа-выхода’, *куһаҕан быһыыны суох оҥорорго* ‘ликвидация вредной привычки, для ликвидации вредной привычки’ — *куһаҕан быһыыны суох*

оҥорорууга ‘для ликвидации вредной привычки’, *оҕону иитэргэ*, *харайарга* ‘для воспитания и ухода за ребенком’ — *оҕону иитиигэ*, *харайыыга* ‘для воспитания и ухода за ребенком’.

Данное обстоятельство не позволяет нам признать форму на *-нду* отдельной глагольной формой, которую мы могли бы предварительно отнести к деепричастиям, называя формой деепричастия цели. В грамматических описаниях эвенского языка такая форма, насколько нам известно, не выделялась.

В отличие от деепричастия цели с суффиксом *-да-/-дэ-*, которое различает личные, точнее лично-притяжательные формы (при разносубъектных конструкциях), и безлично-притяжательные формы (при моносубъектных конструкциях), данная целевая форма не различает форм лица/числа вообще. Конкуренция форм на *-нду* с формами деепричастия цели с суффиксом *-да-/-дэ-* в западных диалектах эвенского языка требует специальных исследований.

Примеры употребления формы на *-нду*: *Уркэ инду обгаран* ‘Дверь делается для того, чтобы в нее входили’; *Ой бэй улрэвэн көсчинду*, *улрэ бэй мэргэмэн* ‘Одежда защищает мясо человека для пастьбы, мясо человека защищает его мысли’; *Енҥэ хурэлэн харамта хенни — анҥамтав деплэв дебэнду* ‘На кончик языка ресница попала — это к тому, что будешь есть новую еду’; *Ясал хэрдэгидэн хогнарин — хоҥанду* ‘Нижние веки глаза шевельнулись — к плачу’ (ЭФ); *Бэгэсэл нёҥчакалбу вертолетач хөллутникэн аччалтанду мэҥэм бөривур хо мулан* ‘Чиновникам очень жалко давать деньги для уничтожения волков с вертолета’; *Машинаду хоя бензин нада*, *хаюптакан очинду хоя мэҥэн нада* ‘Для машины нужно много бензина, а если сломается, надо много денег для ремонта’; «*Ху аич хагдылду орам көсчинду*, *хэпкунду бэлэдес*», — *амантан мусэмрэн* ‘«Ты хорошо помогал старшим в пастьбе, ловле оленей», — улыбнулся отец’ (Тор); *Анҥамта бинилэ хиги нян урэкчэл ини адыкун ҥөнмирэлбу хамувканду элэ хоя гургэ ҥэнэддэн* ‘Идет большая работа для присоединения к новой жизни живущих в тайге и горах малочисленных народов’; *Иҥэнь төр көчукэн ҥөнмирэлбэн социализм хотарандулан хинмач иритэн*, *ноҥартан бинилэтин бисилбу ургэлбу хинмач аччалтанду*, *культурнай*, *экономическэй бинивутэн өгэски ойчивканду ЯЦИК Президиуман нюнрэн...* ‘Для быстрого становления малочисленных народов Севера на путь социализма, для быстрого устранения трудностей в их жизни, для поднятия их культуры и экономики Президиум ЯЦИК принимает решение...’ (БХ).

НАРЕЧИЕ

Наречия в эвенском языке представляют класс слов, соотносительный в морфологическом плане с прилагательными и падежными формами имен существительных. Какие-либо особенности наречий как части речи в восточных диалектах эвенского языка, по сравнению с западными диалектами, не усматриваются, нет в этом плане и морфологических разли-

чий в образовании наречий. Все функциональные формы эвенского языка по отношению к употреблению наречий показывают в целом одинаковую картину, близкую к имеющимся описаниям.

Особенностью восточных говоров эвенского языка, которая не была ранее отмечена в грамматике, следует признать наличие наречий с суффиксом *-надин/-нэдин*, имеющих значение обстоятельств образа действия, например: *гудейлэдин* ‘на радость’, *хэнуньнэдин* ‘на страх; к ужасу’, *хонриньнадин* ‘к печали’. Данный тип наречий интересен тем, что он несводим исторически к падежным формам соотносительных существительных, хотя форматив *-ладин/-лэдин//-надин/-нэдин* и членится на показатель местного падежа *-ла/-лэ* (впрочем, наличие алломорфа *-на/-нэ* делает это предположение сомнительным), показатель творительного падежа *-ди-* и лично-притяжательный суффикс 3-го л. ед. ч. *-н*. Однако странно то, что функции наречия приобретены лично-притяжательной формой, а не безлично-притяжательной, как ожидалось бы, например, по аналогии с разновременными деепричастиями на *-риди/-ридюр*.

Примеры употребления наречий образа действия и местоименных наречий: *Ӈи-гэл анӈанила илракан хөнтэкич тэткэрэчэ. Тарак як?* (*Төр*) ‘Кто такой в год три раза по-разному одевается. Кто это? (Земля)’; *Бакли ибдирив бэю, энтэкэе эӈэев. Ноӈан орарни кубэтлин боргаснитан.* (*Аткикан, осикатал-да*) ‘Найди неизвестного, очень богатого. Олени его по всей Вселенной разбрелись. (Месяц и звезды)’; *Ибдирив бэю бакли. Тарак ибдири бэй эрэгэр бэю бодаччоттан.* (*Хинян*) ‘Отгадочного человека найди, тот отгадочный человек всегда за человеком следом ходит. (Тень)’; *Өмэн хо нод нёбати бэй бисни. Унтай-да додэнгич тэтуттэн.* (*Мунрукан*) ‘Один очень красивый белый человек живет. Унты свои вывернутыми наизнанку носит. (Заяц)’; *Ач дэтлэлэ биникэн, дэгидук хинмадмарач хякитадук хякитала дэгготтэн.* (*Өлики*) ‘Без крыльев, а быстрее птицы с дерева на дерево перелетает. (Белка)’; *Ач хилгуна биникэн, мов табдас хилгари.* (*Икри*) ‘Не имея сверла, дерево насквозь сверлящий. (Червь-короед)’; *Ибдири бэй хикутич оӈатчи инни, тар төмтэкчин хикутич, тачикан эмэр.* (*Муткучан*) ‘Неизвестный человек носом своим живет, все легко проколет, такой нос острый. (Личинка, которая ест шкуру нерпы)’ (ЭФ).

Важное отличие падежных форм имени от наречий — оформление именных форм безлично-притяжательными суффиксами.

Примеры употребления наречий времени: *Ибдирив бэю бакли. Ибдири бэй бадикар ясали килтэнни, хисэчин ясали нимрун.* (*Нёлтэн*) ‘Загадочного человека найди. Загадочный человек утром глаза свои раскрывает, вечером глаза закрывает. (Солнце)’; *Дёр этумӈэ бисни: гя инэӈ этувэттэн, гя долбо этувэттэн. Долбо этури банадмар. Балриди, гөпкэнсөткэн оваттан.* (*Нёлтэн, аткикан*) ‘Два сторожа имеются: один днем сторожит, другой ночью сторожит. Ночью стерегущий более ленив. Ленясь, притворяется, что скрывается. (Солнце, луна)’; *Ибдири бэй хавкади-да инни, титэл бэюдэ хавкалдассоттан, хөнтэлбу-дэ инилбу инимэгэн.* (*Хуличан*) ‘Неизвестный человек хитростью своей живет, издавна человека обманывает, любитель

смеяться над другими неизвестными. (Лиса)'; *Ибдири бэй тугэниду хакла бинни, нэлкэ мялран, гургэлдэлдин.* (*Көит*) 'Неизвестный человек зимой в закрытом месте находится, ранней весной просыпается, шевелиться начинает. (Подкожный овод)'; *Ибдири бэй-нен хикутич онялан ӈэлэм; хэрэвэттэн, тек тугэниду иӈэмуттэн, дюганиду илран, эйду хулралкан, хэрэдеклий хуклэн.* (*Икри*) 'Неизвестный человек — хороший рисовальщик; вышивает сейчас, зимой замерзает, летом просыпается, у него много одеял, там, где вышивает, спит. (Червь-короед)'; *Дюганиду тэттоттэ, тугэниду-нен нуккотта.* (*Хякитал*) 'Живут удивительные существа. Летом они одеваются, а зимой раздеваются. (Деревья)'; *Тугэниду дыкэӈчивэттэн, нэлкэниду хивэттэн, дюганиду эвэлдэвэттэн, болониду хуклэссоттэн.* (*Нёчэ*) 'Зимой скрывается, весной появляется, летом веселится, осенью спать ложится. (Трава)'; *Ибдири бэй элэкэс дыгэнь бөдэлди гиркан, тадук дёрди бөдэлди, тадук илань.* (*Бэй*) 'Загадочный человек сначала на четырех ногах ходит, потом на двух, потом на трех. (Человек)'; *Дюганиду, тугэниду-дэ эрэгэр гилсан. Эрэк як?* (*Ӈин оӈатан*) 'Летом и зимой всегда холодный. Что это? (Нос собаки)'; *Бэй ибдири титэл дылгур-да бисин, тек көчукэн-ккэ.* (*Чог*) 'Неизвестный человек раньше голосистый был, а теперь голос его слабенький. (Колокольчик: сейчас их делают из жести, старинные считаются лучше)'; *Аиӈдук аиӈадмар, няним часки осикаталдула дюманрив, өтэл нимкан-да эч хар.* (*Космический корабль*) 'Из быстрых быстрый, летящего за небо в гости к звездам, такого даже сказка не знала. (Космический корабль)'; *Долба эдилрэ иркагракилра — бул долчидикал* 'Ночью не кричите — покойники могут услышать'; *Дюганиду хякитав эстэн чикиватта — ирэт хоӈадилдик, ханилаттан, чулбаняч тэтуттэн* 'Летом деревья не рубят — молодое дерево будет плакать, оно в нарядной одежде, зеленую одежду носит'; *Хисэчин экич хаӈанра, бул гөндир: «Мутту хаӈанра»* 'Вечером нельзя шить, покойники скажут: «Нам сшили»'; *Хисэчин хилэс тикрэкэн — тиминду бави инэӈ бивэттэн* 'Если вечером пала роса — назавтра бывает хорошая погода' (ЭФ).

Примеры употребления наречий места: *Ибдири бэй эрэгэр дебэмси төлли туттөччөтти бисни. Хо дёрмин.* (*Нёӈчак*) 'Живет неизвестный человек, всегда голодным по свету бегающий. Очень вороватый. (Волк)'; *Төлдук гөпкэчин — төнӈэкич* 'Нельзя подглядывать снаружи в жилище — грех'; *Тэгэнук эмчэ асаткан, хагдыл бэил* (*атикан, этикэн*) *ӈидалитан, дюлдэлитэн эннэн гиркар* 'Девушка не должна идти навстречу пожилым людям <старикам или старушкам>'; *Төлинук, нимэрдук ичэ бэйтэки тэбэкив колунмай* 'Человека, зашедшего с улицы или из соседнего жилища, надо угостить табаком'; *Атаки дю долин усиӈи эвэнки нокракан, мэӈэли мэӈэлрэкэн, дюду хоя улрэ нокутчин, мэӈэлчидин* 'Если паук внутри жилища вешает паутину поперек, делает вешала, в этом жилище будет висеть много мяса'; *Атаки усиӈи өгинук хэссэки ноккоттакан — удан хоя удандин* 'Если паук вешает свою паутину сверху вниз — будет сильный дождь'; *Аваски окай авунди ноӈкэттэн, тала хөнтэл окаил бис* 'В какую сторону мухомор шляпкой наклонился, там есть другие мухоморы'; *Куӈа нөӈкэни-*

ди бөдэли элгэлин амаски көеттэкэн — бэй эммөттэн ‘Если ребенок, наклонившись, смотрит сквозь ноги назад — человек придет’; *Тог екэтэндулэ истала өгэски хосниракан — горинук бэй эмдин* ‘Если огонь бросает искры вверх до жерди, на которой вешается котел, — издалека человек придет’; *Онину доски аявникан хираддан, тарав-тит ок-та эсни хемкэвэттэ.* (*Тукару ивулдывун машина*) ‘Пыль внутрь себя с удовольствием вдыхает и при этом никогда не кашляет. (Пылесос)’ (ЭФ).

Примеры употребления наречий образа действия: *Дёр өмэтту балдачал өмэтту гургэвчир, бинивур чөптэрэ есчимэттэ, авуг-да эсни емэттэ.* (*Бөдэлэл*) ‘Двое вместе родившихся вместе работают, всю жизнь соревнуются, никто никого не обгоняет. (Ноги)’; *Нёлтэн аткиканнюн халгань есчимэчиддэ.* (*Ункапул*) ‘Солнце с месяцем в беге соревнуются. (Белые пятна на задних ногах оленя)’; *Бэй ибдири учакан эрэглэ мөду бинни, дёр бэил бадур учакчи. Ноңартан эвсу нёбатил, дилики урэчин тэтуттэн, нёбати.* (*Хяңан дыллан дёр нёбатил икирил*) ‘Верховой олень неизвестного человека все время в воде находится, два человека ездят на верховом олене. Они все белые, в одежде похожи на горностая, белые. (Две белые косточки в голове налима)’; *Ибдири бэй — дебутур бэй гасимич инэңу чөптэрэ депtэн. Долбо-ткан оддан.* (*Тог*) ‘Загадочный человек — жадный человек всегда, целый день ест. Только ночью перестает. (Огонь)’; *Ибдири бэй ясалан хикутич гарпан, өмкэе эгдекэе ясалан.* (*Фонарик*) ‘У неизвестного человека глаз лучом света светится, у него только один большой глаз. (Фонарик)’; *Дёрминь эңэелбэчэ бэй дюн гулундук иңэнедмэр* ‘Дом человека, разбогатевшего воровством, холоднее, чем костер в тундре’; *Төрэнди-нюн ай гя эди бикил, айдит биниди гя били* ‘Не будь хорошим другом только на словах, будь другом хорошими поступками’; *Ңи хинмач бэлрэн, тарак дёрэкэн бэлрэн* ‘Кто быстро помог, тот дважды помог’; *Ңин дыгэн ясалканни, дёр ясалканюн тэрэкэл* ‘У собаки четыре глаза, а видит она со всеми наравне (о собаке с пятнами над глазами)’; *Экич нөекэв ясалтаки некрэ, эчин ачча очаду неккоттэ* ‘Нельзя опускать головной платок на глаза — так делают с покойником’; *Алдив-ул, олдасу-вул экич эгдедмэрэч некрэ, ңив-ул мэннюми гадик* ‘Могильную яму или гроб нельзя делать бóльшими, чем это надо, иначе умерший может кого-нибудь взять с собой’; *Гулун тоган энтэкэе тисалнакан — хунңэ оваттан* ‘Если огонь костра сильно зашумел — будет сильный ветер’ (ЭФ).

СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

К служебным частям речи в эвенском языке относятся послелоги, немногочисленные союзы и частицы. В настоящее время служебные части речи эвенского языка по своему составу и морфологическим особенностям достаточно подробно описаны в работе В.Г. Белолюбской [2003], поэтому нам нет смысла повторять это описание и приводить полные перечни служебных частей речи. В данном разделе мы попытаемся наметить некоторые новые подходы к описанию служебных частей речи и охарактеризовать их употребление в письменном эвенском языке.

Послелоги

Послелоги с обобщенным пространственным значением

Послелоги с пространственным значением можно разделить на две группы: оппозитивные и неоппозитивные. Первые составляют своего рода антонимические пары, вторые имеют более конкретное пространственное значение, не противопоставляемое другим значениям.

Неоппозитивные послелоги

Например: *дали* ‘поблизости от чего-л., вблизи’, *анчин* ‘вокруг, рядом с чем-л.’, *до* ‘внутри чего-л.’, *хэе* ‘сверху, поверх чего-л.’, *ой* ‘на поверхности чего-л.’, *чида* (западные говоры — *чайда*) ‘за чем-н. (о невидимом предмете)’, *мудан* ‘конец’, *хат* ‘около чего-л., у основания чего-л.’

Оппозитивные послелоги

Например: *өйдэ* ‘(пространство) над чем-л.’, *хэрдэ* ‘(пространство) под чем-л.’, *ангида* ‘(пространство) с правой стороны’, *дегэнгидэ* ‘(пространство) с левой стороны’, *дюлдэ* ‘(пространство) напротив, перед объектом’, *амарда* ‘(пространство) позади’, *эвгидэ* ‘(пространство) на этой стороне объекта’, *тавгида* ‘пространство на другой стороне объекта (невидимое)’.

Примеры употребления послелогов с пространственным значением: *Ач тогла*, *ач-та нейкэлэ хатарси долан биникэн*, *эти бэир биддэн*. (*Накат*) ‘Живет в своем доме без окна и без огня, но не мерзнет. (Медведь)’; *Өмэн дю долан ач муднач хоял урэчилди ойлаттил гургэмэр нимэкэл биддэ*. (*Этэргэр*) ‘В одном доме живет множество трудолюбивых соседей, носящих одинаковые одежды. (Муравьи)’; *Бэил ибдирив бэю төр додун иргэччоттэ. Ноӈан эсникэн-дэ оӈкар бэргэвэттэн*. (*Картофель*) ‘Люди загадочного человека в земле выращивают. Он не пасется, а жиреет. (Картофель)’; *Ибдирив бэю бакли*, *хөксич эти ӈэлрэ*, *амӈай долан хөксив дяюттан*. (*Кубэк*) ‘Неизвестного человека найди, он горячего не боится, во рту у себя горячее прячет. (Чайник)’; *Ибдирикэкэн бэйкэкэн урэн долан ӈэриӈчиддэн*. (*Розетка*) ‘У неизвестного человечка в животе свет имеется. (Электророзетка)’; *Авлан дулкакандулан өмэн төӈэр*. (*Көлэкэ*) ‘Посередине поляны одно озеро. (Пуп)’; *Нёбати ибдири бэй стол ойлан ясали хурамникан илаттан*. (*Нейкэ*) ‘Белый загадочный человек, глазами помигивая, стоит. (Свеча)’; *Төр ойлан хулэк ачча* ‘Лучше на земле не бывает (о чем-л. хорошем)’; *Мавут ойлин эди гиркундаграр — этэн дявамалра*, *майдин* ‘Через аркан-*мавут* не переступай — он не будет ловить, уйдет удача’; *Ибдири бэй оран ойдун балдагра-ча. Тарак як?* (*Иргат*) ‘Загадочный человек на олене рождается. Это кто? (Овод)’; *Гусэтэ дю өйдэлин дэггөттэкэн — далбула буюн-ул*, *навдака-вул бисивэн хавкаттан* ‘Когда орел летает над жилищем, он тем самым извещает, что недалеко есть дикий олень или лось’; *Көчукэн киран тэриннэн дёкэкэр төӈэрэл*. (*Оран ясалални*) ‘По разные стороны маленького горного хребта два озерка. (Оленьи глаза)’; *Ӈин дю хаттун бунирин — биргэ онна-ван дюлиттэн* ‘Собака возле жилища воет — беду предсказывает’; *Хялики*, *кабяв дю хатлин төрэникэн дэггочинни — хани бэй ачча оннаван дюлиттэн* ‘Рябчик, куропатка летает с криком возле жилища — извещает, что умрет

кто-нибудь из родственников'; *Киран хурэлэн нугдэ дючанни*, *уркэчэнни*, *дёр.* (*Оран нусман*) 'На конце горного хребта дом медведя, вход, два их. (Оленья морда)'; *Ибдири бэй-тэкэн хэрдэн дюганиду-да эти ирэлрэ бисни.* (*Өлики*) 'На нижней стороне <на груди> у загадочного человека и летом не тающее место имеется. (Белка)'; *Ибдирив бэю бакли. Ибдири бэй эрэгэр окат хэрлэн бакалан*; *мө хэрлэн баккоттан*, *төӈэрлэ-дэ.* (*Хусэн*) 'Неизвестного человека найди. Неизвестный человек все время под речной водой добычу находит, под водой, и на озере тоже. (Коршун, рыболов-скопа)'; *Төр долан хирули этикэн бисни.* (*Накат*) 'Под землей сердитый старик есть. (Медведь)'; *Дёр урэчил төӈэрэл элгэлэтэн өмэн хөпкэчэн илаттан.* (*Ясалал*, *оӈат*) 'Между двух одинаковых озер стоит одна сопка. (Глаза, нос)' (ЭФ).

Послелоги, характеризующие пространственные отношения в сочетании с названиями водоемов

Эти послелоги сочетаются преимущественно с именами — названиями водоемов: *окат* 'река', *биракчан* 'ручей', *төӈэр* 'озеро', *нам* 'море'. Данная группа послелогов является оппозитивной и включает две антонимичные пары: *холда* 'вверх, вверху по течению' / *эдгидэ* 'пространство внизу по течению' и *хөли* 'этот, данный берег водоема (реки, озера, моря и т.п.)' / *барда* 'противоположный берег реки, моря и т.п.'

Послелоги, выражающие пространственные отношения, связанные с жилищем и окружающим его пространством

Такие послелоги в эвенском языке сравнительно немногочисленны и не образуют антонимических пар. Они выражают пространственные отношения, которые охватывают сферу жилища. В данную группу входят послелоги *хитки* (*хикки*) 'внешнее пространство вокруг жилища', *төлдэ* 'пространство за пределами жилища'.

Послелоги, выражающие пространственные отношения, связанные с рельефом местности

Эта группа послелогов выражает такие пространственные отношения, где ориентирами являются предметы, находящиеся на разной высоте по отношению друг к другу. В нее входят послелоги *дейдэ-*, *няйда-*, обозначающие соответственно местонахождение предмета выше и ниже по склону и составляющие антонимическую пару, и послелог *ба-*, имеющий значение 'на одном уровне с предметом-ориентиром'.

Из послелогов с непространственным значением такие же синтаксические свойства имеет послелог *дюгу*, который, употребляясь преимущественно с глаголами речи и оформляясь суффиксом продольного падежа *-ли*, выражает предмет речи, например: *Сережа Костриков дюгулин тэлэӈэл* 'рассказы о Сереже Кострикове' (название одной из книг на эвенском языке).

Рассматриваемые послелоги образуют частные системы грамматических форм, внешне совпадающие с притяжательными формами 3-го л. ед. ч. дательного, направительного, местного, продольного и отложительного падежей. В принципе возможны две точки зрения на данные после-

логи — констатация наличия у них дефектной падежной парадигмы или рассмотрение производных грамматических форм как самостоятельных систем послелогов.

Разные функциональные разновидности эвенского языка в отношении употребления послелогов и других служебных частей речи демонстрируют следующую картину: в разговорной речи и фольклоре служебные части речи являются одинаково употребительными во всем установленном объеме, за исключением послелога *дюгу*, обозначающего предмет речи. Этот послелог, напротив, широко употребителен именно в письменном языке. В целом же в письменном эвенском языке набор послелогов несколько меньше, чем в устных формах. В письменном языке не встречаются послелоги *эвгидэ* и *тавгида*, *хитки*, *ба*, крайне мало употребительны послелоги *дейдэ-* и *няйда-*, послелог *хат* используется только в сочетании со словом *урэкчэн* ‘гора’. Диалектные различия в употреблении данной группы послелогов не прослеживаются.

Примеры употребления послелогов с семантическими ограничениями на сочетаемость с именами: *Бөӈкэчэ хатлан уркэн.* (*Мэмэкэ дюн*) ‘Под вывернутым деревом дверь его дома. (Медвежья берлога)’; «*Өмэн мугдэкэн ӈяйдалан ок-та эсни ялраргарар, тавур як бидин?*» — «*Тавур бидин дюлки* (*өлики*)» ‘«Под одним пнем что-то никогда не чернеющее. Что это?» — «Это белочка»’; *Ибдири бэй урэкчэн хатлан бивэттэн, эсипчи-дэлу билэклэн, эвсу-дэ иркалан.* (*Обака*) ‘Неизвестный человек у подножия горы живет, всегда в своем доме сидит, большой мастер кричать. (Пищуха, горная мышь)’; *Эмрэн дёрмин, нян уркэ балан нисэгчин, тикрэн, нян илӈа туркун.* (*Делгэнкэ, етукэлэ хорча*) ‘Пришел вор, но на пороге дома споткнулся, упал и встать не может. (Зверь, попавший в капкан)’; *Окат холидун эдилрэ иркагракилра — окат муранни долчидик* ‘На берегу реки не кричите — дух-хозяин реки может услышать’; *Нам-да, окат-та холидун экич иркар — тикчикэс, мавдикас* ‘На берегу моря или реки нельзя громко кричать — упадешь, разобьешься’; *Хяликив, кабяв инӈаттон хэкэтэклэ, дю төлдэлэн энмэй иссэ, дюдук горин исэнмэй, хяликив этэнри ичимэлрэ* ‘Нельзя ощипывать перья рябчика или куропатки возле жилища, их надо ощипывать подальше от жилья, иначе больше не увидишь рябчика’ (ЭФ).

Из следующих примеров становится ясно, что закономерности сочетаемости послелогов с именами не являются жесткими и перечень имен, с которыми сочетаются послелоги, может быть расширен: *Көчукэн ноӈдан хурэлэн дёр накат дюн.* (*Оӈат*) ‘У подошвы маленького холмика две медвежьи берлоги. (Нос)’; *Мэгдын хатлан дёр гулрэкэр орар кусикэчиддэ.* (*Бэй итэн*) ‘Под яром два белых оленя дерутся. (Зубы)’; *Мэгдын хэрдэлин мурань мурандыр. Чэлэди нёбати.* (*Ит*) ‘По нижней стороне яра на лошадях едут. Все лошади белые. (Зубы)’; *Биракчан бардаван эникэн хар эди тусаӈчир* ‘Не зная того, что на другой стороне речки, через нее не прыгай’; *Апкит холилин нёбатиду мурарду бадудда. Эрэк ялдывур?* (*Итэл*) ‘По краю ущелья едут всадники на белых лошадях. Что это? (Зубы)’ (ЭФ).

Собственно послелоги, или первообразные послелоги

По мнению В.Г. Белолюбской, к этой группе относятся послелоги *чөптэрэ*, *хумдэлэ* и *истала*. Послелоги *чөптэрэ* и *хумдэлэ* ‘в течение какого-н. времени’ управляют винительным падежом — они обычно стоят после слов, характеризуемых ими и обозначающих различные отрезки времени: *инэӈу* ‘день’, *долбанив* ‘ночь’, *тугэнив* ‘зиму’, *боланив* ‘позднюю осень’, *иний*, *биний* ‘свою жизнь’ и т.п. Послелог *истала* имеет значение ‘до данного места, до тех пор, пока’ и управляет местным и направительно-местным падежами. В восточных диалектах и в письменном языке послелог *хумдэлэ* не используется.

Примеры употребления первообразных послелогов: *Хуланя дэги инэӈу чөптэрэ дэгготтэн*, *хисэчинду төрлэ доваттан*. (*Нёлтэн*) ‘Красная птица весь день летает, а вечером на землю садится. (Солнце)’; *Як тугэниду чөптэрэ дюду хуклэвэттэн*, *нэлкэ дагамаддакан мяллоттан?* (*Накат*) ‘Кто всю зиму спит дома, с приближением весны просыпается? (Медведь)’; *Бөӈкиӈи бэй биддэн*, *иний чөптэрэ химӈэндулэ бинни*. (*Хякич*) ‘Кривобокий человек живет, всю жизнь в темноте находится. (Съедобный корень сараны)’; *Бэйду көчукэр дөр бэй бисни. Тарал бэил эрэгэр инивур чөптэрэ есчимэчиддэ*. (*Бөдэл*) ‘У человека два маленьких человека имеется. Те люди всегда, всю свою жизнь соревнуются. (Ноги)’; *Ибдири бэй — дебутур бэй гасимич инэӈу чөптэрэ дептэн. Долбо-ткан оддан*. (*Тог*) ‘Загадочный человек — жадный человек всегда, целый день ест. Только ночью перестает. (Огонь)’ (ЭФ).

Наречные послелоги

В говорах эвенского языка употребляются наречия образа действия в роли послелогов: *дэпки* ‘напротив’, *эрэли* ‘вокруг’, *эвэнки* ‘поперек’, *табдас* ‘насквозь’, *кэнрэс* ‘через’, *ӈонапки* ‘вдоль’, *дюлэпки* ‘вперед’. В позиции непосредственно при глаголе эти слова имеют синтаксические функции наречий.

Примеры употребления наречных послелогов: *Төӈэру эрэли исаг балдача*. (*Харамта*) ‘Вокруг озера лес вырос. (Ресницы)’; *Кэӈрэв эрэли ибдирил бадумӈал нёбатилду мурарду бадудда. Кэӈрэ дулкакандулан машина ач однач гургэвчиддэн Эрэк як?* (*Итэл*, *ениӈэ-дэ*) ‘Вокруг ямы едут неизвестные всадники на белых лошадях. А в середине ямы машина беспрестанно работает. Что это? (Зубы и язык)’; *Окату коӈдас нуӈа марлун*. (*Маранӈа*) ‘Через реку лук выгнулся. (Радуга)’; *Хэл алику төмтэс этэнри исур* ‘Сквозь железную миску не прорастешь’; *Дюв табдас эди негрэкил — нячарилдикас!* ‘Сквозь чум <из одного входа в другой> не проходи — понос у тебя начнется!’; *Ач хилгуна биникэн*, *мов табдас хилгари*. (*Икри*) ‘Не имея сверла, дерево насквозь сверлящий. (Червь-короед)’ (ЭФ).

К рассмотренным примерам примыкает следующий пример: *Дёрмер бэй амаски итивур гиркан*. (*Оста*) ‘Двадцать человек ходят назад лицами. (Ногти)’. Здесь наречие *амаски* ‘назад’ употреблено при существительном, и хотя оно в роли послелога обычно не встречается, в данном случае можно говорить о его переходе в разряд наречных послелогов.

Хотя по логике и согласно множеству аналогий служебные части речи формируются на основе знаменательных частей речи, в эвенском языке прослеживается тенденция к обратному переходу послелогов в наречия. Эта тенденция представлена в следующих сочетаниях на основе имен существительных:

1. Приглагольное употребление послелогов, несоотносительных с наречиями: *Ибдири бэй боланиду хуклэддэн*, *өмнэкэн тавгидали олдами хукэннэн*, *долбани дулкакандулан*. (*Мэмэкэ*) ‘Неизвестный человек поздней осенью уснул, один раз на другой бок перевернулся, в полночь. (Медведь)’; *Авми экич амаргидач дюлгидэлэ экич тэттэ — төнүэкич*, *көкэдикэс* ‘Шапку нельзя надевать задом наперед — грешно, можешь умереть’ (ЭФ).

2. Изменение грамматических форм существительных в послеложных сочетаниях: *Як тугэниду чөптэрэ дюду хуклэвэттэн*, *нэлкэ дагамаддакан мяллоттан?* (*Накат*) ‘Кто всю зиму спит дома, с приближением весны просыпается? (Медведь)’; *Ибдирил бэил хуклэр кадагмаканду тэриннэн*, *эррөчинни чилэнел*, *кучуду хуклэр*, *буюн нённи*, *тачикан-да этил хуптур*, *эрэглэ энни-дэ иллотта*. (*Ӈовкал*) ‘Неизвестные люди спят прямо среди скал по разные стороны, такие черные, в спальном мешке спят; дикий олень бежит, они от него не отстают и никогда на останавливаются. (Щетки под копытом оленя)’; *Иркамаган иркаракан — нам бардала ивэттэн*. (*Ултавки*) ‘Когда кто-нибудь кричит, <оно> отзывается, на другом берегу моря слышно. (Эхо)’.

В первых двух примерах существительное с послелогом стоит в форме дательного, а не именительного падежа, в последнем примере послелог утратил притяжательный показатель и превратился в присубстантивное наречие.

3. Адвербиализация послелога с притяжательным суффиксом при эллипсисе существительного: *Дёр аканун*, *далидун бисоникэн*, *ок-та эстэн бакалдамаччотта*. (*Ясалал*) ‘Двое братьев, живя поблизости, никогда не встречаются. (Глаза)’; *Окатла өриӈчими*, *дюдукий холаски энмэй эбэссэ* ‘Остановившись у реки, нельзя мочиться в сторону реки’; *Көкэчэ бэй учиккан*, *инундэгэн апкачин манмай*. *Нанраван аталриди*, *нанрач дасанмай*, *тадук ойлин хэвлэнмэй*, *хятач дюгчин онмай*, *тачин-та эмэнмэй*. *Эмгумэн*, *усивэн тала-тта нокунмай* ‘Ездовых и вьючных оленей умершего человека забивают удушением. Сняв с них шкуры, покрывают его шкурами, потом сверху делают из ветвей тальника что-то вроде чума и оставляют так. Его седло и упряжь надо повесить там же’; *Долбаниду ибдири бэй мясамачилран*, *дылан-да мэрэлдынрэн*, *тэринтэкин көветчин*. (*Итикня*) ‘Ночью неизвестный человек проснулся, голова его закружилась, он во все стороны смотреть может. (Сова)’; *Ибдири бэй тэринтэкин гиркан*. (*Кавилӈа*) ‘Неизвестный человек в разные стороны ходит. (Краб)’.

Союзы

Союзы традиционно определяются как служебные слова, которые используются для связи однородных членов предложения и частей сложного предложения. В эвенском языке исследователи отмечают немногочислен-

ность союзов. В.Г. Богораз, по существу, отождествлял союзы с частицами, В.И. Левин — с наречиями и местоимениями. Соотносительность союзов и местоименных наречий подчеркивали В.И. Цинциус и К.А. Новикова. Нам представляется обоснованным в соответствии с русской грамматической традицией разделить союзы на две группы: сочинительные, употребляющиеся при однородных членах предложения (прежде всего при однородных сказуемых), и подчинительные. Первая группа делится еще на два разряда: соединительные и противительные союзы.

Соединительные союзы

В качестве примеров соединительных союзов в эвенском языке могут быть приведены слова *нян*, *тадук*, *таракам*: *Бэйнюн даран ӈэнрэн*, *нян удин эсни ичур.* (*Хинян*) ‘Рядом с человеком идет, а следа не видно. Что это? (Тень)’; *Як балдаваттан дёрэкэн: дюллэ — дюлаккан*, *нян амарла — оилкан?* (*Дэги*) ‘Кто родится два раза: первый раз — голый, а второй раз — в одежде? (Птица)’; *Ач дылла биникэн — авулкан*, *өмэн бөдэлэлкэн*, *нян ач унталач. Эрэк як?* (*Дэвэнӈит*) ‘Без головы, а в шапке, с одной ногой, но без унтов. Что это? (Гриб)’; *Ибдири бэй элэкэс дыгэнь бөдэлди гиркан*, *тадук дёрди бөдэлди*, *тадук илань.* (*Бэй*) ‘Загадочный человек сначала на четырех ногах ходит, потом — на двух, потом — на трех. (Человек)’; *Хуланя хуличан дюдукий эӈэлиддэн*, *нян ок-та эсни тадук невэттэ. Эрэк як?* (*Ениэ*) ‘Красная лисица из своей норы выглядывает, но никогда из нее не выходит. Что это? (Язык)’; *Дюллэ мэни хаврали*, *тадук бэю кирэкэтли* ‘Сначала покажи себя с хорошей стороны, потом другого человека пачкай’; *Орам-да*, *ӈину-да энмэй мөер*, *энмэй хилгитта — эрэлбу хилгичин хо-хо эгден төнӈэкич*, *тадук бэйди хилдинри* ‘Оленя, собаку нельзя мучить, нельзя с ними плохо обращаться — мучить их это очень большой грех, после этого сам будешь мучиться’; *Хагды төрэмэн эди недакил*, *таракам дёлалкан бэй бидинри!* ‘Не отбрасывай слов старших — счастливым человеком будешь!’ (ЭФ).

Противительные союзы

Роль противительных союзов выполняют союзные слова *тарма*, *тарбач* ‘но, однако’: *Куӈакаякан тартаки пэктэрэсчилрэ*, *тарма ӈэлэлрин* ‘Ребеночек хотел было стрелять в ту сторону, но побоялся’ [Белолюбская, 1997, с. 105]; *Уркэн хоя*, *тарбач-та экич нөр.* (*Адал*) ‘Дверей много, а выйти нельзя. (Сеть)’ (ЭФ).

Подчинительные союзы

Подчинительные союзы употребляются для связи частей сложного предложения, при этом они иногда дублируют связи между глаголом-сказуемым главного предложения и причастием или деепричастием в функции вторичного предиката. К подчинительным союзам или к словам, функционально эквивалентным союзам, могут быть отнесены слова *теми* ‘поэтому’,

он ‘как’, *ок* ‘когда’ и т.п. Довольно много союзов образовалось на основе падежных форм относительного местоимения *ирэк* ‘который’: например, *илэ* ‘где’, *идук* ‘откуда’ и т.д. Подчинительные союзы в эвенском языке немногочисленны и хорошо сохраняют соотносительность с местоименными наречиями. Пример употребления подчинительного союза: *Мэндулэй эстэн ичукэттэ илэ накат осиснан нян илэ энсэн ӈиду-вул — тачикан-да бидик* ‘На себе не показывают, где кого-нибудь медведь поранил или где у кого-нибудь что-нибудь болит — иначе будет точно так же’.

В разговорном языке союзные конструкции используются довольно редко. В фольклорных текстах слова *тадук*, *таракам*, *тарбач*, *тарма* и частица *нян* употребляются в начале самостоятельных предложений и, следовательно, не могут рассматриваться как союзы, по определению соединяющие слова, части предложений или предложения. В письменном языке названные слова наряду с местоименными наречиями и относительными местоимениями употребляются в функции союзов в тех случаях, когда вместо соответствующих по смыслу причастных и деепричастных оборотов используются самостоятельные предложения с глаголом-сказуемым.

Частицы

Частицы, которые в эвенском языке составляют весьма обширный класс служебных слов с различными грамматическими функциями, были предметом специального исследования В.Г. Белолюбской [2003]. Ею были выделены следующие разряды частиц: 1) вопросительные; 2) утвердительные; 3) отрицательные; 4) восклицательные; 5) усилительные; 6) уничижительные; 7) ограничительные; 8) уточнительные; 9) выделительно-ограничительные; 10) соединительные; 11) условные; 12) уступительные; 13) выделительные; 14) выделительно-усилительные. Ниже приводятся примеры употребления частиц.

Соединительная частица *-да/-дэ*: *Ибдири бэй мөт-та эти уюнна*, *мөт-тэ ӈэлрэн*, *коритал-да хурэн ханра* ‘Неизвестный человек, по воде не бродящий, воды боится, у него кончики ушей черные. (Заяц)’; *Өмэн хо нод нёбати бэй бисни. Унтай-да додэнгич тэтуттэн.* (*Мунрукан*) ‘Один очень красивый белый человек живет. Унты свои вывернутыми наизнанку носит. (Заяц)’; *Ибдири бэй-тэкэн хэрдэн дюганиду-да эти ирэлрэ бисни.* (*Өлики*) ‘На нижней стороне <на груди> у загадочного человека и летом не тающее место имеется. (Белка)’; *Ач эвэтлэв бэю бакли*, *бокар-такан*, *амӈан-да эгден*, *оӈатан-да каптаня.* (*Хяӈан*) ‘Без ребер человека найди, у него только бока, рот у него большой, нос у него плоский. (Налим)’ (ЭФ).

Неопределенная частица *-вул/-ул*: *Хэлургун амӈай аӈан*, *бэю дебэснэн*, *ады-вул бэй бидэн.* (*Утэн*) ‘Людоед свой рот раскрыл, человека съел, сколько бы людей ни было, съест. (Дом)’; *Ибдирил бэил тунӈан*, *өмэн-тэкэн авалкан*, *инив чөптэрэ*, *як-ул*, *хялта-вул бидэн.* (*Ӈал*, *унипан*) ‘Неизвестных людей пятеро, только у одного шапка, так всю жизнь, что бы ни было, даже если мороз. (Пальцы и наперсток)’; *Чукачан бөдэлдун мокакам-ул*,

яв-ул экич ӧневэттэ, *ӈи-вул гӧнекэ одик* ‘К ногам птички нельзя привязывать палочки — кто-нибудь будет хромать’ (ЭФ).

Соединительная частица *-нюн*: *Ибдири бэй эйду инив-нюн бэю улиттэн*, *магдилив-ул*, *яв-ул биситэн*. (*Төрэӈэт*, *төр*) ‘Неизвестный человек всех живых людей кормит, и червей, и насекомых, кто бы ни был. (Наша земля, земля)’ (ЭФ); *Ариӈка*, *тэӈкэлэ асаткамкару коӈанимкару бакран*, *бэрибнэлрэн-нюн* ‘Вот черт, в прибрежном лесу нашел себе другую женщину, вот и стал пропадать’ (СЭ).

Ограничительная частица *-ткан/-ткэн//-такан/-тэкэн*: *Долбони ӈинан бисни*, *долбу-ткан гиркаваччоттан*. (*Нёӈчак*) ‘Ночная собака есть, она только по ночам ходит. (Волк)’; *Бэйди эйду нёбати*, *аванни-ткан хурэн хаӈра*. (*Мунрукан*) ‘Сам весь беленький, лишь кончики шапки черные. (Заяц)’; *Бан бэй — төрэнни-ткэн*’ У ленивого человека нет ничего, кроме слов’; *Ибдири бэй ач-та ӈалла*, *өмэн-тэкэн итэн*. (*Тибак*) ‘Неизвестный человек без рук, у него только один зуб. (Тесло)’ (ЭФ).

Выделительная частица *-кка/-ккэ*: «*Оранси хин хоя-кка бисин*, *тарак илэ?*» *— гөникэн хуличан нян-да этикэм улгимирин* ‘«Ведь у тебя же было много оленей. Где они?» — спрашивает опять лиса у старика’ (СЭ); *Хисэчин экич икэвэттэ*, *ачча очаду бадикар*, *энмэй*, *ариччотта*, *долба арисаг-ккэ этэн явчир*, *төнӈэкич* ‘Вечером петь нельзя, у мертвых утро, не надо, они пугают, разве ночью злой дух-*арисаг* не подстерегает нас, грешно’ (ЭФ). В последнем примере приведен выделительный оборот с отрицательной конструкцией.

Выделительная частица *-макан/-мэкэн*: *Ибдири бэй чогач дыллаттан*, *хаӈрач дыллаттан*, *бэйин нёбати-макан*. (*Токэр*) ‘Неизвестный человек колокольчик вместо головы имеет, сине-черная голова у него, а сам он белый. (Разновидность сараны)’; *Дёр ибдирил бэил дёридюр-дэ хэрэлэр*; *өмэн чилэнеч тэтутти*, *кэнелич хаӈанаддан*; *гя-да мэӈтич тэтутти*, *ӈэлэм ӈэн*, *ӈэн-мэкэн*, *илкан*, *тарак як-авуг?* (*Тураки*, *чукачан-да*) ‘Два неизвестных человека оба мастера шить; один, одетый в черную одежду, плохо шьет, а другой, одетый в серую одежду, замечательный мастер, настоящий мастер. (Ворона и птичка)’ (ЭФ).

Выделительная частица *-нян/-нен*: *Ибдири бэй-нен хикутич онялан ӈэлэм*; *хэрэвэттэн*, *тек тугэниду иӈэмуттэн*, *дюганиду илран*, *эйду хулралкан*, *хэрэдеклий хуклэн*. (*Икри*) ‘Неизвестный человек — хороший рисовальщик; вышивает сейчас, зимой замерзает, летом просыпается, у него много одеял, там, где вышивает, спит. (Червь-короед)’; *Дюганиду тэттоттэ*, *тугэниду-нен нуккотта*. (*Хякитал*) ‘Живут удивительные существа. Летом они одеваются, а зимой раздеваются. (Деревья)’; *Көчукэн бөгэне тэриндулэн дёр накат дюлни*, *хэелэн-нен — болгикат*. (*Коритал*, *нюрит-тэ дылла*) ‘По обе стороны маленькой сопочки две медвежьи берлоги, а на вершине — кедровник. Что это? (Уши и волосы на голове)’ (ЭФ).

Выделительно-ограничительная частица *-мак/-мэк*: *Ибдири бэй тэтиндэ нод*, *иркалан-да*, *ӈалан-да ач инӈатла*, *илрэ-мэк-тэ*, *дыгэн-дэ остал. Тек хуклэн*. (*Чидыга*) ‘Неизвестный человек, одежда у него красивая, <он> мастер кричать; руки у него без шерсти, только тело, четыре когтя. Сейчас <зимой> спит. (Евражка)’; *Ай бэй дюганимакту чобакалаваттан*, *ту-*

гэниду олачиклаваттан. (*Тауня*) ‘Человек хороший, только летом шубу надевает, а зимою — летние унты. (Рога оленя)’ (ЭФ). В последнем примере частица *-мак/-мэк* находится внутри словоформы.

Уступительная частица *-тит*: *Онину доски аявникан хираддан*, *тараватит ок-та эсни хемкэвэттэ*. (*Тукару ивулдывун машина*) ‘Пыль внутрь себя с удовольствием вдыхает и при этом никогда не кашляет. (Пылесос)’; *Өмэн багатир*, *яв-да-тит мамалми*, *өмнэйэ кунихникан бэй ядерин* ‘Один богатырь, когда что-нибудь захочет убить, только один раз крикнет, человек что сделает… <умрет>. (Ружье)’; *Илан бэй уямкан халгань холур иний чөптэрэ холуми-тит хуптудаңан да ачча*, *бокондаңан да ачча* ‘Три человека снежного барана пешком преследуют, всю жизнь преследуют и не отстают, и не догоняют. (Плеяды)’ (ЭФ).

В приведенных примерах характеристика некоторых частиц может не совпадать с описанием их значения у В.Г. Белолюбской. Это происходит отчасти потому, что мы не рассматриваем здесь частицы как многозначные грамматические единицы, отчасти потому, что приведенный выше перечень разрядов частиц, по-видимому, требует уточнения и дополнения. Так, частицы -кка/-ккэ, -си, -нян/ -нен употребляются не только как усилительные, нормы их применения соотносимы с нормами употребления русских противительных союзов. Отрицательный элемент ач, возможно, является отрицательным прилагательным/наречием. Грамматические функции частиц в эвенском языке, очевидно, требуют продолжения исследования.

Инвентарь частиц, употребляемых в письменном эвенском языке, существенно ограничен по отношению к тому набору частиц, который используется в устной речи и фольклорных текстах. В письменном языке употребительными являются следующие частицы: соединительная частица *-да/-дэ//-та/-тэ*; вопросительная частица *-гу/-ку*; неопределенные частицы *-вул//-ул, -вуч/-уч*; сопоставительные, или противительные, частицы *-нюн*, *-нян/-нен*, *-си//-аси/-эси*, *-кка/-ккэ*, *-кана/-кэнэ*; ограничительная частица *-ткан/-ткэн//-такан/-тэкэн*; выделительно-ограничительные частицы *-мак/-мэк*, *-макан/-мэкэн*; уступительная частица *-тит*. В художественных текстах отмечено употребление выделительных частиц *-ккэл*, *-даким/-дэкит* и *-силэ*, однако в письменном языке эти частицы весьма редки. Выделительная частица *-га/-гэ*, встречающаяся в рассказах Н.С. Тарабукина, используется только в диалектах западного наречия эвенского языка.

СООТНОШЕНИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА ЭВЕНСКОГО ПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА И ОЛЬСКОГО ГОВОРА ВОСТОЧНОГО НАРЕЧИЯ

Рассмотрение грамматических форм восточного наречия, лежащего в основе литературного эвенского языка, в плане их употребительности в письменной форме языка показало, что в грамматическом отношении они не вполне тождественны друг другу. Число грамматических форм, применяющихся в письменном языке, несколько меньше количества граммати-

ческих форм ольского говора восточного наречия эвенского языка. Вкратце морфологический строй письменного эвенского языка может быть охарактеризован следующим образом:

Имя существительное: 13 падежных форм (в говорах до 15 форм).

Имя прилагательное: одна форма проявления признака на *-дмар/-дмэр* (в говорах до трех различающихся форм).

Имя числительное: количественные, порядковые, повторительные, ограничительные, распределительные (числительные для счета юрт, животных, отнумеративные существительные в письменном языке не употребляются).

Глагол: категория времени — формы настоящего, прошедшего и будущего времени (в говорах две формы будущего времени); категория наклонения — изъявительное, повелительное I, долженствовательное, предположительное, предостерегательное (одна форма будущего времени), сослагательное наклонение (в говорах до четырех форм повелительного наклонения, две формы так называемого предостерегательного наклонения).

Причастие: причастные формы настоящего, прошедшего, будущего времени, редко встречающиеся формы недавнопрошедшего и давнопрошедшего времени (другие причастные формы в письменном языке не употребляются или являются диалектизмами).

Деепричастие: условно-временные моно- и разносубъектные формы (*-ми* и *-рак/-рэк*), одно- и разновременные деепричастия (*-никан/-никэн* и *-риди/-ридюр*), деепричастия смены действия (*-мнин*) и деепричастия предела (*-кан/-кэн*). Деепричастная форма на *-ŋуси* в письменном языке неупотребительна.

Частицы: репертуар данной части речи в письменном языке очень ограничен. Частицы-суффиксы в письменном языке неупотребительны.

Таким образом, на основании сравнения письменного эвенского языка с устной формой говоров восточного наречия, в частности с ольским говором, признаваемым основой письменного эвенского языка, мы можем видеть, что инвентарь морфологических форм письменного языка оказывается несколько более узким, нежели инвентарь морфологических форм ольского говора. На протяжении по крайней мере 50 лет инвентарь грамматических форм письменного языка оказывается достаточно однородным (эта однородность нарушается лишь диалектными вкраплениями, которые не оказываются устойчивыми: они появляются лишь в отдельных текстах). Инвентарь морфологических форм письменного эвенского языка в целом соотносится с описанием морфологического строя эвенского языка [Цинциус, 1947], которое кодифицировало нормы письменного языка, сохраняющиеся до настоящего времени.

Различия между устной формой восточного наречия и письменной формой эвенского языка — реальное свидетельство того, что письменный эвенский язык на уровне грамматики отличается от устной формы восточного наречия и существует как самостоятельная языковая форма, имеющая собственный инвентарь форм и собственную стилистическую систему.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая грамматика эвенского языка публикуется спустя почти 75 лет с момента издания работы «Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка» [1947], написанной известным ученым тунгусо-маньчжуроведом В.И. Цинциус (1903–1983) еще до Великий Отечественной войны. Кандидатская диссертация В.И. Цинциус, ставшая основой «Очерка…», была защищена в июне 1941 г. С этого времени кардинально изменились не только языковая ситуация у эвенов, но и положение дел в языкознании вообще и в науке о тунгусо-маньчжурских языках в частности. Описания эвенского языка, включая книгу известного немецкого востоковеда Й. Бенцинга «Lamutische Grammatik» [Benzing, 1955], в которой высказано много интересных наблюдений и мыслей, в наименьшей степени затронуты дискуссионными вопросами грамматики восточных языков, таких как состав частей речи и классификация грамматических категорий. Только описание ольского говора восточного наречия эвенского языка, подготовленное К.А. Новиковой [1960, 1980], выглядит приспособленным под идеи грамматики тюркских и монгольских языков с объединением тех частей речи, которые имеют формально одинаковые парадигмы.

К 1970–1980-м годам в отечественной лингвистике сложился определенный стандарт однотомных грамматических описаний языков, образцом которых является «Грамматика болгарского языка» Ю.С. Маслова [1981], а для языков народов Крайнего Севера — «Грамматика корякского языка. Фонетика, морфология» А.Н. Жуковой [1972].

Разумеется, изучение языков народов Крайнего Севера не было обойдено новыми теоретическими веяниями, примером чего служит книга А.П. Володина «Ительменский язык» [1976]. Как хорошо известно, лучшие грамматические очерки по языкам народов Крайнего Севера РФ написаны так, чтобы они были понятны преподавателям высшей школы и могли бы использоваться в учебном процессе в вузах и учебных заведениях среднего уровня. В этом плане хорошим примером являются книги О.А. Константиновой «Эвенкийский язык» [1964] и В.Д. Колесниковой «Синтаксис эвенкийского языка» [1966]. Продолжением данного направления в изучении тунгусо-маньчжурских языков можно считать монографию Б.В. Болдырева «Морфология эвенкийского языка» [2007], показывающую возможности расширения и фундаментализации грамматического описания отдельного тунгусо-маньчжурского языка.

Из новых теоретических достижений в методике описания грамматики тунгусо-маньчжурских языков в изучении эвенского языка благодаря

работам В.А. Роббека получила развитие ориентация на теорию функциональной грамматики, изложенную в работах А.В. Бондарко [Роббек, 1982, 1984, 1992, 2007]. Это направление в описании эвенской грамматики способствовало расширению представления о грамматическом значении отдельных суффиксов и грамматических форм [Шарина, 1999, 2001]. Особыми достижениями в исследовании служебных слов отметилась В.Г. Белолюбская [2003]. Функциональный подход к морфологии эвенского языка при том, что его морфемика большей частью неплохо описана и изучена, открывает новые возможности для освоения содержательной стороны грамматического строя языка и использования выполненных на основе данного подхода описаний в учебном процессе и для разработки учебных пособий по эвенскому языку.

Классическое по составу описание строя языка включает как минимум два аспекта — фонетику и морфологию. Система фонем для ольского говора, лежащего в основе письменного эвенского языка, и для других эвенских говоров и диалектов была окончательно установлена к концу 1940-х годов усилиями К.А. Новиковой при помощи специалистов-фонетистов. Однако полное описание звукового строя эвенского языка, включающее характеристики основных и позиционных оттенков фонем, просодику слова и основные интонационные контуры (конструкции), к большому сожалению, отложено на вторую четверть XXI в., в чем есть и свои плюсы — будущее описание окажется соизмеримым с результатами исследования звукового строя эвенкийского языка, хотя различные эвенкийские диалекты в фонетическом плане изучены крайне неравномерно.

Эталоном-образцом для описания тунгусо-маньчжурских языков всегда был и остается эвенкийский язык, где примерно равное внимание уделено морфологии и синтаксису. Синтаксис эвенского языка, за исключением соответствующих параграфов учебника по эвенскому языку для педучилищ [Новикова и др., 1991], в научных описаниях его грамматики не представлен. Однако ему посвящены специальные работы А.Л. Мальчукова [1999, 2008]. По мнению А.Л. Мальчукова, отдельные грамматические категориальные формы оказывают заметное влияние на структуру и семантику предложений, но здесь и значения форм, и характер преобразований остаются дискуссионными.

Одна из серьезных проблем в описании эвенского языка на всех уровнях — это его многодиалектность и неполная определенность диалектного состава. Если раньше, до 1960–1970-х годов, в работах эвеноведов прослеживалась тенденция к выделению особых диалектов или говоров почти в каждом административном районе (улусе) РС (Я), Магаданской области или Камчатки, то впоследствии была осознана необходимость объединения ряда территориальных вариантов в границы одного диалекта — так обстоит дело с говорами восточного наречия, которые, за исключением быстринского и олюторского говоров, представляют одну языковую формацию, таково же положение дел с эвенскими диалектами бассейна Индигирки. Но полевые исследования в районах проживания эвенов показали сложный состав говоров эвенов Охотского района Хаба-

ровского края, неоднородность говоров бассейна Колымы, где установлено наличие как минимум трех диалектов. При этом даже состав эвенских говоров западного ареала расселения этноса к западу от Индигирки и до Лены остается не вполне ясным и ждет своих исследователей. Различия между отдельными диалектами и говорами эвенского языка выражаются не только в отсутствии сибилянта [с] в западных говорах и особых аллофонов гласных, но и в разных оформлениях алломорфов отдельных морфем, а также, что очень существенно, в некоторых явлениях на границе морфологии и синтаксиса, например в оформлении конструкций с предикатными актантами. Значимыми в грамматике оказываются разные формы падежного управления в разных говорах. До сих пор остается малоизученным влияние якутского языка на морфологию и синтаксис отдельных западных говоров и диалектов эвенского языка.

Как и В.И. Цинциус, мы задумывали свою книгу как грамматику эвенского письменного языка, ориентированную на говоры восточного наречия, хотя нам пришлось дополнить ее теми формами восточно-эвенских говоров, которые не вошли в письменный эвенский язык, и материалами говоров западного наречия. Расширенная задача, которую мы ставили перед собой, — изучить эвенский письменный язык во всем разнообразии его вариантов, образовавшихся за последние 100 лет. Дело в том, что количество пишущих на эвенском языке сокращается даже более стремительно, чем количество говорящих на нем. Год от года уменьшается и число читающих на эвенском языке, в особенности способных понимать старые письменные тексты, например опубликованные в газетах 1930–1950-х годов, к которым перестало обращаться большинство лингвистов.

Отличительная особенность данной грамматики, предлагаемой вниманию наших коллег, — подробное описание графики и орфографии эвенского языка, создающее прецедент для других языков малочисленных народов Севера РФ. Для этого есть несколько причин.

Первая из них — необходимость изучения и строго научного описания действующей эвенской графики, а также принципов обозначения фонем на письме и правил чтения букв, которые предшествовали современным нормам и остались задокументированными заметным массивом учебной и художественной литературы.

Вторая причина — необходимость теоретической разработки составления основ нормативного свода правил эвенской графики и орфографии, как и правил графики и орфографии любого письменного или младописьменного языка.

Третья причина — иллюстрация лингвистической адекватности действующей орфографии, ее ценности как фактора, укрепляющего жизнеспособность эвенского языка и консолидирующего эвенский народ, разобщенный не только административным делением, но и диалектной раздробленностью. Вопрос о внесении кардинальных изменений в графику эвенского языка неоднократно получал отрицательную реакцию от научных центров, занимающихся сохранением и развитием миноритарных

языков. Специалисты оценивают предлагаемые реформы как результат языковой интерференции и отмечают нецелесообразность принятия подобных предложений. Современная эвенская письменность кодифицирована во множестве научных трудов, методической, лексикографической и художественной литературе на эвенском языке. Реформирование графики крайне опасно для исчезающего языка, так как может привести к нарушению преемственности культурной традиции народа. Это и указание на то, что некоторые педагоги и методисты пытались оправдать промахи или бездействие в совершенствовании методики обучения детей родному языку мнимым несовершенством норм эвенской графики. Именно поэтому такие вопросы приобрели особую актуальность при подготовке настоящей грамматики.

Мы стремились к тому, чтобы наш труд, будучи научным описанием эвенского языка, был органично вписан в современный корпус письменных и печатных текстов на эвенском языке и устранил бы дисбаланс между разновременными письменными текстами и устаревшими нормами графики эвенского языка, изложенными в грамматическом очерке В.И. Цинциус, который в части графики просто устарел, что естественно после реформ эвенской графики 1953 и 1958 гг. и появления некоторых новых нюансов в описании эвенских диалектов и говоров. Мы надеемся, что данная книга будет востребована коллегами-специалистами по тунгусо-маньчжурским языкам, педагогами высшей и средней школы, всеми, кто неравнодушен к судьбе эвенского языка — языка народа со значительным числом говорящих, имеющего более чем 150-летнюю историю письменности, ставшего одним из средств религиозного просвещения народов России, языка богатого фольклора и самобытной оригинальной литературы.

ПРИЛОЖЕНИЕ. ГРАММАТИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК ПО ЭВЕНСКОМУ ЯЗЫКУ (ТАБЛИЦЫ)

Поскольку орфография эвенского языка построена таким образом, что в ней отсутствуют орфограммы (ситуации выбора нужного написания из нескольких возможных, предусматриваемых правилами графики), при ее характеристике почти не имеется возможности формулировать орфографические правила в виде норм употребления отдельных букв. Вместе с тем характеристика нормативного написания, или правописания, грамматических форм эвенского языка должна учитывать не столько возможные альтернативы эвенской графики для изображения на письме корневых морфем, основ слов и грамматических показателей (такие альтернативы отсутствуют, так как значения эвенских букв не пересекаются друг с другом), сколько вариативность звучания грамматических форм в диалектах и говорах, а также их произношение в индивидуальной речи. Фонематический, или фонемный, принцип эвенской орфографии не оставляет для представления нормативных написаний грамматических форм никакой другой возможности, кроме наглядной демонстрации принятых для них написаний в сочетании с представлением самих грамматических форм как системы грамматических категорий имен и глаголов и образования отдельных грамматических форм частей речи — существительных, местоимений, числительных, личных форм глаголов, причастий и деепричастий. Именно для этого и помещен в настоящую работу в качестве приложения данный грамматико-орфографический справочник.

Материал, содержащийся в справочнике, очень сходен с комплектами таблиц по эвенской грамматике, но надо предупредить читателей, что он не может полностью заменить их или использоваться при обучении эвенской грамматике без необходимых дополнений. В справочник включены лишь иллюстрации к образованию и написанию тех грамматических форм, которые употребляются в письменном эвенском языке и написание которых нуждается в развернутой характеристике на уровне системы всех образующихся форм.

Как и грамматические таблицы в любой монографии или пособии по эвенскому языку, иллюстративный материал настоящего справочника неизбежно содержит часть форм, которые выглядят несколько искусственными и почти не используются в речи. Действительно, очень трудно подобрать такие примеры, которые представляли бы все типы основ имен и глаголов и все грамматические формы которых употреблялись бы в устной и письменной речи: это относится, например, ко многим падежным и притяжательным формам существительных, отдельным личным формам

глаголов, причастным и деепричастным формам некоторых глаголов. Именно поэтому для иллюстрации склонения имен существительных выбраны слова с пространственным значением, а для описания притяжательных форм — слова-термины родства, которые в эвенском языке почти не употребляются без притяжательных суффиксов. Там, где это возможно, в частности при характеристике спряжения и образования форм глагола, для иллюстраций использовались единообразные примеры. По возможности в справочнике приведены образцы склонения и спряжения, иллюстрирующие поведение основ имен и глаголов, принадлежащих к обоим сингармоническим рядам, и позволяющие опознать тот или иной сингармонический ряд, исходя из написания основы.

В разных грамматических описаниях эвенского языка выделяется разное количество типов основ имен и глаголов. Тем не менее все исследователи противопоставляют друг другу три морфонологических типа основ имен и глаголов: основы на гласный, основы на любой согласный и основы на *-н*. Однако в эвенском языке имеются имена и глаголы с основой на *-н*, которые изменяются по типу основ с конечным согласным [Новикова, 1960, с. 123–124]. Таких слов сравнительно немного, и их можно привести почти полным списком.

Это существительные и прилагательные: *анӈан* ‘год’, *асан* ‘злой’, *бан* ‘ленивый’, *доклан* ‘хромой (о животном)’, *дёрмин* ‘вор’, *ин* ‘вьюк’, *итэн* ‘домашний олень-самец трех лет’, *ӈин* ‘собака’, *ӈун* ‘прямой’, *ӈэн* ‘мастер, умелец’, *ӈэргэн* ‘трус’, *тэрин* ‘оба, обе стороны’, *хяӈан* ‘глухой’ и некоторые другие.

Заимствованные из русского языка слова с конечным [н] типа *кран*, *план*, *магазин*, а также слова, заимствованные из якутского языка, в этот список не попадают и склоняются так же, как собственно эвенские слова с основой на *-н*. Нет в данном списке и производных имен с собственно эвенскими суффиксами, оканчивающимися на *-н*.

Глаголы: *андай* ‘толкнуть’, *докландай* ‘хромать (о животных)’, *индэй* (3-е л. ед. ч. *ин-сэ-н*) ‘нести на спине’, *имандай* ‘идти снегу’, *иркундай* ‘скакать, прыгать’, *ининдэй* ‘смеяться’, *кугундай* (3-е л. ед. ч. *кугун-са-н*) ‘облезать (о шкуре с оленьих рогов во второй половине лета)’, *мандай* ‘израсходовать, изничтожить’, *мундэй* ‘сгнить, протухнуть’, *нандай* ‘дать в долг’, *нундэй* ‘не уметь’, *нюндэй* ‘указывать, руководить’, *ӈэндэй* ‘идти делать что-л.’, *улгиндай* ‘качаться (на качелях)’, *хаӈандай* ‘шить’, *эндэй* (3-е л. ед. ч. *эн-сэ-н*) ‘болеть (о какой-л. части тела)’.

В целях экономии места склонение и спряжение слов, входящих в эту группу, не приводятся, так как они не отличаются от словоизменения и формообразования слов с основой на любой другой согласный.

В настоящем справочнике отсутствуют и некоторые другие материалы, существенные при изучении грамматики, но имеющие меньшее значение для описания орфографии — например, нет надобности приводить образцы образования притяжательных форм и склонения причастий, так как все эвенские причастия склоняются по тем же образцам, что и существительные с основой на гласный или согласный. Малополезным для

орфографии было бы приведение здесь материалов, описывающих образование наречий и послелогов. Тем не менее в справочник включены все таблицы, характеризующие образование основных грамматических форм имени и глагола.

Таблица 1

Образование притяжательных форм имен существительных

	Исходная форма	Основа на гласный		Основа на согласный		Основа на *-н*	
		хада ‘стадо’	*екэ* ‘котел’	*харак* ‘друг, приятель’	*нимэк* ‘сосед’	*харāн* ‘спальное место’	*төрэн* ‘язык, речь’
ед. ч.	1-е л.	*хадав*	*екэв*	*хараку*	*нимэку*	*хараму*	*төрэму*
	2-е л.	*хадас*	*екэс*	*харакас*	*нимэкэс*	*харанси*	*төрэнси*
	3-е л.	*хадан*	*екэн*	*харакан*	*нимэкэн*	*харанни*	*төрэнни*
мн. ч.	1-е л., искл. форма	*хадавун*	*екэвун*	*харакун*	*нимэкун*	*харамун*	*төрэмун*
	1-е л., вкл. форма	*хадат*	*екэт*	*харакат*	*нимэкэт*	*харанти*	*төрэнти*
	2-е л.	*хадасан*	*екэсэн*	*харакасан*	*нимэкэсэн*	*харансан*	*төрэнсэн*
	3-е л.	*хадатан*	*екэтэн*	*харакатан*	*нимэкэтэн*	*харантан*	*төрэнтэн*

Таблица 2

Образование притяжательных форм имен существительных с основой на *-н*

Исходная форма	Краткий гласный + *н*		Два согласных + гласный + *н*		Долгий гласный + *н*	
	аман ‘отец’	*энин* ‘мать’	*халган* ‘нога’	*хэнүэн* ‘колено’	*харан* ‘место в пологе’	*тэдэн* ‘место в юрте’
1-е л. ед. ч.	*амму*	*эньму*	*халгаму*	*хэнүэму*	*хараму*	*тэдэму*
2-е л. ед. ч.	*амансi*	*энинси*	*халганси*	*хэнүэнси*	*харанси*	*тэдэнси*
3-е л. ед. ч.	*аманни*	*энинни*	*халганни*	*хэнүэнни*	*харанни*	*тэдэнни*
1-е л. мн. ч., искл. форма	*аммун*	*эньмун*	*халнамун*	*хэнүэмун*	*харамун*	*тэдэмун*
1-е л. мн. ч., вкл. форма	*аманти*	*энинти*	*халганти*	*хэнүэнти*	*харанти*	*тэдэнти*
2-е л. мн. ч.	*амансан*	*энинсэн*	*халгансан*	*хэнүэнсэн*	*харансан*	*тэдэнсэн*
3-е л. мн. ч.	*амантан*	*энинтэн*	*халгантан*	*хэнүэнтэн*	*харантан*	*тэдэнтэн*
Безл. ед. ч.	*амми*	*эньми*	*халгами*	*хэнүэми*	*харами*	*тэдэми*
Безл. мн. ч.	*аммур*	*эньмур*	*халгамур*	*хэнүэмур*	*харамур*	*тэдэмур*

Таблица 3

Склонение имен существительных в единственном числе

Падеж	Основа на гласный		Основа на согласный			Основа на *-н*	
Именительный	*нюлка* ‘утес’	*өкрэ* ‘поляна’	*окат* ‘река’	*нам* ‘море’	*төүэр* ‘озеро’	*хиглан* ‘прорубь’	*мэгдын* ‘мыс’
Винительный	*нюлкав*	*өкрэв*	*окату*	*наму*	*төүэру*	*хиглам*	*мэгдым*
Дательный	*нюлкаду*	*өкрэду*	*окатту*	*намду*	*төүэрду*	*хигланду*	*мэгдынду*
Направительный	*нюлкатки*	*өкрэтки*	*окаттаки*	*намтаки*	*төүэртэки*	*хиглантаки*	*мэгдынтэки*
Местный	*нюлкала*	*өкрэлэ*	*окатла*	*намна*	*төүэрлэ*	*хигландула*	*мэгдындулэ*
Продольный	*нюлкали*	*өкрэли*	*окатли*	*намни*	*төүэрли*	*хигландули*	*мэгдындули*
Направительно-местный	*нюлкакла*	*өкрэклэ*	*окатакла*	*намакла*	*төүэрэклэ*	*хиглакла*	*мэгдыклэ*
Направительно-продольный	*нюлкакли*	*өкрэкли*	*окатакли*	*намакли*	*төүэрэкли*	*хиглакли*	*мэгдыкли*
Отложительный	*нюлкадук*	*өкрэдук*	*окаттук*	*намдук*	*төүэрдук*	*хигландук*	*мэгдындук*

Окончание табл. 3

Падеж	Основа на гласный		Основа на согласный			Основа на *-н*	
Исходный	*нюлкагич*	*өкрэгич*	*окаткич*	*намгич*	*төҥэргич*	*хигланич*	*мэгдыҥич*
Творительный	*нюлкач*	*өкрэч*	*окатач*	*намач*	*төҥэрэч*	*хиглань*	*мэгдынь*
Совместный	*нюлканюн*	*өкрэнюн*	*окатнюн*	*намнюн*	*төҥэрнюн*	*хигланнюн*	*мэгдыннюн*

Таблица 4

Склонение имен существительных во множественном числе

Падеж	Основа на гласный		Основа на согласный			Основа на *-н*	
Именительный	*нюлкал* ‘утесы’	*өкрэл* ‘поляны’	*окатал* ‘реки’	*намал* ‘моря’	*төҥэрэл* ‘озера’	*хиглар* ‘проруби’	*мэгдыр* ‘мысы’
Винительный	*нюлкалбу*	*өкрэлбу*	*окаталбу*	*намалбу*	*төҥэрэлбу*	*хигларбу*	*мэгдырбу*
Дательный	*нюлкалду*	*өкрэлду*	*окаталду*	*намалду*	*төҥэрэлду*	*хигларду*	*мэгдырду*
Направительный	*нюлкалтаки*	*өкрэлтэки*	*окаталтаки*	*намалтаки*	*төҥэрэлтэки*	*хиглартаки*	*мэгдыртэки*
Местный	*нюлкалдула*	*өкрэлдулэ*	*окаталдула*	*намалдула*	*төҥэрэлдулэ*	*хиглардула*	*мэгдырдулэ*
Продольный	*нюлкалдули*	*өкрэлдули*	*окаталдули*	*намалдули*	*төҥэрэлдули*	*хиглардули*	*мэгдырдули*
Направительно-местный	*нюлкалакла*	*өкрэлэклэ*	*окаталакла*	*намалакла*	*төҥэрэлэклэ*	*хиглараклa*	*мэгдырэклэ*
Направительно-продольный	*нюлкалакли*	*өкрэлэкли*	*окаталакли*	*намалакли*	*төҥэрэлэкли*	*хиглараклi*	*мэгдырэкли*
Отложенный	*нюлкалдук*	*өкрэлдук*	*окаталдук*	*намалдук*	*төҥэрэлдук*	*хиглардук*	*мэгдырдук*
Исходный	*нюлкалгич*	*өкрэлгич*	*окаталгич*	*намалгич*	*төҥэрэлгич*	*хигларгич*	*мэгдыргич*
Творительный	*нюлкалди*	*өкрэлди*	*окаталди*	*намалди*	*төҥэрэлди*	*хигларди*	*мэгдырди*
Совместный	*нюлкалнюн*	*өкрэлнюн*	*окаталнюн*	*намалнюн*	*төҥэрэлнюн*	*хигларнюн*	*мэгдырнюн*

Таблица 5

Разновидности склонения имен существительных с основой на *-н*

Падеж	Краткий гласный + *н*		Два согласных + гласный + *н*		Долгий гласный + *н*	
Именительный	*оран* ‘олень’	*эдэн* ‘ветер’	*халган* ‘нога’	*хэҥэн* ‘колено’	*харан* ‘спальное место в пологе’	*тэдэн* ‘спальное место в юрте’
Винительный	*орам*	*эдэм*	*халгам*	*хэҥэм*	*харам*	*тэдэм*
Дательный	*оранду*	*эдэнду*	*халганду*	*хэҥэнду*	*харанду*	*тэдэнду*
Направительный	*орантаки*	*эдэнтэки*	*халгантаки*	*хэҥэнтэки*	*харантаки*	*тэдэнтэки*
Местный	*орандула*	*эдэндулэ*	*халгандула*	*хэҥэндулэ*	*харандула*	*тэдэндулэ*
Продольный	*орандули*	*эдэндули*	*халгандули*	*хэҥэндули*	*харандули*	*тэдэндули*
Направительно-местный	*оракла*	*элэклэ*	*халгакла*	*хэҥэклэ*	*харакла*	*тэдэклэ*
Направительно-продольный	*оракли*	*эдэкли*	*халгакли*	*хэҥэкли*	*харакли*	*тэдэкли*
Отложительный	*орандук*	*эдэндук*	*халгандук*	*хэҥэндук*	*харандук*	*тэдэндук*

Окончание табл. 5

Падеж	Краткий гласный + *н*		Два согласных + гласный + *н*		Долгий гласный + *н*	
Исходный	*орӈич*	*эдӈич*	*халгаӈич*	*хэнӈэӈич*	*хараӈич*	*тэдэӈич*
Творительный	*орань*	*эдэнь*	*халгань*	*хэнӈэнь*	*харань*	*тэдэнь*
Совместный	*орнюн*	*эднюн*	*халганнюн*	*хэнӈэннюн*	*харанюн*	*тэдэннюн*

Таблица 6

Формы принадлежности единственного числа

Падеж	1-е л.	2-е л.	3-е л.	Безл.
Именительный: *моми* ‘лодка’, *элбэк* ‘полог’, *тэдэн* ‘место в юрте’	*момив, элбэку, тэдэму*	*момис, элбэкэс, тэдэнси*	*момин, элбэкэн, тэдэнни*	*момий, элбэки, тэдэми*
Винительный	*момиву, элбэку*[*в*], *тэдэму*[*в*]	*момивус, элбэкус, тэдэмус*	*момиван, элбэккӧн, тэдэмэн*	*момий, элбэки, тэдэми*
Дательный	*момидув, элбэктув, тэдэндув*	*момидус, элбэктус, тэдэндус*	*момидун, элбэктун, тэдэндун*	*момиды, элбэкти, тэдэнды*
Направительный	*момиткив, элбэктэкив, тэдэнтэкив*	*момиткис, элбэктэкис, тэдэнтэкис*	*момиткин, элбэктэкин, тэдэнтэкин*	*момиткий, элбэктэкий, тэдэнтэкий*
Местный	*момилав, элбэклэв, тэдэндулэв*	*момилас, элбэклэс, тэдэндулэс*	*момилан, элбэклэн, тэдэндулэн*	*момилай, элбэклэй, тэдэндулэй*
Продольный	*момилив, элбэклив, тэдэндулив*	*момилис, элбэклис, тэдэндулис*	*момилин, элбэклин, тэдэндулин*	*момилий, элбэклий, тэдэндулий*
Направительно-местный	*момиклав, элбэкэклэв, тэдэклэв*	*момиклас, элбэкэклэс, тэдэклэс*	*момиклан, элбэкэклэн, тэдэклэн*	*момиклай, элбэкэклэй, тэдэклэй*
Направительно-продольный	*момиклив, элбэкэклив, тэдэклив*	*момиклис, элбэкэклис, тэдэклис*	*момиклин, элбэкэклин, тэдэклин*	*момиклий, элбэкэклий, тэдэклий*
Отложительный	*момидукув, элбэктукув, тэдэндукув*	*момидукус, элбэктукус, тэдэндукус*	*момидукун, элбэктукун, тэдэндукун*	*момидуки*(*й*), *элбэктуки*(*й*), *тэдэндуки*(*й*)
Исходный	*момигидив, элбэккидив, тэдэӈидив*	*момигидис, элбэккидис, тэдэӈидис*	*момигидин, элбэккидин, тэдэӈидин*	*момигиди, элбэккиди, тэдэӈиди*
Творительный	*момидив, элбэкчив, тэдэидив*	*момидис, элбэкчис, тэдэндис*	*момидин, элбэкчин, тэдэндин*	*момиди, элбэкчи, тэдэнди*
Совместный	*моминюму, элбэкнюму, тэдэннюму*	*моминюнси, элбэкнюнси, тэдэннюнси*	*моминюнни, элбэкнюнни, тэдэннюнни*	*моминюми, элбэкнюми, тэдэннюми*
Назначительный	*момигаку, элбэккэку, тэдэӈгэку*	*момигас, элбэккэс, тэдэӈгэс*	*момиган, элбэккэн, тэдэӈгэн*	*момигай, элбэккэй, тэдэӈгэй*

Таблица 7

Формы принадлежности множественного числа

Падеж	1-е л., искл. форма	1-е л., вкл. форма	2-е л.	3-е л.	Безл.
Именительный: *моми* ‘лодка’, *элбэк* ‘полог’, *тэдэн* ‘место в юрте’	*момивун*, *элбэкун*, *тэдэмун*	*момит*, *элбэкэт*, *тэдэнти*	*момисан*, *элбэкэсэн*, *тэдэнсэн*	*момитан*, *элбэкэтэн*, *тэдэнтэн*	*момивур*, *элбэкур*, *тэдэмур*
Винительный	*момивун*, *элбэкувун*, *тэдэмун*	*момивут*, *элбэкут*, *тэдэмут*	*момивусан*, *элбэкусэн*, *тэдэмусэн*	*момивусан*, *элбэкусэн*, *тэдэмусэн*	*момивур*, *элбэкур*, *тэдэмур*
Дательный	*момидувун*, *элбэктувун*, *тэдэндувун*	*момидут*, *элбэктут-тэдэндут*	*момидусан*, *элбэктусэн*, *тэдэндусэн*	*момидутан*, *элбэктутэн*, *тэдэндутэн*	*момидур*, *элбэктур*, *тэдэндур*
Направительный	*момиткивун*, *элбэктэкивун*, *тэдэнтэкивун*	*момиткит*, *элбэктэкит*, *тэдэнтэкит*	*момиткисан*, *элбэктэкисэн*, *тэдэнтэкисэн*	*момиткитан*, *элбэктэкитэн*, *тэдэнтэкитэн*	*момиткивур*, *элбэктэкивур*, *тэдэнтэкивур*
Местный	*момилавун*, *элбэклэвун*, *тэдэндулэвун*	*момилат*, *элбэклэт*, *тэдэндулэт*	*момиласан*, *элбэклэсэн*, *тэдэндулэсэн*	*момилатан*, *элбэклэтэн*, *тэдэндулэтэн*	*момилавур*, *элбэклэвур*, *тэдэндулэвур*
Продольный	*момиливун*, *элбэкливун*, *тэдэндуливун*	*момилит*, *элбэклит*, *тэдэндулит*	*момилисан*, *элбэклисэн*, *тэдэндулисэн*	*момилитан*, *элбэклитэн*, *тэдэндулитэн*	*момиливур*, *элбэкливур*, *тэдэндуливур*
Направительно-местный	*момиклавун*, *элбэкэклэвун*, *тэдэклэвун*	*момиклат*, *элбэкэклэт*, *тэдэклэт*	*момикласан*, *элбэкэклэсэн*, *тэдэклэсэн*	*момиклатан*, *элбэкэклэтэн*, *тэдэклэтэн*	*момиклавур*, *элбэкэклэвур*, *тэдэклэвур*
Направительно-продольный	*момикливун*, *элбэкэкливун*, *тэдэкливун*	*момиклит*, *элбэкэклит*, *тэдэклит*	*момиклисан*, *элбэкэклисэн*, *тэдэклисэн*	*момиклитан*, *элбэкэклитэн*, *тэдэклитэн*	*момикливур*, *элбэкэкливур*, *тэдэкливур*
Отложительный	*момидукувун*, *элбэктукувун*, *тэдэндукувун*	*момидукут*, *элбэктукут*, *тэдэндукут*	*момидукусан*, *элбэктукусэн*, *тэдэндукусэн*	*момидукутан*, *элбэктукутэн*, *тэдэндукутэн*	*момидукур*, *элбэктукур*, *тэдэндукур*
Исходный	*момигидюн*, *элбэккидюн*, *тэдэӈидюн*	*момигидит*, *элбэккидит*, *тэдэӈидит*	*момигидисан*, *элбэккидисэн*, *тэдэӈидисэн*	*момигидитан*, *элбэккидитэн*, *тэдэӈидитэн*	*момигидюр*, *элбэккидюр*, *тэдэӈидюр*
Творительный	*момидивун*, *элбэкчивун*, *тэдэндивун*	*момидит*, *элбэкчит*, *тэдэндит*	*момидисан*, *элбэкчисэн*, *тэдэндисэн*	*момидитан*, *элбэкчитэн*, *тэдэндитэн*	*момидюр*, *элбэкчур*, *тэдэндюр*
Совместный	*моминюмун*, *элбэкнюмун*, *тэдэннюмун*	*моминюнти*, *элбэкнюнти*, *тэдэннюнти*	*моминюнсан*, *элбэкнюнсэн*, *тэдэннюнсэн*	*моминюнтан*, *элбэкнюнтэн*, *тэдэннюнтэн*	*моминюмур*, *элбэкнюмур*, *тэдэннюмур*
Назначительный	*момигакун*, *элбэккэкун*, *тэдэӈгэкун*	*момигат*, *элбэккэт*, *тэдэӈгэт*	*момигасан*, *элбэккэсэн*, *тэдэӈгэсэн*	*момигатан*, *элбэккэтэн*, *тэдэӈгэтэн*	*момигакур*, *элбэккэкур*, *тэдэӈгэкур*

Таблица 8

Притяжательное склонение существительного *оран* ‘олень’

Падеж	Единственное число			Множественное число			
	1-е л.	2-е л.	3-е л.	1-е л., искл. форма	1-е л., вкл. форма	2-е л.	3-е л.
Именительный	*орму*	*оранси*	*оранни*	*ормун*	*оранти*	*орансан*	*орантан*

Окончание табл. 8

Падеж	Единственное число			Множественное число			
	1-е л.	2-е л.	3-е л.	1-е л., искл. форма	1-е л., вкл. форма	2-е л.	3-е л.
Винительный	*орму(в)*	*ормус*	*орман*	*ормун*	*ормут*	*ормусан*	*ормутан*
Дательный	*орандув*	*орандус*	*орандун*	*орандувун*	*орандут*	*орандусан*	*орандутан*
Направительный	*орантакив*	*орантакис*	*орантакин*	*орантакивун*	*орантакит*	*орантакисан*	*орантакитан*
Местный	*орандулав*	*орандулас*	*орандулан*	*орандулавун*	*орандулат*	*орандуласан*	*орандулатан*
Продольный	*орандулив*	*орандулис*	*орандулин*	*орандуливун*	*орандулит*	*орандулисан*	*орандулитан*
Направительно-местный	*ораклав*	*ораклас*	*ораклан*	*ораклавун*	*ораклат*	*оракласан*	*оракласан*
Направительно-продольный	*ораклив*	*ораклис*	*ораклин*	*оракливун*	*ораклит*	*ораклисан*	*ораклитан*
Отложительный	*оран-дукув*	*орандукус*	*орандукун*	*орандукувун*	*орандукут*	*орандукусан*	*орандукутан*
Исходный	*орӈидив*	*орӈидис*	*орӈидин*	*орӈидивун*	*орӈидит*	*орӈидисан*	*орӈидитан*
Творительный	*орандив*	*орандис*	*орандин*	*орандивун*	*орандит*	*орандисан*	*орандитан*
Совместный	*ораннюму*	*ораннюнси*	*ораннюнни*	*ораннюмун*	*ораннюнти*	*орannюнсан*	*ораннюнтан*
Назначительный	*орӈаку*	*орӈас*	*орӈан*	*орӈакун*	*орӈат*	*орӈасан*	*орӈатан*

Таблица 9

Склонение существительных в безлично-притяжательной форме

Падеж	Единственное число			Множественное число		
	основа на гласный	основа на согласный	основа на *-н*	основа на гласный	основа на согласный	основа на *-н*
Именительный	*моми* ‘лодка’	*элбэк* ‘полог’	*оран* ‘олень’	*моми* ‘лодки’	*элбэк* ‘пологи’	*оран* ‘олени’
Винительный	*момий*	*элбэки*	*орми*	*момивур*	*элбэкур*	*ормур*
Дательный	*момиды*	*элбэкти*	*оранды*	*момидувур*	*элбэктур*	*орандувур*
Направительный	*момиткий*	*элюэктэкий*	*орантакий*	*момиткивур*	*элюэктэкивур*	*орантакивур*
Местный	*момилай*	*элбэклэй*	*орандулай*	*момилавур*	*элбэклэвур*	*орандулавур*
Продольный	*момилий*	*элюэклий*	*орандулий*	*момиливур*	*элюэкливур*	*орандуливур*
Направительно-местный	*момиклай*	*элбэкэклэй*	*ораклай*	*момиклавур*	*элбэкэклэвур*	*ораклавур*
Направительно-продольный	*момиклий*	*элбэкэклий*	*ораклий*	*момикливур*	*элбэкэкливур*	*оракливур*
Отложительный	*момидуки(й)*	*элбэктуки(й)*	*орандуки(й)*	*момидукур*	*элбэктукур*	*орандукур*
Исходный	*момигиди*	*элбэккиди*	*орӈиди*	*момигидюр*	*элбэккидюр*	*орӈидюр*
Творительный	*момиди(й)*	*элбэкчи*	*оранди*	*момидюр*	*элбэкчур*	*орандюр*
Совместный	*моминюми*	*элбэкнюми*	*орнюми*	*моминюмур*	*элбэкнюмур*	*орнюмур*
Назначительный	*момигай*	*элбэккэй*	*орӈай*	*момигавур*	*элбэккэвур*	*орӈавур*

Таблица 10

Склонение личных местоимений

Падеж	Единственное число			Множественное число			
	1-е л.	2-е л.	3-е л.	1-е л., искл. форма	1-е л., вкл. форма	2-е л.	3-е л.
Именительный	*би* ‘я’	*хи* ‘ты’	*ноӈан* ‘он(а)’	*бу* ‘мы (без вас)’	*мут* ‘мы (с вами)’	*ху* ‘вы’	*ноӈартан* ‘они’
Винительный	*мину*	*хину*	*ноӈман*	*муну*	*муту*	*хуну*	*ноӈарбутан*
Дательный	*минду*	*хинду*	*ноӈандун*	*мунду*	*мутту*	*хунду*	*ноӈардутан*
Направительный	*минтэки*	*хинтэки*	*ноӈантакин*	*мунтэки*	*муттэки*	*хунтэки*	*ноӈартакитан*
Местный	*миндулэ*	*хиндулэ*	*ноӈандулан*	*мундулэ*	*муттулэ*	*хундулэ*	*ноӈардулатан*
Продольный	*миндули*	*хиндули*	*ноӈандулин*	*мундули*	*муттули*	*хундули*	*ноӈардулитан*
Направительно-местный	*минэклэ*	*хинэклэ*	*ноӈаклан*	*мунэклэ*	*мутэклэ*	*хунэклэ*	*ноӈараклатан*
Направительно-продольный	*минэкли*	*хинэкли*	*ноӈаклин*	*мунэкли*	*мутэкли*	*хунэкли*	*ноӈараклитан*
Отложительный	*миндук*	*хиндук*	*ноӈандукун*	*мундук*	*муттук*	*хундук*	*ноӈардукутан*
Исходный	*мингич*	*хингич*	*ноӈангидин*	*мунгич*	*муткич*	*хунгич*	*ноӈаргидитан*
Творительный	*минэч*	*хинэч*	*ноӈандин*	*мунэч*	*мутэч*	*хунэч*	*ноӈардитан*
Совместный	*миннюн*	*хиннюн*	*ноӈнюнни*	*муннюн*	*мутнюн*	*хуннюн*	*ноӈарнюнтан*

Таблица 11

Склонение указательных местоимений

Падеж	*ирэк* ‘который’		*эрэк* ‘этот’		*тарак* ‘тот’	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
Именительный	*ирэк*	*ирэл*	*эрэк*	*эрэл*	*тарак*	*тарал*
Винительный	*ирэв*	*ирэлбу*	*эрэв*	*эрэлбу*	*тарав*	*таралбу*
Дательный	*иду*	*ирэлду*	*эду*	*эрэлду*	*таду*	*таралду*
Направительный	*иртэки*	*ирэлтэки*	*эртэки*	*эрэлтэки*	*тартаки*	*таралтаки*
Местный	*илэ*	*ирэлдулэ*	*элэ*	*эрэлдулэ*	*тала*	*таралдула*
Продольный	*или*	*ирэлдули*	*эли*	*эрэлдули*	*тали*	*таралдули*
Направительно-местный	*ирэклэ*	*ирэлэклэ*	*эрэклэ*	*эрэлэклэ*	*таракла*	*таралакла*
Направительно-продольный	*ирэкли*	*ирэлэкли*	*эрэкли*	*эрэлэкли*	*таракли*	*таралакли*
Отложительный	*идук*	*ирэлдук*	*эдук*	*эрэлдук*	*тадук*	*таралдук*
Исходный	*иргич*	*ирэлгич*	*эргич*	*эрэлгич*	*таргич*	*таралгич*
Творительный	*ирич*	*ирэлди*	*эрич*	*эрэлди*	*тарич*	*таралди*
Совместный	*ирнюн*	*ирэлнюн*	*эрэв*	*ирэлнюн*	*тарнюн*	*таралнюн*

Таблица 12

Склонение вопросительных местоимений

Падеж	*ӈи?* ‘кто?’		*як?* ‘что?’	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
Именительный	*ӈи*	*ӈие*	*як*	*ял*
Винительный	*ӈив*	*ӈиев*	*яв*	*ялбу*
Дательный	*ӈиду*	*ӈиеду*	*яду*	*ялду*
Направительный	*ӈитки*	*ӈиетки*	*ятки*	*ялтаки*
Местный	*ӈилэ*	*ӈиелэ*	*яла*	*ялдула*
Продольный	*ӈили*	*ӈиели*	*яли*	*ялдули*
Направительно-местный	*ӈиклэ*	*ӈиеклэ*	*якла*	*ялакла*
Направительно-продольный	*ӈикли*	*ӈиекли*	*якли*	*ялакли*

Окончание табл. 12

Падеж	*ӈи?* ‘кто?’		*як?* ‘что?’	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
Отложительный	*ӈидук*	*ӈиедук*	*ядук*	*ялдук*
Исходный	*ӈигич*	*ӈиегич*	*ягич*	*ялгич*
Творительный	*ӈич*	*ӈиеч*	*яч*	*ялди*
Совместный	*ӈинюн*	*ӈиенюн*	*янюн*	*ялнюн*

Таблица 13

Склонение вопросительных местоимений, соотносительных с именами прилагательными

Падеж	Значение					
	который (по счету, из ряда)?	который (из множества)?	какой (по величине)?	какой (по виду)?	какой (по качеству)?	сколько?
Именительный	*ирэк*	*авуг*	*асун*	*иррөчин*	*якавуг*	*ады*
Винительный	*ирэв*	*авугу*	*асум*	*иррөчим*	*якавугу*	*адыв*
Дательный	*ирду*	*якавугду*	*асунду*	*иррөчинду*	*якавугду*	*адыду*
Направительный	*иртэки*	*авугтаки*	*асунтаки*	*иррөчинтэки*	*якавугтаки*	*адытки*
Местный	*ирэклэ*	*авугла*	*асундула*	*иррөчиндулэ*	*якавугла*	*адыла*
Продольный	*ирэкли*	*авугли*	*асундули*	*иррөчиндули*	*якавугли*	*адыли*
Направительно-местный	*ирэкэклэ*	*авугакла*	*асукла*	*иррөчиклэ*	*якавугакла*	*адыкла*
Направительно-продольный	*икрэкэли*	*авугкали*	*асукли*	*иррөчикли*	*якавугкали*	*адыкли*
Отложительный	*ирдук*	*авугдук*	*асундук*	*иррөчиндук*	*якавугдук*	*адыдук*
Исходный	*иргич*	*авуггич*	*асуӈич*	*иррөчиӈич*	*якавуггич*	*адыгич*
Творительный	*ирэч*	*авугач*	*асунь*	*иррөчинь*	*якавугач*	*адыч*
Совместный	*ирнюн*	*авугнюн*	*асуннюн*	*иррөчиннюн*	*якавугнюн*	*адынюн*

Таблица 14

Образование основных разрядов имен числительных

Количественные	Порядковые	Повторительные	Умножительные	Собирательные	Ограничительные	Распределительные
өмэн	*өмнитэн*	*өмнэкэн*	*өмэрмэн*	*өмниди*	*өмэккэн*	*өмэтэл*
дөр	*гя*	*дөрэкэн*	*дөрмэн*	*дөридюр*	*дөкэкэр*	*дөтэл*
илан	*илитан*	*илракан*	*иларман*	*илнидюр*	*илкакар*	*илатал*
дыгэн	*дыгитэн*	*дыгрэкэн*	*дыгэрмэн*	*дыгнидюр*	*дыгкэкэр*	*дыгэтэл*
тунӈан	*тунӈитан*	*тунӈаракан*	*тунӈарман*	*тунӈидюр*	*тунӈккар*	*тунӈатал*
нюӈэн	*нюӈитэн*	*нюӈэрэкэн*	*нюӈэрмэн*	*нюӈидюр*	*нюӈэккэр*	*нюӈэтэл*
надан	*надытан*	*надаракан*	*надарман*	*надандюр*	*надаккар*	*надатал*
дяпкан	*дяпкитан*	*дяпкаракан*	*дяпкарман*	*дяпкандюр*	*дяпкаккар*	*дяпкатал*
уюн	*уюгитэн*	*уюрэкэн*	*уюрмэн*	*уюнидюр*	*уюкэкэр*	*уютэл*
мян	*мягитанн*	*мяракан*	*мярман*	*мянидюр*	*мякакар*	*мятал*

Таблица 15

Склонение количественных числительных *өмэн* ‘один’, *дөр* ‘два’, *илан* ‘три’

Падеж	*өмэн* ‘один’	*дөр* ‘два’	*илан* ‘три’
Именительный	*өмэн*	*дөр*	*илан*
Винительный	*өмэм*	*дөрбу*	*илам*

Окончание табл. 15

Падеж	*өмэн* ‘один’	*дёр* ‘два’	*илан* ‘три’
Дательный	*өмэнду*	*дёрду*	*иланду*
Направительный	*өмэнтэки*	*дёртэки*	*илантаки*
Местный	*өмэндулэ*	*дёрдулэ*	*иландула*
Продольный	*өмэндули*	*дёрдули*	*иландули*
Направительно-местный	*өмэклэ*	*дёрэклэ*	*илакла*
Направительно-продольный	*өмэкли*	*дёрэкли*	*илакли*
Отложительный	*өмэндук*	*дёрдук*	*иландук*
Исходный	*өмүич*	*дёргич*	*илүич*
Творительный	*өмэнь*	*дёрди*	*илань*
Совместный	*өмэннюн*	*дёрнюн*	*иланнюн*

Таблица 16

Склонение порядковых числительных *өмнитэн* ‘первый’, *гя* ‘второй’, *илитан* ‘третий’

Падеж	*өмнитэн* ‘первый’	*гя* ‘второй’	*илитан* ‘третий’
Именительный	*өмнитэн*	*гя*	*илитан*
Винительный	*өмнивутэн*	*гяв*	*иливутан*
Дательный	*өмнидутэн*	*гяду*	*илидутан*
Направительный	*өмнитки тэн*	*гятки*	*илиткитан*
Местный	*өмнилэтэн*	*гяла*	*илилатан*
Продольный	*өмнилитэн*	*гяли*	*илилитан*
Направительно-местный	*өмниклэтэн*	*гякла*	*иликлатан*
Направительно-продольный	*өмнклитэн*	*гякли*	*иликлитан*
Отложительный	*өмнидукутэн*	*гядук*	*илидукутан*
Исходный	*өмүидитэн*	*гягич*	*илигидитан*
Творительный	*өмнидитэн*	*гяч*	*илидитан*
Совместный	*өмнинюнтэн*	*гянюн*	*илинюнтан*

Таблица 17

Образование притяжательных форм порядковых числительных *өмнитэн* ‘первый’, *гя* ‘второй’, *илитан* ‘третий’

Исходная форма	*өмнитэн* ‘первый’	*гя* ‘второй’	*илитан* ‘третий’
1-е л. ед. ч.	*өмнив*	*гяв*	*илив*
2-е л. ед. ч.	*өмнис*	*гяс*	*илис*
3-е л. ед. ч.	*өмнин*	*гян*	*илин*
1-е л. мн. ч., искл. форма	*өмнивун*	*гявун*	*иливун*
1-е л. мн. ч., вкл. форма	*өмнит*	*гят*	*илит*
2-е л. мн. ч.	*өмнисэн*	*гясан*	*илисан*
3-е л. мн. ч.	*өмнитэн*	*гятан*	*илитан*
Безл. ед. ч.	*өмний*	*гяй*	*илий*
Безл. мн. ч.	*өмнивур*	*гявур*	*иливур*

Примечания. 1. В некоторых диалектах эвенов Якутии формы типа *өмнис*, *илис* являются единственными для порядковых числительных и не имеют категории принадлежности. 2. Безлично-притяжательные формы порядковых числительных равнозначны формам винительного падежа и в значении форм именительного падежа не употребляются.

Таблица 18

Образование притяжательных форм порядковых числительных второго десятка

Исходная форма	Составные формы	Сложные формы с послелогом	Составные формы	Сложные формы с послелогом
	мян өмэн ‘одиннадцать’	*мян өмэнь хулэк* ‘одиннадцать’	*мян илан* ‘тринадцать’	*мян илань хулэк* ‘тринадцать’
1-е л. ед. ч.	*мян өмнив*	*мягив өмэнь хулэк*	*мян илив*	*мягив илань хулэк*
2-е л. ед. ч.	*мян өмнис*	*мягис өмэнь хулэк*	*мян илис*	*мягис илань хулэк*
3-е л. ед. ч.	*мян өмнин*	*мягин өмэнь хулэк*	*мян илин*	*мягин илань хулэк*
1-е л. мн. ч., искл. форма	*мян өмнивун*	*мягивун өмэнь хулэк*	*мян иливун*	*мягивун илань хулэк*
1-е л. мн. ч., вкл. форма	*мян өмнит*	*мягит өмэнь хулэк*	*мян илит*	*мягит илань хулэк*
2-е л. мн. ч.	*мян өмнисэн*	*мягисан өмэнь хулэк*	*мян илисан*	*мягисан илань хулэк*
3-е л. мн. ч.	*мян өмнитэн*	*мягитан өмэнь хулэк*	*мян илитан*	*мягитан илань хулэк*
Безл. ед. ч.	*мян өмний*	*мягий өмэнь хулэк*	*мян илий*	*мягий илань хулэк*
Безл. мн. ч.	*мян өмнивур*	*мягивур өмэнь хулэк*	*мян иливур*	*мягивур илань хулэк*

Таблица 19

Разновидности спряжения глаголов с основой на *-н*

Лицо, число		Односложные глаголы и глаголы с основой на долгий гласный + согласный *-н*		Глаголы с двусложной основой на краткий гласный + согласный *-н*		Глаголы с суффиксом *-сан-/-сэн-*	
		муландай ‘жалеть’	*эмэндэй* ‘оставить’	*аландай* ‘перейти через перевал’	*дыкэндэй* ‘спрятаться’	*бодасандай* ‘последовать’	*хуклэсэндэй* ‘уснуть’
ед. ч.	1-е л.	*муланам*	*эмэнэм*	*алнам*	*дыкнэм*	*бодаснам*	*хуклэснэм*
	2-е л.	*мулананри*	*эмэнэнри*	*алнанри*	*дыкнэнри*	*бодаснанри*	*хуклэснэнри*
	3-е л.	*муланни*	*эмэнни*	*алнан*	*дыкнэн*	*бодаснан*	*хуклэснэн*
мн. ч.	1-е л., искл. форма	*мулану*	*эмэну*	*алну*	*дыкну*	*бодасну*	*хуклэсну*
	1-е л., вкл. форма	*муланап*	*эмэнэп*	*алнап*	*дыкнэп*	*бодаснап*	*хуклэснэп*
	2-е л.	*муланас*	*эмэнэс*	*алнас*	*дыкнэс*	*бодаснас*	*хуклэснэс*
	3-е л.	*мулан*	*эмэн*	*ална*	*дыкнэ*	*бодасна*	*хуклэснэ*

Таблица 20

Спряжение неправильных глаголов в настоящем времени

Исходная форма		Основа на гласный		Основа на согласный	
		с показателем *-са-/-сэ-*	с показателем *-да-/-дэ-*		
		бидэй ‘быть’	*одай* ‘стать’	*ŋалдай* ‘держать в руках’	*индэй* ‘нести на спине’
ед. ч.	1-е л.	*бисэм*	*одам*	*ŋалсам*	*инсэм*
	2-е л.	*бисэнри*	*оданри*	*ŋаланри*	*инэнри*
	3-е л.	*бисни*	*одни*	*ŋалсан*	*инсэн*
мн. ч.	1-е л., искл. форма	*бису*	*оду*	*ŋалсу*	*инсу*
	1-е л., вкл. форма	*бисэп*	*одап*	*ŋалсап*	*инсэп*
	2-е л.	*бисэс*	*одас*	*ŋалсас*	*инэс*
	3-е л.	*бис*	*од*	*ŋалса*	*инсэ*

Таблица 21

Спряжение неправильных глаголов в прошедшем времени

	Исходная форма	С основой на гласный		С основой на согласный	
		с показателем *-са-/-сэ-*	с показателем *-да-/-дэ-*		
		бидэй ‘быть’	*одай* ‘стать’	*ӈалдай* ‘держать в руках’	*индэй* ‘нести на спине’
ед. ч.	1-е л.	*бисив*	*одыв*	*ӈалсив*	*инсив*
	2-е л.	*бисис*	*одыс*	*ӈалсис*	*инсис*
	3-е л.	*бисин*	*одын*	*ӈалсин*	*инсин*
мн. ч.	1-е л., искл. форма	*бисивун*	*одывун*	*ӈалсивун*	*инсивун*
	1-е л., вкл. форма	*бисит*	*одыт*	*ӈалсит*	*инсит*
	2-е л.	*бисисэн*	*одысан*	*ӈалсисан*	*инсисэн*
	3-е л.	*биситэн*	*одытан*	*ӈалситан*	*инситэн*

Таблица 22

Образование отрицательных форм глаголов в настоящем времени изъявительного наклонения

	Исходная форма	Формы вспомогательного глагола	Формы знаменательного глагола в зависимости от основы						
			основа на гласный			основа на согласный			основа на *-н*
			хадай ‘знать’	*одай* ‘стать’	*бидэй* ‘быть’	*мялдай* ‘проснуться’	*иттэй* ‘смотреть’	*истай* ‘дойти’	*гөндэй* ‘говорить’
ед. ч.	1-е л.	*эсэм*	*хар*	*од*	*бис*	*мялра*	*иттэ*	*исса*	*гөн*
	2-е л.	*эсэнри*							
	3-е л.	*эсни*							
мн. ч.	1-е л., искл. форма	*эсу*							
	1-е л., вкл. форма	*эсэп*							
	2-е л.	*эсэс*							
	3-е л.	*эстэн*							

Таблица 23

Образование отрицательных форм глаголов в будущем времени изъявительного наклонения

	Исходная форма	Формы вспомогательного глагола	Формы знаменательного глагола в зависимости от основы						
			основа на гласный			основа на согласный			основа на *-н*
			хадай ‘знать’	*одай* ‘стать’	*бидэй* ‘быть’	*мялдай* ‘проснуться’	*иттэй* ‘смотреть’	*истай* ‘дойти’	*гөндэй* ‘говорить’
ед. ч.	1-е л.	*этэм*	*хар*	*од*	*бис*	*мялра*	*иттэ*	*исса*	*гөн*
	2-е л.	*этэнри*							
	3-е л.	*этэн*							
мн. ч.	1-е л., искл. форма	*этэру*							
	1-е л., вкл. форма	*этэп*							
	2-е л.	*этэс*							
	3-е л.	*этэр*							

Таблица 24

Образование отрицательных форм глаголов в прошедшем времени изъявительного наклонения

	Исходная форма	Формы вспомогательного глагола	Формы знаменательного глагола в зависимости от основы						
			основа на гласный			основа на согласный			основа на *-н*
			хадай ‘знать’	*одай* ‘стать’	*бидэй* ‘быть’	*мялдай* ‘проснуться’	*иттэй* ‘смотреть’	*истай* ‘дойти’	*гөндэй* ‘говорить’
ед. ч.	1-е л.	*эчу*	*хар*	*од*	*бис*	*мялра*	*иттэ*	*исса*	*гөн*
	2-е л.	*эчис*							
	3-е л.	*эч*							
мн. ч.	1-е л., искл. форма	*эчилбун*							
	1-е л., вкл. форма	*эчилти*							
	2-е л.	*эчилсэн*							
	3-е л.	*эчил*, *эчилтэн*							

Таблица 25

Образование условно-временных деепричастий

	Исходная форма	Основа на гласный		Основа на согласный		Основа на *-н*	
		хадай ‘знать’	*бөдэй* ‘дать’	*мялдай* ‘проснуться’	*ӈэлдэй* ‘бояться’	*мяндай* ‘удивиться’	*гөндэй* ‘сказать’
ед. ч.	1-е л.	*хараку*	*бөрэку*	*мялраку*	*ӈэлрэку*	*мянаку*	*гөнэку*
	2-е л.	*харакас*	*бөрэкэс*	*мялракас*	*ӈэлрэкэс*	*мянакас*	*гөнэкэс*
	3-е л.	*харакан*	*бөрэкэн*	*мялракан*	*ӈэлрэкэн*	*мянакан*	*гөнэкэн*
мн. ч.	1-е л., искл. форма	*харакун*	*бөрэкун*	*мялракун*	*ӈэлрэкун*	*мянакун*	*гөнэккун*
	1-е л., вкл. форма	*харакат*	*бөрэкэт*	*мялракат*	*ӈэлрэкэт*	*мянакат*	*гөнэкэт*
	2-е л.	*харакасан*	*бөрэкэсэн*	*мялракасан*	*ӈэлрэкэсэн*	*мянакасан*	*гөнэкэсэн*
	3-е л.	*харакатан*	*бөрэкэтэн*	*мялракатан*	*ӈэлрэкэтэн*	*мянакатан*	*гөнэкэтэн*

Таблица 26

Образование личных и безличных форм деепричастий цели

	Исходная форма	Основа на гласный		Основа на согласный		Основа на *-н*	
		хадай ‘знать’	*бөдэй* ‘дать’	*мялдай* ‘проснуться’	*ӈэлдэй* ‘бояться’	*мяндай* ‘удивиться’	*гөндэй* ‘сказать’
ед. ч.	1-е л.	*хадаку*	*бөдэку*	*мялдаку*	*ӈэлдэку*	*мяндаку*	*гөндэку*
	2-е л.	*хадас*	*бөдэс*	*мялдас*	*ӈэлдэс*	*мяндас*	*гөндэс*
	3-е л.	*хадан*	*бөдэн*	*мялдан*	*ӈэлдэн*	*мяндан*	*гөндэн*
	Безл.	*хадай*	*бөдэй*	*мялдай*	*ӈэлдэй*	*мяндай*	*гөндэй*
мн. ч.	1-е л., искл. форма	*хадакун*	*бөдэкун*	*мялдакун*	*ӈэлдэкун*	*мяндакун*	*гөндэкун*
	1-е л., вкл. форма	*хадакун*, *хадат*	*бөдэкун*, *бөдэт*	*мялдакун*, *мялдат*	*ӈэлдэкун*, *ӈэлдэт*	*мяндакун*, *мяндат*	*гөндэкун*, *гөндэт*
	2-е л.	*хадасан*	*бөдэсэн*	*мялдасан*	*ӈэлдэсэн*	*мяндасан*	*гөндэсэн*
	3-е л.	*хадатан*	*бөдэтэн*	*мялдатан*	*ӈэлдэтэн*	*мяндатан*	*гөндэтэн*
	Безл.	*хадавур*	*бөдэвур*	*мялдавур*	*ӈэлдэвур*	*мяндавур*	*гөндэвур*

Таблица 27

Образование форм одновременного деепричастия с суффиксами *-никан/-никар* и разновременного деепричастия с суффиксами *-риди/-ридюр*

Суффиксы	Основа на гласный		Основа на согласный		Основа на *-н*	
	хадай ‘знать’	*бөдэй* ‘дать’	*мялдай* ‘проснуться’	*ӊэлдэй* ‘бояться’	*мяндай* ‘удивиться’	*гөндэй* ‘сказать’
-никан	*ханикан*	*бөникэн*	*мялникан*	*ӊэлникэн*	*мяникан*	*гөникэн*
-никар	*ханикар*	*бөникэр*	*мялникар*	*ӊэлникэр*	*мяникар*	*гөникэр*
-риди	*хариди*	*бөриди*	*мялриди*	*ӊэлриди*	*мяниди*	*гөниди*
-ридюр	*харидюр*	*бөридюр*	*мялридюр*	*ӊэлридюр*	*мянидюр*	*гөнидюр*

Таблица 28

Образование форм условно-временного деепричастия с суффиксом *-ми*, деепричастия последовательного действия с суффиксом *-мнин* и деепричастия предела с суффиксом *-кан/-кэн*

Суффиксы	Основа на гласный		Основа на согласный		Основа на *-н*	
	хадай ‘знать’	*бөдэй* ‘дать’	*мялдай* ‘проснуться’	*ӊэлдэй* ‘бояться’	*мяндай* ‘удивиться’	*гөндэй* ‘сказать’
-ми	*хами*	*бөми*	*мялми*	*ӊэлми*	*мями*	*гөми*
-мнин	*хамнин*	*бөмнин*	*мяламнин*	*ӊэлэмнин*	*мямнин*	*гөмнин*
-кан/-кэн	*хакан*	*бөкэн*	*мялакан*	*ӊэлэкэн*	*мякан*	*гөкэн*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аврорин В.А. О категории времени и вида в нанайском языке // Язык и мышление. — М.; Л., 1948а. — Т. 11. — С. 29–55.

Аврорин В.А. Очерки по синтаксису нанайского языка: Прямое дополнение. — Л., 1948б. — 259 с.

Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка: Фонетическое введение и морфология именных частей речи. — М.; Л., 1959. — Ч. 1. — 282 с.

Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка: Морфология глагольных и наречных частей речи, междометий, служебных слов и частиц. — М.; Л., 1961. — Ч. 2. — 294 с.

Алексеев И.Е. Экспериментально-фонетические исследования языков народов Якутии (хронологический обзор) // Языки народов Якутии: Диалектология, экспериментальная лингвистика. — Якутск, 1989. — С. 88–96.

Алькор (*Кошкин*) *Я.П.* Письменность народов Севера // Сов. Север. — 1931. — № 10. — С. 102—121.

Амирова Т.А. К истории и теории графемики. — М., 1977. — 191 с.

Амирова Т.А. Функциональная взаимосвязь письменного и звукового языка. — М., 1985. — 286 с.

Андреева Т.Е. Словесное ударение в дисиллабах эвенкийского языка по экспериментальным данным // Языки Сибири и Монголии. — Новосибирск: Наука, 1987. — С. 152–163.

Андреева Т.Е. Звуковой строй томмотского говора восточного наречия эвенкийского языка. — Новосибирск, 1988. — 142 с.

Ануамта төрэн = Новое слово: Букварь. — Л., 1932.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М., 1969. — 608 с.

Белолюбская В.Г. Эвенский язык: Частицы. Послелоги. Союзы. — СПб.: Бельведер, 2003. — 114 с.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М.: Прогресс, 1974. — 448 с.

Богораз В.Г. Материалы по ламутскому языку // Тунгусский сборник. — Л., 1931. — Вып. 1. — С. 1–108.

Болдырев Б.В. Словообразование имен существительных в тунгусо-маньчжурских языках в сравнительно-историческом освещении. — Новосибирск: Наука, 1987. — 208 с.

Болдырев Б.В. Морфология эвенкийского языка. — Новосибирск: Наука, 2007. — 932 с.

Большакова Л.Е. Русско-эвенский разговорник: [Для ср. и ст. возраста]. — Магадан: Кн. изд-во, 1986. — 51 с.

Бондарко А.В. Функциональная грамматика. — Л., 1984. — 136 с.

Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. — 257 с.

Бондарко Л.В. Осциллографический анализ речи. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. — 47 с.

Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка: Учеб. пособие. — М.: Просвещение, 1977. — 176 с.

Бондарко Л.В., *Вербицкая Л.А.*, *Гордина М.В.* Основы общей фонетики. — Л., 1983. — 160 с.

Бондарко Л.В., *Кузнецов В.И.*, *Степанова С.Б.* Теоретические и практические проблемы транскрипции текста // Проблемы фонетики. — М., 1993. — С. 8–20.

Бурыкин А.А. К фонологической интерпретации некоторых явлений в вокализме диалектов эвенского языка // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. — Новосибирск, 1986. — С. 57–63.

Бурыкин А.А. Непродуктивные типы образования переходных и непереходных глаголов в эвенском языке // Проблемы фонетики и морфологии языков народов Севера. — Л., 1987. — С. 47–58.

Бурыкин А.А. Фольклор эвенов на страницах газеты «Оротты правда» // Краевед. зап. — Магадан, 1991. — Вып. 17. — С. 136–148.

Бурыкин А.А. Анализ учебников эвенского языка для 1–3-х классов начальной школы (лингводидактический и лингвистический аспекты) // Региональные проблемы образования, родные языки, традиционная культура народов Чукотки. — Анадырь, 1993. — Ч. 1. — С. 40–51.

Бурыкин А.А. Лингвистический и лингводидактический аспекты преподавания эвенского языка в начальной школе // Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. Проблемы сохранения и развития языков. — СПб., 1997. — С. 128–141.

Бурыкин А.А. Малые жанры эвенского фольклора: Исследование и тексты. — СПб.: Петерб. востоковедение, 2001. — 288 с.

Бурыкин А.А. Язык малочисленного народа в его письменной форме (на материале эвенского языка). — СПб.: Петерб. востоковедение, 2004. — 384 с.

Бурыкин А.А. Первое собрание образцов фольклора эвенов Якутии (к 135-летию издания) // Acta Linguistica Petropolitana. — СПб., 2007. — Т. 3, ч. 3. — С. 361–392.

Василевич Г.М. Учебник эвенкийского (тунгусского) языка. — М.; Л., 1934. — 160 с.

Василевич Г.М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. — Л., 1940. — 196 с.

Василевич Г.М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. — Л.: Изд-во АН СССР, 1948. — 365 с.

Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь (с прил. и грамматическим очерком эвенкийского языка). — М.: ГИС, 1958. — 802 с.

Вербицкая Л.А. Орфоэпия и вопросы культуры речи // Прикладное языкознание. — СПб., 1996. — С. 34–53.

Верте Л.А. Латеральные фонемы в казымском диалекте хантыйского языка // Фонетика сибирских языков. — Новосибирск, 1979. — С. 14–27.

Волков А.А. Грамматология. Семиотика письменной речи. — М., 1982. — 175 с.

Володин А.П. Ительменский язык. — Л.: Наука, 1976. — 426 с.

Володин А.П. Персональность в агглютинативных языках Евразии (на материале финно-угорских, самодийских, тюркских, тунгусо-маньяжурских, палеоазиатских и некоторых кавказских языков) // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. — Л.: Наука, 1991. — 370 с.

Гвоздев А.Н. Основы русской орфографии. — М., 1954. — 119 с.

Гельб И. Опыт изучения письма. Основы грамматологии. — М., 1982. — 366 с.

Герасимович Л.К. Монгольское стихосложение. — Л., 1975. — 128 с.

Горелова Л.М. Библиография по советскому тунгусо-маньчжуроведению [1970–1990 гг.]. — М., 1991. — 36 с.

Дешериев Ю.Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. — М., 1966. — 402 с.

Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика: К основам общей теории. — М., 1977. — 381 с.

Дуткин Х.И. О нисходящих и восходящих дифтонгоидных гласных эвенского языка (по материалам аллаиховского говора) // Проблемы фонетики и морфологии языков народов Севера. — Л., 1987. — С. 30–31.

Дуткин Х.И. Некоторые особенности вокализма эвенского языка (аллаиховский говор) // Языки народов Якутии: Диалектология, экспериментальная лингвистика. — Якутск, 1989а. — С. 106–114.

Дуткин Х.И. Основные особенности усть-янского говора эвенского языка // Языки народностей Севера: Грамматика, диалектология. — Якутск, 1989б. — С. 81–88.

Дуткин Х.И. Аллаиховский говор эвенского языка. — СПб.: Наука, 1995. — 144 с.

Дуткин Х.И., *Белянская М.Х.* Тундренный диалект западного наречия эвенского языка: Этнолингвистическое и этногеографическое исследование. — СПб.: Бельведер, 2009. — 168 с.

Дьяконов И.М. Письмо // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С. 375–379.

Евангелие от Матфея: Господа нашего Иисуса Христа от Матфея святое благовествование на тунгусском языке. — Казань, 1880.

Ефремов И.А. Час Быка. — М., 1995. — 580 с.

Жукова А.Н. Грамматика корякского языка: Фонетика, морфология. — Л.: Наука, 1972. — 333 с.

Журавлев В.К. Графема // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С. 117–118.

Зиндер Л.Р. Вопросы фонетики. — Л., 1948а. — 56 с.

Зиндер Л.Р. Экспериментальное изучение фонетики северных языков // Изв. АН СССР. Отд. лит. и языка. — 1948б. — Т. 7, вып. 6. — С. 579–581.

Зиндер Л.Р. Выступление // Вопросы терминологии. — М., 1961а.

Зиндер Л.Р. О создании единой транскрипции для языков народов СССР // Вопросы терминологии. — М., 1961б. — С. 88–91.

Зиндер Л.Р. Фонематическая сущность долгого палатализованного [s':] в русском языке // Филол. науки. — 1963. — № 2. — С. 137–142.

Зиндер Л.Р. Общая фонетика. — 2-е изд. — М., 1979. — 312 с.

Зиндер Л.Р. К вопросу об артикуляционной базе // Экспериментально-фонетический анализ речи. — Л., 1984. — Вып. 1. — С. 8–12.

Зиндер Л.Р. Очерк общей теории письма. — Л., 1987. — 114 с.

Зиндер Л.Р. Роль экспериментальной фонетики в фонологическом анализе языковых систем: Из истории фонетических исследований в Санкт-Петербургском университете // Вестн. СПбГУ. — 1995. — Сер. 2, вып. 4, № 23. — С. 32–40.

Зиндер Л.Р. Введение в теорию письма // Прикладное языкознание. — СПб., 1996. — С. 15–24.

Зиндер Л.Р. Теоретических курс фонетики современного немецкого языка. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. — 184 с.

Золхоев В.И. Фонология и морфонология агглютинативных языков. — Новосибирск: Наука, 1980. — 144 с.

Иванов Вяч. Вс. Алфавит // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С. 29–30.

Иванов С.А. Аканье и оканье в говорах якутского языка. — Якутск: Кн. изд-во, 1980. — 184 с.

Иванова В.Ф. Современный русский язык: Графика и орфография. — М.: Просвещение, 1976. — 288 с.

Иванова В.Ф. Принципы русской орфографии. — Л.: Изд-во Линингр. ун-та, 1977. — 230 с.

Иванова В.Ф. Графика // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990а. — С. 118.

Иванова В.Ф. Орфография // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990б. — С. 350–351.

Иванова В.Ф. Современная русская орфография. — М., 1991. — 192 с.

Иванова В.Ф. Орфография // Прикладное языкознание. — СПб., 1996. — С. 25–33.

Иванова В.Ф., *Осипов Б.И.* Хрестоматия по методике русского языка: Преподавание орфографии и пунктуации в общеобразовательных учебных заведениях. — М., 1995. — 342 с.

Кейметинова А.Д. Эвенско-русский тематический словарь: Пособие для учащихся нач. шк. — СПб.: Просвещение, 2003. — 53 с.

Князевская О.А. Русский алфавит // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С. 428–429.

Колесникова В.Д. Синтаксис эвенкийского языка. — М.; Л.: Наука, 1966. — 246 с.

Константинова О.А. Эвенкийский язык: Фонетика и морфология. — М.; Л.: Наука, 1964. — 272 с.

Краткий тунгусский словарь. — М.: Синод. тип., 1900. — 33 с.

Кузьмина Р.П. Язык ламунхинских эвенов. — Новосибирск: Наука, 2010. — 112 с.

Кузьмина Р.П., *Шарина С.И.* Особенности языка верхнеколымских эвенов. — Новосибирск: Наука, 2019. — 116 с. — (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; т. 39).

Лебедев В.Д. Особенности языка пенжинских эвенов Камчатки // Отчет [Рукопись]. — 1978а. — Архив ЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 14, ед. хр. 38.

Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии. — Л.: Наука, 1978б. — 207 с.

Лебедев В.Д. Охотский диалект эвенского языка. — Л.: Наука, 1982. — 241 с.

Левин В.И. Самоучитель эвенского языка. — М.; Л., 1935. — 269 с.

Левин В.И. Краткий эвенско-русский словарь (с приложением грамматического очерка). — Л., 1936. — 224 с.

Левин В.И. Танганмайду хупкучилдывун. Ноноп Ханин: Книга для чтения. — Л., 1937. — Ч. 1: Для 1-го класса эвенской (ламутской) начальной школы.

Леонтьев А.А. Функциональное использование звуковысотных различий в языках мира (обзор) // Теоретические проблемы фонетики и обучение произношению. — М., 1971. — С. 160–187.

Леонтьев В.В., *Новикова К.А.* Топонимический словарь Северо-Востока СССР. — Магадан: Кн. изд-во, 1989. — 456 с.

Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.). — Магадан: Кн. изд-во, 1984. — 176 с.

Мальчуков А.Л. К синтаксической интерпретации причастных предикативных конструкций в эвенском языке // Лингвистические исследования: Функционально-семантические аспекты грамматики. — М., 1987. — С. 50–59.

Мальчуков А.Л. Эвенский пассив в контексте каузативных форм // Лингвистические исследования: Проблематика взаимодействия языковых уровней. — Л., 1988. — С. 106–112.

Мальчуков А.Л. Синтаксис простого предложения в эвенском языке. — СПб.: Наука, 1999. — 256 с.

Мальчуков А.Л. Синтаксис эвенского языка: Структурные, семантические, коммуникативные аспекты. — СПб.: Наука, 2008. — 425 с.

Мальчуков А.Л., *Петров А.А.* Эвенско-русские языковые связи // Контактологический энциклопедический словарь-справочник. — М., 1994. — Вып. 1: Северный регион. Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в контактах с русским языком. — С. 229–238.

Маслов Ю.С. О типологии чередований // Звуковой строй языка. — М., 1979. — С. 195–201.

Маслов Ю.С. Грамматика болгарского языка. — М.: Высш. шк., 1981. — 407 с.

Материалы I Всерос. конф. по развитию языков и письменности народов Севера / Под ред. Я.П. Алькора (Кошкина), И.Д. Давыдова. — М.; Л., 1932. — 109 с.

Матусевич М.И. Вопросы фонетики. — Л., 1960. — 186 с.

Матусевич М.И. Современный русский язык: Фонетика. — М., 1976. — 222 с.

Матусевич М.И. Звуковой строй ламунхинского говора эвенского языка // Звуковой строй языка. — Л., 1979. — С. 202–212.

Моисеев А.И. Буквы и звуки. — Л.: Просвещение, 1969. — 112 с.

Моисеев А.И. Звуки и буквы, буквы и цифры. — М.: Просвещение, 1987. — 192 с.

Мусаев К.М. Алфавиты языков народов СССР. — М., 1965. — 86 с.

Наделяев В.М. Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. — Новосибирск, 1980. — С. 3–91.

Наделяев В.М. Теоретическое и практическое значение фонетических исследований по языкам народов Севера // Письменность народов Сибири: История и перспективы. — Новосибирск, 1981. — С. 11–37.

Наделяев В.М. Графика и орфография долганского языка // Экспериментальная фонетика сибирских языков. — Новосибирск, 1982. — С. 3–50.

Наделяев В.М. К типологии артикуляционно-акустических баз // Фонетические структуры в сибирских языках. — Новосибирск, 1986а. — С. 3–15.

Наделяев В.М. Циркумбайкальский языковой союз // Исследования по фонетике языков и диалектов Сибири. — Новосибирск, 1986б. — С. 3–4.

Николаева Т.М. Письменная речь и специфика ее изучения // Вопр. языкознания. — 1961. — № 3. — С. 78–86.

Новикова К.А. Ольский говор эвенского языка: Тез. дис. … канд. филол. наук. — Л., 1948. — 4 с.

Новикова К.А. О диалектной основе эвенского литературного языка // Совещание по языкам народов Севера: Тез. докл. — М.; Л., 1952. — С. 34–40.

Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка: Саккырырские говоры [Машинопись]. — 1955. — Рукописный фонд Нац. библ. РС (Я), ф. 2, оп. 8, д. 8, 338 л.

Новикова К.А. Основные правила произношения и правописания эвенского языка. — Л., 1958а. — 133 с.

Новикова К.А. Эвенский фольклор. — Магадан, 1958б. — 120 с.

Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка: Ольский говор. — М.; Л., 1961а. — Ч. 1. — 263 с.

Новикова К.А. Проект единой фонетической транскрипции для тунгусо-маньчжурских языков. — М.; Л., 1961б. — 101 с.

Новикова К.А. Эвенский язык // Языки народов СССР. — Л., 1968. — Т. 5: Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. — С. 88–108.

Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка: Ольский говор. — Л., 1980. — Ч. 2. — 244 с.

Новикова К.А. Эвенский язык // Языки мира: Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. — М., 1997. — С. 284–304.

Новикова К.А., *Гладкова Н.И.*, *Роббек В.А.* Эвенский язык: Учебник для пед. училищ. — Л.: Просвещение, 1991. — 304 с.

Новикова К.А., *Лебедев В.Д.* Правила орфографии эвенского языка. — Якутск, 1980. — 34 с.

Оненко С.Н. Усовершенствование нанайской орфографии: Препр. — Новосибирск, 1983. — 22 с.

Орлова Е.П. К вопросу создания письменности у народов Севера // Сов. Север. — 1932. — № 4. — С. 103–105.

Оротты правда. — 1939. — № 23 (67).

Орочельский словарь. — Магадан: Изд-во Дальстрой, 1933. — 63 с.

Паллас П.С. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею высочайшей особы. — СПб., 1787–1789. — Т. 1–2. — 496 с.

Петров А.А. Лексика, отражающая народное песенно-танцевальное искусство эвенов // Языки народностей Севера: Лексика, топонимика. — Якутск, 1988а. — С. 68–80.

Петров А.А. Названия народных музыкальных инструментов у эвенов // Вопросы лексики и синтаксиса языков народов Крайнего Севера СССР. — Л.: Изд-во Ленингр. пед. ин-та им. А.И. Герцена, 1988б. — С. 67–75.

Петров А.А. Лексика духовной культуры эвенов. — Л., 1991. — 80 с.

Петров А.А. Язык и духовная культура тунгусоязычных народов (этнолингвистические проблемы). — СПб.: Образование, 1998.

Петров А.А. Лексика духовной культуры тунгусоязычных народов. — Новосибирск: Наука, 2013. — 216 с. — (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; т. 30).

Петров А.А. Оленеводческая лексика эвенского языка: Этнолингвистический словарь: Учеб. пособие. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. — 128 с.

Петров А.А., *Федоренкова В.С.* Эвенско-русский и русско-эвенский словарь: Учеб. пособие. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. — 208 с.

Поливанов Е.Д. О политоническом ударении // Теоретические проблемы фонетики и обучение произношению. — М., 1971. — С. 198–223.

Радченко Г.Л. Акцентуация нанайского слова // Исследование языков народов СССР. — Новосибирск, 1985. — С. 114–131.

Ришес Л.Д. Арманский диалект эвенского языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук. — Л., 1947. — 20 с.

Ришес Л.Д. Русско-эвенский словарь. — М.; Л., 1950. — 259 с.

Ришес Л.Д. Некоторые данные по западному диалекту эвенского языка // Учен. зап. ЯФ СО АН СССР. — Якутск, 1955. — С. 179–203.

Ришес Л.Д. Основные особенности эвенских говоров Момского района Якутской АССР // Учен. зап. Ин-та языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР. — Якутск, 1958. — Вып. 5. — С. 76–91.

Роббек В.А. К вопросу о категории вида в эвенском языке // XXV Герценовские чтения: Филол. науки. Лингвистика. — Л., 1972а. — С. 166–169.

Роббек В.А. О видовых формах эвенского глагола // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. — Якутск, 1972б. — С. 53–63.

Роббек В.А. Виды глагола в эвенском языке. — Л., 1982. — 112 с.

Роббек В.А. Категория залоговости в эвенском языке. — Л., 1984. — 188 с.

Роббек В.А. Язык эвенов Березовки. — Л., 1989. — 206 с.

Роббек В.А. Грамматические категории эвенского глагола. — СПб.: Наука, 1992. — 166 с.

Роббек В.А. Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте. — Новосибирск: Наука, 2007. — 726 с.

Роббек В.А., *Дуткин Х.И.*, *Бурыкин А.А.* Словарь эвенско-русский и русско-эвенский. — Л.: Просвещение, 1988. — 264 с.

Роббек В.А., *Насилов Д.М.* Проблемы сохранения и развития языков народностей Севера на современном этапе // Просвещение на Крайнем Севере. — СПб., 1992. — Вып. 25. — С. 75–84.

Роббек В.А., *Роббек М.Е.* Эвенско-русский словарь. — Новосибирск: Наука, 2005. — 356 с.

Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. — М., 1979. — 224 с.

Селютина И.Я. Экспериментально-фонетические исследования языков народов Сибири: Итоги и перспективы // Языки, культура и будущее народов Арктики: Материалы междунар. конф. — Якутск, 1994. — С. 48–50.

Словарь русско-ламутский и русско-корякский. — Петропавловск-Камчатский, 1926. — 55 с.

Солнцев В.М. Язык и письмо (вместо предисловия) // Амирова Т.А. Функциональная взаимосвязь письменного и звукового языка. — М., 1985. — С. 3–17.

Спиридонов Н.И. Юкагирско-русский словарь. Эвенско-русский словарь / Сост. А.А. Бурыкин. — Якутск, 2003. — 57 с.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. — Л., 1975. — Т. 1: А–Н. — 672 с.; Л., 1977. — Т. 2: О–Э. — 992 с.

Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. — М.: Наука, 1991. — 298 с.

Суник О.П. О частях речи в тунгусо-маньчжурских языках // Вопросы сопоставления описательных грамматик. — М., 1961. — С. 101–119.

Суник О.П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках: Морфологическая структура и система глагольного слова. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. — 363 с.

Суник О.П. Существительное в тунгусо-маньчжурских языках (в сравнении с другими алтайскими языками). — Л.: Наука, 1982. — 242 с.

Супрун А.Е. Лекции по теории речевой деятельности. — Минск, 1996. — 287 с.

Томсон А.И. Общее языковедение. — Одесса, 1910. — 448 с.

Федоров А.И. Национально-языковые проблемы в Сибири и их решение // Вопр. языкознания. — 1983. — № 4. — С. 102–108.

Фетисов А.П. О Николае Прокопьевиче Ткачике // Эпос охотских эвенов. — Якутск, 1986. — С. 296–303.

Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. — М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1956. — Т. 1. — 452 с.

Харитонов Л.Н., *Убрятова Е.И. и др.* Грамматика современного якутского литературного языка. — М.: Наука, 1982. — Т. 1: Фонетика и морфология. — 496 с.

Хасанова М.М. Повелительное наклонение в эвенкийском языке. — Л.: Наука, 1986. — 104 с.

Храковский В.С., *Володин А.П.* Семантика и типология императива. Русский императив. — Л.: Наука, 1986. — 272 с.

Цинциус В.И. Эвенский (ламутский) язык // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. — Л., 1946. — Сер. филол. наук, вып. 10. — С. 198–219.

Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. — Л.: Учпедгиз, 1947. — 270 с.

Цинциус В.И. Очерк морфологии орочского языка // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. — 1949а. — Сер. востоковед. наук, № 98, вып. 1. — С. 119–160.

Цинциус В.И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. — Л.: Учпедгиз, 1949б. — 342 с.

Цинциус В.И., *Ришес Л.Д.* Русско-эвенский словарь. — М., 1952. — 778 с.

Цинциус В.И., *Ришес Л.Д.* Эвенско-русский словарь. — Л., 1957. — 276 с.

Шарина С.И. Категория количественности в эвенском языке. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. — 144 с.

Шарина С.И. Персональность и посессивность в эвенском языке. — Новосибирск: Наука, 2001. — 94 с.

Шарина С.И., *Кузьмина Р.П.* Нижнеколымский говор эвенского языка. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2018. — 184 с.

Шеворошкин В.В. Звуковые цепи в языках мира. — М., 1969. — 188 с.

Щерба Л.В. Фонетика французского языка. — 7-е изд. — М.: Высш. шк., 1963. — 308 с.

Эпос охотских эвенов. — Якутск: Кн. изд-во, 1986. — 304 с.

Якобсон Р.О. Словесное (языковое) общение // Общее языкознание: Хрестоматия / Сост. Б.И. Косовский. — Минск, 1976. — С. 113–120.

Benzing I. Lamutische Grammatik. — Wiesbaden, 1955. — 254 S.

Schiefner A. Beitrage zum Kentniss der Tungusischen Mundarten // Melanges Asiatiques. — 1859. — T. 3. — S. 682–706.

Schiefner A. Baron Gerhard von Maydell's Tungusische Sprachproben. Mitgeteilt von A. Schiefner // Bull. de l'Academie imperiale des sciences de St. Petersbourg. — 1873. — T. 20. — P. 209–246; 1873–1876. — Melanges asiatiques 7. — S. 323–377.

Schiefner A. Tungusische Miscellen. Von A. Schiefner // Bul. de l'Academie imperiale des sciences de St. Petersbourg. — 1874. — T. 20. — P. 247–257; 1873–1876. — Melanges asiatiques 7. — S. 378–394.

Sotavalta A. Westlamutische Materialen. Aufgezeichnet von Arvo Sotavalta. Bearbeitet und herausgegeben von Harry Halen. — Helsinki, 1978. — 212 S.

St. Matthew in Lamut. Debther. Debtelin. Materials for Central Asiatic and Altaic Studies, 5. — Budapest, 1984.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Ам — Амамич М.Н. Дэгэлэдилрилбу дэгилбу набутникан эмэкэр ирануграр = Не провожайте с тоской улетающих птиц. — Магадан, 1983. — 95 с.

БХ — Кривошапкин А.В. Бини — ач мудна хөвнэк = Жизнь — бесконечный перевал: Роман. — Якутск: Бичик, 2019. — 256 с.

Кр — Кривошапкин А.В. Уямкан көен = Рога уямкана. — Л., 1990. — 127 с.

ЛЕ — Лука Евангелиен. Бэкэлтэчэ ханилни / Тулмачимҥа Элрика В.С. = Евангелие от Луки / Пер. В.С. Элрика. — Стокгольм, 1995. — 32 с.

Н — Тайшина Е.И., Роббек В.А. Нөлтэк. — Якутск, 1992. — 64 с.

СЭ — Сказки эвенов [Рукопись]. — Якутск, 2008. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

ТК — Кейметинов В.С., Кейметинова А.Д. Таҥанмайду книга: 7–8 класстру = Книга для чтения: 7–8 классы. — Якутск: Бичик, 1996. — 212 с.

Тор — Кривошапкин А.В. Тормита буюсэмҥэ = Охотник Тормита. — Якутск: Бичик, 2018. — 208 с.

Шол — Шолохов М.А. Бэй бинилэн битлэ = Судьба человека / Пер. Н.А. Зыбина. — Магадан, 1985. — 54 с.

Эд — Кейметинов В.С. Эдек = Поэма. — Якутск, 1992. — 48 с.

ЭН — Эвэсэл төрэҥэтэн нимкарни = Сказки эвенской земли / Ред. А.И. Хардани. — Магадан, 1988. — 40 с.

Эп — Эпос охотских эвенов. — Якутск: Кн. изд-во, 1986. — 304 с.

ЭФ — Бурыкин А.А. Малые жанры эвенского фольклора: Загадки, пословицы и поговорки, запреты-обереги, обычаи и предписания, приметы: Исследование и тексты. — СПб.: Петерб. востоковедение, 2001. — 288 с.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Алл. — аллаиховский говор
анат. — анатомия
Бер. — березовский говор
букв. — буквально
Быстр. — быстринский говор
В.-К. — верхнеколымский говор
вост. — восточное наречие
диал. — диалектное
Д.-Ч. — догдо-чебогалахский говор
ед. ч. — единственное число
зап. — западное наречие
камч. — камчатский диалект
коряк. — корякский язык
Л. — ламунхинский говор
л. — лицо
лит. — литературное
мн. ч. — множественное число
Н.-К. — нижнеколымский говор
Ол. — ольский говор
Ох. — охотский диалект
рус. — русский язык
ср. — сравните
Тен. — тенькинский говор
Томп. — томпонский говор
У.-Я. — усть-янский говор
фолькл. — фольклорное
чукот. — чукотский язык
эвен. — эвенский язык
юкагир. — юкагирский язык
якут. — якутский язык

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ 5

ПРЕДИСЛОВИЕ 8

Глава 1
ФОНЕТИКА 12

Из истории изучения фонетики эвенского языка 12
Звуковой строй эвенского языка 21
Общие замечания 21
Гласные фонемы 24
Состав гласных 24
Различительные признаки эвенских гласных 25
Характеристики гласных фонем эвенского языка 26
Сингармонизм, или гармония гласных, в эвенском языке 36
Согласные фонемы 38
Общие замечания 38
Описание согласных фонем 39
Сочетаемость согласных фонем 45
Некоторые закономерности сочетаемости согласных фонем в эвенском языке 50
Чередование фонем 52
Общие замечания 52
Позиционные чередования 52
Непозиционные, или исторические, чередования 56
Фонетическая структура слога и слова 66
Соотношение фонологической и морфонологической структур слов и словоформ 68
Соотношение слоговой и морфемной структур словоформы 71
Фонологическая структура морфем и закономерности их сочетания в пределах словоформы 73
Фонологическая структура корневых морфем 74
Фонологическая структура суффиксальных морфем 74
Просодика слова. Ударение 77
Интонация 77
Орфоэпия 79
Нормативное произношение и повседневная речь 81
Нормативное произношение и язык фольклора 81
Нормативное произношение и диалекты 82
Нормативное произношение и индивидуальная речь 82
Нормативное произношение и чтение 83
Произносительные нормы эвенского языка 84

Орфофонические нормы эвенского произношения 85
Орфоэпические нормы эвенского произношения 86
Вопросы обучения эвенской орфоэпии 87
Транскрипция 88
Соотношение транскрипции и письма 93

Глава 2
ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ 96

Письменная форма языка и ее специфика 96
Отличия письменного и устного языка 97
Активное и пассивное пользование письменной формой языка . . . 100
Основные понятия теории письма 102
Основания принципов графики как возможных типов соотношения звуковых единиц и знаков алфавита 114
Иерархия значений букв. Алфавитные и неалфавитные значения букв 117
Соотношение понятий графики и орфографии. Основные принципы орфографии 121
Графика 125
Из истории эвенской письменности 125
История письменности у эвенов в XIX — первой четверти XX в. 126
Единый северный алфавит и письменность эвенов в 1931–1939 гг. 127
Эвенская графика на кириллической основе в 1937–1958 гг. . . . 129
Эвенская графика после 1958 г. 133
Попытки реформы эвенской графики в 1970–1980-е годы 135
Образцы разных графических систем эвенского языка 137
Региональные варианты эвенской графики 138
Алфавит и графика эвенского языка 142
Алфавит 142
Графика 144
Характеристика способов обозначения фонем эвенского языка на письме 150
Правила чтения букв 159
Общая характеристика правил графики 165
Отступления от фонематического принципа в эвенской графике 168
Орфография 173
Общие замечания 173
Основной принцип эвенской орфографии 175
Применение других орфографических принципов в эвенской орфографии 177
Проблемы кодификации письменной формы эвенского языка 179
Особенности употребления отдельных букв эвенского языка 181
Слова с буквой *ё* 181
Слова с буквой *ӧ* 181
Правописание грамматических форм эвенского языка 182
Правописание основ слов 182
Правописание словообразовательных и словоизменительных суффиксов 184
Правописание форм числа имени 186
Правописание падежных форм 187
Правописание притяжательных форм 188

Правописание имен прилагательных 192
Правописание имен числительных 193
Правописание глагольных форм 194
Правописание личных имен 200
Правописание географических названий 201
Правописание заимствованных слов 203
Правила переноса слов 203
Пунктуация 205
Проблемы реформирования эвенской графики и орфографии . . . 206
Трудные и нерешенные вопросы эвенской графики и орфографии 210
Проблемы обучения эвенской орфографии 219

Глава 3
МОРФОЛОГИЯ 225

Имя существительное 226
Формы числа имени 226
Формы падежей 227
Формы принадлежности 232
Притяжательное склонение существительных 232
Имя прилагательное 233
Синтаксические связи имен прилагательных 233
Категории меры признака и степени сравнения прилагательных 237
Местоимение 239
Личные местоимения 239
Притяжательные местоимения 244
Указательные местоимения 248
Определительные местоимения 251
Возвратное местоимение 257
Вопросительные местоимения 259
Неопределенные местоимения 261
Имя числительное 262
Разряды числительных 262
Синтаксические особенности имен числительных 278
Глагол 281
Изъявительное наклонение 281
Повелительное наклонение 288
Долженствовательное наклонение 295
Предположительное наклонение 297
Предостерегательное наклонение, или наклонение неочевидного действия 299
Сослагательное наклонение 301
Наклонение вероятности 302
Залоги глагола 303
Видовые формы глагола и глагольные формы, выражающие характер протекания действия 308
Причастие 328
Причастия настоящего времени 329
Причастия прошедшего времени (перфектные причастия) . . . 330
Причастия будущего времени 331
Причастия прошедшего времени с суффиксом *-даӈ-/-дэӈ-* 332
Причастия недавнопрошедшего времени 333

Причастия давнопрошедшего времени 334
Долженствовательные причастия 334
Причастия очевидности действия с суффиксом *-тна/-тнэ* . . . 336
Причастия обычно совершаемого действия 337
Причастия потенциально возможного действия 338
Страдательные причастия 339
Причастия удобства для совершения действия 339
Деепричастие 340
Условно-временные деепричастия 340
Деепричастия последовательного действия 343
Деепричастия предела 343
Деепричастия, различающие формы числа 344
Спрягаемые деепричастные формы 348
Деепричастная форма на *-длэ-* 352
Форма со значением невозможности/нежелания совершать действие 353
Форма со значением цели действия 356
Наречие 357
Служебные части речи 360
Послелоги 361
Союзы 365
Частицы 367
Соотношение морфологического состава эвенского письменного языка и ольского говора восточного наречия 369

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 371

ПРИЛОЖЕНИЕ. ГРАММАТИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК ПО ЭВЕНСКОМУ ЯЗЫКУ (ТАБЛИЦЫ) 375

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК 389

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ 397

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ 398

Научное издание

Бурыкин Алексей Алексеевич, **Шарина** Сардана Ивановна

ЭВЕНСКИЙ ЯЗЫК

ФОНЕТИКА. ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ. МОРФОЛОГИЯ

Редактор *Е.М. Исаевич*. Художественный редактор *Л.В. Матвеева*.
Художник *Ю.В. Антипова*. Технический редактор *Н.М. Остроумова*.
Корректоры *И.Л. Малышева*, *Л.А. Анкушева*.
Оператор электронной верстки *С.К. Рыжкович*

ISBN 978–5–02–041468–6

Подписано в печать 10.12.21. Формат $70\times100\,^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 32,6
Уч.-изд. л. 27,0. Тираж 300 экз. Заказ № 459.

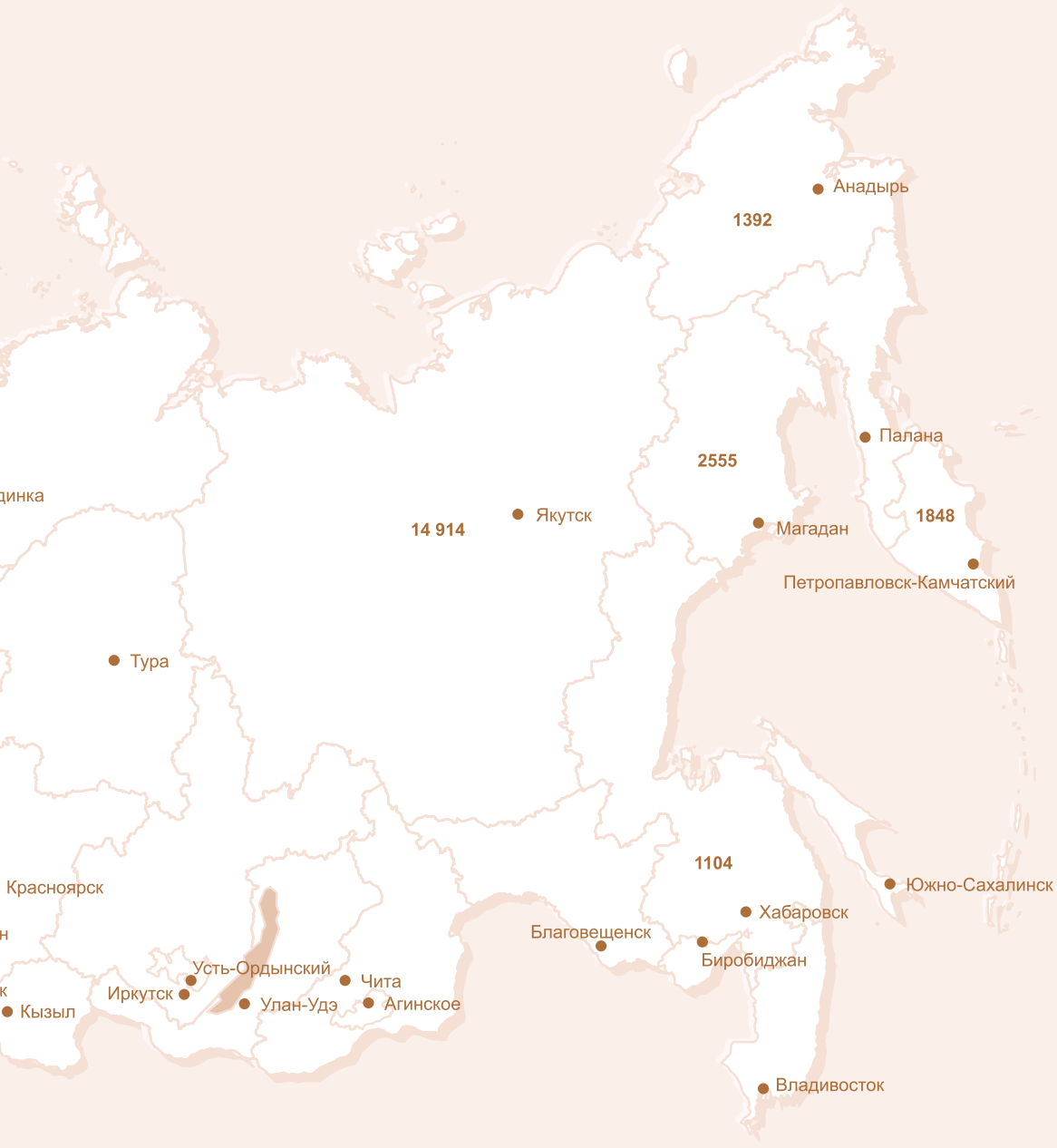
Новосибирский филиал ФГУП «Издательство «Наука».
630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.
(383)343-35-45, (383)344-33-75
rednauka@yandex.ru

Сайт издательства https://naukapublishers.ru
Сайт интернет-магазина «Академкнига» https://naukabooks.ru

Численность эвенов на территории РФ

по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.

Анадырь
1392
Палана
2555
динка
Якутск
14 914
Магадан
1848
Петропавловск-Камчатский
Тура
1104
Красноярск
Южно-Сахалинск
Хабаровск
Благовещенск
Биробиджан
Усть-Ордынский
Чита
Иркутск
Улан-Удэ
Агинское
Кызыл
Владивосток